ЗАПИСКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, № 39).
1889.

По опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета С.-Петербургскаго Университета печатать дозволяется.

Деканъ *И. Помяловскій.*

10 мая 1889 г.

ГОРОДА

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ XVI ВѢКѢ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. Д. ЧЕЧУЛИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, д. 39).
1889.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи я хотѣлъ изобразить состояніе въ XVI в. городовъ Московскаго государства—опредѣлить составъ ихъ населенія, занятія представителей каждаго сословія, ихъ повинности, указать особенности городскихъ поселеній въ разныхъ областяхъ тогдашней Россіи и т. д.,—словомъ, хотѣлъ изучить положеніе городовъ, какъ факторовъ культурно-экономической жизни; вопросовъ же о юридическихъ правахъ городскихъ жителей, объ отношеніяхъ къ городамъ и горожанамъ правительства и т. п. я почти совершенно не затрогивалъ, потому что они болѣе или менѣе удовлетворительно разработаны уже въ нашей литературѣ.

Конечно, подобное изслѣдованіе по исторіи XVI в. далеко не всегда можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, особенно относительно подробности и полноты, какія можно предъявлять къ подобнымъ изслѣдованіямъ вообще, такъ какъ окончательно опредѣляютъ степень возможной полноты и подробности дошедшіе до насъ отъ того времени источники, которые часто и немногочисленны и составлялись вовсе не съ тѣмъ, чтобы дать матеріалы, достаточные для подобнаго рода изслѣдованій. Свое изученіе я началъ не съ какого-либо другого времени, а именно съ XVI в., потому что только начиная съ него дошли до насъ сколько нибудь достаточные для подобной работы матеріалы; остановиться, не заходя въ XVII в., мнѣ казалось совершенно естественнымъ въ виду страшныхъ потрясеній всего государства, происшедшихъ въ самомъ началѣ XVII в., а изъ массы отдѣльныхъ, подобнаго же рода, вопросовъ я остановился именно на изученіи городовъ главнымъ образомъ въ виду того, что такъ было удобнѣе ограничить свой матеріалъ. Въ основаніе изслѣдованія съ такимъ общимъ характеромъ, какой хотѣлъ придать я своему труду, естественно

нужно было положить писцовыя книги, представляющія для подобныхъ вопросовъ главнѣйшія и дѣйствительно очень цѣнныя данныя, особенно по сравненію съ другими источниками. Но такъ какъ писцовыя книги почти совершенно еще не затронуты изученіемъ и такъ какъ мнѣ приходилось пользоваться главнымъ образомъ неизданными описаніями городовъ, то я считалъ необходимымъ такъ или иначе представить читателю по возможности весь матеріалъ, всѣ цифры и данныя, какія послужили мнѣ для того или другого вывода. Поэтому въ моей книгѣ приведено множество цифровыхъ данныхъ обо всѣхъ тѣхъ городахъ, которыхъ описанія сохранились до насъ. Кромѣ итоговъ, которые вообще подводятся въ писцовыхъ книгахъ очень нечасто и которые всегда мною провѣрены, я помѣстилъ еще довольно много итоговъ, составленныхъ самимъ мною на основаніи текста той или другой книги. Затѣмъ, такъ какъ при изученіи писцовыхъ книгъ раскрывалось очень много фактовъ, мнѣ кажется, совершенно новыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не въ одинаковой степени полноты и подробности, то было очень затруднительно, если не невозможно совсѣмъ, дать на основаніи писцовыхъ книгъ общую картину городовъ Московскаго государства въ XVI в. и безъ ущерба для полноты и ясности ея, и съ сохраненіемъ равномѣрности въ изложеніи разныхъ вопросовъ. Поэтому въ своемъ изслѣдованіи я разбираю сначала данныя объ отдѣльныхъ городахъ, а затѣмъ уже, въ послѣдней главѣ, дѣлаю общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в. Отъ такого способа изложенія, особенно вмѣстѣ съ массою цифровыхъ данныхъ, повсюду встрѣчающихся въ моей книгѣ, она, конечно, не выигрываетъ въ интересности для чтенія; но зато я думаю, что эти цифровыя данныя представляютъ нѣкоторый интересъ и имѣютъ нѣкоторое значеніе, хотя бы и оказалось, что мои выводы и заключенія на основаніи ихъ во многихъ даже случаяхъ недостаточны и невѣрны. Не мнѣ, конечно, судить тутъ о каждомъ данномъ случаѣ; я самъ, быть можетъ, болѣе всякаго другого, убѣжденъ, что въ моей книгѣ немало недочетовъ. Но, кромѣ сознанія дѣйствительно большихъ трудностей, представлявшихся при разработкѣ избранной мною темы, меня нѣ-

сколько утѣшаетъ мысль, что у меня, можно сказать, вовсе не было образцовъ для подобнаго изслѣдованія по русской исторіи, и еще надежда, что иногда, быть можетъ, тотъ или другой мой выводъ не невѣренъ, а только недостаточно ясно и убѣдительно для читателя изложенъ, что, мнѣ кажется, легко могло произойти отъ того, что у меня онъ слагался подъ впечатлѣніемъ иногда, безъ преувеличенія, тысячъ однородныхъ фактовъ и потому мнѣ представляется совершенно яснымъ, не будучи въ то же время таковымъ для читателя, неимѣвшаго такой, такъ сказать, подготовки къ выводу, и я надѣюсь поэтому, что иныя мои замѣчанія могутъ быть подтверждены другими работами въ такомъ же родѣ и направленіи.

Окончивши свою работу, я съ чувствомъ искренняго удовольствія вспоминаю вниманіе и поддержку которыя встрѣтилъ со стороны многихъ лицъ въ моемъ трудѣ. Глубокоуважаемымъ моимъ учителямъ профессорамъ *К. Н. Бестужеву-Рюмину* и *Е. Е. Замысловскому* приношу я здѣсь свою глубокую благодарность за ихъ внимательные указанія и совѣты, которыми я пользовался постоянно и широко во все время своей работы и благодаря которымъ устранилъ все-таки многія ошибки и промахи. *Л. Н. Майкову*, *А. И. Тимофѣеву* и *В. П. Ламбину* приношу свою искреннюю благодарность за ихъ любезное содѣйствіе при занятіяхъ моихъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ и въ Археографической Коммиссіи въ С.-Петербургѣ; особенно же признательную благодарность свидѣтельствую здѣсь *В. И. Холмогорову*, начальнику отдѣленія Московскаго Архива Министерства Юстиціи, который, своею по истинѣ рѣдкою любезностью, много облегчилъ мнѣ занятія въ этомъ древнехранилищѣ, откуда я извлекъ важнѣйшіе для себя матеріалы. Наконецъ, моимъ дорогимъ друзьямъ *С. Ѳ. Платонову*, *В. Г. Дружинину* и *С. М. Середонину* приношу горячую благодарность за ихъ постоянное вниманіе къ моему труду и разнообразное содѣйствіе, какое они оказывали мнѣ постоянно съ самою любезною готовностью.

Н. Чечулинъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Положеніе городовъ Московскаго государства нельзя считать достаточно разъясненнымъ въ нашей ученой литературѣ. Историки-юристы разсмотрѣли, дѣйствительно, съ достаточною полнотою права и обязанности городского населенія въ разныя эпохи, прослѣдили отношеніе къ городамъ законодательства, но что касается состава и занятій городскаго населенія и вообще фактическаго положенія городовъ, то обо всемъ этомъ мы имѣемъ только или мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія въ трудахъ по общей исторіи, или отдѣльныя главы въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ другимъ вопросамъ или другимъ эпохамъ; только одинъ Ильинскій хотѣлъ разсмотрѣть вопросъ о городахъ съ этихъ приблизительно сторонъ, но, къ сожалѣнію, трудъ его, столь интересный уже въ началѣ, остался далеко неоконченнымъ. При отсутствіи же такого изслѣдованія этого довольно сложнаго вопроса разные ученые, конечно, изображаютъ города Московскаго государства совершенно различно и даютъ характеристики ихъ иногда совершенно противорѣчащія одна другой; можно сказать, что по этому вопросу до сихъ поръ нѣтъ ни одного окончательно установленнаго положенія. Если въ чемъ сходятся тутъ разные изслѣдователи, то развѣ только въ убѣжденіи, къ тому же неправильномъ, что тогдашніе города были въ общемъ совершенно ничтожны; далѣе же—въ вопросахъ о составѣ городского населенія, о его занятіяхъ, объ общемъ характерѣ и культурномъ значеніи городовъ—господствуетъ полное разногласіе: одни ученые считаютъ города большими селами и утверждаютъ, что жители ихъ занимались по преимуществу хлѣбопашествомъ, какъ и сельчане; другіе же считаютъ города центрами торгово-промышленной дѣятельности, наконецъ, третьи—поселеніями съ чисто военнымъ характеромъ; но вообще, разбирая мнѣнія разныхъ

удовлетворяли села, ибо они ближе стояли къ деревнямъ [1]); а вскорѣ послѣ появленія книги Хлѣбникова Дитятинъ цѣликомъ повторилъ опредѣленіе города, данное Соловьевымъ [2]), и почти одновременно Ильинскій какъ основную точку своего изслѣдованія поставилъ опредѣленіе Костомарова, хотя и признавалъ, что онъ не опредѣлилъ точно, въ какой именно мѣрѣ присущъ былъ городу характеръ торговопромышленнаго центра [3]). Наконецъ, въ послѣднее время Симсонъ утверждалъ, что въ XVI в. населеніе городовъ было сплошь посадское и значительно болѣе многочисленное, чѣмъ въ XVII в. и что появленіе военнаго элемента въ городахъ замѣчается только со второй половины XVI [4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, множество противорѣчій въ мнѣніяхъ ученыхъ относительно занимающаго насъ вопроса [5]); ка-

[1]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 69, 5, 70.

[2]) *Дитятинъ*, Устройство и управленіе городовъ Россіи, I, 129.

[3]) *Ильинскій*, Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.— Ж. М. Н. Пр. 1876, ч. CLXXXV, 211.

[4]) *Симсонъ*, Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще отечественною исторіею. М. 1880 г., VI.

[5]) Мы умышленно привели мнѣнія крайнія, другъ другу противорѣчащія, чтобы указать, насколько недостаточно еще разработанъ изучаемый нами вопросъ. И у другихъ изслѣдователей, касавшихся его, находимъ замѣчанія такого же рода и такъ же оставляющія возможность самыхъ различныхъ опредѣленій и характеристикъ тогдашняго русскаго города, разъ только мы захотѣли бы представить положеніе городовъ и ихъ жителей нѣсколько подробнѣе. Такъ, *Неволинъ* (Общій списокъ русскихъ городовъ 27—31, въ VI т. Полн. собр. сочиненій) говоритъ, и то очень кратко, лишь о различныхъ значеніяхъ самаго слова «городъ» въ разные періоды русской исторіи и въ самыхъ общихъ чертахъ о составѣ и занятіяхъ его населенія; *Бѣляевъ* (Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 314, 321—323 и др.) говоритъ о положеніи городовъ, о дѣленіи земель на черныя и бѣлыя, о повинностяхъ съ первыхъ, о переходахъ ихъ къ бѣломѣстцамъ и т. д., исключительно на основаніи юридическихъ памятниковъ, опредѣлявшихъ правильныя, нормальныя отношенія, каковыя, конечно, не исключительно существовали; *проф. Сергѣевичъ* въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права, 659—660, говоритъ о составѣ городскаго населенія и объ его занятіяхъ въ общихъ чертахъ совершенно вѣрно; остроумныя и справедливыя замѣчанія объ юридическомъ положеніи черныхъ посадскихъ людей сравнительно съ крестьянами и вообще много вѣрнаго объ юридическомъ положеніи городовъ находимъ въ трудѣ *проф. Градовскаго*: Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. т. I, 146—150, но у обоихъ почтенныхъ изслѣдователей, по самому предмету и цѣлямъ ихъ изслѣдованія, конечно, нѣтъ ничего, ближе рисующаго фактическое положеніе городовъ, изученіе чего такъ

саясь его только мимоходомъ, ни одинъ изъ нихъ не привелъ въ пользу своего взгляда сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ. И ни одного изъ вышеприведенныхъ мнѣній нельзя признать вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ; всѣ они въ значительной степени страдаютъ односторонностью: каждое изъ нихъ отмѣчаетъ только одну какую-нибудь черту въ положеніи городовъ, игнорируя и иногда даже отрицая другія, часто не менѣе важныя; кромѣ того, почти всѣ изслѣдователи упустили изъ виду, что города разныхъ мѣстностей Московскаго государства отличались особыми чертами, и думали, что одна и та же характеристика достаточна для всѣхъ городовъ; только Соловьевъ избѣгъ этой ошибки. Все это совершенно объясняетея тѣмъ, что до недавняго сравнительно времени о положеніи городовъ было извѣстно еще недостаточно данныхъ, а потому распространено было совершенно неправильное мнѣніе, будто городскія поселенія тогдашнія были совершенно ничтожны; а вслѣдствіе этого убѣжденія изслѣдователи часто, ограничиваясь документами только одного какого-нибудь рода, иногда вовсе и неимѣвшими цѣлью полное и точное изображеніе города, полагали, что ихъ документы представляютъ всѣ свѣдѣнія, какихъ можно было искать по вопросу о положеніи городовъ, и на основаніи этихъ документовъ дѣлали свои характеристики, которыя, очевидно ,выходили невѣрными. Пользованіе источникомъ только одного какого-нибудь рода во многихъ случаяхъ наложило на выводы того или другого ученаго ясный отпечатокъ. Особенно замѣтно это при разсмотрѣніи того, что было высказано Хлѣбниковымъ и Симсономъ, взгляды

интересно историку. У *проф. Перетятковича* (Поволжье въ XVI в., 250—251) есть нѣсколько замѣчаній о составѣ и занятіяхъ населенія въ нѣкоторыхъ городахъ, но онъ не останавливался на этомъ вопросѣ спеціально, а сдѣлалъ свои замѣчанія на основаніи краткаго обозрѣнія книгъ Казани и Свіяжска, которыя у насъ обслѣдованы подробно. Укажемъ еще, что *Блюменфельдъ* (О формахъ землевладѣнія въ древней Руси, 326) думаетъ, что городъ составлялся изъ сліянія нѣсколькихъ селъ, слѣдовательно, являлся уже только тогда, когда существовало въ извѣстной мѣстности населеніе, между тѣмъ какъ существуетъ мнѣніе, что города заселялись въ каждой мѣстности прежде всего (*Костомаровъ,* Очеркъ домашней жизни и нравовъ, 7—8). Вообще, число примѣровъ неустановленности взглядовъ по нашему вопросу, побуждающей приняться за пересмотръ его, можно еще увеличить; спеціальнаго же изслѣдованія по этому вопросу, изслѣдованія, содержаніе и выводы котораго нужно было бы разсмотрѣть подробно, пока еще нѣтъ; по отдѣльнымъ вопросамъ, конечно, высказано уже много вѣрныхъ замѣчаній, которыми мы далѣе и воспользуемся.

которыхъ на положеніе городовъ въ XVI в., какъ мы видѣли, діаметрально противуположны: Хлѣбниковъ пришелъ къ своимъ выводамъ о преобладаніи въ городахъ военнаго элемента потому, что главнымъ образомъ, почти исключительно, основывался на книгахъ разрядныхъ, которыя, соотвѣтственно цѣли своего составленія, сообщаютъ свѣдѣнія почти исключительно о самыхъ окраинныхъ мѣстностяхъ, и потому о множествѣ городковъ, только что зарождавшихся и слѣдовательно небольшихъ; его характеристика была бы вѣрна, если бы онъ оговорилъ, что она относится лишь къ южнымъ, окраиннымъ городамъ; но онъ не только не сдѣлалъ этого, но еще допустилъ крупную ошибку, заключивши отъ незначительности числа посадскихъ людей въ этихъ городахъ въ XVII в., что ихъ было въ XVI в. еще меньше, даже вовсе не было, а такое заключеніе вовсе не оправдывается ближайшимъ изученіемъ положенія городовъ къ югу отъ Оки въ XVI в. Симсонъ же составилъ свое опредѣленіе городовъ XVI в. на основаніи *сотной на Серпуховскій посадъ,* т. е. документа, содержащаго данныя лишь о посадскомъ населеніи [1]), а для XVII в. онъ имѣлъ полную писцовую книгу того же города, гдѣ и нашелъ ратныхъ людей, въ его сотной XVI в. вовсе неупомянутыхъ, но вообще, несомнѣнно, жившихъ по городамъ и въ XVI в., въ однихъ мѣстностяхъ въ большемъ, въ другихъ въ меньшемъ числѣ.

Такое положеніе вопроса очевидно нельзя признать удовлетворительнымъ; отсутствіе его разработки составляетъ замѣтный пробѣлъ въ изученіи исторіи Московскаго государства; въ настоящемъ трудѣ мы дѣлаемъ попытку хотя отчасти заполнить этотъ пробѣлъ, предполагая представить очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в. Матеріаловъ для такой работы вполнѣ достаточно, хотя наиболѣе важные изъ нихъ находятся еще въ рукописяхъ. Для изслѣдованія о положеніи городовъ, особенно начиная съ XVII в., главнѣйшіе матеріалы заключаются въ сборникѣ «Городскія поселенія Россійской имперіи»; въ этомъ изданіи, по губерніямъ и городамъ, указаны, а иногда и перепечатаны, всѣ распоряженія правительства, относившіяся къ тому или другому городу, приведены разныя свѣдѣнія, имѣющія отношеніе къ городской администраціи и къ городскому хозяйству, наконецъ, помѣщены обозрѣнія историческихъ судебъ многихъ городовъ и ближайшихъ къ

---

[1]) *Неволинъ,* Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Екатерины II—Полн. Собр. Сочин., т. VI, 469—470.

нимъ мѣстностей. Всѣ эти данныя собраны, правда, изъ печатныхъ источниковъ, извѣстныхъ къ началу 60-хъ годовъ, такъ что теперь возможны уже и въ этомъ отношеніи нѣкоторыя дополненія; но во всякомъ случаѣ этотъ сборникъ имѣетъ большое значеніе, какъ сводъ главнѣйшихъ данныхъ о городахъ, особенно полный по вопросамъ, касающимся администраціи городовъ Но намъ, для изученія городовъ XVI в. со стороны состава и занятій ихъ населенія, для изученія ихъ какъ культурныхъ центровъ, главнѣйшіе матеріалы приходилось черпать изъ неизданныхъ еще писцовыхъ книгъ городовъ. Извѣстно уже давно, что въ писцовыхъ книгахъ заключается масса драгоцѣннѣйшихъ фактовъ для воспроизведенія вообще внутренняго состоянія Московскаго государства въ разные періоды. Отъ XVI в. до насъ дошли описанія 40 городовъ, описаніе иныхъ даже не въ одномъ документѣ; нашею главною задачею и будетъ разобрать этотъ матеріалъ. Изученіе писцовыхъ книгъ убѣдило насъ въ томъ, что именно ихъ нужно положить въ основу изслѣдованія о русскихъ городахъ въ XVI в., какъ и вообще всякаго изученія внутренняго положенія Московскаго государства, и ихъ уже данныя дополнять по другимъ источникамъ. Конечно, всѣ главныя событія и очень многіе вопросы права, многія стороны быта достаточно извѣстны по актамъ и лѣтописямъ; но писцовыя книги прибавляютъ множество существенно важныхъ данныхъ, которыхъ мы не можемъ почерпнуть ни изъ какого другого источника. Только съ помощью ихъ мы можемъ опредѣлить точно количество населенія въ разныхъ городахъ и его составъ и только тогда, очевидно, мы оцѣнимъ значеніе города сравнительно съ деревней и будемъ въ состояніи вѣрнѣе представить себѣ и оцѣнить то различіе въ положеніи людей разныхъ сословій, о какомъ узнаемъ мы изъ актовъ; только по писцовымъ книгамъ можемъ мы опредѣлить главное занятіе жителей и въ подробности разсмотрѣть, какія именно ремесла существовали въ томъ или другомъ городѣ, чѣмъ шла торговля, какъ распредѣлены были между разными сословіями и между отдѣльными лицами пашня и торговыя, промышленныя заведенія, какіе люди сколько платили и т. д., и такимъ образомъ, очевидно, очень существенно пополнить наши свѣдѣнія о тогдашнихъ городахъ вообще, а также и о внутренней торговлѣ и о промышленности, главныя свѣдѣнія о чемъ до сихъ поръ почерпались изъ таможенныхъ и откупныхъ грамотъ и другихъ подобныхъ актовъ; только по писцовымъ книгамъ можемъ мы составить себѣ ясное понятіе о размѣрахъ бѣгства тяглыхъ людей со своихъ мѣстъ, ука-

зать начало его по времени, опредѣлить области, откуда и куда особенно сильно шли отливъ и приливъ населенія, и такимъ образомъ приблизиться къ уясненію нѣкоторыхъ важныхъ, но темныхъ вопросовъ. Весьма важно также, что писцовыя книги даютъ намъ не единичные факты того или другого рода, по которымъ мы могли бы только составить себѣ представленіе вообще о той или другой категоріи явленій, а цѣлую массу фактовъ, можно сказать, всѣ факты, изъ круга указанныхъ выше вопросовъ, о городахъ, съ населеніемъ иногда въ нѣсколько тысячъ жителей; наконецъ, писцовыя книги описываютъ именно тò, и именно такъ, чтò и какъ было, а не сообщаютъ только, какъ многія правительственныя грамоты и челобитныя, чтò и какъ только должно было быть или не должно было быть,—въ виду всего этого естественно, что именно этотъ источникъ мы кладемъ въ основу нашего изслѣдованія.

Писцовыми книгами впервые воспользовался для изученія городовъ еще Ильинскій; но, во-первыхъ, его въ высшей степени интересный трудъ остался далеко неоконченнымъ: задумавши, въ видѣ введенія къ изслѣдованію «О прямыхъ налогахъ Московскаго государства въ XVI в.», опредѣлить численный составъ и размѣры платежныхъ силъ податныхъ классовъ, Ильинскій успѣлъ напечатать только очеркъ городскихъ поселковъ Новгородской области, а затѣмъ и постановка вопроса у него нѣсколько отличная отъ того, какъ ставимъ свою задачу мы. Въ своемъ очеркѣ онъ поставилъ свою задачу слѣдующимъ образомъ: принявши за исходную точку мнѣніе, что города были и прежде «пунктами торговой и промышленной дѣятельности», онъ хотѣлъ изучить положеніе вообще всѣхъ такихъ поселковъ въ XVI в., жители которыхъ занимались не земледѣліемъ, а торговлею и промыслами; «было бы ошибкою, говоритъ онъ, для всѣхъ мѣстностей принимать города за единственныхъ представителей той формы экономической дѣятельности, которую мы называемъ городскою, и по количеству ихъ судить о размѣрахъ этой дѣятельности въ отдѣльныхъ областяхъ русской территоріи. Если въ однѣхъ мѣстностяхъ количество ихъ вполнѣ исчерпывало потребности страны въ экономической дѣятельности этого рода, то въ другихъ оно, очевидно, было ниже уровня этой потребности и дополнялось поселками разныхъ названій, но съ городскимъ характеромъ экономической дѣятельности. Къ числу послѣднихъ принадлежала и область Великаго Новгорода въ XVI в.» [1]).

---

[1]) Статья *Ильинскаго*, въ Ж. М. Н. Пр. за 1876 г. ч., CLXXXV, 211, 213.

Авторъ основательно считаетъ представителями торговопромышленной дѣятельности въ этой области рядки, изученію которыхъ исключительно и посвящена его статья; при этомъ онъ не ограничивается даже одними рядками, а «за исходный пунктъ въ изысканіи поселковъ съ рядовскимъ характеромъ» принимаетъ «не названіе, а составъ поселка и его занятія» [1]. Съ такою постановкою вопроса можно согласиться, особенно, если въ своемъ изученіи авторъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ опредѣлить платежныя силы разныхъ классовъ населенія — тогда такая группировка его по занятіямъ является вполнѣ естественною. Но возможна и другая постановка вопроса: возможно изучать во всей подробности положеніе всѣхъ тѣхъ поселеній, которыя тогда носили названіе городовъ и только ихъ. И намъ кажется даже, что такая постановка будетъ болѣе правильна, потому именно, что она ничего не предрѣшаетъ: въ то время какъ Ильинскій считалъ аксіомою, отъ которой и отправлялся, что по своимъ занятіямъ жители городовъ и тогда отличались отъ жителей селъ и деревень, мы еще будемъ изучать во всей подробности, пожалуй во всѣхъ мелочахъ, составъ, занятія, повинности и другія экономическія отношенія городскихъ жителей, чтобы уже послѣ этого сказать, какое же было преобладающее занятіе жителей города и различались или нѣтъ между собою городъ и деревня, и если различались, то какія особенности города и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи какія присущи были тогдашнимъ городамъ особыя черты. И мы обращаемся теперь къ изученію только городовъ Московскаго государства вовсе не потому, что считаемъ городскихъ жителей классомъ значительно отличавшимся отъ другихъ по своимъ правамъ и обязанностямъ или даже хоть по занятіямъ; изъ дальнѣйшаго изложенія видно будетъ, что городское населеніе по составу было разнообразно и, конечно, всѣ обитатели города не были въ одинаковомъ положеніи относительно государственной власти и другъ друга; мы желаемъ разъяснить положеніе городовъ главнымъ образомъ какъ крупныхъ бытовыхъ единицъ, какъ культурныхъ центровъ; нашею главною цѣлью будетъ воспроизведеніе со всею возможною подробностью тѣхъ условій жизни, въ какихъ оказывался городской житель, тѣхъ фактическихъ отношеній, какія тогда существовали въ городѣ. Въ своемъ изслѣдованіи мы обращали главное вниманіе на эту сторону вопроса, хотя, впрочемъ, нѣсколько разъ намъ мимоходомъ

[1] *Тамъ же*, 246.

приходилось касаться и вопросовъ исторiи права, ибо въ писцовыхъ книгахъ во многихъ мелкихъ замѣчанiяхъ, въ итогахъ, въ разныхъ опредѣленiяхъ, встрѣчающихся при одномъ и томъ же собственномъ имени, раскрываются иногда очень важныя данныя для рѣшенiя разныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, обыкновенно считаютъ за особое сословiе торговыхъ людей [1]), хотя, правда, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ изслѣдованiй по нашему вопросу было уже высказано удивленiе, что судебникъ 1550 г. говоритъ о нихъ всего въ двухъ статьяхъ и то очень неопредѣленно [2]),—разсмотрѣнiе данныхъ о торговыхъ людяхъ, которыя почерпаемъ мы изъ писцовыхъ книгъ, подкрѣпляемое нѣсколькими мѣстами изъ актовъ, которыя одни, сами по себѣ, недостаточно ясны, дѣлаетъ совершенно несомнѣннымъ, что терминъ «торговые люди» въ частности обозначалъ вообще всѣхъ людей торговавшихъ, а затѣмъ—черныхъ людей вообще, въ противоположность людямъ служилымъ; точно такъ же разъясняется дѣленiе на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ людей, положенiе ремесленниковъ, по вопросу о чемъ встрѣчаемъ въ трудахъ ученыхъ мнѣнiя невполнѣ правильныя и опредѣленныя [3]); затѣмъ въ писцовыхъ книгахъ заключается много данныхъ о дворникахъ на осадныхъ дворахъ, которыхъ мы находимъ въ очень большомъ числѣ во многихъ пограничныхъ городахъ и общественное положенiе которыхъ доселѣ вовсе не было разъяснено; наконецъ, въ писцовыхъ же книгахъ можно почерпнуть нѣкоторыя очень цѣнныя указанiя относительно формъ землевладѣнiя и внутренняго устройства городской общины.

---

[1]) *Хлѣбниковъ*, О влiянiи общества, 77; *Ильинскiй*, въ Ж. М. Н. Пр. ч. CLXXXV, 230.

[2]) *Плошинскiй*, Городское или среднее состоянiе русскаго народа въ его историческомъ развитiи съ начала Руси до новѣйшихъ временъ. 1851, 88—89.

[3]) Такъ, *Бѣляевъ* устанавливаетъ отношенiе числа дворовъ лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, какое полагалось на соху — Лекцiи по исторiи русскаго законодательства, 323, но такой правильности мы отнюдь не можемъ признать; по мнѣнiю *Пригары*, ремесленники обыкновенно за кѣмъ нибудь записывались, Ж. М. Н. Пр. ч. CXXXV, 677—678; *Соколовскiй*, въ своемъ трудѣ: «Очеркъ экономическаго быта земледѣльческаго населенiя Россiи и колонизацiя юговосточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ», 10, говоритъ: «въ городахъ *еще* встрѣчаются самостоятельные ремесленники»; *Хлѣбниковъ*, О влiянiи общества на организацiю государства, 59, напротивъ, думалъ, что ремесленниковъ и въ деревняхъ было немало; *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованiя о культурномъ значенiи Византiи въ Русской исторiи, 367, говоритъ, что сосредоточивали въ своихъ рукахъ промышленныя операцiи страны монастыри и т. д.

Наша постановка вопроса, такимъ образомъ, обусловливаетъ и разнообразіе содержанія нашего изслѣдованія и неполноту его во многихъ частяхъ. Поставивши своею цѣлью изобразить положеніе городовъ, мы должны будемъ говорить о разныхъ сословіяхъ, о разныхъ классахъ людей, но лишь по стольку, по скольку то или другое имѣютъ отношеніе къ городу. Поэтому, хотя намъ въ своемъ изслѣдованіи придется довольно часто говорить о дѣтяхъ боярскихъ, о духовенствѣ, о ратныхъ людяхъ, но въ немъ не будетъ полнаго очерка положенія и службы этихъ людей; болѣе полнымъ будетъ очеркъ положенія посадскихъ тяглыхъ людей, потому что они имѣли главнѣйшее отношеніе къ городу; но и тутъ, весьма вѣроятно, окажется нѣсколько пробѣловъ, въ настоящее время для насъ невосполнимыхъ: такъ, напр., нѣсколько разъ намъ придется констатировать, что во владѣніи посадскихъ людей находились земли, даже съ живущими на нихъ крестьянами, не только въ уѣздѣ ихъ города, но даже въ уѣздѣ и другихъ городовъ,—но полнаго разсмотрѣнія этого, точнаго опредѣленія сколько изъ посадскихъ людей имѣли такія земли и сколько земли, въ какихъ отношеніяхъ стояли къ нимъ жившіе на такихъ участкахъ крестьяне — мы не можемъ дать, ибо для этого пришлось бы привлечь къ своему изученію всю массу писцовыхъ книгъ, при настоящемъ ихъ состояніи, когда огромное большинство ихъ даже не издано, не только что не затронуто изученіемъ, безъ преувеличенія—для одного человѣка необъятную. Вообще, на основаніи своего изслѣдованія мы можемъ утверждать то или другое положеніе относительно того или другого класса, но съ увѣренностью отрицать что-либо, какъ неприсущее ему, можемъ уже гораздо рѣже, ибо въ то время, какъ присутствіе тѣхъ или другихъ данныхъ въ писцовыхъ книгахъ есть, очевидно, совершенно достаточное доказательство существованія извѣстнаго рода явленій, извѣстныхъ характеристичныхъ чертъ въ положеніи того или другого сословія, — одно отсутствіе указаній на что-либо нельзя еще считать доказательствомъ, что и въ дѣйствительности этого не существовало. Такъ, напр., видя много ремесленниковъ въ городахъ, мы съ полною увѣренностью дѣлаемъ выводъ, что въ городахъ была довольно значительно развита промышленная дѣятельность, но отъ молчанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ писцовой книги самаго города о посадскихъ земельныхъ угодьяхъ мы еще не можемъ заключать, что въ данномъ случаѣ ихъ и не было вовсе; точно также, имѣя подробное описаніе торга въ томъ или другомъ городѣ, мы съ полнымъ

убѣжденіемъ говоримъ о распредѣленіи лавокъ и оброка между людьми разныхъ классовъ, слѣдовательно и о степени участія въ торговой дѣятельности каждаго сословія, о предметахъ торга и т. д.; но, не имѣя въ описаніи новгородскихъ пригородовъ 1500 г. перечисленія лавокъ, мы никакъ не станемъ заключать, что въ пригородахъ новгородскихъ лавокъ тогда и не было, а должны отнести это къ особенностямъ книги.

Наше изслѣдованіе есть, главнымъ образомъ, собраніе, группировка и разборъ данныхъ, представляемыхъ писцовыми книгами; въ зависимости отъ этого нѣкоторые вопросы, какъ мы дальше укажемъ точнѣе, будутъ нами разобраны весьма подробно, другіе — между прочимъ, о тяглѣ и о посошныхъ повинностяхъ — за отсутствіемъ о нихъ свѣдѣній во многихъ книгахъ — менѣе подробно; мы старались восполнять такіе пробѣлы по другимъ источникамъ; но и это далеко не всегда оказывалось возможнымъ; свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ намъ приходилось вообще пользоваться сравнительно гораздо менѣе; быть можетъ, въ естественномъ увлеченіи богатствомъ содержанія нашего основного источника, изъ котораго, къ тому же, ранѣе почти никто не черпалъ тѣхъ свѣдѣній, какія разбираемъ мы, мы и менѣе воспользовались указаніями другихъ источниковъ, чѣмъ бы это можно было сдѣлать; но намъ казалось очень часто, что свѣдѣнія о положеніи городовъ, какія получаемъ мы изъ другихъ источниковъ и которыя представляются дѣйствительно интересными, если нѣтъ другихъ, такъ далеко стоятъ, по степени своей полноты и точности, отъ того, что́ узнаемъ мы изъ писцовыхъ книгъ, что пользоваться ими нужно было очень рѣдко. Равнымъ образомъ, мы не представили хотя бы и краткаго обозрѣнія городовъ въ предыдущіе періоды именно потому, что для періодовъ болѣе раннихъ нѣтъ ничего, по степени полноты и подробности даже подобнаго тому, что мы узнаемъ о городахъ изъ писцовыхъ книгъ, такъ-что невозможно представить очеркъ городовъ въ предшествовавшее время, который бы разъяснялъ намъ приблизительно тѣ же вопросы и отношенія, изслѣдованіемъ которыхъ въ XVI в. мы занимались. Ограничиться же въ своемъ изслѣдованіи однимъ XVI в. мы считали вполнѣ удобнымъ, ибо какъ разъ въ началѣ XVII в. наступила тяжелая эпоха смуты, повліявшая значительно на все внутреннее состояніе Московскаго государства, такъ что положеніе городовъ въ первой четверти XVII в. очень разнится отъ положенія ихъ въ XVI в. Но мы убѣждены, что изслѣдованіе и съ такимъ ха-

рактеромъ, т. е. переработывающее содержаніе хотя бы и совсѣмъ однѣхъ только писцовыхъ книгъ и для одной только эпохи, при возможной полнотѣ и обстоятельности, будетъ все-таки не безполезнымъ, ибо оно можетъ установить нѣкоторыя существенныя черты относительно положенія того или другого класса и этимъ подготовлять возможность полной внутренней исторіи Московскаго государства; только множество изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, разбирающихъ отдѣльныя явленія, но зато со всею подробностью, сдѣлаетъ возможнымъ появленіе полной, научной внутренней исторіи Московскаго государства; тѣ соціально-экономическіе вопросы, которыми почти исключительно занимались въ своемъ изслѣдованіи мы, въ такой исторіи уже не должны будутъ, конечно, играть такой первенствующей роли и развѣ-что будутъ поставлены наряду съ изученіемъ умственнаго и нравственнаго состоянія тогдашняго общества; но мы считали бы себя вполнѣ удовлетворенными, если хотя на шагъ приблизили возможность такого общаго труда, если наше изслѣдованіе хоть сколько нибудь послужитъ для будущаго зданія внутренней исторіи Россіи.

Теперь же, прежде чѣмъ обратиться къ самому предмету своего изслѣдованія, намъ нужно остановиться на нѣсколькихъ предварительныхъ изысканіяхъ. Прежде всего мы должны опредѣлить сколько было въ XVI в. въ Московскомъ государствѣ городовъ, и какіе именно, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ и для какихъ областей могутъ имѣть значеніе наши выводы, основанные на извѣстныхъ въ настоящее время писцовыхъ книгахъ, ибо мы имѣемъ описанія не всѣхъ городовъ. Далѣе, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи о разныхъ городахъ находятся книги разныхъ наименованій — писцовыя, приправочныя, переписныя, платежныя, сотныя,—то нужно остановиться на вопросѣ: даютъ ли онѣ матеріалы одинаковые или разные, въ какой мѣрѣ полные, и если неполные, то какія именно свѣдѣнія заключаетъ каждая книга. Наконецъ, мы должны еще попытаться рѣшить вопросъ: сколько нужно считать въ то время всего людей—взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ,—среднимъ числомъ на одинъ дворъ, чтобы имѣть возможность опредѣлить общую цыфру населенія каждаго города, ибо книги XVI в. указываютъ точно всегда лишь цыфру дворовъ, относительно же людей даютъ только цыфру главъ семействъ — въ томъ числѣ и вдовъ съ дѣтьми, а перечисленія всѣхъ остальныхъ жителей города не даютъ.

Списокъ русскихъ городовъ есть въ извѣстной статьѣ Неволина [1]), но мы все-таки приведемъ здѣсь составленный нами, вопервыхъ потому, что у Неволина въ одной графѣ помѣщены свѣдѣнія о городахъ въ періодъ времени отъ 1462 до 1689 г., а насъ интересуютъ лишь города, существовавшіе въ XVI в., во-вторыхъ же потому, что составивши свой списокъ по главнѣйшимъ источникамъ для исторіи того времени, мы нашли у Неволина нѣкоторыя дополненія, но зато и со своей стороны можетъ, кажется, въ нѣсколькихъ случаяхъ пополнить его списокъ. Наиболѣе полными перечнями XVI и XVII вв. существовавшихъ тогда городовъ являются Судебникъ Іоанна Грознаго, его же духовное завѣщаніе [2]) и книга Большого Чертежа; но однихъ этихъ источниковъ недостаточно, ибо въ каждомъ изъ нихъ есть несомнѣнные пропуски; поэтому приходится привлекать по возможности бо́льшее число и разныхъ другихъ источниковъ; но, конечно, достигнуть совершенной полноты и точности тутъ очень трудно, и мы не убѣждены твердо, что нами не пропущенъ ни одинъ городъ, или не внесенъ въ списокъ городовъ XVI в. какой нибудь городъ по неточнымъ свѣдѣніямъ; мы рѣшаемся, однако, представить свой списокъ, во-первыхъ, какъ необходимое дополненіе къ нашему изслѣдованію, вовторыхъ потому, что доселѣ число городовъ въ XVI в. иные ученые считаютъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше, чѣмъ ихъ было въ дѣйствительности [3]). Въ свой списокъ мы вносили лишь города Европейской части тогдашней Россіи, совершенно оставляя въ сторонѣ города Сибирскіе; при тѣхъ городахъ, имена которыхъ есть и въ завѣщаніи Грознаго, и въ Книгѣ Большого Чертежа, и у Неволина, мы не дѣлаемъ никакихъ замѣчаній; въ другихъ же случаяхъ отмѣчаемъ, на основаніи чего мы внесли данный городъ въ свой списокъ; курсивомъ напечатаны имена городовъ, которыхъ описанія дошли до насъ въ писцовыхъ или другихъ подобныхъ книгахъ.

---

[1]) *Неволинъ*, Общій списокъ русскихъ городовъ, — Пол. собр. соч., т. VI, 27—96.

[2]) Д. А. И., I, № 222, 1572—1578.

[3]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 82: «всѣхъ городовъ по Судебнику Іоанна III было 63, по Судебнику Іоанна IV—68; въ 1610 г. ихъ было 138»; *Соловьевъ* считаетъ въ началѣ XVI в. въ Моск. государствѣ всего 96 городовъ, т. V, изд. 4, 178—179.

Алатъ [1]).—Алатырь.—Алексинъ.—Андреевъ [2]).—Арзамасъ.— Арскъ [3]).—Архангельскъ.—Астрахань.

Балахна.—Болховъ [4]).—Борисовъ.—Борисовъ [5]).—Боровскъ.— Брянскъ [6]).—Буй.—Бѣжецкій Верхъ [7]).—Бѣлая [8]).—Бѣлгородъ [9]).—Бѣлгородъ на Волгѣ [10]).—Бѣлевъ.—Бѣлоозеро [11]).

Важскій посадъ (?) [12]).—Валуйки [13]).—Васильгородъ.— Велижъ [14]).—*Велье* [15]).—*Веневъ*.—Верея.—Владиміръ.—Вологда.—*Володимерецъ* (Псковскій).—Волокъ-Ламскій.—Воро-

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1583 г.

[2]) По Неволину уп. подъ 1508 г. «въ Мещерѣ»; въ завѣщаніи нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Большого Чертежа (М. 1846) и въ завѣщаніи нѣтъ; Неволинъ отмѣчаетъ его существованіе и въ дальнѣйшее время; въ завѣщаніи упоминаются при Вятской землѣ Арскіе князья.

[4]) Въ завѣщаніи не упомянутъ; но въ Разрядахъ (Древняя Россійская Вивліоѳика, XIII, XIV) идутъ указанія воеводъ въ немъ въ 1556, 1559, 1563 и т. д. до 1572 г.; «въ 1565 г. ханъ подступалъ къ Болхову, но тамъ были воеводы съ ратными людьми и не дали татарамъ сжечь даже посада»—*Соловьевъ*, т. VI, изд. 4. 255.

[5]) Одинъ на р. Протвѣ, другой близъ Донца, основаны въ 1599, 1600 г, Нов. лѣтописецъ, 53—54.

[6]) Въ завѣщаніи читаемъ подрядъ: «Велижъ, Заволочье, Себежъ, Поповичи, Холмъ, Велье, *Буецъ*, Невль, Острое, Торопецъ» и т. д.; но болѣе нигдѣ городъ Вуецъ не указанъ, и во всякомъ случаѣ вся эта область была вскорѣ утрачена.

[7]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ.

[8]) Въ книгѣ Большого Чертежа и у Неволина нѣтъ; въ завѣшаніи идетъ въ такомъ порядкѣ: «Можайскъ, Вязьма, Козловъ, Дорогобужъ, Бѣлая, Смоленскъ».

[9]) Основанъ въ 1599 г.—Новый лѣтописецъ (М. 1853), 53.

[10]) Въ книгѣ Большого Чертежа не упомянутъ; у Неволина отмѣченъ въ слѣд. періодѣ уже несуществующимъ; въ завѣщаніи упомянутъ въ такомъ ряду: «Юрьевъ Польскій, Бѣлгородъ, Городецъ, Романовъ на Волгѣ»; Бѣлгородъ подъ Тверью упоминается въ лѣтописяхъ—П. С. Р. Л., IV, 70, подъ 1375 г. и др.

[11]) Въ книгѣ Большого Чертежа не упомянуто.

[12]) Вѣрнѣе, что это былъ не городъ, а, какъ онъ и назывался всегда, посадъ. Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; у Неволина отмѣчена Вага 1137 г., и указано ея существованіе до 1780 г., когда Вага переименована въ Шенкурскъ—см. Карамзинъ, X, пр. 25.

[13]) Основанъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ—Нов. лѣтописецъ, 40.

[14]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; у Неволина отмѣченъ въ Россіи въ періодъ времени 1536—1582.

[15]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; по Неволину принадлежалъ Россіи въ періодъ времени 1536—1582.

нежъ [1]).—*Вороночъ*.—Воротынскъ.—*Вревъ* [2]).—*Выборъ*.—Высокое [3]).—Вычегда [4]).—Вышгородъ (на Поротвѣ).—*Вышгородъ* [5]) (Псковскій).—Вязьма.

Галичъ.—*Гдовъ*.—Городецъ [6]).—Городецъ (на Мологѣ) [7]).—Гороховецъ [8]).

Деманъ [9]).—Дмитровъ.—Донковъ. — Дорогобужъ. — *Дубковъ*.—*Дѣдиловъ* [10]).

Елабуга (?) [11]).—Елатьма [12]).—Елецъ.—Емецкій городокъ.—*Епифанъ* [13]).

---

[1]) Основанъ въ 1586 г.—Городскія поселенія Россійской имперіи, I, 420; Неволинъ, кажется, ошибочно отмѣчаетъ непрерывное существованіе Воронежа со времени перваго его упоминанія подъ 1177 г.

[2]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Большого Чертежа нѣтъ; кромѣ упоминанія его въ завѣщаніи, у Ильинскаго читаемъ: «Деманъ и Высокое въ продолженіе всего почти XVI в. слыли подъ названіемъ городовъ» (Ж. М. Н. Пр., ч. CLXXXV, 212), причемъ указана даже рукопись, содержащая его описаніе.

[4]) Въ книгѣ Б. Ч. города такого нѣтъ, есть только рѣка; по Судебнику ѣзду 7 рублей; Неволинъ въ періодъ времени 1462—1689 отмѣчаетъ только «Вычегда» и даже не указываетъ существованія ея далѣе.

[5]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[6]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; въ завѣщаніи Іоанна III данъ великому кн. Василію при Тарусѣ (С. Г. Гр. и Д., I., № 144, 1504)—вѣроятно, его имѣлъ въ виду Неволинъ, указывая Городецъ въ нынѣшней Калужской губ.

[7]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; вѣроятно, это Городецъ на Мологѣ, указываемый Неволинымъ и въ завѣщаніи упоминаемый рядомъ съ Микулинымъ.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[9]) Въ завѣщаніи названъ городомъ, но въ книгѣ Б. Ч. отмѣченъ монастыремъ; а тогда дѣйствительно нерѣдко монастыри назывались городами—см. объ этомъ у *Неволина*, Полное собраніе сочиненій, VI, 27—28 и у *Оглоблина*: «Обозрѣніе историкогеографическихъ матеріаловъ XVII и XVIII в., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа»—въ четвертомъ томѣ «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.», 201.

[10]) Въ завѣщаніи нѣтъ; хотя по Никоновской (ч. VII, 214—215) и Львовской (V, 36) лѣтописямъ основанъ въ 1554 г.; замѣтимъ кстати, что Львовская лѣтопись сравнительно чаще прочихъ говоритъ объ основаніи городовъ

[11]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину городъ Елабуга существовалъ съ 1708 по 1780 г.; но въ Городскихъ поселеніяхъ, II, 14, сказано, что основанъ въ 1552 г.

[12]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но въ А. Ю. № 161 упоминается отъ 1426 до 1584; также подъ 1542 г. въ Царственной книгѣ, 106.

[13]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но существуетъ писцовая книга Епифани, составленная въ 1571—1572 гг.

Заволочье.—Зарайскъ [1])—Звенигородъ. — Зубцовъ [2]).—*Иванъ-городъ.*—*Изборскъ.*

Кадомъ.—*Казань.* — Кай [3]). — Калуга. — Канкоръ [4]). — Карачевъ.—*Каргополь* [5]). —Касимовъ [6]).—Кашинъ.—*Кашира.*—Кергеданъ [7]). — Кинешма [8]). — Клинъ. — *Кобылье.* — Козельскъ. — Кокшенга [9]).—Кола [10]).—*Коломна.—Копорье.* — Копье [11]).— *Корела.*—Коряковъ [12]).—Кострома.—Кошкинъ [13]).—Крапивна [14]).—*Красный.*—Кромы—Курескъ (на Ловати). [15]).—Курмышъ [16]).—Курскъ [17]).—

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ, но въ Царственной книгѣ, 107, подъ 1542 г. упоминается, что подъ Зарайскъ приходили крымцы; по Разрядамъ воеводы тутъ упоминаются съ 1556 г.; отъ 1598 г. сохранилась его платежная книга.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[3]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1581 г.

[4]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; поставленъ, съ Кергеданомъ, Строгановыми въ 1559—1564 гг.; Кергеданъ былъ со стѣнами всего въ 30 саженъ—*Соловьевъ*, т. VI, изд. 4, 367.

[5]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но Каргопольскій намѣстникъ упоминается подъ 1546 г., А. А. Э., I., № 211; отъ 1561—1564 г. существуетъ его переписная книга—Олонец. Губ. Вѣд., 1854 г., №№ 23—31. Карголомъ не внесенъ нами въ списокъ, ибо ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч. не упомянутъ, по Неволину упоминается подъ 1487 г. (по Архангелогородскому же лѣтописцу подъ 1389).

[6]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но имя это появляется и идетъ непрерывно съ 1471 г.—*Вельяминовъ-Зерновъ*, Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I, 41.

[7]) См. примѣчаніе о г. Канкорѣ.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упоминается въ 1536 г.; въ наказѣ посламъ въ Литву велѣно говорить о кн. И. П. Шуйскомъ, что онъ живетъ у себя на отчинѣ въ Кинешмѣ, что это «городъ у него большой на Волгѣ, государь ему пожаловалъ за Псковскую осаду»—*Соловьевъ,* VII, изд. 4, 1879 г., 236.

[9]) Поставленъ въ 1574 по Разрядамъ и при Ѳ. Ив. по Новому лѣтописцу, 94; Неволинъ принимаетъ 1574 г.

[10]) По Неволину основанъ въ 1264 г.; въ завѣщаніи нѣтъ.

[11]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; поставленъ въ 1567 г.—П. С. Р. Л., IV, 317.

[12]) По Неволину уп. подъ 1536 г.; ни въ завѣщаніи, ни въ кн. Б. Ч. нѣтъ.

[13]) Въ кн. Б. Ч. нѣтъ; въ завѣщаніи въ числѣ Новгородскихъ пригородовъ.

[14]) Въ завѣщаніи есть «городъ на Плавѣ и Соловѣ»; по книгѣ Б. Ч. это и есть Крапивна; Неволинъ же говоритъ о г. Плавѣ: «тамъ, гдѣ нынѣ г. Крапивна, или близъ», Крапивну же считаетъ основанною въ 1654 г.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ.

[16]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; но упоминается въ завѣщаніи и у Соловьева (VII, изд. 4, 254) подъ 1563 г.; Неволинъ отмѣчаетъ первое упоминаніе подъ 1586 г.

[17]) Въ завѣщаніи нѣтъ; Соловьевъ (т. VII, 4 изд., 347) говоритъ, согласно

Ладога.— *Лаишевъ* [1]).— Ливны [2]).—Лихвинъ [3]).— Луки Великія.—Лухъ [4]).—Любимъ [5]).

Мглинъ [6]).—Медынь.—Мезень [7]).—Мезецкъ [8]).—Микулинъ [9]).—Михайловъ [10]).—*Можайскъ*. —Мокшанскъ [11]). —Молога [12]). — Мосальскъ.—Москва. — Мстиславль [13]).— *Муромъ*.— Мценскъ. — Мѣщовскъ [14]).

Невль.—Нерехта [15]).—Нещерда [16]).—Новгородъ Великій.—Новгородъ Нижній.—Новгородъ Сѣверскій.—Новосиль.

новому лѣтописцу, что Курскъ построенъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ; но въ А. И., I, № 154, XX, уже подъ 1582 г., говорится, что ябедниковъ написать въ казаки въ Сѣвскъ и въ Курскъ.

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но по Никоновской (VII, 284) и Львовской (V, 130, 172) лѣтописямъ построенъ въ 1557 г.; отъ 1565—57 гг. сохранилось его описаніе.

[2]) Построены при Ѳедорѣ Ивановичѣ,—Нов. лѣтоп., 40.

[3]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упоминается съ 1565 г.; по свидѣтельству Городскихъ поселеній Россійской имперіи (II, 365) тутъ еще въ XVI в. были значительныя укрѣпленія.

[4]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается въ А. А. Э., I, № 9, 1384—1404, въ С. Г. Гр. и Д. I, № 144, 1504; по Неволину упоминается съ 1426 г. и далѣе.

[5]) Плѣнный гросмейстеръ Фюрстенбергъ получилъ въ кормленіе мѣстечко Любимъ въ Костромской области, въ 1560 г.—*Соловьевъ*, VII, изд. 4, 214; по свидѣтельству Городскихъ поселеній основанъ до 1546 г., т. V, ч. II, 461.

[6]) По свидѣтельству Неволина, былъ во власти Россіи отъ 1500 до 1618.

[7]) Основана въ 1600 г., по Неволину.

[8]) Не упоминается ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ В. Ч., ни у Неволина; но по Судебнику 1550 г. до него ѣзду 40 алт.

[9]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ.

[10]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Царственной книгѣ (181) и по Никоновской лѣтописи (VII, 85) поставленъ въ 1551 г., по Разрядамъ показаны воеводы между 1556 и 1566 гг.

[11]) Въ завѣщаніи, повидимому, скрывается подъ именемъ города Мещеры; по Неволину основанъ въ 1536 г.

[12]) Въ завѣщаніи Грознаго нѣтъ; по Неволину упоминается съ 1148 и далѣе, но не далѣе 1689 г.; затѣмъ онъ отмѣчаетъ основаніе города Мологи въ 1777 г.; упоминается въ завѣщаніи Іоанна III, С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504

[13]) По Неволину утраченъ въ періодъ 1230—1462; но нѣсколько разъ онъ находился и въ власти Московскаго государства—напр. 1532, А. А., Э, I. № 175; въ завѣщаніи и книгѣ В. Ч. упоминается.

[14]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается подъ 1504 г. въ С. Г. Гр. и Д., I, № 144; съ 1584 г. укрѣпленъ—Городскія поселенія, II, 373.

[15]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ; но Неволину существуетъ съ 1425 г.

[16]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ Разрядахъ есть упоминаніе, что въ 1570 г. городъ на Нещердѣ ставили: по Неволину упоминается въ 1579 г.

Оболенскъ[1]).—Одоевъ.—Озерищи[2]).—*Олонецъ*[3]) (?).—*Опочка.*— Орелъ[4]). — Орловецъ[5]). — *Орѣшекъ.* — Осколъ[6]). — *Островъ.*— Острое[7]).

Перевитскъ[8]).—Перемышль.—Переяславль Залѣсскій.—*Переяславль Рязанскій.*—Пермь[9]).—Пинега[10]).—Плесъ[11]).—Полоцкъ.— Полчевъ[12]). — Поповичи. — *Порховъ.*— Почапъ.— *Пронскъ*[13]). — *Псковъ.*—Пустозерскъ[14]).—Путивль.

Ржева Володимерская.—Ржева Пустая.—Романовъ.—Рославль.— Ростовъ.—Руза[15]).—*Руса Старая.*—Рыльскъ.—Ряжскъ[16]).

Самара[17]). — Саратовъ[18]).— *Свіяжскъ.* — *Себежъ*[19]).— Сер-

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину пріобрѣтенъ въ 1498 г.; по Судебнику 1550 г. опредѣленъ ѣздъ до него.

[2]) У Неволина этого города нѣтъ.

[3]) Не упомянутъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину существуетъ съ 1577 г., причемъ другого года обращенія его въ городъ указомъ не приведено; въ М. Г. А. М. И. Д., Олонецъ, I, IX, 4,—есть описаніе Олонца 1556 г.—но это селеніе на городъ не похоже и не названо городомъ.

[4]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ Разрядахъ воеводы указаны въ 1566—1574 гг., по Неволину существуетъ съ 1565 г.

[5]) Въ завѣщаніи указано просто «Вятка со всѣми городы;» уп. Д. А. И., I. № 117, 1564.

[6]) Основанъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 40.

[7]) Въ книгѣ Б. Ч. и у Неволина нѣтъ; въ завѣщаніи идетъ въ такомъ ряду: В. Луки, Невль, Острое, Торжокъ, Ржева Пустая. Не помѣщаемъ въ нашъ списокъ Осташкова, неупоминаемаго ни въ книгѣ Б. Ч., ни въ завѣщаніи, а по Неволину упоминаемаго съ 1200 г. до періода 1462—1689, при чемъ, однако, указано, что сдѣланъ уѣзднымъ городомъ Осташковъ въ 1770 г,

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; уп. С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504; по преданію, его жители были переселены въ Свіяжскъ (*Перетятковичъ*, Поволжье въ XV—XVI в., 192), но уп. и въ книгѣ Б. Ч.

[9]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Царственной книгѣ (47) въ 1535 поставленъ тутъ городъ, ибо старый сгорѣлъ.

[10]) По Неволину основана въ 1600 г.

[11]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[12]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ.

[13]) Въ завѣщаніи нѣтъ; но упоминается въ лѣтописяхъ часто, напр. П. С. Р. Л., VIII, 292, 1536 г., Царственная кн., 95, 1541 и др.

[14]) По Неволину основанъ въ 1597.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ; уп. въ 1504 г.—С. Г. Гр. и Д., I, №№ 141 и 144; по Неволину непрерывно существуетъ съ 1328 г.

[16]) Рязань тогда называлась Переяславль Рязанскій.

[17]) Основана въ 1586,—какъ согласно показываютъ Неволинъ и Перетятковичъ (Поволжье въ XV и XVI в., 313).

[18]) Основанъ, по Неволину, въ 1591, по Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в.) въ 1590.

[19]) Въ завѣщаніи упомянутъ не въ числѣ Псковскихъ пригородовъ, а отдѣльно.

*

пейскъ.—*Серпуховъ.* — Ситная [1]). — Слободской [2]). — Смоленскъ.— Соколъ [3]). — Соликамскъ [4]). — Соль Вычегодская [5]). — Старица.— Стародубъ Ряполовскій[6]).—Стародубъ Сѣверскій [7]).—Судиславль [8]).— Суздалъ [9]).—Суходолъ [10]).—Сѣвскъ [11]).

Тверь.—Темниковъ.—Тетюши [12]).—Торжокъ.—*Торопецъ.* — Торуса [13]). — Тотьма [14]). — Трубчевскъ [15]). — *Тула.* — Турчасовъ посадъ [16]).—Туровля [17]).—Тѣшиловъ [18]).

Ула [19]).—Унженскъ.—Уржумъ [20]).—Усвятъ [21]).—Устюгъ Великій.—*Устюжна.*—Уфа [22]).

---

[1]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. подъ 1576 г.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину существуетъ съ 1546 г.

[3]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину основанъ въ 1566, уничтоженъ въ 1579.

[4]) По Неволину существуетъ съ 1504 г., въ завѣщаніи нѣтъ.

[5]) Не помѣщаемъ въ нашъ списокъ Соболина, единственное упоминаніе котораго (1513) мы встрѣтили у Неволина.

[6]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ; по Судебнику 1550 г. до него ѣзду 1½ р.

[7]) По Неволину былъ во власти Моск. государства съ 1500 по 1618 г.

[8]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[9]) Въ книгѣ В. Ч. нѣтъ.

[10]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч., по Неволину упоминается лишь подъ 1328 г.; но въ А. А. Э., I, № 115, 1486 г., упоминается, какъ тянущій въ Москвѣ, а въ 1504 г. (С. Г. Гр. и Д., I, № 144) упоминается при Боровскѣ.

[11]) См. примѣчаніе о г. Курскѣ.

[12]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Разрядамъ поставленъ въ 1570 г., по Неволину—около 1578.

[13]) По Неволину упоминается съ 1536 г.; ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[14]) Въ завѣщаніи нѣтъ, въ книгѣ В. Ч. указано Тарусское городище, по Неволину уп. съ 1260 до 1689 г., потомъ послѣ 1762 г.; но по Судебнику 1550 г. опредѣленъ ѣздъ; по Разрядамъ тутъ съ 1556 по 1574 г. часто стоятъ воеводы; въ Городскихъ поселеніяхъ (II, 381) находимъ замѣчаніе, что въ XVI в. тутъ были значительныя укрѣпленія.

[15]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину пріобрѣтенъ въ 1500 г.; въ Разрядахъ указаны воеводы въ 1556, 1559, 1564, 1565 гг.

[16]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. въ 1568 г.

[17]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину уп. въ 1576 г.

[18]) По Неволину упоминается лишь въ 1376 г.; но уп. и въ завѣщаніи Грознаго и въ завѣщаніи 1504 г. С. Г. Гр. и Д., I., № 144.

[19]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; по Неволину построенъ около 1556.

[20]) Основанъ при Өедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 24.

[21]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину основанъ около 1566 г.

[22]) По Неволину и Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в., 314) поставлена въ 1586 г.

Хлепня [1]).—Хлыновъ [2]).—Холмогоры.—Холмъ Красный. — Холопій городокъ [3]).—Хотунь [4]).

Царицынъ [5]).—Царево Санчурскъ [6]).—Цивильскъ [7]).

Чебоксары.—Чердынь [8]).—Чернь.—Чухлома.

Шацкъ.—Шестаковъ [9]).—Шуя.

Юрьевецъ.—Юрьевъ Польскій [10]).

Яма.—Ярославль.—Ярославецъ Малый.

Всего въ нашемъ спискѣ 220 городовъ; но можно сказать положительно, что никогда въ теченіе всего XVI ст. одновременно не существовало столько городовъ: около 20-ти основаны только уже въ послѣдніе годы вѣка; нѣкоторые же, наоборотъ, въ теченіе его исчезли или были утрачены; во всякомъ случаѣ, имѣя описанія сорока одного города, мы располагаемъ свѣдѣніями, большею частью очень точными, почти о пятой части всѣхъ существовавшихъ тогда городовъ; такое отношеніе числа тѣхъ городовъ, положеніе которыхъ можетъ быть изучаемо нами очень обстоятельно, и тѣхъ, такое изученіе которыхъ намъ недоступно, можно считать вполнѣ благопріятнымъ, тѣмъ болѣе, что для изученія соціально-экономическаго положенія городовъ вполнѣ возможно удовлетвориться свѣдѣніями и не обо всѣхъ городахъ, ибо факты такого рода обусловливаются непремѣнно причинами, дѣйствительными для довольно обширныхъ районовъ, и потому немогутъ, въ общихъ, главныхъ чертахъ, рѣзко различаться въ городскихъ поселеніяхъ не особенно удаленныхъ другъ отъ друга. Точно такъ же не можетъ имѣть особеннаго значенія и то, что изучаемыя нами описанія относятся не къ одному году, а прибли-

---

[1]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ; по Неволину пріобрѣтена въ 1492 г., но въ періодѣ 1689—1762 уже не указана.

[2]) Въ завѣщаніи нѣтъ; въ А. А. Э., I, № 305, уп. подъ 1580 г.

[3]) Въ книгѣ Б. Ч. нѣтъ.

[4]) Нѣтъ ни въ завѣщаніи, ни въ книгѣ Б. Ч.; у Неволина отмѣченъ подъ 1410 и въ періодѣ 1462—1689; уп. въ С. Г. Гр. и Д., I, № 144, 1504, по Судебнику опредѣленъ ѣздъ, въ Разрядахъ упом. подъ 1570 г.

[5]) По Перетятковичу (Поволжье въ XV—XVI в., 317) поставленъ въ 1589 г., по Неволину въ 1600.

[6]) Поставленъ въ 1584, *Карамзинъ*, X, 15.

[7]) Поставленъ при Өедорѣ Ивановичѣ, Нов. лѣтоп., 24.

[8]) Въ завѣщаніи нѣтъ; по Неволину упомин. съ 1472 г., по Архангелогородской лѣтописи, 209, въ 1504 г. поставленъ снова послѣ пожара.

[9]) Въ завѣщаніи не упомянутъ; поставленъ немного ранѣе 1546 г. А. А. Э., I. № 210; также и у Неволина.

[10]) Въ книгѣ Большаго Чертежа нѣтъ.

зительно къ одному полустолѣтію [1]), ибо соціально-экономическіе факты не мѣняются быстро, да и никакихъ рѣзкихъ, крупныхъ событій въ теченіе XVI в. относительно городовъ не совершилось; къ тому же, обыкновенно въ книгахъ находимъ сравненіе описываемаго состоянія города съ прежнимъ его положеніемъ. Но, конечно, всетаки, имѣя описанія не всѣхъ городовъ, мы можемъ отъ извѣстныхъ намъ заключать о неизвѣстныхъ лишь съ нѣкоторою вѣроятностью, степень которой будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе процентъ городовъ извѣстной мѣстности доступенъ нашему изученію. Совершенно неизвѣстны намъ соціально-экономическія отношенія въ городахъ сѣверовосточныхъ, заволжскихъ, въ областяхъ Двинской и Камской: до насъ не дошло описанія ни одного города этой области, а между тѣмъ они не только вѣроятно, но даже навѣрно, во многомъ отличались отъ городовъ другихъ областей, ибо стояли въ совершенно отличныхъ условіяхъ: не говоря уже о разницѣ физическихъ, естественныхъ условій, тутъ, напр., вовсе не было опасности непріятельскаго нападенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ шелъ богатый, важный торговый путь къ Бѣлому морю, подобнаго которому не было въ другихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи. Исключая поэтому и города этой области, вмѣстѣ съ городами только что основанными или не долго находившимся во власти Московскаго правительства, мы получимъ, что имѣемъ свѣдѣнія о 41 городѣ изъ 170 приблизительно, т. е. почти о четвертой части всѣхъ городовъ. Изъ всѣхъ областей Россіи наиболѣе точно можетъ быть изучаемо положеніе городовъ въ областяхъ Новгорода и Пскова, ибо описаны всѣ города послѣдней и болѣе половины городовъ первой; затѣмъ, съ очень большою увѣренностью можемъ мы дѣлать выводы о положеніи городовъ по южной и восточной границѣ, ибо имѣемъ свѣдѣнія объ одиннадцати городахъ этой области, причемъ ясно выступаютъ общія всѣмъ имъ черты, къ тому же черты, естественнымъ образомъ вытекающія изъ ихъ положенія и отличающія Тулу и Дѣдиловъ отъ Коломны или Серпухова болѣе, чѣмъ отъ Казани и Свіяжска; наконецъ, съ меньшею уже увѣренностью можемъ мы дѣлать свои выводы о городахъ центральныхъ, въ

[1]) Всѣ описанія городовъ, извѣстныя въ настоящее время, относятся ко второй половинѣ XVI в., за исключеніемъ описанія Торопца и Новгородскихъ пригородовъ: описанія Ямы, Ладоги, Копорья, Ивана, Корелы и Орѣшка относятся къ 1500 году, но затѣмъ изъ Разряднаго и Разметнаго списка (А. А. Э., I, № 205) узнаемъ о положеніи ихъ, а также Русы и Порхова, въ 1545—1546 г.; Торопецкая книга относится къ 1540—1541 г.

области между Окою и Волгою, ибо имѣемъ точныя свѣдѣнія лишь о четырехъ городахъ ея; но и здѣсь очень близкое сходство всѣхъ ихъ между собою даетъ полное основаніе думать, что по описанію ихъ мы узнаемъ существеннѣйшія характерныя черты положенія всѣхъ вообще городовъ этой области.

Какъ мы уже выше говорили, описанія разныхъ городовъ дошли до насъ въ документахъ, носящихъ разныя названія: книги писцовыя, приправочныя, переписныя, переписныя окладныя, платежныя, просто книги и сотныя [1]). Тщательно разобравши ихъ со-

---

[1]) Вотъ списокъ описаній разныхъ городовъ, которыя послужатъ главнымъ матеріаломъ для нашего изслѣдованія.

1500 г. Описаніе г. Орѣшка — въ Переписной окладной книгѣ Вотской пятины,—Временникъ, XI, 111—115.

1500. Описаніе г. Корелы — продолженіе той же книги, Временникъ, XII, 1—7.

1500. Описаніе гг. Копорья, Ладоги, Ямы и Ивана—въ «Новгородскихъ Писцовыхъ книгахъ», т. III, 494, 879—886, 957—960, т. IV, 227—232.

1540—1541. Переписная книга г. Торопца, ркп. М. Г. А. М. И. Д., Писц. кн., IX, 18, лл. 1—31.

1545—1546. Разрядный и разметный списокъ по Новгородской области,— А. А. Э., I, № 205.

1552. Сотная на Серпуховскій посадъ—напечатана у Симсона: «Исторія г. Серпухова и т. д.,» 311—334.

1561—1564. Сотная перепись г. Каргополя—напечатана въ Олонецкихъ Губ. Вѣдом., 1854, №№ 23—31.

1565—1567. Писцовая книга г. Свіяжска, ркп. М. А. М. Ю., № 432, лл. 1—69.

1566—1568. Писцовая книга г. Казани, ркп. М. А. М. Ю., № 646, лл. 1—208.

1566—1568. Писцовая книга г. Лаишева, ркп. М. А. М. Ю., № 646, лл. 479—484.

1568. Книга г. Орѣшка, ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стараго каталога № 7, лл. 206—242.

1568. Книга г. Ладоги,—тамъ же, лл. 290—321.

1568. Книга г. Корелы,—тамъ же, лл. 454—516.

1571—1572. Писцовая книга г. Венева — Писцовыя книги Московскаго государства, изд. Географич. общества, подъ редакціей Н. В. Калачова, т. II, 1537—1542.

1571—1572. Писцовая книга г. Епифани,—тамъ же, 1588—1595.

1574. Сотная на Муромскій посадъ—А. Ю., № 229.

1578. Приправочная книга г. Коломны—ркп. М. А. М. Ю., № 200, лл. 1—168,—напечатана, подъ названіемъ писцовой, въ I т. (невышедшемъ) Писц. книгъ Моск. государства, изд. Географ. общ., 291—335.

держаніе, мы должны сказать, что всѣ онѣ сообщаютъ свѣдѣнія однородныя и очень близкія другъ къ другу по степени полноты и подробности; если нѣкоторыя, дѣйствительно, и различаются между собою, то относительно другихъ мы думаемъ, что различіе названій невсегда соотвѣтствовало различію содержанія, а иногда обозначало просто различіе поводовъ и способовъ составленія книгъ; мы думаемъ вообще, что тогда не было еще выработано общаго плана такихъ книгъ и что въ очень многомъ ихъ содержаніе и названіе зависѣло отъ лицъ, ихъ составлявшихъ [1]). Говоря въ дан-

1578—1579. Писцовая книга г. Каширы — во II т. того же изданія, 1299—1306.

1585—1588. Описаніе Пскова (неполное) и 14-и его пригородовъ—въ ркп. М. А. М. Ю., № 355, половины 1-ая и 2-ая, и въ копіи съ нея—№ 827. (Мы пользовались, по обстоятельствамъ, сначала подлинникомъ, потомъ копіею—по кн. № 355, пол. 1-ая, лл. 5—66 (Псковъ), 584—587 (Кобылье), 643—661 (Изборскъ), № 355, пол. 2-ая, лл. 557—567 (Красный), 841—878 (Опочка), 899—945 (Себежъ) и по копіи № 827—лл. 43—138 (Псковъ, окончаніе), 405—443, (Гдовъ), 547—572 (Островъ), 643 (Вышгородъ), 671—692 (Вороночъ), 723 (Дубковъ), 732—734 (Выборъ), 744—747 (Вревъ), 752—767 (Велье), 791 (Володимерецъ).

1588—1589. Приправочная книга Тулы—ркп. Имп. П. Б., Q, IV, 338, лл. 1—64, напечатана такъ же, подъ названіемъ писцовой, въ Писц. книгахъ М. государства, II, 1073—1097, но съ сокращеніями и въ печати неудобна для пользованія.

1588—1589. Приправочная книга Дѣдилова, ркп. И. П. В, Q, IV, 338, лл. 801—843, напечатана въ II же т. Писц. книгъ М. госуд., 1261—1268.

1595—1597. Платежная книга Зарайска; напечатана послѣдній разъ въ книгѣ: «Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII в.» М. 1883, 1—2.

1595—1597. Платежная книга Пронска, ркп. М. А. М. Ю, № 396, лл. 131—132.

1595—1597. Платежная книга Переяславля Рязанскаго, ркп. М. А. М. Ю., № 396, лл. 1—25.

1596—1598. Книги г. Можайска, рпк. М. А. М. Ю., № 251, лл. 1—179; напечатана (съ сокращеніями) въ I т. Писц. книгъ М. государства, 612—654.

1597. Сотная на Устюжскій посадъ, ркп. М. Г. А. М. И. Д., Приказныя дѣла, связка 3, № 2, лл. 1—77.

1598. Приправочная книга Пронска, ркп. М. А. М. Ю., № 354, лл. 1—22.

Конца XVI в. Отрывокъ какого-то описанія Переяславля Рязанскаго, ркп. М. А. М. Ю., № 354, лл. 343—346.

[1]) Совершенно то же самое—существованіе различій въ совершенно одинаковыхъ по названію документахъ—указываетъ и г. Оглоблинъ, относительно нѣкоторыхъ дѣлъ Разряднаго приказа,—см. «Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII в., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа», въ IV т. «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.», 182, 186, 269.

номъ случаѣ не обо всѣхъ подобныхъ документахъ [1]), а о находящихся въ нашемъ распоряженіи писцовыхъ книгахъ городовъ XVI в., мы должны сказать слѣдующее: наиболѣе подробныя свѣдѣнія даютъ намъ книги писцовыя, приправочныя и просто книги; документы со всѣми этими названіями относительно городовъ даютъ свѣдѣнія совершенно однообразныя и столь разностороннія, что мы думаемъ, что болѣе подробныхъ описаній городовъ и не было; переписныя окладныя книги, всѣ описывающія новгородскіе пригороды, сообщаютъ въ общемъ почти тѣ же данныя, что и писцовыя; главное ихъ отличіе это то, что въ нихъ нѣтъ только описанія укрѣпленій города, его церквей и торга; переписная книга г. Торопца (1540—1541 г.) еще ближе стоитъ къ писцовымъ, ибо даетъ и описаніе церквей и укрѣпленій и торга, но описаніе укрѣпленій и церквей сокращенное; во всякомъ случаѣ эти переписныя книги стоятъ несравненно ближе къ писцовымъ и приправочнымъ книгамъ XVI в., чѣмъ къ переписнымъ книгамъ XVII в., которыя даютъ главнѣйшимъ образомъ, иногда даже исключительно, только перечень людей и обыкновенно съ указаніемъ даже ихъ лѣтъ [2]); наши же переписныя книги XVI в. сообщаютъ только число людей самостоятельныхъ, взрослыхъ, но зато говорятъ и о ихъ землѣ, а иныя и о торгѣ, чего въ переписныхъ книгахъ городовъ XVII в. не имѣемъ. Книги платежныя извѣстны въ слишкомъ небольшомъ числѣ, чтобы положительно говорить о ихъ содержаніи; несомнѣнно все-таки, что онѣ сообщаютъ не всѣ данныя о городѣ; поэтому, имѣя о какомъ нибудь городѣ только платежную книгу, мы можемъ съ увѣренностью говорить лишь о податяхъ и пошлинахъ

---

[1]) О томъ же подробнѣе въ нашей статьѣ: «Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI в.»—въ журналѣ «Библіографъ», за 1889 г., № 2, 41—61.

[2]) Мы не имѣемъ начала документа, содержащаго описаніе Пскова и его пригородовъ, и потому не можемъ сказать, какъ онъ назывался; по характеру своихъ данныхъ и изложенія онъ ближе всего къ обыкновеннымъ писцовымъ книгамъ, хотя въ немъ тоже нѣтъ описанія укрѣпленій и церквей.

[3]) Масса переписныхъ книгъ съ совершенно яснымъ такимъ характеромъ напечатана въ продолжающемся изданіи (московскаго купечества) матеріаловъ для исторіи разныхъ городовъ; доселѣ изданы, насколько намъ извѣстно, матеріалы для исторіи Торопца, Устюга Великаго, Зарайска, Тулы, Рязани, Бѣлева, Переяславля Залѣсскаго, Углича, Иркутска, Тобольска, Кунгура и (въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ: «Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи) Якутска, Селенгинска и Нерчинска; съ такимъ же характеромъ переписныя книги во II приложеніи къ I т. Матеріаловъ для исторіи Московскаго купечества; впрочемъ, нужно сказать, что и тутъ попадаются доку-

съ жителей его, но никакъ не о составѣ ихъ и ихъ занятіяхъ. Наконецъ, сотныя даютъ всѣ свѣдѣнія о томъ сословіи, о томъ классѣ, которому выданы; слѣдовательно по нимъ мы можемъ судить съ полною подробностью, но только объ одномъ классѣ; впрочемъ, и въ разныхъ сотныхъ встрѣчаются нѣкоторыя, но неважныя особенности [1]).

Писцовыя книги XVI в. никогда не даютъ намъ не только полной цифры населенія мужескаго и женскаго, но даже и полной цифры мужчинъ· онѣ всегда приводятъ цифры лишь такъ сказать представителей дворовъ, главъ семействъ [2]), о женщинахъ же говорятъ лишь тогда, когда приходится описывать дворы, занятые вдовами, и только при имени вдовъ и рѣже—при имени отцовъ упоминаютъ и о дѣтяхъ [3]). Поэтому, чтобы по даннымъ писцовыхъ книгъ узнать полное число населенія, нужно сообщаемыя ими цифры въ нѣсколько разъ увеличить; и мы попытаемся теперь опредѣлить, съ возможной точностью, во сколько же разъ нужно увеличить ихъ. Современная статистика принимаетъ среднимъ счетомъ на дворъ по 4 человѣка [4]), но, по вѣрному замѣчанію одного нѣмецкаго изслѣдователя положенія средневѣковыхъ германскихъ городовъ, нельзя прямо переносить среднія цифры нашего времени на средневѣковое общество [5]). И мы должны сами, на основаніи русскихъ документовъ, относя-

---

менты, названные также переписными книгами, но неимѣющіе ничего общаго по содержанію съ большинствомъ переписныхъ книгъ,—таковы переписная книга Кунгура и «Переписныя книги г. Москвы 1665—1676 г.» М. 1886, 238 стр.

[1]) См. объ этомъ въ нашей статьѣ «Начало въ Россіи переписей»,—«Библіографъ» 1889, № 2, 59, а также у *Неволина* въ статьѣ «Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II», Полн. собр. соч., VI, 469—470.

[2]) Мы сказали бы дворохозяевъ, если бы не встрѣчали во многихъ городахъ довольно большого числа людей, неимѣвшихъ своихъ дворовъ, каковы напр. дворники, подсусѣдники.

[3]) Первый намъ извѣстный, по времени документъ, содержащій перечисленіе не однихъ только взрослыхъ мужчинъ, а и женщинъ и дѣтей—это устройная книга 1601 г. одного яма въ Новгородской области—въ ркп. И. П. Б. Q, IV, 261, лл. 222—240; затѣмъ опять свѣдѣній о женщинахъ не находимъ до начала XVIII в., къ которому относится нѣсколько документовъ съ подобными данными—напечатаны въ вышеуказанныхъ изданіяхъ Московскаго купечества.

[4]) *Dr. Bücher.* Zur mittelalterlichen Bevölkerungstatistick mit besonderer Rücksicht auf Frankfurt a. M.—въ Zeitschrift für die gesam. Staatswissensch. 1881, b. 37, 558.

[5]) Тамъ же, 544.

щихся къ прошлымъ вѣкамъ, опредѣлить, сколько же приходилось тогда среднимъ числомъ на дворъ. Прямымъ путемъ для такогс опредѣленія было бы собрать массу точныхъ данныхъ о полномъ населеніи дворовъ и вывести среднюю цифру; но, какъ мы сказали, такой путь, по характеру источниковъ, невозможенъ; мы можемъ, однако, придти къ тому же выводу другимъ путемъ, путемъ, конечно, менѣе точнымъ—быть можетъ, мы и ошибемся на нѣсколько десятыхъ—но лучше принять такой выводъ, чѣмъ не знать средняго числа людей на дворъ даже въ единицахъ. Такъ какъ нашъ выводъ является только приблизительнымъ, то мы подробно изложимъ, какимъ путемъ мы дошли до него, чтобы всякій могъ судить, насколько наши цифры заслуживаютъ довѣрія [1]) Мы можемъ значительно приблизиться къ изучаемому нами времени, взявши переписныя книги XVII в., которыхъ напечатано уже множество; но нельзя, опредѣливши изъ нихъ среднюю цифру людей на дворъ прямо принимать ее за достаточно вѣрную и для XVI в., ибо въ теченіе вѣка могли значительно измѣниться и даже несомнѣнно измѣнились разнообразныя экономическія и общественныя условія, вліяющія на то, какіе люди живутъ вмѣстѣ, въ одномъ дворѣ: на соборѣ 1619 г. было указано, что многіе люди, покинувши свои дворы, начинаютъ селиться въ чужихъ дворахъ, чтобы менѣе платить государевыхъ податей, раскладывавшихся по дворамъ [2]); многія переписныя книги 1646 и 1677 годовъ содержатъ напоминанія писцамъ слѣдить, чтобы не сходились въ одинъ дворъ люди со многихъ дворовъ [3])—ясное указаніе, что такое явленіе наблюдалось; и по источникамъ мы можемъ убѣдиться, что оно даже постепенно усиливалось [4]); какъ увидимъ далѣе, въ XVI в. въ этомъ отно-

---

[1]) *Соколовскій*, въ своемъ «Очеркѣ экономическаго положенія», 18, говоритъ даже: «нѣтъ данныхъ для опредѣленія количественнаго состава дворовъ».

[2]) Книги разрядныя I, 613: «а изъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ посадцкіе многіе люди, льготя себя, чтобъ имъ въ городѣхъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ и по городамъ у друзей, а по городамъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, ѣхати не хотятъ».

[3]) Во многихъ книгахъ, изданныхъ Московскимъ купечествомъ, также и въ другихъ — см. напр. «Переписныя книги 1676 — 1688 г.», изданныя Е. Е. Замысловскимъ, въ VIII т. Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи и отдѣльно, стр. 12 и др.

[4]) Вотъ небезынтересныя цифры по этому вопросу, выведенныя нами по изданнымъ книгамъ.

шеніи существовало различіе: на сѣверѣ, въ старыхъ городахъ, мы встрѣтимъ часто не по одному человѣку на дворъ, а въ городахъ въ центрѣ и по южной и восточной окраинѣ напротивъ, преобладали дворы съ однимъ взрослымъ мужчиной, и что это не слѣдствіе различія лишь въ документахъ, а отраженіе дѣйствительно существовавшаго факта—доказывается тѣмъ, что постоянно во дворахъ людей одного разряда оказывается жителей больше, чѣмъ во дворахъ другого разряда и еще тѣмъ, что книги Можайска и Устюжны, по времени составленія очень близкія и носящія нѣкоторыя имъ только свойственныя общія черты, въ этомъ отношеніи рѣзко различаются — именно, въ Устюжнѣ преобладаютъ дворы не съ однимъ взрослымъ мужчиной, а въ Можайскѣ — съ однимъ. Поэтому-то мы и не можемъ взять прямо среднія цифры изъ книгъ XVII в. и примѣнять ихъ къ XVI в.; намъ нужно иначе подойти къ опредѣленію числа людей на дворъ въ XVI в. Намъ кажется, что весьма близко можно подойти къ этому слѣдущимъ путемъ: мы должны по переписнымъ книгамъ XVII в. просто разсчитать, сколько приходилось тогда дѣтей мужескаго пола на 1,000 взрослыхъ мужчинъ, а тогда уже легко будетъ опредѣлить, и приблизительно довольно вѣрно, число жителей въ городахъ со всякимъ составомъ дворовъ; въ отношеніи же числа взрослыхъ къ числу дѣтей цифры не могли измѣняться очень быстро, потому что тутъ онѣ зависятъ главнымъ образомъ отъ

На 100 дворовъ приходилось людей:

по переписнымъ книгамъ:	1625 г.	1646 г.	1677 г.
Въ Бѣлевѣ	—	210,1	280,3
» Вяткѣ	—	323,7	289,0
» Зарайскѣ	—	236,3	285,8
» Кунгурѣ	—	—	264,7
» Переяславлѣ Зал.	—	—	280,5
» Ростовѣ	—	274,4	310,2
» Рязани	—	—	308,7
» Торопцѣ	—	303,9	270,9
» Тулѣ	156,4	295,2	328,2
» Устюгѣ	121,7	—	343,0
Среднимъ числомъ	139,0	273,9	296,2.

Вообще къ концу вѣка видимъ въ общемъ возрастаніе числа людей на дворъ — въ общемъ на 8,1%; уменьшеніе замѣчаемъ лишь для двухъ городовъ, и именно для тѣхъ, гдѣ въ 1646 г. приходилось людей на дворъ гораздо больше, чѣмъ въ остальныхъ; въ одномъ случаѣ это увеличеніе достигло 33%; напомнимъ, что эти цифры даютъ лишь число мужчинъ.

естественныхъ причинъ, мѣняющихся, конечно, чрезвычайно медленно: отъ смертности вообще и смертности дѣтей въ особенности; затѣмъ тутъ играетъ большую роль возрастъ брачущихся, — но извѣстно, что въ этомъ отношеніи не произошло важныхъ измѣненій въ XVII в. сравнительно съ XVI [1]). Такимъ путемъ мы узнаемъ сначала число жителей, взрослыхъ и дѣтей, мужескаго пола; чтобы опредѣлить общее число жителей нужно полученную цифру умножить еще на два; извѣстно, что вообще число женщинъ близко къ числу мужчинъ, но въ общемъ нѣсколько выше его [2]); поэтому можетъ показаться, что, умножая лишь на два, мы получимъ меньше, чѣмъ бы слѣдовало; но, не имѣя никакой возможности точнѣе опредѣлить число женщинъ, мы можемъ ограничиться помноженіемъ на два, тѣмъ болѣе, что въ числѣ людей, описанныхъ во дворахъ, мы всегда встрѣчаемъ нѣсколько вдовъ, приблизительно % 5, 6, такъ, что слѣдовательно, помножать на два будемъ число нѣсколько большее, чѣмъ было въ томъ или другомъ городѣ мужчинъ, и такимъ образомъ нѣсколько парализуемъ возможную неправильность въ опредѣленіи общаго числа жителей города. Конечно, мы никакъ не станемъ утверждать точности нашихъ цифръ въ десятыхъ доляхъ, но увѣрены, что во сколько нибудь крупную неточность, идя такимъ путемъ, мы не впадаемъ.

Матеріаломъ для нашего разсчета послужатъ намъ переписныя книги 1677 г. городовъ Бѣлева, Вятки, Зарайска, Кунгура, Переяславля Залѣсскаго, Ростова, Рязани, Устюга и переписныя книги Московской мѣщанской слободы 1684 г. [3]). Въ этихъ доку-

---

[1]) И въ XVI и въ XVII в. одинаково предѣльнымъ возрастомъ, ранѣе котораго нельзя было вѣнчать, считалось 15 л. для жениха и 12 л. для невѣсты; но дѣвицъ считалось необходимымъ выдавать замужъ пятнадцати лѣтъ— Д. А. И., I, № 52, XXVI, XXXV, XXXVI, 1555; по указу 1607 г. если кто держалъ рабу до 17 л. въ дѣвицахъ, вдову послѣ мужа больше двухъ лѣтъ, парня холостаго до 20 лѣтъ и не женилъ и не давалъ воли, то такимъ должны были давать отпускныя грамоты административныя власти—см. *Соловьевъ*, т. VIII, изд. 3, 297.

[2]) Этотъ выводъ провѣренъ въ нѣмецкой ученой литературѣ относительно нѣсколькихъ городовъ въ средніе вѣка, и цифры получились близкія къ теперешнимъ, но нѣсколько выше ихъ,—см. *Bücher*, Zur mittelalterlichen Bevölkerungstatistik—въ Zeitschrift für die gesamm. Staatsw., b. 37, 1881, 571—576; о томъ же у *Prof. Paasche*, Die Städtische Bevölkerung früherer Jahrhunderte—въ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1882. Neue folge, V b., 348.

[3]) Мы не воспользовались для своего разсчета данными описи городовъ, вѣдаемыхъ въ Разрядѣ (Д. А. И., IX, № 106), и данными о городахъ, напе-

ментахъ перечислены всѣ мужчины, причемъ лѣта старшихъ представителей семей никогда не отмѣчаются [1]), а лѣта другихъ показываются, но не всегда одинаково: лѣта дѣтей до четырнадцати лѣтъ включительно всюду отмѣчены, а далѣе въ однихъ показаны лѣта всѣхъ неженатыхъ, въ другихъ—лишь до 15 лѣтъ включительно, въ третьихъ наконецъ—вообще лѣта выше четырнадцати не отмѣчены. Такое описаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что съ 15 лѣтъ позволялось уже и жениться и съ 15-лѣтнихъ уже начинали брать подати [2]). Изъ всѣхъ вышепоименованныхъ книгъ мы подведемъ два итога: одинъ—въ который войдутъ всѣ люди безъ обозначенія лѣтъ и обозначенные 15-лѣтними, другой—въ который войдутъ дѣти, начиная съ четырнадцати лѣтъ и ниже; получимъ въ первомъ итогѣ, т. е. взрослыхъ—8,468 чел., во второмъ, т. е. дѣтей—5,368 [3]); а отсюда выхо-

---

чатанными въ приложеніяхъ къ XIII т. Исторіи Соловьева, потому, что данныя эти недостаточно для нашей цѣли опредѣленны: не только не обозначенъ точно возрастъ дѣтей и даже не указано, какой возрастъ сосчитанъ тутъ гранью между взрослыми и дѣтьми, но часто даже вмѣстѣ указаны всѣ люди, жившіе при другихъ, не въ своихъ собственныхъ дворахъ, такъ что тутъ, слѣдовательно, возможно предполагать не только взрослыхъ братьевъ, и зятей, но даже и тестей; эти данныя, драгоцѣнныя для опредѣленія средней цифры людей на дворъ въ XVII в., для нашего разсчета не даютъ ничего.

[1]) Кромѣ двухъ, кажется, случаевъ въ описаніи Московской мѣщанской слободы, когда своимъ дворомъ живетъ 15-тилѣтній и когда описывается дворъ малолѣтнихъ сиротъ.

[2]) Въ уставной грамотѣ крестьянамъ Соловецкаго монастыря Сумской волости—А. А. Э., I., № 269, 1564—постановляется сбирать съ дѣтей и племянниковъ, поспѣвшихъ промышлять звѣря, птицу, рыбу или хоть ягоды и грибы «противъ казаковъ, кто чего стоитъ;... а кому меньше 15-ти лѣтъ, и тѣ бы старостѣ не давали ничего».

[3]) Вотъ подробности:

	Выше 14 лѣтъ. (взрослые)	14-ти л. и ниже. (дѣти)	На 1000 человѣкъ взрослыхъ приходится дѣтей.
Въ Устюжнѣ	2439	1124	461
» Вяткѣ	1177	1078	916
» Ростовѣ	1062	510	489
» Москов. слободѣ	908	531	585
» Переясл. Зал.	735	528	718
» Зарайскѣ	664	338	500
» Рязани	653	582	889
» Бѣлевѣ	540	461	853
» Кунгурѣ	290	216	744
Всего	8468	5368	

дить, что на 1,000 человѣкъ взрослыхъ приходилось 633 чел. дѣтей. Что цифры, полученныя нами при этомъ счисленіи, близко выражаютъ нормальныя отношенія, мы убѣждаемся изъ слѣдующаго: существуютъ переписныя книги 1646 г. городовъ Зарайска и Вятки, въ которыхъ указанъ возрастъ дѣтей лишь отъ 10 лѣтъ и ниже, старшіе же сосчитаны вмѣстѣ съ остальными взрослыми; всего тутъ взрослыхъ 2,391 чел., а дѣтей—1,092 чел.,—т. е. на 1,000 мужчинъ съ 11 лѣтъ включительно, и выше, приходится дѣтей мужескаго пола 10-ти лѣтъ и ниже 457 чел.; если же мы теперь произведемъ такой разсчетъ для вышепоименованныхъ восьми городовъ и слободы по книгамъ 1677 и 1684 гг., то получимъ дѣтей десяти лѣтъ и ниже—4,362 чел., а старше этого возраста—9,474 чел., т. е. на 1,000 чел. мужескаго пола старше 10 лѣтъ—дѣтей мужескаго же пола десяти лѣтъ и ниже получимъ 463 чел.; такимъ образомъ получились числа, различающіяся одно отъ другого меньше, чѣмъ на $1^1/_2$ %.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ достаточною степенью точности принимать, что на 1,000 взрослыхъ мужчинъ (считая отъ 15 л. и выше) приходилось дѣтей мужескаго пола 633 чел.; слѣдовательно, для опредѣленія всего числа жителей мужескаго пола какого-нибудь города нужно число взрослыхъ мужчинъ его умножить на 1+0,633, а затѣмъ, полученное число нужно увеличить вдвое, и тогда получится общее число всѣхъ жителей извѣстнаго города; т. е., мы принимаемъ, что на 1,000 взрослыхъ мужчинъ приходилось еще 633 чел. дѣтей мужескаго пола и 1633 женщинъ, взрослыхъ и дѣвочекъ; такимъ образомъ, слѣдовательно, въ городѣ съ 1,000 взрослыми мужчинами общее число жителей нужно считать не менѣе 3,266 чел.; иначе говоря, для опредѣленія общаго числа жителей города нужно цыфру взрослыхъ мужчинъ умножить на 3,266. Нужно только непремѣнно помнить, что помножать на этотъ множитель нужно не число дворовъ, а число указанныхъ въ городѣ мужчинъ; поэтому, естественно, число людей на дворъ въ разныхъ городахъ можетъ и довольно значительно различаться: оно, конечно, будетъ гораздо больше въ Устюжнѣ и Торопцѣ, гдѣ на 100 дворовъ приходится 150—180 взрослыхъ мужчинъ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ на 100 дворовъ приходится взрослыхъ мужчинъ 120—130.

Повторяемъ въ заключеніе, что и сами считаемъ свой разсчетъ только приблизительнымъ; мы и изложили его подробно именно для

того, чтобы дать всякому возможность судить, на сколько можно на него полагаться; но установить хотя приблизительно среднюю цифру людей на дворъ намъ казалось совершенно необходимымъ для нашей задачи—разсмотрѣть положеніе города главнымъ образомъ какъ культурнаго центра, какъ фактора общественной жизни.

ГЛАВА I.

Пригороды Новгородской области.

Наше изученіе городовъ XVI в. мы начнемъ съ группы исторически старѣйшей и намъ извѣстной по наиболѣе раннему описанію—именно съ пригородовъ новгородскихъ.

Основными источниками послужатъ намъ тутъ описанія городовъ Корелы, Орѣшка, Копорья, Ямы, Ладоги и Ивана въ переписныхъ окладныхъ книгахъ 1495—1500 г. [1]), разрядный и разметный списокъ по Новгородской области 1545—1546 гг. [2]), сотная перепись Каргополя 1561—1564 гг. [3]) и описанія городовъ Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г., заключающіяся въ «Новгородскаго уѣзда Вотскія пятины книгѣ разныхъ погостовъ помѣщиковымъ дворомъ и крестьянамъ по именамъ» [4]). Всѣ эти источники отличаются отъ другихъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ нѣсколько особымъ характеромъ и свѣдѣнія сообщаютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неполныя. Переписныя книги этихъ городовъ даютъ перечень людей, и обыкновенно съ раздѣленіемъ ихъ на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, и затѣмъ—общее количество платимаго ими оброка, безъ всякихъ указаній о распредѣленіи его не только между отдѣльными плательщиками, но даже между раз-

---

[1]) Описаніе Орѣшка и Корелы напечатаны Бѣляевымъ въ XI и XII книжкахъ Временника, (XI, 111—115, XII, 1—7), Копорья, Ямы и Ладоги—въ III т. Новгородскихъ Писцовыхъ книгъ, изд. Арх. Комиссіей, 494, 879—886, 957—960, и Ивана—тамъ же, т. IV, 227—232.

[1]) А. А. Э., I, № 205, 1545—1546.

[2]) Олонецкія губ. вѣдомости, 1854, №№ 23—31.

[3]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., № 7 стараго каталога (временно находятся въ С.-Петербургѣ, въ Археографической Комиссіи), лл. 206—242, 290—321 и 454—516.

рядами лучшихъ, середнихъ и молодчихъ людей; оброчныхъ же статей города—лавокъ, нивъ и поженъ, онѣ не описываютъ вовсе, хотя полнаго отсутствія тѣхъ и другихъ допустить очевидно невозможно; къ тому же, по описанію Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г.—лавки оказываются во всѣхъ этихъ городахъ. Сколько можно судить по тому, что въ этихъ книгахъ находимъ людей самыхъ различныхъ классовъ, а также по сравненію ихъ итоговъ съ итогами разряднаго и разметнаго списка, въ этихъ книгахъ дано перечисленіе всѣхъ жителей того или другого города. Слѣдовательно, по переписнымъ книгамъ 1500 г. мы можемъ опредѣлить количество и составъ населенія, затѣмъ ремесленную его дѣятельность; другія же его занятія, а такъ же распредѣленіе между отдѣльными членами оброчныхъ статей и денежныхъ оброковъ остаются намъ неизвѣстными. Разрядный и разметный списокъ—это есть документъ о дѣятельности новгородскихъ дьяковъ по сбору съ Новгородской области людей и денегъ для похода на Казань; въ немъ сначала приведены, по порядку ихъ полученія, всѣ указы и распоряженія изъ Москвы, а далѣе сообщается число дворовъ въ разныхъ городахъ и рядкахъ по прежней ихъ описи и по вновь произведенному письму, причемъ тутъ же и высчитано, сколько именно человѣкъ должно поставить то или другое поселеніе. Такимъ образомъ, изъ этого документа мы узнаемъ лишь цифры дворовъ людей разныхъ разрядовъ, рѣшительно безъ всякихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о населеніи. Но тѣмъ не менѣе документъ этотъ представляетъ большой интересъ, ибо даетъ возможность сравнить положеніе нѣкоторыхъ городовъ въ самомъ началѣ и въ серединѣ XVI в. Описанія Орѣшка, Ладоги и Корелы 1568 г. очень близки по содержанію ко всѣмъ другимъ книгамъ—писцовымъ и приправочнымъ XVI в.. сколько-нибудь значительное ихъ отличіе состоитъ въ томъ, что въ нихъ указана всегда мѣра дворовъ и огородовъ; относительно оброка также указана общая сумма его; замѣтимъ еще отсутствіе всякихъ сравненій съ прежнимъ письмомъ. Каргопольская сотная не имѣетъ начала; въ ней имѣемъ перечисленіе людей въ дворахъ, съ указаніемъ ихъ занятій ремеслами, затѣмъ перечисленіе дворовъ, данныхъ на оброкъ и льготу, мѣстъ дворовыхъ пустыхъ, никѣмъ на оброкъ невзятыхъ, и перечисленіе поженъ каргопольцевъ посадскихъ людей.

Самымъ значительнымъ изъ новгородскихъ пригородовъ въ началѣ XVI в. является Корела, какъ по числу жителей, такъ и по разнообразію ихъ состава. Въ самомъ городѣ находились лишь

дворъ великаго князя и пустой дворъ владыченъ; все населеніе жило на посадѣ. Главную массу его составляли «рядовые люди и рыболовы», дѣлившіеся каждые на лучшихъ и молодшихъ; повидимому, ихъ всѣхъ можно объединить подъ именемъ городчанъ, ибо въ этой книгѣ, при описаніи своеземцевъ въ ихъ собственныхъ дворахъ и дворниковъ въ дворахъ другихъ своеземцевъ, сказано: «а оброкъ съ городчаны тянутъ же»; въ описаніи другихъ городовъ этой же области найдемъ и прямо такое обозначеніе городскихъ жителей. Всего въ Корелѣ было лучшихъ людей 42 чел. въ 30 дв. (пополамъ люди рядовые и рыболовы) и 181 чел. молодшихъ въ 147 дворахъ, (38 ч. въ 32 дв. рядовые, 123 ч. въ 95 дв. рыболовы и 23 ч. въ 20 дв. «безъ промысла»)—всего слѣдовательно въ 177 дворахъ 223 человѣка; какъ прямо сказано въ книгѣ, въ оброкъ къ этимъ дворамъ приданъ еще находившійся очевидно рядомъ съ городомъ волочекъ Сванскій, купленный великимъ княземъ у Валаамскаго монастыря; въ немъ было 67 чел. въ 55 дворахъ (33 чел. въ 26 дв. рядовыхъ людей и 34 чел. въ 29 дв.—рыбные ловцы). Затѣмъ въ Корелѣ были еще своеземцы,—въ одномъ мѣстѣ ихъ описано 13 человѣкъ, владѣвшихъ 6-ю дворами, въ другомъ—не менѣе 20 человѣкъ [1]), владѣвшихъ 11-ю дворами, въ двухъ изъ которыхъ жили сами владѣльцы, а въ остальныхъ 16 дворниковъ; о первыхъ 13-ти сказано: «а живутъ на городскихъ мѣстѣхъ, на тяглыхъ, а въ оброкъ съ городчаны тянутъ», а объ остальныхъ: «да на посадѣ жъ дворы своеземцевъ Корельскихъ, а въ нихъ живутъ сами и дворники»... «а дворники съ городчаны въ оброкъ тянутъ»; далѣе находимъ въ Корелѣ еще «дѣтей боярскихъ, служилыхъ людей, москвичъ», имѣвшихъ на посадѣ 3 двора и 1 мѣсто (въ одномъ дворѣ у нихъ дворникъ),— затѣмъ 5 священнослужителей (отъ трехъ церквей) и одного сторожа церковнаго, имѣвшихъ каждый по двору, наконецъ 9 пищальниковъ и 8 воротниковъ, имѣвшихъ вмѣстѣ 9 дворовъ и 4 мѣста дворовыя. Такимъ образомъ, считая все населеніе города, находимъ тяглыхъ людей (считая всѣхъ, кромѣ ратныхъ и духовныхъ и дѣтей боярскихъ)—340 чел., нетяглыхъ 23 чел. и служилыхъ дѣтей боярскихъ 5 чел., т. е. всего 368 чел. въ 267 дворахъ. Подробнѣе

[1]) Говоримъ «не менѣе» такого-то числа тогда, когда въ перечисленіяхъ людей встрѣчаемъ указанія «съ дѣтьми», «съ братьею»—мы принимаемъ тутъ возможный minimum—т. е. предполагаемъ по двое дѣтей или братьевъ, хотя, конечно, возможно, что ихъ было и болѣе.

о состоянiи каждаго изъ этихъ разрядовъ людей скажемъ ниже, сразу относительно всѣхъ этихъ городовъ [1]).

Слѣдующимъ послѣ Корелы по величинѣ городомъ была Яма. Изъ описанiя ея мы узнаемъ, что въ самомъ городѣ былъ дворъ намѣстника, дворъ городчика, въ которомъ и жилъ городчикъ, и 8 осадныхъ дворовъ двадцати трехъ человѣкъ жителей Ямы, имѣвшихъ дворы на посадѣ; въ этихъ дворахъ 8 дворниковъ, о которыхъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣнiй кромѣ именъ собственныхъ и указанiя въ одномъ случаѣ ремесла дворника и замѣчанiя, что дворникомъ состоитъ братаничъ владѣльца двора—въ другомъ; затѣмъ главную массу жителей составляли своеземцы и люди городскiе, дѣлившiеся на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, изъ которыхъ одни жили на посадѣ, а другiе въ городѣ, причемъ, однако, ихъ дворы не названы осадными. Всего тутъ своеземцевъ было: 59 лучшихъ, имѣвшихъ 30 дворовъ на посадѣ и 2 дв. въ городѣ, 69—середнихъ, имѣвшихъ 47 дв. на посадѣ и 3 дв. въ городѣ, и

---

[1]) У насъ итоги тутъ получились отличные отъ итоговъ книги, хотя ихъ можно, пожалуй, свести; въ итогахъ книги, повидимому, что-то спутано; странно уже и то, что помѣщены они не въ концѣ описанiя, а въ серединѣ, такъ что, напр., цифры о Сванскомъ волочкѣ введены въ итогъ прежде, чѣмъ въ описанiи хоть словомъ объ этомъ волочкѣ упомянуто. Въ книгѣ итогъ помѣщенъ (Временникъ, кн. XII, 4) послѣ описанiя дворовъ городчанъ и 13-ти своеземцевъ и читается такъ: «и всѣхъ дворовъ въ Корелѣ на посадѣ и внутри города своеземцевыхъ и рядовыхъ людей и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ по старому письму 183, и съ тѣми шестью дворы, что на Балакшинскихъ мѣстѣхъ; а людей въ нихъ своеземцевъ и рядовыхъ и рыболовей 357 чел. и съ Балакшинскими семью поземщики. А великаго князя оброка давали полчетвертанадцата рубля, и съ тою полтиною, что давали съ Балакшинскихъ мѣстъ. А по новому письму въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ и рядовыхъ людей и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ тяглыхъ 188 дворовъ, а людей въ нихъ своеземцевъ и рядовыхъ людей и рыболовей тяглыхъ 232 чел. А великаго князя оброку положено на нихъ полъодиннадцата рубля денегъ. А придалъ имъ въ тотъ оброкъ князь великiй волочекъ Сванскiй, что купилъ князь великiй у Валаамскаго монастыря». По цифрамъ людей подходитъ къ нашему итогу первый, т. е. *не тотъ*, который названъ итогомъ по новому письму: и у насъ будетъ 357 чел. если мы сосчитаемъ всѣхъ, кромѣ духовныхъ; но число дворовъ и тутъ не сходится; итогъ же по новому письму совершенно не соотвѣтствуетъ тексту. Быть можетъ, недоразумѣнiя разъяснились бы при изученiи подлинной рукописи: возможно, что тутъ перепутаны листы или что въ рукопись, съ которой документъ изданъ, внесенъ итогъ какого-то другаго письма; но, впрочемъ, мы должны сказать, что неточности и даже явныя ошибки мы еще не разъ встрѣтимъ въ итогахъ писцовыхъ книгъ.

85—молодыхъ, имѣвшихъ 59 дв. на посадѣ и 8 дв. въ городѣ, и городчанъ: 14 лучшихъ, имѣвшихъ 7 дв. на посадѣ и 1 въ городѣ, 28 середнихъ, имѣвшихъ 19 дв. на посадѣ и 2 въ городѣ, и наконецъ—69 городчанъ молодыхъ, имѣвшихъ 50 дв. на посадѣ и 6 въ городѣ; слѣд., всего своеземцевъ тутъ 213 чел., имѣвшихъ 133 дв. на посадѣ и 13 въ городѣ, и городчанъ—111 чел., имѣвшихъ 76 дв. на посадѣ и 9 въ городѣ; всего же съ дворниками 332 чел. въ 239 дв., считая съ осадными Кромѣ этихъ людей, никакихъ другихъ въ книгѣ не упомянуто.

Въ Орѣшкѣ главную массу населенія составляли также своеземцы и городчане, люди лучшіе и молодые; именно, тутъ было городчанъ лучшихъ 20 чел. въ 12 дворахъ, молодыхъ 144 чел. въ 124 дворахъ; своеземцы и тутъ описаны въ двухъ мѣстахъ: первый разъ въ самомъ началѣ книги 25 чел. лучшихъ въ 12 дворахъ (двое изъ нихъ имѣли еще по двору въ городѣ) и затѣмъ 24 чел. своеземцевъ, имѣвшихъ 10 дворовъ на посадѣ и 7 въ городѣ, описаны уже послѣ итога; на ихъ дворахъ жили 18 дворниковъ, о которыхъ сказано: «съ городчаны тянутъ»; точно такъ же «нынѣ приданы въ тотъ же оброкъ въ восемь рублей» еще два поземщика великаго князя (въ 2-хъ дворахъ), и «въ оброкъ и во всѣ потуги тянутъ съ городчаны» еще два человѣка, жившіе въ поземныхъ дворахъ великаго же князя. Большинство этого населенія и большинство дворовъ на посадѣ: въ городѣ изъ этого числа лишь 5 дворовъ шести молодшихъ городчанъ и семь дворовъ, съ семью же дворниками, своеземцевыхъ; затѣмъ внутри же города нетяглыхъ—6 священнослужителей (отъ трехъ церквей) и 1 сторожъ въ семи дворахъ и 6 пищальниковъ и 3 воротника въ 9 дворахъ; внутри же города пустой дворъ намѣстника; затѣмъ еще пустыхъ 5 дв. не менѣе, чѣмъ десяти человѣкъ, и на посадѣ 5 дв. пустыхъ шести человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ изъ Корельскаго города; на посадѣ же еще 4 м. пустыхъ четырехъ человѣкъ и мѣсто, данное помѣщику Ив. Вчеркову съ дѣтьми. Всего, слѣд., въ Орѣшкѣ 245 чел. тяглыхъ въ 174 дв. и 16 нетяглыхъ въ 16 же дворахъ; кромѣ того, еще не менѣе 23 чел. владѣли 10 пустыми дворами и 5 мѣстами [1]).

[1]) И въ описаніи Орѣшка книга даетъ два итога, съ которыми не совсѣмъ сходится нашъ, полученный на основаніи счета дворовъ и людей, поименованныхъ въ текстѣ; странно еще то, что здѣсь ближе подходитъ итогъ по новому письму, тогда какъ въ описаніи Корелы ближе подходилъ къ нашему итогу итогъ стараго письма. Послѣ описанія всѣхъ дворовъ городчанъ

Ладога имѣла въ 1500 г.: нетяглыхъ дворовъ дворъ намѣстника, дворъ тіуна, три двора трехъ поповъ и осадный дворъ своеземца, въ которомъ жили дворникъ съ сыномъ, тянувшіе, однако, въ оброкъ съ городчанами; затѣмъ на посадѣ жили, тутъ безъ дѣленія на своеземцевъ и городчанъ, 14 чел. людей лучшихъ въ 9 дворахъ, 21 чел. середнихъ въ 15 дворахъ и 60 чел. молодшихъ въ 53 дворахъ [1]); далѣе съ обозначеніемъ «молодшіе жъ» перечислено 38 чел., въ 30 дворахъ, поземщиковъ пяти церквей,— въ числѣ ихъ попъ, дьячекъ и сторожъ церковный; всего слѣд. въ Ладогѣ, съ дворниками и священнослужителями — въ 111 дворахъ 138 чел.

Въ Иванѣгородѣ были въ самомъ городѣ 4 двора «купецкіе» («дв. Ив. Дехтеревъ, москвитинъ, дв. Якушъ Напруцкій, москвитинъ же, дв. Андреянко Анцифоровъ бѣлочникъ, дв.. .. (полиняло) хлопецъ новгородецъ») и нетяглый дворъ попа; затѣмъ 27 дворниковъ въ 27 же дворахъ и 169 чел. въ 135 дворахъ, описанные подъ такимъ заголовкомъ: «торговые люди и казаки», причемъ при именахъ встрѣчаются лишь указанія ремесла или мѣста происхожденія, и никогда—указанія, кто же именно этотъ человѣкъ—торговый или казакъ; тутъ не видимъ дѣленія не только на своеземцевъ и городчанъ, но даже на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ.

Наконецъ, въ Копорьи находимъ всего: въ самомъ городѣ дв. великаго князя, дв. намѣстничъ, дворъ тіунскій, дв. Бѣлосельскаго пустъ, 4 двора 4 воротниковъ, сторожей городныхъ, и на посадѣ еще 2 двора двухъ воротниковъ, 1 дворъ пищальника и 12 дворовъ двѣнадцати же городскихъ людей, о которыхъ и здѣсь не сказано, лучшіе, середніе или молодшіе они люди.

и части дворовъ своеземцевыхъ читаемъ (Временникъ, XI, 113): «и всѣхъ дворовъ въ Орѣшкѣ по старому внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городскихъ людей тяглыхъ 163, а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 300 безъ 3 человѣкъ. А великаго князя оброку 10 р. давали. А по новому письму дворовъ въ Орѣшкѣ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ тяглыхъ 139 дв., а людей въ нихъ своеземцевъ и городчанъ 189 чел. тяглыхъ. А великаго князя оброку положено на нихъ 8 рублевъ». Въ той части текста, послѣ которой помѣщенъ итогъ, и по нашему счету описано 189 чел., только въ 138, а не въ 139 дворахъ; но мы для своего итога въ текстѣ считали необходимымъ присоединить и всѣхъ тѣхъ людей, о которыхъ сказано, что они тянутъ съ городчаны.

[1]) И тутъ у насъ различіе съ напечатаннымъ итогомъ (Новг. Писц. книги, III, 960, 1—8), гдѣ значится 108 дворовъ, а людей въ нихъ 137 чел.; но нашъ счетъ сходится съ текстомъ.

И во второй половинѣ XVI в. наиболѣе значительнымъ городомъ была Корела. По описанію 1568 года въ ней было дворовъ нетяглыхъ: дворъ воеводскій, дворъ намѣстничъ, 2 двора доводчиковъ — въ трехъ послѣднихъ три дворника, дворъ пустой тіунскій, м. дв. князя Сем. Путятина, 7 дв. и 2 м. дв. не менѣе какъ за 25-ю чел. земцами, 2 двора и 1 мѣсто трехъ пушкарей и 3 дв. и 1 м. четырехъ воротниковъ; тяглыхъ дворовъ— 407, въ нихъ 581 чел.; тутъ, какъ еще въ Ладогѣ, не указано дѣленія на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ; только въ концѣ описанія города 46 чел. въ 39 дворахъ обозначены молодшими, объ остальныхъ же подобныхъ замѣчаній нѣтъ. Попрежнему при г. Корелѣ описанъ и Сванскій волочекъ, на которомъ было 67 чел. тяглыхъ людей въ 53 дв., всего, слѣд., считая вмѣстѣ и земцевъ, въ Корелѣ и Сванскомъ волочкѣ указано 683 чел. и 482 дв. и мѣстъ. Въ книгахъ 1568 г. при каждомъ дворѣ, за самыми немногими исключеніями, указанъ и огородъ, причемъ даются и измѣренія то отдѣльно двора и огорода, то вмѣстѣ; но мы, поэтому, можемъ считать площади, занятыя дворами и огородами только вмѣстѣ. Всего въ Корелѣ подъ дворами и огородами было немного менѣе 7 дес. и въ Сванскомъ волочкѣ—ровно десятина; затѣмъ кореляне посадскіе люди пахали еще 45 десятинъ и жители волока—11 дес. и косили первые—500 и вторые 150 копенъ сѣна; амбаровъ и щербетей было въ Корелѣ 22, на волочкѣ 4, каждый не менѣе 1 с. съ локтемъ и не болѣе $2^1/_2$ саж.; наконецъ, жители Корелы и волочка промышляли рыбною ловлею и имѣли 6 мельницъ, 3 толчеи. И оброки, кромѣ оброковъ съ земли, мельницъ и рыбныхъ ловель, платили кореляне и жители Сванскаго волочка вмѣстѣ—именно за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ откупу въ государеву казну 160 р. да пошлинъ съ этого оброку 9 р. 25 алт. 2 д., затѣмъ пищальныхъ денегъ 180 р. 5 алт. и прибавки къ нимъ 12 р. 10 а.; таможенныхъ доходовъ сбиралось тутъ ежегодно 191 р. 6 а. 4 д.; съ амбаровъ и щербетей платилось тутъ, какъ и въ Орѣшкѣ и Ладогѣ, по описанію 1568 г., посаженно—съ сажени по 10 д.; съ рыбныхъ ловель кореляне платили 98 р. да пошлинъ по 10 д. съ рубля, а жители волочка 28 а.; всего, слѣд., жители Корелы платили не менѣе 660 р. Въ Корелѣ, наконецъ, упомянуто 4 монастыря и церковь, причемъ у двухъ монастырей было по двору, въ одномъ изъ коихъ жили монастырскіе слуги, у двухъ монастырей было 19 четей пашни и 135 копенъ сѣна въ обжи не положенныхъ, 2 мельницы и 2 толчеи безоброчныхъ и толчея и двѣ

мелеи (sic), съ которыхъ шло оброку по 1 р. въ годъ; на землѣ одного монастыря стояли 31 амб., съ которыхъ оброку государю не шло, а монастырь получалъ съ каждаго амбара по 1 алт.

Въ Орѣшкѣ по описанію его въ 1568 г. были нетяглые дворы намѣстничъ, городового прикащика и монастырскій; затѣмъ 2 двора, въ которыхъ жили священникъ съ братомъ и просвирня, 2 двора, въ которыхъ жили два воротника, дворъ и мѣсто двухъ пушкарей и 1/2 двора толмача; тяглыхъ было всего 207 дв.: 173 дв. молодшіе и середніе (описаны вмѣстѣ), въ нихъ 285 человѣкъ, 30 дворовъ добрыхъ, въ нихъ 57 чел., и 4 двора, въ нихъ 4-же священника, безъ обозначенія, какими нужно считать ихъ—добрыми, середними или молодшими, — у одного изъ тяглыхъ былъ еще подсусѣдникъ—всего, слѣдовательно, указано въ Орѣшкѣ 352 чел. и 216 дв. и м. При каждомъ дворѣ указанъ огородъ; здѣсь огороды занимаютъ сравнительно бо́льшія пространства, чѣмъ въ Корелѣ, и всего подъ огородами и дворами черными болѣе 25 дес., пашни зато уже не указано, но указано 60 дес. лугу; размѣры огородовъ очень различны; но въ общемъ огороды людей добрыхъ болѣе чѣмъ въ полтора раза обширнѣе, чѣмъ огороды людей молодшихъ и середнихъ [1]). Амбаровъ и щербетей тутъ 15, оплачивались они такъ же, какъ въ Корелѣ; наконецъ, у жителей было довольно много мѣстъ для рыбной ловли. Оброковъ всего жители Орѣшка платили «государева оброку» 17 р. 9 а. 2 д., да пошлинъ съ него 28 а. 5 д., пищальныхъ денегъ и съ прибавочными—48 р. 7 1/2 д., да пошлинъ 8 а., мѣховой пошлины 36 а., и таможенныхъ денегъ сбиралось на государя ежегодно около 65 р.; съ рыбныхъ ловель платилось тутъ ежегодно 12 р. 2 а. всего, слѣд., до 150 р. Въ Орѣшкѣ упомянута лишь одна церковь.

Въ Ладогѣ было всего нетяглыхъ дворовъ: дворъ намѣстника, дворъ зелейный, на которомъ жилъ дворникъ, и дворъ, въ которомъ жилъ священникъ; тяглыхъ дворовъ было тутъ 112, въ нихъ 148 чел.; затѣмъ, на шести дворахъ было еще 6 подсусѣдниковъ, которые въ разсчетъ для итога людей, жившихъ во дворахъ, неприняты. Огородовъ тутъ опять значительно меньше, чѣмъ въ Орѣшкѣ, именно всего около 6 дес., зато является снова пашня—39 2/3 дес. и 5 дес. сѣнокосу и довольно значительныя рыбныя ловли; амбаровъ и щербетей тутъ 33, затѣмъ

---

[1]) На дворъ добрый приходится огородной земли въ Орѣшкѣ среднимъ числомъ по 950 кв. с., а на дворъ середній и молодшій—по 580 кв. с.

еще 12 амбаровъ на землѣ монастырской, причемъ посаженная плата 10 денегъ съ сажени шла, повидимому, и съ тѣхъ и съ другихъ, кромѣ того, что съ монастырскихъ шло въ монастырь по 2 алт. съ амбара. Оброковъ съ ладожанъ шло: пищальныхъ денегъ 36 р. 26 а. $5^1/_2$ д., да пошлинъ 6 а., да «оброку» 3 р. 8 а., «съ двора по 1 алт.», да пошлинъ 5 а. $2^1/_2$ д., да за намѣстничъ откупъ 25 р., да пошлинъ съ него $1^1/_2$ р., съ рубля по 2 алт., да за пашню и пожни — 63 алт. $1^1/_2$ д., да пошлинъ 7 д., да за рыбною ловлю разныхъ сборовъ—54 р. 25 а., всего 120 р. Въ Ладогѣ упомянуто 4 монастыря, у двухъ изъ которыхъ $^1/_2$ дес. огороду, $^1/_2$ дес. покосу и небольшой участокъ для рыбной ловли, съ котораго платилось 30 а.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія собственно о количествѣ и составѣ населенія этихъ городовъ, какія заключаются въ извѣстныхъ намъ книгахъ; о Корелѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ и Ладогѣ въ книгахъ 1500 г. приведены еще сравненія со старымъ письмомъ; итоги эти относительно Корелы и Орѣшка неясны и трудно съ увѣренностью сказать, какъ нужно понимать ихъ; относительно же Ямы и Ладоги видно, что въ обоихъ этихъ городахъ населеніе и число дворовъ увеличилось: въ Ямѣ было прежде дворовъ 201, людей 257, а въ Ладогѣ—дворовъ 84, а людей въ нихъ 174. Мы видимъ такимъ образомъ, что эти города полны жителями — пустыхъ дворовъ и мѣстъ въ нихъ очень немного. Замѣчательно, что до самой половины XVI в. колебанія числа жителей каждаго изъ этихъ городовъ очень незначительны; и по переписнымъ книгамъ количество населенія по старому письму не рѣзко отличается отъ количества его по новому и точно также въ Разрядномъ и разметномъ спискѣ указаны въ Ладогѣ 106 дворовъ, а въ ссылкѣ на старое письмо—именно, какъ по книгамъ 1500 г. — 111; въ Ямѣ въ 1545—1546 гг. было тяглыхъ 177 дв., а въ ссылкѣ на старое письмо указано, какъ у насъ, 239 дв.; въ Орѣшкѣ было по разрядному списку 107 дв. живущихъ и 98 пустыхъ, а по старому письму 172 (мы видѣли въ немъ 190 дворовъ); о Корелѣ въ спискѣ 1545—1546 г. нѣтъ цифры, относящейся къ этому времени, а по старому письму общее число дворовъ 279 оказывается очень близкимъ къ найденному нами (267); по книгамъ же 1568 г. мы видимъ даже увеличеніе населенія въ этихъ городахъ. Такое незначительное колебаніе числа жителей въ періодѣ почти полувѣка является одною изъ отличительныхъ чертъ положенія этихъ городовъ сравнительно съ городами другихъ мѣстностей. Замѣчателенъ также одно-

образный посадскій характеръ населенія этихъ городовъ: людей, нетянувшихъ съ посадскими, во всѣхъ ихъ очень немного, считая даже съ духовенствомъ и ратными людьми: именно первые составляли около $1^1/_2$, а вторые—$4^1/_2$% всего числа жителей, такъ что тянувшіе тягло составляли 94% всего городскаго населенія; замѣчательно такъ же ничтожное число въ каждомъ городѣ людей изъ другихъ городовъ: только въ Иванѣгородѣ встрѣчаемъ среди жителей 4 псковитиновъ и новгородца, да къ числѣ владѣльцевъ купецкихъ дворовъ — двухъ москвитиновъ и новгородца и затѣмъ въ Орѣшкѣ—двухъ изъ Корелы.

О г. Каргополѣ въ началѣ второй половины XVI в. мы узнаемъ немного: у сотной его утрачено, повидимому, около половины: по итогу въ Каргополѣбыло тяглыхъ дворовъ 476, а людей въ нихъ 523 чел.—описано же только 297 чел. въ 256 дворахъ, затѣмъ идутъ два двора и три мѣста, данные на льготу четыремъ человѣкамъ, и далѣе—50 м. дв. и 13 дв. пустыхъ, никѣмъ на оброкъ и льготу невзятыхъ; въ заключеніе указаны пожни каргопольцевъ посадскихъ людей; находимъ еще нѣсколько данныхъ объ оброкахъ съ жителей, которыя и разсмотримъ ниже; относительно же населенія можемъ только замѣтить, что и здѣсь пустоты, сравнительно съ живущимъ, очень немного; мы видѣли это-же явленіе и относительно другихъ новгородскихъ пригородовъ въ теченіе всей первой половины XVI в., далѣе увидимъ то же и въ псковскихъ пригородахъ при ихъ обычномъ положеніи; это есть тоже, какъ увидимъ, одинъ изъ существеннѣйшихъ отличительныхъ признаковъ городовъ сѣверозападной части Московскаго государства въ XVI в.

Въ описаніи Корелы, Ямы и Орѣшка въ книгахъ 1500 г. мы видѣли дѣленіе жителей на городчанъ и своеземцевъ; въ книгахъ тѣхъ же городовъ 1568 г. уже нѣтъ особыхъ итоговъ земцевъ, а только при описаніи того или другого отдѣльнаго двора отмѣчается, что въ немъ живетъ земецъ; но тождество терминовъ «земецъ» и «своеземецъ» не можетъ подлежать сомнѣнію: въ Корелѣ, напр., по описанію 1568 г. являются земцами люди съ тѣми же самыми фамиліями, съ какими въ книгѣ 1500 были люди, названные своеземцами [1]). Книги того и другого города не выдѣляютъ ничѣмъ рѣшительно земцевъ отъ городчанъ: и тѣ и другіе называются вообще черными тяглыми людьми, дворы тѣхъ и другихъ входятъ въ итогъ черныхъ тяглыхъ дворовъ, тѣ и другіе дѣлятся на луч-

---

[1]) То земцами, то своеземцами находимъ нѣсколькихъ Ракульскихъ.

шихъ, середнихъ и молодшихъ, какъ дѣлились только тяглые люди. Но вмѣстѣ съ тѣмъ по книгамъ 1568 г. очевидно, что земцы— не просто только черные тяглые люди: земцы бывали городовыми прикащиками, они имѣли чаще нетяглые дворы съ дворниками, они, наконецъ, выдѣлены ясно отъ крестьянъ, когда сказано въ описаніи рыбныхъ ловель корелянъ, что ловли эти «за Кореляны за посадскими людьми, за старостою (...и т. д.) и за всѣми посадскими людьми Корельскаго городка, да Корельскаго-жъ городка за игумены...., да Корельскаго-жъ присуда Воскресенскаго погоста за кн. Сем. Путятинымъ, да за Третьякомъ Петровымъ Рокульскимъ и всего Воскресенскаго погоста *за дѣтьми боярскими и за земцы и за ихъ крестьяны...*» и т. д. [1]). На основаніи этихъ данныхъ и припоминая еще и грамоты въ Новгородъ, въ которыхъ приказывается земцевъ и помѣщиковъ извѣстить, что они должны явиться на ратную службу [2]), мы думаемъ, что земцы были дѣтьми боярскими, быть можетъ, нѣсколько низшими, чѣмъ дѣти боярскіе остальныхъ областей, но все же какими-то служилыми людьми. Тотъ же фактъ, что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно являлись иногда и тяглыми, нужно объяснять тѣмъ, что, поселившись почему-либо въ городѣ, на общинной городской землѣ, они принимали участіе и во всѣхъ общинныхъ повинностяхъ. Мы сейчасъ скажемъ еще о нѣкоторыхъ совершенно аналогичныхъ фактахъ именно въ этихъ же городахъ, а пока замѣтимъ только, что нигдѣ въ другихъ городахъ, кромѣ изучаемыхъ нами теперь городовъ сѣверо-западной части тогдашняго Московскаго государства, мы не видимъ участія дѣтей боярскихъ въ общинномъ тяглѣ; повсюду люди служилые, получая въ свое владѣніе участки общинной земли, немедленно же обѣляютъ ихъ. Мы имѣемъ относительно этихъ земцевъ вообще очень мало свѣдѣній, и изслѣдователи не сходятся въ опредѣлени, кто такіе они были; но несомнѣненъ фактъ, что къ концу вѣка они исчезли— и по нашимъ книгамъ въ 1500 г. ихъ видимъ болѣе, чѣмъ въ 1568 г. [3]).

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7, л. 507.

[2]) Д. А. И., I, № 65, 1555.

[3]) *Соколовскій* (Очеркъ экономич. быта, 4) говоритъ: «На сѣверозападѣ, въ областяхъ Новгорода и Пскова, былъ еще классъ мелкихъ собственниковъ земли—своеземцевъ. Одни изъ нихъ обработывали свои участки сами, иногда съ помощью наемныхъ работниковъ—захребетниковъ и подворниковъ,— другіе сдавали ее крестьянамъ изъ извѣстной доли продукта на одинаковыхъ

Затѣмъ, очень интереснымъ является тотъ фактъ, что жители городовъ Новгородской области, и своеземцы, и городчане, люди тяглые, частью сами обработываютъ землю, частью владѣютъ въ уѣздахъ населенными землями и получаютъ съ живущихъ на нихъ крестьянъ оброкъ [1]). Мы, однако, по плану и размѣрамъ своей работы, не можемъ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе, такъ

условіяхъ съ остальными землевладѣльцами: вообще этотъ классъ занималъ середину между крестьянами и землевладѣльцами. Въ продолженіе XVI в. онъ постепенно исчезаетъ.» *Блюменфельдъ* (О формахъ землевладѣнія, 143) говоритъ: «въ Новгородской землѣ въ концѣ XV и въ XVI в. удерживался еще немногочисленный классъ крестьянъ собственниковъ, такъ называвшихся «своеземцевъ». Такіе вотчинники или сами обработывали свои участки, или принимали на свои земли крестьянъ, составляя переходный типъ къ помѣстному классу». *Владимірскій-Будановъ* говоритъ о нихъ такъ: («Обзоръ исторіи русскаго права», вып. I, изд. 1886 г., 109—110): «лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сельскій тяглый человѣкъ могъ достигать такой имущественной состоятельности, что не нуждался въ занятіи ни общиннаго участка, ни участка въ землѣ частновладѣльческой, а владѣлъ какъ собственникъ землею на частномъ (тягломъ, а не служиломъ) правѣ. Это такъ называемые *своеземцы*, замѣчаемые въ прежнихъ владѣніяхъ В. Новгорода (на сѣверѣ Россіи). Обыкновенно такія земли составляли результатъ первоначальной расчистки и владѣльцы ихъ были колонизаторами дикихъ и пустыхъ мѣстъ, невходившихъ ни въ какую волость и ни въ чью вотчину... этотъ видъ тяглой собственности, уцѣлѣвшій только на сѣверѣ, въ остальныхъ мѣстахъ исчезъ безслѣдно; своеземецъ, подавленный тяжестью налоговъ, продавалъ свой участокъ служилому владѣльцу или бросалъ его въ пользу общины. Уцѣлѣло только оброчное владѣніе частными лицами изъ крестьянъ.» Но *Соловьевъ* правильно считаетъ земцевъ мѣстными помѣщиками: «въ Новгородской области, говоритъ онъ (VII, 19—20), сохранилось еще различіе между земцами и выводными изъ низовыхъ областей служилыми людьми»...; въ Д. А. И. I, № 65, 1555, читаемъ «писали есмя къ вамъ напередъ сего, да и грамоты во всѣ пятины къ Новгороду помѣщикомъ и земцемъ къ вамъ послали, а велѣли вамъ тѣ грамоты къ нимъ разослати, да и отъ себя вамъ велѣли есмя къ нимъ грамоты послати, чтобъ они и съ людьми, и съ коньми, и съ доспѣхомъ на нашу службу были готовы. И вы бъ нынѣ во всѣ пятины ко всѣмъ Ноугородцкимъ помѣщикомъ и къ земцомъ, по нашему слову, грамоты разослали часа того», и т. д.; въ А. И., I, № 140, 1539, въ отрывкѣ розыскного дѣла о побѣгѣ Фрязина упоминаются «два сына боярскіе земцы» въ Новгородской области. Но въ вопросѣ объ этихъ земцахъ такъ и остается много еще неяснаго; не указаны ихъ юридическія отличія отъ прочихъ дѣтей боярскихъ, совершенно не опредѣлено ихъ число, число у нихъ крестьянъ и повинности крестьянъ по отношенію къ нимъ, равно какъ и обстоятельства, сопровождавшія исчезновеніе этого класса или превращеніе его въ другой.

[1]) Напр., въ описаніи г. Ямы, въ числѣ дворовъ людей городскихъ середнихъ, читаемъ: «дв. вдова Анна Гридинская жена»—а послѣ описанія города, подъ заголовкомъ: «въ Ямскомъ же уѣздѣ, въ Окологородьѣ, сельца и

какъ это заставило бы насъ привлечь къ изслѣдованію массу новаго матеріала—мы должны были бы тщательнѣйшимъ образомъ изучить всѣ новгородскія писцовыя книги, ибо имѣя хотя бы одинъ случай, что житель одного города имѣетъ землю въ уѣздѣ другого, мы должны допустить возможность и другихъ подобныхъ случаевъ [1]) и, слѣдовательно, для полнаго рѣшенія этого вопроса намъ пришлось бы изучить всѣ писцовыя книги новгородскія, что далеко выходитъ за предѣлы нашего изслѣдованія. Поэтому здѣсь мы только указываемъ этотъ фактъ и отмѣчаемъ еще, что землями въ уѣздѣ владѣли и своеземцы, и городчане [2]), такъ что въ этомъ отношеніи между ними было, повидимому, развѣ только количественное, но не качественное различіе; количественное же различіе находимъ между ними и въ томъ, что въ Ямѣ изъ 38 ремесленниковъ только трое, а въ Орѣшкѣ (по письму 1568 г.)—

деревни городскихъ людей и (?) Ямлянъ» читаемъ: «Захара да Демида Яковлихъ дѣтей съ братьею, да Ив. Кузмина да *Анны Гридины жены* деревня Клинъ Kряково... 6 дворовъ, а въ нихъ 6 человѣкъ, сѣютъ ржи 16 коробей, а сѣна косятъ 70 копенъ, 4 обжи, соха съ третью; а доходу Ямлянамъ четверть изъ хлѣба»—Новг. Писц. книги III, 881, 35 и 886—887; точно также одинаковыя имена въ числѣ людей лучшихъ или середнихъ и владѣльцевъ земли, получавшихъ съ крестьянъ оброкъ, напр. 879, 38 и 889, 28; 881, 15 и 887, 4 и др. Во Временникѣ (XI, 104) читаемъ, напр.: «въ Михайловскомъ же погостѣ деревни своеземцевы. Кондрата Захарова да его братаничевъ Гриди да Ивашка Ивашковыхъ. Въ вел. князя въ дер. въ оброчной въ Волкинѣ въ Палкинской Мѣдяева; на своеземцевыхъ жеребьяхъ въ дву дворахъ сами живутъ своеземцы; сѣютъ ржи 12 коробей, а сѣна косятъ 60 копенъ; 3 обжи соха». «На сѣверѣ еще удержался порядокъ (и въ XVII в), по которому посадскіе люди могли владѣть вотчинами»—*Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, 143.

[1]) Напр. въ описаніи Каргалскаго погоста въ Капорьскомъ уѣздѣ, читаемъ: «отдана *Иваногородцамъ* Якушу Ильину да его дѣтямъ Палкѣ да Онтонцу Лукинскимъ людемъ Ѳедорова» (Новг. Писц. кн. III, 495, 28—30)—и дѣйствительно Палка Яхновъ встрѣчается въ описаніи Ивангорода; тамъ же, 6, строки 25—33, т. е. въ книгѣ Вотской пятины, читаемъ: «Въ Кречневскомъ же погостѣ деревни своеземцевы. Онтоманка да Степанка, Микулиныхъ дѣтей Юшкова: Д. на ручью на Горньцѣ: дв. Давыдко Тимохинъ, с. его Якушъ, сѣетъ ржи 5$^1/_2$ коробей, а сѣна косятъ 30 копенъ, обжа, треть сохи; а дохода своеземцамъ деньга, поклону пятокъ льну, а изъ хлѣба половье; а сами живутъ въ Шелонской пятинѣ.

[2]) Такъ что Соловьевъ былъ неправъ, сказавши (VII, 396): «въ Московскомъ государствѣ въ описываемое время не было земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ; землевладѣльцами были государство, церковь, служилые люди—отчинники»—ибо нѣкоторые изъ этихъ землевладѣльцевъ были земледѣльцами.

только одинъ изъ своеземцевъ, всѣ же остальные—городчане; наконецъ, въ книгѣ г. Корелы подъ заголовкомъ «мѣста своеземцевъ» находимъ мѣсто человѣка, описаннаго ранѣе въ числѣ лучшихъ рядовыхъ людей [1]), и это даетъ основаніе думать что между двумя этими разрядами по крайней мѣрѣ по ихъ отношенію къ городу рѣзкаго различія не было. Особенностью городовъ изучаемой теперь нами области является значительное количество дворовъ, въ которыхъ указано не по одному человѣку, а по нѣскольку; что это не всегда родственники, поименованные лишь потому, что документъ нашъ есть книга переписная, т. е. что это не есть особенность книги, а особенность городовъ изучаемой области, доказывается частью отчествами и фамиліями, главнымъ же образомъ тѣмъ, что постоянно приходится людей всего болѣе на дворъ лучшій, менѣе на дворъ середній и всего менѣе на дворъ молодшій, причемъ цифры разныхъ городовъ сходятся очень близко. Именно, по письму 1500 г., на 100 дворовъ добрыхъ приходится въ Ямѣ 182 ч., въ Ладогѣ—155, въ Орѣшкѣ 153, въ Корелѣ 140; на 100 дворовъ середнихъ—въ Ямѣ 136 ч., въ Ладогѣ—140, и на 100 дворовъ молодчихъ—въ Ямѣ 128, въ Корелѣ 123, Орѣшкѣ 120 и Ладогѣ 113 ч.; на 100 дворовъ поземщиковъ въ Ладогѣ приходится 128 ч.; въ Иванѣ-городѣ, гдѣ раздѣленія на лучшіе, середніе и молодые не указано, приходится на 100 дворовъ 125 чел.; мы думаемъ, что здѣсь, въ Иванѣ, были все люди молодые—они названы «люди торговые и казаки», а на сѣверѣ слово «казакъ», обозначая наемнаго рабочаго, приближалось по значенію къ слову бобыль [2]). По письму же 1568 г. въ Орѣшкѣ на 100 дв. лучшихъ приходилось 190 чел., а на 100 дворовъ молодшихъ и середнихъ (вмѣстѣ)—158 чел. Въ описаніи Ивангорода все его населеніе обозначено словомъ «люди торговые»; но невѣроятно предположеніе, чтобы всѣ они торговали; по нашему мнѣнію, мы и здѣсь видимъ терминъ «люди торговые» для обозначенія вообще людей низшаго сословія, въ противополож-

---

[1]) Дворъ и мѣсто Карпа Искры—Временникъ, XII, матеріалы, 6—7.

[2]) *Соловьевъ*, VII, 53: «кромѣ названія «наймитъ» для обозначенія вольнонаемнаго работника, въ томъ же смыслѣ продолжаемъ встрѣчать слово «казакъ», преимущественно, когда дѣло идетъ о промышленности неземледѣльческой»; въ уставной грамотѣ Сумской волости крестьянамъ Соловецкаго монастыря 1564 г. (А. А. Э., I., № 269) читаемъ: «а у которыхъ земскихъ людей дѣти или племянники, а будутъ поспѣли промышляти звѣрь, и птицу, и рыбу ловити, и ягоды, и грибы брати и вы бъ на тѣхъ клали противъ казаковъ, по разсужденію, кто чего достоинъ».

ность людямъ высшаго сословія, служилымъ; примѣры этого увидимъ еще болѣе ясные ниже. Относительно дѣленія на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ можемъ отмѣтить, что о какомъ-либо различіи въ экономическомъ положеніи людей лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, хотя бы даже о различіи оброка, мы не находимъ никакихъ указаній; въ одномъ случаѣ видимъ, что названы записанными въ середнихъ двое, въ самомъ текстѣ занесенные въ число молодыхъ [1]); вѣроятнѣе всего, тутъ какая-нибудь ошибка или описка книги; но нельзя считать совершенно невозможнымъ предположеніе, что это дѣленіе значило такъ мало, что было можно одного и того же человѣка въ одномъ случаѣ счесть середнимъ, въ другомъ—молодымъ. И дальше мы будемъ еще имѣть нѣсколько разъ случай указать, что иногда человѣкъ молодшій платилъ болѣе, чѣмъ иной середній и даже добрый; а это служитъ доказательствомъ, что не на денежныхъ податяхъ, платимыхъ разными людьми, основывалось ихъ дѣленіе на лучшихъ, середнихъ и молодыхъ, а конечно на тяглѣ, какое тянулъ тотъ или другой, на различіи въ количествѣ исполняемыхъ тѣмъ или другимъ натуральныхъ повинностей; и мы видѣли уже выше, что въ Орѣшкѣ (по письму 1568 г.) огородной земли напр., приходилось на дворъ лучшій значительно болѣе, чѣмъ на дворъ молодшій. Тогда является вполнѣ естественнымъ и указанное нами выше явленіе, что на дворъ добрый приходилось людей всего болѣе, а на дворъ молодшій—всего менѣе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы видимъ въ одномъ дворѣ по нѣскольку человѣкъ, не должно одного изъ нихъ считать за хозяина двора, а другихъ за сусѣдей, подсусѣдниковъ или вообще зависимыхъ людей, а нужно считать ихъ всѣхъ за полноправныхъ и равныхъ людей, отчасти уже по одному тому, что часто такими совмѣстными владѣльцами дворовъ являются отцы съ дѣтьми или братья съ братьями, особенно же потому, что встрѣчаемъ другое, особое выраженіе, обозначающее людей, находящихся въ нѣсколько особенномъ положеніи относительно хозяина двора—это или «захребетникъ», или «подсусѣдникъ», или «въ дворѣ у такого-то такой-то»; но, какъ и въ небольшихъ псковскихъ пригородахъ, и здѣсь такихъ зависимыхъ людей мы встрѣчаемъ немного—по письму 1500 г. только два—три раза, по письму же 1568 — болѣе, но тоже всего человѣкъ 10; интересно при этомъ, что тутъ подсусѣдники не сосчитаны въ общемъ итогѣ черныхъ людей, тогда какъ далѣе уви-

[1]) Новг. Писц. Кн., III, 881—14 и 882,4.

димъ, что и ихъ считали иногда; мы далѣе скажемъ подробнѣе о положеніи ихъ; теперь же только упомянемъ, что въ числѣ подсусѣдниковъ былъ одинъ дьяконъ [1]). Въ этихъ городахъ мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о «концахъ», но, повидимому, въ смыслѣ чисто топографическомъ, ибо они постоянно называются по именамъ церквей и рѣшительно ничто не указываетъ на какое либо административное ихъ значеніе; подобныя же упоминанія о концахъ встрѣчаемъ еще напр., въ Устюжнѣ, въ Тулѣ, не говоря уже о Псковѣ; только разъ, въ Ладогѣ, отмѣченъ староста и то безъ указаній на его отношенія къ какому-либо концу; еще въ Орѣшкѣ указанъ разъ подвойскій [2]).

Какъ мы уже видѣли выше, главную массу населенія этихъ городовъ составляли люди тяглые; вмѣстѣ со всѣми прочими тяглыми записаны въ черныхъ дворахъ въ Орѣшкѣ, Ладогѣ и Корелѣ, по письму 1568 г. 18 чел. священно- и церковнослужителей и 7 чел. пушкарей въ 24 дворахъ; такъ же 3 разсыльщика (въ Орѣшкѣ) и биричъ (въ Ладогѣ) въ 4-хъ дворахъ; затѣмъ въ Корелѣ половина двора тяглаго десятильнича; всѣ они несли тягло и платили оброкъ: объ тяглѣ читаемъ, когда говорится, что поземщики и дворники «съ городчаны въ оброкъ и во всѣ потуги тянутъ» [3]), о тяглѣ мы и имѣемъ только такія упоминанія, а о размѣрахъ и видахъ его изъ книгъ 1500 г. не узнаемъ ничего, въ книгѣ же 1568 г. имѣемъ упоминанія о видахъ повинностей недостаточно ясныя; что же касается оброка, то хотя точно указаны его цифры, но всетаки и относительно его наши свѣдѣнія недостаточно подробны и точны. Уже одно то обстоятельство, что иногда денежный оброкъ указыеватся непосредственно за итогомъ, помѣщеннымъ посреди описанія города, причемъ за нимъ слѣдуетъ еще перечисленіе дворниковъ, или поземщиковъ, или рядовичей, о которыхъ замѣчено, что они «съ городчаны тянутъ же», лишаетъ насъ возможности сказать съ полною увѣренностью—указанный оброкъ платятъ

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7, л. 301.

[2]) См., напр., Писцовыя книги Московскаго государства, изд. подъ редакціей Калачева, II, 1087; Новг. писц. книги, III, 957, 21; Временникъ, XI, матеріалы, 113. «Города въ древней Руси вообще дѣлились на большія части или кварталы, называвшіяся концами»—*Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 87; онъ признаетъ, что даже во Псковѣ устройство кончанскаго управленія неясно—тамъ же, 158.

[3]) Временникъ, XI, 113.

ли всѣ жители города или только тѣ, которые описаны до упоминанія объ оброкѣ. Сомнѣнія не разрѣшаетъ и сравненіе размѣровъ оброка, приходящагося въ разныхъ городахъ со двора или съ человѣка, ибо мы придемъ тутъ къ одному выводу, что платили очень неравномѣрно,—будемъ ли мы разсчитывать оброкъ на всѣхъ жителей города или только на тѣхъ, которые описаны до указанія его. Такъ, по первому разсчету придется съ человѣка въ Корелѣ 6,2 деньги, по второму—9,8; въ Орѣшкѣ по первому 7, по второму 9,1; тутъ еще цифры сходятся близко; но ни къ той, ни къ другой не подходятъ цифры, 3,9 и 2,4 деньги, получаемыя нами изъ книгъ Ямы и Ладоги, гдѣ къ тому же оброкъ указанъ лишь по разу, уже послѣ описанія всего города; если мы станемъ дѣлать разсчетъ оброка не по людямъ, а по дворамъ, то найдемъ для Корелы и Орѣшка по 12 д., для Ладоги 3 и для Ямы—5,4.; видимъ, что въ Ямѣ и Ладогѣ оброкъ сравнительно съ прежнимъ уменьшенъ,—именно, въ Ямѣ прежде приходилось съ человѣка по 6,6 ден., а со двора—8,6; въ Ладогѣ же—съ человѣка 4,3, а со двора по 9 денегъ; въ Корелѣ же и Орѣшкѣ прежде приходилось съ человѣка по 8,1 и 7,3 д.; но мы не можемъ съ увѣренностью сказать, уменьшился или увеличился тутъ оброкъ, ибо не знаемъ, съ цифрою оброка по какому разсчету нужно эту цифру сравнивать, а видя такое значительное различіе оброка въ Корелѣ и Орѣшкѣ съ одной стороны, и въ Ладогѣ и Ямѣ съ другой, мы не рѣшаемся отъ уменьшенія оброка въ двухъ послѣднихъ городахъ заключить, что онъ уменьшился и въ двухъ первыхъ; но къ концу вѣка оброкъ во всякомъ случаѣ возросъ, хотя тогда онъ замѣнилъ, какъ извѣстно, кормы; достигъ онъ, однако, въ Орѣшкѣ среднимъ числомъ 50 д. съ человѣка, а въ Корелѣ даже превысилъ 100 д. и очень приблизился къ оброку съ каргопольскихъ посадскихъ людей. Объ оброкѣ въ 1560 годахъ въ каргопольской сотной читаемъ: «всего въ Каргополѣ тяглыхъ дворовъ 476, а людей въ нихъ 523 чел., а давати имъ оброка за намѣсничій откупъ 240 рублевъ, да пошлинъ 14 р. 13 а. 2 д., съ рубля по 2 алт. И всего оброку и пошлинъ 254 р. 13 а. 2 д.; а верстатись имъ тѣмъ оброкомъ межъ себя по своимъ животомъ и по промысломъ». Сотная оканчивается описаніемъ поженъ посадскихъ людей, на которыхъ всего 533 копны сѣна; оброку съ нихъ «2 р. 22 а. 1 д., съ копны по деньгѣ»,—отсюда видимъ, что тутъ уже деньги считаются на московскій рубль, въ 200 д., или десять гривенъ, а не на новгородскій рубль, заключавшій въ себѣ 216 денегъ, какимъ производится

разсчетъ въ переписной окладной книгѣ [1]); слѣдовательно, въ Каргополѣ оброку приходилось въ серединѣ XVI в. со двора среднимъ счетомъ по 100 денегъ (100,8), а съ человѣка—по 90 денегъ (91,7), кромѣ того, что еще нѣкоторые люди платили отдѣльно за сѣнокосы, какъ прямо указано, а можетъ быть и еще другіе какіе-нибудь поборы.

Всѣ жители этихъ городовъ перечисляются всегда такъ: «во дв. такой-то» или «дворъ такой-то» (имя живущаго въ именительномъ падежѣ); «дворъ такого-то» говорится только о тѣхъ дворахъ своеземцевъ, въ которыхъ живутъ дворники и еще такъ же описываются всегда дворы государевы, намѣстничьи, владычни и тіунскіе; ниже мы скажемъ, что обозначаютъ, по нашему мнѣнію, та и другая формула. Встрѣчаемъ случаи, что какой-нибудь человѣкъ живетъ дворомъ на землѣ, ему не принадлежащей, причемъ замѣчается слѣдующее: если такой фактъ встрѣчается въ описаніи самаго города, то читаемъ лишь замѣчаніе: «а мѣсто подъ нимъ (дворомъ, потому что такъ же говорится и тогда, когда во дворѣ перечислено нѣсколько человѣкъ) такого-то» [2]); если же дѣло идетъ о такихъ дворахъ на посадѣ, то обыкновенно люди, въ нихъ живущіе, называются поземщиками и платятъ владѣльцу поземъ, хотя очень невысокій—не имѣемъ указаній его выше, чѣмъ въ 2 ден. со двора; такихъ поземщиковъ находимъ въ Ладогѣ 38 чел. въ 30 дв., всѣ церковные, и въ Орѣшкѣ четверыхъ въ четырехъ дворахъ—великаго князя [3]); разъ однако и о посадскомъ дворѣ сказано только «а мѣсто подъ нимъ такого-то» [4]). Отмѣтимъ, наконецъ, что въ Корелѣ три двора перемѣнили своихъ владѣльцевъ безъ всякаго указанія—какимъ образомъ, и что въ Ладогѣ поручено какому-то Семену Порожскому Мартынову сыну Анаткина давать мѣста ладожанамъ городскимъ людямъ, вдоль по 15 и поперегъ по 10 саженъ [5]).

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію данныхъ нашихъ книгъ о занятіяхъ жителей этихъ пригородовъ. По описанію 1500 г., въ Корелѣ 178 рыболововъ (въ томъ числѣ 21 чел. лучшихъ) особо и описаны; за исключеніемъ же ихъ вообще здѣсь ремесленниковъ и промышленниковъ очень мало: всего мы находимъ ихъ въ Иванѣ—

---

[1]) *Бѣляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ,—Временникъ, XI, 80.

[2]) Новгородскія писц. книги, III, 884; Временникъ, XII, 4.

[3]) Новг. писц. книги, III, 958—959; Временникъ, XI, 113, 114.

[4]) Новг. писц. книги, III, 958, 25.

[5]) Новг. писц. книги, III, 960, 22 и слѣд.

39 чел., въ Ямѣ 36, Корелѣ 10, Ладогѣ 5, Копорьѣ 4 и въ Орѣшкѣ 2, т. е. всего менѣе 8% общаго числа населенія (въ Иванѣ—23%, въ Орѣшкѣ же всего 1%); изъ нихъ въ Ямѣ 3 середнихъ своеземца, 11 середнихъ городчанъ и 22 мол. городчанъ; въ Иванѣ — двое изъ воротниковъ, всѣ же остальные были молодшіе городчане. Ремесла и занятія ихъ имѣютъ цѣлью удовлетвореніе лишь самыхъ первыхъ потребностей: ремесленниковъ, производящихъ предметы питанія, находимъ всего (кромѣ рыболововъ въ Корелѣ) 17 чел. [1]), производящихъ предметы одежды, вооруженія и конской сбруи—18 [2]), производящихъ предметы, необходимые въ домашнемъ обиходѣ—25 [3]), и затѣмъ отдѣльно стоятъ: 5 пастуховъ [4]), 2 извощика, 7 перевощиковъ и по одному—банникъ, дрягиль и учанникъ [5]) и наконецъ 3 строя (?) [6]) и 14 скомороховъ [7]). Въ другихъ нашихъ описаніяхъ городовъ мы найдемъ вообще ремесленниковъ значительно болѣе—обыкновенно около 20% всего числа населенія; незначительный же % ихъ здѣсь объясняется, вѣроятно, частью близостью такихъ большихъ торгово-промышленныхъ центровъ, какими несомнѣнно были Новгородъ и Псковъ,—частью же, вѣроятно, и большею древностью времени, къ которому относится описаніе всѣхъ этихъ городовъ—въ Каргополѣ, по сотной 1560 годовъ, находимъ 77 ремесленниковъ, въ числѣ тѣхъ 297 чел., которые поименованы въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ документа, что составляетъ 27,3% всего числа перечисленныхъ людей, въ Орѣшкѣ—27, если не считать рыболововъ и 69 съ ними, въ Ладогѣ 38 и въ Корелѣ 54 чел., что составляетъ для перваго города 7%, для второго—21% и для третьяго—8½%. Намъ приходится поэтому сказать, что по переписнымъ книгамъ въ Корелѣ, Ямѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ, Иванѣ и Копорьи на рубежѣ XV

---

[1]) 7 мясниковъ (1 въ Ямѣ, 6 въ Иванѣ), 2 рыболова (въ Ямѣ), 8 калачниковъ и хлѣбниковъ (1 въ Ямѣ, 7 въ Иванѣ).

[2]) 2 сапожника (въ Ямѣ), 3 москотинника (2 въ Ямѣ, 1 въ Иванѣ), 2 кожевника (въ Ямѣ и Ладогѣ), 6 портныхъ (4 въ Ямѣ, по одному въ Иванѣ и Ладогѣ), 1 скорнякъ (въ Ладогѣ), 1 колпачникъ, 1 сѣдельникъ (въ Копорьи), 1 овчинникъ, 1 тарочешникъ (въ Иванѣ), 1 лучникъ (въ Ямѣ).

[3]) 8 кузнецовъ (по 3 въ Ямѣ и Иванѣ, 2 въ Корелѣ), 9 плотниковъ (5 въ Иванѣ, 3 въ Ямѣ, 1 въ Ладогѣ), 2 гончара, 1 ковшечникъ, 1 дегтярь (въ Ямѣ), 2 огородника, 1 гребенникъ и 1 жерновникъ (въ Иванѣ).

[4]) 4 въ Ямѣ и 1 въ Орѣшкѣ.

[5]) Два перевощика въ Корелѣ, всѣ остальные въ Ивангородѣ.

[6]) Въ Ямѣ, Ладогѣ, Копорьи.

[7]) 7 въ Ямѣ, 6 въ Корелѣ, 1 въ Копорьи.

*

и XVI вв. ремесленная дѣятельность была развита весьма слабо, а въ серединѣ XVI в., по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ пригородовъ, она значительно сильнѣе. Всего въ Каргополѣ, Орѣшкѣ, Ладогѣ и Корелѣ встрѣчаемъ до 44 названій ремеслъ; занимались приготовленіемъ предметовъ питанія 48 чел., одежды —54, предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ—38 и предметовъ не первой необходимости—51 [1]).

Изъ разряднаго и разметнаго списка мы уже привели нѣсколько данныхъ—именно о Ямѣ, Ладогѣ, Корелѣ и Орѣшкѣ; въ немъже находимъ еще краткія свѣдѣнія о самомъ Новгородѣ, о Старой Русѣ и Порховѣ. Изъ нихъ видно, что въ Новгородѣ считалось тогда черныхъ тяглыхъ дворовъ 4,355, бѣлыхъ нетяглыхъ 293 (точнѣе—чьихъ—не сказано), гостинныхъ 244 и 1 корчемной; пищальниковъ и пушечниковъ 45 дворовъ и 158 дв. духовенства—всего, слѣдовательно, 5,096. Дворы царя и великаго князя, намѣстника, дьяковъ и т. п. лицъ, очевидно, обозначены подъ общимъ именемъ бѣлыхъ; изъ духовныхъ—въ 54 дворахъ ружные и въ 104—неружные. Изъ всѣхъ городовъ, о которыхъ мы имѣемъ подобныя данныя отъ XVI в., Новгородъ является самымъ населеннымъ; общее число его жителей вѣроятно превышало двадцать тысячъ. Довольно значительнымъ городомъ является Старая Руса, въ которой 1,473 (съ половиною) двора тяглыхъ, 9 дворовъ намѣстника, тіуна, доводчика и т. п. и 63 дв. монастырей и духовенства, т. е. всего 1,545 дв. Всѣ остальные города населены уже значительно менѣе; обо всѣхъ ихъ мы находимъ данныя по двумъ

---

[1]) Хлѣбниковъ 15
рыболововъ 10 (52)
мясниковъ. 10
калачниковъ 8
кисельниковъ 2
пивоваровъ 1
хмѣльниковъ....... 1
орѣшниковъ 1
сапожниковъ.......13
портн. мастеровъ...14
овчинниковъ....... 9
скорняковъ 8
кожевниковъ....... 4
швецовъ. 2
рукавичниковъ..... 1
колпачниковъ 1
красильниковъ 1
кузнецовъ 10
плотниковъ 12
бочарниковъ 6
горшечниковъ...... 5
котельниковъ 2
ведерниковъ 1
рѣшетниковъ....... 1
извощиковъ........11
молодожниковъ..... 8
перевощиковъ. 4
свѣчниковъ 4
серебряниковъ..... 3
скомороховъ 3
гусельниковъ....... 2
домерниковъ 1
пѣсенниковъ...... 1
зелейниковъ 2
пастуховъ 2
смольниковъ 2
мыльниковъ....... 2
щепетинниковъ.... 1
лодочниковъ 1
стекольниковъ..... 1
коноваловъ 1
мельниковъ 1
огородниковъ...... 1
казаковъ......... 1;
затѣмъ:
палачей 2
толмачей 2
земскихъ дьячковъ. 1

переписямъ; изъ сравненія данныхъ этихъ двухъ переписей замѣчается, что населеніе начало уже уменьшаться, хотя въ общемъ очень еще незначительно; притомъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, въ промежуткѣ между двумя переписями, результаты которыхъ намъ сообщаются, населеніе временно повидимому увеличивалось, а потомъ снова уменьшилось: въ нѣкоторыхъ городахъ число находящихся налицо жилыхъ дворовъ и число дворовъ пустыхъ и пустыхъ мѣстъ вмѣстѣ, болѣе числа дворовъ, указанныхъ по первой переписи. Наиболѣе населеннымъ городомъ въ 1545—1546 г. является Корела, въ которой, по послѣднему письму—188 дворовъ тяглыхъ и 55 дв. на Сванскомъ волокѣ [1]); нетяглыхъ—монастырскихъ, помѣщиковыхъ и воротниковыхъ—30 дворовъ, дворовъ духовныхъ лицъ—5 и 1 сторожа, всего слѣдовательно 279 дв., а въ 1500 г., какъ мы видѣли, было 267 дв., такъ что если не населеніе, то по крайней мѣрѣ число дворовъ здѣсь возрасло; въ 1568 г. мы видѣли въ Корелѣ еще болѣе дворовъ и людей; за Корелой идетъ г. Яма, въ которомъ въ 1545 г. было 177 дв. тяглыхъ и 66 м. дв., вмѣсто бывшихъ прежде 239 дворовъ; въ Орѣшкѣ въ 1545 г. было 93 дв. тяглыхъ и 98—мѣстъ дворовыхъ и дворовъ пустыхъ и 14 дв. нетяглыхъ, вмѣсто прежнихъ 139 дв. тяглыхъ и 33 нетяглыхъ; въ Ладогѣ было 103 дв. тяглыхъ людей и церковныхъ и 3 двора намѣстника, тіуна и церковный нетяглый, вмѣсто прежнихъ 111—но въ томъ и другомъ городѣ по письму 1568 г. дворовъ и жителей было еще болѣе; наконецъ въ Порховѣ 68 дв. тяглыхъ, въ томъ числѣ и дворы духовныхъ и ратныхъ людей [2]) и 3 двора намѣстника и городчиковъ, прежде же было 68 дв. черныхъ тяглыхъ, 11 дв. пустыхъ и 1 м. дв. тяглыхъ, и нетяглыхъ 7 дв. церковныхъ и 1 намѣстника.

Разрядный и разметный списокъ обрывается на полусловѣ среди описанія рядковъ Деревской пятины. Относительно рядковъ установлено уже мнѣніе въ статьѣ Ильинскаго, что это были поселенія, приближавшіяся къ городамъ, ибо жители ихъ преимущественно

---

[1]) Въ А. А. Э. читаемъ «Еванскомъ», — но это очевидно ошибка: при Корелѣ указанъ волочекъ Сванскій и во Временникѣ, и въ ркп. М. Г. А. М. И. Д., по Новг., стар. кат. № 7.

[2]) «А съ тѣхъ деи дворовъ — читаемъ въ описаніи Порхова въ Разрядномъ и разметномъ спискѣ—съ попова, и съ дьяконова, и съ воротниковыхъ, и съ пищальниковыхъ изъ старины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ, на посадской на тяглой, и тянутъ съ черными людьми.»

занимались не земледѣліемъ, а торговопромышленною дѣятельностью [1]); и это мнѣніе должно признать вполнѣ справедливымъ: помимо довольно яснаго отличія рядковъ, отъ селъ и деревень по занятіямъ ихъ жителей, мы видимъ, что рядки эти описаны въ документѣ, заключающемъ производство дѣла о сборѣ ратныхъ людей съ городовъ, слѣдовательно, считались ближе къ городамъ, чѣмъ къ уѣзднымъ поселеніямъ. Нашъ документъ никакихъ подробностей о ихъ населеніи не даетъ, ограничиваясь лишь дѣленіемъ на тяглыхъ и нетяглыхъ. Разсматривая данныя о 20 рядкахъ, пяти погостахъ и о Новой Русѣ, приведенныя тутъ, мы должны повторить замѣчаніе Ильинскаго, что и въ рядкахъ этихъ съ половины XVI в. населеніе уменьшается [2]): всего въ рядкахъ и погостахъ по новому письму видимъ тяглаго населенія 756 дв. и 192 дв. п., вмѣсто бывшихъ прежде 889 дв. и 3 дв. п. [3]); повидимому, было время, когда и тутъ число жителей, хотя и незначительно, но превышало число ихъ по прежней переписи.

---

[1]) *Ильинскій*, Городское населеніе въ Новгородской области въ XVI в.— Ж. М. Н. Пр. 1876, іюль; такое же мнѣніе о рядкахъ уже высказано было, впрочемъ, еще *Бѣляевымъ:* онъ говоритъ о слободахъ, что онѣ «преимущественно населялись ремесленниками и разными торговыми людьми... были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями... свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано; онѣ упоминаются еще въ духовной Калиты... А въ Новгородской землѣ онѣ встрѣчаются еще и раньше и называются или слободками или рядками»—О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ,—Временникъ, XI, 40; тоже повторено въ его же «Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства», 315—316. Еще у Соловьева, т. V, изд. 1, 234, читаемъ: «селенія, состоявшія изъ людей, не занимавшихся хлѣбопашествомъ, назывались рядками»; Ильинскій же впервые подробно разсмотрѣлъ ихъ положеніе.

[2]) Статья *Ильинскаго*, въ Ж. М. Н. Пр., 1876, іюль, 277.

[3]) Цифры прежняго письма тутъ не совсѣмъ полны: во 1) вовсе нѣтъ данныхъ о прежнемъ положеніи одного рядка, въ которомъ по Разр. и разм. списку 31 дв. тягл., 5 нетягл. и 15 дв. п.; во 2) въ описаніи очень многихъ рядковъ по прежнему письму ничего не сказано о числѣ дворовъ нетяглыхъ, церковныхъ, равно какъ лишь одинъ разъ указано по старому письму число пустыхъ дворовъ. Вотъ свѣдѣнія, заключающіяся въ Разр. и разм. спискѣ: въ Вотской пятинѣ описано 8 рядковъ, въ нихъ 114 дв. тягл. и 66 дв. тяглыхъ пустыхъ—прежде было 129 дв. тяглыхъ; въ Вѣжецкой пятинѣ 5 рядковъ, въ нихъ 262 дв. чер. тяглыхъ, 44 дв. нетяглыхъ. 39 дв. пустыхъ; было же въ четырехъ рядкахъ, въ которыхъ теперь 231 дв. тягл., 39 дв. нетяглыхъ и 24 дв. тягл. пустыхъ (объ одномъ цифръ прежняго письма нѣтъ)—249 дв. тягл. и 10 нетяглыхъ—но нетяглые упомянуты при

И такъ, вотъ что, въ главныхъ чертахъ, находимъ мы о городахъ Новгородской области, свѣдѣнія о которыхъ, впрочемъ, наименѣе полны: во 1) города эти населены жителями почти сплошь посадскими, занимающимися какъ ремеслами, такъ и земледѣліемъ, и во 2) что города эти представляются наполненными жителями, и только во второй половинѣ вѣка замѣчаются и тутъ колебанія въ ихъ числѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ и начало запустѣнія городовъ.

описаніи не всѣхъ рядковъ; въ Деревской пятинѣ въ 7 рядкахъ — 363 дв. тяглыхъ, 38 дв. нетяглыхъ и 87 дв. тягл. пустыхъ — было въ нихъ прежде 486 дв. тяглыхъ, и 11 дв. церковныхъ — послѣдніе указаны по прежнему письму тоже не во всѣхъ рядкахъ; въ пяти погостахъ—17 дворовъ тяглыхъ, 4 церковные нетяглые,—а было въ этихъ погостахъ 25 дв. тяглыхъ, 3 дв. пуст. и 15 дв. нетягл. Данныя о Новой Русѣ неясны.

ГЛАВА II.

Города Торопецъ и Устюжна.

Положеніе г. Торопца въ серединѣ XVI в. очень полно рисуется намъ въ его описаніи, сохранившемся въ подлинникѣ [1]); современною намъ рукою сдѣлана на этомъ документѣ надпись: «Торопца города переписная книга людямъ, дворамъ, лавкамъ и помѣстнымъ и пашеннымъ землямъ»; но какъ мы уже выше упомянули, по характеру своему документъ этотъ отличается какъ отъ переписныхъ книгъ XVII в., такъ отчасти и отъ писцовыхъ и др. подобныхъ книгъ XVI в., но ближе все-таки къ послѣднимъ; онъ, впрочемъ, и относится къ такому періоду—къ первой половинѣ XVI в.,—отъ котораго только это одно описаніе города и дошло до насъ.

Описаніе идетъ въ этомъ документѣ въ томъ же порядкѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ книгахъ—начинается съ города; первые листы сильно пострадали, но все-таки можно сказать положительно, что укрѣпленія тутъ не были описаны, хотя они существовали, что несомнѣнно какъ по названію только части поселенія «городъ», такъ и по

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д., Писцовыя книги, IX, 18; описаніе города на лл. 1—31. Начало попорчено; вотъ что можно разобрать на обѣихъ страницахъ перваго листа (точками отмѣчаемъ полинявшія мѣста): «Книги Торопецкія письма Александра Давыдовича Ульянова да Тимоѳея Степанова сына Бибикова лѣта 7000 четыредесятъ восьмого, а въ нихъ писанъ посадъ Торопе... волости черные и помѣчики... внутри городѣ: Ц. Соборная, Егорей Святой. Ц.... начальная. Ц. Ѳеон... въ городѣ: дв. намѣст...ры осадные отъ ...ой сторонѣ къ ...ки а въ немъ... (об) Гриди Мокѣева да Сенки Есипова, а въ немъ дворникъ Сенка. Дв. Ивашковъ Еремѣева, да Алексѣйка Дороѳѣева, съ братьею, а въ немъ дворникъ Васюкъ Борода. Воротники живутъ у Егорьевскихъ воротъ: Дв. Иванко да Михалко Мачехинъ. Дв. Софронка Дѣдкова» и т. д.

нѣкоторымъ опредѣленіямъ мѣста въ текстѣ книги [1]). Прежде всего названы три церкви въ самомъ городѣ, затѣмъ упомянутъ кратко дворъ намѣстничь и идетъ описаніе дворовъ осадныхъ въ городѣ; населеніе Торопца по переписной книгѣ 1540—1541 гг. состояло изъ служилыхъ людей, духовенства, людей ратныхъ и людей черныхъ тяглыхъ, съ весьма значительнымъ преобладаніемъ послѣднихъ. Размѣщалось оно и въ городѣ, и на посадѣ, но въ городѣ жило очень немного людей, а главная масса населенія сосредоточивалась на посадѣ; и описаніе посада начинается съ перечисленія церквей.

Всего на посадѣ церквей было 10 съ 11-ю престолами и 2 монастыря; при описаніи каждой указано сколько у ней священнослужителей, въ описаніи монастырей—сколько тамъ монашествующихъ; далѣе упомянуто, сколько священнослужителей у тѣхъ трехъ церквей, которыя въ городѣ; въ соборѣ, какъ прямо сказано въ текстѣ, служба «по вся дни», а въ остальныхъ церквахъ по субботамъ, воскресеньямъ и по праздникамъ; руга указана только Никольскому монастырю: «а идетъ имъ отъ великаго князя руга на братью и на милостыню 70 четв. ржи да 60 четв. овса»; у нихъ же на престолѣ 27 р. денегъ, съ которыхъ ростъ берутъ того монастыря игуменъ и священники; Никольскому же монастырю сообща со священниками двухъ другихъ церквей и дьякономъ третьей принадлежали рыбныя ловли, причемъ замѣчено, что отдаютъ они ихъ ловцамъ изъ шестой рыбы, и что «впередъ тѣ ловли монастырь и попы какъ хотятъ, такъ и ловятъ». По итогу книги «священниковъ служитъ и игуменовъ 18 да 3 дьяконы»; но по поименному перечисленію въ книгѣ видно, что при двухъ церквахъ священниковъ въ моментъ составленія книги не было, а также не было и дьякона въ монастырѣ, гдѣ онъ полагался, но за то при другихъ церквахъ, преимущественно при городскихъ, священнослужителей оказывается болѣе, чѣмъ указано непосредственно послѣ упоминанія той или другой церкви, такъ что всего мы находимъ 19 священниковъ [2]) (шесть у городскихъ церквей и 13 у посадскихъ) и 2 дьяконовъ; затѣмъ очевидно не сосчитаны въ итогѣ, но перечислены въ текстѣ 3 пономаря (отъ городской церкви одинъ), 3 проскурницы (отъ городской церкви тоже одна), 2 игумена, 40 монаховъ и 25 монахинь; игуменовъ два, потому что и въ женскомъ мо-

---

[1]) Кромѣ упоминанія, выше приведеннаго, о Егорьевскихъ воротахъ, читаемъ еще, какъ опредѣленіе мѣста: «противъ наугольные стрѣльни»—л. 27.

[2]) Одинъ не имѣетъ двора, а живетъ въ монастырѣ.

настырѣ тоже настоятель, а не настоятельница; объ этомъ монастырѣ сказано въ книгѣ: «питаются отъ церквей и отъ міру». При церквахъ на посадѣ 18 старцевъ въ 18-ти кельяхъ, питаются отъ церквей и еще 3 кельи богадѣльныя; въ кельяхъ показаны также пономари (кромѣ одного) и проскурницы, всѣ же остальные живутъ на посадѣ, имѣя каждый свой дворъ, и только разъ два священника, отецъ и сынъ, имѣютъ вмѣстѣ одинъ дворъ; всѣ эти дворы нетяглые; затѣмъ семь священниковъ, дьяконъ и попадья имѣютъ части въ городскихъ дворахъ, вмѣстѣ съ посадскими людьми; одинъ попъ, имѣющій дворъ на посадѣ и часть во дворѣ городскомъ вмѣстѣ съ посадскими людьми, живетъ тѣмъ не менѣе въ городѣ, но во дворѣ двухъ посадскихъ людей; и въ этомъ можно, кажется, видѣть подтвержденіе того, что и наша книга, какъ другія писцовыя перечисляетъ не всѣхъ даже взрослыхъ людей, а лишь представителей семействъ или дворовъ—очевидно, что и другой дворъ этого священника, на посадѣ, занятъ какими нибудь взрослыми членами его семьи; мы видимъ еще и здѣсь близкія связи у духовенства съ посадскими людьми, примѣръ чего укажемъ и ниже; доказательствомъ такихъ связей нужно считать и совмѣстное владѣніе дворами, а кромѣ того встрѣчаемъ въ фамиліяхъ почти несомнѣнныя доказательства родства между духовными лицами и посадскими [1]); относительно занятій духовныхъ не находимъ въ нашей книгѣ данныхъ; у духовныхъ не указано ни лавокъ, ни нивъ.

Вслѣдъ за описаніемъ церквей на посадѣ описаны дворы подъ рубрикой «на посадѣ дворы боярскіе»; изъ этого надписанія и по фамиліямъ очевидно, что тутъ описываются дворы людей служилыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ; но фамиліи указываютъ исключительно на роды, никогда недостигавшіе боярства; терминъ «боярскій» въ такомъ болѣе широкомъ значеніи встрѣчается [2]), но появленіе его именно въ такомъ смыслѣ въ нашемъ источникѣ, документѣ оффиціальномъ, даетъ намъ право не относиться съ полнымъ довѣріемъ къ его терминологіи, не придавать буквальнаго значенія каждому его слову, ибо очевидно, что о совершенной точности своихъ терминовъ писцовая книга не особенно заботится.

Всего въ числѣ владѣльцевъ такихъ дворовъ перечислено не

---

[1]) «Во дв. Борисоглѣбскій попъ Володимеръ Голубевъ; во дв. попъ Шестой Меркурей Андреевъ сынъ Голубевъ;» въ описаніе тяглыхъ дворовъ на посадѣ: «дв. Васка Андреевъ Голубевъ, да въ избѣ братъ его Тишко». лл. 13—14, 27.

[2]) См. объ этомъ, между прочимъ, *Ключевскій*. Боярская дума, изд. 2, 122.

менѣе 66 человѣкъ; имъ принадлежали 37 дворовъ и 4 мѣста; въ 35 дворахъ было по дворнику; изъ числа этихъ же владѣльцевъ 11 человѣкъ и еще не менѣе 18 лицъ служилаго класса имѣли въ городѣ 20 дворовъ осадныхъ и 1 м. дв.; кромѣ того, на мѣстахъ, сильно пострадавшихъ отъ сырости, описано еще не менѣе 2-хъ дворовъ, а очень можетъ быть и болѣе; но нельзя съ увѣренностью сказать, что это дворы именно людей служилыхъ, потому что въ городѣ ихъ дворы идутъ въ перемежку съ дворами другихъ владѣльцевъ, и только фамиліи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ опредѣленій «черный человѣкъ», «крестьянинъ»,—указываютъ, что это дворы людей служилаго сословія. И въ этихъ дворахъ жили дворники, но рѣже—именно всего шесть; изъ числа дворовъ въ городѣ 3 принадлежали городовому прикащику и одинъ намѣстнику; есть также еще въ городѣ дворъ десятильничій, въ которомъ дворникъ, но имени десятильника не указано. Вообще о лицахъ служилаго сословія мы имѣемъ лишь сейчасъ приведенныя немногочисленныя данныя; книга не говоритъ прямо, живутъ ли они тутъ или нѣтъ; но, какъ увидимъ далѣе, обыкновенно прямо указывается, когда сынъ боярскій или дворянинъ живетъ самъ во дворѣ, и никогда не указывается дворникъ въ томъ дворѣ, гдѣ живетъ самъ его владѣлецъ; поэтому, нужно предположить, что сами служилые люди тутъ не жили. Объ обязанностяхъ дворниковъ и ихъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ дворовъ и къ посадскому населенію здѣсь не имѣемъ никакихъ указаній; только разъ сказано «дворникъ человѣкъ его» (хозяина двора). Кромѣ этихъ дворниковъ, т. е. жившихъ на дворахъ служилыхъ людей, есть еще 16 дворниковъ и 3 дворницы и на осадныхъ дворахъ нѣкоторыхъ посадскихъ людей, такъ что тутъ всего 60 дворниковъ; изъ книги не выступаетъ никакого различія между дворниками дѣтей боярскихъ и дворниками посадскихъ людей; ниже, послѣ описанія пограничныхъ городовъ, гдѣ дворники встрѣчаются въ очень большомъ количествѣ, мы приведемъ основанія, на которыхъ считаемъ дворниковъ стоявшими въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ или даже, пожалуй, холоповъ, т. е. вообще зависимыми отъ владѣльца дворовъ людьми; теперь же лишь отмѣтимъ, что указанный выше фактъ, что въ новгородскихъ пригородахъ черные посадскіе люди владѣли землями, на которыхъ жили крестьяне, платившіе имъ оброкъ, даетъ полное основаніе не считать существованія дворниковъ здѣсь у посадскихъ людей за нѣчто такое, что противорѣчитъ нашему предположенію о состояніи дворниковъ.

Послѣ описанія дворовъ служилыхъ людей перечислены нетяглые же дворы сначала пушкарей и пищальниковъ, затѣмъ—воротниковъ и плотниковъ. Пушкарей тутъ было 5 человѣкъ, пищальниковъ 24 и еще 1 вдова пищальника съ сыномъ—всего, слѣдовательно, 30 чел. въ 30 дворахъ; два пушкаря и пищальникъ имѣли еще по двору въ городѣ; одинъ пушкарь и одинъ пищальникъ изъ перечисленныхъ въ описаніи дворовъ и одинъ пищальникъ, имени котораго нѣтъ въ перечисленіи пищальниковъ, жившихъ своими дворами, имѣли по лавкѣ въ большомъ ряду; точно оброкъ съ ихъ лавокъ не указанъ, потому что тутъ разводили оброкъ сами торговые люди; есть еще въ городѣ дворъ какихъ-то пищальниковъ посадскихъ, но ихъ именъ нѣтъ въ перечисленіи пищальниковъ, и потому, не причисляя ихъ сюда, скажемъ о нихъ ниже. Замѣтимъ еще, что книга, повидимому, отождествляетъ наименованія «пушкарь» и «пищальникъ»; «и всѣхъ дворовъ пищальниковыхъ и пушкарскихъ 30, а пищальниковъ въ нихъ 30 чел.», говоритъ книга [1]), хотя собственно пищальниковъ, какъ мы видѣли, 25 (одна вдова) и 5 пушкарей Плотниковъ тутъ было 2 двора, изъ которыхъ въ одномъ жила вдова плотника со своимъ сыномъ, и 13 дворовъ, съ 13-ю же людьми, воротниковъ; одинъ воротникъ еще, неимѣвшій двора на посадѣ, показанъ участникомъ въ городскомъ дворѣ; одинъ плотникъ и 3 воротника имѣли еще по двору въ городѣ; одинъ изъ этихъ именно воротниковъ и еще четвертый воротникъ имѣли части въ городскихъ дворахъ; одинъ воротникъ имѣлъ лавку. Больше ничего о ратныхъ и служившихъ людяхъ не сказано; никакихъ свѣдѣній о ихъ поземельныхъ участкахъ книга не представляетъ.

Существеннѣйшую часть книги г. Торопца составляетъ описаніе тяглыхъ дворовъ на посадѣ. Ихъ перечислено тутъ 402, при этихъ дворахъ 15 лавокъ и амбаровъ; людей въ этихъ дворахъ 445 чел., и у нихъ же на дворахъ жили еще 136 чел., обозначенные разными наименованіями, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, но сосчитанные въ одномъ общемъ итогѣ съ остальными тяглыми; въ соху положено тутъ по 46 дворовъ, и сошнаго письма всего 9 сохъ [2]).

[1]) Л. 17.

[2]) Мы приводимъ тутъ цифры, полученныя нами по нашему счету; онѣ нѣсколько не сходятся съ итогомъ книги, какъ разъ сходящимся съ расписаніемъ по сохамъ, и слѣд.—вѣрнымъ: по итогу книги дворовъ тутъ тяглыхъ 415 и 1 м. дв., людей въ нихъ 597 чел., (лл. 28 об., 29)—по нашему же счету дворовъ 402, людей 581 чел.; возможно, что въ книгѣ утраченъ листъ

Изъ числа людей, имѣвшихъ дворы на посадѣ, 197 чел. имѣли части въ городскихъ дворахъ; изъ числа жившихъ у другихъ имѣли части въ городскихъ дворахъ 7 чел.; затѣмъ имѣли еще части въ городскихъ дворахъ 8 чел., которые на посадѣ имѣли лишь лавки, и 211 чел., которые при описаніи посада вовсе не упомянуты; въ виду обозначенія ихъ одними уничижительными именами и отсутствія у нихъ почти поголовно фамилій, а также отсутствія обозначенія у нихъ сословія, мы должны считать ихъ тяглыми. Въ городѣ обыкновенно дворъ составлялъ собственность не одного человѣка, а нѣсколькихъ, такъ что этимъ 416 владѣльцамъ принадлежало 120 дв., или немного болѣе [1]). Мы, впрочемъ, не рѣшимся положительно утверждать, что въ число этихъ 211 чел. не попалъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые владѣютъ дворами на посадѣ: при обозначеніи въ документахъ XVI в. людей одними лишь именами чрезвычайно трудно установить относительно каждаго даннаго случая—встрѣчался ли уже ранѣе тотъ или другой человѣкъ или нѣтъ, ибо, какъ извѣстно, тогда имена подвергались самымъ прихотливымъ измѣненіямъ, и кромѣ того рядомъ съ именемъ крещенымъ человѣкъ назывался иногда еще и другимъ какимъ-нибудь именемъ изъ святцевъ и еще чаще носилъ какое-нибудь прозвище, какую-нибудь кличку, къ которымъ, тѣмъ не менѣе, приставлялось отчество. Сколько возможно было, мы старались опредѣлять, не встрѣчался ли уже намъ въ описаніи посада тотъ или другой владѣлецъ городского двора и напримѣръ, встрѣчая въ городѣ Андрея Окулина да брата его Васка Окулина, а въ описаніи посада—Андрея Лукьянова Коровина да Василья Лукьянова Коровина, мы считали этихъ людей за одних и тѣхъ же, потому что замѣна имени Лукьянъ прозвищемъ Окулъ весьма вѣроятна для XVI в.; или еще, напримѣръ, находя въ описаніи города Макавейка Лумтѣева да братьевъ его Орѣха да Патрика, мы считали несомнѣннымъ, что это одни лица съ «Орѣхомъ Якушевымъ и братомъ его Патрикомъ», которыхъ встрѣчаемъ въ описаніи

или два; возможно конечно, что и въ нашей копіи, снятой съ пострадавшаго оригинала, вкрались ошибки; но возможно и то, что книга въ число тяглыхъ дворовъ помѣщаетъ и нѣсколько дворовъ людей разныхъ наименованій, по причинамъ, яснымъ составителямъ, но не выраженнымъ въ документѣ и потому намъ неизвѣстнымъ; но во всякомъ случаѣ разница очень незначительная—всего на $2^1/_2{}^0/_0$.

[1]) Какъ сказано выше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно разобрать текста по причинѣ ветхости книги.

посада. Но во всякомъ случаѣ можно утверждать положительно, что въ числѣ владѣльцевъ дворовъ въ городѣ есть люди, на посадѣ ничего не имѣющіе, какъ на основаніи абсолютнаго господства различій въ именахъ собственныхъ, такъ и потому, что при описаніи дворовъ городскихъ владѣльцы ихъ очень часто оказываются изъ такой то волости, или изъ такой-то перевары [1]) — именно 47 чел., тогда какъ въ числѣ имѣющихъ дворы на посадѣ такихъ только пятеро. Легко могло быть, что владѣльцами городскихъ дворовъ являлись часто тѣ люди, которые жили на посадѣ, но при описаніи этого послѣдняго были сосчитаны въ составѣ семействъ другихъ людей и потому поименно обозначены не были— что наши книги не упоминаютъ такихъ людей, мы уже говорили; мы видимъ здѣсь случаи, что изъ нѣсколькихъ совладѣльцевъ одного посадскаго двора только одинъ обозначенъ участникомъ въ городскомъ осадномъ дворѣ; но возможно, что и совладѣльцы его по посадскому двору имѣли части въ городскихъ дворахъ, но записанныя за другими представителями однихъ и тѣхъ же семей. Наряду съ приведенными выше опредѣленіями, указывающими на уѣздъ, мы встрѣчаемъ еще тутъ названіе посадскій или посадскій человѣкъ и посадскій крестьянинъ; два первыя примѣнены къ 87 чел. имѣющимъ дворы на посадѣ и къ 87-же неимѣющимъ, а послѣднее — къ 36 имѣющимъ дворы на посадѣ и къ 19 неимѣющимъ; совпаденія этихъ наименованій съ опредѣленіями—изъ такой-то волости, изъ такой-то перевары нѣтъ; повидимому человѣкъ не могъ быть посадскимъ и одновременно значиться въ какой-нибудь волости или

---

[1]) Встрѣчаемъ Порѣцкую перевару и Порѣцкую волость; повидимому, перевара какое-то мѣстное уѣздное дѣленіе; но не ясно, чему она соотвѣтствовала, какъ составлялась и управлялась. *Ивановъ*, «Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи», 145, говоритъ: «въ писцовыхъ книгахъ Корельскаго уѣзда, составленныхъ въ 1595 г., сказано: въ Сакульскомъ (Саккола) погостѣ в. князя деревни оброчныя Мартемьяновскія въ Святской (Пюге-ярви, т. е. Святое озеро) переварѣ деревня Кимерви у озера у Кимерви (Кима ярви); въ Кирьяжскомъ (Курки іоки или Кроноборскомъ) погостѣ в. князя волости: за намѣстникомъ за Корельскимъ Кулолаская перевара. По фински perae край, конецъ, wara—выше и ниже. Слѣд., перевара значитъ конецъ поименованнаго озера. (Взято изъ статьи г. Буткова)». Но намъ это объясненіе кажется и мало вѣроятнымъ само по себѣ и совершенно неудовлетворительнымъ даже для объясненія текстовъ, приведенныхъ Ивановымъ. *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, II, 27, 28, говоритъ, что перевара—это союзъ селеній, занимавшихся исключительно рыбною ловлею и что повидимому это экономическія, бытовыя общины.

переварѣ; но любопытно, что названіе «посадскій крестьянинъ» сравнительно рѣже прилагается къ тѣмъ людямъ, которые не живутъ на посадѣ, по крайней мѣрѣ не имѣютъ тамъ дворовъ. По нашему документу мы не можемъ указать разницы между посадскими и посадскими крестьянами и опредѣлить, почему же при именахъ большинства никакихъ подобныхъ опредѣленій не стоитъ. При изученіи новгородскихъ пригородовъ мы видѣли, что въ городахъ этой полосы существованіе въ городѣ тяглыхъ людей двухъ разрядовъ—тамъ городчанъ и своеземцевъ,—существеннымъ образомъ между собою не различавшихся, есть фактъ несомнѣнный; нѣчто подобное нужно предполагать и здѣсь; но сказать объ этихъ разрядахъ мы можетъ здѣсь еще менѣе, чѣмъ относительно такихъ разрядовъ въ новгородскихъ пригородахъ.

Мы говорили выше, что есть въ Торопцѣ 136 чел., которые живутъ въ чужихъ дворахъ, съ разными обозначеніями. Вотъ эти обозначенія: при посадскихъ дворахъ: «да на томъ же дворѣ»; «да на томъ же дворѣ въ избѣ»; «да въ другой избѣ»; «да у него же въ подклѣтѣ»; «да на томъ же дворѣ себѣ въ избѣ живетъ»; «да у него же на дворѣ»; «да у него же на дворѣ въ избѣ»; «да у него же во дворѣ въ избѣ себѣ»; «да у него же на дворѣ въ избѣ (или избою) живетъ»; «да себѣ въ избѣ»; «да у него же на дворѣ сусѣдъ»; «да у него же на дворѣ себѣ сусѣдъ»; «да у него же на дворѣ шабры»; «да на томъ же дворѣ живутъ шабры въ избѣ»; «да у него же на дворѣ живутъ (себѣ) шабры въ избахъ»; при описаніи города встрѣчаемъ такія выраженія: «да тутъ же въ подворьи шабры» и «на томъ же дворѣ шабры». Всѣ эти замѣчанія относятся къ людямъ, положеніе которыхъ еще мало изучено. Разсматривая ближе данныя, сообщаемыя о нихъ книгой, мы видимъ: во-первыхъ, довольно многіе изъ числа этихъ людей прямо названы сыновьями или братьями того, кто названъ во дворѣ; родственниками оказываются многіе изъ занесенныхъ подъ опредѣленіями: «да на томъ же дворѣ въ избѣ», «да въ другой избѣ», «да у него же на дворѣ», «да у него же на дворѣ въ избѣ», «да у него же во дворѣ въ избѣ себѣ», «да у него же па дворѣ въ избѣ (избою) живетъ», «да себѣ въ избѣ», «да у него же на дворѣ себѣ сусѣдъ»; затѣмъ нѣкоторые изъ этихъ людей не только владѣютъ частями городскихъ дворовъ, но въ описаніи ихъ названы даже прямо посадскими людьми, такъ, одинъ человѣкъ, показанный въ описаніи посада у другаго «на дворѣ въ избѣ» въ описаніи город-

ского двора названъ прямо посадскимъ человѣкомъ [1]); встрѣчаемъ еще такое выраженіе: «дв. Андрейко Ивановъ, да въ избѣ Ермола Яковлевъ, да въ третьей избѣ Микита Васильевъ»—изъ этого выраженія ясно, что въ счетъ введены избы, занимаемыя и первыми двумя, такъ что всѣ три избы, въ которыхъ жили эти три человѣка, считаются равными; наконецъ, особенно важно, что всѣ эти люди сосчитаны въ итогѣ посадскихъ тяглыхъ людей, между тѣмъ, какъ мы уже не разъ говорили, что книги, несомнѣнно, перечисляли не всѣхъ людей — слѣд., если записаны въ книгу подсусѣдники, они, значитъ, по своему положенію ближе къ тѣмъ людямъ, которыхъ записывали въ книги, чѣмъ къ тѣмъ, которыхъ не записывали; ничего не упомянуто объ особомъ положеніи ихъ и при упоминаніи о разложеніи въ сохи [2]) Къ сожалѣнію, въ книгѣ нашей нѣтъ раздѣленія земли по участкамъ между разными людьми и указанія оброка съ нея и съ отдѣльныхъ лавокъ, что интересно было бы знать, для изученія экономическаго положенія этихъ людей; но, каково бы оно ни было, изъ всего вышесказаннаго мы должны вывести заключеніе, что предъ лицомъ правительства всѣ эти люди были равны, одни не заслоняли собою другихъ, такъ что личныхъ зависимыхъ отношеній между ними нельзя предполагать. Этому выводу не противорѣчатъ и данныя другихъ источниковъ. Источникомъ, къ которому въ этомъ вопросѣ нужно прежде всего обратиться, является, очевидно, Псковская Судная грамота; она говоритъ отдѣльно объ изорникѣ, сябрѣ и подсусѣдникѣ: и, хотя она даетъ не совершенно полное и ясное представленіе о положеніи ихъ, но все-таки очевидно, что между изорникомъ съ одной стороны и сябромъ и подсусѣдникомъ съ другой существовало нѣкоторое различіе: изъ ста-

---

[1]) Въ описаніи города читаемъ: «дв. Филипка Попова, да Ариста Тимофѣева, да Тишки Копылова, да *Іевка Павлова*, да Іевка Киселева, да.... да..., да..., посадскихъ людей»; а въ описаніи посада: «дв. Гриша Ивановъ, да у него на дворѣ въ избѣ Клиша Андреевъ воротники (sic), да у него жъ на дворѣ въ избѣ *Іевко Павловъ*»—лл. 11 об., 24.

[2]) *Бѣляевъ,* Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 493, говоритъ: «захребетники, сосѣди и подсусѣдники жили за чужимъ тягломъ и сами не вносились въ городскіе разметы; они не были членами городской общины и не имѣли своей поземельной собственности, а жили какъ наемники или работники на чужихъ земляхъ» Относительно мнѣнія *Хлѣбникова* (О вліяніи обществъ на организацію государства, 59), что «подсусѣдниками были крестьяне непашенные, ремесленники всѣхъ видовъ, которыхъ было не мало въ деревняхъ», мы ничего не скажемъ, ибо въ подробности не разсматривали положенія деревень.

тей объ изорникахъ ясно, что они жили въ селахъ и, главное, находились въ какой-то зависимости отъ своего государя; но этого вовсе не видно относительно сябровъ и подсусѣдниковъ [1]): съ подсусѣдникомъ его государю въ случаѣ тяжбы нужно судиться какъ и со всякимъ другимъ человѣкомъ; въ одной грамотѣ середины XVI в. ручаются по недѣльщикѣ въ перемежку люди, которые говорятъ о себѣ: «живу своимъ дворомъ», и люди, которые говорятъ о себѣ—«живу у такого-то въ сусѣдяхъ» [2]); независимое, самостоятельное положеніе сябровъ совершенно ясно какъ изъ Псковской Судной грамоты, такъ и изъ другихъ актовъ; изъ одной грамоты узнаемъ случай примѣненія на дѣлѣ такого именно порядка судопроизводства относительно сябренныхъ земель, какой постановляется Псковскою Судною грамотою; другія указываютъ, что сябры были самостоятельными, полными хозяевами своихъ долей

---

[1]) «А которой изорникъ поумретъ у государя на сели, а не будетъ у него ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени, ино государю також животъ изорничъ съ приставами и съ сторонними людьми попродавать, да за свою покруту поимати, а потому племени изорничи ни брату не сочить двора изорнича.»—«А у котораго человѣка у государя изорникъ помретъ, въ записи въ покрутѣ, а жена у него останется и дѣти не въ записи, но (ино?) изъ оной изорничѣ женѣ и дѣтемъ отклички нѣтъ о государевой покрутѣ, а та имъ покрута платить по той записи; а будетъ не въ записи былъ изорникъ, ино ихъ судити судомъ Псковской пошлинѣ» и еще двѣ подобныя же статьи объ изорникахъ; о сябрахъ же и подсусѣдникахъ читаемъ: «а кто на комъ учнетъ искати сябреннаго серебра или иного чего, опрочь купецкаго дѣла и гостебнаго, да и доску положитъ на то; ино то судить на того волю на комъ ищутъ—хочетъ, самъ поцѣлуетъ или своему истцу у креста положитъ, или съ нимъ на поле лѣзетъ»; «а кто съ кѣмъ растяжутся о земли или о борти, да положатъ грамоты старыя и купленую свою грамоту; и его грамоты зайдутъ многихъ бо сябровъ земли и борти и сябри вси станутъ на суду въ одномъ мѣстѣ отвѣчаючи, (въ печатномъ изданіи тутъ точка, но по нашему мнѣнію тутъ нужно запятую—слѣдующее слово значитъ «каждый») ктожъ за свою землю, да за борть да и грамоты предъ господою покладутъ, да и межниковъ возьмутъ, а той отведетъ у стариковъ по своей купной грамотѣ свою часть; ино ему правда дати на своей части, а цѣлованью быть одному. А поцѣлуетъ во всѣхъ сябровъ, ино ему и судница дать на часъ, на которой поцѣлуетъ».—«А подсусѣднику на государя ссудьи (ссуды) или иного чего вольно искати, а которому съ кѣмъ суплетка была записью, или закладомъ и потомъ тотъ человѣкъ, который на записи былъ, или закладъ закладывалъ кому, да учнетъ на томъ же чего искати, ссудьи, или сблюденія или иного чего, по доскамъ, или по торговли, ино то судомъ судити по Псковской пошлинѣ»—Пск. Суд. гр. по изданію *Мурзакевича*, стр. 13—16.

[2]) А. Ю., № 289, 1568.

общаго владѣнія, могли ихъ продавать [1]); поэтому мнѣніе Бѣляева, что сябры были какъ бы акціонерами общаго дѣла [2]), нужно признать совершенно правильнымъ; оно вполнѣ согласно съ древними грамотами, и данныя писцовыхъ книхъ тоже ничѣмъ не противорѣчатъ ему, ибо и по нимъ сябры были совершенно самостоятельны. Какъ и въ другихъ городахъ сѣверной части Россіи мы видимъ и тутъ очень небольшое число приходцевъ—именно, всего 11 человѣкъ; изъ нихъ одинъ посадскій человѣкъ, одинъ посадскій крестьянинъ, два шабра, четыре дворника у служилыхъ людей и о двухъ ничего болѣе не знаемъ; населеніе здѣсь, очевидно, уже прочно осѣло и не бродитъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію занятій жителей г. Торопца, мы почерпаемъ въ своемъ документѣ слѣдующія указанія: всего тутъ 79 лавокъ, изъ которыхъ только 4 принадлежали пушкарю, плотнику и воротнику, всѣ остальныя — посадскимъ тяглымъ людямъ; 40 лавокъ было въ большомъ ряду—«торгуютъ въ нихъ всякимъ товаромъ, сукны, и шелкомъ, и мелкимъ товаромъ щепетиньемъ», и 27 лавокъ въ ряду мясномъ и рыбномъ; 12—на Егорьевской землѣ; съ лавокъ двухъ первыхъ рядовъ давали въ казну великаго князя [3]) оброку ежегодно по $6^1/_2$ руб., причемъ оброкъ разводили между собою торговцы, «по торговлѣ и по товару»; кромѣ того, платилось въ казну великаго князя ежегодно по 2 алт. съ каждаго изъ тѣхъ

---

[1]) А. Ю., № 2, 1483; № 90, 1578 г. купчая Кириллова монастыря на дворъ на Ненокоцкомъ посадѣ: «се язъ... продалъ есми... свой дворъ... Да язъ же Павелъ продалъ въ Ненoксѣ... розсолу три двѣнадцатыхъ сугреба четверть варницы, что есми тотъ разсолъ тотъ купливалъ у...; а въ сябрѣхъ тотъ разсолъ съ Семеномъ Григорьевымъ, да съ Васильевыми дѣтьми съ Өефилатьемъ, да съ Яковомъ, да съ Степаномъ и съ иными сябры»; послѣднія строки цѣликомъ повторены въ № 95, 1595 г., купчей на седьмую часть соляной варницы въ Ненoксѣ же; отсюда видно, что сябренное владѣніе было значительно распространено, а не наблюдалось только въ Псковской области.

[2]) «Сябрами, или, правильнѣе, шабрами назывались владѣльцы общаго капитала по долямъ нераздѣльно, то же, что въ наше время акціонеры компаній. Сябренное владѣніе по псковскимъ законамъ могло быть и въ движимомъ, и въ недвижимомъ имѣніи. Сябренное владѣніе отличается отъ общиннаго, ибо въ общинномъ владѣніи доля общинника не составляетъ его полной собственности; напротивъ въ сябренномъ она составляетъ полную собственность сябра, которую онъ могъ продать, заложить, словомъ имѣлъ право на всякій видъ отчужденія». *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 362—363; *его-же*, Разсказы изъ рус. исторіи, III, 37—38, 53.

[3]) Замѣчательно, что въ этой книгѣ мы ни разу не встрѣчаемъ термина «государь» въ примѣненіи къ московскому государю, а всегда только «великій князь».

15 амбаровъ, которые прямо «изъ дворовъ» и въ которыхъ «торгуютъ всякимъ товаромъ пріѣзжая торговые люди изъ иныхъ городовъ»; относительно распредѣленія лавокъ замѣтимъ, что обыкновенно лавка принадлежала тутъ одному человѣку; всего два-три случая, что одна лавка принадлежитъ двумъ или тремъ; точно также рѣдки случаи, чтобы одинъ человѣкъ владѣлъ нѣсколькими лавками—одинъ человѣкъ имѣлъ 5 лавокъ, одинъ—3 лавки и человѣка три имѣли по 2 лавки. Лавки, стоявшія на землѣ Егорьевской соборной церкви, платили къ церкви—«со всякой лавки по гривенкѣ темьяну, итого 12 гривенокъ, да пошлины церковные св. Егорея сбираетъ староста вѣсчей съ пріѣзжихъ людей съ Литвы съ берковска съ соляного, съ 11 пудъ съ Московскихъ, по 4 д., а съ Московскихъ гостей и съ Новгородскихъ и съ иныхъ съ рубля съ Московскаго по деньгѣ, и того сбираютъ съ году на годъ по 3 р. Московскихъ, а иногды болше, а иногды меньши, а идутъ тѣ деньги на церковную потребу, на воскъ, и на темьянъ, и на просворы и на церковное строеніе, а попомъ того на подѣлъ не идетъ» [1]). Это замѣчаніе даетъ намъ косвенное указаніе на размѣры торговли въ Торопцѣ: отсюда видно, что привозилось сюда товаровъ едва-ли на 600 р. въ годъ [2]); точная цифра тутъ особенно интересна, такъ какъ мы можемъ точно опредѣлить все число жителей Торопца—его надо полагать не ниже 2,400 чел. [3]).

Обращаясь къ разсмотрѣнію ремесленной дѣятельности жителей Торопца, мы находимъ тутъ 79 ремесленниковъ, изъ которыхъ 64 посадскіе люди, 10—шабры и другіе люди, живущіе на чужихъ дворахъ, и 5—дворники; только 10 ремесленниковъ не имѣютъ дворовъ на посадѣ и слѣд., можетъ быть, не живутъ въ городѣ; слѣд., если считать отдѣльно людей, несомнѣнно живущихъ въ городѣ, то изъ ихъ числа ремесленниками 10—12%. Сравнительно со многими другими городами, именно городами по южной и восточной окраинѣ и подмосковными, здѣсь посадское населеніе занимается ремеслами значительно менѣе; но сравнительно съ новгородскими пригородами—мы видимъ здѣсь ремесленную дѣятель-

---

[1]) Лл. 30—31.

[2]) Несомнѣнно, что съ пріѣзжихъ литовскихъ гостей брали сравнительно больше чѣмъ съ московскихъ или новгородскихъ, но и по разсчету сборовъ съ однихъ только послѣднихъ получаемъ, что 3 р. были собираемы съ 600 р.

[3]) Помноживъ цифру всѣхъ жителей Торопца, кромѣ монаховъ и монахинь, на основаніи разсужденій, указанныхъ во введеніи, на 3,266 — получаемъ 2,350; прибавляя сюда монашествующихъ, получимъ 2,400.

ность гораздо болѣе разнообразную; кромѣ людей, приготовляющихъ предметы первой необходимости, тутъ находимъ серебрянниковъ, сабельниковъ, сережниковъ, гусельниковъ, игольниковъ, даже кровопуска; всего разныхъ ремеслъ поименовано тутъ 33. Производя и здѣсь разсчетъ по четыремъ группамъ, которыя мы будемъ принимать всегда и далѣе, мы находимъ: ремесленниковъ, изготовляющихъ предметы питанія (I гр.) — 16 чел., т. е. 20% всего числа ремесленниковъ,—ремесленниковъ, изготовляющихъ разныя принадлежности одежды—(II гр.) и изготовляющихъ предметы домашняго обихода (III гр.) — по 20 чел., т. е. по 25% общаго ихъ числа, и наконецъ, занимающихся разными другими ремеслами—23 чел., т. е. 30% всего числа ремесленниковъ [1]).

Изъ другихъ оброчныхъ статей города, кромѣ лавокъ на торгу, указаны рыбныя ловли, съ которыхъ оброку положено за пять бочекъ щучины $1^1/_2$ р.; о поземельныхъ владѣніяхъ торопчанъ сказано кратко: кромѣ довольно общаго опредѣленія границъ ихъ животинныхъ выпусковъ указано, что они косятъ еще 6,615 копенъ сѣна, за что платятъ $2^1/_4$ р. московскихъ оброку, и пашутъ пашню около города, за что оброку положено за дань 18 р. московскихъ; разводятъ же этотъ оброкъ посадскіе люди сами «по животомъ», или, какъ пояснено немного ниже, «по пашнямъ, и по косьбѣ, и по рыбнымъ ловлемъ»; такимъ образомъ, мы лишены возможности точно опредѣлить количество пашенной земли торопчанъ; но, судя по суммѣ оброка, который къ тому же съ покосовъ взимался въ размѣрѣ низшемъ противъ обыкновеннаго—по деньгѣ съ копны—количество пашенной земли было довольно значительно.

Для изученія положенія г. Устюжны въ XVI в. основнымъ источникомъ долженъ намъ послужить документъ, имѣющій слѣдующее заглавіе и начало: «Списокъ съ сотные письма и мѣры кн. Дмитрія Григорьевича Бѣльскаго съ товарищи Устюжны Желѣзо-

---

[1])

Мясниковъ	4	кузнецовъ	7	вощечниковъ	3
колачниковъ	8	котельниковъ	2	сережниковъ	2
рыболововъ	3	плотниковъ	2	сабельниковъ	1
овсяниковъ	1	сѣдельниковъ	2	рогозниковъ	1
сапожниковъ	8	ведерниковъ	1	игольниковъ	1
сыромятниковъ	3	гончаровъ	1	щепетинниковъ	1
скорняковъ	3	бочарниковъ	1	стружниковъ	1
овчинниковъ	2	жерновниковъ	1	кровопусковъ	1
епанешниковъ	2	конюховъ	1	гусельниковъ	1
шапошниковъ	1	коровій пастухъ	1	скомороховъ	6
красильниковъ	1	серебрянниковъ	4	мыльниковъ	1

польскіе, а взяты съ списка у Устюженскаго челобитчика, у Ефремка у Бѣлянинова, а подлинная сотная отдана ему Ефремку назадъ. Л. 7105 г. февраля въ 26 д. дана сотная съ книгъ письма и мѣры кн. Д. Г. Бѣльскаго съ товарищи, Устюжны Желѣзопольскіе посадскимъ людямъ, а на посадѣ соборная церковь...» [1]) и т. д.; въ концѣ документа указано, что при подлинной сотной приложена печать кн. Д. Г. Бѣльскаго. Эти данныя и суть единственныя для опредѣленія времени, когда было составлено описаніе Устюжны: если при выписанной изъ него въ (7105) 1597 г. сотной приложена была печать писца—значитъ описаніе было или только-что окончено, или во всякомъ ужъ случаѣ относилось къ послѣдней четверти XVI в. [2]).

Главное содержаніе этого документа, какъ сотной, составляютъ данныя о тягломъ посадскомъ населеніи и о нѣкоторыхъ церквахъ съ ихъ духовенствомъ; замѣчательно, что обо всѣхъ, упомянутыхъ тутъ церквахъ, кромѣ собора и монастыря, сказано, что онѣ приходныя и что въ нихъ все церковное строеніе посадскихъ людей; изо всѣхъ этихъ церквей только одна ружная, но вм. руги ей дана земля; между тѣмъ въ другихъ городахъ мы встрѣтимъ церкви поставленія не только посадскихъ людей, но и церкви, поставленныя другими людьми, а также и поставленія царя; поэтому возможно, что тутъ, въ сотной, и изъ церквей описаны однѣ церкви посадскихъ людей, съ присоединеніемъ къ нимъ только собора и монастыря, какъ наиболѣе важныхъ въ городѣ, и можетъ быть оставлены безъ описанія еще нѣкоторыя церкви, къ которымъ посадскіе люди не имѣли ближайшихъ отношеній. Такимъ образомъ, изъ нашего документа мы получаемъ полныя свѣдѣнія о посадскомъ населеніи Устюжны и повидимому только частью—о духовенствѣ въ ней. Приведемъ сначала данныя о духовенствѣ, а затѣмъ—болѣе подробныя и полныя—о черныхъ людяхъ.

Всего въ сотной описаны и упомянуты съ соборомъ и монастыремъ—20 церквей, въ томъ числѣ одна безъ пѣнія; за исключеніемъ еще одной, всегда рядомъ указаны по двѣ церкви—отдѣльныя теплая и холодная, у которыхъ одни и тѣ же священнослужители; престоловъ всего 28, ибо въ соборѣ четыре придѣла и еще четыре же у другихъ четырехъ церквей; священнослужителей тутъ

---

[1]) Ркп. М. Г. А. М. И. Д. Приказныя дѣла, связка № 3, 1597 г., 78 л.

[2]) Намъ не удалось найти болѣе точныхъ указаній на годъ этого описанія.

упомянуто 32 и 2 сторожа: 4 черныхъ попа—въ трехъ дворахъ и кельѣ, 8 священниковъ въ 8 дворахъ, причемъ два въ двухъ дворахъ среди посадскихъ тяглыхъ, 2 священника, неуказанные въ дворахъ, но имѣющіе пожни, затѣмъ 2 дьякона, 7 понамарей и 6 церковныхъ дьячковъ, 3 проскурницы,—всѣ они жили каждый въ своемъ дворѣ, за исключеніемъ слѣдующихъ случаевъ: въ одномъ дворѣ жили вмѣстѣ пономарь и проскурница, дьячекъ и пономарь жили въ одномъ дворѣ со священникомъ своей церкви, одна проскурница жила не во дворѣ, а въ кельи, наконецъ одинъ сторожъ въ перечисленіи дворовъ не упомянутъ, а названъ лишь въ числѣ лицъ, получившихъ огородныя мѣста; кромѣ того, при церквахъ указаны еще 2 двора и 2 кельи проскурницъ и дворъ и келья пономарей, но безъ именъ людей, жившихъ въ нихъ,—вѣроятно, во время описанія они были пусты. Чернаго духовенства тутъ было строитель и 9 братовъ въ 6 кельяхъ въ монастырѣ, 26 келей при соборной церкви, въ которыхъ жили старцы и 1 старецъ во дворѣ среди дворовъ черныхъ тяглыхъ людей. Всего, слѣдовательно, духовенства съ иноками 69 чел., въ 25 дворахъ и 34 кельяхъ, да еще 3 двора и 3 кельи пустыя; старцевъ не менѣе 27 чел.

Какъ мы выше говорили, нѣсколько дворовъ духовныхъ лицъ переписано между дворами тяглыми; по итогу видно, что они сосчитаны вмѣстѣ съ тяглыми, и слѣдовательно, съ нихъ берутся и подати наравнѣ съ прочими; точно также не выдѣлены изъ числа посадскихъ и принадлежавшія церквамъ и духовенству пашни и пожни. Землю у церквей и духовенства находимъ тутъ какъ въ ряду пашенъ и поженъ посадскихъ людей, такъ и въ отдѣльныхъ пустошахъ и деревняхъ; всего земли у церквей и духовенства упомянуто въ нашей сотной: у церквей: 59³/₄ четвертей, о которыхъ прямо сказано, что по стольку же и въ двухъ другихъ поляхъ, и 35 четвертей, о которыхъ этого не сказано, сѣна 98 копенъ и лѣсу 6 десятинъ; у отдѣльныхъ духовныхъ лицъ—82³/₄ четв., о которыхъ сказано, что постольку же и въ двухъ другихъ поляхъ, и 4¹/₂ чет., о которыхъ этого не сказано, сѣна 370 копенъ и лѣсу 35 дес.; затѣмъ еще церковному сторожу данъ огородъ въ 24 кв. саж. и крестьянину соборной церкви, неописанному въ ея слободѣ, 3¹/₂ чет. земли безъ упоминанія о двухъ другихъ поляхъ. Въ этомъ итогѣ нами сосчитаны и отдѣльныя пожни и земля по тремъ деревнямъ трехъ церквей, обратившимся въ пусто—въ нихъ во время составленія книгъ было 11 м. дв. и въ одной — монастырскій коровій дворъ, на которомъ монастырскій слуга; кромѣ этихъ запу-

стѣвшихъ деревень, находимъ въ Устюжнѣ еще и населенныя деревни и слободы, принадлежавшія церквамъ. Именно, соборной церкви Рождества Богородицы принадлежала слобода, о которой въ книгѣ замѣчено: «живутъ въ ней торговые люди мастеровые»; въ этой слободѣ было 38 дворовъ, въ нихъ 38 чел., въ томъ числѣ двое бобылей, двѣ старицы, пять вдовъ и проскурница; затѣмъ 11 ремесленниковъ и одинъ палачъ; болѣе никакихъ свѣдѣній объ этой слободѣ въ нашей сотной не находится; нѣтъ указаній ни лавокъ, ни поженъ этихъ людей. У монастыря Ильинскаго была деревня, въ которой въ 6 дворахъ 6 человѣкъ крестьянъ, у которыхъ земли худой 15 четвертей [1]), сѣна 250 копенъ, лѣсу пашеннаго 15 десятинъ, непашеннаго—вдоль и поперекъ на версту; объ оброкѣ съ земли и объ обязанностяхъ этихъ крестьянъ къ монастырю ничего не сказано. Наконецъ, среди описанія посадскихъ тяглыхъ дворовъ читаемъ: «въ Ильинской улицѣ слободка, что поставилъ Никольскій игуменъ Іосифъ съ братьею на черныхъ мѣстѣхъ послѣ пожару, послѣ Ильина письма Плещеева, а даны были тѣ мѣста въ руги мѣсто и послѣ того по челобитью посадскихъ людей та слободка приписана къ посадскимъ къ тяглымъ людямъ, а къ Ильѣ пророку даютъ руги по 10 руб., а сами тянутъ государево тягло съ посадскими людьми ровно» [2])—и далѣе, до описанія дворовъ совершенно въ другомъ мѣстѣ («въ Троицкомъ концѣ»), перечислено 10 дворовъ, въ которыхъ 1 церковный дьячекъ, 3 бобыля, 1 убогая вдова и 14 молодшихъ людей, изъ которыхъ одинъ названъ пашеннымъ человѣкомъ, и 11—ремесленниками; и ихъ дворы всѣ сосчитаны въ общихъ итогахъ сотной. Совершенно ясно, что они тянутъ тягло, но не совсѣмъ ясно, кто платилъ въ монастырь 10 р. руги: посадскіе ли люди, по просьбѣ которыхъ приписана эта слобода отъ церкви къ посаду, или эти именно слобожане; прямыхъ указаній для рѣшенія этого нѣтъ, но болѣе вѣроятнымъ представляется первое, потому что 10 р. оброка для 10 дворовъ, которые должны тянуть еще и тягло, было бы слишкомъ тяжело и должно было бы вызвать запустѣніе слободы. Вотъ и всѣ данныя о духовенствѣ и церквахъ, которыя заключаются въ нашей сотной; существеннѣйшее ея содержаніе, какъ сказано, составляютъ данныя о тягломъ населеніи.

---

[1]) Въ подлинникѣ тутъ зачеркнуты слова «въ полѣ»; какъ нужно понять это—въ смыслѣ ли отсутствія двухъ другихъ полей, или въ смыслѣ несомнѣннаго ихъ присутствія—неясно.

[2]) Л. 30—30 об.

На посадѣ, по концамъ и улицамъ—послѣднія называются почти исключительно по именамъ церквей — описаны дворы подъ рубрикою: «на посадѣ же дворы тяглые»; владѣльцы ихъ въ большинствѣ случаевъ, хотя не всегда, отмѣчены словами «молодчій» или «середній» и за исключеніемъ выше отмѣченныхъ духовныхъ и еще нѣкоторыхъ бобылей—никакихъ другихъ людей тутъ владѣльцами дворовъ не указано. Всего дворовъ середнихъ 7, молодшихъ 127, бобылей и вдовъ 76, причемъ о послѣднихъ замѣчено, что они не положены въ сохи за худобою ихъ владѣльцевъ, которые скитаются межъ дворовъ. Обыкновенно во дворѣ указывается не одинъ человѣкъ, а два и даже три; случается, что во дворѣ не-бобылей указаны и бобыли и наоборотъ—у бобылей не-бобыли; но цифра 76 есть число тѣхъ дворовъ, гдѣ бобыли указаны первыми владѣльцами, остальные же дворы, гдѣ являются бобыли и вдовы, но гдѣ ихъ имя является не на первомъ мѣстѣ, сосчитаны въ числѣ тяглыхъ,—счетъ дворовъ сдѣланъ, очевидно, по первому владѣльцу, но люди сосчитаны независимо отъ того, въ какихъ дворахъ они жили, а соотвѣтственно тому, какъ они сами отмѣчены: въ книгѣ сказано: «дворовъ бобылей 76, а людей въ нихъ 124 чел.»—и эта цифра 124 есть число всѣхъ бобылей, какъ живущихъ своими дворами, такъ и живущихъ во дворахъ, первыми владѣльцами которыхъ указаны не бобыли. Счетъ людей у насъ и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, не сходится со счетомъ книги; но тутъ совершенно ясно, что причиною этого является то, что книга не вноситъ въ свои итоги всѣхъ даже взрослыхъ людей: у насъ получилось всего ровно 500 чел., тогда какъ книга даетъ 382 чел. (7 середнихъ, 251 мол. и 124 вдовъ и бобылей), но 118 человѣкъ, являющіеся лишними въ нашемъ итогѣ противъ итога книги,—это какъ разъ тѣ люди, которыхъ мы встрѣчаемъ лишь въ числѣ владѣльцевъ лавокъ и земли, не встрѣчая ихъ въ описаніи дворовъ; изъ ихъ числа 10 названы крестьянами разныхъ деревень, слѣдовательно, относительно ихъ, по крайней мѣрѣ, возможно предположеніе, что они въ Устюжнѣ и не жили; но несомнѣнно, что, владѣя тутъ землею вмѣстѣ съ горожанами, они вмѣстѣ съ ними несли и повинности—иначе ихъ участки не были бы записаны въ посадскую сотную; очевидно, слѣдовательно, что они имѣли частыя и близкія сношенія съ городомъ; потому мы и находимъ болѣе правильнымъ считать ихъ вмѣстѣ съ горожанами. Говоря о тягломъ населеніи, мы всюду употребляемъ, какъ болѣе удобное, выраженіе «владѣльцы дворовъ», хотя тутъ перечисляются не люди, владѣю-

щіе дворами, а дворы, «въ которыхъ живутъ» такіе-то люди. Среди жильцовъ въ посадскихъ тяглыхъ дворахъ 16 названы пашенными, 11 торговыми, 5—особо посадскими и еще посадскими же двое, поименованные только при описаніи земель, одинъ мастеровымъ человѣкомъ и одинъ земскимъ дьячкомъ; всѣ они сосчитаны въ общемъ итогѣ съ остальными жильцами посадскихъ дворовъ; но, какъ увидимъ ниже, торговые не занимаются торговлею болѣе другихъ, равно какъ и пашенные не исключительно и не болѣе другихъ пашутъ. Тяглые люди положены тутъ въ сохи и составляютъ $1^7/_8$ сохи, слѣдовательно приходится на соху 72 дв. Пустыхъ дворовъ въ Устюжнѣ было 17, мѣстъ пустыхъ 286—въ пустѣ $8^7/_{24}$ сохи; и хотя не совсѣмъ ясно, сосчитаны ли запустѣлымъ сошнымъ письмомъ только пустые дворы и мѣста, или и дворы бобыльскіе, о которыхъ тоже сказано, что они въ сохи тутъ не положены, но во всякомъ случаѣ очевидно, что прежде въ соху было положено дворовъ значительно менѣе, чѣмъ по тѣмъ книгамъ, съ которыхъ выписана сотная [1]),—это указываетъ на начавшееся и въ этихъ мѣстахъ къ концу вѣка обѣднѣніе населенія, а большое число пустыхъ мѣстъ—на бѣгство населенія и отсюда. Въ описаніи посадскихъ тяглыхъ дворовъ читаемъ между прочимъ слѣдующее: «во дв. Мокейко Дмитріевъ калачникъ молодчій, да Семенъ Ивановъ котельникъ молодчій, да Самсонка Семеновъ калачникъ молодчій, да Пятунко Ивановъ Зайцевъ середній; дв. пустъ Пятунки Зайцева»,—т. е. видимъ тутъ ясный случай, что человѣкъ, имѣя свой дворъ, тѣмъ не менѣе бросалъ его и поселялся вмѣстѣ съ другими.

Огородовъ тутъ указано очень немного, настолько даже мало, что мы почти убѣждены, что почему-то указаны не всѣ огороды; притомъ нѣсколько разъ опредѣлены лишь границы ихъ, а не указана величина, но всего не наберется и 300 кв. саженъ; повидимому и здѣсь, какъ увидимъ и въ псковскихъ пригородахъ, полагался

---

[1]) «И всего на Устюжнѣ на посадѣ тяглыхъ середнихъ 7 дворовъ, а людей въ нихъ 7 чел., да молодчихъ кузнецовъ и молотниковъ 115 дв., да пашенныхъ 12 дв., и всего молодчихъ съ пашенными 127 дв., а людей въ нихъ 251 чел., а сошнаго письма въ живущемъ 2 сохи безполу (sic) четверти сохи; да убогихъ больныхъ и вдовъ 76 дв., а людей въ нихъ 124 чел., да 17 дв. пусты, да 286 м. дв., а бобыльскіе дворишки въ сошное письмо не положены для убожества, скитаются по миру. А въ пустѣ сошнаго письма 8 сохъ съ четью и пол-полтрети сохи.»—лл. 73—74; по старому же письму было положено въ соху или 35, или 37, или 41 дв., смотри по тому, что считать въ пустѣ: одни ли м. дв., или съ пустыми дворами, или даже еще съ дворами бобыльскими.

и былъ при каждомъ дворѣ и огородъ [1]); земли пашенной 260 ч., сѣна 5,200 копенъ; изъ этого числа нужно еще исключить 15 четв. земли и 308 копенъ сѣна, принадлежавшихъ духовенству и нами уже особо сосчитанныхъ; о количествѣ полей не сказано; но къ самому концу XVI в., къ которому относится нашъ документъ, трехпольная система, кажется, уже повсемѣстно распространилась; точно также не сказано, какая земля—добрая, середняя или худая; выше, какъ вы видѣли, при описаніи отдѣльныхъ пустошей церковныхъ, въ нихъ земля оказывалась худая. Изъ общаго числа пашни и сѣнокосу принадлежало 10-ти пашеннымъ $25^1/_2$ четв. земли, 550 копенъ сѣна, 5-ти торговымъ 320 копенъ сѣна, 7 бобылямъ и 4 вдовамъ 9 четв. земли и 415 копенъ сѣна. Изъ этого мы видимъ во-первыхъ, что бобыли и вдовы имѣютъ землю очень немногіе и очень немного, затѣмъ, что пашенные вовсе не исключительно пашутъ, равно какъ торговые—не исключительно торгуютъ.

И здѣсь видимъ, какъ увидимъ и далѣе, особенно въ описаніи псковскихъ пригородовъ, постоянный, преобладающій фактъ, что у нивъ и поженъ отмѣчаются два владѣльца: настоящій, во время составленія книги, и прежній. Изрѣдка встрѣчаемъ здѣсь при этомъ слова: «что была отца его, дяди его», но въ огромномъ большинствѣ случаевъ прежній владѣлецъ не былъ по крайней мѣрѣ близкимъ родственникомъ новаго; встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько разъ выраженія «что его же была старая пашня, пожня» [2]),—выраженія, очевидно, намекающія на возможность какой-то перемѣны, даже болѣе, на какую-то перемѣну, при которой то, что было во владѣніи одного человѣка, въ большинствѣ случаевъ переходило къ другому и только въ исключительныхъ оставалось у прежняго, что поэтому особо отмѣчалось; о куплѣ-продажѣ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ встрѣчаемъ упоминанія крайне рѣдко; замѣтимъ, наконецъ, что тутъ видимъ два или три случая, когда прежній владѣлецъ пожни налицо, а его земля находится въ пользованіи другого, безъ всякихъ указаній на основаніи чего. Мы еще остановимся на этихъ отношеніяхъ подробнѣе, когда будемъ разсматривать положеніе псковскихъ пригородовъ, въ описаніи которыхъ очень много подобныхъ фактовъ. Здѣсь же отмѣтимъ еще, что въ описаніи Устюжны не только не видимъ пустыхъ, никѣмъ

---

[1]) «Дано мѣстечко Андрейку Легкову, что у его двора и огороду нѣтъ»—л. 27 об.

[2]) Лл. 48 об., 55 об., 63.

незанятыхъ нивъ и поженъ, но еще указаны вновь расчищенными $3^1/_2$ четв. пашни и сѣнокосъ на 445 копенъ.

Лавки въ Устюжнѣ, перечисленныя въ сотной, распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: изъ 100 ровно лавокъ и амбаровъ, 18-ти лавокъ пустыхъ и мѣстъ, данныхъ подъ лавки, шести торговымъ людямъ принадлежали 10 лавокъ и 1 мѣсто, пяти бобылямъ и вдовамъ—$6^1/_2$ лавокъ и 1 мѣсто, одному пашенному человѣку амбаръ, а остальныя $79^1/_2$ лавокъ, 3 амбара и 16 мѣстъ принадлежали 72 человѣкамъ, о которыхъ ничего не сказано, кромѣ ихъ именъ и отчествъ; другихъ людей въ числѣ владѣльцевъ лавокъ не упомянуто, но вѣроятно лишь потому, что это сотная; намекъ же на то, что были и другія лавки, можно видѣть въ первыхъ же словахъ описанія торга: «на Устюжнѣ на посадѣ лавки въ разныхъ рядѣхъ, а торгуютъ въ нихъ торговые люди всякими разными товарами черезъ лавки, а не ряды, и стулы мясные»—а между тѣмъ, ни одного стула не описано, да и замѣчаніе «черезъ лавки, а не ряды» какъ бы указываетъ, что описаны не всѣ лавки каждаго ряда. Еще о торгѣ читаемъ въ самомъ концѣ сотной, что съ лавокъ оброку 4 р. 24 алт., да пошлинъ съ того оброку 9 а. 5 д., т. е. съ лавки приблизительно по $9^1/_2$ денегъ, а пошлинъ съ рубля по 10 денегъ, какъ обыкновенно [1]). Болѣе никакихъ свѣдѣній о торгѣ или о предметахъ торговли не находимъ.

Ремесленниковъ упомянуто въ сотной 245 чел.; изъ нихъ 4—неимѣющіе дворовъ на посадѣ, 1 пашенный, 43 бобыля и 1 вдова, 2—названные посадскими людьми, остальные 193 чел.—перечисленные въ описаніи дворовъ тяглыхъ на посадѣ; изъ числа этихъ имѣющихъ дворы 34 имѣютъ еще землю, имъ же принадлежатъ еще 35 лавокъ, 1 амбаръ, 1 мельница и 1 м. лав.; приблизительно въ половинѣ случаевъ ремесленнику принадлежитъ лишь половина лавки, но есть случаи, что у одного ремесленника 2,3 лавки, разъ даже 5 лавокъ и 1 мѣсто. Наибольшее количество ремесленниковъ занималось въ Устюжнѣ и тогда желѣзнымъ дѣломъ, именно 119 чел.; если исключить этихъ 119 чел., какъ такихъ, появленіе которыхъ стояло въ зависимости отъ чисто мѣстныхъ условій, то найдемъ, что ремесленниками въ Устюжнѣ были ровно 25% всего числа населенія; изъ нихъ занимались приготовленіемъ предметовъ питанія 51 чел., т. е. 40,5% общаго числа ремесленниковъ, при-

[1]) Лл. 39 об., 75.

готовленіемъ одежды—29 чел., т. е. 23%, приготовленіемъ предметовъ домашней обстановки—31, т. е. 24,6%, и наконецъ разными другими ремеслами—15 чел., т. е. 12% всего числа ремесленниковъ [1]). Можно еще замѣтить, что ни одинъ торговый человѣкъ не названъ ремесленникомъ; но торговыхъ людей тутъ такъ мало, что никакихъ выводовъ отсюда дѣлать нельзя. Наконецъ, изъ нашей сотной узнаемъ, что на площади, гдѣ помѣщался торгъ, были изба губная, возлѣ нея тюрьма въ тыну, изба таможенная и изба земская, «гдѣ судятся посадскіе люди» [2]).

Сверхъ всѣхъ этихъ свѣдѣній, подобныхъ тѣмъ, какія извлекаемъ мы вообще изъ писцовыхъ книгъ, наша сотная даетъ еще точную цифру денежныхъ доходовъ со всего посадскаго населенія г. Устюжны. Вотъ что читаемъ мы непосредственно вслѣдъ за приведенными уже нами итогами перечисленныхъ дворовъ и людей и свѣдѣніями о разложеніи ихъ въ сохи:

«А государевыхъ доходовъ съ Устюжны:

За намѣсничьихъ пошлинныхъ людей доходовъ [3]) и за присудъ оброку и пошлинъ 17 рублевъ.

---

[1]) Есть случай, что одинъ гвоздарь—кузнецъ, одинъ судовщикъ еще названъ плотникомъ, и одинъ плотникъ еще сапожникомъ и молотникомъ; въ числѣ ремесленниковъ лишь одинъ средній. Вотъ полный списокъ упомянутыхъ въ сотной ремесленниковъ:

молотниковъ	66	прасоловъ.........	2	котельниковъ......	1
кузнецовъ.........	34	кисельниковъ	1	сковородниковъ ...	1
угольниковъ.......	12	сапожниковъ......	12	замочниковъ	1
смоляниковъ	3	портныхъ мастеровъ.	8	судовщиковъ	1
желѣзниковъ......	1	овчинниковъ......	2	драничниковъ	4
укладниковъ......	1	сыромятниковъ....	1	щепетинниковъ....	3
рудометовъ.......	1	лапотниковъ......	1	пастуховъ	2
гвоздарей.........	1	ветошниковъ......	1	перевозниковъ	1
хлѣбниковъ.......	13	гребенниковъ	1	шпанниковъ (?)....	1
колачниковъ......	11	опоечниковъ......	1	казаковъ..........	1
мясниковъ........	10	чулочниковъ......	1	мельниковъ	1
солениковъ........	5	рукавичниковъ....	1	серебряниковъ	1
солодовниковъ	4	плотниковъ.......	23	скомороховъ	1
рыболововъ	3	горшечниковъ.....	2		
пирожниковъ	2	свѣчниковъ.......	2		

[2]) Л. 44—44 об.

[3]) Вѣрнѣе, кажется, «за намѣстничь и ихъ пошлинныхъ людей доходъ»—такъ читается, какъ увидимъ далѣе, и въ книгѣ Можайска.

Съ пустоши съ Мальцовы [1]) за намѣсничьихъ людей доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ 1 р. 19 а. А ямскихъ денегъ платити имъ съ дву сохъ безъ получетверти сохи по чему государь укажетъ съ сохи.

Да пищальныхъ денегъ	16 р. 21 а. 2 д.
Таможенныхъ пошлинъ	122 р. съ полтиной.
Свальные пошлины	8 р. 30 а. 2 д.
Да съ животинныхъ выпусковъ да съ пустоши съ Мыльцовы оброку (4 р.) и пошлинъ (2 гр.)	4 р. 2 гр.
Съ рыбныхъ ловель оброку (4 р.) и пошлинъ (2 гр.)	4 р. 2 »
Да конюшенныхъ доходовъ, за сѣно оброку.	10 р. съ полт.
Да полоняничныхъ денегъ съ 2 сохъ безъ получетверти (по 2 р. съ сохи)	3 р. 25 а.
Да съ лавокъ оброку (4 р. 24 а.) и пошлинъ (9 а. 5 д.)	5 р. 3 д.

Пищальныхъ денегъ съ середнихъ дворовъ съ двора по 2 гр., а съ молодчихъ по 4 алт. со двора» [2]).

Подобныхъ данныхъ, рядомъ съ точными свѣдѣніями о числѣ жителей города, дошло до насъ очень немного и потому эти свѣдѣнія представляютъ значительный интересъ, но вслѣдствіе того же полное разсмотрѣніе и разъясненіе ихъ не представляется возможнымъ; поэтому мы и остановимся лишь на нѣкоторыхъ частностяхъ.

Оброкъ съ поженъ и пашенной земли оказывается, сравнительно съ тѣмъ, что увидимъ мы относительно псковскихъ пригородовъ, очень низкимъ: 4 р. съ 230 четвертей—это среднимъ числомъ по 3,5 деньги съ чети; точно также низокъ оброкъ и съ животинныхъ выпусковъ, каковыми приходится считать здѣсь сѣнокосы, на которыхъ ставится 5,200 копенъ сѣна—по обыкновенному разсчету, по деньгѣ съ копны, нужно бы собирать тутъ съ однихъ сѣнокосовъ 26 р. Оброкъ со 100 лавокъ—944 д. довольно близокъ къ обыкновенному—2 алт., съ лавки, но ниже его. О пищальныхъ

---

[1]) Въ текстѣ сотной мы этого имени не встрѣтили; возможно, что это есть другое названіе одной изъ упомянутыхъ нами выше пустошей.

[2]) Лл. 74—75.

деньгахъ сказано тутъ два раза: сначала приведена общая цифра этихъ денегъ, а затѣмъ въ концѣ указано, поскольку бралось этихъ денегъ со двора середняго и молодшаго; если приложить указанный тутъ размѣръ сбора къ данному въ книгѣ числу дворовъ, то и выйдетъ именно 16 р. 21 а. 2 д. и это именно указываетъ, что платили эту подать, а слѣдовательно, вѣроятно и всѣ другія, т. е. тянули вообще все тягло, и всѣ дворы, перечисленные подъ рубрикою «тяглые», не исключая дворовъ и духовенства. Особеннаго вниманія заслуживаютъ приведенныя тутъ цифры свальной пошлины и таможенныхъ доходовъ, простирающихся до 131 р. Мы видѣли, что въ Торопцѣ, гдѣ общая цифра населенія достигала 2,400 ч., всего привозилось товаровъ на сумму 600 р., слѣдовательно, абсолютно невѣроятно, чтобы собиралось 131 р. таможенныхъ доходовъ и свальной пошлины въ Устюжнѣ, гдѣ общее число чернаго населенія едва-ли превышало 1,700 чел., если мы не допустимъ, что наша сотная даетъ намъ свѣдѣнія лишь о нѣкоторой части всего ея населенія, а что городъ этотъ заключалъ всего жителей значительно большее число.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ свѣдѣнія, подобныя сейчасъ приведеннымъ, мы находимъ лишь въ книгѣ Можайска [1]), составленной въ то же время, какъ и наша сотная; совершенно такія же данныя заключаетъ еще отрывокъ изъ книгъ г. Вязьмы 7102 и 7103 года [2]); очень недалеко по времени отстоятъ тѣ книги Суздаля, которыя глухо упомянуты въ Суздальской

---

[1]) Книга Можайска въ (невышедшемъ) I т. Писц. книгъ Московскаго государства, изд. Геогр. общ., подъ редакціей Калачева, стр. 630—631.

[2]) Смолен. губ. вѣдомости, 1846, № 7: Вѣглядъ на уѣздный городъ Вязьму; въ выноскѣ на 2 стр. читаемъ: «въ писцовыхъ книгахъ Василія Волынскаго въ 102 и 103 гг. (1594—1595) написано: въ Вязьмѣ на посадѣ тяглыхъ лучшихъ и середнихъ и черныхъ и молодчихъ людей 500 дв., а людей въ нихъ 575 чел., а сошнаго племя (такъ напечатано, очевидно нужно: письма) было въ живущемъ $6^1/_2$ сохъ и пол-пол-трети сохи, а пищальныхъ денегъ платили Вязьмичи пос. люди 125 р., со двора по 8 ал. по 2 д., да пошлинъ 20 а. 5 д., съ рубля по деньгѣ, да съ лавокъ и съ полковъ оброку и пошлинъ 10 р. 6 а. 3 д. И всего по Васильевымъ книгамъ Волынскаго Вязьмичи посадс. люди платили пищальныхъ денегъ, опричъ Троицкіе слободки, Ивановскаго монастыря слободки и съ лавокъ и съ полковъ и откупныхъ денегъ, и за намѣстничъ доходъ и за ихъ пошлинныхъ людей и за присудъ и мыту водяного и мѣхового и съ луговъ оброку и пошлинъ и всякихъ четвертныхъ доходовъ 234 р. 24 а. 5 д.».

писцовой книгѣ 1612 года [1]), и въ которыхъ тоже заключаются подобныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ, по извѣстнымъ намъ писцовымъ книгамъ оказывается, что въ книгахъ, очень близкихъ къ 7101 году, были помѣщены такія свѣдѣнія, какихъ въ книгахъ ранѣе составленныхъ помѣщаемо не было. А этотъ фактъ получаетъ особый интересъ въ виду того, что въ послѣднее время профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ поставилъ въ связь съ записью ихъ въ книги 7101 года [2]). Приведенные нами факты, конечно, не разъясняютъ ничего прямо по этому вопросу, но не можетъ не привлекать нашего вниманія и тотъ уже фактъ, что книги, ближайшія къ 7101 году начинаютъ отличаться какою-то особенною подробностью, точностью въ опре-

---

[1]) Владим. губ. вѣдомости, 1843, № 25, стр. 101—102, въ статьѣ: «Описи Суздаля»: «пропуская исчисленіе жителей Суздаля по именамъ, выписываемъ здѣсь одинъ итогъ:... а всего по дозору Т. М. Лазарева да подьячаго Д. Жданова въ Суздалѣ на посадѣ, въ острогѣ и за острогомъ жилецкихъ посадскихъ 78 дв., а людей въ нихъ тожъ, да 19 дв., а люди изъ нихъ ходятъ по міру; да на посадѣ-жъ въ острогѣ и за острогомъ 60 м. дв. пустыхъ, а люди изъ нихъ ходятъ по міру, а иные разбрелись по городамъ и по селамъ безвѣстно; да на посадѣ-жъ... 251 м. дв. пустыхъ, а люди изъ нихъ отъ литовскихъ людей побиты и померли. А по старому дозору Я. Наумова съ товарыщи *противъ платежныхъ книгъ 81 г.* въ Суздалѣ на посадѣ въ живущемъ было сошнаго письма 2 сохи съ четью сохи, а дворовъ было 414 дв. а денежныхъ доходовъ платили по платежнымъ книгамъ и по сказкѣ старостъ и цѣловальниковъ съ 2 сохъ съ четью сохи въ Большой Приходъ пищальныхъ денегъ 52 р. 32 а. 5½ д., да оброчныхъ денегъ платили въ Большой Приходъ 25 р. 26 а. 1 д., да въ Галицкую четь платили съ 2 сохъ съ четью сохи за присудъ оброку и пошлинъ 27 р. 4 а. И по дозору Т. Лазарева да подьячаго Д. Жданова убыло предъ прежними изъ живущаго въ пусто 2 сохи безъ чети сохи, денежныхъ доходовъ убыло въ Большой Приходъ пищальныхъ денегъ 41 р. 6 а. 5½ д., да оброчныхъ денегъ убыло 21 р. 3 а. ½ д. А затѣмъ осталось въ Суздалѣ на посадѣ сошнаго письма ½ сохи, а денежныхъ доходовъ по новому дозору въ Большой Приходъ по сошному письму доведется имъ платити пищальныхъ денегъ 11 р. 26 а., да оброчныхъ денегъ платити имъ въ Большой Приходъ 5 р. 24 а. 2 д., да въ Галицкую четь платити имъ по новому дозору съ полу-жъ сохи за присудъ оброку и пошлинъ 6 р. 5½ д.».

[2]) «... И впредь прикрѣпленіе должно простираться на тѣхъ крестьянъ, которые «*въ книгахъ 101* (1592 или 1593 г. — въ текстѣ ошибочно 1692 или 1693) положены», чѣмъ указывается и на дату общихъ мѣръ Бориса. Но подъ этими «книгами» можно разумѣть лишь писцовыя книги; Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства».—*Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, I, 118.

дѣленіи повинностей и податей жителей городовъ. Въ виду этого весьма желательно было бы изученіе и уѣздныхъ книгъ писцовыхъ 7101 и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ; сохранилось же ихъ отъ этого времени довольно много—отъ тридцати, приблизительно, уѣздовъ; приведенные же сейчасъ примѣры даютъ надежду, что въ нихъ, быть можетъ, откроются свѣдѣнія, отличащіяся отъ сообщаемыхъ другими писцовыми книгами и быть можетъ — онѣ прольютъ новый свѣтъ на вопросъ о закрѣпощеніи крестьянъ, до сихъ поръ еще неразъясненный окончательно.

ГЛАВА III.

Псковскіе пригороды.

Документъ, содержащій описаніе псковскихъ пригородовъ [1]), отличается нѣкоторыми незначительными особенностями отъ другихъ писцовыхъ книгъ и приближается отчасти къ переписнымъ окладнымъ книгамъ новгородскимъ: онъ точно также не представляетъ описанія укрѣпленій и церквей, такъ что указаніями на нихъ служатъ лишь упоминанія разныхъ лицъ духовнаго званія причемъ всегда указывается, отъ какой церкви тотъ или другой; но описаніе лавокъ въ разсматриваемомъ теперь документѣ есть. Но такъ какъ описаніе псковскихъ пригородовъ составлено въ 1585—1588 гг., т. е. сейчасъ вслѣдъ за опустошеніемъ области Баторіемъ, то естественно рождается вопросъ—можетъ ли онъ дать вѣрное представленіе о положеніи городовъ этой области вообще, въ мирное время, при обыденномъ теченіи жизни? Отвѣтъ на это долженъ быть утвердительный. По нашему документу мы вполнѣ можемъ возстановить обыкновенное положеніе этихъ городовъ, благодаря тому, что книга постоянно сравниваетъ ихъ положеніе въ моментъ описанія съ прежнимъ ихъ состояніемъ, причемъ отмѣчаетъ не только, какое количество дворовъ, лавокъ, а иногда нивъ и огородовъ запустѣло въ послѣднее время, но еще сколько было «старой пустоты», т. е. при прежнемъ письмѣ—слѣд., сколько было пустоты при обыкновенномъ положеніи дѣлъ. Прямо въ нашемъ документѣ не указано, на какое именно письмо онъ ссылается; но въ лѣтописи подъ (7065) 1557 г. сохранилось извѣстіе, что въ это время начато было описаніе Пскова и его пригородовъ [2]). Совершенно помимо вопроса—первое это было опи-

---

[1]) Ркп. М. А. М. Ю. № 355, половины 1-ая и 2-ая и К. 827.

[2]) «Въ л. 7065. Почаша писцы писати городъ Псковъ и пригороды, и земли мѣрити, и оброки велики на оброчныя воды и пожни и на мельницы наложиша». П. С. Р. Л., IV, 309.

саніе или нѣтъ, очевидно, что книга 1585 г. ссылается на послѣднее предъ нею описаніе, а такъ какъ изъ лѣтописи мы узнаемъ, что было описаніе Псковской области въ концѣ 50-хъ годовъ XVI в. [1]), то, несомнѣнно, изучаемый нами теперь документъ ссылается или на него, или на другое какое-нибудь, между 1557 и 1585 годами, и, слѣдовательно, ссылки нашей книги даютъ намъ понятіе о положеніи псковскихъ пригородовъ не ранѣе половины XVI в. По описанію, которое мы теперь будемъ разбирать, всѣ они являются сильно запустѣвшими; что запустѣніе это явилось именно послѣ и вслѣдствіе войны, а не ранѣе отъ какой-либо другой причины, указываютъ нѣкоторые другіе источники: существующія въ рукописи книги устройныя новгородскихъ ямовъ по дорогамъ отъ Новгорода къ Москвѣ, Пскову и Орѣшку постоянно указываютъ на запустѣніе мѣстности именно послѣ прихода литовскаго короля [2]); лѣтопись тоже говоритъ, что во время Ливонской войны Іоаннъ Грозный опустошилъ свои города, переселивши будто бы изъ нихъ жителей въ города, только временно бывшіе въ его власти, а потомъ утраченные [3]);—мы не должны, конечно, принимать этого извѣстія цѣликомъ и считать главною причину, указываемую лѣтописью, но для насъ цѣнно указаніе лѣтописи на время запустѣнія этихъ городовъ.

Теперь мы приведемъ всѣ данныя, сообщаемыя нашимъ документомъ о каждомъ пригородѣ, а затѣмъ сдѣлаемъ общій обзоръ положенія ихъ до и послѣ войны; такой пересказъ документа, думается намъ, совершенно необходимъ въ виду того, что намъ приходится пользоваться источникомъ, доселѣ остающимся въ рукописи, а кромѣ того приводимыя нами цифровыя данныя, быть можетъ,

---

[1]) Д. А. И., I, № 224, 1579, заключаетъ выписку изъ описанія Пскова 1557. Такъ какъ въ 1579 г. ссылаются на это письмо, то очень вѣроятно, что и до 1585 новаго произведено не было.

[2]) Ркп. И. П. Б., Q, IV, 261, лл. 126—130 и далѣе, и др.; опустошенія литовцевъ простирались до Порхова и до второго отъ Новгорода яма по псковской дорогѣ — всего ихъ было пять. См. также *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, т. 2, в. I, 295—299.

[3]) Подъ 7078 г., послѣ краткаго разсказа о погромѣ Новгорода, лѣтописецъ говоритъ: «...и взятъ 24 города Ливонскіе и Вифляндскіе у нѣмецъ и своихъ людей посади съ нарядомъ и съ запасы, а запасы возили изъ дальнихъ городовъ изъ за-московныхъ, и наполни грады чужіе Русскими людьми, а свои пусты сотвори. Егда же возвратися царь на Русь, нѣмцы же собравшеся изъ за моря... всѣ тѣ городы очистиша себѣ и поимаша и людей побиша...» П. С. Р. Л., IV, 318.

послужать въ чемъ-нибудь и для другихъ изслѣдователей. Обращаясь теперь къ обзору положенія отдѣльныхъ пригородовъ, мы будемъ слѣдовать въ своемъ изложеніи такому порядку: начнемъ съ сѣвера, съ Гдова, затѣмъ разсмотримъ ближайшіе къ Пскову—Изборскъ и Островъ, затѣмъ—шесть меньшихъ пригородовъ, находившихся приблизительно въ серединѣ Псковской земли и особенно сильно пострадавшихъ, затѣмъ Вороночъ и Велье, тоже значительно, но уже менѣе потерпѣвшіе, и наконецъ — три пригорода югозападнаго угла Псковской области—Красный, Опочку и Себежъ, изъ которыхъ Красный и Себежъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдними по времени основанія [1]).

Населеніе Гдова [2]) составляли въ 1585—1588 гг. всего: 14 молодшихъ людей, 11 чел. дѣтей боярскихъ — въ числѣ ихъ намѣстникъ, воевода и городовой приказчикъ, — 100 стрѣльцовъ, 11 пушкарей, 5 воротниковъ, 1 ямщикъ, 1 тюремный сторожъ, 1 дворникъ на монастырскомъ дворѣ, 5 «людей» разныхъ дѣтей боярскихъ [3]), 3 вдовы, 2 бобыля и богадѣльные старцы въ двухъ избахъ, 3 священника, 1 дьяконъ. По прежнему же письму было во Гдовѣ черныхъ людей 290 дв., духовенства было еще 12 человѣкъ; прежде было еще 2 земскихъ дьячка; число воротниковъ и пушкарей не уменьшилось значительно—по крайней мѣрѣ, только два раза упомянуто о пустыхъ ихъ мѣстахъ. Сотня стрѣльцовъ поселена здѣсь на особомъ мѣстѣ, въ особой слободѣ, между тѣмъ какъ ратные люди другихъ наименованій живутъ въ перемежку съ людьми другихъ сословій; это поселеніе сотни стрѣльцовъ встрѣтимъ мы и въ другихъ пригородахъ Псковской земли; несомнѣнно, оно стояло въ связи съ войною, которая тутъ только-что кончилась; но въ нашемъ источникѣ никакихъ болѣе подробныхъ замѣчаній объ этомъ поселеніи стрѣльцовъ нѣтъ.

У трехъ дѣтей боярскихъ 2 двора и дворъ пустой въ городѣ;

---

[1]) Красный основанъ въ 1464 году—П. С. Р. Л., IV, 228, а Себежъ—въ 1535 г.—П. С. Р. Л., IV, 300 и др. Точнѣе указано мѣстоположеніе каждаго пригорода у *Костомарова,* Сѣвернорусскія народоправства, II, 78—81.

[2]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 405—443.

[3]) «Дв. пустъ, а въ немъ Бориско Ульяновъ человѣкъ Русиновъ. Дв. пустъ, а въ немъ Савка Петровъ Русиновъ человѣкъ Елагина. Дв. пустъ, а въ немъ стоятъ Васильевы люди Плещеева...» «Дв. Алексѣя Колычева, а въ немъ Алексѣевъ человѣкъ Якимко Захаровъ...» Ркп. К. 827, лл. 408, 409, 412.; упомянутые тутъ Р. Елагинъ, В. Плещеевъ и А. Колычевъ названы въ описаніи Гдова же въ числѣ дѣтей боярскихъ.

воевода и городовой приказчикъ упомянуты лишь какъ владѣльцы огородовъ; у всѣхъ же остальныхъ, а также и у намѣстника (имѣвшаго уже дворъ въ городѣ) по двору на посадѣ. Черные люди всѣ живутъ во дворахъ на посадѣ; на посадѣ же у нихъ 2 бани; вся слобода стрѣлецкая въ городѣ; дворы четырехъ сотниковъ указаны особо; въ городѣ и на посадѣ у стрѣльцовъ по банѣ; у воротниковъ и у пушкарей въ городѣ 7 дв. и 4 м. и на посадѣ 12 дворовъ; одинъ воротникъ владѣетъ огородомъ, но двора у него не указано; у воротниковъ тоже по банѣ въ городѣ и на посадѣ. У духовныхъ лицъ особый дворъ лишь одинъ, въ которомъ живутъ священникъ и дьячекъ; остальные два священника живутъ, вѣроятно, у одного посадскаго человѣка, который одному изъ нихъ сынъ, а другому отецъ [1]); обѣ избы богадѣльныя помѣщались въ городѣ, въ дѣвичѣ монастырѣ; о сестрахъ въ немъ не упомянуто, но въ немъ есть поварня и пивная; наконецъ, во Гдовѣ видимъ дворъ кабацкій и два монастырскіе пріѣзжіе двора. Всѣ дворы въ городѣ и всѣ 4 бани — бѣлые, нетяглые; черные люди живутъ въ черныхъ тяглыхъ дворахъ; дворы же на посадѣ всѣхъ другихъ людей описаны, подъ заголовкомъ: «во Гдовѣ же дворы дѣтей боярскихъ, пушкарей и воротниковъ, а поставлены на черныхъ мѣстахъ, а на тѣ дворы оброкъ положенъ» [2]) и платятъ оброку—дѣти боярскіе по 50 д., остальные по 40 д. со двора, куда— не сказано.

Главнымъ занятіемъ населенія во Гдовѣ было земледѣліе; изъ всѣхъ людей, находившихся налицо при составленіи описанія, лишь одинъ названъ ремесленникомъ: стрѣлецъ-колачникъ; изъ прежде жившихъ тутъ людей, изъ которыхъ поименно названо болѣе 100 чел., лишь 14 отмѣчены ремесленниками и промышленниками; торговля тоже была развита незначительно — всего было тутъ 11 лавокъ и 9 клѣтей, платившихъ отъ 6 до 9 денегъ, всего 23 а. 2 д. (прежде было 41 л., оброка было 1 р. 15 а. 1 д.); торговали и черные и ратные люди и духовные—у первыхъ было 11 лавокъ и клѣтей, у вторыхъ 5, у духовныхъ, бобылей и богадѣльныхъ старцевъ 4; зато, какъ сказано, очень развито было земледѣліе и огородничество: оброчныхъ огородовъ было 35, почти

---

[1]) Есть посадскій человѣкъ Сава Тимофѣевъ Михновъ и священники— Антонъ Савинъ Михновъ и Тимофей Константиновъ.

[2]) Ркп. К. 827, л. 412.

на 4 десятины; безоброчныхъ—86, почти на 5 десятинъ [1]) (земля въ нихъ выражалась въ саженяхъ, указаніемъ длины и ширины огорода). Опредѣлить точно отношеніе между размѣромъ огорода и платою съ него—невозможно: часто съ огорода меньшаго платится больше чѣмъ съ бо̀льшаго; сословіе, къ которому принадлежитъ владѣлецъ огорода, тоже неиграло никакой замѣтной роли,—оцѣнивались, главнымъ образомъ, вѣроятно, достоинство земли или другія какія-нибудь удобства въ хозяйственномъ отношеніи. Собственно говоря, нельзя совершенно точно опредѣлить пространство, занятое огородами оброчными и безоброчными, ибо въ числѣ оброчныхъ многіе огороды составлены изъ прежнихъ нѣсколькихъ, причемъ новый ихъ владѣлецъ долженъ платить оброкъ не со всѣхъ, а лишь съ нѣкоторыхъ, а одинъ или два пахать безоброчно «къ своему двору»—какъ изъ этой книги, какъ и изъ описанія другихъ псковскихъ пригородовъ ясно, что къ каждому двору принадлежалъ непремѣнно безоброчный огородъ, независимо отъ того, гдѣ приходилось ему помѣщаться. Всѣ оброчные огороды, за исключеніемъ одного, въ 1,260 кв. с., (принадлежащаго черному человѣку), оброкъ съ котораго не указанъ при описаніи города, давали 3 р. 4 а. —слѣд. съ чети огородной земли среднимъ числомъ приходилось 93 д. Между людьми разныхъ сословій оброчные огороды распредѣлены были во Гдовѣ слѣдующимъ образомъ: черные люди обработывали 5,400 кв. саж. и 4,140 кв. с. изъ нихъ оплачивали оброкомъ въ 354 д., духовенство, монастыри и церкви владѣли 3,080 кв. саж. земли и платили съ нея 244 д., во владѣніи всѣхъ другихъ людей находилось 1780 кв. с., оплачиваемыхъ 72-мя деньгами; слѣд., чернымъ людямъ принадлежало 58°/о всего числа оброчныхъ огородовъ, духовенству—33°/о, всѣмъ остальнымъ — 9°/о; черные люди платили съ чети приблизительно 105 д., духовные владѣльцы—95 д., всѣ остальные—50 д. Огороды безоброчные распредѣлены были такъ: чернымъ людямъ принадлежало 5,270 кв. с., духовенству 490, церквамъ и монастырямъ 2,600, дѣтямъ боярскимъ 754, стрѣльцамъ 2580, пушкарямъ и воротникамъ 273, бобылямъ и вдовамъ—336, т. е. чернымъ людямъ 43°/о всего пространства безоброчныхъ огородовъ, духовнымъ владѣльцамъ 25°/о, стрѣльцамъ 21°/о, дѣтямъ боярскимъ 6°/о, всѣмъ остальнымъ—5°/о. Можно бы еще разсчитать, по скольку приходится тутъ земли въ тѣхъ и

[1]) Первыхъ на 9,260 кв. саж., вторыхъ на 9,547 кв. саж. и еще безоброчныхъ стрѣлецкихъ огородовъ 2,580 кв. саж.

другихъ огородахъ на дворъ и на человѣка, того или другого сословія, но распредѣленіе, даже въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго сословія, такъ неравномѣрно [1]), что средняя цифра ничего не будетъ доказыватъ.

Наряду съ такимъ значительнымъ пространствомъ огородовъ пашни во Гдовѣ сравнительно немного; оброчныхъ нивъ (двухъ черныхъ людей, воротника и бобылей) всего 4, въ нихъ пашни паханой $4^{1}/_{2}$ четв. ($2^{3}/_{4}$ доброй и $1^{3}/_{4}$ худой), перелогу $3^{1}/_{2}$ четв. и 12 копенъ сѣна; оброку съ нихъ шло 1 р. 25 а.; въ пустѣ лежали 5 нивъ черныхъ людей и одна нива монастыря; земли въ нихъ всего 6 четв. доброй и середней, оброку въ пустѣ 2 р. 20 д. Нивъ безоброчныхъ 30, въ нихъ пашни паханой 17 ч. (по 8 добр. и сер. и 1 четв. худой) и перелогомъ $82^{1}/_{2}$ четв. ($58^{1}/_{2}$ четв. доброй, $10^{1}/_{2}$ середней и $13^{1}/_{2}$ худой), сѣна 93 копны. Всѣ эти нивы, кромѣ одной небольшой, раздѣлены на 3 поля равной величины каждое; одна же нива псковскаго монастыря заключала по 9 чети доброй земли перелогу лишь въ 2-хъ «слѣтьяхъ», какъ тутъ называются поля, а «третьяго нѣтъ», замѣчено въ книгѣ. Изъ этого числа пять нивъ, заключающія $1^{1}/_{2}$ четв. паханой земли и 22 четв. перелогу (почти поровну) въ трехъ поляхъ, принадлежали тремъ псковскимъ церквамъ и монастырямъ; всѣ остальные подѣлены между шестью гдовскими церквами и проскурницей.

Изборскъ мы видимъ [2]) въ состояніи немного меньшаго запустѣнія. Его населеніе составляли 11 черныхъ посадскихъ людей [3]), 20 крестьянъ дворцовыхъ и 10 крестьянъ разныхъ лицъ, 2 дворника, 100 стрѣльцовъ, 2 воротника, 15 пушкарей, 2 бобыля и вдова, нищіе старцы въ 2 избахъ, 16 человѣкъ духовенства; тутъ были намѣстникъ, городовой приказчикъ и имѣлъ мѣсто дворовое земецъ. И здѣсь населеніе стало значительно малолюднѣе, чѣмъ было прежде. Прежде тутъ было въ самомъ городѣ 57 осадныхъ дворовъ тяглыхъ людей и 15 мѣстъ старой пустоты, еще въ го-

---

[1]) Такъ, напр., одному черному человѣку принадлежало 1,920 кв. саж. земли въ огородахъ оброчныхъ и 160 кв. саж. въ безоброчныхъ (всего 2080), другому же—въ оброчныхъ 770 и въ безоброчныхъ 110 (всего 880).

[2]) Ркп. М. А. М. Ю., № 355, пол. 2-ая, лл. 643—662.

[3]) Собственно, живущіе въ Изборскѣ въ книгѣ не обозначены посадскими тяглыми людьми; но что всѣ они принадлежатъ къ низшему сословію, видно изъ того, что жили они въ тяглыхъ дворахъ, имѣли лавки и почти сплошь не имѣютъ фамилій; а въ писцовыхъ книгахъ обыкновенно только посадскіе люди да люди служилые называются безъ болѣе точнаго указанія ихъ сословія.

родѣ же были 21 обр. лавка; въ моментъ составленія книги именно на мѣстахъ, прежде занятыхъ дворами, стояли всѣ дворы, находившіеся въ самомъ городѣ; въ 53 изъ нихъ жили ратные люди [1]), но они должны были переселиться на посадъ, гдѣ имъ отведены были мѣста; на мѣстѣ лавокъ стояли клѣти и житницы разныхъ людей, обложенные оброкомъ, причемъ замѣчательно, что оброку шло болѣе, чѣмъ прежде, именно 2 р. 27 а. 5 д., вм. прежнихъ 2 р. 18 а. 3 д.; оброкъ тутъ довольно равномѣрный—3 или 3½ а. съ клѣти (только по разу 1 а. и 4½ ал.) и 6 алт. съ житницы. На посадѣ прежде было 57 дв. тяглыхъ черныхъ, изъ которыхъ въ моментъ составленія описанія осталось лишь 4. Полное совпаденіе числа осадныхъ дворовъ въ городѣ и числа дворовъ тяглыхъ на посадѣ по старому письму какъ бы намекаетъ, что прежде каждый человѣкъ, кромѣ двора на посадѣ, имѣлъ дворъ осадный въ городѣ. Интересно, что въ итогѣ книги всѣ 57 дв. въ городѣ названы пустыми, не смотря на то, что большинство изъ нихъ отмѣчены, какъ занятые разными людьми; насъ удивляетъ еще слѣдующее обстоятельство: имена людей, живущихъ въ этихъ дворахъ, читаемъ всегда такъ: «во дворѣ такой-то» — за исключеніемъ крестьянъ, имена которыхъ стоятъ въ родительномъ падежѣ; какъ увидимъ далѣе, въ родительномъ падежѣ при описаніи дворовъ ставятся имена полныхъ владѣльцевъ своихъ дворовъ, каковы обыкновенно люди служилые, въ противоположность неполнымъ владѣльцамъ дворовъ, людямъ чернымъ, имена которыхъ стоятъ всегда въ именительномъ падежѣ; но и такое обозначеніе въ книгѣ Изборска крестьянъ не мѣшаетъ считать пустыми занятые ими дворы.

Изъ тѣхъ людей, которыхъ мы назвали черными посадскими, четверо имѣли 3 двора въ городѣ, въ числѣ тѣхъ, которые должны быть перенесены на посадъ, двое по клѣти, въ числѣ тѣхъ, которыя описаны подъ заголовкомъ: «въ городѣ же клѣти и житницы, а были мѣста черныя, дворовыя и лавочныя» и съ которыхъ, какъ мы говорили, сбирался оброкъ, и трое—тяглые дворы на посадѣ; остальные упомянуты лишь въ числѣ владѣльцевъ нивъ

---

[1]) Ркп. 355—2, л. 643: «въ городѣ дворы осадные тяглыхъ людей, а нынѣ въ нихъ живутъ сотникъ стрѣлецкій (въ подлинникѣ ни знака припинанія, ни союза—нѣтъ) городовой прикащикъ, и пушкари, и воротники и стрѣльцы и впредь въ тѣхъ дворѣхъ сотнику, и стрѣльцамъ, и пушкарямъ не жити, а жити имъ на посадѣ, а тѣ дворы отдавати чернымъ людямъ, кто похочетъ изъ тягла взяти. А сотнику, и стрѣльцамъ, и пушкаремъ на посадѣ отведена слобода».

или огородовъ. Изъ дворцовыхъ крестьянъ приказчикъ жилъ въ пустомъ тягломъ дворѣ на посадѣ, четверо имѣли дворы въ городѣ, 14, а также одинъ изъ имѣвшихъ дворы въ городѣ, имѣли клѣти въ числѣ тѣхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, наконецъ одинъ упомянутъ лишь какъ владѣлецъ нивы; изъ крестьянъ недворцовыхъ трое имѣли два двора въ городѣ, остальные и одинъ изъ первыхъ—оброчныя клѣти. Изъ стрѣльцовъ 26 чел. имѣли 21 дворъ въ городѣ; изъ этихъ же 26-ти человѣкъ одинъ имѣлъ лавку, одинъ получилъ бѣлое мѣсто подъ дворъ на посадѣ; кромѣ того, еще одинъ жилъ въ бѣломъ дворѣ на посадѣ; всѣмъ стрѣльцамъ назначено особое мѣсто подъ слободу. У воротниковъ 3 двора въ городѣ и 1 дв. бѣлый на посадѣ; у 9 пушкарей дворы въ городѣ у 3-хъ на посадѣ, у одного и въ городѣ и на посадѣ, и двое упомянуты лишь какъ владѣльцы мѣстъ дворовыхъ на посадѣ; кромѣ того, пушкарямъ же принадлежало 8 лавокъ и клѣтей оброчныхъ и дано было 8 мѣстъ бѣлыхъ подъ дворы на посадѣ. Изъ числа духовныхъ 9 человѣкъ имѣли 9 дворовъ въ городѣ, дворъ бѣлый и 2 мѣста бѣлыя на посадѣ, одинъ имѣлъ оброчную клѣть, трое дворы бѣлые и трое мѣста бѣлыя на посадѣ. Кромѣ того, Печерскому монастырю принадлежали дворъ въ городѣ и 2 житницы оброчныя и двумъ церквамъ по одной оброчной клѣти; оба дворника жили на дворѣ Печерскаго монастыря. На посадѣ находились лавки оброчныя и съ нихъ платили оброкъ всѣ владѣвшіе ими люди, безъ различія сословій, хотя, кромѣ черныхъ людей, всѣ остальные имѣли или бѣлые дворы, или получили бѣлыя мѣста. Всего лавокъ тутъ было 12, вмѣсто прежнихъ 4 л. и 1 скамьи; оброку съ нихъ, довольно равномѣрно распредѣленнаго (отъ 8 до 12 д. съ лавки) шло 22 а. 1 д., вмѣсто прежнихъ 8 алт. Наконецъ, на посадѣ же еще 40 м. дворовыхъ и 2 дв. пусты «опричь тѣхъ дворовъ, которые пашутъ огородами».

Огороды въ Изборскѣ всѣ оброчные; занято ими до 6,000 кв саж. [1]); нѣсколько разъ упомянуты при оброчныхъ огородахъ сады, разъ даже отдѣльно указанъ садъ Печерскаго монастыря, платящій оброку 10 алт. (выше этого оброка встрѣчаемъ тутъ

[1]) Говоримъ приблизительно, потому что въ книгѣ почему-то пропущено опредѣленіе величины одного огорода, судя по оброку, небольшаго, а затѣмъ сказано просто безъ указанія размѣровъ: «садъ Печерскаго монастыря»; точно описанные огороды занимали 5,898 кв. саж.

только два раза—4 гривны и 1 р. 5 алт.) [1]); всего платится тутъ за огороды и сады 3 р. 23 алт., слѣдовательно, за исключеніемъ указанныхъ сейчасъ 10 алт., 3 р. 13 алт., что даетъ среднимъ числомъ съ чети до 120 д.; но, вѣроятно, на такое повышеніе оброка повліяло именно присутствіе тутъ садовъ, ибо тѣ огороды платятъ сравнительно гораздо дороже, при которыхъ указаны сады. Наибольшая часть огородовъ принадлежала тутъ пушкарямъ: они имѣли подъ огородами 4,460 кв. с., съ которыхъ платили 1 р. 13 а.; далѣе стрѣльцы имѣли 450 кв. с., платили полтину, духовные имѣли 400 кв. с., платили 190 д., черные имѣли 294 кв. с. и платили 30 д., бобыли имѣли 115 кв. с., земскій дьячекъ—70, дворникъ—84 кв. с., и платили первые 38, второй и третій—по 20 д. Насъ удивляетъ небольшое количество огородовъ у сотни стрѣльцовъ и у черныхъ людей, тѣмъ болѣе, что огородъ въ 294 кв. саж., принадлежавшій одному изъ нихъ, былъ почему-то на оброкѣ за однимъ изъ бобылей; вѣроятно, здѣсь были болѣе обширные огороды при дворахъ, обыкновенно неописываемые; и дѣйствительно, стрѣльцы получили земли подъ дворы 4,400 кв. с.,—тутъ, конечно, можно было устроить и огороды.

Небольшое, сравнительно, количество огородной земли вознаграждается здѣсь большимъ пространствомъ пашенной. Всего жители Изборска обработывали по 116¼ чети въ каждомъ изъ трехъ полей—трехпольная система тутъ установлена совершенно правильно—и косили на 273 копны сѣнокосу. Земля тутъ вся добрая и паханая, а не переложная; обложена она совершенно равномѣрно: разсматривая итогъ пашни и оброка (8 р. 13 а. 1 д.), мы увидимъ, что тутъ приходится по 2 алт. съ чети доброй земли и по 1 деньгѣ съ копны сѣна [2]) и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ви-

---

[1]) Въ описаніи Гдова также нѣсколько разъ упоминаются сады съ яблоновыми и рябиновыми деревцами,—ркп. К. 827, лл. 422, 426, 427.

[2]) Три раза земля обложена какъ бы съ небольшими отступленіями отъ этого разсчета, но въ этихъ мѣстахъ, по всей вѣроятности, описки книги: разъ читаемъ: «Нива Илейкинская Демидова, а нынѣ за Печерскимъ монастыремъ, пашни паханые д. в. 3 осм., оброку 3 а. 3 д.»—(л. 658 об.) — но тутъ, очевидно, пропущено 3 копны сѣны, что и подтверждается тѣмъ, что если мы тутъ не прибавимъ 3 копенъ, то въ итогѣ ихъ получимъ на 3 копны меньше, чѣмъ считаетъ книга; затѣмъ при описаніи двухъ нивъ Печерскаго монастыря въ одномъ случаѣ оброкъ показанъ на 1 алтынъ больше, а въ другомъ— на алтынъ же меньше, чѣмъ бы слѣдовалъ по нашему разсчету; но значеніе этой ошибки еще ослабляется, если мы обратимъ вниманіе, что въ обоихъ

димъ какъ разъ такое же обложеніе. Въ виду полнаго соотвѣтствія величины оброка и величины пашни мы не будемъ приводить цифръ, а скажемъ просто, что духовенство и церкви владѣли 45% всего числа пашенной земли, пушкари почти 38%, крестьяне дворцовые немного менѣе чѣмъ 8%, черные люди немного менѣе чѣмъ 6%, бобыли менѣе чѣмъ 3% и воротники—менѣе чѣмъ 2%; прочія сословія и вовсе не имѣли оброчныхъ пашенъ. Ремесленниковъ и здѣсь, какъ во Гдовѣ, едва нѣсколько человѣкъ; приходцевъ тоже ничтожное количество; но о нихъ мы скажемъ подробнѣе послѣ того, какъ соберемъ данныя обо всѣхъ псковскихъ пригородахъ.

Г. Островъ по описи 1585—1588 г. [1]) почти не имѣлъ посадскаго чернаго населенія; его населеніе составляли почти исключительно ратные люди: 100 стрѣльцовъ съ сотникомъ, 20 пушкарей, 2 воротника, 1 зелейный мастеръ; далѣе намѣстникъ, городовой приказчикъ, осадный голова и одинъ (повидимому) сынъ боярскій [2]); далѣе 9 лицъ духовныхъ, нищіе въ богадѣльной избѣ, двое мельниковъ на монастырскихъ мельницахъ; кромѣ дворовъ, занятыхъ этими людьми, есть монастырскій дворъ; наконецъ, одинъ тутъ былъ крестьянинъ и еще 3 какіе-то человѣка показаны въ числѣ владѣльцевъ лавокъ, названные лишь уменьшительными именами, безъ всякихъ другихъ обозначеній; всего естественнѣе было бы считать ихъ посадскими черными людьми, но отсутствіе хотя бы даже одного чернаго посадскаго двора заставляетъ думáть, что эти три человѣка были, вѣроятно, стрѣльцы, которыхъ тутъ было всего больше и которые къ тому же по именамъ при описаніи ихъ отдѣльныхъ слободъ не называются. Но, какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы не можемъ считать тутъ болѣе четырехъ тяглыхъ людей. Прежде же городъ Островъ былъ значительно

случаяхъ описываются нивы одного и того же монастыря. У насъ получилась разница съ итогомъ книги: число денегъ совершенно сходится, но земли не 119 четв. съ полуосминною, какъ сказано въ книгѣ, а 116¼, но нашъ итогъ сходится съ текстомъ. Оброкъ тутъ взимается не съ 116¼, четв., а съ круглой цифры 117 и кромѣ того, въ самомъ концѣ описанія описаны двѣ поженки «отхожія», съ которыхъ почему-то взято на 2 алт. болѣе, чѣмъ слѣдовало бы по разсчету, примѣнявшемуся ко всѣмъ другимъ пожнямъ.

[1]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 547—572.

[2]) «Володя Рогошинскій» имѣлъ дворъ въ городѣ; лишь при его имени нѣтъ никакого опредѣленія, а въ итогѣ городскихъ дворовъ читаемъ:—6 дворовъ, 11 клѣтей, двои сѣни *дѣтей боярскихъ*, и пушкарей, и воротниковъ, и поповъ, и дьячковъ церковныхъ».—Ркп. К. 827, л. 548.

болѣе населенъ: на посадѣ было по прежнему письму 204 дв. черныхъ тяглыхъ людей и 3 двора и мѣсто оброчные; старой пустоты было на посадѣ до 1,000 кв. саж., о числѣ дворовъ на которыхъ писцы уже не собрали свѣдѣній; въ самомъ городѣ было 258 клѣтей для осаднаго времени, прежде было тутъ 28 лавокъ, плативших 1 р. 30 а. 2 д., осталось вмѣсто того 10, съ которыхъ платилось 17 а. 2 д. По описи 1585—1588 г. всѣ стрѣльцы жили въ слободѣ, занимавшей до 8,000 кв. саж., на мѣстѣ прежнихъ черныхъ дворовъ; одинъ изъ нихъ имѣлъ клѣть въ городѣ, другой лавку на посадѣ; воротники имѣли избу да клѣть въ городѣ, а на посадѣ даны были имъ два мѣста; 15 пушкарей всѣ жили на посадѣ въ 15 дворахъ, трое изъ нихъ имѣли клѣти въ городѣ и одинъ изъ этихъ трехъ мѣсто на посадѣ; четверо пушкарей записаны въ книгѣ поручителями въ оброкѣ по одномъ человѣкѣ, пятый указанъ въ числѣ владѣльцевъ огородовъ; но дворовъ своихъ послѣдніе пятеро не имѣли; трое пушкарей имѣли 4 лавки. Изъ лицъ духовныхъ священниковъ двое; одинъ имѣлъ клѣть и дворишко въ городѣ, другой жилъ во дворѣ на посадѣ и имѣлъ лавку; дьяконъ, дьячекъ, пономарь и 2 старца церковные показаны во дворахъ на посадѣ, и еще два дьячка имѣли избы въ городѣ; одна клѣть въ городѣ принадлежала церкви. Упомянутый крестьянинъ владѣлъ тутъ лавкою. Ремесленниковъ вовсе не указано; главнѣйшимъ занятіемъ жителей было, очевидно, земледѣліе.

Земли паханой въ Островѣ было въ живущемъ 169 ч. доброй и 18 копенъ сѣна, и въ пустѣ 44³/₄ чети д. з., 2 чети худой и 8³/₄ чети перелогу, сѣна 13 копенъ. Земля раздѣлена на три поля далеко не правильно: очень часто всего одно поле, иногда два и всего рѣже—три; если отдѣльно сосчитать землю въ первомъ полѣ и въ двухъ другихъ, то получимъ 82 ч. и 87 ч. въ живущемъ и 22³/₄ чети и 22 чети—въ пустѣ. Разсматривая подробнѣе данныя о земледѣліи въ Островѣ, видимъ, что духовенству, монастырямъ и церквамъ принадлежало земли въ первомъ полѣ 45¹/₂ четей, въ остальныхъ—44 ч., сѣна 8 копенъ; оброку платилось 2 р. 9 а. 2 д.; пушкарямъ—11 ч. въ первомъ полѣ и 2 ч. въ другихъ, оброку съ нихъ всего 10 а. 1 д. [1]); старцы богадѣльной избы имѣли въ одномъ только полѣ 5³/₄ четей, оброку платили 3 а. 4 д.; наконецъ, у осаднаго головы было 20¹/₂ ч. въ

[1]) При описаніи одной нивы пушкаря указанъ лишь оброкъ съ нея 40 д., а размѣры нивы не указаны.

каждомъ изъ трехъ полей, оброку онъ платилъ 1 р. 17 а. 2 д.; вся земля въ пустѣ принадлежала духовенству, кромѣ одного поля въ $1^3/_4$ чети, принадлежавшаго прежде воротнику и оплачивавшагося 10-ю деньгами; всего оброку въ пустѣ 1 ф. 10 а. 5 д. Обложеніе земли тутъ несовершенно равномѣрно, но колебанія незначительны и совершенно ясно выступаетъ средняя величина оброка— 5 денегъ съ чети доброй земли въ каждомъ полѣ, 15 денегъ съ чети во всѣхъ трехъ поляхъ. Кромѣ оброчныхъ, находимъ въ Островѣ и безоброчныя нивы—всѣ съ правильнымъ раздѣленіемъ на три поля: у церкви Николы Чудотворца $33^3/_4$ чет. въ каждомъ изъ трехъ полей и 30 копенъ сѣна, и у богадѣльныхъ старцевъ $5^1/_2$ четей въ каждомъ полѣ, 10 копенъ сѣна. Обложеніе земли мы видимъ тутъ нѣсколько высшее, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; обложеніе же земли огородной нѣсколько ниже—именно, приходится приблизительно по 64 д. съ чети земли подъ огородами: всего оброчныхъ огородовъ тутъ 7,120 кв. с., оброку съ нихъ 1 р. 30 а. 1 д.; изъ этого числа 2,100 кв. с. принадлежало пушкарямъ (оброку 20 алт.), 1,110—духовенству (оброку 13 а. 5 д.), 476—намѣстнику (оброку 2 а. 4 д.) и наконецъ 3,440 кв. с. даны зелейному мастеру, причемъ оброкъ долженъ онъ былъ внести впервые 1-го сентября 1588 года. Стрѣльцы тутъ совершенно не имѣли оброчныхъ огородовъ; отдѣльныхъ безоброчныхъ огородовъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ не описано. Было въ Островѣ во время описи двѣ мельницы—одна псковскаго монастыря, другая островской церкви; оброку онѣ платили 4 р. 11 а. 1 д., вмѣсто прежнихъ 13 р.; тутъ же рядомъ было 3 мѣста мельничныхъ, съ которыхъ оброкъ не взимался.

Пригороды Володимеръ, Вревъ, Выборъ, Вышгородъ, Дубковъ и Кобылье [1]) мы находимъ въ состояніи полнаго разоренія. Въ книгѣ всѣ эти города названы уже не городами, а городищами [2]); въ каждомъ изъ нихъ, однако, кромѣ Врева, указанъ дворъ намѣстничъ; но только о дворѣ въ Кобыльи сказано, что «живетъ на немъ губной староста», хотя хоромы и развалились; объ остальныхъ же прямо не сказано, что въ нихъ никто не живетъ, но еще два раза замѣчено, что хоромы гнилы и развалились, да и вообще положеніе этихъ городовъ таково, что трудно предполагать въ нихъ

[1]) Описаніе Володимерца ркп. К. 827, л. 791, Врева—лл. 744—747, Выбора—лл. 732—734, Вышгорода—л. 643, Дубкова—лл. 723—724, Кобылья—ркп. 355, пол. 2-ая, л. 584—587.

[2]) О Вревѣ сказано: «городище, что былъ городокъ Вревъ».

намѣстниковъ; изъ другихъ нежилыхъ дворовъ указанъ однажды (въ Выборѣ) дворъ кабацкій. Все населеніе этихъ городовъ въ изучаемое время состояло изъ духовенства, молодыхъ тяглыхъ людей [1]) и бобылей—ни ратныхъ, ни служилыхъ людей мы тутъ не встрѣчаемъ. Всего въ этихъ городахъ 14 дворовъ духовенства, нетяглыхъ (3 въ Кобыльи, 4 въ Вышгородѣ и 7 въ Выборѣ; притомъ въ Выборѣ одинъ дворъ монастырскій и въ одномъ два человѣка) и 15 дв. тяглыхъ: 7 дворовъ молодыхъ людей (2 въ Кобыльи, 2 въ Выборѣ—въ нихъ три человѣка, и 3 въ Володимерцѣ) и 8 дворовъ бобылей (6 въ Кобыльи и 2 въ Дубковѣ). Прежде же было въ этихъ городахъ 395 дв. чер. тяглыхъ и 17 м. старой пустоты, духовенства 36 дворовъ. 10 житницъ крестьянскихъ и 11 лавокъ. Наиболѣе населеннымъ былъ Выборъ: въ немъ было всего до 155 дв. и 17 м. старой пустоты; Вревъ, въ 1585 — 1588 г. совершенно пустой, имѣлъ дворъ тіунскій, 86 дв. черныхъ, 2 двора монастырскіе и 14 дв. духовенства; далѣе шли, по прежнему письму, Дубковъ, Кобылье, Вышгородъ и менѣе всего имѣлъ населенія Володимерецъ. Ни одинъ изъ жившихъ въ моментъ описанія людей не названъ ремесленникомъ; указаній на ремесленниковъ не встрѣчаемъ при немногочисленныхъ, правда, именахъ прежде жившихъ тутъ людей; жители, которыхъ мы находимъ въ этихъ городахъ, всѣ занимались только земледѣліемъ: при перечисленіи пустыхъ мѣстъ въ Дубковѣ сказано: «а пахали тѣ посадскіе люди нивы, а платили съ нихъ посопный хлѣбъ»; въ Кобыльи люди, жившіе въ 8 дворахъ, пахали $31^{3}/_{4}$ чети худой земли, раздѣленной правильно на три поля и платили за это $4^{1}/_{2}$ рубля; въ Дубковѣ у жившихъ тамъ двухъ бобылей земли не указано, а показанъ огородъ въ $1^{1}/_{2}$ десятины съ 35-ю яблоновыми деревьями какого-то Ѳедора Исакова Неведрева и сказано, что съ того огорода должно, начиная съ 1587 г. платить по 1 р.; въ Вышгородѣ, Выборѣ и Володимерѣ пахали крестьяне монастырскія земли — въ первомъ 30 четв. худой земли, во второмъ 15 четв. пашни серед. земли и перелогу 185 ч. ($70^{1}/_{2}$ четв. средней и $114^{1}/_{2}$ ч. худой земли) [2]), уплачивая за это пятый снопъ; они пользовались еще 70-ю ч. животиннаго выпуска и на $^{1}/_{2}$ квадр. версты непашеннымъ лѣсомъ; въ Володимерѣ же пахали нивы посопныя по 5 чети худ. земли

[1]) Прямо названы они молодыми только въ Кобыльи и Выборѣ; но всюду они «въ сохи не положены за худобою;» кромѣ того, и выше мы видѣли тутъ только людей молодыхъ.

[2]) О числѣ полей въ Вышгородѣ и Выборѣ ничего не сказано.

въ полѣ, а въ дву потомужъ, но не сказано на какихъ условіяхъ [1]). Въ пустѣ же указано земли: въ Кобыльи $12^1/_2$ четв. худой земли въ каждомъ изъ трехъ полей, да во Вревѣ черной пашни $78^3/_4$ чети середней земли [2]) да бѣлой пашни 127 ч., 95 копенъ сѣна; у посадскихъ людей животиннаго выпуску было 6 десятинъ; оброку шло съ лежащаго въ пустѣ въ Кобыльи 4 р. 16 а. $4^1/_2$ д., а во Вревѣ—$1^1/_2$ р. 3 а. 1 д. Объ оброкѣ съ земли въ этихъ городахъ мы имѣемъ данныхъ немного и по нимъ оброкъ весьма различенъ: въ Кобыльи приходится съ чети худой земли 28 д., что есть слишкомъ высокій оброкъ, во Вревѣ же всего 3—4 деньги съ чети середней земли, что сравнительно съ оброкомъ въ другихъ городахъ слишкомъ мало; объ оброкѣ остальныхъ четырехъ разсматриваемыхъ нами теперь пригородовъ данныхъ не имѣемъ.

Населеніе Вороноча въ 1585—1588 г. [3]) составляли всего 9 посадскихъ черныхъ людей, къ которымъ нужно присоединить еще до 7 чел., о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, далѣе 15 пушкарей, 5 чел. духовенства, нищіе въ богадѣльной избѣ; въ немъ были еще намѣстникъ, городовой приказчикъ, осадный голова, земскій дьячекъ, наконецъ дворы тіунскій и кабацкій, 2 безоброчныя бани и намѣстничья варница, пивная и винная. Самый городъ и посадъ тутъ не различаются, ибо города уже не было, оставалось городище и дворы описаны прямо: «на городищѣ и на посадѣ». Черные люди жили тутъ въ семи дворахъ (въ одномъ трое); затѣмъ еще одинъ черный человѣкъ, два посадскіе человѣка и одинъ подсусѣдникъ указаны живущими у пушкарей,—мы нѣсколько выдѣляемъ ихъ отъ прочихъ черныхъ тяглыхъ людей, потому что въ книгѣ въ итогѣ черныхъ дворовъ и людей они не сосчитаны; затѣмъ встрѣчаемъ еще въ числѣ владѣльцевъ огородовъ двухъ посадскихъ людей, неупомянутыхъ при перечисленіи дворовъ; наконецъ, еще банникъ и двое, названные лишь по имени и отчеству, встрѣчаются только въ описаніи огородовъ. Пушкари жили каждый во дворѣ. Изъ духовныхъ трое жили каждый во дворѣ, чет-

---

[1]) «А пашутъ тѣ посадскіе люди нивы посопныя, а посопный хлѣбъ на нихъ клали дворцовые писцы», л. 791.

[2]) Книга даетъ тутъ странный итогъ: земля во Вревѣ оказывается раздѣленной далеко не правильно на три поля, а между тѣмъ, книга считаетъ въ итогѣ только число четей въ первомъ полѣ и получаетъ $52^3/_4$ чети; если же сосчитать всю землю во всѣхъ поляхъ, то получится цифра $78^3/_4$, вовсе и не приведенная въ текстѣ.

[3]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 827, лл. 671—692.

вертый получилъ мѣсто поставить дворъ и пятый упомянутъ въ числѣ владѣльцевъ огородовъ; одному монастырю также дано мѣсто. Въ Вороночѣ было 5 лавокъ, двѣ принадлежали пушкарямъ и три чернымъ людямъ, оброка съ каждой платилось по 2 алт. Огородами владѣли еще въ Вороночѣ двое дворцовыхъ крестьянъ, «человѣкъ» князя Оболенскаго, четверо «живущіе» въ разныхъ монастыряхъ и Егорьевскій одринникъ [1]) (sic); но весьма вѣроятно, что эти люди и не жили въ самомъ Вороночѣ. Сравнительно съ прежнимъ населеніе Вороноча очень уменшилось: прежде тутъ было 371 дв. черный да 62 м. старой пустоты, бѣлыхъ дворовъ было 39 (вмѣсто 18, которые нашли мы), затѣмъ были: дворъ ямской, 18 житницъ царя и великаго князя и варница зелейная; въ самомъ городѣ было 228 осадныхъ клѣтей. Отмѣтимъ, что тутъ не было стрѣльцовъ,—они переведены были отсюда въ Изборскъ, какъ сказано при описаніи 3-хъ пустыхъ лавокъ, принадлежавшихъ прежде стрѣльцамъ.

Не смотря на значительное уменьшеніе числа жителей, пахалось тутъ земли очень много. Всего оброчныхъ огородовъ тутъ находимъ 101, съ которыхъ оброку шло 10 р. 27 а. (вмѣсто того, что прежде было 56 огородовъ, оброку съ нихъ 4 р. 15 а. 1 д.), количество прежде бывшей пашни не указано. Огородами занято было 42,750 кв. саж., т. е. болѣе 16 десятинъ; среднимъ числомъ тутъ платилось почти 63 д. съ чети огородной земли, но встрѣчаемъ довольно большія отступленія и часто видимъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ платилъ съ разныхъ своихъ огородовъ очень несоразмѣрный съ величиною каждаго оброкъ. Изъ общаго пространства огородной земли чернымъ людямъ принадлежало 29,500 к. с. (т. е. болѣе 71% всего числа огородной земли), оброку съ нихъ 6 р. 21 а. 4 д., духовенству [2]) 3,900 кв. с. (болѣе 9%), оброку платили 220 д., пушкарямъ 3,500 (болѣе 8%), оброку 260, дворцовымъ крестьянамъ и человѣку кн. Оболенскаго — 1,900 кв. с. (болѣе 4%), оброку 100 д., должностнымъ лицамъ 1,200 (3%), оброку съ нихъ 45 д. и живущимъ у другихъ 1,100 (менѣе 3%),

---

[1]) «Огородъ Егорьевскаго *одринника* (sic) Васка Павлова, вдоль 15 саж., поперегъ 5, оброку съ него 2 а. безъ деньги.» К. 827, л. 682 об.

[2]) Огородная земля, отмѣченная у насъ принадлежащею духовенству, вся принадлежитъ тутъ отдѣльнымъ священно-и-церковнослужителямъ; церкви и монастыри владѣютъ тутъ лишь нивами; только съ одного огорода его владѣлецъ (пушкарь) платитъ поземъ къ церкви, да и то не сказано сколько.

оброку 190. Разсматривая, сколько платили съ чети люди разныхъ сословій и положеній, видимъ, что черные люди платили 51 д., духовенство 68, пушкари 86, крестьяне 63, должностныя лица 45, а живущіе у другихъ 207. Участки разныхъ лицъ одного и того же класса очень неравны: такъ, между черными людьми одинъ имѣлъ огородъ всего въ 66 кв. саж., а другой—7,070 кв. саж.; вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ, имѣвшій всего 66 кв. с., записанъ поручителемъ по своемъ родномъ племянникѣ, имѣвшемъ 2,576 кв. с. и бывшемъ, въ свою очередь, поручителемъ по Павлѣ Сухоруковѣ и Неѳедѣ Дмитріевѣ, довольно богатымъ мѣстнымъ жителемъ, причемъ П. Сухорукъ съ нимъ же—поручители по Неѳ. Дмитріевѣ. Такіе же неравенства въ величинѣ огородовъ встрѣчаемъ у пушкарей.

При такомъ значительномъ пространствѣ огородной земли пахали въ Вороночѣ сравнительно мало: нивъ, данныхъ на оброкъ пушкарямъ и посадскимъ людямъ, 14; въ одной два поля, въ остальныхъ по три, но поля далеко еще не равны: въ одномъ полѣ 19 четв., въ другомъ 22$^{3}/_{4}$, въ третьемъ— 20; сѣна 13 копенъ; но повидимому, предполагалось правильное раздѣленіе на три поля, ибо въ итогѣ читаемъ: «во всѣхъ трехъ поляхъ 62 чети безъ полуосмины, по 20 чети съ осминою въ слѣтьи»: въ итогѣ отдѣльно сосчитаны земля добрая (37$^{3}/_{4}$ ч.) средняя (17$^{1}/_{4}$ ч.), и худая (6$^{3}/_{4}$), но при каждой отдѣльной нивѣ не указано, какая въ ней земля, такъ что нельзя опредѣлить, по скольку тутъ приходилось съ чети каждаго рода; всего нужно было платить съ Успеньева дня 1586 г. по 2 р. 11 а. 4 д. въ годъ—среднимъ числомъ по 23 д. съ чети въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; замѣтно вообще, что тутъ оброкъ значительно ниже, чѣмъ въ другихъ пригородахъ; всякій владѣлецъ нивы отданъ на поруки и поручители записаны поименно. Двѣ церкви и 4 монастыря въ Вороночѣ [1]) имѣли еще 24 безоброчныя нивы, изъ которыхъ въ 12 по три поля, въ 4 по два и въ 8 по одному; въ нихъ земли: въ первомъ полѣ 54$^{1}/_{2}$ четв., во второмъ 30$^{1}/_{2}$ четв., въ третьемъ 22$^{1}/_{2}$,—всего 107$^{1}/_{2}$ (56$^{1}/_{2}$ добр. и 51 середней), сѣна при нихъ 18 копенъ. Никому другому безоброчныя нивы въ Вороночѣ не принадлежали.

О Вельи [2]) тоже читаемъ: «городище, что былъ городъ», и

[1]) Упомянуты: Никольскій монастырь изъ Вороноча, Покровскій Дѣвичъ монастырь изъ Вороноча, Успенскій Дѣвичъ монастырь изъ Вороноча и Спасскій монастырь.

[2]) Ркп. К. 827, лл. 752—767.

также дворы описываются прямо «на городищѣ и на посадѣ»; всего тутъ 8 человѣкъ тяглыхъ черныхъ, въ томъ числѣ во дворѣ староста и во дворѣ дворцовый крестьянинъ, оба сосчитанные въ итогѣ какъ черные, 15 пушкарей, земскій дьячекъ, трое лицъ духовныхъ и дворцовыхъ селъ приказчикъ; былъ тутъ еще дворъ намѣстника. Прежде было тутъ черныхъ тяглыхъ 105 дв., людей въ нихъ 109, бѣлыхъ дворовъ 28; о старой пустотѣ не упомянуто; было также 12 л., съ которыхъ оброку шло 8 а. 5 д. и 2 м. лав., съ которыхъ оброку шло 3 а. Ремесленниковъ встрѣчаемъ трехъ, въ числѣ черныхъ людей: двухъ рыбниковъ и сапожника. И здѣсь мы видимъ, какъ видали уже и раньше, владѣнія лицъ изъ другихъ пригородовъ и особенно изъ самаго Пскова: тутъ нивами владѣютъ псковскіе каменьщикъ, стрѣлецъ, разсыльщикъ, дьячекъ церковный и просто псковитинъ. Изъ числа посадскихъ людей двухъ мы встрѣчаемъ лишь въ описаніи огородовъ; точно также владѣли нивами, но не указаны были во дворахъ еще два какіе-то человѣка (Осташъ Пятинскій и Захаръ Устиновъ), вдова воротника и дворцовый крестьянинъ.

Главнымъ занятіемъ жителей было и здѣсь земледѣліе. Въ Вельи пахалось огородами 2,450 кв. с., изъ которыхъ 96 кв. с.—безоброчный огородъ намѣстника; изъ остальнаго количества 1,130 четв. (почти 50%) принадлежало чернымъ людямъ (каждый имѣлъ по огороду), которые и платили 98 д., 526 (22%)—принадлежало пушкарямъ, платившимъ 108 д., 442 кв. с. (болѣе 18%) духовнымъ, платившимъ 42 д., 195 кв. с., за оброкъ въ 24 д., принадлежало дворцовыхъ селъ приказчику и 70—земскому дьячку, платившему 42 д.; всего платилось съ огородовъ 1 р. 13 а. 2 д., среднимъ числомъ 135 д. съ чети огородной зомли, т. е. порядочно выше, чѣмъ въ другихъ пригородахъ. Меньше всего платили черные—104 д. съ чети, далѣе идутъ духовные (120), дворцовыхъ селъ приказчикъ (150), пушкари (250) и наконецъ земскій дьячекъ, который оплачивалъ свой огородъ такъ, что по такому разсчету приходилось бы 720 д. съ чети. Неравномѣрно обложены и нивы; и тутъ встрѣчаемъ случаи, что одинъ и тотъ же человѣкъ платитъ со своихъ разныхъ нивъ несоразмѣрно съ ихъ величиною. Однако, въ большинствѣ случаевъ оброкъ взимался тутъ по такому разсчету, что съ чети доброй земли приходилось 15—16 д., съ чети середней 11—12 д., съ чети худой 10—12. Всего тутъ въ оброчныхъ нивахъ (о числѣ полей ни разу ни слова не сказано) $197^3/_4$ чети. Все это количество распредѣлено такъ: пушкари па-

хали 94$^3/_4$ ч. (41$^1/_4$ ч. добр. з., 24$^1/_2$ сер., 29 худ.) и платили 5 р. 32 а. 3 д., черные люди 22$^3/_4$ чети (6$^1/_2$ доброй, 5$^1/_4$ сер. и 11 четей худой земли) и платили 1 р. 12 а., духовные—21 четь (18$^3/_4$ добр. и 2$^1/_4$ худой) и платили 1 р. 12 а. 3 д., люди изъ Пскова—18 ч. (8$^1/_2$ д. и 9$^1/_2$ худ.) и платили 1 р. 5 а. 2 д., дворцовыхъ селъ приказчикъ—16$^1/_4$ четв. (15$^1/_4$ д. и 1 худой) и платилъ 1 р. 10 а. 5 д., другіе люди, неимѣвшіе въ Вельи дворовъ, пахали 21$^1/_2$ четв. (4$^1/_2$ д., 3$^3/_4$ сер. и 13$^1/_4$ худ.) и платили 1 р. 8 а. $^1/_2$ д.; намѣстникъ, наконецъ, пахалъ 5$^3/_4$ чети сер. земли и платилъ 12 алт.; всего оброку собиралось 12 р. 26 а. 3 д. Затѣмъ еще осталось въ Вельи много нивъ пустыхъ, которыхъ на оброкъ никто не взялъ; интересно, что оброкъ съ каждой изъ нихъ взимался совершенно равномѣрно—по 12 д. съ чети земли доброй, по 10—съ чети средней и по 8—съ чети худой. Всего въ этихъ нивахъ тутъ 48$^3/_4$ чети земли доброй, 6$^3/_4$ середней и 71 четь худой [1]); оброку впустѣ 6 р. 4. д. Всѣ прежніе владѣльцы этихъ пустыхъ нивъ названы только по имени и отчеству; въ числѣ ихъ не встрѣчается ни одного, который бы былъ показанъ живущимъ или хотя бы владѣлъ огородомъ по описанію 1585—1588 г.; напротивъ, другіе, по этому описанію живущіе въ Вельи люди, владѣютъ многими нивами тѣхъ же людей, другія нивы которыхъ пусты. Наконецъ, видимъ въ Вельи еще и бѣлыя безоброчныя нивы семи Вельскихъ храмовъ—всего въ нихъ 41 четь безъ четверика и 11 копенъ сѣна; не всѣ эти нивы обработывались—изъ нихъ пахалось лишь около 10 четв., пользовавшіеся ими люди (намѣстникъ, пушкарь, черный человѣкъ, крестьянинъ и каменьщикъ-псковитинъ) платили церквамъ, но не сказано въ какомъ размѣрѣ.

Г. Красный находился тоже въ большомъ запустѣніи [2]). Тяглыхъ людей въ немъ было всего двое въ двухъ дворахъ; затѣмъ сотня стрѣльцовъ съ сотникомъ, 15 пушкарей, 11 человѣкъ духовенства, старцы въ пяти дворахъ и въ избѣ богадѣльной; затѣмъ въ городѣ были 2 мѣста намѣстника и городоваго приказчика, безоброчный огородъ осаднаго головы, но были ли они сами тутъ налицо — трудно сказать; тутъ же мы видимъ одного сына боярскаго, приказчика дворцовыхъ селъ, толмача и тюремнаго сторожа; въ Красномъ были еще дворъ кабацкій, «народская» безоброчная

[1]) Въ итогѣ книги сосчитано д. з. не 49 ч. безъ полуосмины, а 45 безъ полуосмины, а худой земли не 71 ч., а 75. Нашъ счетъ сходится съ текстомъ.

[2]) Ркп. № 355, половина 2-ая, лл. 557—567.

баня, тюрьма и пріѣзжій дворъ нѣмецкій. Не упомянуты при описаніи дворовъ, но имѣли лавки, нивы или огороды псковитинъ и еще какой-то пріѣзжій человѣкъ (по лавкѣ), какой-то «Воскресенской деревни Микитка Ивановъ» (двѣ нивы), два человѣка, названные лишь по имени и отчеству, воротникъ, и еще четверо, которыхъ, повидимому, слѣдуетъ причислить къ чернымъ тяглымъ людямъ: трое, названные посадскими людьми, хотя и не имѣли дворовъ черныхъ на посадѣ, но очевидно жили тутъ же—двое изъ нихъ имѣли по клѣти въ городѣ, и двое — огородъ и нивы; имѣлъ клѣть въ городѣ также одинъ дворцовый крестьянинъ; основаніемъ причислять этого послѣдняго къ чернымъ посадскимъ людямъ служитъ то, что клѣть его описана подъ слѣдующимъ заголовкомъ: «въ городѣ же житницы дѣтей боярскихъ, и пушкарей, и стрѣльцовъ, и посадскихъ людей, и поповъ, и дьяконовъ и пономарей» [1]) — если къ какому изъ этихъ наименованій могъ быть присоединенъ крестьянинъ, то только къ посадскимъ людямъ. Сравнительно съ прежнимъ и здѣсь очень значительно уменьшеніе числа посадскихъ людей—прежде ихъ было 90 дв. и 56 мѣстъ старой пустоты; бѣлыхъ дворовъ прежде было меньше, всего 18, и не было слободы стрѣлецкой. Все населеніе жило на посадѣ, всѣ люди, кромѣ черныхъ, жили въ бѣлыхъ дворахъ; въ городѣ же разные люди имѣли лишь житницы и клѣти [2]): пушкари—5, сотникъ стрѣлецкій—одну, духовные—3, о трехъ клѣтяхъ двухъ посадскихъ людей и дворцоваго крестьянина мы уже говорили. Въ Красномъ было еще 7 лавокъ и 3 лавки пустыя (1 л. и 1 м. л. пушкаря, 1 л. стрѣльца, 2 л. и 1 м. л. черныхъ людей, 1 м. л. дворцоваго крестьянина и по лавкѣ—псковитина, пріѣзжаго и Митки Петрова Овсянникова); оброку съ нихъ шло всего 6 а. 3 д., распредѣленъ онъ довольно равномѣрно; прежде же было тутъ 15 л. и 5 м. лавочныхъ. Дворникомъ на нѣмецкомъ пріѣзжемъ дворѣ посадскій человѣкъ, имѣющій свой дворъ тутъ же.

Огородовъ оброчныхъ въ г. Красномъ всего 9,370 кв. с., оброку съ нихъ 3 р. 24 а. 2 д. Изъ общаго пространства огородовъ одинъ черный человѣкъ (неимѣвшій въ Красномъ двора) владѣлъ огородомъ въ 42 кв. с. и платилъ съ него 8 д.; далѣе духовенству принадлежало 1,075 кв. с. (11,5°/₀ всего числа огородовъ), съ ко-

---

[1]) Ркп. № 355—2, л. 557.

[2]) Подъ заголовкомъ «житницы и клѣти» тутъ описаны только клѣти (л. 557); совершенно подобный же случай есть въ книгѣ Изборска (ркп. 355—2, лл. 647—649).

торыхъ оброку 16 а. 4 д., пушкарямъ и воротнику 4,392 (4,256 и 136; 46½%), съ которыхъ оброку 1 р. 29 а. 4 д., стрѣльцамъ 3,446 кв. с. (36½%), оброку съ нихъ 1 р. 3 а. (изъ этого числа 1,600 кв. с., оплачиваемыя оброкомъ въ 15 а., принадлежали сотнику); дворцовыхъ селъ приказчикъ имѣлъ 90 кв. с., съ которыхъ платилъ 7 д., толмачъ—60 кв. с., оброку съ нихъ 9 д., тюремный сторожъ—182, оброку платилъ 10 д. и одинъ бобыль 84 кв. с., оброку платилъ 16 д. Безоброчные огороды тутъ видимъ у осаднаго головы, въ 210 кв. с. и у богадѣльной избы—въ 304 кв. с. Средняя величина оброка съ чети огородной земли 95 ден., причемъ нужно замѣтить, что въ отдѣльныхъ случаяхъ обложеніе далеко неравномѣрно; да и въ среднемъ—духовные платили по 110 д. съ чети, пушкари по 97 и стрѣльцы по 76, если считать съ землею сотника и по 80—безъ нея.

Нивы въ Красномъ были только оброчныя и всего земли въ 10 нивахъ—32 ч. (21¼ худой земли, 7⅛ сер. и 3½ доброй); оброку съ нея всего 2 р. 9 а. 2 д.; обложеніе весьма разнообразно. Изъ всего числа земли одинъ церковный дьячекъ пахалъ 3⅛ ч. сер. земли за 4 а. 2 д., посадскій человѣкъ—дворникъ нѣмецкаго двора пахалъ 9½ ч. худой и ½ четв. доброй за 17 а. 4 д., другой посадскій человѣкъ за 1½ р. пахалъ 9 четв. худой, 4 чети середней и 3 чети доброй, и наконецъ, 3 чети худой земли пахалъ, и оброку платилъ 4 алт. Воскресенской деревни Микитка Ивановъ. Лица другихъ сословій нивъ не имѣли; нивъ безоброчныхъ не описано.

Два югозападные пригорода Пскова, Опочка и Себежъ, являются наименѣе пострадавшими.

Въ Опочкѣ [1]) по описи 1585—1588 года населеніе составляли: 8 посадскихъ черныхъ людей и одинъ торговый, затѣмъ 4 человѣка имѣли только клѣти въ городѣ, но сословіе ихъ не указано, одинъ какой-то человѣкъ «жилъ» въ нетягломъ дворѣ, но кто онъ по своему положенію—совершенно неясно, затѣмъ, тутъ было 12 крестьянъ частныхъ лицъ, 1 человѣкъ сына боярскаго, 24 дворцовые крестьянина, 11 человѣкъ имѣли лишь огороды и нивы, и болѣе ничего о нихъ не извѣстно, 9 вдовъ, изъ которыхъ одна упомянута лишь въ описаніи огородовъ; далѣе, въ Опочкѣ было 6 дѣтей боярскихъ, намѣстникъ, воевода, таможенникъ, земскій дьячекъ, 100 стрѣльцовъ, 34 пушкаря, 6 воротниковъ, 2 казен-

[1]) Ркп. М. А. М. Ю., № 355, пол. 2, лл. 841—876.

ные плотника и 1 казенный кузнецъ, наконецъ 23 лица духовныя, 19 бобылей и монастырскій казакъ—всего, слѣдовательно до 270 чел. Сравнительно съ прежнимъ очень уменьшилось число черныхъ людей: прежде было тутъ 180 дв. и 90 м. старой пустоты; затѣмъ запустѣла слободка церковная, въ которой было м. поповское и 7 м. разныхъ людей; относительно прежняго числа людей другихъ сословій данныхъ нѣтъ. Намѣстникъ и воевода жили во дворахъ въ городѣ; земскій дьячекъ и таможенникъ имѣли клѣти въ городѣ и первый—дворъ нетяглый на посадѣ; изъ дѣтей боярскихъ одинъ былъ губнымъ старостой и жилъ на посадѣ въ черномъ дворѣ; другой былъ городовымъ приказчикомъ и имѣлъ клѣть въ городѣ и мѣсто нетяглое на посадѣ; третьему было дано мѣсто нетяглое же на посадѣ; остальные имѣли клѣти въ городѣ; кромѣ этихъ шести еще 16 чел. дѣтей боярскихъ имѣли мѣста въ городѣ, описанныя частью подъ заголовкомъ: «внутри-жъ города мѣста осадныя дѣтей боярскихъ и городовыхъ приказчиковъ», частью подъ заголовкомъ: «мѣста осадныя, а нынѣ порозжи» [1]). Посадскіе черные люди здѣсь всѣ имѣли по двору черному на посадѣ, а четверо—еще по клѣти въ городѣ; клѣть въ городѣ имѣлъ еще торговый человѣкъ, неимѣвшій, между прочимъ, лавки. Всѣ дворцовые крестьяне имѣли клѣти въ городѣ, описанныя подъ заголовкомъ: «въ городѣ-жъ житницы и клѣти посадскихъ и волостныхъ людей и пушкарей и воротниковъ» [2]); крестьяне частныхъ лицъ имѣли тоже каждый по клѣти, «человѣкъ» сына боярскаго «ходилъ» въ клѣти священника [3]). Изъ числа дворцовыхъ крестьянъ одинъ указанъ владѣльцемъ трехъ отдѣльныхъ клѣтей и владѣльцемъ еще одной вмѣстѣ со своимъ братомъ; еще четыре раза по одной клѣти имѣли два брата, всѣ остальные имѣли каждый по клѣти. Изъ вдовъ 8 имѣли клѣти въ городѣ и одна упомянута только въ описаніи огородовъ, изъ людей, сословіе которыхъ не обозначено, четверо имѣли клѣти въ городѣ и 11—только огороды или нивы. Стрѣльцы жили особой слободой, въ которой было 100 дворовъ; два стрѣльца имѣли еще по двору нетяглому на посадѣ, шестеро имѣли дворы оброчные на посадѣ и 21 чел. изъ стрѣльцовъ 19 клѣтей въ городѣ; изъ

---

1) Ркп. 355—2, л. 841 об.

2) Тамъ же, л. 842.

3) «Клѣть Спасскаго попа Ѳедяя Корнилова, а ходитъ (sic) Шибановъ человѣкъ Неклюдова»—ркп. 355—2, л. 848 об.

пушкарей 18 имѣли клѣти въ городѣ, 12—дворы нетяглые на посадѣ, трое—дворы оброчные на посадѣ и одинъ жилъ во дворѣ черномъ на посадѣ; тѣмъ же, которые уже имѣли клѣти въ городѣ, и одному, имѣвшему дворъ нетяглый на посадѣ, принадлежали еще 7 дворовъ и мѣсто нетяглое на посадѣ же, 2 дв. оброчные и 3 дв. черные. Изъ воротниковъ двое упомянуты лишь какъ владѣльцы огорода и нивы, остальные четверо имѣли по двору нетяглому на посадѣ и одну клѣть въ городѣ; казенные ремесленники всѣ жили въ нетяглыхъ дворахъ на посадѣ. Изъ духовенства одинъ имѣлъ лишь огородъ, семеро имѣли 8 клѣтей и избу пустую въ городѣ, 13 чел.—дворы нетяглые на посадѣ, трое—дворы черные на посадѣ; кромѣ того трое, имѣвшіе клѣти въ городѣ, и одинъ, имѣвшій дворъ нетяглый на посадѣ, имѣли еще на посадѣ же 2 нетяглыхъ и 2 тяглыхъ двора; въ городѣ же четыремъ церквамъ принадлежали 3 клѣти и мѣсто и еще пяти церквамъ принадлежали разные нивы и огороды. Изъ бобылей 17 жили на землѣ одной церкви, два остальные и казакъ имѣли 3 клѣти въ городѣ; на землѣ другой церкви была запустѣвшая слобода. Въ изучаемое время находилось въ Опочкѣ 18 лавокъ и 31 м. лав.; оброку съ живущихъ лавокъ 16 а. 1 д. (вмѣсто прежнихъ 36 а. 3 д.), при чемъ платилось отъ 3 до 6 д. съ каждой лавки. Лавки эти распредѣлены были такъ: духовенству принадлежало 4 л., стрѣльцамъ, воротникамъ и одному дворцовому крестьянину (какъ разъ тому, который имѣлъ нѣсколько клѣтей) по 3, пушкарямъ и чернымъ людямъ по 2, вдовѣ одна. Ремесленниковъ тутъ, какъ и въ другихъ псковскихъ пригородахъ, очень немного; но и земледѣліе имѣло здѣсь не особенно значительные размѣры. Огороды оброчные занимали здѣсь пространство въ 12,667 кв. с., оброку съ нихъ шло 4 р. 32 а. 3 д., да безоброчныхъ огородовъ было: у богадѣльной избы 84 кв. с., у церквей—450 и у намѣстника 3,200 кв. с. Изъ оброчныхъ огородовъ церквамъ и духовенству принадлежало 2,522 кв. с. (почти 20%), оброку съ нихъ 30 а. 4 д., пушкарямъ—2,580 (20%), оброку 38 а. 1 д., посадскимъ 2,235 (почти 18%), оброку 37 а., людямъ, которые никакъ болѣе не обозначены и дворовъ не имѣли, 2,260 (18%), оброку 25 а. 2 д., стрѣльцамъ 800 (6½%), обр. 13 а. 5 д., воротникамъ 600 (4½%), обр. 4 а. 5 д., крестьянамъ частныхъ лицъ 416 (3½%), оброку 6 а. 4 д., крестьянамъ дворцовымъ 380 (3%), обр. 5 а. 2 д., наконецъ, земскому дьячку 96, обр. 10 д., городовому приказчику 90, обр. 7 д. и казенному плотнику—60, обр. 6 д. Среднимъ чис-

ломъ приходится тутъ съ чети огородной земли по 94 д.; изъ крупныхъ владѣльцевъ менѣе всѣхъ платили люди, не имѣвшіе дворовъ, именно по 84 д.; далѣе духовенство—87, крестьяне дворцовые—100, пушкари 107, крестьяне частныхъ лицъ—113, наконецъ стрѣльцы и посадскіе—по 120; ниже же всего обложены огороды воротниковъ, которымъ приходилось платить всего 56 д. съ чети. Въ оброчныхъ нивахъ тутъ земли $246\frac{1}{2}$ ч. (73 добр., $148\frac{1}{2}$ серед., 25 худой), сѣна 230 копенъ; оброку всего съ нихъ 13 р. 2 а.; нивы обложены неравномѣрно, какъ у лицъ разныхъ классовъ, такъ и у лицъ одного и того же класса; большею частью оброкъ колеблется между 12—16 д. съ чети доброй, 6—9 съ чети середней и 6—8 съ чети худой; нивы пустыя, въ которыхъ тутъ $17\frac{1}{2}$ четей (9 добр., $5\frac{1}{2}$ сер., 3 худой) обложены совершенно правильно по 16, 9 и 8 д., всего оброку въ пустѣ 40 а. 5 д. Болѣе всего имѣли земли пушкари—78 ч. (28 добр., 44 сер., 6 худой) и платили 4 р. 25 а. 1 д., затѣмъ духовные—78 ($8\frac{1}{2}$ д., 69, $\frac{1}{2}$) и платили 3 р. 21 а., далѣе люди неопредѣленнаго положенія—25 $17\frac{1}{2}$ добр., 7 сер., $\frac{1}{2}$ худ), платили 30 а., стрѣльцы $23\frac{1}{2}$ ($9\frac{1}{2}$ д., $6\frac{1}{2}$ с., $7\frac{1}{2}$ х.), платили 1 р. 9 а., дворцовые крестьяне—$16\frac{1}{2}$ (11 сер. и $5\frac{1}{2}$ худ.), платили 21 а., вдовы 13 (7 д., 6 сер.), платили 26 а., посадскіе—$7\frac{1}{2}$ сер. и воротники 7 сер.—платили по 10 алт., крестьяне частныхъ лицъ—7 худ., платили 8 а., наконецъ, земскій дьячекъ пахалъ 2 ч. добр. земли и платилъ за это 5 а. 2 д.

Нивъ безоброчныхъ въ Опочкѣ довольно много: у богадѣльныхъ старцевъ 3 ч. д. з., нива скудельницы—$2\frac{1}{2}$ чети сер. з. и наконецъ у церквей—8 ч. д., 41 ч. сер. и 21 ч. худой; нивы эти пашутъ разные люди, а къ церквамъ даютъ за это четвертый снопъ [1]).

Наконецъ, самый дальній, югозападный пригородъ Псковской области, Себежъ, по характеру своего населенія нѣсколько отличается отъ остальныхъ [2]). Населеніе его составляли: 3 посадскихъ тяглыхъ человѣка, 20 человѣкъ духовенства, 8 «помѣщиковъ», 137 казаковъ—изъ нихъ 103 пѣшихъ, 22 конныхъ, объ остальныхъ не сказано, какіе они, 54 стрѣльца, 31 пушкарь, 15 ворот-

---

[1]) «Въ Опочкѣ около посаду нивы монастырскія и церковныя безоброчныя, а даютъ съ нихъ къ церквамъ изо всякаго хлѣба четвертый снопъ»—ркп. 355—2, л. 875 об.; изъ отсутствія тутъ упоминанія о томъ, какіе же именно люди обработывали эти нивы, думаемъ надо заключать, что участіе въ обработкѣ ихъ принимали разные люди и, вѣроятно, не постоянно одни и тѣ же.

[2]) Ркп. 355—2, лл. 899—945.

никовъ, 2 ямщика, 1 тюремный сторожъ, 2 казенные кузнеца и 3 казенные плотника, 10 вдовъ разныхъ лицъ; тутъ были воевода, осадный голова, городовой приказчикъ, казачій голова биричъ; въ городѣ было 9 государевыхъ житницъ—3 съ хлѣбомъ, 6 пустыя.

Всѣ жители имѣли по одному двору—или только въ городѣ, или только на посадѣ. Черные люди жили всѣ въ городѣ, изъ духовныхъ 9 имѣли дворы, одинъ—амбаръ, одинъ—мѣсто въ городѣ, 9—дворы на посадѣ, изъ помѣщиковъ одинъ имѣлъ дворъ въ городѣ, четверо—дворы на посадѣ; изъ остальныхъ одинъ имѣлъ мѣсто на посадѣ, другой огородъ, третій пахалъ м. дворовое. Всѣ казаки жили въ городѣ; изъ нихъ 18 конныхъ имѣли 19 дворовъ и 4—лишь огороды; 85 пѣшихъ имѣли 85 дворовъ, 3—три мѣста, 9—лишь огороды, 1—лишь лавку и 1—лишь баню, 4 не имѣли дворовъ, пахали 5 мѣстъ въ городѣ; изъ казаковъ, о которыхъ не сказано—пѣшіе они или конные—5 имѣли лишь огороды, 5—пахали 6 м. въ городѣ, 1—лишь мѣсто оброчное и 1—лишь баню и огородъ. Изъ стрѣльцовъ 38 человѣкъ имѣли по двору въ городѣ, 9 чел.—8 мѣстъ въ городѣ и 8 чел.—лишь огороды; изъ пушкарей 6 чел. имѣли по двору въ городѣ, 2—два мѣста въ городѣ, 17 чел.—дворы на посадѣ, 1—мѣсто на посадѣ, 3—лишь лавки, 2 лишь огороды; изъ воротниковъ 3 чел. имѣли по двору и 1 м. въ городѣ, 11—дворы на посадѣ и 1—лишь огородъ; одинъ ямщикъ имѣлъ дворъ въ городѣ, другой и тюремный сторожъ—по мѣсту на посадѣ; одинъ казенный плотникъ имѣлъ дворъ въ городѣ, другой—лишь лавку, третій—лишь огородъ; казенные кузнецы имѣли по двору на посадѣ; изъ вдовъ—одна имѣла дворъ въ городѣ, 1—мѣсто тамъ же, 4—пять мѣстъ на посадѣ, одна—баню и одна—огородъ. Воевода, осадный голова и биричъ имѣли по двору въ городѣ, а первые двое еще нѣсколько мѣстъ; городовой приказчикъ имѣлъ дворъ на посадѣ и по мѣсту въ городѣ и на посадѣ. Одною изъ особенностей Себежа является довольно значительное число случаевъ, когда къ чьему-нибудь двору «припущено» какое-нибудь мѣсто, часто бывшее прежде во владѣніи лица даже другого сословія,—такихъ случаевъ можно насчитать до десяти; величина припущенныхъ мѣстъ обозначена не всегда; она достигала 50 кв. с. Въ 1585—1588 г. въ Себежѣ было 18 лавокъ, съ которыхъ оброку шло 1 р. 15 а. 1 д. (взималось приблизительно по 15 д. съ лавки); 9 лавокъ принадлежали семи пушкарямъ, 3—тремъ казакамъ, 2—двумъ стрѣльцамъ, 3—тремъ духовнымъ лицамъ,

1—казенному плотнику; прежде было тутъ 38 лавокъ, оброку съ нихъ шло 3 р. 20 д.

Въ изучаемое нами время тутъ за оброкъ пахались огородами прежнія амбарныя мѣста и мѣста, что были «дворы полоцкіе и свискіе присяги» [1]). Относительно прежняго состоянія Себежа мы и имѣемъ лишь это указаніе, да еще узнаемъ, что прежде тутъ было 54 тяглые двора; относительно же дворовъ лицъ другихъ сословій, равно какъ о прежнемъ количествѣ огородной и пашенной земли въ книгѣ ничего не сказано. Въ 1585 — 1588 г. въ Себежѣ было безоброчныхъ огородовъ—19,870 кв. с., оброчныхъ 6,760, оброку съ нихъ 3 р. 4 а. 3 д. (въ числѣ оброчныхъ—1,250 кв. с. на амбарныхъ мѣстахъ и 1,110—на мѣстахъ дворовъ полоцкой и свиской присяги,—оброку съ тѣхъ и другихъ отдѣльно 1 р. 10 а. 2 д.). Безоброчные огороды распредѣлены были такъ: казакамъ принадлежало 6,690 кв. с. (около 33% всего пространства, занятаго безоброчными огородами), стрѣльцамъ—4,853 (24%) духовенству—4,110 (21%), пушкарямъ—1,550 (8%), воротникамъ 1,050 ($5^1/_2$%), помѣщикамъ—774 (4%), вдовамъ—330 и осадному головѣ и городовому приказчику—223, казеннымъ плотникамъ 248 и казеннымъ кузнецамъ — 48. Оброчные огороды распредѣлены были такъ: казаки пахали 3,260 кв. с., платили 1 р. 11 а. 2 д., пушкари—1,150 и платили 17 а., духовные—720 и платили 53 д., воротники—690, платили 60 д., стрѣльцы—415 и платили 70 д., казенные плотники—52 и платили 5 д., казенные кузнецы—200 и платили 32 д., помѣщики—302 и платили 40 д.; среднимъ числомъ тутъ приходится по 120 д. съ чети огородной земли; но обложеніе далеко не всегда равномѣрно.

Въ Себежѣ сравнительно немного и пашенной земли; всего тутъ земли $124^1/_2$ чети ($49^1/_2$ четв. середней и 75 худой); платилось тутъ всего съ середней земли 1 р. 11 а. 2 д., а съ худой—4 р. 11 а. 3 д., такъ что въ среднемъ приходится, непонятнымъ образомъ, съ чети серед. земли по 5,4 деньги, а съ чети худой—по 12,4 д.; сословіе владѣльца не имѣло тутъ никакого сколько-нибудь замѣтнаго вліянія: напр., нивы казаковъ обложены такъ, что въ одномъ случаѣ приходится съ чети худой земли 13,6 деньги, и рядомъ же съ чети худой 8 д. Трехпольная система тутъ да-

---

[1]) Непосредственно послѣ описанія лавокъ читаемъ: «на посадѣ-жъ на переволокѣ мѣста амбарныя, а нынѣ пашутъ огородами пушкари, и стрѣльцы и казаки»;—ркп. 355—2, 919 об., 938 об.

леко не установилась. Нами приведено выше полное количество земли; распредѣлено же оно такъ, что въ первомъ полѣ приходилось середней земли изъ 49½ четей—21½, а худой—изъ 75 четей — 48. Считая землю во всѣхъ трехъ поляхъ, найдемъ, что казаки пахали 40½ четей земли (5 сер., 35½ худ.) и платили 2 р. 19 а. 4 д., пушкари 52½ чети (22½ сер. и 30 худ.) и платили 2 р. 3 д., воротники 15½ четей (12 сер. и 3½ худ.) и платили 15 ал., духовные—9 чет. (серед.) и платили 11 а., вдовы— 1 четь сер. и платили 12 д., казенные кузнецы—3 ч. худой и платили 24 д. и неизвѣстно кто (въ книгѣ пропущено имя владѣльца) 3 ч. худой и платилъ 24 д. Кромѣ того, въ Себежѣ оставалось оброчныхъ никѣмъ невзятыхъ нивъ 12 ч. (8½ сер. и 3½ худ.), оброку съ которыхъ шло 19 а. 4 д., и еще 24 нивы, количество земли въ которыхъ не указано, запустѣвшія и заросшія лѣсомъ еще до писцовъ.

Мы видимъ вообще, что Себежъ отличался отъ другихъ псковскихъ пригородовъ болѣе военнымъ характеромъ; представляя въ изучаемое нами время наиболѣе значительный военный пунктъ, онъ прежде имѣлъ сравнительно немного черныхъ людей; находившееся въ немъ, въ изучаемое нами время, населеніе занималось земледѣліемъ менѣе, чѣмъ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами пригородахъ. Въ лѣтописи разсказано подробно основаніе Себежа въ 1533 г.; къ сожалѣнію тамъ не сказано, сколько было оставлено во вновь устроенномъ городѣ ратныхъ и посадскихъ людей; но довольно значительное количество отправленныхъ туда запасовъ заставляетъ думать, что и поселеніе было тамъ довольно значительно [1]), отъ

---

[1]) «Того же лѣта кн. в. Иванъ Васильевичъ, пять лѣтъ возрастомъ, и посла воеводъ своихъ намѣстниковъ новгородскихъ кн. В. Горбатаго да М. Воронцова, а изо Пскова кн. М. Кубенскаго да Д. Воронцова, да иные воеводы, послаша ихъ на Опочку съ Новгородскою силою и со Псковскою, а Псковичи нарядиша 5000 пищальниковъ и 3000 коней въ телѣгахъ и человѣка на кони и 3000 чет. овсяной васпы толокно, 3000 полтей свинины, 3000 ч. солоду, 360 ч. гороху, сѣмени конопляннаго 360 ч., а на Москву послаша пищальниковъ 400, и все то одного году, а Новгородци посохи много послаша Себежа новаго дѣлати. Того же лѣта замыслиша государь нашъ кн. в. Иванъ Васильевичъ поставити городъ на Себежи озерѣ, въ Литовской землѣ, 60 верстъ отъ Опочки и послаша большіе воеводы Ивана Бутурлина съ силою города дѣлати въ Петровъ день; а кончанъ бысть мѣсяца іюля въ 25, затвориша его и освящаша церкви, Усѣкновенья главы Ивана Предтечи, да придѣлъ Св. Никола Чудотворецъ, да другой придѣлъ ц. Константина, а священниковъ треи послаша изо Пскова»—П. С. Р. Л., IV, л. 7043, 300; о томъ же но короче говорятъ Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л.,

сутствіе же указаній, что тотъ или другой родъ ратныхъ людей поселенъ лишь недавно, что видимъ мы при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пригородовъ, даетъ поводъ думать, что находящееся, по описанію 1585—1588 гг., въ Себежѣ военное населеніе не сосредоточено тутъ недавно, а находится тутъ уже давно, быть можетъ съ самаго основанія города; подобное населеніе вновь устраиваемыхъ городовъ ратными людьми увидимъ и ниже, въ городахъ южной окраины Московскаго государства.

Изложивши данныя нашего источника о каждомъ изъ Псковскихъ пригородовъ мы теперь постараемся сгруппировать ихъ и дать общій очеркъ положенія городовъ Псковской области во второй половинѣ XVI в.; при этомъ намъ придется пользоваться и данными по прежнему письму, которое, какъ мы выше указывали, относится ко времени отъ 1557 до 1588 г., и данными по письму 1585—1588 годовъ: изъ первыхъ мы узнаемъ число населенія этихъ городовъ до войны, изъ вторыхъ соберемъ разныя отдѣльныя указанія на существовавшія въ этихъ пригородахъ соціально-экономическія отношенія, хотя, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображенію полному препятствуетъ то, что изучаемые города описаны не въ нормальномъ ихъ состояніи.

Въ изучаемое нами время мы видѣли въ этихъ городахъ всего до 75 чел. черныхъ тяглыхъ людей, 66 крестьянъ, 890 ратныхъ людей, 36 дворниковъ, сторожей, биричей и т. п., 108 человѣкъ духовенства, въ 32 кельяхъ бобылей и въ 22—вдовъ, кромѣ того еще въ нѣсколькихъ городахъ старцевъ въ богадѣльныхъ избахъ, безъ обозначенія сколько именно,—всего, слѣд., до 1,250 человѣкъ, и кромѣ того—50 дворовъ дѣтей боярскихъ [1]); лавокъ въ этихъ пригородахъ 86; земли подъ огородами оброчными до 40 десятинъ (96,287 кв. саж.), подъ огородами безоброчными до 15 десятинъ (35,827 кв. саж.), пашенной земли въ нивахъ оброчныхъ 1,305 четв. и въ безоброчныхъ 441 четв. [2]); денежнаго оброка собиралось съ

VIII, 290) и Царственная книга, 51. Приблизительно можно было бы опредѣлить число посланныхъ туда людей по сравненію отпущенныхъ хлѣбныхъ запасовъ съ другими случаями выдачи хлѣбнаго жалованья, но какъ нарочно тутъ говорится о такихъ запасахъ, выдачи которыхъ въ другихъ случаяхъ не встрѣчаемъ.

[1]) Относительно дѣтей боярскихъ приводимъ число дворовъ, а не людей, потому что о нихъ трудно сказать, живетъ или нѣтъ, тотъ или другой въ томъ городѣ, гдѣ онъ имѣетъ дворъ.

[2]) Такъ какъ трехпольная система является тутъ еще совершенно не-

этихъ пригородовъ вмѣстѣ съ пошлинами немного болѣе 100 руб. (19,266 д. оброку, да 963 д. пошлины, всего 20,229 д., т. е. 101 р. 4 а. 5 д.) [1]). Но прежде города эти были наполнены посадскими жителями; сравнительно съ прежнимъ замѣтно уменьшеніе по всѣмъ пунктамъ, кромѣ только количества огородной земли, и притомъ по разнымъ пунктамъ уменьшеніе очень не пропорціональное: по прежнему письму тутъ было еще 1,686 дв. черныхъ, обратившихся къ 1585—1588 г. въ пусто, а старой пустоты было сравнительно немного — 236 м. (13½% числа жилыхъ дворовъ); послѣ прежняго письма запустѣли еще 80 дворовъ духовенства и 28 дворовъ людей, жившихъ на церковной землѣ; лавокъ было прежде вмѣсто 86-ти—241 и 5 м. лавочныхъ; земли пахалось на 332 чети болѣе въ нивахъ оброчныхъ и на 127 четей болѣе въ нивахъ безоброчныхъ. О ратныхъ людяхъ, которые въ 1585—1588 г. составляли болѣе 70% всего числа жителей этихъ пригородовъ, по старому письму не упоминается вовсе; во всякомъ случаѣ, болѣе вѣроятно, что если они и были тутъ, то въ количествѣ меньшемъ, чѣмъ мы ихъ находимъ по изучаемому описанію: мы не разъ видѣли, что стрѣльцы поселены на пустыхъ мѣстахъ черныхъ—слѣд., они явились уже послѣ запустѣнія. По старому письму оброка собиралось со всѣхъ пригородовъ болѣе, чѣмъ по письму 1585—1588 г. всего на 49 р. (9,457 д.), — очевидно, что уменьшеніе оброку чрезвычайно непропорціанально какъ уменьшенію числа дворовъ, такъ и уменьшенію количества обработываемой въ оброчныхъ нивахъ земли, но въ обратномъ отношеніи: оброку собиралось сравнительно съ прежнимъ 67%, дворовъ черныхъ людей осталось всего 8% прежняго ихъ числа, а земли въ нивахъ обработывалось 80% прежняго ея количества, не говоря уже о томъ, что еще явилось множество оброчныхъ огородовъ. Отсюда несомнѣнно, что не было непремѣннымъ условіемъ, чтобы оброкъ со-

---

установившеюся, то мы привели тутъ количество всей земли, сумму четвертей во всѣхъ трехъ поляхъ, а не то что «въ полѣ, а въ дву потому-жъ».

[1]) Приведемъ распредѣленіе поземельныхъ владѣній въ % между людьми разныхъ сословій; первая цифра будетъ обозначать % огородовъ оброчныхъ, вторая—% огородовъ безоброчныхъ и третья—% пашни оброчной. Находимъ что чернымъ людямъ принадлежало 42%, 14%, 10%; духовенству—15%, 21%. 40%; ратнымъ людямъ—38%, 47%, 32%; дѣтямъ боярскимъ—2%, 14%, 6%, крестьянамъ 3%, (огородовъ безоброчныхъ у нихъ не было), 2%; бобылямъ и вдовамъ—½ %, 7%, 4%; всѣмъ остальнымъ людямъ 4%, 1%, 6%. Денежныя подати распредѣлены были почти совершенно пропорціонально этимъ числамъ.

размѣряся съ числомъ дворовъ и людей, или съ количествомъ пашенной земли. Попытаемся разъяснить эту несоразмѣрность уменьшенія оброка, сравнительно съ уменьшеніемъ числа людей и количества земли. Въ книгахъ нѣсколькихъ городовъ мы читаемъ, что въ нихъ *пашутся огородами черныя дворовыя мѣста*, но только до тѣхъ поръ, пока ихъ не возьмутъ изъ тягла черные люди [1]); отсюда видно, что эти огороды явились лишь съ запустѣніемъ прежнихъ дворовъ, что слѣд., такихъ огородовъ до запустѣнія не было вовсе, а если и были, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ меньшемъ, чѣмъ мы ихъ находимъ, ибо ни въ одномъ пригородѣ не указано оставшихси пустыми огородовъ, не смотря на огромное въ нѣкоторыхъ случаяхъ уменьшеніе числа жителей [2]); огороды эти розданы не только чернымъ людямъ, а и лицамъ всѣхъ другихъ состояній — и ратнымъ людямъ, и дѣтямъ боярскимъ, и духовенству, и церквамъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что съ уменьшеніемъ чернаго тяглаго населенія, слѣд., съ уменьшеніемъ и тягла, правительство утилизировало остававшіяся пустыми мѣста, отдавая ихъ въ оброкъ, такъ что, при очень значительномъ уменьшеніе тягла, денежнаго оброка оно получало сравнительно очень немногимъ менѣе, чѣмъ прежде. Но мы не думаемъ, что встрѣчаемъ здѣсь принудительную для тяглыхъ людей оплату денежнымъ оброкомъ пустыхъ мѣстъ; напротивъ, имѣя данныя о цѣлой массѣ пустыхъ дворовъ и мѣстъ, мы должны придти къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ въ XVI в., община не оплачивала пустыхъ мѣстъ, прежде занятыхъ ея членами: во-первыхъ, многія прежде оброчныя нивы мы видѣли лежащими въ пустѣ, а иногда и прямо еще прибавлено: «а на оброкъ ихъ не взялъ никто и не

---

[1]) Прямо сказано такъ въ описаніи Изборска, ркп. 355—2, л. 654 об., Краснаго, тамъ же, лл. 561—562, Вороноча, ркп. К. 827, л. 675 об.; въ описаніи Опочки читаемъ (ркп. 355—2, л. 861): «въ Опочкѣ на посадѣ мѣста дворовыя черныя, а пашутъ ихъ огородами и нивами попы, и дьяконы, и дьячки церковные, и пономари, и пушкари, и воротники, и стрѣльцы, и посадскіе люди, и на тѣ мѣста до жильцовъ положенъ оброкъ».

[2]) Только въ описаніи Гдова (ркп. К. 827, л. 423) читаемъ: «и всего во Гдовѣ за городомъ старыхъ оброчныхъ 34 огорода, да съ тѣми же огороды черныхъ 45 огородовъ, да съ тѣми же спущены въ одно мѣсто безоброчныхъ церковныхъ и черныхъ 6 огородовъ, а оброка положено 3 р. 4 а., да пошлинъ 5 а. 1½ д., съ рубля по 10 ден. А по старому письму оброку платили съ 34 огородовъ 4 р. 5 а. 4 д., а убыло передъ старымъ 1 р. 10 д.»; но и тутъ говорится только объ уменьшеніи оброка, что было очевидно слѣдствіемъ болѣе низкаго обложенія, ибо и тутъ къ прежнимъ 34 огородамъ прибавлено еще 51 огородъ.

владѣетъ ими никто» [1]) — слѣд., возможно было и не брать на оброкъ и не оплачивать запустѣвшихъ мѣстъ; во-вторыхъ, мы видѣли, что оброчными огородами на мѣстахъ, бывшихъ тяглыхъ, владѣли вовсе не одни тяглые люди, а наряду съ ними и многіе люди другихъ сословій, причемъ не замѣтно даже, чтобы черные тяглые люди оплачивали значительно большія пространства или платили бы значительно большій оброкъ. Но если это обработываніе и оплата оброкомъ пустыхъ мѣстъ не были принудительны, то значить ихъ брали на оброкъ потому, что пользованіе ими было выгодно—выгода могла, дѣйствительно, заключаться уже въ томъ, что эти мѣста были ближе другихъ и, конечно, лучше обработаны и удобрены, какъ мѣста ранѣе занятыя огородами и дворами—мы уже говорили, что при всякомъ дворѣ полагался и, вѣроятно, существовалъ огородъ. Въ изучаемое нами время, когда Псковскіе пригороды потеряли 92% своего прежняго тяглаго населенія, мы видимъ земли огородныя во владѣніи людей разныхъ сословій, но прежде вся эта земля была, повидимому, во владѣніи лишь черныхъ людей: она называется прямо черною, да и черныхъ людей по прежнему письму было больше, чѣмъ вмѣстѣ всѣхъ людей, владѣвшихъ этою землею по письму 1585—1587 гг. Такимъ образомъ положеніе этихъ пригородовъ въ мирное время намъ представляется такъ: тогда они населены были жителями сплошь, съ замѣтнымъ перевѣсомъ въ числѣ ихъ черныхъ тяглыхъ людей, которые главнымъ образомъ занимались земледѣліемъ и огородничествомъ, причемъ люди другихъ сословій не занимались этимъ и даже не могли съ выгодою заниматься, ибо всѣ ближайшія къ городу и слѣдовательно удобнѣйшія мѣста были во владѣніи черныхъ тяглыхъ людей; но когда города эти запустѣли, тягло уменьшилось—тогда правительство старается получить съ земель, бывшихъ мѣстомъ жительства тяглыхъ людей, хотя оброкъ, причемъ къ земледѣлію тотчасъ же обращаются и люди всѣхъ другихъ сословій. При обыкновенномъ теченіи жизни въ этихъ пригородахъ было свыше 1,700 дв. людей черныхъ, поэтому общее число людей черныхъ нужно тутъ считать до 8000. Въ изучаемое нами время въ огромномъ большинствѣ случаевъ указано во дворѣ по одному человѣку; но, какъ мы уже видѣли при

---

[1]) Напр.: «въ Опочкѣ около посаду нивы пустыя, а на оброкъ ихъ не взялъ никто»—ркп. 355—2, л. 874 об.; точно такъ же въ описаніи Острова и Вороноча рядомъ видимъ въ жилѣ и въ пустѣ мельницы и лавки, причемъ объ оброкѣ съ пустыхъ сказано: «оброку было»... ркп. К. 827, лл. 569, об., 675.

разсмотрѣніи данныхъ о Новгородскихъ пригородахъ и о Торопцѣ и Устюжнѣ, въ этой мѣстности, въ сѣверозападной части тогдашней, Россіи дворы людей черныхъ очень часто заключали по нѣскольку взрослыхъ мужчинъ, часто несомнѣнно не родственниковъ, не близкихъ, по крайней мѣрѣ; но, въ виду весьма незначительнаго числа дворовъ черныхъ людей въ изучаемыхъ нами теперь городахъ, мы не рѣшаемся отмѣчать преобладаніе дворовъ съ однимъ человѣкомъ, какъ особенность ихъ сравнительно съ городами ближайшихъ областей. Отъ состава дворовъ людей черныхъ здѣсь не отличается рѣзко составъ дворовъ людей ратныхъ, но зато мы почти не имѣемъ свѣдѣній о составѣ ихъ дворовъ въ ближайшихъ городахъ, такъ что тоже не можемъ рѣшить, таковъ ли же былъ онъ и въ другихъ мѣстностяхъ, и слѣдовательно, тамъ отличался отъ состава дворовъ людей черныхъ, или же въ другихъ городахъ дворы ратныхъ людей были по составу таковы же, какъ тамъ дворы черныхъ людей и, слѣдовательно, отличались отъ дворовъ ратныхъ людей въ Псковскихъ пригородахъ. Дѣленія черныхъ людей на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ мы тутъ не видимъ; но при описаніи нѣкоторыхъ городовъ всѣ жители ихъ названы молодыми [1]); а такъ какъ вообще тутъ жители бѣдны, — въ общемъ несомнѣнно, бѣднѣе, чѣмъ были прежде, на что указываютъ неоднократно отмѣченныя облегченія въ разложеніи по сохамъ,—то весьма возможно, что дѣленіе на лучшихъ, середнихъ и молодчихъ не отмѣчено лишь потому, что всѣ тутъ молодчіе; быть можетъ, потому же преобладаютъ тутъ и дворы съ однимъ взрослымъ мужчиной. Въ изучаемой книгѣ находятся данныя о раскладкѣ черныхъ дворовъ по сохамъ въ нѣсколькихъ городахъ, и по старому и по новому письму; вообще въ сохи прежде положено было меньшее количество дворовъ, слѣдовательно, населеніе было богаче, сильнѣе: въ соху по прежнему письму положено было отъ 65 до 150 дворовъ, въ среднемъ для 9 городовъ [2]) по 91 двору, а по письму 1585—1588 г. въ Вороночѣ положено было на соху 112 дворовъ, въ Гдовѣ 208, въ Опочкѣ 224; о Себежѣ и Вельи прямо сказано, что жители не положены въ сохи за худобою; свѣдѣній по этому вопросу объ остальныхъ пригородахъ

[1]) Въ описаніи Краснаго, Опочки, Гдова, Вороноча, Выбора; въ остальныхъ случаяхъ они названы просто черными людьми.

[2]) Менѣе всего положено было дворовъ въ соху въ Выборѣ—65; далѣе: въ Островѣ 68, въ Изборскѣ 75, въ Вороночѣ 80, во Гдовѣ 83, въ Опочкѣ 85, въ Вельи 105, въ Красномъ 120 и наконецъ въ Себежѣ 150.

нѣтъ. Относительно имущественнаго положенія отдѣльныхъ людей изъ черныхъ тяглыхъ мы уже привели выше примѣры значительнаго неравенства; подсусѣдниковъ мы здѣсь почти вовсе не видимъ; разъ только у пушкаря указанъ прямо подсусѣдникъ и затѣмъ еще три-четыре случая, что человѣкъ какой-нибудь показалъ живущимъ у другого; въ одномъ изъ этихъ случаевъ вдова живетъ у человѣка, которому она продала или вообще какъ-то уступила свой огородъ [1]); но слѣдующій фактъ указываетъ, что этимъ отношеніямъ книга не придавала большаго значенія, потому, вѣроятно, что они не особенно рѣзко выдѣлялись и въ жизни; въ описаніи дворовъ тяглыхъ на Вороночѣ читаемъ: «во дв. Палко Сухорукъ, да Демешко Кузминъ, да Иванко Васильевъ»; такимъ образомъ, всѣ эти три человѣка указаны просто во дворѣ, безъ какихъ бы то ни было указаній на зависимыя отношенія одного къ другому; но въ той же книгѣ немного далѣе читаемъ: «огородъ Иванка Васильева, *живетъ у Палка Сухорукова*»; Демешка же Кузьминъ и въ описаніи огородовъ является неоднократно рядомъ съ Палкомъ Сухорукомъ и обозначенъ, такъ же какъ и этотъ, просто посадскимъ человѣкомъ [2]). Имѣя хотя бы одинъ такой фактъ, мы можемъ предполагать подобныя же отношенія и въ другихъ случаяхъ, когда указано въ одномъ дворѣ по нѣскольку человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ не можемъ предполагать, что всегда, когда указаны во дворѣ нѣсколько человѣкъ, между ними непремѣнно есть такія отношенія; весьма возможно, что иногда такими, отчасти какъ бы зависимыми людьми нужно считать тѣхъ, которые не упомянуты

---

[1]) «Во дворѣ пушкарь Пятунко Ѳедоровъ, у него подсусѣдникъ Мишка Кондратьевъ»; «во дворѣ пушкарь Афонька Павловъ, да у него-жъ посадскій человѣкъ Ѳедька Павловъ»—ркп. К. 827, лл. 671, 672; оба эти человѣка живущіе у другихъ въ итогахъ города (Вороноча) сосчитаны. Во Гдовѣ встрѣчаемъ ниву посадскаго человѣка Ефимка Васильева Пула, который живетъ въ городѣ у Гриши Снеткова (ркп. К. 827, л. 433 об.); въ описаніи самаго города Гдова нѣтъ Гриши Снеткова, но есть нѣсколько Григорьевъ и есть Григорій (Филатовъ) собственникъ двора («дв. Гришкинскій Филатовъ»); Ефима Васильева ни у кого изъ нихъ во дворѣ не указано. Въ описаніи Гдова же читаемъ: «огородъ вд. Марьи Андреевой жены бочарника, живетъ въ городѣ у Ефимка Ларивонова Губанова («во дв. Ефимко Ларивоновъ Губановъ», читаемъ на л. 408 об.) вдоль того огорода 15 с., а поперекъ 11, спущены вмѣстѣ два огорода черные, одинъ, что былъ Ларивона Емельянова, другой, что былъ Петра Митрофанова, а оброкъ писанъ подъ Ефимковыми подъ дворовыми огороды Губанова, что за межою»—ркп. К. 827, л. 417.

[2]) Ркп. К. 827, лл. 637 об., 683 об.; «посадскій человѣкъ» Демешка Кузминъ упоминается разъ пять, лл. 679—680.

при описанiи дворовъ и являются лишь какъ владѣльцы огородовъ [1]), но относительно каждаго даннаго случая мы не можемъ рѣшить, каковымъ же нужно считать того или другого человѣка, о которомъ можетъ возникнуть подобнаго рода вопросъ. Но вообще, какъ уже сказано, здѣсь дворовъ съ нѣсколькими взрослыми мужчинами очень немного; болѣе, но тоже немного, встрѣчали мы упоминанiй въ числѣ владѣльцевъ нивъ, огородовъ или лавокъ, людей, при описанiи дворовъ не упомянутыхъ. Незначительное развитiе подсусѣдничества указываетъ, очевидно, на простоту, несложность отношенiй, господстовавшихъ въ этихъ пригородахъ; точно также здѣсь чуть ли не одинъ разъ встрѣчаемъ отдачу имущества, такъ сказать, въ аренду, въ наемъ, да и то въ несовсѣмъ ясномъ указанiи, [2]) между тѣмъ какъ въ самомъ Псковѣ мы встрѣтимъ такихъ случаевъ довольно много. И для этихъ пригородовъ характерною чертою является то, что населенiе въ нихъ уже осѣло прочно, не бродитъ, такъ что людей изъ другихъ городовъ, приходцевъ, мы тутъ встрѣчаемъ крайне рѣдко, всего не болѣе 15 чел.; есть два случая, что жившiе въ пригородахъ имѣли лавки во Псковѣ, но особенно часто видимъ, что псковитины имѣли лавки или нивы въ пригородахъ [3]). Отмѣтимъ наконецъ, что изъ жителей этой же мѣстности набраны, по крайней мѣрѣ въ значительной части, и стоящiе тутъ ратные люди, ибо довольно часто встрѣчаемъ у ратныхъ людей фамилiи и прозвища, одинаковыя съ фамилiями посадскихъ людей, какъ жившихъ тутъ въ моментъ описанiя, такъ и владѣвшихъ тутъ прежде дворами или нивами; точно такъ же есть люди съ одинаковыми прозвищами и фамилiями и между ратными людьми разныхъ разрядовъ; такiя же связи посадскихъ людей съ духовенствомъ мы уже указывали выше.

---

[1]) Примѣры этого въ прим. 2, стр. 112: ни вдова Марья, ни Ефимъ Пулъ въ описанiи городскихъ и посадскихъ дворовъ не упоминаются и оказываются живущими у другихъ.

[2]) Во Гдовѣ, ркп. К. 827, л. 419: «два огорода Дмитрея Селунскаго, что во Гдовѣ... пашетъ тѣ огороды Якушъ Васильчиковъ, а къ церкви даетъ четверть, а оброку 3 алт.» Этотъ случай, впрочемъ, совершенно аналогичный съ приведенными нами выше, въ описанiи совершенно разворенныхъ пригородовъ; мы привели его потому только, что тутъ все-таки точно указанъ человѣкъ, который пашетъ и платитъ.

[3]) Пять человѣкъ въ Вельи, всѣ изо Пскова, 5 въ Изборскѣ; во всѣхъ другихъ—еще человѣкъ пять; приходцы эти изъ Ржева, Холма, Острова; два пушкаря, живущiе въ Изборскѣ и Островѣ, имѣли по лавкѣ во Псковѣ.

Главнымъ, преобладающимъ занятіемъ какъ жившаго тутъ въ самомъ концѣ вѣка населенія, такъ и прежняго, было земледѣліе; приведенныя выше данныя совершенно доказываютъ это, тѣмъ болѣе, что вышеприведенныя цифры указываютъ пространства, несомнѣнно обработывавшіяся городскими жителями, но нимало не исключаютъ возможности, что тѣ же люди и еще обработывали землю въ уѣздѣ [1]). Какъ мы тоже отмѣчали уже — по обоимъ описаніямъ находимъ мы въ этихъ пригородахъ очень небольшое число ремесленниковъ и очень небольшое число лавокъ. Весьма незначительное развитіе торговопромышленной дѣятельности обусловливалось, вѣроятно, близостью Пскова, большого торговопромышленнаго центра, сосредоточивавшаго въ себѣ всю такую дѣятельность. Никитскій совершенно вѣрно опредѣлилъ положеніе Псковскихъ пригородовъ, указавши, что они были очень незначительны, ибо и вся Псковская область была слишкомъ невелика, чтобы вести къ образованію нѣсколькихъ большихъ мѣстныхъ центровъ; по нашему мнѣнію, онъ совершенно правъ и въ томъ, что не дѣлаетъ почти никакого различія между пригородомъ и волостью, говоря, что «подъ именемъ пригородовъ въ Псковской области разумѣлись тѣ волости, которыя имѣли въ своемъ округѣ укрѣпленные пункты или города съ существующимъ при нихъ населеніемъ, а подъ именемъ волостей просто мѣстные округи, неимѣвшіе подобныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ» [2]); если даже авторъ не хотѣлъ этими словами указать на одинаковость занятій жителей въ тѣхъ и другихъ, то мы со своей стороны можемъ отмѣтить, что по занятіямъ своихъ жителей Псковскіе пригороды гораздо ближе къ селамъ, чѣмъ къ городамъ, въ нашемъ смыслѣ слова, ибо въ нихъ рѣшительно преобладало земледѣліе [3]). Совершенно точно

---

[1]) Что вообще въ этой области много пахали земли, видно и изъ слѣд. извѣстія лѣтописи: «въ 141 г. пожаловалъ государь Псковъ, не велѣлъ имати снопа съ монастырей и съ церквей; а восьмаго снопа приходило государю въ Кремъ на годъ 11,011 четвертей безъ четверика» — П. С. Р. Л. IV, 334.

[2]) *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова. С.-Пб. 1873, 134, 172—173.

[3]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, III, 14, говоритъ: «Во Псковѣ пригороды далеко не имѣли того значенія, какимъ они пользовались въ Новгородѣ.... пригороды въ Псковской землѣ большею частію имѣли только значеніе крѣпостей... Кромѣ того, пригородамъ во Псковѣ принадлежало значеніе административныхъ центровъ для управленія приписанными къ нимъ волостями, но это значеніе было второстепенное и не необходимое».

опредѣлить пространство обработываемой земли нельзя, потому что, кромѣ отдѣльно описанныхъ оброчныхъ и безоброчныхъ огородовъ и нивъ, еще при каждомъ дворѣ полагался безоброчный огородъ; на это имѣемъ прямыя указанія [1]), да и величина дворовъ на посадѣ, которая, правда, едва-ли была всегда даже приблизительно равна, все-таки настолько больше величины дворовъ въ городѣ, гдѣ дворъ, очевидно, ограничивался жилыми помѣщеніями, что совершенно допускаетъ возможность существованія при нихъ огородовъ [2]). Мы видѣли здѣсь также неоднократныя упоминанія о садахъ; и другіе акты довольно часто упоминаютъ о садахъ именно въ этой же области [3]). Относительно размѣровъ средняго сбора хлѣба, а также и о нормальномъ числѣ копенъ сѣна съ десятины мы не находимъ тутъ никакихъ указаній; но интереснымъ представляется отмѣченный нами выше фактъ далеко еще не полнаго господства трехпольной системы даже въ концѣ XVI в. [4]); по пис-

[1]) «Четыре огорода изборскихъ пушкарей Якуша Родивонова съ товарыщи, а напередъ того пахали безоброчно, а нынѣ на нихъ оброкъ положенъ, потому что имъ даны подъ дворы мѣста съ огороды»—ркп. 355—2, 656 об.; въ описаніи Гдова читаемъ: «два огорода Андрея Иванова с. Спицына—одинъ ему пахати безоброчно къ своему двору, а съ другого оброку...»; «а нынѣ тѣ оба огорода даны Русину да Михайлу Гавриловымъ Елагинымъ безоброчно, потому что у нихъ въ городѣ огородовъ нѣтъ»; въ числѣ огородовъ безоброчныхъ описано: «полъ огорода Гришинская Химина, нынѣ его пашетъ къ своему двору Ѳедька Андреевъ, а на немъ деревца яблоновыя, а другая половина того огорода пуста»—ркп. К. 827, лл. 415, 424, 427; подобныя же указанія встрѣчаемъ и въ книгахъ другихъ пригородовъ. Такія замѣчанія получаютъ особое значеніе, когда въ описаніи Корелы, Ладоги и Орѣшка 1568 г. мы почти безъ исключенія при каждомъ дворѣ видѣли и огородъ; точно такъ же во многихъ писцовыхъ книгахъ XVII в. въ городахъ видимъ при каждомъ дворѣ и огородъ.

[2]) Особенно часто указаны размѣры городскихъ построекъ въ описаніи Опочки; тамъ въ среднемъ приходится на дворъ сына боярскаго 6 кв. с., а на клѣти другихъ людей—менѣе 4 кв. с.; размѣры же посадскихъ дворовъ можно опредѣлить по книгѣ Гдова, гдѣ сначала указано, сколько квадратныхъ саженъ пустыхъ мѣстъ, а потомъ сказано, сколько тутъ было дворовъ, потомъ запустѣвшихъ; тамъ приходится на дворъ 36 кв. с.,—ркп. 355—2, лл. 841—852, и К. 827, лл. 405—411; въ Ладогѣ, какъ мы видѣли, размѣры посадскихъ дворовъ еще болѣе значительны.

[3]) Напр. А. А. Э., I, № 353, 1591; А. Ю., №№ 91, 94, 117, 1579—1583; А. о. до ю. б., № 143, XII, начала XVII в.—все о Новгородѣ.

[4]) *Блюменфельдъ*, въ своемъ изслѣдованіи: «О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи», Од. 1884, 289, говоритъ: «въ XV в. впервые встрѣчаемъ намеки на трехпольное хозяйство въ словѣ паренина, паровое поле»; при этомъ онъ дѣлаетъ два примѣчанія: «*Бѣляевъ*, Временникъ, XI, 45, относитъ

цовымъ книгамъ въ центральныхъ, подмосковныхъ и южныхъ областяхъ эта система является безъ исключенія господствующею еще въ 70-хъ годахъ XVI в.

Въ изучаемыхъ нами описаніяхъ городовъ открывается много очень интересныхъ фактовъ относительно формъ землевладѣнія среди посадной общины; по этимъ фактамъ нужно представлять себѣ внутренніе порядки общиннаго землевладѣнія въ XVI в. нѣсколько иначе, чѣмъ обыкновенно ихъ представляютъ. Если мы будемъ разсматривать собственныя имена владѣльцевъ нивъ и огородовъ, то предъ нами выступаютъ слѣдующіе факты, какъ безусловно господствующіе и неопровергаемые никакими исключеніями: при описаніи огромнаго большинства огородовъ и нивъ указаны имена двухъ владѣльцевъ, при чемъ имя перваго стоитъ всегда въ родительномъ падежѣ, а имя второго—въ формѣ относительнаго прилагательнаго [1]), и часто вставлены еще слова: «что былъ», «что была»; въ родительномъ падежѣ стоитъ имя настоящаго владѣльца, въ формѣ относительнаго прилагательнаго—какого-то преж-

---

первое свидѣтельство о трехпольной системѣ къ 1503 г. на основаніи А. Ю. № 19—невѣрно», и другое: «А. о. до ю. б. др. Р. II, № 173, I, 1462. Митрополитъ далъ игумену землю подъ пахоть «и съ нынѣшнею паренинoю».—Вопросъ о времени появленія и объ утвержденіи у насъ трехпольной системы, такъ долго потомъ почти исключительно господствовавшей въ русскомъ хозяйствѣ, конечно, очень интересенъ; и намъ кажется, что приведенные нами факты заслуживаютъ вниманія при его разработкѣ тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ для разъясненія его почти ничего не сдѣлано. Приведенное нами сейчасъ мѣсто изъ книги Влюменфельда—не говоря уже о томъ, что въ немъ есть опечатка,—вм. Временникъ, XI, нужно читать Временникъ XXII (отмѣчаемъ это потому, что во Временникѣ, XI, есть тоже статья Бѣляева—О поземельномъ владѣніи, въ которой тоже, но на стр. 63, мимоходомъ говорится о трехпольномъ хозяйствѣ), въ виду указанныхъ нами сейчасъ фактовъ о земледѣліи въ псковскихъ пригородахъ, не доказываетъ, что трехпольная система уже появилась въ серединѣ XVI в.—изъ приводимой авторомъ цитаты видно только, что тутъ была пашня не въ одномъ полѣ, не ледина, и не подсѣка, но не видно, что именно въ трехъ.

[1]) Напр., въ описаніи Изборска: «нива Ив. Микифорова островитина Гавриловская Михайлова....», «нива Андронка Григорьева Филиповская Трофимова пищальника....», въ описаніи Гдова: «огородъ попа Антона Гришинскій Вагина с. Скоморохова....», въ описаніи Велья: «нива старосты Юрья Филатова *Ивановская Павлова*», «нива старосты Юрья Филатова *Гришинская Олисова*», «три нивы пушкаря Левки Дмитріева—Прохновская Семенова, да *Ивановская Павлова*, да *Гришинская Олисова*, да Борисовская Тарасова» и т. д.—Ркп. М. А. М. 10, 355—2, лл. 657, 658, К 827, лл. 422, 757, 761 и мн. др.

няго; нигдѣ, конечно, прямо въ текстѣ этого не разъяснено, но изъ тысячи случаевъ это становится совершенно несомнѣннымъ; очевидно, это указываетъ на перемѣну владѣльцевъ; но о покупкѣ и продажѣ нивъ и огородовъ говорится очень рѣдко, зато нерѣдко встрѣчаются выраженія, особенно объ огородахъ и нивахъ, находящихся во владѣніи церкви: «данъ, дана, дали посадскіе люди»; прежнимъ владѣльцемъ очень рѣдко является отецъ настоящаго; очень часто нивы и пожни, бывшія прежде какого-нибудь одного лица, въ изучаемое время являются во владѣніи разныхъ лицъ, и наоборотъ: одинъ и тотъ же человѣкъ владѣетъ огородами и нивами, прежде принадлежавшими разнымъ лицамъ. Припомнимъ теперь и отмѣченные выше подобные же факты въ описаніи Устюжны, въ самомъ концѣ XVI в., гдѣ, къ тому же, не разъ видимъ и прежняго владѣльца того или другого участка, живущимъ на посадѣ же. При какихъ распорядкахъ, при какихъ отношеніяхъ могла существовать эта постоянная мобилизація земельныхъ участковъ, мобилизація, столь рѣдко основанная на куплѣ-продажѣ и основанія которой вообще почти никогда не отмѣчаются,—потому, конечно, что они были для тогдашнихъ людей просты и ясны? Несомнѣнно, прежде всего, при общинномъ землевладѣніи; но какъ распредѣляла община между своими членами земельные участки? Намъ кажется, единственно возможнымъ объясненіемъ является тутъ предположеніе передѣловъ, быть можетъ недостаточно опредѣленныхъ, недостаточно развитыхъ, но все-таки какихъ-то передѣловъ. Мы, дѣйствительно, не знаемъ ихъ порядковъ и убѣждены, что они отличались въ значительной степени отъ передѣловъ, какъ узнаемъ мы ихъ по шуйскимъ актамъ; но самая простота, краткость, ясность формулировки постановленія объ этомъ передѣлѣ въ концѣ XVII в. естественно наталкиваетъ на мысль, что дѣло это создавалось и развивалось уже давно. Такое предположеніе, дѣйствительно, противорѣчитъ тому, что доселѣ было извѣстно по занимающему насъ теперь вопросу; до сихъ поръ нѣкоторые ученые еще сомнѣваются даже въ существованіи передѣловъ земли даже въ XVII в.—хотя, намъ кажется, акты города Шуи доказываютъ это совершенно несомнѣнно; другіе считали передѣлы явленіемъ позднимъ, возникшимъ только уже послѣ прикрѣпленія крестьянъ [1]).

[1]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ* въ своемъ «Обзорѣ исторіи русскаго права» (вып. 2, 196, изд. 1886 г.) говоритъ: «были также общинныя земли и подъ огородами (въ городахъ), также будто бы подлежавшія передѣлу (по словамъ Борисова; но въ изданнымъ имъ актахъ говорится только объ отдачѣ ихъ

И дѣйствительно, до сихъ поръ не было извѣстно указаній на передѣлы въ XVI в. [1]; но на нашъ взглядъ совершенно естественно, что въ актахъ не отразились передѣлы въ такихъ ничтожныхъ поселкахъ, какими были деревни и села въ XVI в., но столь же естественно, что мы встрѣтили ихъ, какъ только обратились къ изученію положенія бо́льшихъ поселеній, но съ совершенно сельскимъ характеромъ. Другого объясненія, кромѣ предположенія какихъ-то передѣловъ, мы по крайней мѣрѣ не можемъ пріискать; предположеніе, что мы имѣемъ тутъ лишь поставку ушедшимъ общинникомъ тяглеца вмѣсто себя, не представляется примѣнимымъ,

---

на оброкъ).» Но по нашему убѣжденію актъ, напечатанный у *Борисова* въ его «Описаніи г. Шуи и его окрестностей», на стр. 63—65 говоритъ, пожалуй, и объ отдачѣ земли на оброкъ, но точно также и о передѣлѣ ея. Вотъ существеннѣйшія части этого акта: «лѣта... Шуи посаду земскій староста... съ товарыщи и всѣ Шуяне посадскіе люди приговорили на сходкѣ въ земской избѣ раздѣлить пахотную землю во всѣхъ Шуйскихъ трехъ поляхъ, по своимъ тягламъ, 63 полосы въ полѣ, а въ дву потомужъ, нынѣшняго 189 г. на 10 лѣтъ, *до мірского же раздѣлу...*» и т. д. Появленіе передѣловъ только уже послѣ прикрѣпленія крестьянъ, въ XVII в., старался доказать *Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, 44 и слѣд.; о времени же болѣе раннемъ онъ утверждаетъ, что тогда «во всякомъ случаѣ земля не была совокупнымъ владѣніемъ общины» (18), что тогда не было ничего подобнаго общинному быту нашего времени, «не было ни принудительныхъ отношеній, ни передѣла земель» (26). Но положенія Чичерина по этому вопросу опровергнуты многими изслѣдователями. Прямо противоположный и, по нашему мнѣнію, въ своей крайности тоже ошибочный взглядъ высказалъ *Блюменфельдъ* («О формахъ землевладѣнія», 328): «одинаковые размѣры дворовъ, спрашиваетъ онъ, не служатъ ли доказательствомъ существованія извѣстной, опредѣленной мѣры для двора, извѣстнаго двороваго надѣла, равенство котораго черезъ опредѣленные промежутки времени возстановляется путемъ надѣловъ?» Но такое предположеніе допускаетъ чрезвычайно неудобный, фактически даже, повидимому, неосуществимый передѣлъ дворовъ. Вышеприведенныя данныя объ оброкѣ съ амбаровъ въ новгородскихъ пригородахъ разъясняютъ значеніе этихъ указаній нормальной величины лавокъ; равенство, дѣйствительно, можетъ быть, должно было существовать, но реально его не возстановляли, а съ «прибавки» противъ опредѣленной мѣры брали оброкъ — какъ, напр., увидимъ далѣе въ разсмотрѣніи данныхъ о Казанскомъ торгѣ. *Соколовскому* не удалось найдти доказательствъ передѣловъ въ XVI уже вѣкѣ—см. его Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, особ. 63—93.

[1]) Но, впрочемъ, можно считать за указаніе на передѣлы слова уставной грамоты 1561 г. крестьянамъ Соловецкаго монастыря, что имъ вольно мѣняться между собою дворами и землями, доложа прикащику — А. А. Э. I, № 258, хотя, конечно, это указаніе очень неясное, отдаленное.

ибо для этого нужно допустить полную смѣну здѣсь населенія и особенно, въ виду отмѣченныхъ выше фактовъ, что у одного и того же человѣка видимъ нивы и огороды разныхъ людей и у разныхъ людей—нивы и огороды одного и того же человѣка. Къ тому же для новыхъ пришельцевъ, впервые принимавшихъ на себя тягло, почти общимъ правиломъ было нѣсколько лѣтъ льготы, примѣненія чего здѣсь вовсе не видимъ. Въ виду прямыхъ указаній, что ратные люди и духовенство иногда тянули общее съ черными людьми тягло [1]), и здѣсь не является удивительнымъ участіе ихъ во владѣніи черною тяглою землею; мы увидимъ далѣе, что и въ другихъ городахъ во владѣніи лавками, по крайней мѣрѣ, они составляли одну группу со всѣми другими ихъ владѣльцами; видимъ еще иногда, что ратные люди являлись поручителями по чернымъ и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется, что интересенъ и заслуживаетъ вниманія фактъ постоянной мобилизаціи земельныхъ участковъ между разными членами городской общины, выступающій въ нашихъ книгахъ съ несомнѣнностью.

Изучаемый нами документъ говоритъ подробно только объ одномъ видѣ повинностей — именно о денежномъ оброкѣ, а о тяглѣ, повинностяхъ посошныхъ упоминаетъ обыкновенно только мимоходомъ. Должно замѣтить, что и большинство нашихъ писцовыхъ книгъ говорятъ тоже главнымъ образомъ лишь объ оброкѣ, и только очень немногія указываютъ подробно и повинности посошныя. Изъ книгъ Псковскихъ пригородовъ мы узнаемъ только, что крестьяне всего уѣзда каждаго города ставили дворъ намѣстнику и осадному головѣ [2]) и что намѣстники владѣли нѣкоторыми огоро-

---

[1]) Мы уже приводили выше изъ Разряднаго и разметнаго списка 1545 г. (А. А. Э., I, № 205) интересное указаніе, относящееся сюда, о городѣ Порховѣ: «а съ тѣхъ деи дворовъ, съ попова, и съ дьяконова, и съ воротниковыхъ, и съ пищальниковыхъ изстарины тянутъ всякое тягло съ черными людьми, потому что деи тѣ дворы всѣ стоятъ на черной землѣ, на посадской на тяглой, и тянутъ съ черными людьми»; въ другой грамотѣ (Д. А. И., I. № 77, 1555) велѣно дать (въ Новгородѣ) нѣсколькимъ священнослужителямъ бѣлыя мѣста, потому что «съ нихъ берутъ улицкіе старосты во всякіе разметы передъ черными людьми вдвое».

[2]) Въ описаніи Изборска читаемъ: «дв. намѣстничъ, а на дворѣ хоромъ... а дѣлаютъ тотъ намѣстничъ дворъ всѣмъ городомъ и уѣздомъ»; въ описаніи Острова: «дв. осадной головы... а ставили тотъ дворъ Островскаго уѣзда всѣми губами крестьяне»; «дв. намѣстничъ, а на дворѣ хоромъ... а ставили тѣ хоромы Островскаго же уѣзда дѣтей боярскихъ и монастырскіе и церковные крестьяне, а подѣлываютъ тотъ дворъ государевы дворцовые и дѣтей боярскихъ и монастырскіе и церковные крестьяне всѣмъ Островскимъ уѣз-

дами безоброчно, а другими за оброкъ; въ одномъ случаѣ ясно, что на намѣстника этотъ безоброчный огородъ пашутъ посадскіе черные люди [1]). Гораздо болѣе интересныя свѣдѣнія даетъ нашъ документъ о оброкѣ. По актамъ, въ которыхъ говорится объ оброкѣ, онъ является обыкновенно какъ замѣна тягла, повинности натуральной, повинностью денежной; обыкновенно грамоты освобождаютъ разныхъ людей отъ всякихъ пошлинъ, отъ всякихъ «проторей и разметовъ» и въ замѣнъ того эти люди обязуются платить опредѣленный оброкъ [2]); такъ именно объясняетъ значеніе оброка и Бѣляевъ (правда, говоря о временахъ домонгольскихъ, но, сколько можно судить по его собственнымъ словамъ, относя такое объясненіе и къ другимъ эпохамъ) [3]); Блюменфельдъ говоритъ глухо:

домъ», ркп. 355—2, л. 643; ркп. К. 827, лл. 547 об., 549; въ описаніи другихъ пригородовъ кратко: дворъ намѣстничь, дворъ осаднаго головы и только.

[1]) «Огородъ, а пашутъ его на намѣстника»—20 х 20 с.—(Вороночъ, К. 827, л. 685); огородъ вельскаго намѣстника Своитина Бачена, 12 х 8 с., оброку не положено; огородъ гдовскаго намѣстника (8Х6½ с.), а пашутъ тотъ огородъ на намѣстника (ркп. К. 827, лл. 755 об., 426 об.); въ числѣ огородовъ безоброчныхъ видимъ: «въ Опочкѣ на посадѣ мѣста дворовыя черныя, а пашутъ ихъ огородами Опоцкіе посадскіе люди... 6 м. дв. (15Х14 с.) и тѣ мѣста даны къ ц. Лукѣ Евангелисту на церковное строеніе безоброчно; огородъ Опоцкаго намѣстника Ѳ. Лихарева (24Х20); огородъ Опоцкаго намѣстника Ѳ. Лихарева (40Х20); два огорода Ѳ. Лихарева (40Х19 и 30Х12); огородъ Ѳомы Апостола (20Х12) и тотъ огородъ данъ церкви безоброчно на церковное строеніе; огородъ богадѣльныхъ старцевъ (12Х7); и всего безоброчныхъ 8 огородовъ». Ркп. 355—2, лл. 860—861.

[2]) Напр., А. И., I, № 106, 1498; № 295, 1540; А. о. до ю. б., №№ 173, I—V, 176, I—III, 118, IV, 177, 30, IV, 1462—1554 и мн. др.; *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ (Зап. И. Р. Г. О., VIII, приложенія, 180): «и та монастырская земля въ обжи и въ сошное письмо къ волости не приписана, а положенъ на ту землю и на мельницу оброкъ деньгами». и мн. др.

[3]) «Оброкомъ вообще назывались всѣ виды повинностей и пошлинъ, когда онѣ раскладывались или переводились на землю, т. е. когда вмѣсто того, чтобы отправлять какую либо повинность или службу натурою, правительство соглашалось брать вмѣсто этого деньгами, или произведеніями промышленности, опредѣляя напередъ сумму, какую цѣлая область должна была платить вмѣсто отправленія службы, или повинности, и предоставляя самимъ общинамъ дѣлать раскладку долямъ этой суммы по вытямъ общинной земли; тоже, когда правительство оброчило разныя торговыя и другія пошлины. Кромѣ того, оброкомъ назывались подати, собираемыя съ разныхъ угодій и промысловъ, напр., съ рыбныхъ ловель, съ соловаренъ, съ бортныхъ ухожаевъ, съ бобровыхъ гоновъ, и вообще съ ловли звѣрей и другихъ промысловъ.» *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 196.

«черные люди несли «тягло», особый оброкъ» [1]); проф. Сергѣевичъ тоже не высказывается достаточно опредѣленно: «высшій разрядъ, говоритъ онъ, несъ службу военную; тяглые люди несли черное тягло, повинности натуральныя и денежныя. Тяглые люди были записаны въ писцовыя книги, и обложены тягломъ. Это признакъ, отличающій тяглыхъ отъ высшаго разряда» [2]). Изъ нашего документа ясно, однако, что оброкъ могъ существовать одновременно и рядомъ съ тягломъ [3]): мы неоднократно встрѣчали о сотняхъ запустѣвшихъ мѣстъ замѣчаніе: «а пашутъ тѣ мѣста огородами, а на нихъ оброкъ положенъ, доколѣ тѣ мѣста черные люди изъ тягла возьмутъ», или «доколѣ черные люди дворы поставятъ» [4])—книга, конечно, не могла предполагать, что разомъ появятся черные люди въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы заселить всѣ эти пустыя мѣста; несомнѣнно, эти мѣста должны были переходить изъ оброка въ тягло постепенно, слѣдовательно, тягло и оброкъ должны были существовать рядомъ; мы видѣли даже, что въ нѣсколькихъ городахъ жители разложены въ сохи, слѣдовательно, несомнѣнно несли тягло, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же черные люди платили и оброкъ съ огородовъ и нивъ, которыми владѣли. Такимъ образомъ, несомнѣнно, оброкъ и тягло существовали рядомъ; одни и тѣ же люди могли пользоваться чѣмъ-либо подъ условіемъ тягла и одновременно пользоваться чѣмъ-нибудь другимъ подъ условіемъ оброка; только одинъ и тотъ же объектъ владѣнія или пользованія не облагался одновременно тягломъ и оброкомъ. Въ этомъ смыслѣ оброкъ бывалъ замѣною тягла, но по существу его нельзя считать равносильнымъ тяглу и только замѣнявшимъ одинъ видъ повинности другимъ; оброкъ платили не только люди ратные—пушкари, стрѣльцы, казаки, но и люди высшаго сословія—дѣти боярскіе, иногда даже городовые приказчики, намѣстники, т. е. люди, тягла ужъ никогда не тянувшіе. Величина

---

[1]) *Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, 123.

[2]) *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, изд. 1-е, 659.

[3]) Пожалуй, ближе всѣхъ подходитъ къ точному опредѣленію оброка *Чичеринъ*, говоря: «оброкомъ называлась опредѣленная подать съ извѣстнаго промысла, которая не обязывала платящаго участвовать во всѣхъ общинныхъ раскладкахъ»,—Областныя учрежденія въ XVII в., 527.

[4]) Послѣднее выраженіе встрѣчается въ описаніи Велья, ркп. К. 827, л. 754 об.; въ описаніи Опочки читаемъ: «и на тѣ мѣста до жильцовъ положенъ оброкъ», ркп. 355—2, л. 861.

оброка вообще не особенно значительна: какъ мы видѣли, она не превышала обыкновенно съ чети пашни 15 д., съ чети огородной земли 100—120 д., со двора 40 — 50 д.; оброкъ со двора—наиболѣе рѣдко встрѣчающійся; оброкъ платили въ Москву, въ государеву казну, дьякамъ. Замѣтимъ при этомъ, что обыкновенно точно опредѣлялось, кто сколько именно долженъ былъ платить оброка, и рѣже уже предоставлялось распредѣлять это самимъ чернымъ людямъ. Изъ всего изложеннаго мы должны опредѣлить оброкъ какъ прямой, денежный налогъ въ пользу государства съ разнаго рода промысловъ и поземельныхъ владѣній; подъ такое опредѣленіе подходитъ все, что мы указали относительно оброка, вмѣстѣ съ тѣмъ такое опредѣленіе его нимало не стоитъ въ противорѣчіи съ частою замѣною имъ всѣхъ другихъ повинностей—денежная подать съ земли, съ двора, съ промысла легко могла быть повышена до замѣны ею всѣхъ другихъ натуральныхъ повинностей; но мы указываемъ, что такая замѣна всѣхъ другихъ повинностей не была непремѣннымъ, существеннѣйшимъ признакомъ оброка; одни и тѣ же люди могли одновременно нести и тягло и оброкъ, лишь съ разныхъ объектовъ своего пользованія или владѣнія; установить же это очень важно, ибо книги наши очень часто говорятъ только объ оброкѣ, слѣдовательно онѣ не даютъ намъ точныхъ свѣдѣній о службѣ, такъ сказать, тяглыхъ людей государству, ибо намъ остаются неизвѣстными размѣры и виды тягла. Въ глазахъ правительства тягло было выгоднѣе, предпочтительнѣе оброка—человѣкъ, исполняя повинности натуральныя, тягло, давалъ государству въ суммѣ больше, чѣмъ уплачивая оброкъ; поэтому-то, очевидно, встрѣчаемъ замѣчанія, что огороды только до тѣхъ поръ могутъ находиться на оброкѣ, пока ихъ не возьмутъ изъ тягла [1]). Обыкновенно, при отдачѣ чего-либо на оброкъ впервые въ книгу записывались поименно и поручители по взявшемъ за себя оброчную статью; разсматривая имена въ этихъ записяхъ,

[1]) Нѣсколько разъ далѣе намъ придется привести данныя о посошныхъ повинностяхъ,—но и то всегда только уже въ переложеніи на деньги. У *Неволина*, О пятинахъ и погостахъ, приложенія, стр. 321, читаемъ слѣд. выписку изъ книги Бѣжецкой пятины 1582—1583 г.: «всего въ Вышнемъ Волочкѣ 45 дв., а людей въ нихъ 46 чел., да 24 непашенныхъ бобыля, да 12 дв. на льготѣ; пашни посадскіе... оброку имется на всякій дворъ по 5 алт. и по 2 д., опроче пошлинъ; да съ тѣхъ же дворовъ сходитъ въ государеву казну пищальныхъ денегъ на годъ со двора по 20 а., и по 11 д., опроче пошлинъ, да присудныхъ денегъ со двора по 4 а. и по 3 д.» и другія упоминанія о тяглѣ въ этомъ же родѣ.

видимъ во-первыхъ, что человѣкъ, за котораго поручился кто-либо, въ другомъ случаѣ не является, въ свою очередь, поручителемъ за него, а поручителями за него являются уже другіе, и во-вторыхъ, что поручителями бывали и люди другихъ общественныхъ классовъ, т. е. напр., духовные и ратные ручались по черномъ и наоборотъ [1]).

Главную массу населенія въ пригородахъ Псковской области въ изучаемое нами время составляли, какъ мы уже видѣли, ратные люди; во Гдовѣ, Изборскѣ, Островѣ, Красномъ, Опочкѣ мы видѣли по сотнѣ стрѣльцовъ, отдѣльно, и повидимому недавно поселенной; число пушкарей также приблизительно одинаково; но ихъ гораздо меньше [2]). По своимъ занятіямъ и по прямымъ денежнымъ оброкамъ они совсѣмъ не отличались отъ тяглыхъ людей, но жили почти всегда въ бѣлыхъ, нетяглыхъ дворахъ; только разъ стрѣлецъ жилъ въ пустомъ тягломъ дворѣ, и три—четыре ратные человѣка—въ тяглыхъ дворахъ, за что они и платили оброкъ [3]); о связяхъ ратныхъ людей съ посадскими черными мы уже говорили. Изученіе писцовыхъ книгъ ясно выдвигаетъ эту любопытную черту тогдашняго войска: поселенные на границѣ, гдѣ только-что прекратились военныя дѣйствія, ратные люди уже занимаются въ очень значительныхъ размѣрахъ земледѣліемъ; но по именамъ ратныхъ людей видно, что это не всё тѣ люди, которые являются прежними владѣльцами нивъ и огородъ, слѣдовательно, въ ратныхъ не были просто обращены всѣ прежніе черные.

Относительно крестьянъ замѣтимъ, что всюду, гдѣ являются они въ числѣ жителей города, въ итогѣ они сосчитаны вмѣстѣ съ посадскими; обращаетъ на себя вниманіе еще слѣдующее обстоятельство: при наименованіи губы, изъ которой тотъ или другой

---

[1]) Поименныя перечисленія поручителей встрѣчаемъ неоднократно—напр. въ описаніи Острова (ркп. К. 827, л. 571 об.), Себежа (ркп. 355—2, л. 941); въ описаніи Вороноча (ркп. К. 827, л. 688) по тремъ человѣкамъ записано за каждымъ по 4 поручителя и по тремъ за каждымъ по 3, всего упомянуто тутъ 18 чел., и ни разу нѣтъ совпаденія, такъ, чтобы кто нибудь ручался по своемъ же поручителѣ; тутъ же, какъ и въ указанныхъ мѣстахъ Себежской и Опочкой книги, ручаются по чернымъ ратные и духовные люди и на оборотъ.

[2]) Во Гдовѣ 11, въ Изборскѣ, Вороночѣ, Вельи и Красномъ — по 15, въ Островѣ 20, свыше чѣмъ по 30—въ Себежѣ и Опочкѣ.

[3]) Въ пустомъ тягломъ дворѣ живетъ стрѣлецъ въ Изборскѣ, ркп. 355—2, л. 653; въ черныхъ же дворахъ на посадѣ живутъ и платятъ съ нихъ оброкъ пушкари и стрѣльцы во Гдовѣ, ркп. К. 827, л. 412.

крестьянинъ, мы встрѣчали названія губъ только по церквамъ (Никольская, Кузмодемьянская) и притомъ—всегда только по такимъ церквамъ, какія есть въ томъ городѣ, къ уѣзду котораго относится указываемая изба; если бы изученіе писцовыхъ книгъ и всего уѣзда подтвердило господство такихъ фактовъ, то это очень интересная черта для изученія устройства отношеній жителей уѣзда къ городу [1]).

Что касается церквей, монастырей и вообще духовенства, то мы видѣли, что число ихъ уменьшилось, по сравненію съ уменьшеніемъ числа тяглыхъ людей, очень немного; занятія духовныхъ въ общемъ тѣ же, что и тяглыхъ людей [2]); они владѣли и лавками и землей, только ремесленниковъ среди ихъ не было; въ ихъ владѣніи находилось довольно значительное количество земли, причемъ съ оброчныхъ огородовъ и нивъ они платили приблизительно такъ же, какъ и люди другихъ сословій, но зато духовенству принадлежало большее количество безоброчной земли; иногда оно сдавало такія земли въ пользованіе другимъ людямъ за извѣстную плату, или чаще—за извѣстную часть урожая [3]); о ругѣ церквамъ не упоминается. На нищихъ здѣсь нѣтъ указаній, но постоянно встрѣчаемъ старцевъ, жившихъ въ богадѣльныхъ избахъ; обыкновенно, они имѣли земли очень немного и питались, вѣроятно, отъ церквей. Отъ этихъ старцевъ, обыкновенно называвшихся даже не по имени, а просто «богадѣльныя избы старцы», нужно, повидимому, отличать людей, которые владѣли часто нивами, названы по имени и

---

[1]) Что такое губы въ Псковской области — неразъяснено достаточно; *Костомаровъ*, Сѣвернорусскія народоправства, II, 53, 63, считаетъ губы просто окраинными волостями; *проф. Сергѣевичъ* губою считаетъ вообще всякій округъ просившій и получившій губныя учрежденія—Лекціи и изслѣдованія, 830, 858.

[2]) *Бѣляевъ*, Разсказы, III, 94: «духовенство во Псковѣ не составляло отдѣльнаго сословія.... Духовенство, какъ чисто выборный классъ служилыхъ людей, во Псковѣ пользовалось всѣми правами полноправныхъ гражданъ, наравнѣ съ мірскими людьми, и участвовало на вѣчѣ, и за то несло всѣ общественныя повинности и тягости наравнѣ съ міряиами.... оно по своему положенію въ обществѣ ближе подходило къ мірскимъ людямъ».

[3]) Въ описаніи Вороноча читаемъ: «подлѣ церковнаго Ивана Милостиваго мѣста огородъ на церковной землѣ на Ивановской, а пашетъ его пушкарь... (45×27 с.), а поземъ даетъ къ церкви», ркп. К. 827, л. 685; въ описаніи Гдова раза три видимъ, что церковные огороды пашутъ Гдовляне посадскіе люди, «а къ церкви даютъ изо всякаго обилья четверть»—эти огороды преимущественно получены церквами отъ разныхъ людей «по душѣ»; ркп. К. 827, л. 424.

отчеству и показаны «старцами» разныхъ монастырей, иногда живущими въ нихъ, но не называемыхъ черными старцами; это были, вѣроятно, тѣ люди, которые, принимая нѣкоторые иноческіе обѣты, жили часто не въ монастыряхъ, а въ мірy, о существованіи которыхъ тогда въ довольно значительномъ числѣ говоритъ Никитскій [1]).

Обращаясь, наконецъ, къ управленію этими городами и къ служилымъ людямъ высшаго сословія, въ нихъ жившимъ, мы видимъ прежде всего, что въ каждомъ изъ нихъ предполагался намѣстникъ; онъ всюду даже оказывается налицо, кромѣ пригородовъ совершенно раззоренныхъ; рядомъ съ намѣстниками встрѣчаемъ городовыхъ приказчиковъ и осадныхъ головъ; только въ Себежѣ не было намѣстника, а былъ воевода; стрѣльцами всюду, а въ Себежѣ и казаками, управляли ихъ собственные головы или сотники [2]). Обо всѣхъ городовыхъ приказчикахъ и осадныхъ головахъ можемъ сказать, что они мѣстные помѣщики; только одинъ разъ упомянутъ въ описаніи Псковскихъ пригородовъ земецъ [3]). Лавками ни-

[1]) *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 204—205.

[2]) Во Гдовѣ были: намѣстникъ (имени его же указано, но есть его дворъ), городовой прикащикъ Алексѣй Лазаревъ и воевода Василій Плещеевъ; въ Изборскѣ намѣстникъ (имени неуказано, есть его дворъ) и городовой прикащикъ Юрій Карповскій; въ Вороночѣ намѣстникъ и осадный голова (по именамъ не названы, упомянуты лишь ихъ дворы) и городовой прикащикъ Угримъ Семеновъ; въ Вельи намѣстникъ Своитинъ Бачинъ; въ Опочкѣ—намѣстникъ Өедоръ Лихаревъ, воевода (имени его не указано, есть лишь его дворъ) и нѣсколько городовыхъ прикащиковъ, которые не выдѣлены, однако, отъ прочихъ дѣтей боярскихъ («внутри города мѣста осадныя дѣтей боярскихъ и городовыхъ прикащиковъ,» читаемъ мы въ ркп. 315—2, л, 841 об.); въ Себежѣ намѣстника не было, а были воевода, Никита Бороздинъ, городовой прикащикъ Иванъ Свербѣевъ и осадный голова Юрій Скобельцынъ; въ Красномъ намѣстникъ и городовой прикащикъ, (упомянуты ихъ дворы, а по именамъ они не названы) и осадный голова Андрей Хвостовъ; въ Кобыльи Выборѣ, Володимерѣ, Вышгородѣ и Дубковѣ указаны мѣста и дворы пустые намѣстничьи; только во Вревѣ о немъ неупомянуто, а вмѣсто того только мѣсто дворовое тіунское. Въ Опочкѣ, среди дѣтей боярскихъ есть нѣсколько Карповскихъ, и даже именно Юрій Карповской (Изборскій городовой прикащикъ) имѣетъ полмѣста; есть и въ другихъ городахъ крестьяне частныхъ лицъ, имѣющихъ именно такія фамиліи, какія у городовыхъ прикащиковъ и осадныхъ головъ.

[3]) О земцахъ въ Псковской области мы имѣемъ свѣдѣній еще меньше чѣмъ о земцахъ въ Новгородской; въ нашемъ документѣ, какъ относящемся уже къ самому концу XVI в. мы, естественно, почти вовсе не встрѣчаемъ упоминаній о земцахъ. *Бѣляевъ*, Разсказы, III, 55—56, считаетъ ихъ постояннымъ войскомъ Пскова, учрежденнымъ вѣроятно въ концѣ XIV или началѣ XV вв.; по его словамъ эти земцы получали за службу отъ Пскова земли,

кто изъ этихъ людей не владѣлъ, оброчными огородами и нивами—очень немногіе; [1]); въ нѣкоторыхъ городахъ они держали своихъ людей, которые жили въ пустыхъ черныхъ дворахъ—но для чего, не знаемъ; крестьяне ихъ, также, какъ мы выше видѣли, встрѣчавшіеся въ нѣкоторыхъ пригородахъ, пахали оброчные огороды и нивы и отчасти торговали, наравнѣ съ прочими черными посадскими людьми. Отмѣтимъ здѣсь же, что въ описаніи всѣхъ этихъ пригородовъ мы встрѣчаемъ только терминъ «сынъ боярскій», «дѣти боярскіе», и никогда «дворянинъ, дворяне», и что въ описаніи ихъ дворовъ всегда говорится «дворъ такого-то», тогда какъ о лицахъ другихъ сословій—«дворъ такой-то» (имя жильца въ именительномъ падежѣ) или и прямо «во дворѣ такой-то». Занимая дворы, не имъ принадлежавшіе, дѣти боярскіе, какъ мы видѣли, платили оброкъ. Кромѣ этихъ людей во многихъ пригородахъ мы видѣли еще земскихъ дьячковъ, таможниковъ, биричей, тюремныхъ сторожей и разъ толмача; всегда встрѣчали «государевы житницы», то съ хлѣбомъ, то пустыя; замѣчательно, что въ описаніи нѣкоторыхъ пригородовъ слово «житница» употреблено какъ совершенно равнозначащее со словомъ «клѣть» — мы уже привели въ выпискѣ мѣсто, гдѣ подъ заголовкомъ «житницы» описаны строенія, причемъ каждое отдѣльно названо «клѣть». Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ устройствѣ и положеніи Псковскихъ пригородовъ нашъ источникъ не представляетъ.

не на правахъ полной собственности, а на правахъ близкихъ къ помѣстнымъ хотя земли эти и назывались отчинами. По нашему мнѣнію, трудно сказать что либо совершенно опредѣленно объ этихъ земцахъ, ибо источники говорятъ о нихъ слишкомъ мало и не достаточно ясно. Новгородскихъ земцевъ Бѣляевъ правильно считаетъ помѣщиками и замѣнившими въ XV—XVI вв. гридьбу болѣе ранняго періода—Разсказы, II, 66—68.

[1]) Въ Островѣ намѣстникъ съ огорода въ 476 кв. с. платитъ 16 д. (ркп. К. 827, л. 570 об.); чаще случаи, что у намѣстниковъ нивы оброчныя.

ГЛАВА IV.

Торгъ и другія оброчныя статьи во Псковѣ.

Переходя къ изученію положенія самаго Пскова, мы должны оговориться, что оно не можетъ быть даже настолько разносторонне, какъ выше предложенное описаніе пригородовъ новгородскихъ и псковскихъ, Торопца или даже какъ разсмотрѣніе данныхъ о посадскомъ населеніи Устюжны,—причина этого отсутствіе для изученія самаго Пскова источника, подобнаго послужившимъ для насъ матеріалами выше: книга самаго Пскова, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, отличается нѣкоторыми особенностями, которыя мы и укажемъ сейчасъ въ ея обозрѣніи.

Описаніе Пскова дошло до насъ въ документѣ [1]) безъ нѣсколькихъ первыхъ листовъ; сохранившаяся часть его начинается съ листа, обозначеннаго цифрою 5, съ полуслова въ описаніи безоброчныхъ церковныхъ нивъ и поженъ; описано всего 38 нивъ, а по итогу, находящемуся на оборотѣ листа 8-го, ихъ было 238; но все-таки не невозможно, что утрачено всего 4 листа, ибо нивы описаны тутъ не всегда каждая отдѣльно, а иногда сразу по нѣскольку. Далѣе идетъ описаніе оброчныхъ нивъ и поженъ, во время описанія никѣмъ на оброкъ невзятыхъ и оброчныхъ, нивъ и поженъ церковныхъ. Съ листа 14-го начинается описаніе оброчныхъ мельницъ, съ наименованіемъ ихъ владѣльцевъ, мельника при каждой,

---

[1]) При изученіи положенія Пскова намъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, пришлось пользоваться сначала подлинною книгою писцовъ Морозова и Дровнина 1585—1588 г., ркп. М. А. М. Ю., 355, половина 1-ая, а затѣмъ офиціальною копіею съ нея, снятою въ XVIII в.—ркп. К. 827; по первой рукописи мы цитуемъ до л. 67, а затѣмъ до конца—по второй, причемъ непосредственное продолженіе описаннаго въ подлинникѣ на л. 67 начинается въ копіи съ л. 43.

указаніемъ числа колесъ и величины оброка; при описаніи одной мельницы Печерскаго монастыря описана находившаяся при ней оброчная монастырская слободка; особенно подробно говорится тутъ объ одной сгорѣвшей мельницѣ, по поводу возстановленія ея и уменьшенія съ нея оброка; всего мельницъ указано 25, и описаніе ихъ оканчивается на 25 листѣ; далѣе перечислены варницы, бани, описаны перевозъ и мостъ, съ которыхъ оброкъ прежде шелъ въ государеву казну, а во время описанія поступалъ псковскому намѣстнику; слѣдующіе листы заняты описаніемъ денежнаго двора (лл. 30, 31), избы таможенной (лл. 31 — 33), дворовъ: соляного (лл. 33—34), гостиннаго пріѣзжихъ гостей московскихъ (34—37) и гостиннаго льняного (37—38). Далѣе идетъ главнѣйшая часть книги—описаніе лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній; оно начинается на оборотѣ л. 38 такъ: «Торгъ большой. Отъ Середняго городу отъ торгу рядъ Сурожскій; идучи въ рядъ по правой сторонѣ лавка» и т. д.; описаніе идетъ по рядамъ, причемъ въ перемежку перечисляются лавки, амбары, рѣже чуланы, навѣсы, скамьи, съ указаніемъ имени владѣльца и величины оброка съ каждой лавки, иногда даже еще съ точнымъ указаніемъ, чѣмъ въ лавкѣ торгуютъ; размѣры лавокъ никогда не указываются—они отмѣчаются иногда лишь при описаніи пустыхъ мѣстъ—но иногда отмѣчается, что лавка о двухъ дверяхъ, или что она на оба лица, или что она подѣлена на части, или, наконецъ, что при ней прилавокъ или пологъ; по рядамъ не подводится итоговъ ни числу лавокъ, ни количеству оброка; такъ, безъ всякихъ крупныхъ особенностей, описаніе идетъ до л. 110; въ числѣ прочихъ тутъ попадаются иногда, обыкновенно нѣсколько сряду, лавки, стоящія на церковной землѣ, и тогла отмѣчается еще кромѣ оброка поземъ въ пользу церкви; на листѣ 110 находится итогъ всѣхъ вышеописанныхъ лавокъ—въ Петровскомъ, Полонищскомъ и Запсковскомъ концахъ въ Большомъ Торгу и въ улицахъ. Но описаніе лавокъ идетъ еще и далѣе—на 110 же л. об., описаны еще 7 лавокъ за р. Великою, далѣе идетъ длинное описаніе пустыхъ лавокъ и мѣстъ лавочныхъ въ отдѣльныхъ рядахъ, и просто, безъ обозначенія, въ ряду какого названія; итоги пустыхъ мѣстъ подведены нѣсколько разъ, для отдѣльныхъ частей города; на л. 128 указаны 3 пустыя мѣста мыловаренъ и сейчасъ же идетъ надпись: «Книги Псковскія рыбнаго и сущевскаго и просольнаго ряду и Псковскаго уѣзда и пригоро(до)въ Псковскихъ, а въ нихъ писаны царя и великаго князя воды, рыбныя ловли и т. д.»; тутъ сначала описаны лавки

рыбнаго ряду, а затѣмъ подробно изложена исторія различнаго обложенія псковскихъ рыболововъ разными писцами, различныхъ условій, поставленныхъ имъ для рыбной ловли, и приведена весьма интересная уставная грамота, заключающая данныя о порядкѣ вступленія постороннихъ людей въ число рядовичей, и наконецъ, указана порука по старостамъ рыболовнаго ряду. На листѣ 139 уже начинается описаніе уѣзда.

Таково содержаніе нашего главнаго источника. Изъ обозрѣнія его видно, что прямыхъ данныхъ о дворахъ и о жителяхъ онъ намъ не представляетъ; свѣдѣнія о населеніи мы почерпаемъ изъ него лишь по стольку, по скольку эти свѣдѣнія выступаютъ въ данныхъ о торговлѣ и о такихъ промыслахъ, какъ земледѣліе и рыболовство. Главная часть нашего документа посвящена даннымъ о торговлѣ и промышленности города, даннымъ, дѣйствительно, особенно подробнымъ; поэтому и въ изложеніи своемъ мы прежде всего разсмотримъ данныя о псковской торговлѣ, а потомъ уже и другія свѣдѣнія, относящіяся къ населенію Пскова, какія можемъ все-таки собрать въ своемъ документѣ.

Мы должны заранѣе сказать, что нами получены итоги, нѣсколько отличающіеся отъ итоговъ самаго документа. Незначительная разница получилась у насъ и въ счетѣ лавокъ и въ счетѣ оброка съ нихъ; въ послѣднемъ разница получилась очень небольшая, не болѣе двухъ процентовъ; что же касается итога торговыхъ заведеній, то несомнѣнно, что составители книги сосчитали въ итогѣ не всѣ лавки и мѣста лавочныя, но съ какимъ-то выборомъ, такъ что сблизить итогъ книги и нашъ можно только принявши во вниманіе нѣкоторыя соображенія. Въ рукописи читается: «и всего въ Петровскомъ, и Полонищскомъ, и Запсковскомъ концѣ въ Большомъ торгу и по улицамъ лавокъ, и амбаровъ, и клѣтей 1,193 да 3 прилавка, да 2 полка, да 4 чулана, да 17 мѣстъ, 8 навѣсовъ и 2 скамьи, да на церковной землѣ 27 л., да 1 чул., да 4 м., оброку 259 р. 2 а. 3 д., да пошлинъ 12 р. 31 а. 5 д., а впервые имъ тотъ оброкъ дати лѣта 7094 года. Да пустыхъ лавокъ и клѣтей въ тѣхъ рядахъ, опричь пустыхъ рядовъ 37 л. съ полулавкою, да 71 м., оброку въ пустѣ 17 р. 9 а. 1 д. За Великою р. у Плавучаго моста, у Изборской улицы на церковной на Пречистенской землѣ, что на Завеличьи, 7 л. торгуютъ въ нихъ хлѣбы, калачи, солью, заспою и всякимъ мелкимъ товаромъ, а позему даютъ къ церкви за (да?) 15 м. пусты, а по старому письму позему давали по 1 р. и по 10 м., а царю и вел. кн. об-

року давали съ тѣхъ лавокъ на годъ по 2 р. и по 8 а. по 5 д., а нынѣ съ нихъ государю оброку не платятъ, а сложенъ съ нихъ тотъ оброкъ по государевѣ грамотѣ за приписью дьяка Меншого Башева въ 86 году» [1]). Между тѣмъ по своему счету мы получили лавокъ, клѣтей и амбаровъ 1.191, чулановъ же, навѣсовъ, скамей—49; чулановъ, навѣсовъ и скамей гораздо больше, чѣмъ всего въ итогѣ книги, мы находимъ въ одномъ мясномъ ряду; очевидно, что только нѣкоторые чуланы, клѣти и т. д. были сосчитаны отдѣльно, а другіе почему-то сосчитаны вмѣстѣ съ лавками; но по тексту раздѣлить тѣ и другіе мы не имѣемъ никакой возможности. Чрезвычайная близость итоговъ суммы оброка по нашему счету и по итогу книги даетъ намъ основаніе думать, что по существу мы не впали тутъ въ какую-либо значительную ошибку. Далѣе, въ книгѣ нѣтъ итога лавокъ поземныхъ, но неплатящихъ оброка и въ итогѣ лавокъ на церковной землѣ перечислены лишь поземныя, платящія оброкъ [2]). Число лавокъ пустыхъ и мѣстъ лавочныхъ у насъ получилось гораздо больше, чѣмъ указано въ итогѣ книги; но тамъ, впрочемъ, прямо сказано, что сосчитаны не всѣ пустыя лавки и мѣста, а лишь находившіяся въ рядахъ, не сплошь пустыхъ, число же пустыхъ лавокъ въ другихъ мѣстахъ не приведено; но мы, конечно, вводимъ въ свое обозрѣніе и тѣ и другія.

Обращаясь теперь къ разбору данныхъ, представляемыхъ нашимъ документомъ, мы прежде всего остановимся на распредѣленіи лавокъ между лицами разныхъ сословій. Владѣльцами лавокъ здѣсь показаны церкви, духовенство и принадлежащіе имъ люди, люди ратные, люди живущіе у другихъ, и наконецъ всего чаще люди, безъ всякаго опредѣленія ихъ положенія. Не можетъ быть сомнѣнія, что это именно черные тяглые люди: они чаще всего въ описаніи лавокъ являются безъ всякихъ сословныхъ опредѣленій и изъ нихъ, кромѣ того, состояло большинство населенія въ городахъ сѣверной части Московскаго государства. Всего владѣльцами лавокъ показано 773 черныхъ тяглыхъ человѣка (въ томъ числѣ вдовъ 135; 8 черныхъ людей и 11 вдовъ

[1]) Ркп. К. 827, л. 110.

[2]) По итогу на л. 100 ркп. К. 827 «на церковной землѣ 27 л., да чуланъ, да 4 мѣста», а на листѣ 123, въ описаніи пустыхъ лавокъ, читаемъ: «у Воскресенья, позади алтаря, мѣста церковныя: л. Васюка Алексѣева.. (и т. д., всего 9 лавокъ) ...оброку давали къ церкви по 1 а. съ лавки»—эти мѣста, очевидно не приняты во вниманіе при счетѣ пустыхъ мѣстъ на церковной землѣ, гдѣ всего естественнѣе было бы сосчитать ихъ.

жили у другихъ), 42 ратныхъ человѣка, 97 чел. духовныхъ, кромѣ того 1 монастырскій слуга и 2 монастырскіе мельника, 28 церквей. Такимъ образомъ, огромное численное преобладаніе между владѣльцами лавокъ за черными людьми: они составляли 81,8% всего числа владѣльцевъ разныхъ торговыхъ заведеній; ратные составляли 4,5%, духовные—10,6%, церкви 3%. Лавки и др. торговыя заведенія распредѣлены были между лицами разныхъ сословій такъ [1]):

		Всего числа торговыхъ заведеній.
чернымъ тяглымъ принадлежало ..	1010,	т. е. 80,1% [2]).
ратнымъ	48,	т. е. 3,8%
духовенству	123,	т. е. 9,6%
церквамъ	81,	т. е. 6,5%.

Такимъ образомъ, видимъ, что распредѣленіе лавокъ очень равномѣрно: представителямъ каждаго сословія изъ общаго числа торговыхъ заведеній принадлежалъ почти совершенно такой %, какой % всѣхъ владѣльцевъ лавокъ составляли люди этого класса: нѣтъ такого сословія, которое при сравнительно небольшомъ числѣ представителей, сосредоточивало бы въ своихъ рукахъ значительную массу торговыхъ заведеній; сколько нибудь замѣтное отклоненіе представляютъ лишь церкви; но число принадлежащихъ имъ лавокъ сравнительно очень невелико.

Разсматривая данныя объ оброкѣ, находимъ, что:

		Всей суммы собиравшагося оброка.
черные люди платили	205 р.,	т. е. 81,6%
ратные люди	9 »	т. е. 3,6%
духовные	24 »	т. е. 9,6%
церкви	13 »	т. е. 5,2%

Съ каждаго торговаго заведенія среднимъ счетомъ платили:

черные люди	40,5 д.,
ратные люди	38 »
духовные	40 »
церкви	35 »

[1]) Для простоты счета половины и трети лавокъ, получавшіяся въ итогѣ лавокъ того или другаго сословія, сосчитаны за цѣлыя.

[2]) Изъ этого числа черные люди мужчины владѣли 874 л., т. е. 86,5% всего принадлежавшаго чернымъ людямъ числа лавокъ, а вдовы—136,—или 13,4%; по числу же владѣльцевъ лавокъ черные люди мужчины составляли 82,5%, а вдовы—17,5%.

*

На каждаго владѣльца приходилось:

на чернаго человѣка	1,3 лав. [1])	и оброку	53 д.
на ратнаго	1,14 »	»	43 »
на духовнаго.....................	1,21 »	»	48 »
на церковь	3,11 »	»	93 »

Такимъ образомъ мы видимъ для разныхъ сословій почти полную равномѣрность въ распредѣленіи какъ самыхъ лавокъ, такъ и оброка съ нихъ; въ наиболѣе льготныхъ условіяхъ лавки церковныя, да и съ тѣхъ въ среднемъ платилось всего на 12°/о менѣе, чѣмъ съ лавокъ черныхъ людей. Отсюда выходитъ, что всѣ торговавшіе люди поставлены были относительно своего торга въ условія очень близкія. Рѣшить другой вопросъ, ближайшимъ же образомъ относящійся сюда, именно, опредѣлить, какой процентъ изъ общаго числа представителей каждаго сословія принималъ участіе въ торговлѣ, мы не можемъ, ибо не имѣемъ свѣдѣній о числѣ всего населенія Пскова.—По величинѣ платимаго оброка посадскіе тяглые люди распредѣляются такъ—другихъ сословій не касаемся, потому что представителей ихъ, сравнительно, слишкомъ мало, чтобъ такой разсчетъ имѣлъ значеніе: всего болѣе—62 чел.—такихъ, которые платили по 20 д., далѣе 56 чел. платили по 24 деньги, 46—платили по 40 д., затѣмъ 35—по 18 д. и 31—по 30 д.; разсматривая по болѣе крупнымъ отдѣламъ, найдемъ, что отъ 1 а. (собственно говоря отъ 5 д., ниже платы нѣтъ) до 5 алт. платили 326 чел., отъ 5 а. до 10—245, отъ отъ 10 до 15—93, отъ 15 до 20—52, отъ 20 до 25—20, отъ 25 а. до 1 р.—5 чел., свыше рубля—24 чел.; изъ этихъ 24 человѣкъ свыше $1^1/_2$ р. платили всего 10 чел., и только 2 свыше 2 р.—именно 424 д. и 588 д; 588—это есть наивысшая плата, вносимая отдѣльнымъ лицомъ; еще только одна церковь платила 585 д. и одно духовное лицо 531 д.

По рядамъ лавки распредѣляются слѣд. образомъ:

въ ряду хлѣбномъ («торгуютъ рожью, и пшеницею, и овсомъ, и горохомъ, и всякимъ хлѣбомъ», въ двухъ мѣстахъ) 190 лавокъ, оброку съ лавки въ среднемъ......................... 24 д.

(въ одномъ мѣстѣ — въ среднемъ 27, въ другомъ—17),

въ ряду въ серебряномъ и женскомъ—140 л., оброку въ среднемъ...22 д.,

въ ряду щепетинномъ .... $125^1/_2$, оброку по 26 д.

[1]) На мужчину приходилось—1,37, на вдову—1.

въ ряду иконномъ (торгуютъ воскомъ и медомъ)	107½,	»	»	29 »
» мясномъ	91,	»	»	60 »
» сапожномъ	69½,	»	»	67 »
» рукавичномъ, плетномъ и колпачномъ	69 л.,	»	»	45 »
» Тверскомъ и кузнечномъ (торгуютъ желѣзомъ, замками и всякимъ желѣзнымъ товаромъ)	67 л.,	»	»	36 »
» соляномъ	65 л.,	»	»	24 »
» сурожскомъ (съ котораго начинается описаніе торга)	60 л.,	»	»	100 »
» ветошномъ	57 л.,	»	»	41 »
» котельномъ, саадачномъ, сѣдельномъ, москотинномъ, овчинномъ, мыльномъ, креневомъ (sic) и ветошномъ	53½ л.,	»	»	63 »
» суконномъ, однорядочномъ, котманномъ, бобровномъ, скорнячномъ, шубномъ и сермяжномъ.	52 л.,	»	»	90 »
» колпачномъ, шапошномъ и шляпномъ	32 л.,	»	»	29 »
» грешневомъ	15 л.,	»	»	22 »
» ведерномъ	10 л.,	»	»	30 »
» рыбномъ	30 л., (оброкъ съ него отдѣльно не указанъ, а указанъ оброкъ сразу со всей рыболовной слободы),			
въ двухъ рядахъ на церковной землѣ	28 л.,	»	»	12 »

(въ первомъ средняя величина оброку 33 д., и съ каждой лавки по 12 д. позему,

во второмъ—позему отъ 6 до 10 д., а объ оброкѣ ничего не сказано).

Разсматривая лавки по величинѣ оброка съ нихъ, видимъ, что значительно больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ рядахъ платилось съ лавокъ сурожскаго и суконнаго рядовъ (по 100 и 90 д.); далѣе идетъ группа лавокъ, съ которыхъ платилось отъ 60 до 67 д.,—именно ряды сапожный, котельный и мясной; далѣе, лавки платившія около 40 д.,—именно рядовъ руковичнаго и ветошнаго; 36 и 30 д. платилось съ лавокъ въ рядахъ желѣзномъ и ведерномъ и наконецъ, отъ 22 до 29 д. съ лавокъ во всѣхъ рядахъ со съѣст-

Отдѣльно отъ остальнoго торга, на берегу, подъ городовою стѣною, помѣщался рыбный рядъ. Въ изучаемое нами время въ немъ было всего 34 л., 5 кл., 34 полка и 61 м. лав.,—остальное завалено было стѣною въ большой псковской пожаръ: прежде же было тутъ до 95 клѣтей и 90 полковъ; рядъ запустѣлъ, слѣдовательно, послѣ прихода литовскаго короля. Въ 1585—1588 гг. онъ былъ отданъ на оброкъ рядовичамъ, со старостами во главѣ, за оброкъ въ 34 р. ежегодно (да пошлинъ съ того оброка шло 1 р. 32 а. 2 д., съ рубля по 10 д.); оброкъ этотъ впервые должно было заплатить къ Рождеству 1587 г. За этотъ оброкъ рядовичи получали исключительное право рыбной ловли въ опредѣленномъ участкѣ по Великой рѣкѣ и въ Псковскомъ и Чудскомъ озерѣ, съ правомъ приставать къ берегу и сушить невода, не смотря на то, чья бы это земля ни была, съ обязательствомъ только не мять травы и не травить хлѣба; всякій же посторонній человѣкъ, чтобы получить право рыбной ловли въ томъ же участкѣ, долженъ былъ вложиться въ рядъ, за что платилъ вкладу 40 а., и записаться у дьяковъ, за что платилъ 4 д. дьяку и 2 д. подъячимъ; если же кто-нибудь сталъ бы ловить рыбу въ участкѣ этого ряда, не вложившись, то дьяки, по требованію старостъ, должны были дать на того человѣка пристава, чтобы взыскать съ него 2 рубля заповѣду въ пользу государя и 40 а. въ пользу рядовичей; впрочемъ, всѣ люди имѣли право торговать рыбой, лишь бы она не была поймана въ участкѣ, отданномъ рядовичамъ; да и сами рядовичи могли торговать рыбой лишь собственной ловли, и не могли скупать ее у стороннихъ людей. Лавки рыбнаго ряда платили оброкъ очень высокій: среднимъ счетомъ съ лавокъ, клѣтей и полковъ приходилось по 93 д., но, по сравненію съ данными о другихъ рядахъ, несомнѣнно, что полки должны были платить значительно менѣе, такъ что оброкъ съ лавокъ представляется еще болѣе значительнымъ; такое высокое обложеніе даетъ поводъ думать, что рыболовы этого ряда вели торгъ не только во Псковѣ, но снабжали рыбой и другія мѣстности. Поручителями по старостахъ въ исполненіи всѣхъ условій записаны поименно нѣсколько человѣкъ, не-

---

Ркп. 355—1, лл. 33—34. Отсюда мы видимъ, что деньги собирались тутъ по такимъ различнымъ статьямъ и такъ неравномѣрно, что по суммѣ сборовъ ничего сказать о размѣрахъ торговли мы не можемъ; мы думаемъ даже, что тутъ есть описка, именно, что за подымное взималось по $2^1/_2$ м. не съ пуда, а съ ласта, или, вѣроятнѣе, съ мѣха (10 п.), ибо иначе это выходилъ уже слишкомъ большой накладной расходъ.

имѣвшихъ лавокъ въ этомъ ряду, и затѣмъ прибавлено «и всѣ рядовичи псковскаго сущовнаго и рыбнаго и просольнаго ряду» [1]).

Послѣ войны и осады Псковъ является намъ, конечно, нѣсколько пострадавшимъ, но далеко не такъ сильно, какъ его пригороды: въ разныхъ мѣстахъ мы находимъ до пятисотъ слишкомъ [2]) пустыхъ лавокъ, клѣтей и мѣстъ лавочныхъ; впрочемъ, едва-ли будетъ правильно все это количество опустѣвшихъ лавокъ относить къ слѣдствіямъ войны, а тѣмъ болѣе предполагать, что всѣ ихъ владѣльцы погибли или ушли отъ войны: пустыя мѣста мы встрѣчали всюду, и тутъ есть до пятидесяти пустыхъ лавокъ и мѣстъ у такихъ лицъ, которыя имѣли тутъ же и непустыя лавки, хотя, въ большинствѣ случаевъ, несомнѣнно, что владѣльцевъ пустыхъ лавокъ во время составленія описанія налицо не было. Общая средняя величина оброка, собиравшагося прежде съ лавокъ, потомъ запустѣвшихъ, не достигаетъ и 30 д.; рѣдко пусты нѣсколько лавокъ одного и того же лица; изъ этого видимъ, что болѣе пострадали люди сравнительно бѣдные, богатые же— или менѣе пострадали, или скорѣе нoправились; но вообще, повторяемъ, Псковъ самъ чрезвычайно быстро оправился отъ послѣдствій осады.

Вотъ, собственно говоря, и всѣ данныя о Псковскомъ торгѣ, какія можно извлечь изъ нашего документа; приходится, съ сожалѣніемъ, сказать, что количество результатовъ далеко не соотвѣтствуетъ тутъ количеству труда и времени, потребовавшихся для разсмотрѣнія и разбора данныхъ болѣе чѣмъ о тысячѣ людей, имѣвшихъ до 2,000 лавокъ и мѣстъ лавочныхъ; эти именно данныя, составляя главное содержаніе документа, дали намъ, все-таки, возможность изложить все, касающееся торга, довольно подробно и полно; но мы совершенно лишены возможности дать сколько-нибудь полную картину внутренняго положенія Пскова и должны будемъ, вслѣдствіе особенностей нашего источника, остановиться только на отдѣльныхъ вопросахъ; мы придемъ при этомъ къ нѣкоторымъ нелишеннымъ, кажется, важности, выводамъ, но все-таки очень жаль, что именно о наибольшемъ центрѣ изучаемой теперь области мы

[1]) Всѣ эти данныя находимъ на лл. 130—139 ркп. К. 827; подобныхъ грамотъ доселѣ не было еще, кажется, извѣстно, и потому всѣ эти свѣдѣнія о порядкѣ вступленія въ рядъ, о правахъ и обязанностяхъ рядовичей, представляются особенно интересными.

[2]) Точно сосчитать невозможно, благодаря нѣкоторымъ неясностямъ въ отдѣльныхъ случаяхъ.

имѣемъ самыя неполныя свѣдѣнія. Къ разбору данныхъ по отдѣльнымъ вопросамъ мы теперь и обращаемся.

Въ нашемъ документѣ находятся интересныя свѣдѣнія о дворахъ денежныхъ и таможенныхъ и о мостахъ и перевозахъ во Псковѣ. Денежный дворъ, длиною въ 24 и шириною въ 23 саж., помѣщался «въ большомъ городѣ, надъ рвомъ, промежъ Трупеховскихъ и Петровскихъ воротъ» и былъ обнесенъ тыномъ; на немъ была изба съ комнатою и сѣнями; въ избѣ мастера дѣлали деньги, а въ комнатѣ сидѣли приказчики; во главѣ ихъ названъ одинъ изъ богатѣйшихъ псковскихъ торговцевъ [1]); на дворѣ были еще два сарая и амбаръ, изъ которыхъ въ одномъ лили, въ другомъ тянули серебро, въ третьемъ дѣлали «гнѣзда» для отливанія денегъ; на дворѣ же указана изба мастерская, хотя 4 мастера денежные, поименно названные въ описаніи, жили въ разныхъ улицахъ и даже въ засадѣ; на дворѣ же были два дворника, получавшіе отъ старостъ по рублю каждый ежегодно [2]).

На таможенномъ дворѣ, который помѣщался «надо рвомъ же», въ избѣ, указаны «25 коробей съ государевыми таможенными книгами, да ларчикъ окованъ съ книгами же, да сундукъ большой, окованъ, гдѣ кладутъ государеву казну, а у него два замка висучихъ», 9 стекольчатыхъ окончинъ, «шанданъ мѣдный двусвѣчный», и множество гирь («развѣсовъ») при черезяхъ въ важнѣ и на нѣмецкомъ дворѣ; всего тутъ разныхъ гирь — мѣдныхъ, желѣзныхъ и каменныхъ съ желѣзными кольцами—на 79 п. 34 гривенки московскихъ; кромѣ того, при важнѣ же были еще «два контаря вѣсчихъ большихъ, чѣмъ соль вѣсятъ, да контарь меньшій» и слѣдующія хлѣбныя мѣры: «мѣра хлѣбная, мѣдная, осмина, вѣсомъ 33 гривенки 2 безмѣна, 51 кадь мѣръ полуосминныхъ да 13 кадей мѣръ осминъ, да печать желѣзная, чѣмъ мѣры печатаютъ». Кто такіе таможники, и на какихъ основаніяхъ — не сказано; замѣчено зато, что сторожей къ таможенной избѣ даютъ и деньги имъ платятъ сами псковичи [3])

Въ завѣдываніи самихъ псковичей были во время описанія два моста и перевозъ подъ Псковомъ. Въ одномъ перевозѣ—въ самомъ

---

[1]) «Михаилъ Ивановъ с. Дѣтковъ съ товарищи»; этотъ именно М. И. Дѣтковъ платилъ со своихъ 10 лавокъ, амбаровъ и клѣтей 588 д. оброку.

[2]) Описаніе денежнаго двора—ркп. 355—1, лл. 30—31.

[3]) Описаніе таможеннаго двора—ркп. 355 — 1, лл. 31 — 35; «а сторожей въ таможенную избу даютъ съ посаду и наемъ имъ даютъ съ посаду же посадскіе люди»—л. 31.

Псковѣ, черезъ р. Великую—царю великому князю принадлежала половина, прежде отдававшаяся на откупъ одному человѣку, а другая половина была отдана зелейной варницѣ, оброку съ обѣихъ половинъ было 4 руб. 26 а. 4 д. (о пошлинѣ съ оброку тутъ не упомянуто),—«а нынѣ тотъ перевозъ отдаютъ въ откупъ псковскіе дьяки», сказано въ книгѣ—кому, на какихъ условіяхъ—ничего не указано [1]). Два моста, одинъ, плавучій, тоже въ самомъ Псковѣ черезъ р. Великую, другой—черезъ р. Череху, въ пяти верстахъ отъ города, прежде были на откупу за нѣсколькими псковичами, платившими по 60 руб. въ годъ; но во время составленія нашей книги на Черехѣ моста не было, а перевозили на плоту и перевозъ этотъ отдавали на откупъ тѣ же псковскіе дьяки; о мостѣ же черезъ р. Великую сказано, что его «дѣлаютъ всѣ псковичи черные люди и поддьяконы всѣхъ псковскихъ церквей, а оброку съ него не платятъ»; въ этомъ замѣчаніи интересно то, что изъ него ясно выступаетъ бо́льшая близость низшихъ церковнослужителей къ черному тяглому населенію, чѣмъ къ духовенству, что замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ изучаемыхъ нами писцовыхъ книгахъ. Весьма оригиналенъ также прежній способъ собиранія мостовщины: «а мостовщину—читаемъ мы въ книгѣ,—собирали съ псковскихъ пригородовъ съ Опочки, съ Велья, съ Краснаго, съ Острова, съ Врева, съ Володимерца, съ Вороноча, съ Дубкова, съ Выборца, съ Изборска, съ Вышегорода, да съ засадъ съ Завелицкіе, съ Прудскіе, съ Рожницкіе, съ Демяницкіе, съ государевыхъ съ черныхъ деревень и съ владычнихъ, и съ помѣщиковыхъ, и съ монастырскихъ, и съ помѣщиковыхъ (?) и изъ (sic) нѣмецкихъ (земецкихъ?), и съ поповъ, и съ дьяконовъ, и съ пищальниковъ, и съ воротниковъ, и со всѣхъ безъ омѣны съ женатаго человѣка по 2 деньги» [2]); такое основаніе разложенія какого бы то̀ ни было оброка мы встрѣчаемъ въ первый разъ. Къ сожалѣнію, неясно, эти 2 деньги собирались ли за каждый проѣздъ—а возможно, что въ годъ черезъ мостъ переѣзжало и переходило 6,000 чел., сборъ съ которыхъ и даетъ 60 р. [3]), или это

---

[1]) Ркп. 355—1, лл. 28—29.

[2]) Тамъ-же, л. 29.

[3]) Такой размѣръ сбора,—тѣмъ болѣе въ среднемъ съ пѣшаго и коннаго,—представляется вполнѣ возможнымъ: въ одной грамотѣ 1596 г., въ Устюжну Желѣзопольскую, читаемъ, что по слухамъ о значительныхъ злоупотребленіяхъ на перевозахъ, доходившихъ до того, что съ пѣшихъ брали болѣе 2 гр., а съ конныхъ—до рубля, государь приказалъ всѣ перевозы, мо-

былъ единовременный сборъ съ женатыхъ, слѣд., съ семей, причемъ нужно будетъ принять, что въ перечисленныхъ округахъ было около 6,000 семей, что тоже возможно; не видно также, почему въ перечисленіи пригородовъ пропущены Гдовъ, Кобылье и Себежъ, тѣмъ болѣе, что Гдовъ и Себежъ лежали по разнымъ берегамъ р. Великой и, слѣд., съ пригородовъ какого бы берега ни собирались эти деньги, одинъ изъ нихъ долженъ былъ бы платить.

Относительно управленія городомъ нашъ документъ не представляетъ никакихъ цѣнныхъ данныхъ; лишь мимоходомъ упоминается намѣстникъ кн. И. П. Шуйскій [1]); затѣмъ, въ числѣ владѣльцевъ лавочныхъ мѣстъ упомянуты «городничіе» — Лазаревы, четыре брата [2]); но о дворахъ другихъ начальствующихъ лицъ не имѣемъ никакихъ упоминаній; о существованіи государева двора узнаемъ лишь по упоминанію въ числѣ владѣльцевъ лавокъ священника и дьячка отъ церкви на государевѣ дворѣ [3]). Изъ духовенства около четверти чернаго, считая за представителей его старцевъ и старицъ разныхъ монастырей; упомянуто три вдовыхъ священника и одинъ вдовый дьяконъ, но не видно, служатъ они или нѣтъ; ремесленниковъ среди духовенства не встрѣчаемъ, кромѣ двухъ поповъ иконниковъ. Среди владѣльцевъ лавокъ находимъ тутъ двухъ подьячихъ, таможеннаго дьячка, двухъ сторожей дьячьей избы, кремскаго сторожа, толмача, дьячка кн. Володимера (sic), земца, трехъ ямщиковъ, изъ которыхъ одинъ жилъ въ засадѣ, всего одного торговаго человѣка; только въ числѣ владѣльцевъ лавокъ пустыхъ и мѣстъ упомянутъ сотскій. Тутъ интересно то, что въ такомъ большомъ городѣ, какъ Псковъ, торгуютъ люди, которыхъ торгующими мы не видимъ ни въ какомъ другомъ городѣ—именно дворяне или дѣти боярскіе, городовые приказчики. Людей изъ другихъ городовъ во Псковѣ между владѣльцами лавокъ находимъ очень немного—всего 12 чел., изъ которыхъ двое, какъ мы уже выше отмѣчали и жили въ пригородахъ (Островѣ и Изборскѣ), а

сты, суда и плоты отписать на него и сбирать цѣловальникамъ по полуденьгѣ съ прохожихъ и по деньгѣ съ проѣзжихъ. А. А. Э., I, № 367.

[1]) Ркп. 355—1, лл. 33—34.

[2]) «М. л. городничихъ Юрьевское Булгакова Лазарева да братьи его Іоны, да Рубца, да Васкинское», оброку было 120 д.,—ркп. К. 827, л. 116 об.

[3]) Въ описаніи иконнаго ряда читаемъ: «клѣть попа Климентья съ государева двора»; «амбаръ съ перерубомъ, одна половина старца Мартирья, а другая половина на Леонтьевскомъ (?) дьячка съ государева двора Петрушки Микитина»—ркп. К. 827 лл. 90, 95.

во Псковѣ имѣли лишь лавки, еще одинъ человѣкъ названъ «живущимъ на Москвѣ»; всего тутъ: одинъ «Московскій веденецъ», одинъ «Московскій жилецъ», одинъ «живетъ на Москвѣ»; одинъ юрьевецъ и одинъ юрьевскій жилецъ, трое изъ Вороноча (одинъ пушкарь), пушкарь изъ Изборска, пушкарь изъ Пусторжевы и двое изъ Острова (одинъ пушкарь). Крестьянъ тутъ всего 13 чел. (4 монастырскихъ, 7 дворцовыхъ, 1—крестьянинъ частнаго лица и 1 живетъ за кн. Шуйскимъ), и всѣ они показаны живущими не въ самомъ Псковѣ, а въ разныхъ засадахъ и губахъ; но и кромѣ названныхъ крестьянами еще 36 чел. показаны также живущими въ уѣздѣ.

Многіе изъ упомянутыхъ въ нашей книгѣ людей названы ремесленниками; но несомнѣнно, что перечислены тутъ не всѣ ремесленники Пскова, ибо книга говоритъ почти исключительно о торговавшихъ людяхъ; поэтому количественное отношеніе числа ремесленниковъ къ числу всѣхъ жителей Пскова не можетъ быть опредѣлено; но намъ интересенъ даже списокъ ремеслъ, здѣсь существовавшихъ, ибо и онъ довольно ясно опредѣляетъ степень культурности населенія этой области; а смотря такъ на списокъ ремеслъ, мы сосчитаемъ вмѣстѣ и ремесленниковъ, въ моментъ составленія описи уже налицо ненаходившихся. Всего тутъ находимъ до 68 названій разныхъ ремеслъ; къ первой группѣ относится 14 названій, ко второй—19, къ третьей—16 и къ четвертой опять 19. Нѣтъ сомнѣнія, что мы нашли бы о ремесленной дѣятельности очень много интереснаго и характернаго, если бы имѣли полную книгу г. Пскова; изъ данныхъ нашего описанія торга можемъ указать такихъ ремесленниковъ, какъ шелковниковъ, суконниковъ, бобровниковъ, серебряниковъ, мѣдниковъ, оловяничниковъ, замочниковъ, свѣчниковъ, мыльниковъ, стригольниковъ, коновала, овчиннаго стригаля; остальныя ремесла такія же, какія видимъ и во всѣхъ другихъ городахъ [1]). Ремеслами занимались,

---

[1]) Вотъ полный списокъ всѣхъ упомянутыхъ въ описаніи Псковскаго торга ремесленниковъ, какъ жившихъ еще въ моментъ описи, такъ и не жившихъ уже; названія тѣхъ ремеслъ, которыя въ моментъ составленія описи не имѣли уже своихъ представителей въ числѣ владѣльцевъ лавокъ, заключены въ скобки.

рыбниковъ	13	колачниковъ	5	кисельниковъ	2
солодовниковъ	12	пирожниковъ	5	яблочниковъ	2
луковниковъ	9	масленииковъ	4	рыбныхъ прасоловъ	1
мясниковъ	7	хлѣбниковъ	3	хмѣлевиковъ	1

повидимому, преимущественно черные тяглые люди: среди ратныхъ ремесленниковъ очень немного; женщины ни разу въ числѣ ремесленниковъ не названы. Изъ книги ясно, что торговали не только вдовы, но и дѣвицы, даже, кажется, жены при живыхъ мужьяхъ [1]); кромѣ женщинъ, такъ прямо и названныхъ старицами, и кромѣ указанныхъ уже нами выше жившихъ у другихъ людей, преимущественно у духовныхъ, еще 19 вдовъ показаны живущими въ монастыряхъ; наконецъ, есть еще много вдовъ, жившихъ у церквей,— но такъ какъ такое указаніе могло имѣть чисто топографическое значеніе, то мы и довольствуемся только упоминаніемъ объ этомъ.

Земледѣліемъ жители Пскова занимались сравнительно немного; правда, начало книги, гдѣ говорилось именно о нивахъ, утрачено; но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ итоги нивъ церковныхъ—оброчныхъ и безоброчныхъ, и нивъ оброчныхъ черныхъ тяглыхъ людей.

Описано въ нашей книгѣ безоброчныхъ церковныхъ нивъ всего 31, изъ нихъ: 24 въ три поля, 5—въ два, 1—въ одно: объ

гречишниковъ....... 1
(солениковъ)........ 1
суконниковъ........ 5
кожевенниковъ...... 5
сапожниковъ........ 5
рукавичниковъ...... 5
ветошниковъ........ 4
овчинниковъ........ 3
красильниковъ...... 2
шапошниковъ........ 3
шелковниковъ....... 2
скорняковъ......... 2
портн. мастеровъ.... 2
манатейниковъ...... 2
колпачниковъ....... 2
бобровниковъ....... 1
шубниковъ.......... 1
кафтанниковъ....... 1
строчниковъ........ 1
(холщевниковъ)..... 1
(шляпниковъ)....... 1
каменьщиковъ...... 8
иконниковъ......... 6
свѣчниковъ......... 5
огородниковъ....... 5
мѣдниковъ.......... 4
серебряниковъ...... 2
замочниковъ........ 2
плотниковъ......... 2
судоплатовъ........ 2
мыльниковъ........ 1
кузнецовъ.......... 1
гвоздочниковъ...... 1
горшечниковъ....... 1
сѣдельниковъ....... 1
оловянишниковъ..... 1
лодейщиковъ........ 1
нивниковъ.......... 7
щепетинниковъ..... 4
вершаниковъ........ 4
молодожниковъ...... 3
зелейщиковъ........ 3
трушниковъ........ 3
льняниковъ......... 2
промежниковъ (sic).. 1
(мечниковъ)......... 1
поденьщиковъ....... 1
извощиковъ......... 1
дееничниковъ (sic)... 1
москотинниковъ..... 1
стригольниковъ..... 1
(коноваловъ)........ 1
(конск. барышниковъ) 1
(барышниковъ)...... 1
(животин. прасоловъ). 1
овчинныхъ стригалей. 1

[1]) Такъ, напр., читаемъ: «л. Татьяны да Ѳевроньи да Дарьи Афанасьевыхъ дочерей Ракитина, живутъ у Пречистенскаго попа съ Завеличья у Антипья, въ монастырѣ у Новаго Вознесенья»—обр. 120 д.; «л. Лукерьицы да Афимьицы Онуфріевыхъ дочерей шелковника, отдаютъ въ наймы, найму емлютъ 20 алт., а оброку даютъ полтину»; «л. Палашки Ивановой дочери Лыткина»; «л. Аринки Истомины жены»; «л. дѣвки Палашки, Никоновы дочери живетъ въ Петровскомъ Концѣ въ Михайловѣ монастырѣ»; «л. съ прилавки дѣвки Парасковьицы Ѳедоровы дочери Батурины, живетъ въ Полонищѣ, на Романихѣ у пречистенскаго пономаря»,—ркп. 355—1, лл. 41, 41 об., 46, 48, 58.

одной, съ описанія которой начинается документъ, не видно, сколько въ ней полей; всего въ первомъ полѣ 49 четей, во второмъ $49^1/_2$, въ третьемъ—41 [1]); отдѣльно еще описана земля облогомъ [2])—13 четв. въ трехъ поляхъ въ одномъ мѣстѣ и 14 въ трехъ же поляхъ, въ другомъ; земля облогомъ худая, остальная добрая; всѣ эти нивы принадлежали четыремъ церквамъ, изъ которыхъ три кромѣ того имѣли еще лавки, а четвертая лишь лавку пустую. Но по итогу очевидно, что всего въ безоброчномъ владѣніи церквей земли было гораздо меньше—именно въ 238 нивахъ 723 ч. земли доброй, 160 худой и 233 ч. облогомъ, по 374 ч. въ полѣ, а въ дву потому-жъ, какъ читаемъ въ итогѣ, что указываетъ, что, повидимому, рѣшено было установить правильную трехпольную систему; сѣна на 13 пожняхъ 73 копны. Способъ хозяйства на этихъ земляхъ видимъ совершенно такой же, какой видѣли уже въ описаніи псковскихъ пригородовъ: «а пашутъ тѣ нивы и пожни псковичи посадскіе люди и волостные крестьяне, и даютъ въ монастыри и къ церквамъ изъ хлѣба четвертый снопъ» [3]). Оброчныхъ нивъ у церквей весьма мало: всего у четырехъ церквей 4 нивы, въ которыхъ всего приблизительно $4^1/_2$ десятины пашни и 66 копенъ сѣна; оброку съ нихъ съ десятины отъ 3 до 12 моск., всего 33 д. Замѣчательно появленіе тутъ десятины въ качествѣ мѣры пахатной земли. Десятинами же выражена тутъ пашня въ оброчныхъ нивахъ и частныхъ лицъ. Оброчныя пожни и нивы частныхъ лицъ указаны только уже пустыя, никѣмъ на оброкъ невзятыя—всего 14 нивъ, принадлежавшихъ прежде 14-ти же человѣкамъ, земли въ нихъ $12^3/_8$ десятины, сѣна 164 копны [4]), оброку было 26 а. 3 д.; тѣ люди, которые прежде держали на оброкѣ эти нивы, въ изучаемое время уже не встрѣчались намъ въ числѣ владѣльцевъ лавокъ и др. под. заведеній. Это суть единственныя указанія на земледѣльческія занятія жителей Пскова, какія мы находимъ въ

---

[1]) Тутъ мы не принимаемъ въ разсчетъ 13 четвертей той нивы, съ полуслова въ описаніи которой начинается нашъ документъ, ибо нельзя рѣшить, сколько было въ ней полей; въ общій же итогъ обработывавшейся тутъ земли эти 13 четв. введены.

[2]) Вѣроятно, это значитъ то же, что «перелогомъ».

[3]) Ркп. 355—1, л. 9. Эти земли едва-ли можно считать церковными вотчинами, каковыя, по словамъ Бѣляева, были у всѣхъ псковскихъ монастырей и даже церквей—Разсказы изъ русской исторіи, II, 92—93; вотчины, если были, то, значитъ, были сверхъ этихъ земель.

[4]) По нашему счету; книга не даетъ въ итогѣ (ркп., 355—1, л. 10 об.) 157 копенъ.

книгѣ; особенно интересно, что и тутъ трехпольная система далеко еще не окончательно установилась, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ неравномѣрное распредѣленіе земли въ разныхъ поляхъ, такъ и то, что книга въ итогахъ даетъ не прямо число четей «въ полѣ, а въ дву потому-жъ», а сначала цифру четей всей воздѣлываемой земли, и затѣмъ уже—разсчетъ, сколько приходится въ полѣ. Сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли, изучая положеніе другихъ пригородовъ, тутъ земледѣліе значительно менѣе развито; и это совершенно естественно—главную роль тутъ играли торговля и нѣкоторые виды промышленности обработывающей, особенно, мукомольное дѣло.

По нашей книгѣ во Псковѣ было 25 оброчныхъ мельницъ, 2 мѣста мельничныя, данныя на льготу, и 6 мѣстъ мельничныхъ пустыхъ. Оброкъ съ мельницъ—очень крупная статья дохода: 25 мельницъ давали 91 р. 6 а. 5 д., мельницы, находившіяся во время описанія на льготѣ, должны были потомъ давать 4 р. 16 а. 4 д., и съ мельницъ пустыхъ шло прежде 9 р. 5 а. 5 д. Такіе значительные размѣры дохода съ мельницъ, вмѣстѣ съ значительнымъ числомъ ихъ, причемъ многія мельницы не на одно, а на два, на три и даже на четыре колеса, доказываютъ, что размолъ хлѣба составлялъ здѣсь важную и крупную отрасль промышленности и что, безъ сомнѣнія, псковскія мельницы удовлетворяли потребностямъ не только самаго Пскова а довольно обширнаго района [1]). Замѣчательно также, что мельницы почти исключительно принадлежали церквамъ и монастырямъ; изъ отдѣльныхъ лицъ участвовали во владѣніи мельницами лишь 7 чел.—и въ томъ числѣ одинъ протопопъ и одинъ старецъ,—и принадлежало имъ всего 2 мельницы и еще $^{1}/_{2}$ въ третьей и $^{1}/_{4}$ въ четвертой; оброку они платили 17 р. 25 а., причемъ съ одной мельницы, очевидно, очень большой, шло оброку 13 р. (съ другой 2 р., съ половины 1 р. 6 а. 2 д., съ четверти $1^{1}/_{2}$ р., остальныя же $^{3}/_{4}$ этой мельницы, принадлежавшія церкви, были, повидимому, безоброчны [2]). Рас-

[1]) По сказаніямъ иностранцевъ, мельницъ вообще было въ Московскомъ государствѣ мало и большею частью пользовались ручными мельницами—*Ключевскій*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 157; такъ же *Костомаровъ*, Очеркъ торговли Моск. государства въ XVI—XVII вв., 211.

[2]) Ркп. 355—1, лл1. 8—19; тутъ описана мельница Крестецкаго монастыря и Онуфрія Рогаткина, причемъ сказано, что 3 жеребья монастырю а четвертый—Онуфрію; «а оброку платить съ четвертаго жеребья полтора рубля», хотя, дѣйствительно, это могло значить и «съ каждаго четвертаго жеребья»,—но для насъ, въ данномъ случаѣ, это безразлично.

мѣры оброка чрезвычайно разнообразны: высшій оброкъ—17 р., низшій—25 а. 5 д.; наиболѣе значительнымъ владѣльцемъ является Печерскій монастырь—ему принадлежали 4 мельницы, со слободкой въ 10 дв. при одной изъ нихъ, и платилъ онъ оброку $45^{1}/_{2}$ руб. [1]), т. е. немного менѣе половины всего оброка съ мельницъ. 11 мельницъ принадлежали каждая нѣсколькимъ церквамъ и иногда даже вмѣстѣ съ государемъ: относительно такихъ указано, какая часть («который жеребій» или «которая выть») въ нихъ на государя и какая церкви или церквамъ, и замѣчено, что указываемый оброкъ именно съ той части, которая принадлежитъ церквамъ; раздѣленіе частей между отдѣльными церквами иногда указывается подробно; обыкновенно оно бываетъ очень сложно [2]). При одной мельницѣ, какъ уже сказано, была слободка, при другой кузница; при четырехъ мельницахъ указаны небольшіе земельные участки—всего $7^{3}/_{4}$ четвертей середней земли въ полѣ, а въ дву потому-жъ, огородъ въ 513 кв. саженъ и (вѣроятно, сѣнокосный) островокъ въ 1,600 кв. саж. Мельники при дворахъ указаны при 13 мельницахъ; о мельникахъ при другихъ—ничего не сказано; изъ этихъ мельниковъ двое имѣли по лавкѣ.

Кромѣ мельницъ къ промышленнымъ заведеніямъ здѣсь принадлежатъ варницы—пивныя, винныя, вощеныя, сальныя и кожевенныя. Всего ихъ 8, оброку съ нихъ 11 р. 8 а. 2 д.; болѣе

---

[1]) Съ одной 17, съ другой 15, съ третьей 10 и съ четвертой $3^{1}/_{2}$ р.

[2]) Напр.: «Мельница... (тамъ-то)... три выти тое мельницы Богоявленья въ Бродѣхъ, да Богоявленья въ Окстовѣ (это городскія церкви), а четвертая—царя и великаго князя; мельникъ у нея Андрейко Ивановъ, а вымилочными деньгами дѣлятся: къ Богоявленью въ Бродѣхъ четыре жеребья, а въ Окстову пятый жеребей»,—ркп. 355—1, л. 17, об.; или еще: «мельница Кадимовская бережная, четверть въ той мельницѣ Петра и Павла съ Вую, да Бориса и Глѣба, да Богоявленья Господня изъ Середняго города, да Богоявленья изъ Бродовъ, да Варвары Великомученицы, что въ Середнемъ городѣ на Усохѣ, а три четверти тое мельницы царя и великаго князя, на оброкѣ за церковными старосты, а держатъ на церковное строеніе, мельникъ у нея Иванко Ѳедоровъ. И въ той мельницѣ въ вымилкахъ по дѣловой по полюбовной записи Варварѣ Великомученицѣ 7 денъ, Петру и Павлу 7 же денъ, а всѣмъ Богоявленьямъ, въ Окстову да въ Бродѣхъ съ (? по) полчетверта дня, да Петровскимъ всѣмъ попамъ, да Ѳоминскимъ (?—вѣроятно, придѣлъ у ц. Петра и Павла) да Борисоглѣбскому полдесята дни; а вымилочными деньгами дѣлиться: какъ вымелютъ 40 а. и 4 д.—и изъ тѣхъ денегъ Петру и Павлу, да Борису и Глѣбу, въ Середнемъ городѣ 30 а. безъ гривны, и всѣмъ Богоявленьямъ въ Окстову да въ Броды 4 а. 5 д., а Варварѣ Великомученицѣ 9 а. 2 д.» Тамъ же, лл. 16—17.

всѣхъ платилъ тутъ одинъ пономарь—5 р., менѣе всѣхъ–одна вдова (50 д.); три варницы принадлежали тремъ церквамъ, одна монастырю, и по одной—попу, пономарю, черному человѣку и вдовѣ: два раза при описаніи варницъ духовныхъ лицъ указанъ при варницѣ и дворъ, и оба раза оброкъ (5 р. и 1 р.) записанъ «съ двора и съ варницы».

Значительный доходъ доставляли также бани. Ихъ всего тутъ было 24, изъ нихъ одна каменная; при одной еще какая-то варница, при двухъ дворы, съ которыхъ также указанъ оброкъ; всего собиралось съ бань 11 р. 18 а. 3 д.; наименьшій оброкъ, 20 д., шелъ именно съ бани каменной; одна баня, съ варницей, принадлежавшая всѣмъ псковичамъ и платившая больше всѣхъ (2 р.), кромѣ того платила еще поземъ Егорьевской церкви, на землѣ которой стояла [1]). Духовныя лица бань не держали; по банѣ имѣли: пушкарь, казенный плотникъ, крестьянинъ ямской деревни, вдова; 16 человѣкъ черныхъ людей имѣли 15 бань, одну баню «ставили псковичи сами», четыре принадлежали Быковскимъ (двѣ бани), Жирковскимъ, и Учанницкимъ и Житницкимъ сусѣдямъ; въ общемъ оброкъ распредѣленъ довольно равномѣрно, но въ среднемъ черные люди платили нѣсколько меньше, чѣмъ остальные. Кромѣ этихъ бань, было еще три банныхъ мѣста. Мы не сомнѣваемся, что тутъ подъ именемъ бань разумѣлись довольно обширныя заведенія, предназначавшіяся для общественнаго пользованія; на это указываетъ какъ довольно высокій оброкъ съ бань, такъ и существованіе бань, составлявшихъ собственность цѣлыхъ улицъ; бани небольшія, предназначавшіяся для пользованія лишь отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ семействъ, назывались тогда мыльнями—при описаніи отдѣльныхъ дворовъ всегда читаемъ «мыльня», но не баня [2]). Кромѣ мельницъ, варницъ и бань, промышленными же заведеніями нужно считать какія-то «трепальни», которыя въ моментъ описанія были впрочемъ пусты; всего ихъ было пять.

---

[1]) «Баня да варница, стоятъ на Егорьевской землѣ, а ставятъ ту баню псковичи сами, а поземъ даютъ къ Егорью на Взвозъ, а царю и великому князю оброку 2 рубля»—ркп., 355—1, л. 28.

[2]) Всегда «мыльни», а не бани упоминаются въ купчихъ на дворы XVI в., напр. А. Ю., №№ 85, 86, 87, 90, 94, 1568—1583; на дворѣ у кн. Мстиславскаго въ Веневѣ также мыльня, а не баня—Писц. Кн. Моск. Госуд., II, 1539; протопопу въ Новгородѣ, въ городѣ, разрѣшается: «топити на недѣлѣ избу подважды, а мыльню поодинова, а топилъ бы избу и мыльню съ великимъ береженьемъ», Д. А. И. I, № 136, 1591.

Среди лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній выдѣляются лавки поземныя и занимаемыя одними людьми у другихъ изъ найму. Сопоставленіе нѣсколькихъ мѣстъ даетъ основаніе считать, что словами: «позему даетъ» и «найму платитъ» выражаются совершенно одни и тѣ же отношенія, т. е. что этимъ указывается плата отдѣльному юридическому лицу за пользованіе землею, ему принадлежавшею; но первое выраженіе примѣнялось къ церквамъ, а второе—обыкновенно къ частнымъ лицамъ [1]). Разсматривая данныя объ этихъ поземныхъ лавкахъ, мы находимъ подтвержденіе тому, что оброкъ былъ далеко не единственный сборъ, который платили владѣльцы лавокъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній, и что даже онъ составлялъ довольно незначительную часть общей суммы повинностей—заключаемъ такъ изъ того, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ оброкъ значительно ниже позема и наемной платы—такъ что, слѣд., и со значительною приплатой къ оброку было вполнѣ возможно вести торговлю: видимъ поземъ въ пользу церкви въ 120 ден., при оброкѣ государю въ 10 и 20 денегъ и поземъ въ 60 ден. при оброкѣ въ 10 д. [2]). Всего поземныхъ лавокъ и другухъ подобныхъ заведеній упомянуто 38 и 7 мѣстъ такихъ лавокъ; лавокъ, занятыхъ изъ найму—11; относительло первыхъ нѣтъ указаній на оброкъ съ двухъ лавокъ, относительно вторыхъ 7 разъ нѣтъ указаній на величину наемной платы; считая съ одной стороны оброкъ, а съ другой поземъ и наемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда указаны точно тотъ и другой, найдемъ, что лавки, платившія государю оброку всего 4 р. 2 а. 2 д.—найму или позему платили 10 р. 23 а. 4 д., т. е. почти второе болѣе; съ мѣстъ, платившихъ во время описанія 210 д. позему, оброкъ былъ сложенъ, но прежде онъ достигалъ 453 д. Обыкновенно всѣ лавки, о которыхъ сказано, что онѣ стоятъ на церковной землѣ, платили

---

[1]) На лл. 78—79 ркп., К., 827, читаемъ: «Поземныя лавки на церковной землѣ Аксиньи Святой, что въ торгу. Л. Алексѣевскаго дьякона изъ Домантовы стѣны Мирона Ларивонова, живетъ на Запсковьи; позему полполтины, оброку 3 а....;л. церковная Аксиньи Святой, даютъ её той же церкви старосты въ наемъ торговати; найму даютъ къ ц. 20 ал., оброку 10 д.»... далѣе опять—«позему даетъ къ церкви»...; лл. 100—101: «л. Покрова Пречистые съ торгу, а отдаютъ изъ найму церковные старосты, а найму даютъ за поземъ по 10 а. на годъ, а царю и великому князю оброку 10 моск.; л. Покровская же, отдаютъ изъ найму, торгуютъ заспою и солью, найму даютъ за поземъ по 20 а. на годъ, а царю и в. князю оброку 1 гривна».

[2]) Ркп. К. 827, лл. 78 об., 100 об., 101.

*

поземъ или наемъ за поземъ церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ оброкъ государю, — такъ что, значитъ, вообще, земля, находившаяся во владѣнiи церкви, обложена была оброкомъ наряду со всею прочею. Но въ одномъ случаѣ лавки, — именно, стоявшiя за алтаремъ, слѣд., на землѣ, принадлежавшей церкви, — не платили государю оброка, а платили его церкви, не платя вмѣстѣ съ тѣмъ позема [1]).

Повидимому, тутъ повлiяло на такое измѣненiе то обстоятельство, что лавки стояли за самымъ алтаремъ, на томъ мѣстѣ, которое было полною собственностью церкви и не подлежало никакимъ сборамъ на государя, на что указываетъ и Судебникъ, постановляя, что торговымъ людямъ городскимъ на монастырѣхъ [2]) не жити, а жити имъ въ городскихъ дворахъ; а которые торговые люди и учнутъ жити на монастыряхъ и тѣхъ съ монастырей свозити, и намѣстникомъ ихъ судити» [3]),—мы видимъ, такимъ образомъ, что, занимая землю, составлявшую полную собственность церкви, лавки платятъ этой церкви не поземъ, какъ обыкновенно, а оброкъ; но оброкъ же онѣ платили всегда и государю; а отсюда является мысль, что земмя, на которой находились торговыя и другiя промышленныя заведенiя, а равно и пашенная земля, принадлежала не посадской общинѣ, какъ полная ея собственность, а государю, и находилась лишь во владѣнiи общины. Изъ изучаемой теперь книги мы можемъ указать сюда еще слѣдующее: послѣ описанiя поземныхъ лавокъ, читаемъ надпись: «лавки непоземныя, стоятъ на государевой землѣ» [4])—и далѣе идетъ описанiе лавокъ, положительно ничѣмъ и нисколько неотличающихся отъ всѣхъ прежде описанныхъ и безъ заголовка «на государевой землѣ», такъ что противуположенiе относится тутъ не ко всѣмъ предшествовавшимъ лавкамъ, а очевидно только къ непосредственно предшествовавшимъ; затѣмъ лавки пустыя или мѣста отдавали вновь на оброкъ псковскiе дьяки, т. е. чиновники государевы [5]). Мы еще и въ описанiи другихъ городовъ найдемъ подтвержденiе выстав-

---

[1]) Ркп. К. 827, л. 123: «У Воскресенья позади алтаря мѣста церковныя: л. Васюка Алексѣева, л... (и т. д., перечислено 9 лав.)—*оброку* давали *къ церкви* по 1 а. съ лавки».

[2]) Слово «монастырь» тутъ, очевидно, употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ еще употребляется и теперь на сѣверѣ, именно для обозначенiя мѣста, находящагося въ церковной оградѣ.

[3]) А. И., I, № 153, ст. 91.

[4]) Ркп. К. 827, л. 103.

[5]) Напр., ркп. К. 827, лл. 61 об., 65, 70 об., 71 об. и др.

ляемаго теперь положенія, а пока замѣтимъ, что именно такое владѣніе землею у посадской общины представляется наиболѣе естественнымъ, ибо посадскіе люди были по своимъ правамъ и обязанностямъ такіе же черные тяглые, какъ и крестьяне, а крестьяне въ массѣ земли на правахъ полной частной собственности не имѣли, а жили или на владѣльческой, или на государевой землѣ [1]).

Нѣсколько интересныхъ данныхъ находимъ, наконецъ, еще въ описаніи оброчныхъ мельницъ и въ тѣхъ указаніяхъ мѣста жительства каждаго человѣка, какія постоянно стоятъ въ описаніи торга.

Когда говорится объ оброкѣ съ церковныхъ мельницъ или объ отдачѣ ихъ на льготу, то всегда говорится не о священникахъ и не о причтѣ церковномъ, а о церковныхъ старостахъ и иногда о прихожанахъ [2]); изъ одного мѣста прямо видно, что прихожане каждой церкви составляли, дѣйствительно, нѣчто цѣлое, тѣсно между собою связанное уже однимъ тѣмъ, что всѣ новинности церкви, по крайней мѣрѣ по отношенію ея къ свѣтской государственной власти, они отправляли сообща—именно въ одномъ мѣстѣ читаемъ, что прихожане совершенно обѣднѣли и разошлись отъ платежа тяжелаго оброка, наложеннаго на церковное имущество [3]). Если и нельзя абсолютно положиться на это свидѣтельство и счи-

---

[1]) Весьма ясно выражено это въ словахъ одной грамоты, гдѣ говорится: мы, такіе-то; *сступилися* такимъ то «*земли великаго князя, а нашего владѣнья*»—А. Ю., № 23, 1571 г., слова же эти повторены тутъ изъ документовъ 1533 и 1538 гг.

[2]) Напр., лл. 16 об., 18, ркп. 355—1: тамъ же л. 21; «дано на льготу мѣсто мельничное... игумену... съ братьею да Варламскому прикащику церковному Ивану Рѣпѣ, и всѣмъ Варламскимъ прихожанамъ...»; л. 22: «дано на льготу Богоявленскимъ церковнымъ прикащикамъ... (такимъ-то)... и всѣмъ Богоявленскимъ прихожанамъ...».

[3]) Богоявленскіе прихожане били челомъ, что писцы псковскіе Григорій Нагой съ товарищами наложили на одну богоявленскую мельницу 15 р. оброку: «и столько деи съ тое мельницы церковные не бывало, сколько доправилъ, и въ тѣ поры деи было у Богоявленья въ приходѣ 700 дв.. и вотчина деи монастырская была не пуста, а нынче деи у Богоявленья въ приходѣ осталось только 30 дворишекъ, и то молодчіе люди, а иные де разошлися отъ того великаго оброку и платечи государевы подати съ церковные вотчины съ пуста и церковь деи Божія.... опустѣла»; имъ дана льгота на 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ церковные прикащики должны поставить мельницу и потомъ платить оброку по 3 р. въ годъ, «а порука въ томъ оброкѣ по нихъ... (такіе-то, всего 5 человѣкъ)... и всѣ богоявленскіе прихожане»—ркп. 355—1, лл. 22—25.

тать, что именно указанная причина и повела за собою объднѣніе прихода этой церкви, то все-таки это указаніе и отмѣченныя выше данныя объ участіи въ церковномъ хозяйствѣ старостъ и прихожанъ дѣлаютъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ [1]).

На интересные выводы наводитъ также слѣдующій фактъ: въ описаніи сгорѣвшей мельницы приведенъ разсчетъ, что будетъ стоитъ ея возстановленіе и сколько она можетъ выработать; по этому разсчету выходитъ, что стоить мельница должна 292 р., а вымалывать она должна отъ 4 до 6 р. не болѣе, потому что она неудобно расположена, вдали отъ людей; мельница эта дана на 15 л. безоброчно, а потомъ съ нея должно идти оброку 3 р. [2]). Мы невольно подражаемся тутъ тѣмъ низкимъ процентомъ дохода съ промышленнаго предпріятія, какимъ предполагается довольствоваться; извѣстно, что тогда при отдачѣ денегъ въ заемъ обыкновенно брали 20%, что совершенно естественно при тогдашней дороговизнѣ денегъ. Приведенный же нами сейчасъ фактъ разъяснитъ значеніе другого, часто встрѣчающагося также при займѣ условія—что заимодавецъ будетъ за ростъ пахать заложенную ему землю [3]); зная, что тогда брали по 20%, приходилось предполагать или слишкомъ высокую доходность имѣній; или слишкомъ низкую оцѣнку ихъ нри залогѣ; указанный нами сейчасъ фактъ даетъ основаніе думать, что, просто при вѣрномъ обезпеченіи, довольствовались тогда доходомъ даже очень небольшимъ.

---

[1]) *Бѣляевъ*, Разсказы изъ русской исторіи, III, 4, говоритъ: «по историческимъ обстоятельствамъ Пскова церковь св. Троицы носила на себѣ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ новгородская церковь св. Софіи; въ ней главное управленіе было не столько въ вѣдѣніи духовенства, сколько въ рукахъ мірскихъ людей, старостъ, выбираемыхъ городомъ и состоявшихъ въ зависимости отъ народнаго вѣча»; на стр. 94 Бѣляевъ говоритъ, что по своему строю и положенію псковское духовенство отличалось отъ духовенства въ другихъ мѣстностяхъ Россіи; мы скажемъ по этому вопросу подробнѣе въ послѣдней главѣ нашего изслѣдованія.

[2]) Рѣчь идетъ о той же мельницѣ, изъ описанія которой мы только-что привели выписку; на л. 24, ркп. 355—1 читаемъ: «а по смѣтѣ сказали къ той мельницѣ надобѣ деревянного запасу на пруды, и на мельницу, и на избы, и на мосты 600 деревъ, да 4 колеса мокрыя, да 4 сухія, да на 4 жерновы 8 камней мельничныхъ, и всего мельница съ деревяннымъ запасомъ, и съ камнемъ, и съ колесы, и съ желѣзомъ, и съ мастеромъ за дѣло станетъ 292 р., а вымилаютъ, сказали, на той мельницѣ въ годъ денегъ рубли по 4, и по 5, и по 6, а больше того не доходитъ, потому что та мельница отъ людей удалѣла и стала въ пустомъ концѣ».

[3]) Примѣровъ этого множество,—напр. А. Ю. №№ 235, 239, 240, 242, 243, 251, 1524—1588; А. а до ю. б. № 126, V, 1517—1518 и др.

Къ вышеуказаннымъ даннымъ объ участіи въ завѣдываніи церковными имуществами прихожанъ по банямъ, принадлежавшимъ цѣлымъ улицамъ, мы можемъ присоединить еще нѣсколько данныхъ объ устройствѣ чернаго посадскаго населенія. Данныя эти находимъ въ тѣхъ указаніяхъ мѣста жительства, которыя стоятъ обыкновенно при каждомъ имени владѣльца лавокъ; изъ разсмотрѣнія этихъ указаній можно извлечь нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія [1]).

Опредѣленіе мѣста обыкновенно состоитъ изъ двухъ или трехъ указаній; чаще всего встрѣчаемъ указаніе на одну большую часть города и затѣмъ на улицу или «сто», рѣже—такія опредѣленія, какъ на такой-то нивѣ, на взвозѣ, въ пескахъ и т. п.; эти послѣднія, какъ недающія никакихъ указаній на взаимныя отношенія разныхъ частей города и на устройство жителей, мы оставляемъ въ сторонѣ. Большими частями города являются: Петровскій конецъ, Полонище или Полонищскій конецъ, Запсковье и Завеличье; одинъ человѣкъ никогда не указывается въ двухъ изъ этихъ мѣстъ [2]); въ Петровскомъ концѣ помѣщались Застѣнье или Середній городъ: не разъ видимъ, что одинъ и тотъ же, несомнѣнно, человѣкъ, разъ указанъ въ Петровскомъ концѣ, а другой разъ—въ Середнемъ городѣ или Застѣньи [3]),—соединенія же указаній на Середній городъ съ указаніями на Полонище, Запсковье или Завеличье нѣтъ. Послѣ указанія такой большой части города идетъ обыкновенно указаніе улицы, напр. «живетъ въ Петровскомъ концѣ, въ Козьей улицѣ», или «живетъ на Полонищѣ, въ Трупеховкѣ» и т. п.; нѣкоторыя улицы, естественно, пересѣкали разныя части

---

[1]) Въ настоящемъ случаѣ мы желаемъ только разобрать данныя книги г. Пскова, представляющія свѣдѣнія объ его устройствѣ; важность и трудность этого вопроса не даютъ намъ возможности въ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ не одному только Пскову, разобрать его вполнѣ.

[2]) Въ итогѣ бань читаемъ имена именно этихъ только четырехъ концовъ и еще Середній городъ—ркп. 355—1, л. 29.

[3]) Повидимому, Петровскій конецъ это то же, что *Бѣляевъ*, Разсказы, II, 5, называетъ «собственно городомъ»; кромѣ указанныхъ въ нашемъ документѣ частей были еще Дѣтинецъ и Кромъ. *Бѣляевъ* (Разсказы, II, 7) и *Костомаровъ* (Сѣвернорусскія народоправства, II, 14) называютъ концы—Богоявленскій въ Запсковьи, Опоцкій въ Полонищѣ, Торговскій и Боловинскій въ Крому, Городецкій «вѣроятно въ городѣ» и шестой конецъ—Острые Лавицы. Въ нашемъ документѣ имена концовъ другія; быть можетъ, въ разныя времена были разные концы; можетъ быть, одинъ конецъ имѣлъ два названія; рѣшить эти вопросы можно лишь на основаніи спеціальнаго изслѣдованія.

изъ вышеупомянутыхъ, такъ что часто названіе одной и той же улицы встрѣчается въ соединеніи съ двумя и даже тремя вышепоименованными большими частями города. Для большинства улицъ находимъ еще соотвѣтственныя сотни, или, какъ онѣ называются въ нашемъ документѣ, «сто»; такъ, напр., имѣемъ улицу и сто: Петровскія, Смолиговскія, Русловы, Великія (Большая улица и Великоулицкое сто), Житницкія, Бродскія, Никольскія, Якиманскія, Михайловскія, Демидовскія, Сокольи; далѣе—Окстову и Окстовское сто, Раковку и Раковское сто, Званицу и Званицкое сто и т. д.; а на ряду съ этимъ встрѣчаемъ еще выраженія «сусѣди», «живетъ въ... сусѣдяхъ», съ присоединеніемъ опять-таки тѣхъ же именъ собственныхъ, что и для улицъ и сотенъ; встрѣчаемъ Богоявленское сто и Богоявленскихъ сусѣдей, Житницкіе — улицу, сто и сусѣдей, Козьи—улицу и сусѣдей, Жирковскіе—сто и сусѣдей, улицу Ермаковку, Ермаковское сто и Ермаковскихъ сусѣдей и т. д.; при этомъ часто встрѣчаемъ случаи, что одинъ и тотъ же человѣкъ разъ отмѣченъ живущимъ на такой-то улицѣ, а другой разъ—въ соотвѣтственномъ стѣ или сусѣдяхъ. Отсюда естественъ выводъ, что въ это время жители улицъ составляли нѣчто цѣлое, отдѣльную общину, такъ сказать, и носили названіе «сто» или «сусѣди» [1]); въ большинствѣ случаевъ связью служили, повидимому, отношенія къ своей церкви, потому что значительное число улицъ имѣли свои церкви, по которымъ очень часто и назывались и улица и сусѣди; часто также и церковь называлась по улицѣ, такъ напр., мы видѣли мѣстности Броды, Окстову—и есть церкви Богоявленья въ Бродахъ и Богоявленья въ Окстовѣ; выше мы указывали прямыя свидѣтельства о близкихъ отношеніяхъ прихожанъ къ церквамъ; въ актахъ мы также встрѣчаемъ свидѣтельства объ очень близкихъ отношеніяхъ сосѣдей между собою: «эти люди, читаемъ мы, живутъ въ сусѣдствѣ, ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ» [2]). Сотни тутъ несомнѣнно не числовыя, а бытовыя дѣленія, и потому—неравны по числу: не говоря уже о томъ, что изъ однѣхъ сотенъ встрѣчаемъ гораздо больше именъ, чѣмъ изъ

[1]) *Бѣляевъ*, Разсказы, III, 9, говоритъ, что члены одной улицы назывались и сусѣдями, но ничего не упоминаетъ о замѣнѣ того и другаго названія еще названіемъ сотни или ста.

[2]) Акты, относящіеся до гражданской расправы въ древней Руси, собралъ и издалъ *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, I, № 83, 1585. Это интереснѣйшее собраніе, отпечатанное въ двухъ томахъ еще въ 1860 и 1863 гг., наконецъ, въ послѣднее время поступило въ продажу.

другихъ, можно утверждать положительно, что на Трупеховкѣ, или Смолиговкѣ, перерѣзывавшихъ весь Псковъ, жителей было болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь Русловѣ заулкѣ или переулкѣ, а между тѣмъ имѣемъ и Русловское сто, и Смолиговское [1]). Въ нашемъ документѣ ни разу не упоминается о какой либо самостоятельности или отдѣльности въ управленіи этими концами, но несомнѣнно, что до извѣстной степени они были самостоятельны и раздѣлены по управленію: встрѣчаемъ старостъ отдѣльныхъ концовъ и «большихъ старостъ» [2]).

Если мы прибавимъ еще, что людей, жившихъ у другихъ, мы встрѣчаемъ въ своемъ источникѣ очень рѣдко,—т. е., что, слѣд., они или представляли очень ничтожную часть всего числа жителей Пскова, или почти вовсе не принимали участія въ торговлѣ, что мы имѣемъ въ нашемъ источникѣ указаніе на два приказа стрѣльцовъ, стоявшіе во Псковѣ [3]), что людей, живщихъ не во Псковѣ, а владѣвшихъ все-таки въ немъ лавками, очень мало—всего около 50 чел., и что мѣсто жительства ихъ опредѣлялось или просто деревнею, или засадою и деревнею въ ней, или, наконецъ, засадою, губою въ этой засадѣ и деревнею въ этой губѣ, причемъ въ засадѣ есть по нѣскольку губъ и встрѣчается губа и волость съ одинаковыми названіями [4]), то мы собрали всѣ данныя, какъ о

---

[1]) «Русская сотня представляла не численную единицу народонаселенія, какою была сотня у татаръ, а была дѣленіемъ народонаселенія по занятіямъ», говоритъ *Бѣляевъ*—Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 313.

[2]) Такія выраженія, какъ «Богоявленскіе старосты», «Покровскіе старосты» (ркп. 355—1, лл. 16, 18), еще можно толковать, какъ «церковные старосты»; но и прямо читаемъ: «Запсковскаго конца старосты» (тамъ же, л. 23) и «Псковскіе старосты» просто и «большіе старосты» (ркп. 355—1, лл. 34, 35). И *Бѣляевъ* (Разсказы, III, 7, 2) и *Костомаровъ* (Сѣвернорусскія народоправства, II, 14—15) говорятъ о самостоятельномъ значеніи управленіи концами; *Никитскій* же (Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 158) говоритъ: «устройство кончскаго управленія остается до сихъ поръ малоизвѣстнымъ, выясняясь отчасти развѣ только при помощи предположеній».

[3]) «Л. вдовы Матрены Семеновы дочери, живетъ въ Стрѣлецкой слободѣ Шибанова приказу Неклюдова», «л. стрѣльца Тишки, Григорьева приказу Огарева»,—ркп. К. 827, лл. 87, 105 об.; сколько человѣкъ было въ каждомъ приказѣ мы, очевидно, сказать не можемъ; но въ Епифани, напр., увидимъ, въ 1571 г., въ приказѣ у одного человѣка до 1,000 чел.

[4]) Засады упомянуты: Бѣльская, Прудская, Завелицкая, Бреская, Демяницкая и Меситовская; въ Бѣльской и Бреской упомянута Кривовицкая губа, есть и Кривовицкая волость; чаще указана въ засадѣ губа, а потомъ деревня, но есть случаи, что деревня указана и сейчасъ же за названіемъ

промышленности и торговлѣ во Псковѣ, такъ и вообще о его населеніи, какія можно извлечь изъ описанія его въ 1585—1588 г. При всей неполнотѣ нашего очерка, обусловленной неполнотою источника, намъ кажется, что, помимо разъясненія нѣкоторыхъ интересныхъ частностей, относительно торговли, ремесленной дѣятельности, промышленныхъ предпріятій и промышленныхъ товариществъ, а отчасти и объ устройствѣ жителей, мы можемъ на основаніи его опредѣлить Псковъ, какъ крупный центръ, важный для довольно большой округи; онъ, очевидно, далеко не огороженное село [1]); онъ, очевидно, есть центръ настолько богатый, сильный, такъ сказать, что послѣ тяжелой осады поправился очень быстро. Но такихъ центровъ тутъ, очевидно, не было много; всѣ остальныя городскія поселенія этой мѣстности, разсмотрѣнныя нами, суть, дѣйствительно, поселенія, по своему общему характеру, по занятіямъ жителей, очень близкія къ селамъ; въ массѣ городовъ сѣверной полосы населеніе пахало въ весьма значительныхъ размѣрахъ, отличаясь этимъ значительно отъ населенія городовъ центральныхъ и расположенныхъ по южной и юговосточной окраинамъ, къ разсмотрѣнію положенія которыхъ мы теперь и обратимся.

засады; приблизительно половина живущихъ по засадамъ названы дворцовыми крестьянами, остальные только по имени и отчеству; есть опредѣленіе мѣста жительства только именемъ деревни того или другаго села. «Засада—дѣленіе высшее, сравнительно съ губой»—*Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи, т. I, 269.

[1]) Въ лѣтописи читаемъ, что послѣ взятія Пскова вел. князь «съ стараго Застѣнья выпроводилъ псковичъ, да туто велѣлъ жити приведеннымъ гостямъ, а въ Застѣньи было дворовъ 6500; а изъ Крему велѣлъ клѣти выпрятати, а Кремъ былъ пустъ»—П. С. Р. Л., IV, 282; послѣднія слова о Кремѣ нужно понимать, вѣроятно, такъ, что въ Крему были лишь клѣти для осаднаго сидѣнія.

ГЛАВА V.

Города ближайшіе къ Москвѣ.

Нашъ главный источникъ, писцовыя книги, наименѣе матеріала даютъ именно для изученія городовъ средней полосы, подмосковскихъ; мы имѣемъ подобные документы лишь о четырехъ городахъ—Коломнѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ и Муромѣ, да и то только о двухъ первыхъ полныя книги, о двухъ же послѣднихъ—лишь сотныя [1]). Книга г. Коломны составлена въ 70-хъ годахъ XVI в., книга же Можайска--въ самые послѣдніе годы вѣка; сотныя наши составлены одна въ 50-хъ, другая въ началѣ 70-хъ годовъ, слѣд., даже ранѣе коломенской книги, но онѣ даютъ свѣдѣнія о городахъ неполныя и потому наше изученіе городовъ средней полосы мы и начнемъ съ болѣе ранней полной книги, именно, съ описанія Коломны.

Въ Коломнѣ, въ самомъ городѣ находились дворъ государевъ,

---

[1]) Книги Коломны 1577—1578 гг. и Можайска 1595—1598 гг., напечатаны въ I т. Писцовыхъ книгъ Московскаго государства, изданныхъ Географическимъ Обществомъ, подъ редакціей Н. В. Калачева, 291—335 и 612—654. Томъ этотъ въ свѣтъ еще не выпущенъ. Въ этомъ изданіи вообще допущены разныя сокращенія; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ намъ придется цитовать мѣста, подвергшіяся сокращенію, мы будемъ ссылаться на рукописи, съ которыхъ и производилось печатаніе—книгъ Коломны—ркп. М. А. М. Ю., № 200, книгъ Можайска—ркп. того же архива № 254; въ другихъ случаяхъ будемъ ссылаться на печатное изданіе. Сотная на Серпуховскій посадъ, 1552 г., цѣликомъ напечатана въ книгѣ *Симсона:* «Исторія г. Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще отечественною исторіею», М. 1880, стр. 311—334; сотная же на Муромскій посадъ, 1574 г.,—А. Ю. № 229, но со многими сокращеніями и большими пропусками, которыхъ мы совершенно не можемъ восполнить; намъ даже неизвѣстно, гдѣ теперь находится та рукопись, съ которой напечатанъ этотъ документъ.

другой дворъ государевъ, житничный, и третій дворъ государевъ, конюшенный, на которомъ жилъ дворникъ; затѣмъ—дворъ владыки коломенскаго. На посадѣ были дворъ князя Владиміра Андреевича; дворянъ и дѣтей боярскихъ здѣсь было не менѣе 280 человѣкъ, владѣвшихъ дворами въ моментъ составленія описи, и еще 18, владѣвшихъ лишь пустыми дворами и мѣстами дворовыми; всего у дворянъ и дѣтей боярскихъ было тутъ 215 дв., 4 дв. пустые и 16 м. дворовыхъ,—всѣ въ городѣ; на 188 дворахъ изъ числа этихъ 215-ти жили 211 дворниковъ; о дворникахъ на остальныхъ дворахъ ничего не сказано. Ратныхъ людей и служащихъ государю—до 267 чел.: 27 затинщиковъ, 17 пушкарей, 7 разсыльщиковъ, 5 воротниковъ, 20 стрѣльцовъ, 135 ямскихъ охотниковъ, 30 казенныхъ плотниковъ, 10 кузнецовъ, 9 кирпичниковъ и 8 каменьщиковъ (тоже казенныхъ); посадскихъ тяглыхъ людей тутъ было очень мало—всего 14 чел. въ $11^1/_2$ (по описанію и въ 12 по итогу) дворахъ и 28 чел. въ 22 оброчныхъ дворахъ; подробнѣе о нихъ скажемъ далѣе; но зато дворовъ пустыхъ и мѣстъ дворовыхъ, бывшихъ прежде подъ тяглыми дворами, тутъ огромное количество: 54 дв. пустыхъ и 249 м. дв. черныхъ тяглыхъ и 2 дв. пустые и 357 м. дв. оброчныхъ. Въ числѣ владѣльцевъ лавокъ мы находимъ еще 79 чел., которые ни въ какомъ городскомъ или посадскомъ дворѣ не описаны; нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно жили въ уѣздѣ и лишь торговали въ городѣ, другіе же, быть можетъ, жили и въ городѣ; ниже мы приведемъ нѣсколько соображеній о ихъ составѣ; одно дворцовое село имѣло дворъ на посадѣ, и на этомъ дворѣ жили 3 дворника. Духовенства въ Коломнѣ находимъ 35 чел. бѣлаго и 24 человѣка черпаго и еще не менѣе 80 м. дв., прежде занятыхъ духовенствомъ — говоримъ, не менѣе 80 - ти, поэтому что въ нѣсколькихъ случаяхъ точно числа пустыхъ дворовъ при церквахъ не указано. За владыкою разныхъ людей—въ городѣ, въ двухъ слободахъ на посадѣ и въ числѣ владѣльцевъ лавокъ, перечислено 154 чел., дворовъ у нихъ 123, да еще 4 дв. пустые и 26 м. дв. прежде были заняты такими же людьми; зависимыхъ отъ монастырей 19 чел., изъ нихъ 11 дворниковъ, «за попы» или «живутъ» у нихъ 27 чел. и 5 м. дв. такихъ же людей; наконецъ, тутъ были въ 13 кельяхъ нищіе и не менѣе, какъ въ 57 дворахъ черкашене; эти черкашене жили при церквахъ и ни въ какомъ итогѣ не считались. Такимъ образомъ, общая цифра духовенства и зависимыхъ отъ него людей достигала 330 чел.; все же число взрослаго населенія Коломны мужскаго пола упо-

мянутаго въ книгѣ,—несчитая только дворянъ и дѣтей боярскихъ, ибо они въ городѣ, вѣроятно, не жили,—достигаетъ 930 чел., такъ что всего, съ женщинами и дѣтьми, тутъ было, несомнѣнно, болѣе 3,000 жителей. На посадѣ были еще въ Коломнѣ изба таможенная, тіунская судебня, зелейня, вощечня и баня откупная [1]).

Въ Можайскѣ, въ самомъ городѣ, было много дворовъ, какъ занятыхъ тогдашними присутственными, такъ сказать, мѣстами, такъ и предназначавшихъ для хлѣбныхъ и казенныхъ запасовъ: «изба съ клѣткою, а въ ней сидятъ губные старосты», да «изба съ сѣньми, а въ ней сидятъ городовой прикащикъ и денежнаго сбору цѣловальники», да «2 избы съ сѣньми протопопа Никольскаго съ братьею, да 4 клѣтки соборныхъ Никольскихъ поповъ, да 2 богадѣльни съ сѣньми, а въ нихъ 12 чел. нищихъ, да 2 тюрьмы, а у нихъ 2 избы, а въ избахъ живутъ тюремные сторожи, да изба съ сѣньми, да амбаръ Лужецкаго монастыря, да изба съ сѣньми Никольскихъ сторожей, да государевыхъ 7 житницъ, ветхи, пусты» [2]). На посадѣ былъ дворъ государевъ, къ сожалѣнію, подробно не описанный,—мы узнаемъ о немъ лишь изъ упоминаніи церкви на государевѣ дворѣ [3]). Дворянъ и дѣтей боярскихъ тутъ было всего 13 чел., въ числѣ ихъ городовой прикащикъ и губной староста; принадлежало имъ всего 10 дв. и 1 м. дв., всѣ на посадѣ; въ двухъ дворахъ было по дворнику. Людей ратныхъ и служившихъ тутъ всего около 60 чел.: 2 пушкаря, 5 воротниковъ, 6 разсыльщиковъ, государевы садовникъ и рыболовъ, часовникъ (трое послѣдніе дворовъ своихъ не имѣли), 45 ямщиковъ; черныхъ посадскихъ людей—117 чел. въ 116 дворахъ и еще 87 чел. въ 85 дворахъ въ особой кожевничьей слободкѣ; въ ней же былъ еще дворъ государева воскобойника. Но сравнительно съ прежнимъ— тутъ черныхъ дворовъ очень мало: во время описанія на посадѣ было еще 127 дв. п. и 1,446 м. дворовыхъ, прежде занятыхъ черными тяглыми людьми. Духовенства тутъ видимъ 30 чел. чернаго и 80 бѣлаго, причемъ 74 чел. указаны во дворахъ, а остальные лишь въ числѣ владѣльцевъ лавокъ; затѣмъ 25 сторожей разныхъ церквей, 2 монастырскіе воротника, монастырскіе служка и извощикъ и въ нѣсколькихъ монастырскихъ слободкахъ 70 чел. въ 70 же дворахъ и еще 2 дв. пустые, да на церковномъ мѣстѣ 7 чел.;

---

[1]) Писц. Кн. М. Гос., I, 318.

[2]) Тамъ же, 619.

[3]) Тамъ же.

наконецъ, нищихъ не менѣе 123 человѣкъ. Такимъ образомъ, несомнѣнно жившихъ въ Можайскѣ было не менѣе 570 чел. взрослыхъ мущинъ—слѣд., общее число его населенія нужно считать до 2,000чел.; но тутъ еще особенно много было людей, которые торговали въ городѣ, не имѣя въ немъ дворовъ—таковыхъ до 150 чел.: 38 крестьянъ изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ, 14 крестьянъ, о которыхъ не сказано точно, чьи, какіе они, 5 какихъ-то «четыредворцевъ крестьянъ» и 92 чел., просто названныхъ по имени и отчеству; дальше мы приведемъ нѣкоторыя соображенія о вѣроятномъ ихъ составѣ.

Въ Серпуховѣ, по сотной 1552 года было всего середнихъ и молодыхъ людей 796 чел. въ 623 дв., пустыхъ дворовъ 21 и м. дв.—122; духовенства при 20 посадскихъ «тяглыхъ» церквахъ 26 поповъ, 3 дьякона и попова вдова въ 27 дв., и еще 1 дв. пустъ.; у церквей, на церковной землѣ, 42 чел. въ 42 же дворахъ да 1 дв. п. да 2 м. дв. пусты. Въ Муромѣ черныхъ людей было 149 чел. въ 111 дворахъ да 157 дв. пустыхъ да 520 м. дв. пустыхъ; затѣмъ, муромская сотная указываетъ въ Муромѣ на посадѣ еще дворъ царя и великаго князя, его же дворъ полюденой, его же дворъ зелейный и вощечню, дворъ владыки рязанскаго, мѣсто дворовое Никольскаго монастыря, дв. протопопа, 8 дворовъ пушкарей жилыхъ и 14 пустыхъ, разсыльщиковыхъ 4 двора жилыхъ и 6 м. дв. пустыхъ, государевыхъ мережниковъ 3 дв. жилыхъ и 1 пустой и затѣмъ въ дворѣ палача и во дворѣ городоваго воротника.

Уже изъ этихъ краткихъ цифровыхъ данныхъ о городахъ подмосковныхъ ясно выступаетъ общая имъ черта—ихъ запустѣніе, бѣгство изъ нихъ жителей; мы можемъ замѣтить даже постепенное его усиленіе: менѣе всего пустоты находимъ въ Серпуховѣ, описаніе котораго относится къ 50-мъ годамъ, а затѣмъ, чѣмъ далѣе, чѣмъ ближе къ концу вѣка, тѣмъ все болѣе и болѣе крупные размѣры принимаетъ это явленіе; и это запустѣніе есть главнѣйшая характеристичная черта этихъ городовъ во второй половинѣ XVI в.; въ разсмотрѣніи положенія разныхъ сословій мы не найдемъ другихъ чертъ, столь же рѣзко отличающихъ эти города отъ всякихъ другихъ. Но прежде чѣмъ обратиться къ такому разсмотрѣнію, мы приведемъ еще числовыя данныя о торгѣ въ каждомъ изъ изучаемыхъ нами теперь городовъ. Въ Коломнѣ на торговой площади помѣщались дв. гостинный, большой соляной амбаръ Строгановыхъ и въ рядахъ—379 безъ трети лавокъ, 4 при-

лавка, амбаръ, 35 скамей, 9 шелашей, 3 трушника; оброку въ государеву казну шло 23 р. 10 а. 2 д.; пустыхъ лавокъ было 33¹/₃, прилавокъ, 139 м. лавочныхъ, 3 пустые полка, 39 м. полковыхъ, 1 мѣсто скамейное и 2 мѣста квасничьи. Въ Можайскѣ у торгу было 2 двора гостинныхъ и въ рядахъ—239 лавокъ, 20 амбаровъ, 3 полка, 69 скамей да пустыхъ—65¹/₄ лавокъ, 21 амбаръ, 12 м. лав., 5 м. амбарныхъ; оброку всего было 14 р. 12 а. 5 д. Въ Серпуховѣ было у посадскихъ черныхъ людей 250¹/₃ лавки и амбара, 21 м. лав. и еще неизвѣстно чьи 3 м. лав.; оброку съ этихъ лавокъ и мѣстъ нужно было давать 7 р. 24 а. Наконецъ, въ Муромѣ, въ живущемъ было лавокъ, мѣстъ лав., прилавковъ, полковъ и лубениковъ 203, оброку съ нихъ всего 32 р. 17 а. 3 д., и въ пустѣ 117 лавокъ, мѣстъ лав., полковъ и лубениковъ, оброку было съ нихъ 13 р. 16 а. 2 д.

Теперь обратимся къ разбору данныхъ о людяхъ разныхъ сословій. Начинаемъ съ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Цѣнныя свѣдѣнія о положеніи служилыхъ людей мы находимъ почти исключительно въ коломенской книгѣ; о служилыхъ людяхъ въ другихъ книгахъ или вовсе нѣтъ данныхъ, или, какъ напр. въ книгѣ Можайска, данныя самыя краткія и непредставляющія ничего интереснаго. Общее названіе ихъ тутъ—дворяне и дѣти боярскіе; въ коломенской книгѣ читаемъ «дворы бояръ, и князей, и дворянъ и дѣтей боярскихъ» — но тутъ и дѣйствительно находимъ дворъ боярина Никиты Романовича. Мы думаемъ, что въ Коломнѣ владѣли дворами дворяне и дѣти боярскіе въ большемъ числѣ, чѣмъ перечислено ихъ въ описаніи дворовъ, такъ какъ иногда, повидимому, указаны не всѣ владѣльцы того или другого двора: нашъ итогъ дворовъ совершенно сходится съ итогомъ книги, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ числѣ владѣльцевъ лавокъ находимъ нѣсколько дворниковъ, или людей, живущихъ на дворахъ такихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, фамиліи которыхъ вовсе не встрѣчаются въ описаніи дворовъ; впрочемъ, такихъ случаевъ немного. Въ числѣ владѣльцевъ дворовъ въ Коломнѣ видимъ, какъ уже сказано, боярина Никиту Романовича, далѣе кн. И. Бѣльскаго и много представителей другихъ знатныхъ родовъ—князей Голицыныхъ, Шуйскихъ, Татевыхъ, затѣмъ Шереметевыхъ, Годуновыхъ; остальныя фамиліи, равно какъ и фамиліи всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Можайскѣ, мало извѣстныя и даже вовсе неизвѣстныя. Въ Коломнѣ по крайней мѣрѣ 15 чел. изъ числа дворянъ и дѣтей боярскихъ, татарскаго происхожденія, на что ука-

зываютъ ихъ фамиліи, а иногда даже и прямо стоящее опредѣленіе — татаринъ или дворъ такого-то татарскій [1]); точно также въ Серпуховѣ было 6 человѣкъ, приписанныхъ по сотной въ тягло, по прежде бывшихъ за четырьмя несомнѣнно татарами [2])—въ Коломнѣ, какъ извѣстно помѣщали служилыхъ татаръ, какъ помѣщали ихъ въ Серпуховѣ, Звенигородѣ и, особенно, въ Касимовѣ [3]). Въ числѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ нѣсколько разъ видимъ должностныхъ лицъ: именно въ Можайскѣ городоваго прикащика, губного старосту, псаря и стремяннаго конюха, въ Коломнѣ—трехъ губныхъ старостъ, съ фамиліями совершенно дворянскими [4])—но интересно, что ихъ 3 двора въ итогѣ дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ не сосчитаны, равно какъ, конечно, и 4 двора дьячковъ—двухъ губныхъ, земскаго и ямскаго; это стоитъ въ совершенномъ согласіи съ тѣми извѣстными фактами, которые указываютъ, что дворяне считали ниже своего достоинства службу по земскимъ выборамъ [5]). Считали ли въ числѣ дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ дворъ губного старосты и въ Можайскѣ—не знаемъ, потому что въ можайской книгѣ нѣтъ итога дворовъ служилыхъ людей.

Относительно какой-либо службы дворянъ и дѣтей боярскихъ именно въ этихъ городахъ нѣтъ никакихъ указаній; ни объ одномъ даже не сказано, чтобъ онъ жилъ въ одномъ изъ этихъ городовъ; и мы думаемъ, что и, дѣйствительно, служилые люди въ этихъ городахъ не жили.—Въ Коломнѣ всѣ дворы въ городѣ принадлежали людямъ служилымъ; въ итогѣ прямо сказано, что въ городѣ мѣстъ черныхъ не сыскано, розданы они дѣтямъ боярскимъ [6]);

---

[1]) Конечно, татарами нужно считать такихъ, какъ Янчеру Бледресубова, Бурундука Казапаева, Ахмета и Тулубая Малтаковыхъ, Байчеру Енкуватова, Байку Исубова, Нечая Мурзу Вакшеева и др. под.

[2]) «На посадѣ же дворы, что была слободка за Татары, а нынѣ приписана къ городу въ тягло», «дв..., дв..., дв..., что были за Тунаемъ, да за Разлѣемъ да за Девлечаромъ за Кишкильдѣевыми дѣтьми;».. «дв... что былъ за Таушемъ за Елчиковымъ сыномъ...» «4 дв. пусты, что были за Тоисупомъ да за Япыкомъ за Телюковыми дѣтьми»,—*Симсонъ*, Исторія Серпухова, 326.

[3]) *Вельяминовъ-Зерновъ*, Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, I, стр. IV; *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV—XVI вв., 150—170.

[4]) Иванъ Лунинъ, Безсонъ Бахтеяровъ, Скорнякъ Писаревъ.

[5]) См. напр. Д. А. И., I, 107—108.

[6]) «А въ городѣ на Коломнѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ и мѣстъ дворовыхъ не сыскано, а въ обыску сказали розданы тѣ мѣста дѣтямъ боярскимъ подъ дворы по государевымъ царевымъ и великаго князя грамотамъ.» Писц. Кн. Мос. Госуд., I, 313.

при описаніи отдѣльныхъ дворовъ 10 разъ упомянуто, что мѣсто подъ дворомъ суконничье, 2 раза—что мѣсто было черное, разъ—что мѣсто было разсыльщиковъ и наконецъ, одинъ дворъ (дьяка Шеферединова) былъ дворъ гостя. Мы и въ другихъ городахъ увидимъ, что мѣстами въ самомъ городѣ преимущественно владѣли также служилые люди, хотя ни въ одномъ изъ городовъ пограничныхъ это правило не было примѣнено такъ полно какъ здѣсь. Интересная черта владѣнія этими дворами выступаетъ въ извѣстіи, что одинъ дворъ въ Коломнѣ по памяти изъ городоваго приказа перешелъ отъ одного сына боярскаго къ другому [1]); отсюда мы узнаемъ, во-первыхъ, гдѣ вѣдались городскіе дворы—по крайней мѣрѣ, коломенскіе, а во-вторыхъ, въ связи съ нѣкоторыми фактами, которые мы укажемъ при изученіи другихъ городовъ, и этотъ фактъ является новымъ свидѣтельствомъ, что дворяне и дѣти боярскіе владѣли своими городскими осадными дворами, вѣроятно, не на правѣ полной частной собственности, а на правѣ помѣстномъ [2]). Нечего, конечно, и говорить, что ни одинъ сынъ боярскій или дворянинъ не занимался ни торговлею, ни ремесломъ; одинъ губной староста въ Коломнѣ названъ Скорнякъ Писаревъ: но по постановкѣ этихъ двухъ именъ и по отсутствію при фамиліи всякаго другого крещенаго или некрещенаго имени, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ Скорнякъ есть собственное имя, совершенно подобное именамъ Посникъ, Хозяинъ, Домотканъ и т. п.

На дворахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ находимъ мы въ большомъ числѣ дворниковъ—именно въ Коломнѣ на 186 дворахъ (включая и дворъ губного старосты) 188 дворниковъ и затѣмъ еще 20 дворниковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и 2 дворниковъ дьяка Шеферединова въ числѣ владѣльцевъ лавокъ; затѣмъ 3 дворника было на дворѣ дворцоваго села, 10—въ 10 дворахъ духовенства и монастырскихъ и 3 еще ихъ же дворника въ числѣ владѣльцевъ лавокъ. Въ Можайскѣ было всего 2 дворника на дворахъ служилыхъ людей. Мы считаемъ здѣсь вмѣстѣ какъ названныхъ дворниками въ перечисленіи дворовъ, такъ и тѣхъ, которыхъ видимъ лишь при перечисленіи лавокъ, иногда даже съ отмѣтою не «дворникъ», а «живетъ во дворѣ» такого-то, потому что эти два выраженія въ

---

[1]) Писц. Кн. М. Г., I, 310, пр. 2; по ркп. 200, л. 69.

[2]) *Загоскинъ*, О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ. Каз. 1877, 5, 19 и слѣд.

коломенской книгѣ очевидно равнозначущи: нѣсколько разъ встрѣчаемъ мы въ описаніи лавокъ съ отмѣтою «живетъ во дворѣ такого то» людей, которыхъ уже видѣли дворниками при описаніи дворовъ. Говоря такъ, мы вовсе не хотимъ утверждать, что и всегда слова «живетъ во дворѣ такого-то» можно замѣнить словами «дворникъ такого-то»; какъ мы надѣемся указать далѣе, дворничество заключало въ себѣ такія отношенія, которыя не могли быть неизбѣжны вообще для всякаго человѣка, жившаго въ чужожъ дворѣ; мы только отмѣчаемъ, что въ книгѣ Коломны иногда видимъ замѣну одного изъ этихъ выраженій другимъ. Подробное разсмотрѣніе состоянія дворниковъ мы оставляемъ до дальнѣйшаго изложенія, ибо въ книгахъ другихъ городовъ найдемъ еще много свѣдѣній, разъясняющихъ это состояніе; здѣсь же отмѣтимъ слѣдующій фактъ: въ числѣ дворниковъ мы видимъ тутъ 5 разсыльщиковъ, 4 воротниковъ, 4 пушкарей и 1 тюремнаго сторожа; въ книгѣ имѣемъ полное перечисленіе дворовъ пушкарей, разсыльщиковъ и воротниковъ—все это дворы бѣлые—и изъ этого перечисленія видно, что названные дворниками уже не имѣли своихъ дворовъ и не сосчитаны въ числѣ пушкарей, воротниковъ и разсыльщиковъ, за исключеніемъ одного пушкаря [1]). Такимъ образомъ, во 1), эти люди предпочли сдѣлаться дворниками, вмѣсто того даже, чтобы имѣть свои бѣлые дворы, и во 2) сдѣлавшись дворниками, они уже выдѣлились изъ своего прежняго состоянія; нельзя думать, что они неупомянуты въ числѣ пушкарей, воротниковъ и разсыльщиковъ лишь потому, что не имѣли своихъ дворовъ—въ книгѣ же Коломны видимъ такой случай, что одинъ сторожъ Города-Гуляя все-таки упомянутъ въ числѣ сторожей его, хотя онъ двора своего и не имѣлъ, а жилъ у затинщика [2]). Не приводя еще своихъ доказательствъ, мы удовольствуемся заявленіемъ, что по нашему мнѣнію дворниковъ нужно считать зависимыми отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, вообще отъ владѣльцевъ дворовъ, людьми, а не только жильцами, въ нашемъ смыслѣ этого слова, на чужихъ дворахъ. Такимъ образомъ мы уже тутъ встрѣчаемъ особенность этихъ городовъ сравнительно съ изученными нами выше городами сѣверозападной

---

[1]) Напр., для такого замѣчанія необходимо было пользоваться рукописями, ибо въ печатномъ изданіи всѣ имена собственныя, кромѣ именъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, выпущены.

[2]) Ркп. 200, л. 76: «Дворы сторожевскіе города Гуляя: дв. Ширяйко Дементьевъ, дв. Тренка Савинъ, дв. Филипко Яковлевъ; а четвертый сторожъ Бориско Костинъ живетъ у затинщика у Дениска Кудрявцева».

части тогдашней Россіи: тутъ въ городахъ населеніе составляли уже далеко не сплошь черные, государевы люди, а довольно значительный % его составляли и люди, зависимые отъ другихъ; еще много такихъ людей найдемъ мы, когда разсмотримъ данныя о людяхъ церковныхъ.

Относительно занятій дворниковъ замѣтимъ, что изъ нихъ 56 чел. (т. е. 24% всего числа дворниковъ) ремесленники; нѣтъ никакого ремесла, которое бы можно было указать, какъ принадлежавшее исключительно дворникамъ или привлекавшее наибольшее ихъ количество [1]); лавками владѣли 50 дворниковъ (22% всего ихъ числа); имъ принадлежало 55 (собств. $54^{3}/_{4}$) лавокъ, мѣстъ лав. и лавокъ пустыхъ; довольно многіе имѣли по полулавкѣ, наибольшее число лавокъ у одного человѣка—3; торговали дворники сравнительно мало: составляя 23% всего населенія, они изъ общаго числа лавокъ имѣли всего 14%. Приходцевъ здѣсь и въ числѣ дворниковъ, какъ и вообще, почти нѣтъ; изъ дворниковъ лишь одинъ названъ Тулениномъ, да одинъ Клязмитиномъ, хотя не совсѣмъ ясно, что должно обозначать послѣднее прозвище.

Духовенства и зависимыхъ отъ него людей, равно какъ и церквей, въ Коломнѣ и Можайскѣ такое количество, какого мы не находимъ ни въ какомъ другомъ городѣ, подробное описаніе котораго дошло до насъ. Въ Коломнѣ было 5 монастырей, въ Можайскѣ—8, и съ монастырскими въ Коломнѣ всего 33 церкви, при нихъ 8 теплыхъ и 6 придѣльныхъ, въ Можайскѣ—39 церквей, при нихъ 5 теплыхъ и 12 придѣльныхъ. Изъ этого числа въ Коломнѣ въ самомъ городѣ находилось 14 церквей съ 21 престоломъ (въ томъ числѣ 2 монастыря съ 2 церквами), а въ Можайскѣ—только 5 съ 8 престолами; остальныя—на посадѣ. Въ Коломнѣ церкви съ 8 престолами, монастырскія, съ 24—приходскаго поставленья и 2

---

[1]) Вотъ полный списокъ дворниковъ ремесленниковъ:

крупяниковъ	2,	шапошниковъ	2,	извощиковъ	4,
масляниковъ	2,	ветошниковъ	1,	банниковъ	2,
калачниковъ	1,	колпачниковъ	1,	серебр. мастер.	1,
рыбниковъ	1,	скорняковъ	1,	струнниковъ	1,
овощниковъ	1,	подошевниковъ	1,	дудниковъ	1,
сапожниковъ	8,	сѣдельниковъ	1,	трушниковъ	1,
портныхъ маст.	6,	лычниковъ	1,	мыльниковъ	1,
овчинниковъ	3,	рогожниковъ,	1,	скомороховъ	9,
шубниковъ	2,	каменьщиковъ	1,		

причемъ ни одного скомороха нѣтъ на дворѣ монастырскомъ или духовнаго лица.

*

церкви поставленья кн. Кубенскаго; изъ всѣхъ остальныхъ только объ одной, посадской, прямо сказано, что она поставленья государева, о другихъ же ничего не сказано; но такъ какъ ничего не сказано и о соборѣ и о церкви на государевѣ дворѣ, то нужно думать, что церкви, безъ обозначенія, чьего онѣ поставленья, были поставленья государева. Въ Можайскѣ въ монастыряхъ 17 церквей съ 21 престоломъ; церкви съ 22 престолами названы посадскими и о каждой изъ нихъ сказано, что въ ней строеніе приходскихъ людей; изъ остальныхъ же церквей (съ 13 престолами) только объ одной сказано прямо, что въ ней строенье государево; но такъ какъ эти церкви выдѣлены отъ первыхъ, то нужно думать, что и въ нихъ строеніе государево. Церкви тутъ вообще очень богаты какъ образами, книгами и утварью, такъ и прямо деньгами и государевымъ жалованьемъ [1]). Въ можайской книгѣ о ругѣ священнослужителямъ ничего не говорится, но мы увѣрены, что это надо считать за особенность книги, а не за особенность положенія Можайска, ибо въ Коломнѣ и во всѣхъ городахъ пограничныхъ мы видимъ ругу по крайней мѣрѣ собору, а обыкновенно и нѣсколькимъ другимъ церквамъ: въ Коломнѣ ругу получали кромѣ собора еще всѣ, за исключеніемъ двухъ, церкви въ самомъ городѣ, всего 10 церквей съ 16 престолами; изъ нихъ о семи запустѣвшихъ въ моментъ описанія было неизвѣстно, и даже и сыскать было некѣмъ, сколько къ нимъ шло руги, а къ тремъ другимъ руга шла въ размѣрѣ

---

[1]) Изъ коломенскихъ церквей деньги описаны въ соборѣ: «въ церквѣ жъ въ соборные Пречистые Богородицы денегъ прежнихъ владыкъ: владычнихъ Өедосьевскихъ 59 р., да Варламовскихъ 190 р., да Прускихъ протопопа съ братьею ихъ половины, что взято за село за Прусы, 347 р., и тѣ всѣ деньги въ соборной церкви.» (П. К. М. Г., I, 297),—въ Успенскомъ монастырѣ: «на 20 руб. кабалъ да старыхъ игуменскихъ Корнильевскихъ кабалъ на 30 р.» (тамъ же, 307) и въ монастырѣ Спасскомъ: «грамота Семена Шефередипова на Семеновское да грамота на Кожухово на пустоши да пустошь Алексѣевская, а на нихъ 7 кабалъ, а денегъ по нимъ взято 85 р., да кабалъ въ казнѣ на 14 руб. и на 2 гривны, а взять по нимъ не на комъ, что стары..» да государскія 2 грамоты несудимыя, съ красными печатьми» и т. д. еще нѣсколько грамотъ купчихъ и данныхъ безъ обозначенія ихъ суммъ. Въ можайской книгѣ прямо деньги указаны лишь разъ, въ Лужецкомъ монастырѣ: «да въ казнѣ жъ монастырскихъ денегъ, что отписано было на архимандритѣ Іосифѣ, 378 р. 28 а., да прибыло въ казнѣ при архимандритѣ Селивестрѣ денегъ 100 р., и всего въ казнѣ денегъ, и съ прибылыми 478 р. 28 а.,» (тамъ же 646); еще въ одной церкви «703 золотыхъ, да серебра—цатъ и гривенъ—4 гривенки». (Тамъ же, 617).

довольно большомъ сравнительно съ ругою въ другихъ городахъ [1]). Разсматривая списокъ священнослужителей, которые должны были получать ругу, и списокъ священнослужителей, находившихся на лицо, видимъ то же, что потомъ раскроется намъ еще яснѣе, именно, что руга назначалась не на дѣйствительно находившихся въ каждую минуту на лицо священнослужителей, а на maximum людей, имѣвшихъ получать ругу, такъ сказать, по штату. О пашнѣ монастырей и церквей въ Коломнѣ и Можайскѣ мы вовсе не встрѣчаемъ въ нашихъ книгахъ извѣстій, или лучше сказать, имѣемъ одно, но такое, что на основаніи его скорѣе нужно думать, что пашни у монастырей и церквей тутъ дѣйствительно не было,—именно, въ описаніи можайскаго Лужецкаго монастыря читаемъ: «да на полѣ монастырскаго стоячаго хлѣба 4 скирды ржи, а въ нихъ 280 копенъ сотныхъ да 3 скирды овса, а въ нихъ 240 копенъ сотныхъ» [2]); тутъ, очевидно, опредѣленіе количества хлѣба, а не величины пашни; и мы не рѣшается считать это за опредѣленіе размѣровъ пашни, ибо другого подобнаго примѣра не знаемъ; тутъ, по всей вѣроятности, описывается какой-то такъ сказать случайно явившійся у монастыря хлѣбъ, вѣроятно, запасенный покупкою. О пашнѣ поповъ говорится только въ Серпуховской сотной: «пашни поповы и дьяконовы 175 четв. въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 280 ко-

---

[1]) Соборные священнослужители получали почему-то лишь хлѣбомъ: протопопъ по 50 ч. ржи и овса, 4 священника и протодьяконъ по 30 ч. ржи и по 30 ч. овса, 2 дьякона по 20 ч. того и другого и просвирница по 8 ч. пшеницы на просвиры; протопопъ церкви на государевѣ дворѣ получалъ 8 р. въ годъ, 3 священника этой же церкви по 4 р., дьяконъ — 2 р; у ц. Николы Зарайскаго 2 священника получали по 4 р. и по 20 ч. ржи и овса каждый, дьяконъ 3 р. и по 15 ч. ржи и овса, просвирница 6 ч. пшеницы и еще,—вѣроятно, руги церковной (о которой подробнѣе скажемъ ниже) —шло за пудъ воску 26 а. 4 д.; служители при соборѣ получали ругу на Рождество Христово, изъ государева села Микулина, служители церкви на государевѣ дворѣ—на Коломнѣ изъ таможенныхъ денегъ (срокъ не указанъ), и наконецъ къ ц. Николы Зарайскаго руга шла отъ коломенскаго ключника на срокъ 25 Ноября—если это не опечатка, то срокъ странный, ибо этотъ день не былъ ни храмовымъ ни придѣльнымъ праздникомъ (придѣлъ св. Онуфрія)—П. К. М. Г., I, 301, 304, 306; на стр. 308, послѣ описанія подъ рубрикою: «въ городѣ же ружныя церкви», читаемъ: «а про руги тѣхъ храмовъ сыскати непочему, а у которыхъ церквей служатъ попы государевы(хъ) жалованныхъ грамотъ не положили, а про пустыя церкви сыскати некимъ, старожильцы вымерли, и того невѣдомо, поскольку къ тѣмъ церквамъ государева жалованья попамъ и дьяконамъ руги шло, выспросити некого».

[2]) Писц. Кн. М. Г., I, 647.

пенъ» [1])—и это очень немного, очевидно, при 27 дворахъ священнослужителей, описанныхъ въ книгѣ.

Такъ же, какъ и другое населеніе, начинаетъ покидать свои дворы въ этихъ городахъ и духовенство, начинаютъ пустѣть дворы священниковъ не только при церквахъ неружныхъ, но и ружныхъ; въ Коломнѣ священнослужители были во время описанія только при 3 церквахъ ружныхъ и при 11 неружныхъ, въ Можайскѣ священнослужители были при каждой церкви, но обыкновенно въ очень небольшомъ числѣ—чаще всего подвое, рѣже по три. Мы не будемъ подробно разбирать здѣсь причинъ этого запустѣнія городовъ подмосковныхъ, ибо это явленіе, конечно, не объясняется положеніемъ однихъ только городовъ, а должно имѣть общія и сильныя причины, такъ что разборъ его вывелъ бы насъ далеко за предѣлы нашего изслѣдованія, и только указываемъ его какъ фактъ, и фактъ, составляющій главнѣйшую характеристическую черту положенія подмосковскихъ городовъ; несомнѣнно, что запустѣніе и церквей стояло въ прямой зависимости отъ бѣгства жителей; связь между этими явленіями, вѣрнѣе, зависимость перваго отъ второго, достаточно ясна, думаемъ, сама по себѣ; но мы можемъ напомнить еще уже отмѣченную выше экономическую связь между церковью и ея прихожанами, тѣмъ болѣе, что и здѣсь находимъ достаточно ясный намекъ на какія-то подобныя же отношенія—именно церкви, названныя «тяглыми» [2]). Находившіеся налицо священнослужители въ Можайскѣ всѣ жили на посадѣ, причемъ каждый показанъ «во дворѣ», собственниками же они являются только 4-хъ городскихъ клѣтей; въ Коломнѣ же священнослужители городскихъ церквей владѣли дворами въ городѣ, священнослужители же посадскихъ церквей показаны «во дворахъ» на посадѣ, и только одинъ протопопъ церкви на государевѣ дворѣ является собственникомъ дворовъ и въ городѣ, и на посадѣ. Въ Коломнѣ въ итогѣ городскихъ дворовъ священнослужителей не сосчитаны дворы пономарей, въ Можайскѣ пономари большею частью даже жили въ особой слободѣ, наравнѣ со сторожами церковными [3]); эти факты указываютъ, что

---

[1]) *Симсонъ*, Исторія г. Серпухова, 329.

[2]) *Симсонъ*, Исторія г. Серпухова, 329. Въ томъ мѣстѣ сотной, гдѣ встрѣчается это выраженіе, есть повидимому, какой-то пропускъ, именно читаемъ «на посадѣ церкви тяглыя. И всѣхъ церквей на посадѣ и съ придѣлами 20. А дворовъ у нихъ 27, а поповнихъ (поповъ въ нихъ?) 27, да попадья, до 3 дьяконы, да дворъ пустъ.»

[3]) «Въ Можайскѣ же на посадѣ дворы, а въ нихъ живутъ пономари и

и здѣсь, какъ мы видѣли и выше, пономари считались, по крайней мѣрѣ иногда, ближе къ людямъ чернымъ тяглымъ, чѣмъ къ духовенству. Обыкновенно люди духовные не занимались ремеслами и торговлею,—въ Коломнѣ ремесленниковъ среди ихъ было двое: пономарь плотникъ и иконникъ братъ дьякона; торговлею же въ Можайскѣ занимались очень многіе изъ нихъ—именно 27 чел., въ числѣ которыхъ были и игумены, и священники, и дьяконы; имъ принадлежало 39 л., 1 пологъ и 3 лавки (собственно 6 полулавокъ) пустыхъ; вообще духовныя лица, составляя 20% общаго числа жителей Можайска, лавокъ имѣли 10% изъ числа всѣхъ лавокъ въ этомъ городѣ; наибольшее число лавокъ духовенства сосредоточивалось въ ряду «большомъ» (не сказано, чѣмъ именно въ немъ торговали)—13 и въ иконномъ—11; остальныя лавки духовныхъ были въ рядахъ пушномъ, сапожномъ, овчинномъ, сѣдельномъ, трупномъ, солодяномъ, пирожномъ, рыбномъ и мясномъ, и наконецъ, въ рядахъ, описанныхъ подъ заголовкомъ: «амбары торговыхъ людей» и «скамьи и полки торговыхъ людей», 2 священника и церковные дьячекъ и сторожъ имѣли 2 амбара и 4 скамьи; здѣсь, какъ увидимъ еще и далѣе во многихъ случаяхъ, ясно, что слова «торговые люди» не обозначали особаго сословія, какъ многіе думали. Что касается размѣровъ оброка, какой платили люди духовные со своихъ лавокъ, то ничего опредѣленнаго сказать нельзя, потому что въ книгѣ не приведено точныхъ цифръ оброка не только съ каждой лавки, но даже съ каждаго ряда и лишь въ концѣ сказано, что платилось тутъ съ лавки по 10 д., съ амбара по 1 алт. и съ полка по 4 д., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что это есть лишь средняя величина оброка и что въ дѣйствительности лавки съ разными товарами и даже, вѣроятно, лавки разныхъ размѣровъ, платили различный оброкъ, какъ это мы видимъ во многихъ городахъ.

Изъ людей, зависѣвшихъ отъ духовенства, въ Коломнѣ первое по числу мѣсто занимали люди владыки коломенскаго, въ Можайскѣ—люди монастырей. Въ Коломнѣ (въ самомъ городѣ) 69 чел. (въ 67 дв.) «владычнихъ бояръ, и дьяковъ, и дѣтей боярскихъ. и приказныхъ, и всякихъ людей», затѣмъ на посадѣ въ двухъ слободахъ въ 56 дв.—60 чел. (изъ нихъ 34 чел. въ 32 дв. всѣ названы владычними лопатниками; что обозначаетъ это названіе—мы не знаемъ, тѣмъ болѣе, что среди этихъ лопатниковъ очень

сторожи церковные.»; въ Богородицкой же улицѣ слободка Никольская, а въ ней живутъ пономари и сторожи Никольскіе.» Писц. Кн М. Г., I, 627.

многіе названы другими ремесленниками); наконецъ, въ числѣ владѣльцевъ лавокъ находимъ еще 25 чел., о которыхъ сказано, что они «живутъ за владыкою», причемъ иногда еще прибавлено—у такой-то церкви. У монастырей въ Коломнѣ зависимыхъ людей всего 19 чел., изъ нихъ 11 дворниками на 9 монастырскихъ дворахъ осадныхъ въ городѣ, 3 въ монастырской слободкѣ и 5 названы «живущими за монастыремъ»; изъ послѣднихъ восьми человѣкъ только двое имѣли свои дворы, объ остальныхъ мы узнаемъ лишь по описанію лавокъ; въ Можайскѣ же въ 4-хъ слободкахъ четырехъ монастырей жили 45 чел. въ 45 же дворахъ (5, 5, 13 и 22), названные такъ: «торговые и мастеровые молодчіе люди, а съ посадскими съ черными людьми тягла не тянутъ, опричъ городового дѣла» [1]) и еще въ отдѣльной слободѣ въ 24 дв. служки и дѣтеныши монастырскіе. Наконецъ, въ Коломнѣ «за попы» или «живутъ за попы» 16 чел., изъ которыхъ 4 описаны подъ заголовкомъ «изстари государева данья» [2]); 13 чел. изъ этихъ 16-ти имѣли свои дворы, остальные жили у священниковъ. Книги наши прямо не говорятъ объ отношеніяхъ всѣхъ этихъ людей къ своимъ владѣльцамъ духовнымъ; но разборъ данныхъ о нихъ раскрываетъ кое-что интересное; такъ слова «изстари государева данья», указываютъ, очевидно, не случайныя какія-нибудь отношенія между этими людьми и нѣкоторыми духовными, а на прочную, государственною властью установленную, а не только признанную даже, связь между ними, хотя подробно раскрыть ихъ отношенія мы и не можемъ. Среди архіепископскихъ людей, жившихъ въ Коломнѣ въ самомъ городѣ, мы найдемъ, кромѣ ремесленниковъ, о которыхъ скажемъ ниже, только дворецкаго, казначея, дьяка и ключника; дѣтей же боярскихъ, не только что бояръ, не находимъ ни одного, хотя при архіепископскихъ дворахъ дворяне и дѣти боярскіе бывали, что мы и увидимъ, напр., въ Казани; поэтому вышеприведенное надписаніе объ архіепископской слободкѣ, очевидно, обозначало, что слободка эта предназначена была вообще для архіепископскихъ людей, среди которыхъ могли быть такіе-то и такіе-то.

---

[1]) Писц. Кн. М. Гос., I, 630.

[2]) «Храмъ Соборъ Архангела Михаила; древена, клѣтцки, другой храмъ Чуда Архангела жъ Михаила, а въ храмахъ образы, и книги, и сосуды, и ризы, и все церковное строенье приходное; на церковной землѣ во дв. попъ, во дв. дьяконъ, во дв. проскурня, во дв. пономарь; м. поповское; да на церковной же землѣ изстари данья государева 4 двора да богадѣльныхъ старцевъ 12 дв.» П. Кн. М. Г., I, 313.

Но особенно интересны свѣдѣнія о монастырскихъ слободкахъ въ Можайскѣ; эти слободки, хотя и не тянули съ черными людьми никакого тягла, кромѣ городового дѣла, однако положены въ сохи и платили государю оброкъ и за намѣстничъ кормъ; и замѣчательно, что дворовъ этихъ монастырскихъ людей положено было въ соху ровно по стольку же, по скольку положено было въ соху черныхъ молодчихъ людей, именно по сту [1]); отсюда ясно, что указанія, даваемыя Бѣляевымъ, сколько полагалось въ соху дворовъ разныхъ разрядовъ, въ общемъ, приблизительно вѣрныя, не непремѣнно вѣрны, однако, для каждаго даннаго случая; важно при этомъ то, что помимо нарушенія абсолютно цифръ, даваемыхъ имъ, мы видимъ нарушеніе и отношеній, указываемыхъ имъ между числомъ дворовъ разныхъ разрядовъ, шедшимъ на соху [2]). Платили эти люди монастырю со двора—только живущаго—по 2 алт. и за намѣстничъ кормъ всего 15 алт., т. е. 90 д., слѣд., по 2 д. со двора,—итого, слѣд., они платили по 14 д. со двора; сравнительно съ черными людьми они платили гораздо меньше, но замѣчательно слѣдующее совпаденіе: монастырскіе люди платили со двора всего ровно по стольку же, по скольку платилось съ чернаго молодшаго двора «за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ»: всего этого дохода платилось тутъ съ $2^1/_4$ сохъ 17 р. 2 а. 5 д. [3]), т. е. всего 3,417 д.; но тутъ вмѣстѣ оброкъ и пошлины, пошлины же съ оброка обыкновенно взи-

---

[1]) Монастырскія слободки, заключавшія въ себѣ 45 дворовъ, составляли полсохи безъ пол-пол-чети сохи, т. е. $^7/_{16}$ сохи; слѣд. соха равнялась для нихъ 103 дв., но очевидно, тутъ нужно принимать круглую цифру; при тогдашнемъ счетѣ только половинами, четями, получетями, третями, полутретями и т. д., неизбѣжны подобныя отступленія; отдѣльно слободки равны: имѣвшая 22 двора—чети сохи безъ пол-пол-полчети сохи, причемъ въ соху приходится 100,6 дворовъ; имѣвшая же 13 дв.—полчети сохи, такъ что соха тутъ сосчитана въ 104 дв. Число же на соху дворовъ черныхъ тяглыхъ мы находимъ такъ: всего тутъ было въ живущемъ 175 дв. молодшихъ и 30 сер. и составляли они $2^1/_4$ сохи; въ пустѣ же 1,573 дв.. сошнаго письма $15^3/_4$ сохи; слѣд.. въ пустѣ приходится по 100 дв. ровно на соху; этотъ же разсчетъ вполнѣ примѣнимъ и къ дворамъ въ живущемъ, ибо по такому разсчету 175 дв. мол. составятъ $1^3/_4$ сохи, а 30 дв. сер.—$^1/_2$ сохи, т. е. что середнихъ шло тутъ въ соху 60 дв., что весьма вѣроятно. П. Кн. М. Г., I, 630—631.

[2]) *Бѣляевъ*, Лекціи по исторіи русскаго законодательства, 322—323; его-же О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ, Временникъ, XI, 52 и слѣд.

[3]) П. Кн. М. Г., 1, 630—631; эти данныя о податяхъ съ черныхъ людей мы подробно разсмотримъ въ другомъ мѣстѣ.

мались въ размѣрѣ 5%, — слѣд. собственно оброку тутъ было (3,254 д., т. е.) 16 р. 9 а.; а такъ какъ $2^{1}/_{4}$ сохи заключали въ себѣ 225 дв. молодшихъ, то, слѣд., со двора приходится тутъ по 14, 5 д. Мы не рѣшаемся распространить слѣдующаго отсюда вывода на всѣ подобные случаи изъятія какихъ-либо людей изъ тягла; но изъ словъ книги и изъ нашего разсчета ясно, что по крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ изъятіе отъ тягла не означало изъятія отъ податей, шедшихъ намѣстнику, и что вмѣстѣ съ тѣмъ монастырскіе люди несли эти подати совершенно въ такомъ же размѣрѣ, какъ и другіе люди. Въ сошное письмо не была положена та монастырская слободка, въ которой жили служки и дѣтеныши; правда, прямо этого не сказано, но мы должны заключать такъ изъ того, что рядомъ со столь подробными данными о разложеніи въ сохи другихъ монастырскихъ слободокъ, объ сошномъ письмѣ въ этой ничего не сказано; далѣе мы приведемъ объясненія, кто такіе были монастырскіе дѣтеныши.

Всѣ зависимые отъ духовенства люди принимали дѣятельное участіе въ торговлѣ и промышленности города: въ Коломнѣ торговали изъ нихъ 73 чел., имѣвшіе 77 л. и 4 полога, ремесленниками были 60 чел., въ Можайскѣ торговали 31 чел., имѣвшіе $46^{1}/_{2}$ торговыхъ заведеній, ремесленниками показаны 51 чел.; въ Коломнѣ, такимъ образомъ, бóльшій процентъ изъ этихъ людей занимался торговлею, въ Можайскѣ—ремеслами: въ Коломнѣ торговали 37,8%, ремеслами занималось 32% всего числа зависимыхъ отъ духовенства людей; въ Можайскѣ же торговали 29%, а были ремесленниками—49%. Сравнительно же со всѣмъ населеніемъ зависимые отъ духовенства въ Коломнѣ, составляя 20,7% всего числа жителей, владѣли 20,2% всего числа лавокъ и дали 33,1% всего числа ремесленниковъ города, не считая казенныхъ, въ Можайскѣ же, составляя 18,3% всего числа жителей, они владѣли 15,8% всѣхъ лавокъ и дали 20% всего числа ремесленниковъ [1]).

[1]) Вотъ полный списокъ ремесленниковъ зависѣвшихъ отъ духовенства буквами К. и М. отличаютсяремесленники Коломны и Можайска; относительно Коломны первая цифра обозначаетъ людей владычьихъ, вторая—зависѣвшихъ отъ монастырей и церквей; тамъ, гдѣ одна цифра безъ указаній болѣе точныхъ, она обозначаетъ людей владычьихъ.

хлѣбниковъ 6 (К. 1, 2, М. 3),
калачниковъ 8 (К. 4, 1, М. 3.)
пирожниковъ 3 (К. 1, М. 2)
квасниковъ 3 (К. 2, М. 1)
крупениковъ 1 (К., не влад.)
кисельниковъ 2 (К., не влад.)
сусленикoвъ 1 (М.)
рыбниковъ 1 (М.)
масленикoвъ 1 (К.)
поваровъ 5 (К. 3, М. 2)

Въ Коломнѣ и особенно въ Можайскѣ находимъ мы довольно значительное число нищихъ: въ Коломнѣ не менѣе 36 чел., въ Можайскѣ—не менѣе 145; вь Коломнѣ нищіе описаны въ городѣ въ монастырѣ (15 чел. въ 9 кельяхъ) [1]), 14 богадѣльныхъ старцевъ при одной церкви, 5 келій при одной церкви и одинъ богадѣльный старецъ показанъ лишь въ числѣ владѣльцевъ лавокъ; въ Можайскѣ при 20 церквахъ 107 келій нищихъ старцевъ, затѣмъ при 2 церквахъ 3 богадѣльныя избы, въ которыхъ 32 богадѣльныхъ старца и у одной изъ этихъ избъ еще въ отдѣльныхъ дворишкахъ 6 богадѣльныхъ старцевъ. Изъ этихъ старцевъ въ Коломнѣ и Можайскѣ по трое имѣли по одной лавкѣ; въ Можайскѣ у 6 богадѣльныхъ старцевъ, жившихъ особыми дворишками, былъ маленькій огородъ (4×2 кв. с.). То обстоятельство, что среди нищихъ были все-таки торгующіе, заставляетъ насъ предполагать, что не было ли нищихъ и въ числѣ тѣхъ владѣльцевъ лавокъ, которые въ перечисленіи дворовъ поименно не названы и которыхъ въ Можайскѣ очень много, тѣмъ болѣе, что въ Можайскѣ большинство такихъ людей имѣли по одной и даже часто не по цѣлой лавкѣ. Ремесленниками обозначены въ Коломнѣ два богадѣльныхъ старца (маслеником и портной мастеръ), въ Можайскѣ 1 (сусленикъ). Обозначеніе нищихъ здѣсь совершенно такое же, какъ и въ другихъ городахъ—именно о нихъ сказано, что они живутъ въ кельяхъ при церквахъ или въ богадѣльныхъ из-

---

порт. мастеровъ 7 (К. 5, М. 2)
сапожниковъ 13 (К. 1, 3; М. 9)
кожевниковъ 3 (К.)
скорняковъ 2 (К.)
овчинниковъ 4 (М.)
шубниковъ 1 (М.)
колпачниковъ 1 (К.)
рукавичниковъ 1 (М.)
бочарниковъ 2 (К)
кузнецовъ 5 (К. 2, 1; М. 2)
гвоздочниковъ 2 (К. 1, 1.)
дегтярей 3 (К. 1, М. 2.)
мыльниковъ 2 (К., не влад.)
кувшинниковъ 1 (М.)
лучниковъ 1 (М.)
серебр. мастеровъ 5 (К.)
свѣчниковъ 3 (К. 1, М. 2)
иконниковъ 4 (К. 2, М. 2)
конюховъ 2 (М.)
пастуховъ 1 (К., не влад.)
мельниковъ 3 (К. 1, М. 2)
звонильниковъ 3 (К.)
извощиковъ 1 (К.)
черепенниковъ 1 (К.)
рожечниковъ 1 (К., не влад.)
деревяничниковъ 1 (М.)
трушниковъ 1 (М.)
струнниковъ 1 (М)
часовниковъ 1 (М.)
кровопусковъ 1 (М.)

[1]) «Внутри же городѣ (sic) Дѣвичъ монастырь, а въ немъ ц. св. женъ Мироносицъ, древена, ветха безъ кровли, стоитъ безъ пѣнья, а образовъ и книгъ нѣтъ, а на монастырѣ 9 келей, а въ нихъ 15 старцевъ, а питаются о міру.» П. Кн М. Г., I, 308.

бахъ и питаются отъ церкви Божіей, или о міру. Замѣтимъ еще, что здѣсь, особенно въ Можайскѣ, число нищихъ чрезвычайно велико, сравнительно со всѣми другими городами, гдѣ мы ихъ найдемъ, ибо они составляли въ Можайскѣ почти четвертую долю всего населенія; въ городахъ сѣверозападной области мы нищихъ почти не видѣли; въ городахъ окраинныхъ найдемъ ихъ, но немного.

При двухъ церквахъ, какъ мы уже выше говорили, въ Коломнѣ, жили черкасы; кромѣ того, мы видимъ ихъ тутъ же еще при описаніи пустыхъ черныхъ мѣстъ, тотчасъ вслѣдъ за описаніемъ черныхъ тяглыхъ дворовъ, подъ такимъ заголовкомъ: «на Коломнѣ же на посадѣ дворы черкасскіе, а бывали тѣ дворы посадскіе черные»—всего 54 дв., а итогъ общій подведенъ такъ: «и всего на Коломнѣ на посадѣ черныхъ тяглыхъ дворовъ 12, а людей въ нихъ 14 чел., а въ пустѣ 249 м. дворовыхъ, да черныхъ же дворовъ 54 двора, а живутъ въ нихъ черкашене, а сошнаго письма въ живущемъ пол-трети сохи, а въ пустѣ и съ чаркасскими дворы 4 сохи безъ чети сохи» [1]). Отсюда ясно, что дворы, занятые черкасами, продолжали считаться пустыми; въ тѣхъ случаяхъ, когда черкасы показаны на церковныхъ мѣстахъ, то же не приведено точно числа занятыхъ ими дворовъ—вообще книга интересуется этими черкасами очень мало. По поименному счету мы находимъ тутъ 65 чел. черкасъ; только двое изъ нихъ ремесленниками и еще двое имѣли одинъ лавку, другой кузницу; у одного еще жилъ человѣкъ, имѣвшій лавку и болѣе никакихъ свѣдѣній объ этихъ черкасахъ книга наша не даетъ; обо всѣхъ остальныхъ имѣемъ лишь собственныя имена. Имена эти не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти черкасы по происхожденію изъ польскихъ областей, иногда даже почти навѣрно не православные: такія имена, какъ Михаилъ Ляхъ, Мазуръ, Матусъ, Мартинъ, Янъ, достаточно ясное доказательство, что польскій элементъ былъ въ этихъ черкашенахъ; мы найдемъ ихъ еще въ Тулѣ; въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, черкасами, черкашенами еще долго называли малороссіянъ; вѣроятно и тутъ мы имѣемъ дѣло съ выходцами изъ Малой Россіи; но какъ когда они явились, зачѣмъ и на какихъ условіяхъ здѣсь поселились—мы не можемъ еще разрѣшить этихъ вопросовъ за недостаткомъ данныхъ объ этихъ черкасахъ [2]).

---

[1]) П. Кн. М. Г., I, 312, 313.

[2]) О переселеніяхъ малороссіянъ въ Московское государство до половины XVII в. нѣкоторыя данныя находятся у *Багалѣя*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, т. I, гл. III.

Обращаясь къ разсмотрѣнію положенія въ подмосковныхъ городахъ черныхъ тяглыхъ людей, какъ оно рисуется намъ по писцовымъ книгамъ, мы прежде всего остановимся на фактѣ, который сразу же особенно бросается въ глаза—именно на прогрессивномъ запустѣніи этихъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Серпуховѣ въ 1552 г. мы видимъ черныхъ тяглыхъ жилыхъ 623 дв., а пустыхъ дворовъ и мѣстъ 143 (21 дв. п. и 122 м. дв.), въ Муромѣ, по книгамъ 1566 г. было жилыхъ дворовъ 587, а дворовъ пустыхъ и мѣстъ дворовыхъ 151, по книгамъ же 1574 года—въ живущемъ всего уже 111 дв., а въ пустѣ уже 107 дв. и 520 м. дворовыхъ [1]); въ Коломнѣ по книгамъ 1578 г. въ живущемъ было черныхъ тяглыхъ и оброчныхъ 32½ двора, а въ пустѣ тяглыхъ и оброчныхъ дворовъ и мѣстъ 662; наконецъ, въ Можайскѣ по книгамъ 1594—1596 г. въ живущемъ было 205 дв., а въ пустѣ 127 дв. и 1446 м. [2]). Прогрессированіе этого запустѣнія видно какъ изъ того, что всего менѣе пустоты въ Серпуховѣ, описаніе котораго относится къ серединѣ вѣка, а болѣе всего въ Коломнѣ и Можайскѣ, описаніе которыхъ относится къ концу вѣка, такъ и изъ данныхъ о Муромѣ по двумъ описямъ и наконецъ, еще изъ указаній, находящихся въ можайской книгѣ, когда и какъ именно запустѣлъ тотъ или другой дворъ. При этомъ о 1040 м. дв. сказано, что уже и не запомнятъ, кто именно на нихъ жилъ и когда они запустѣли, о 356 м. сказано, что они запустѣли въ повѣтріе 1580 и 1581 годовъ, и наконецъ объ остальныхъ замѣчено, что бывшій жилецъ съ каждаго сшелъ или умеръ въ такомъ-то году. Изъ этихъ указаній узнаемъ, что въ послѣдніе два года, въ годъ начала описанія и въ годъ, ему предшествовавшій, сошло безвѣстно 35 чел. и умерло 32; въ три года предъ тѣмъ сошло 45 ч. и умерло 15, и наконецъ въ 11 лѣтъ предъ тѣмъ еще сошло 3 и умерло 24 чел. [3]); отсюда совершенно ясно, что уходъ населенія все усиливался и

---

[1]) Мы опредѣляемъ такъ число прежде бывшихъ дворовъ пустыхъ и мѣстъ дв. потому, что послѣ итога дворовъ жилыхъ, дворовъ пустыхъ и мѣстъ дворовъ пустыхъ и мѣстъ дворовыхъ, бывшихъ въ моментъ составленія нашей сотной, сказано: «а по писцовой по старой сотной писано тожъ», а выше было сказано, что по прежнему письму было живущихъ 587 дв.

[2]) Изъ всего числа черныхъ дворовъ жилыхъ и пустыхъ въ Серпуховѣ жилыхъ 81%, въ Муромѣ по описи 166 г.—жилыхъ 79%, а по описи 1574—жилыхъ только 15%, въ Коломнѣ жилыхъ 8½% и въ Можайскѣ 11%,—остальные пусты.

[3]) Писц. Кн. М. Гос., I, 628—630.

усиливался. Нужно еще обратить вниманіе, что и запустѣніе дворовъ вслѣдствіе ихъ вымиранія есть, собственно говоря, свидѣтельство того же бѣгства жителей, ибо, очевидно, нельзя предположить поголовнаго вымиранія столькихъ дворовъ; книга говоритъ, конечно, о смерти только хозяевъ этихъ дворъ, только о смерти главъ семействъ, занимавшихъ эти дворы; и если послѣ ихъ смерти такъ часто эти дворы оставались пустыми, т. е. не оказывалось у нихъ дѣтей или наслѣдниковъ, то это, конечно, указываетъ на то, что ихъ дѣти и вообще наслѣдники не желали жить въ этихъ городахъ, уходили отсюда вѣроятно еще до смерти прежнихъ хозяевъ дворовъ. Нельзя думать, чтобы черные люди покидали лишь свои дворы, а не эти города, и лишь переходили во дворы къ другимъ людямъ, оставаясь въ своемъ же городѣ, что видимъ въ началѣ XVII в. [1]) и что являлось удобнымъ способомъ нести меньше повинностей; если бы было такъ, то мы должны были бы найдти здѣсь во дворахъ бóльшее число людей, сравнительно съ тѣмъ, какъ мы находимъ въ другихъ городахъ; но мы этого здѣсь вовсе не замѣчаемъ. Съ другой стороны, фактъ ухода множества населенія изъ подъ Москвы въ другія мѣста подтверждается и разсмотрѣніемъ данныхъ о городахъ пограничныхъ, гдѣ мы встрѣтимъ всего болѣе приходцевъ именно изъ центральныхъ мѣстностей. Вопросъ объ этомъ передвиженіи жителей изъ центра къ окраинамъ, о которомъ мы теперь говоримъ, еще не разработанъ въ русской ученой литературѣ, хотя самый фактъ этого бѣгства уже отмѣченъ былъ В. О. Ключевскимъ [2]); повидимому, большое значеніе имѣло

[1]) Объ этомъ говоритъ цитованное уже нами выше постановленіе собора 1619 г.,—Кн. Разр., I, 613.

[2]) *Ключевскій*, Боярская дума въ древней Руси, изд. 2, 311—313; «въ XVI в. не только прекращается шедшій сюда (въ центральное междурѣчье) цѣлые вѣка приливъ населенія съ юга и югозапада, но и становится замѣтенъ отливъ въ обратномъ направленіи», 312; *Чичеринъ* (Обзоръ историческаго развитія сельской общины—Опыты, 25) тоже говоритъ, что если уже въ XVII в., когда переходы были запрещены, они тѣмъ не менѣе наблюдались въ полной силѣ, то «что же было въ XVI в. въ средней Россіи, гдѣ вотчинники старались наперерывъ переманивать къ себѣ крестьянъ, гдѣ безпрерывныя войны, набѣги и опустошенія насильственно заставляли сельскихъ жителей покидать свои мѣста?». *Кн. Черкасскій* (Юрьевъ день, въ Русскомъ Архивѣ за 1882 г., кн. I, 25—27) пожалуй даже преувеличиваетъ размѣры этого бродяжничества, предполагая «своенравные приливы и отливы» населенія въ той или другой мѣстности, которые рисуются ему какъ самая «живая, трепещущая язва» быта того времени. *Бѣляевъ* же (Крестьяне на Руси,

тутъ открытіе огромныхъ пространствъ для русской колонизаціи на юговостокѣ [1]); но важно то, что не менѣе замѣтно стремленіе населенія *отсюда*, изъ центра, чѣмъ стремленіе *туда*—ибо въ пограничныхъ городахъ по южной окраинѣ мы находимъ приходцевъ *преимущественно* изъ подмосковныхъ городовъ. Нечего и говорить о томъ, на сколько любопытенъ этотъ фактъ; безъ сомнѣнія, сильны и важны должны были быть причины, заставлявшія столько народа бѣжать съ мѣстъ своего прежняго жительства; безъ сомнѣнія, значительныя затрудненія, экономическія и административныя, должны были возникнуть изъ этого; такое перемѣщеніе жителей, столь сильный отливъ ихъ отъ центра къ окраинамъ не могъ остаться безъ важныхъ послѣдствій для мѣстъ ихъ новаго поселенія, также какъ и для мѣстъ ими покинутыхъ; люди, легче другихъ рѣшавшіеся оставлять свои старыя жилища, конечно, должны были и по своему характеру отличаться отъ другихъ, и особенности ихъ характера, повидмому, сказались въ нѣкоторыхъ явленіяхъ смутнаго времени, въ началѣ котораго они именно были важнѣйшими дѣятелями. Именно это разнообразіе вопросовъ, которые пришлось бы намъ затронуть, если бы мы приняли на себя задачу разсматривать причины и слѣдствія этого явленія, и заставляетъ насъ въ настоящемъ трудѣ пройти этотъ вопросъ безъ изслѣдованія, ограничиваясь лишь тѣмъ, что мы указали и сгруппировали тѣ его черты, какія выступаютъ въ изучаемомъ нами источникѣ; намъ кажется, что при настоящемъ состояніи разработки подобныхъ вопросовъ, только это и возможно въ трудѣ, не спеціально одному изъ нихъ посвященномъ.

Въ нашихъ же источникахъ мы видимъ, что къ городу въ тягло были приписываемы дворы, бывшіе прежде оброчными и даже бѣлыми. Такъ въ Серпуховѣ приписаны въ тяглые 32 дв. середніе съ 38 чел. и 82 дв. молодчіе съ 99 чел., прежде бывшіе разныхъ слободокъ [2]); тамъ же приписаны въ тяглые черные 13 дв. съ

изд. 2, 36, 92) отрицаетъ значительное развитіе бродяжничества между крестьянами; впрочемъ, его главная цѣль указать, что не свободный переходъ крестьянъ вызывалъ иногда запустѣніе извѣстной мѣстности, а какія нибудь другія причины; этого, конечно, вполнѣ отрицать нельзя.

[1]) См. объ этомъ между прочимъ у *Перетятковича*, Поволжье въ XV—XVI вв, 232,206; о томъ же говорятъ и многіе другіе изслѣдователи.

[2]) Послѣ переписи всѣхъ дворовъ читаемъ: «и впередъ городскимъ людямъ, сотскому..., да старостѣ... да (поименованы четверо)... и всѣмъ городскимъ людямъ и съ тѣми людьми, что были оброчные, съ Ивановскими,

16 человѣками, прежде бывшіе воротничьи [1]); въ Муромской сотной читаемъ: «въ Муромѣ же на посадѣ дв. бѣлые, а приписаны они въ тяглые къ чернымъ же дворамъ... и всего мѣстъ дворовыхъ бѣлыхъ пустыхъ, которые приписаны къ чернымъ дворамъ въ тягло 75» [2])— изъ этого мѣста, равно какъ и изъ общаго итога, повторяющаго какъ число жилыхъ дворовъ цифру 111, уже ранѣе указанную, ясно, что въ Муромѣ приписаны были лишь мѣста; въ Можайскѣ приписаны были въ тягло дворы, бывшіе слободокъ сливничьей, огородничьей и кожевничьей, но по описанію нельзя съ полною увѣренностью сказать, сколько именно этихъ дворовъ [3]). Мы, собственно говоря, не можемъ указать, чѣмъ облегчала и даже облегчала ли прежнихъ городскихъ тяглецовъ приписка въ городское тягло новыхъ людей, ибо нельзя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ утверждать положительно, увеличивалось ли, и если увеличивалось, то пропорціонально ли, число сохъ, въ которое расписанъ былъ городъ, съ припискою къ нему дворовъ, бывшихъ оброчныхъ; мы думаемъ, что бывало и такъ, и такъ, ибо иногда видимъ, что «за худобою» не положенъ въ сохи и весь посадъ, а иногда, какъ, напр., въ Коломнѣ, и слобожане были разложены въ сохи по разсчету, очень близкому къ тому, какъ были разложены черные люди того же города, да и изъ слободъ тоже бѣжали жители, какъ это ясно изъ описанія двухъ слободъ въ Коломнѣ и въ Серпуховѣ, гдѣ самая большая слобода, въ 20 дв., пуста. При перечисленіи людей тяглыхъ и слобожанъ, они всегда указываются «во дворѣ такой то»; ниже мы объяснимъ, что, по нашему мнѣнію, обозначалъ такой способъ выраженія. По нашимъ документамъ мы находимъ еще въ Серпуховѣ и Коломнѣ людей на церковныхъ мѣстахъ; въ сотной Серпуховской еще повторено почти дословно постановленіе Судеб-

---

съ ключничими, съ бобровники, и съ конюшенными и съ кузмодемьянскими тягло тянути всякую (sic) съ одно»,—*Симсонъ*, Исторія Серпухова, 328; перечисленіе дворовъ, бывшихъ этихъ слободъ, а потомъ приписанныхъ къ городу въ тягло, тамъ же, 326—328; на страницѣ 326 же читаемъ еще: «на посадѣ жъ дворы, что была слободка за Татары, а нынче приписана къ городу въ тягло».

[1]) *Симсонъ*, Исторія Серпухова, 319: «по Никольской улицѣ дворы тяглые жъ, что были за воротники».

[2]) А. Ю., № 229, стр. 250-251.

[3]) Писц. кн. М. Гос., I, 617—618; но возможно, что заглавіе «что была слободка сливничья,—огородничья» относятся только ко дворамъ въ одной, двухъ улицахъ, но точно рѣшить этого невозможно.

ника 1550 г., чтобы такихъ людей свозить въ посадскіе дворы [1]),— тогда еще боролись съ этими переходами черныхъ людей на нетяглыя мѣста; но въ книгѣ Коломны уже и не говорится о попыткахъ остановить это движеніе.

Въ Серпуховѣ и Можайскѣ видимъ дѣленіе тяглыхъ людей на середнихъ и молодчихъ: въ Серпуховѣ сер. 110 дв., людей въ нихъ 140 чел., въ Можайскѣ—30 дв., но сколько въ нихъ людей, сказать не можемъ, потому что въ описаніи каждаго двора не сказано, какой онъ, и дѣленіе указано лишь въ итогѣ; въ Серпуховѣ, среднимъ счетомъ, и на дворъ середній приходилось ровно столько же людей, какъ на дворъ молодшій (128 чел. на 100 дв.); но это, вѣроятно, случайность, а мы видѣли выше и еще увидимъ, что обыкновенно на дворъ середній приходилось людей больше, чѣмъ на дворъ молодчій. Во всѣхъ этихъ городахъ указано разложеніе на сохи, но не всегда вполнѣ ясно, такъ что только въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ установить его съ полною точностью, въ другихъ же необходимо ввести нѣкоторыя предположенія для того, чтобы согласовать разныя мѣста счета книги или опредѣлить число дворовъ на соху. Такъ, въ Можайскѣ 1,446 м. дв. и 127 дв. п. составляли 16 сохъ безъ чети, т. е. $15^3/_4$ сохъ, – слѣд. въ соху положено ровно 100 дв.; выше мы уже говорили, что къ даннымъ о дворахъ жилыхъ этотъ разсчетъ примѣнимъ только при предположеніи, что въ соху середнихъ дворовъ шло 60, что, дѣйствительно, весьма вѣроятно, если въ соху шло молодшихъ дворовъ 100. Не сходится также и счетъ по сохамъ жилыхъ и пустыхъ дворовъ и въ Коломнѣ: 12 дв. жилыхъ составляли $^1/_6$ сохи—слѣд. на соху приходилось 72 дв.; а дворы пустые вмѣстѣ съ черкасскими— въ числѣ 303,—составляли 4 сохи безъ чети, т. е. $^{15}/_4$, причемъ

[1]) Ст. 91 Судебника 1551 г. (А. И., I, № 153) гласитъ слѣд.: «а попа и дьякона, и черица, и черницу, и старую вдовицу, которые питаются отъ ц. Божіей, ино ихъ судити епископу или его судьемъ, а которая вдовица питается не отъ церкви Божіей, а живетъ своимъ домомъ, ино то судъ не святительской. А торговымъ людемъ городскимъ на монастырѣхъ не жити, а жити имъ въ городскихъ дворѣхъ,—а которые торговые люди учнутъ жити на монастырѣхъ, и тѣхъ съ монастырей свозити, и намѣстникомъ ихъ судити»; въ Серпуховской же сотной читаемъ: «а городскимъ людемъ торговымъ и мастеровымъ въ тѣхъ дворѣхъ на церковной землѣ не жити, и серпуховскому сотскому и всѣмъ городскимъ людемъ тѣхъ людей изъ тѣхъ дворовъ вывозити да сажати въ свои старые дворы въ тяглые»,—*Симсонъ*, Исторія Серпухова, 329.

въ соху придется ровно по 80 дв. [1]), а тогда 12 дворовъ составятъ не $^1/_6$, а почти $^1/_7$ сохи; возможно, что прежде дворы, въ моментъ составленія описи пустые, положены были въ соху по другому разсчету и каждые записаны по своему разсчету, возможно, что въ числѣ живущихъ есть нѣсколько середнихъ, благодаря чему и вышло, что число дворовъ, долженствовавшее, повидимому, составлять $^1/_7$ сохи, составило $^1/_6$ ея; но вполнѣ возможно, что тутъ нужно считать именно 80 дв. на соху, и что неточное опредѣленіе части сохи, какую составляли жилые дворы, объясняется тѣмъ, что по тогдашнему способу выражать доли сохи было чрезвычайно трудно выразить одну седьмую [2]). Въ Серпуховской сотной читаемъ о *пашнѣ*, что ея 9 сохъ безъ получетверти сохи, т. е. $^{71}/_8$ [3]); собственно говоря, это нѣсколько странное выраженіе; мы ждали бы скорѣе словъ: «а сошнаго письма» — ибо указаніе его какъ разъ умѣстно послѣ описанія дворовъ; возможно, что тутъ невѣрно прочтенъ подлинникъ; но, быть можетъ, что такъ стоитъ и тамъ и что нужно понять эти слова такъ, что, по разложенію въ сохи, пашня соотвѣтствовала количеству дворовъ: это тѣмъ болѣе вѣроятно, что по такому разсчету тутъ приходится на соху 70 дв., что въ общемъ очень возможно; но невозможно, чтобы поровну были положены въ сохи дворы и середніе и молодчіе; дворовъ середнихъ обыкновенно клали въ соху процентовъ на 25—35 меньше, чѣмъ молодшихъ; по такому разсчету тутъ должно быть положено въ соху дворовъ молодчихъ по 75—76 дв. и по 50—52 дворовъ середнихъ. Наконецъ, въ Муромѣ приходилось на соху по 63 двора. Мы остановились на этомъ вопросѣ такъ подробно потому, что на данныхъ объ этихъ городахъ можно съ совершенною ясностью убѣдиться, что въ соху клали тогда не вообще опредѣленное число дворовъ, различавшееся только по тому, какіе это дворы—добрые, середніе или молодчіе, а различное и опредѣлявшееся самыми различными мѣстными условіями.

Въ дополненіе къ приведеннымъ выше даннымъ о бѣгствѣ чернаго населенія изъ этихъ городовъ, укажемъ, что приходцевъ здѣсь видимъ очень мало: въ Можайскѣ — 5 вереитиновъ и 1 старича-

---

[1]) Писц. кн. М. Госуд., I, 630, 613.

[2]) Наиболѣе близко можно было бы выразить $^1/_7$ такъ: треть сохи да пол-полчети сохи безъ чети сохи—тогда бы мы получили 0,146 вм. 0,143; но намъ неизвѣстно примѣровъ, чтобы послѣ меньшей части сохи упомянута была большая, какъ необходимо въ такомъ выраженіи.

[3]) *Симсонъ*, Исторія Серпухова, 329.

нинъ, въ Серпуховѣ—всего 11 чел. (два просто приходца, два туленина и по одному изъ Медыни, Рязани, Тарусы, Коломны, Переяславля, Алексина, одинъ боровитинъ); въ Серпуховѣ одинъ названъ еще новокрещеномъ.

Въ изучаемыхъ нами теперь городахъ черные тяглые люди въ очень значительныхъ размѣрахъ занимались торговлею и ремеслами Въ Серпуховѣ торговали 67 чел. середнихъ и 161 мол., т. е. изъ числа середнихъ — 50%, изъ числа молодчихъ — 25%, изъ всего же числа черныхъ людей—28%; замѣчательно, что изъ 45 человѣкъ, отмѣченныхъ «торговыми» (24 изъ мол. и 21 изъ сер.), только 4 имѣли лавки. Всего лавокъ принадлежало тутъ черньмъ людямъ $216^2/_3$, 13 амбаровъ и 16 м. л., изъ этого числа середнимъ принадлежало $73^1/_2$ лавки, 5 амбаровъ и 6 м., остальное молодчимъ; такимъ образомъ распредѣленіе лавокъ между середними и молодыми довольно равномѣрно, но все - таки середніе торговали болѣе молодыхъ: изъ всего числа торговавшихъ людей середніе составляли 29%, а изъ числа лавокъ и амбаровъ имъ принадлежало 35%; молодшіе же составляли изъ числа торговавшихъ 71%, а изъ числа лавокъ и амбаровъ имъ принадлежало 65%. Въ Серпуховѣ есть еще 22 владѣльца лавокъ, которые не встрѣчаются въ описаніи дворовъ; они имѣли 76 л., 3 а., 2 м.; между ними два попа, одинъ человѣкъ, повидимому, братъ одного изъ описанныхъ во дворахъ [1]); объ остальныхъ узнаемъ лишь ихъ имена; очень можетъ быть, что многіе изъ нихъ тѣ люди, описаніе дворовъ которыхъ приходится на пострадавшія отъ времени и потому непрочитанныя мѣста документа. Повидимому, въ итогѣ своемъ сотная не считала 8 лавокъ, стоявшихъ на церковной землѣ, потому что если присчитать ихъ, то получимъ на 8 л. больше, чѣмъ даетъ итогъ книги. Въ Коломнѣ изъ 12 тяглыхъ людей торговали двое, имѣвшіе 2 л. и 1 пологъ; а изъ 32 слобожанъ торговали 16 чел., имѣвшіе 20 л. и 1 м. л.; такимъ образомъ, вмѣстѣ, изъ черныхъ людей и слобожанъ торговали ровно третья часть, и составляя всего 5% всего числа жителей, они и изъ всего числа лавокъ имѣли какъ разъ 5% же. Въ Можайскѣ участіе въ торговлѣ принимали 111 чел. черныхъ, т. е. немного больше половины всего ихъ числа, и имѣли 77 л., 4 амб., 19 скамей и полковъ, 7 кузницъ и пустыхъ 14 л., 4 амб. и 1 мѣсто; составляя

[1]) Іевко Истоминъ Гайтуровъ, а въ числѣ описанныхъ въ дворахъ есть Иванко Истоминъ Гайтуровъ.

въ Можайскѣ 36% всего находившагося на лицо населенія, черные люди изъ общаго числа торговыхъ заведеній имѣли 30%; слѣд., и въ Коломнѣ, и въ Можайскѣ, черные люди торговали почти столько же, относительно, какъ и всѣ остальные жители этихъ городовъ. Относительно Мурома не будемъ дѣлать подобныхъ разсчетовъ, ибо въ сотной его не напечатано описанія лавокъ, а лишь приведены итоги лавокъ по рядамъ, и мы не увѣрены, занесены ли туда лавки только черныхъ людей, или и другихъ—въ сотной Мурома, по крайней мѣрѣ, какъ мы уже говорили, записано нѣсколько дворовъ и другихъ людей. Относительно распредѣленія лавокъ между отдѣльными людьми замѣтимъ, что въ Можайскѣ нѣтъ ни одного случая, чтобы одному человѣку принадлежало болѣе 3-хъ лавокъ, въ Серпуховѣ же, между людьми середними есть пятеро и между молодшими двое, владѣвшіе тремя и тремя съ половиною лавками; а въ числѣ людей, имена которыхъ не встрѣчались намъ въ описаніи дворовъ, былъ одинъ, владѣвшій $7^1/_2$ торговыми заведеніями; очень часты случаи, что человѣку принадлежала $^1/_2$, $^1/_3$ и даже $^1/_4$ лавки или амбара; обыкновенно при этомъ лавки дѣлились поровну между совладѣльцами, но встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ, что одному владѣльцу принадлежало $^2/_3$ или $^3/_4$, а другому—$^1/_3$ или $^1/_4$. Въ описаніи Серпуховскаго торга 8 лавокъ показаны стоящими на церковной землѣ — въ одномъ мѣстѣ 3, въ другомъ 5,—и 16 лавокъ, стоящими на землѣ протопопа; но никакихъ данныхъ объ обязанностяхъ владѣльцевъ этихъ лавокъ къ владѣльцамъ земли, на которой онѣ стоятъ, въ книгѣ нѣтъ; достойно только замѣчанія, что 8 л. на церковной землѣ не введены въ счетъ и что при описаніи пяти изъ нихъ читаемъ не «лавка такого-то», какъ обыкновенно, а «въ лавкѣ такой-то»; подобное же описаніе встрѣчаемъ еще два раза рядомъ — именно читаемъ «въ полулавкѣ такой-то» [1]), но въ послѣднемъ случаѣ ужъ рѣшительно нѣтъ ничего хотя бы сколько-нибудь отличающаго такъ описанныя лавки отъ всѣхъ прочихъ.

Оброкъ платился съ лавокъ и амбаровъ во всѣхъ этихъ городахъ довольно равномѣрно и въ общемъ болѣе низкій, чѣмъ мы видѣли въ городахъ сѣверозападной части тогдашняго Московскаго государства—именно въ Серпуховѣ съ лавки и амбара по 1 алт., въ Коломнѣ оброкъ по рядамъ различный, но въ общемъ немного менѣе 2 алт. съ лавки и амбара, въ Можайскѣ съ лавки 10 д.,

---

[1]) *Симсонъ*, Исторія Серпухова, 333, 330.

съ амбара 1 алт., съ полки и скамьи—по 4 и по 3 д.; только въ Муромѣ почему-то оброкъ значительно выше и въ среднемъ достигаетъ съ лавки и амбара $5^1/_2$ алт. и со скамьи $2^1/_2$ алт. [1]).

Какъ относительно торговой дѣятельности черныхъ посадскихъ людей мы находимъ подробныя данныя только въ книгахъ Коломны, Можайска и Серпухова, такъ и о ремесленной ихъ дѣятельности можемъ говорить только относительно тѣхъ же городовъ. Всего ремесленниками обозначены въ Коломнѣ изъ черныхъ людей 24 чел., причемъ 5 изъ собственно тяглыхъ и 19 изъ слобожанъ; въ Можайскѣ ремесленниками 177 чел., въ Серпуховѣ — 375 мол. и 45 середнихъ [2]); изъ всего числа посадскихъ людей занимались ремеслами въ Коломнѣ 60%, въ Можайскѣ 86% и въ Серпуховѣ—53%; относительно Коломны и Можайска мы можемъ сдѣлать еще слѣдующій разсчетъ: въ Коломнѣ черные люди, составляя 5% всего числа жителей, въ число ремесленниковъ городъ дали $16^1/_2$%, а въ Можайскѣ, составляя 36% населенія, въ число ремесленниковъ дали 75%; такимъ образомъ въ Можайскѣ, очевидно, ремесленная дѣятельность находится именно въ рукахъ посадскихъ людей, а въ Коломнѣ они все-таки принимаютъ въ ней участіе сравнительно съ своимъ числомъ значительно большее, чѣмъ остальные жители города [3]).

---

[1]) Писц. Кн. М. Г., I, 314—318, 632; *Симсонъ*, Исторія Серпухова, 329.

[2]) Собственно говоря, показаны ремесленниками въ Коломнѣ 23 чел., въ Можайскѣ 165 и въ Серпуховѣ 418; въ Коломнѣ разъ, въ Серпуховѣ два и въ Можайскѣ 12 разъ одинъ человѣкъ показанъ занимающимся двумя и даже тремя ремеслами, обыкновенно близкими между собою, напр., хлѣбникъ калачникъ, сапожникъ кожевникъ, но есть калачникъ серебряный мастеръ, полстовалъ крупеникъ и т. п.

[3]) Вотъ списокъ ремесленниковъ черныхъ людей въ этихъ городахъ:

хлѣбниковъ 30 (К. 2, М. 9, С. 19).
мясниковъ 29 (М. 10, С. 19).
калачниковъ 13 (К. 3, М. 2, С. 8).
прасоловъ 11 (М. 10, С. 1).
пирожниковъ 11 (К. 2, М. 7, С. 2).
масляниковъ 5 (М. 2, С. 3).
ситниковъ 4 (С.).
луковниковъ 3 (К. 1, М. 2).
солениковъ 2 (М., С.).
солодовниковъ 2 (М.).
крупениковъ 2 (М.).
гречишниковъ 2 (М.).
кисельниковъ 2 (М. С.).
сусолениковъ 1 (М.).
квасниковъ 1 (М.).
хмѣльниковъ 1 (С.).
пивоваровъ 1 (С.).
замочниковъ 2 (К.).
каменьщиковъ 2 (М.).
жерновниковъ 2 (С.).
бочарниковъ 2 (С.).
сѣдельниковъ 2 (С.).
мельниковъ 2 (С.).
дегтярей 2 (М., С.).
свѣчниковъ 2 (М.).
мыльниковъ 2 (К., М.).

Указанія на городскую землю находимъ только въ сотныхъ Серпухова и Мурома; въ Серпуховѣ было всего городской земли 1033 ч. да сѣна 3115 копенъ; въ Муромѣ же, по старой сотной, когда дворовъ было 587, земли было 608 ч. [1]); въ обоихъ случаяхъ на

гвоздочниковъ 1 (С.).
веретенниковъ 1 (С.).
колесниковъ 1 (С.).
огородниковъ 1 (С.).
казаковъ 83 (С., одинъ середній).
извощиковъ 17 (М. 1, С. 16).
серебряниковъ 9 (М. 7, С. 2).
москотильниковъ 8 (М. 7, С. 1).
сапожниковъ 76 (К. 3, М. 24, С. 49).
кожевниковъ 51 (К. 2, М. 13, С. 36).
портн. маст. 15 (К. 1, М. 5, С. 9).
овчинниковъ 11 (К. 1, М. 3, С. 7).
рукавишниковъ 5 (К. 1, М. 2, С. 2).
подошевниковъ 4 (М. 2, С. 2).
полстоваловъ 3 (М. 2, С. 1).
скорняковъ 2 (М.).
сырейщиковъ 2 (М.).
ветошниковъ 1 (М.).
красильщиковъ 1 (М.).
сыромятниковъ 1 (М.).
башмачный (sic). 1 (М.).
чоботныхъ мастеровъ 1 (С.).
епанечниковъ 1 (М.).
кузнецовъ 68 (К. 1, М. 4, С. 63).
гончаровъ 29 (С.).
плотниковъ 13 (М. 7, С. 6.)
каменотесовъ 5 (С.).
кувшинниковъ 5 (М.).
поневниковъ 5 (М. 1, С. 4).
горшечниковъ 4 (М. 2, С. 2).
иконниковъ 3 (М.).
ножевниковъ 3 (М.).
гладильщиковъ 6 (М.).
скомороховъ 5 (С.).
трушниковъ 4 (М.).
тимовниковъ (sic) 3 (С.).
сокольниковъ 3 (С).
пастуховъ 3 (одинъ конскій, С.).
гусельниковъ 2 (С.).
дудниковъ 2 (М.).
зелейныхъ маст. 2 (С.).
строевъ 2 (С.).
пугвичниковъ 1 (М.).
«книги пишетъ» 1 (С.).
кровопусковъ 1 (М.).
вощечниковъ 1 (С.).
лучниковъ 1 (С.).
рожечниковъ 1 (К.).
струнниковъ 1 (М.).
шаровниковъ 1 (С.).
батраковъ 1 (М).
вольниковъ 1 (М.).
желѣзныхъ скупщиковъ 1 (С.).
доморниковъ 1 (С.).
«за каменемъ стоитъ» 1 (С.).

[1]) «А земли у города по обѣ стороны р. Нары, у всѣхъ городскихъ людей съ оброчники и съ слободскими 1033 ч., сѣна 3115 копенъ. А оброку давали в. князю городскіе люди по старому съ земли за дань 80 п. меду, а оброчники, да Ивановская слобода, да ключнича, да бобровники, да Кузьмодемьянская давали в. князю за дань и за посошный кормъ 34½ п. меду, а конюшенная слободка давала деньгами по 20 алт.»—*Симсонъ*, Исторія Серпухова, 328; далѣе слѣдуетъ мѣсто, приведенное уже у насъ въ прим. 2 на стр. 160. О Муромѣ читаемъ (А. Ю., стр. 251): «Пашни у всего посаду съ Московскіе дороги, и перелогу, и животиннаго выпуску, во всѣхъ трехъ поляхъ худые земли, по старой сотнѣ Д. А. Бутурлина съ товарищи 608 ч., а сошнаго письма» и т. д. Думаемъ, что и тутъ и въ Серпуховской сотной надо понимать, что 1033 ч. и 608 ч. «въ полѣ, а въ дву потому жъ», но утверждать этого не рѣшимся.

дворъ тяглый приходится земли менѣе двухъ четей въ полѣ (въ Серпуховѣ 1,65, въ Муромѣ—1,03); въ книгахъ Коломны и Можайска о городской пашнѣ и вовсе не упоминается; только разъ въ Коломенской книгѣ сказано, что съ одного луга, на которомъ ставится 1160 копенъ, и который въ моментъ описанія былъ отведенъ къ коломенскому яму, «плачивали Коломенскіе посадскіе люди по 24 р.» [1]); но это единственное указаніе на какое то отношеніе коломенскихъ посадскихъ людей къ земледѣлію очень не ясно и допускаетъ предположеніе, что эти 24 рубля платились посадскими людьми коломенскимъ ямщикамъ на наемъ этого луга, который потомъ уже былъ отведенъ прямо къ яму. При небольшомъ числѣ городовъ подмосковныхъ, полными данными о которыхъ мы располагаемъ, мы затруднились бы утверждать положительно, что вообще въ этомъ районѣ посадскіе люди пахали мало, на основаніи только молчанія нашихъ источниковъ, ибо молчаніе о чемъ-либо еще не доказываетъ отсутствія самаго факта; но такъ какъ значительная степень участія здѣсь посадскаго населенія въ торговопромышленной дѣятельности несомнѣнна, то совершенно естественно, что эта дѣятельность развилась на счетъ земледѣлія, тѣмъ болѣе, что и вообще около такихъ центровъ, какъ столица, всегда и всюду замѣчается большее развитіе промышленности обработывающей и земледѣлія интенсивнаго,—огородничества, садоводства,—чѣмъ хлѣбопашества; ниже мы укажемъ, какъ еще проявляется въ этихъ городахъ вліяніе близости такого большаго центра.

Въ разбираемыхъ нами теперь книгахъ мы имѣемъ данныхъ о повинностяхъ жителей болѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ; особенно цѣнны эти данныя въ можайской книгѣ.

Менѣе всего подобныхъ свѣдѣній, къ тому же свѣдѣній не совсѣмъ ясныхъ, представляетъ сотная муромская, въ которой читаемъ только непосредственно послѣ описанія пашни и какъ разъ въ самомъ концѣ сотной: «а сошнаго письма во всемъ посадѣ въ живущемъ и въ пустѣ 12 сохъ безъ чети, безъ малой чети и пол-полчети сохи. А верстатись муромскимъ посадскимъ людемъ и ноугородцамъ [2]) промежъ себя государевыми подати во всѣ раз-

[1]) Это читается (П. Кн. М. Г., I, 334) между описаніями деревень ямской слободы съ ихъ пашнями и лугами, и только въ этомъ случаѣ и есть упоминаніе о какой-то платѣ коломенскихъ посадскихъ людей, имѣвшей отношеніе къ земледѣлію.

[2]) Лѣтопись говоритъ подъ 1489 г. о переводѣ изъ Новгорода болѣе 1000

меты вмѣстѣ самимъ, по своимъ животомъ и по промысломъ». Въ сотной серпуховской читаемъ: «а оброку имъ давати царю и в. князю съ году на годъ въ Серпуховъ ключнику съ земли за дань $121^1/_2$ п. меду. А наддали передъ старымъ оброкомъ 5 п. меду. А дворецкой пошлины, и ключничей, и записчего съ пуда по 5 д. А дати имъ тотъ оброкъ впервые на Рождество Христово л. 7061» [1]). Попытаемся разобрать эти данныя. Прежде всего замѣтимъ, что въ дѣйствительности по новому письму будетъ собираться меду не на 5, а на 7 пудовъ больше [2]); но такъ какъ въ итогѣ новаго сбора ни словомъ не упомянуто о тѣхъ 20 алт., которые платила конюшенная слободка, то является предположеніе, что не засчитаны ли эти 2 п. меду за 20 алт.,—тогда, дѣйствительно выходило бы, что впредь будетъ собираться на 5 п. меду больше. На такое предположеніе насъ наводитъ еще и слѣдующее обстоятельство: всего бывшихъ слободскихъ дворовъ тутъ приписано къ посаду 114 дв. съ 137 чел., въ томъ числѣ конюшенной слободки, съ которой именно и платилось 20 алт., — 5 дв. съ 6 человѣками; слѣд., остальные 109 дв. платили $34^1/_2$ пуда меду; принимая цѣну пуда меду въ 10 алт., найдемъ, что 109 дв. бывшихъ слобожанъ платили 345 алт. или 2070 д., т. е. по 18 д. со двора; дворы же конюшенной слободки платили медомъ на 24 д. каждый; впрочемъ, это объясненіе, конечно, гадательное. Дальнѣйшее разсмотрѣніе данныхъ Серпуховской сотной объ оброкѣ раскрываетъ съ несомнѣнностью, что оброкъ медомъ платили въ гораздо большемъ размѣрѣ люди оброчной слободки, чѣмъ черные тяглые: именно равное количество меду должны были доставить 64 дв. тяглые (не принимая въ разсчетъ различіе середнихъ и молодшихъ) и 33 дв. оброчниковъ. Поэтому, приписка дворовъ оброчныхъ къ городу въ тягло была бы тутъ скорѣе отягощеніемъ черныхъ людей, если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, бывшіе оброчники не должны были бы принять на себя участіе въ нѣкоторыхъ другихъ повинностяхъ, за изъятіе отъ которыхъ

чел. въ Москву, Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и иные города—П. С. Р. Л., VI, 37, VIII, 218; и вполнѣ возможно, что эти иногородцы были поставлены сначала въ привиллегированое положеніе—примѣръ увидимъ ниже—вслѣдствіе чего о нихъ особо и упомянуто.

[1]) *Симсонъ*, Исторіи Серпухова, 328—329.

[2]) Какъ видно изъ сравненія вновь установленнаго оброка со старымъ, свѣдѣнія о которомъ приведены выше, въ примѣчаніи на стр. 182.

прежде они и платили нѣсколько больше: именно, черные люди платили оброкъ медомъ только «за дань съ земли», а дворы оброчныхъ слободокъ—«за дань и за посошный кормъ»; теперь же они, очевидно, примутъ участіе и въ повинностяхъ «за посошный кормъ». Въ виду указанныхъ сейчасъ обстоятельствъ нужно предположить, что по крайней мѣрѣ въ XVI в., приписывая къ городу въ тягло какія нибудь слободки, увеличивали, хотя быть можетъ и въ меньшей пропорціи, число сохъ, на какое былъ росписанъ посадъ.

Въ Коломенской книгѣ относительно повинностей черныхъ людей нѣтъ ничего, кромѣ указанія, сколько тутъ сошнаго письма; относительно же слободокъ читаемъ: «а сошнаго письма въ живущемъ четь сохи, а въ пустѣ 4 сохи и полполполтрети сохи, и обоего сошнаго письма въ живущемъ и въ пустѣ 4 сохи съ четью и полполполтрети сохи; а л. 7064 въ государевѣ царевѣ и в. кн. Ивана Васильевича в. Р. въ уставной грамотѣ у тѣхъ слобожанъ написано: за намѣстничьи и за ихъ пошлинныхъ людей кормы и за ямскія деньги, и за охотныя и за бражныя, и за луговыя и за весь денежный за мелкій доходъ, опричъ городового дѣла, оброку давали въ государеву цареву и в. кн. казну на годъ съ двора по 12 а., да пошлинъ съ двора по 2 алт., и всего оброку 8 р. 20 а. 2 д.; а платили они тотъ оброкъ въ государеву цареву и в. кн. казну на два срока въ году: первый срокъ на Рождество Христово, а второй срокъ на Петровъ день и Павловъ верховныхъ апостолъ» [1]. Отсюда мы, собственно говоря, узнаемъ только, что податей вмѣстѣ съ пошлинами за такія-то и такія-то повинности съ оброчнаго двора платилось 14 алт.; но сравненіе этихъ данныхъ съ данными Можайской книги, особенно въ этомъ отношеніи подробной, довольно интересно. Вотъ что читаемъ въ этой книгѣ вообще о повинностяхъ посадскихъ людей и слобожанъ: «и всего въ Можайскѣ на посадѣ черныхъ тяглыхъ живущихъ середнихъ людей 30 дв., да молодчихъ людей 175 дв. и обоего... 205 дв., да 127 дв. пустыхъ да 1446 м. дворовыхъ. А сошнаго письма въ живущемъ 2 съ четью сохи; а въ пустѣ сошнаго письма 16 сохъ безъ четв. сохи. А государевыхъ царевыхъ и в. кн. Бориса Өедоровича в. Р. съ Можайска съ посаду съ живущаго четвертныхъ денежныхъ доходовъ:

[1]) П. Кн. М. Г., I, 314; издатели почему-то исправили слово «давали» на «давати» съ замѣчаніемъ, что въ подлинникѣ ошибка—«давали». По нашему мнѣнію въ подлинникѣ тутъ написано совершенно ясно и вѣрно «давали» (ркп. 200, л. 40); если гдѣ допущена тутъ ошибка, то въ словѣ «полпол-пол-третьи» сохи, что не имѣетъ смысла и что мы и исправляемъ.

за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ . . . . 17 р. 2 а. 5 д.;

да за поселничъ [1]) доходъ . . . . 6 р. 22 а. 2 д.;

да съ посадскихъ же людей и съ таможниковъ мѣховыхъ денегъ . . . . 2 р. 16 а. 4 д.;

да съ огородничьихъ дворовъ оброку и пошлинъ. . . . . 21 а. 1/2 д.;

да съ вощечникова Куземкина дв. Глазкова оброку . . . . 8 а. 4 1/2 д.;

да съ садовъ оброку . . . . 1 р. 19 а. 1 д.;

да съ Можайска же съ посаду и съ Можайскаго уѣзду подлазные пошлины. . . . . . . 16 р. 8 а. 2 д.

...да съ бани и съ мельницы оброку. . . . 3 р. 16 а. 4 д.

...И всего съ Можайска съ посада денежныхъ четвертныхъ доходовъ за намѣстничъ и за ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ, и за поселничъ доходъ, и мѣховыхъ денегъ, и съ огородничьихъ дворовъ, и съ вощечникова дв., и съ садовъ, и подлазные пошлины, и съ бани и съ мельницы оброку и пошлинъ 49 р. 15 а. 5 д.—Да въ Можайску жъ на посадѣ слободки монастырскія. а въ нихъ живутъ торговые и мастеровые молодчіе люди, а съ посадскими съ черными людьми тягла не тянутъ, опричъ городового дѣла: слободка Стрѣтенскаго монастыря»... и т. д. «И всего въ монастырскихъ слободкахъ 45 дв. живущихъ, а сошнаго письма въ живущемъ полсохи безъ полполчети сохи. А оброку съ тѣхъ слободскихъ дворовъ платити имъ въ государеву цареву и в. кн. Бориса Өедоровича в. Р. казну въ Четвертной приказъ по 2 р. и по 23 а. по 2 д. на годъ, съ двора по 2 алт. да за намѣстничъ кормъ 15 алт. и всего съ слободскихъ дворовъ оброку (да) за намѣстничъ кормъ 3 р. 5 алт. И обоего съ Можайска съ посаду и съ монастырскихъ слободокъ четвертныхъ денежныхъ доходовъ, опричъ Болшого Приходу доходовъ, 52 р. 20 а. 5 ден.

Да съ Можайска жъ съ посаду, опричъ монастырскихъ слободокъ Большого Приходу доходовъ:

ямскихъ и приметныхъ денегъ . . 45 р.,

съ сохи по 20 р.,

---

[1]) Въ этомъ словѣ въ рукописи (№ 254, л. 86,) ясно видна буква «т» — «постельничъ», но буква эта, повидимому, тогда же смарана; ниже — ясно написано «посельничъ».

полоняничныхъ денегъ. . . . . 4 р. 16 а. 4 д,
съ сохи по 2 р.,
ямскихъ денегъ, ямскимъ охотникомъ
на подмогу. . . . . 22 р. 16 а. 4 д.,
съ сохи по 10 р.,
кормовыхъ денегъ . . . . 1 р. 20 а. 4 д.,
съ сохи по 24 алт.
пищальныхъ денегъ . . . . . . 31 р. 25 а. 5 д.» [1]).

Данныя, почерпаемыя нами отсюда, касаются многихъ и важныхъ вопросовъ тогдашняго внутренняго устройства Московскаго государства, вопросовъ, еще не разрѣшенныхъ окончательно, и для разъясненія ихъ эти данныя представляютъ значительный интересъ. Такъ, мы видимъ здѣсь, что подати шли частью въ приказъ Большаго Прихода и частью въ одну изъ четвертей [2]); въ первый шли ямскія и приметныя деньги, подможныя деньги ямскимъ охотникамъ, какія-то кормовыя деньги и деньги пищальныя и полоняничныя; въ четверть же шелъ оброкъ: за «намѣстничъ и ихъ пошлинный людей доходъ и за присудъ», «подлазныя деньги», «мѣховыя деньги» и оброкъ съ огородовъ, садовъ и двора вощечникова. Принципъ, по какому раздѣлены тутъ доходы между двумя приказами, выступаетъ, повидимому, достаточно ясно: приказъ Большаго Приходу собираетъ деньги на общія государственныя потребности, четверть же—деньги на расходы мѣстные: на мѣстную администрацію и судъ, и частные чисто мѣстные доходы съ огородовъ, садовъ. Въ приказъ же Большаго Прихода поступалъ и оброкъ съ лавокъ [3]). Затѣмъ, какъ мы видѣли, монастырскія слободки, которыя съ черными людьми тягла не тянули, опричь городоваго дѣла, платили все-таки нѣкоторые изъ четвертныхъ доходовъ: «а оброку съ тѣхъ слободскихъ дворовъ платити имъ въ государеву, цареву в. кн. Бориса Өедоровича в. Р. казну въ четвертной приказъ по 2 р. и по 23 а. по 2 д. на годъ, съ двора по 2 а., да за намѣстничъ кормъ 15 а., и всего съ слободскихъ дворовъ оброку (да) за намѣстничъ кормъ 3 р. 5 а. Замѣтимъ прежде всего, что тутъ слово «да» вставлено издателемъ; затѣмъ мы видимъ, что всего со слободскаго двора приходилось по 14 д. и ровно по

[1]) П. Кн. М. Г., I, 630—631; общаго итога, равно какъ и итога доходовъ Большаго Прихода въ книгѣ нѣтъ.

[2]) Можайскъ вѣдался въ Устюжской чети—см. *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, I, приложеніе А, III.

[3]) П. Кн. М. Г., I, 632.

14 же денегъ платилъ «за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ» тяглый молодчій дворъ [1]); такимъ образомъ мы видимъ, что люди, нетянувшія тягла, вмѣстѣ съ тѣмъ платили главнѣйшій оброкъ въ четвертной приказъ — главнѣйшую подать на мѣстное управленіе, и совершенно въ томъ же размѣрѣ, какъ остальные тяглые люди. Къ одному году съ Можайскою книгою относится разсмотрѣнная уже нами выше сотная на Устюженскій посадъ; въ ней мы видѣли главнѣйшія изъ здѣсь перечисленныхъ повинностей [2]); изъ сравненія данныхъ обоихъ документовъ видимъ, что полоняничныя деньги въ обоихъ городахъ собирались въ одинаковомъ размѣрѣ, пищальныя же въ Можайскѣ — въ размѣрѣ % на 20 большемъ, чѣмъ въ Устюжнѣ. Производя разсчетъ всѣхъ собиравшихся въ Можайскѣ прямыхъ подворныхъ податей, найдемъ, что со двора молодшаго приходилось 116 д., а со двора середняго—193 [3]), помимо косвенныхъ сборовъ, какъ-то: сборъ съ лавокъ, таможенная пошлина; странно только, что въ Можайскѣ сборъ съ таможенниковъ составлялъ совершенно ничтожную, менѣе чѣмъ двадцатую, часть всѣхъ сборовъ, а въ Устюжнѣ—почти половину [4]). Сравнивая теперь полученныя нами цифры съ данными объ оброкѣ съ коломенскихъ слобожанъ, мы видимъ, что въ Коломнѣ оброкъ съ нихъ былъ значительно ниже, чѣмъ оброкъ съ черного тяглаго человѣка въ Можайскѣ—именно 84 д.; въ Коломнѣ слобожане платили: «за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей кормы,

---

[1]) По итогу этого сбора и пошлинъ съ него черные люди платили 17 р. 2 а. 5д.—т. е. 3417 д.; такъ какъ тутъ вмѣстѣ оброкъ и пошлина съ него, и такъ какъ пошлины брали чаще всего 5%, то, слѣд., здѣсь оброку 3250; сошнаго письма тутъ въ посадѣ $2^1/_4$ сохи, а какъ мы видѣли выше, на соху шло 100 дв. мол.,—слѣд. 225 дв. платили 3250 или какъ разъ по 14 денегъ дворъ.

[2]) См. выше, стр. 76—77.

[3]) Ямскихъ и приметныхъ денегъ съ сохи собиралось 20 р., полоняничныхъ—2 р., на подмогу ямскимъ охотникамъ — 10 р., кормовыхъ денегъ—24 а., т. е. всего этихъ сборовъ (Большого Приходу)—32 р. 24 а. съ сохи, т. е. 6544 д., а такъ какъ въ соху шло 100 дв. мол. или 60 середнихъ, то, значитъ, этихъ поборовъ шло съ молодшаго дв. 65,44 д., а съ середняго 109 д. За тѣмъ со всего посада собиралось за намѣстничъ и ихъ пошлинныхъ людей доходъ и за присудъ, посельнича доходу, мѣховыхъ и пищальныхъ денегъ 11443 д. (на основаніи прямыхъ указаній книги мы вычли тутъ пошлины въ размѣрѣ 5 процентовъ); а такъ какъ тутъ было сошнаго письма $2^1/_2$ сохи, т. е. 225 дв. мол. или 135 дв. сер., то и приходится со двора молодшаго этихъ податей 50,86, а со двора середняго — 84,79, всего, слѣд., со двора молодшаго 116, а со двора середняго 193 д.

[4]) См. выше, стр. 77.

и за ямскія деньги, и за охотныя, и за бражныя, и за луговыя, и за весь денежный за мелкій доходъ, опричь городоваго дѣла» [1],—въ Можайскѣ же только «за намѣстничъ кормъ и за присудъ» и ямскимъ денегъ приходится по 74 д. со двора, а съ кормовыми по 84; а такъ какъ Коломенскіе слобожане оплачивали еще многія другія повинности, то нужно или предположить, что слобожане платили тѣ же подати что и черные, но въ меньшемъ, сравнительно, съ черными людьми размѣрѣ—чего мы, впрочемъ, на примѣрѣ Серпухова и Можайска не видѣли,—или, что съ семидесятыхъ годовъ къ концу вѣка прямыя подати значительно возрасли. Разъясненіе этого вопроса было бы, конечно, очень желательно.

Ратные люди и въ Коломнѣ, и особенно въ Можайскѣ, составляли небольшой процентъ населенія. Оба эти города еще сохранили свои укрѣпленія; въ Можайскѣ, впрочемъ, они незначительны и уже находились тогда въ состояніи разрушенія, въ Коломнѣ же были и довольно обширны и находились въ порядкѣ [2]; весною, лѣтомъ и осенью, какъ извѣстно, въ Коломнѣ почти ежегодно находились части войскъ, предназначавшихся для охраны страны отъ татарскихъ набѣговъ [3], такъ что Коломна играла роль, какъ сборный военный пунктъ; но самостоятельнаго значенія, какъ постоянная крѣпость ни она, ни Можайскъ уже очевидно не имѣли: ратныхъ людей въ Коломнѣ было всего 48, несчитая одиннадцати записанныхъ дворниками, а въ Можайскѣ—даже всего 13, такъ что очевидно, это не былъ настоящій военный гарнизонъ; затѣмъ нератныхъ, а все-таки служившихъ людей, было въ Коломнѣ до 200: 14 сторожей, 120 ямскихъ охотниковъ, 10 казенныхъ кузнецовъ, 30 казенныхъ плотниковъ и 19 казенныхъ каменьщиковъ и кирпичниковъ, еще 2 бирича; въ Можайскѣ—только 48 охотниковъ. Мы привели въ этихъ цифрахъ людей, какъ перечисленныхъ въ описаніи дворовъ, такъ и тѣхъ, которыхъ мы встрѣчаемъ лишь въ описаніи лавокъ; такихъ находимъ только въ Коломнѣ—16 ратныхъ и 18 служащихъ. Обыкновенно, у каждаго ратнаго или служащаго человѣка свой дворъ и только у ямщиковъ приходится довольно часто по нѣскольку человѣкъ на дворъ—въ Можайскѣ 48 ямщиковъ помѣщались въ 45 дв., въ Коломнѣ—112 ямщиковъ (остальные 8 упоминаются лишь въ описаніи торга) помѣщались

[1]) П. Кн. М, Г., I, 314.

[2]) П. Кн. М. Г., I, 291—293 и 612; въ описаніи коломенскихъ укрѣпленій начала недостаетъ.

[3]) Объ этомъ постоянно упоминается въ разрядахъ.

въ 81 дв. Въ Коломнѣ 12 пушкарей имѣли по бѣлому двору въ городѣ и изъ нихъ же 5 и еще 2 другіе по двору бѣлому на посадѣ; изъ затинщиковъ 17 имѣли по двору бѣлому въ городѣ и изъ нихъ же одинъ еще дворъ бѣлый въ городѣ; изъ разсыльщиковъ пятеро имѣли 4 бѣлые двора въ городѣ и двое—2 бѣлые двора на посадѣ; 7 сторожей имѣли 7 бѣлыхъ дворовъ въ городѣ, 3 сторожа города Гуляя 3 бѣлые двора на посадѣ; четвертый сторожъ города Гуляя жилъ у затинщика; въ Можайскѣ всѣ они имѣли по двору на посадѣ. При описаніи ратныхъ и служившихъ людей на посадѣ всегда читаемъ «во дворѣ такой-то» или «дворъ такой-то» (имя жильца въ именительномъ падежѣ), при описаніи же ихъ дворовъ въ городѣ—всегда «дворъ такого то» и только въ описаніе городскихъ дворовъ разсыльщиковъ почему-то встрѣчаемъ и ту, и другую формулу.—По занятіямъ своимъ ратные люди, особенно въ Коломнѣ, можно сказать, вовсе не отличались отъ посадскихъ людей: они очень много торговали и занимались ремеслами: въ Коломнѣ изъ ратныхъ людей 14 ремесленники, изъ охотниковъ и сторожей—10; кромѣ того, два охотника названы торговыми; но особенно много занимались здѣсь ратные торговлею—именно изъ ратныхъ собственно 33 чел. и изъ служащихъ 73, т. е. въ общемъ болѣе 43%; составляя 26% всего населенія Коломны, ратные люди дали 16½% всего числа ремесленниковъ этого города и владѣли 32½% всего числа торговыхъ заведеній (123 л., 2 ск., 13 пол.) и платили съ нихъ 30% всего собиравшагося въ Коломнѣ оброка (6 р. 30 а.), причемъ нужно еще помнить, что довольно много лавокъ принадлежало въ Коломнѣ людямъ, нежившимъ въ городѣ. Въ Можайскѣ ратныхъ и служившихъ людей слишкомъ мало, чтобы дѣлать какіе нибудь выводы о нихъ; торговали изъ нихъ 9 чел., ремесленникомъ не названъ ни одинъ. Землю изо всѣхъ этихъ людей имѣли, кажется, только ямщики, о землѣ другихъ ни разу не упоминается; ямщики же въ Коломнѣ имѣли середней земли столько, что въ переложеніи на добрую ея приходилось 715 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна 6,705 к.; въ Можайскѣ же столько, что на добрую землю приходилось земли 211 четьи въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна 135 копенъ [1]); ямскіе надѣлы въ Коломнѣ и Можайскѣ неровны: въ Коломнѣ приходилось на дворъ по 8½ ч. въ каждомъ полѣ, въ Можайскѣ же едва по 5; въ Коломнѣ 6 ямщиковъ даже жили въ двухъ изъ своихъ деревень, а не въ ям-

[1]) П. Кн. М. Г., I, 334—335. 654.

ской слободѣ [1]). Особенностью, открывающеюся въ нашихъ источникахъ о положеніи ратныхъ людей является слѣдующее: въ описаніи ямской слободы и особенно въ описаніи лавокъ въ Коломнѣ находимъ до 25 чел., которые жили у затинщиковъ, пушкарей и охотниковъ; двое изъ нихъ названы сусѣдями, объ одномъ сказано, что онъ прежде жилъ на посадскомъ тягломъ мѣстѣ; и изъ этого, между прочимъ видно, что мы и тутъ встрѣчаемъ то же бѣгство съ черныхъ мѣстъ на бѣлые дворы, которое мы выше отмѣчали, какъ наиболѣе характеристичную черту въ положеніи этихъ городовъ; эти люди, которые, весьма возможно, не всѣ упомянуты въ книгахъ, еще увеличиваютъ число тѣхъ, которые стали въ зависимыя отношенія къ разнымъ нетяглымъ, оставивши свои тяглыя мѣста.

Если мы теперь упомянемъ, что въ Коломнѣ, въ самомъ городѣ имѣли 2 двора гости Никита и Иванъ Петровы и Ѳуникъ Васильевичъ Сухобоковъ, и суконникъ Семенъ Борисовъ Синій Зубъ, а на посадѣ дворъ Аникей Строгановъ съ племянникомъ Максимомъ, и что Петровы имѣли 13 лавокъ, Сухобоковъ 4 л., а Строгановы большой соляной амбаръ, то мы уже разобрали свѣдѣнія обо всѣхъ жителяхъ этихъ городовъ; остановимся теперь еще нѣсколько на людяхъ, которые торговали, не имѣя дворовъ въ городѣ и заключимъ нашъ очеркъ этихъ городовъ обзоромъ торговли и промышленной дѣятельности всего ихъ населенія вообще.

Людей, владѣвшихъ лавками, но въ описаніи дворовъ неупомянутыхъ, въ Коломнѣ было 109, въ Можайскѣ 153; объ нихъ въ Коломенской книгѣ не имѣемъ ничего, кромѣ ихъ именъ; одинъ названъ «веденецъ Московскій», другой — «верховитинъ», 28 — обозначены только ремесленниками и еще трое ремесленниками и кромѣ того живущими въ Сандыревѣ, одинъ «живетъ въ крестьянахъ за Ю. Горинымъ», одинъ «живетъ за Мишеринымъ» и онъ же обозначенъ «живетъ на Бовышевѣ»; одинъ «живетъ въ государевѣ деревнѣ Сметаниковѣ», остальные «живутъ» въ Сандыревѣ (27 чел.), Бовышовѣ (19), Черкизовѣ (3), Митяевѣ (1), Рыболов-

---

[1]) «Того жъ яму оброчная деревня Осѣчна Нижняя... а въ ней 3 дв. охотничьи, да пустыхъ охотничьихъ 6 мѣстъ, пашни середніе земли 37 ч. да перелогу 33 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ. Деревня Рыболовская... а въ ней живутъ охотники, оброкъ съ ней платятъ рыбный и (съ) слободкою на Коломнѣ... (перечислено 6 дворовъ), да пустыхъ охотничьихъ (...перечислено) десять мѣстъ; пашни середніе земли 90 четьи да перелогу 20 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ.» П. Кн. М. Г., I, 334.

ной слободѣ (3) и у Степана Великаго (sic, 1); въ Можайскѣ 39 прямо названы крестьянами 8-ми государевыхъ селъ и на посадѣ былъ дворъ «прикащику дворцовыхъ селъ на пріѣздъ»; затѣмъ 13 чел. показаны крестьянами Дегилевскаго стана, остальные же названы только по именамъ и 34 изъ нихъ — еще ремесленниками. Въ виду такихъ прямыхъ указаній на крестьянство нѣкоторыхъ и въ виду обозначенія въ описаніи Коломны одного и того же крестьяниномъ (живетъ за Мишуринымъ) и живущимъ на Бовышовѣ и зная, что напримѣръ Черкизово было село около Коломны[1]), мы съ полною увѣренностью можемъ сказать, что большинство этихъ людей, если не всѣхъ, нужно считать крестьянами Коломенскаго и Можайскаго уѣздовъ; въ Можайской книгѣ къ тому же прямо сказано, что на торгу имѣли лавки «многіе великаго князя дворцовыхъ селъ крестьяне»[2]), мы увидимъ и еще, что крестьяне не только имѣли лавки, но и жили въ городахъ. О тѣхъ людяхъ, о которыхъ мы узнаемъ лишь ихъ имена и иногда ихъ ремесла, мы не можемъ ничего сказать положительнаго; въ числѣ ихъ весьма легко могли быть взрослые члены тѣхъ же семействъ, которыхъ главы уже описаны были въ дворахъ, примѣры чего увидимъ и ниже; въ Можайскѣ же, весьма возможно, были въ числѣ этихъ людей нищіе старцы, потому что во 1) въ Можайскѣ, какъ мы видѣли, нищіе старцы вообще торговали[3]), во 2), ихъ въ Можайскѣ очень много, и въ 3) потому, что всѣ эти люди очень рѣдко имѣли болѣе одной, а чаще одна лавка принадлежала нѣсколькимъ.

Выше у насъ были уже приведены числовыя данныя относительно торга въ этихъ городахъ, указано число лавокъ и размѣръ оброка съ нихъ; теперь разсмотримъ эти свѣдѣнія подробнѣе. Въ описаніи Серпухова, Мурома и Коломны мы читаемъ просто «на торгу лавки» или (въ Серпуховской сотной) «на городской землѣ на торгу лавки», въ Можайской же книгѣ помѣщены выше-

[1]) См. напр., А. А. Э., I, 392, Д. А. И., I, 386, 387.

[2]) Въ Можайскѣ же на посадѣ на площади торгъ, а въ торгу лавки, и амбары, и скамьи, и полки, а торгуютъ въ нихъ Можаичи посадскіе люди и государевыхъ царевыхъ и в. кн. Бориса Ѳедоровича всея Русіи дворцовыхъ селъ крестьяне.» П. Кн. М. Г., I, 631.

[3]) Имена шести богадѣльныхъ старцевъ, жившихъ въ особыхъ дворцахъ около богадѣльной избы (П. Кн. М. Г., I, 653) находимъ въ подлинной рукописи въ числѣ владѣльцевъ лавокъ и скамей въ рядахъ трушномъ, рыбномъ, иконномъ, скамейномъ и въ перечисленіи амбаровъ пустыхъ (ркп. М. А. М. Ю., № 251, лл. 98, 100 об., 102, 108 об., 107 об.).

приведенныя нами слова о торговлѣ тутъ крестьянъ. Въ книгахъ Мурома, Коломны и Можайска мы имѣемъ описанія дворовъ гостинныхъ, и только сотная Серпухова молчитъ о нихъ; мы можемъ, однако, съ полною увѣренностью сказать, что и въ этомъ городѣ былъ гостинный дворъ и даже быть можетъ, не одинъ, ибо гостинные дворы были рѣшительно во всякомъ мало-мальски значительномъ городѣ [1]); не упомянутъ же тутъ гостинный дворъ, конечно, лишь потому, что онъ не находился во владѣніи у черныхъ тяглыхъ людей, свѣдѣнія о которыхъ исключительно сообщаетъ наша сотная; гостинный дворъ, обыкновенно, былъ царя великаго князя и отдавался на откупъ. Только упомянутъ гостинный дворъ въ описаніи Коломны, въ описаніи же Можайска читаемъ: «на посадѣ у торга два двора гостинныхъ, на одномъ дворѣ хоромъ изба да мыльня, да 6 амбаровъ, а на другомъ дворѣ хоромъ изба да клѣть; а ставятся на тѣхъ дворѣхъ Литовскіе торговые люди и московскихъ городовъ пріѣзжіе люди» [2]), но сборовъ съ пріѣзжихъ людей къ сожалѣнію не указано; изъ Муромской сотной узнаемъ, что гостинныхъ дворовъ тамъ было три и что съ нихъ оброкъ шелъ сравнительно очень большой [3]). Въ книгахъ всѣхъ этихъ городовъ, кромѣ Серпухова, лавки описаны по рядамъ, причемъ въ описаніи Коломны и Мурома отдѣльно указанъ оброкъ съ лавокъ каждаго ряда, а въ описаніи Можайска и Серпухова только средній оброкъ съ лавокъ, амбаровъ, скамей, безъ всякихъ указаній на различіе его по рядамъ; но нѣтъ сомнѣнія, что различіе такое существовало и тутъ, а только средняя величина оброка указана потому, что точнѣйшее распредѣленіе его было предоставлено самимъ торговымъ людямъ. Раздѣленіе по рядамъ, конечно, въ каждомъ городѣ свое и число рядовъ неодинаково; иногда бывало, что рядовъ съ

---

[1]) *Костомаровъ*, въ Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI—XVII в., 128—129, говоритъ: «во всякомъ посадѣ, гдѣ былъ торгъ, долженъ былъ находиться и гостинный дворъ».

[2]) П. Кн. М. Г., I, 632, 631; о гостинномъ дворѣ въ Коломнѣ читаемъ тамъ же, 318: «да за мяснымъ рядомъ у Москвы рѣки дворъ гостинъ соляной» и на стр. 316: «дворъ таможенный да важня; на дворѣ изба да амбаръ, а у избы подъ сѣнми три лавки, а оброку платятъ въ таможенную избу 2 а.».

[3]) «Въ Муромѣ же на посадѣ царя и великаго князя дворъ гостинъ, а на немъ 17 л., всѣ пусты, да на дворѣ 2 избы, а въ нихъ живутъ пріѣзжіе люди, а дворниковъ у нихъ нѣтъ» и еще: «въ Муромѣ жъ на посадѣ два двора гостиныхъ, а даютъ государю съ году на годъ на казенный дворъ съ двора по 2 золотыхъ, да 6 м. дв. пустыхъ, гостиныхъ же». А. Ю., 248—249.

Наконецъ заслуживаютъ вниманія и нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній нашихъ книгъ. Въ книгѣ Коломны, послѣ описанія 12-ти лавокъ на церковной землѣ, слѣдующія лавки описываются «на государевой землѣ»; но, какъ мы уже говорили выше, и здѣсь этимъ надписаніемъ нѣсколько лавокъ противополагаются не всѣмъ другимъ, а несомнѣнно лишь находившимся на церковной землѣ— онѣ описываются совершенно такъ же, какъ и всѣ другія, и въ общемъ итогѣ не выдѣлены вовсе [1]); попадающееся нѣсколько разъ въ Серпуховской сотной, послѣ описанія лавокъ на церковной землѣ выраженіе «лавки на городской землѣ», намъ кажется, не можетъ служить опроверженіемъ такого вывода, ибо земля, занятая городомъ, естественно и называлась, въ этомъ смыслѣ, городскою; такое наименованіе ея зависѣло отъ факта, совершенно для насъ очевиднаго и яснаго; и потому ему нельзя придавать равнаго значенія съ наименованіемъ земли, занятой городомъ, государевою, ибо это послѣднее наименованіе, очевидно, указывало не на фактъ, ясный и безъ того, а на отношенія, которыя могли быть и такими, и совершенно другими.

Обращаясь къ разсмотрѣнію ремесленной дѣятяльности населенія этихъ городовъ, мы оставимъ въ сторонѣ ремесленниковъ казенныхъ, потому что они, какъ обыкновенно прямо и оговаривается,

---

золою; скамья Петр. Григорьева, живетъ за Спасскимъ монастыремъ, ск. Шемета Попова, живетъ на дв. Ивана Хлопова, м. Василья Афанасьева, живетъ у Екатерины Великія за владыкою, всего золяныхъ 2 скамьи, да мѣсто, а оброку со скамьи и съ мѣста по 2 д.»—ркп. № 200, лл. 105—106. Въ сотной Серпухова послѣ итога лавокъ сказано: «а оброку имъ царю и в. кн. давати съ тѣхъ лавокъ и мѣстъ полавочнаго въ дьячью избу, гдѣ сидитъ Юрьи Сидоровъ съ товарыщи съ году на годъ по 7 р. 24 а., съ лавки и амбара по алтыну, съ полулавки по 3 д., а съ мѣста по 2 деньги.» *Симсонъ*, Исторія Серпухова, 334.

[1]) «Рядъ сапожный: отъ горшечнаго ряду по лѣв. сторонѣ 3 л., 2 полулав., $^{2}/_{3}$ лавки, 1 л., $^{1}/_{3}$ л. пусты и 13 м. лав.. Да Спасскимъ перекресткомъ налѣво къ городу лавки Спасскаго монастыря, что на Коломнѣ... 6 л.. Въ Сапожномъ же ряду отъ города да Спасскимъ переулкомъ на лѣв. сторонѣ лавки Спасскаго монастыря... 6 л.; и всего Спасскаго монастыря 12 л.. Да черезъ Спасскій переулокъ налѣво лавки сапожнаго ряду на государевѣ землѣ... 12 л., да 4 м. лав., а невѣдомо чейскія, л. пуста, 12 м. лав., старожильцы про нихъ не сказали. И всего въ сапожномъ ряду въ живущемъ 17 л. безъ трети, а въ пустѣ $2^{1}/_{3}$ л., да 29 м. лав., а оброку съ лавки по 2 алт. и того рубль».—П. Кн. М. Г., I, 317—318; тутъ ясно, что въ итогѣ сосчитаны вмѣстѣ и безъ всякихъ оговорокъ лавки, списанныя прежде лавокъ монастыря, безъ надписи «на государевой землѣ» и послѣ нихъ, съ такою надписью, а лавки Спасскаго монастыря въ этотъ итогъ не включены.

дѣлали государево дѣло, и вообще несомнѣнно ихъ держали для удовлетворенія потребностей государства, преимущественно для поддержанія укрѣпленій, и поэтому бо́льшее или меньшее число ихъ не указываетъ на потребности въ той или другой дѣятельности самаго населенія; вѣроятно, мы допускаемъ маленькую неточность, принимая такъ, ибо возможно, что помимо государева дѣла они исполняли и частныя подѣлки, но такой погрѣшности мы не можемъ избѣжать, да и она, очевидно, очень незначительна, ибо и съ устраненіемъ изъ нашего счета казенныхъ ремесленниковъ мы видимъ, что здѣсь тѣ группы, къ какимъ мы должны ихъ отнести, представлены все-таки не только не меньшимъ сравнительно, чѣмъ въ другихъ городахъ, числомъ ремесленниковъ, но даже бо́льшимъ.

Всего въ Серпуховѣ, Коломнѣ и Можайскѣ мы находимъ 717 ремесленниковъ изъ нихъ 331 (не считая 83 казаковъ) въ Серпуховѣ, 159 въ Коломнѣ и 224 въ Можайскѣ; въ Коломнѣ ремесленниками болѣе 22% всего числа жителей, не считая дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ Можайскѣ — болѣе 40%; разсматривая по группамъ, видимъ, что приготовляли предметы питанія 160 чел. (въ С. 60, въ К. 37, въ М. 63), одежду и ея принадлежности 237 (въ С. 107, въ К. 53, въ М. 77), предметы домашняго обихода— 201 чел. (въ С. 122, К. 33, М. 46) и наконецъ, занимались разными ремеслами, иногда даже съ непонятными для насъ названіями—119 чел. (въ С. 46, К. 32, М. 41); изъ общаго числа ремесленниковъ къ первой группѣ принадлежало, слѣдовательно, 22,4%, ко второй— 33,2%, къ третьей—27,7% и къ четвертой 16,7% [2]); въ каж-

[1]) Вотъ полный списокъ ремесленниковъ, жившихъ въ Серпуховѣ, Коломнѣ и Можайскѣ; въ него не внесены ремесленники, въ городѣ не жившіе, а имѣвшіе въ городѣ лишь лавки, а равно и указанные владѣльцами пустыхъ дворовъ и мѣстъ.

хлѣбниковъ 34 (С. 19, К. 4, М. 11).
мясниковъ 30 (С. 19, К. 1, М. 10).
колачниковъ 21 (С. 8, К. 9, М. 4).
пирожниковъ 14 (С. 2, К. 3, М. 9).
прасоловъ (?) 11 (С. 1, М. 10).
масляниковъ 9 (С. 3, К. 4, М. 2).
квасниковъ 5 (К. 3, М. 2).
рыбниковъ 5 (К. 2, М. 3).
поваровъ 5 (К 3, М. 2).
ситниковъ 4 (С.).
крупяниковъ 4 (К. 2, М. 2).
луковниковъ 3 (К. 1, М. 2).
солениковъ 3 (С., К., М.).
солодовниковъ 2 (М.).
гречишниковъ 2 (М.).
овощниковъ 2 (К.).
кисельниковъ 2 (С., М.).
квашенинниковъ 1 (К.).
сусленикоъ 1 (М.).
хмѣльниковъ 1 (С.).
пивоваровъ 1 (С.).
сапожниковъ 95 (С. 49, К. 13, М. 33).

домъ городѣ отдѣльно получаемъ цифры, вообще очень недалекія отъ этихъ среднихъ, особенно относительно второй группы—именно 32,4, 33,3 и 34,5%; наиболѣе значительныя колебанія замѣчаемъ въ цифрахъ четвертой группы, именно въ Серпуховѣ относится къ ней всего 12,6% общаго числа ремесленниковъ, въ Коломнѣ

кожевниковъ 53 (С. 36, К. 6, М. 11).
портныхъ маст. 31 (С. 9, К. 15, М. 7).
овчинниковъ 20 (С. 7, К. 5, М. 8).
рукавишниковъ 7 (С. 2, К. 1, М. 4).
подошевниковъ 7 (С. 2, К. 3, М. 2).
скорняковъ 5 (К. 3, М. 2).
полстоваловъ 3 (С. 1, М. 2).
шапошниковъ 2 (К.).
шубниковъ 2 (К.).
колпачниковъ 2 (К.).
сырейщиковъ 2 (М.).
ветошниковъ 1 (М.).
холщевниковъ 1 (К.).
башмачниковъ 1 (М.).
чоботныхъ маст. 1 (С.).
сыромятниковъ 1 (М.).
красильниковъ 1 (М.).
пугвичниковъ 1 (М.).
епанечниковъ 1 (М.).
кузнецовъ 77 (С. 63, К. 7, М. 7; въ К. еще 9 казен.).
гончаровъ 31 (С. 29, К. 2).
плотниковъ 15 (С. 6, М. 9; въ К. 30 казен.).
иконниковъ 8 (К. 2, М. 6).
каменьщиковъ, камнетесовъ 8 (С. 5, К. 1, М. 2; въ К. еще 9 казен.).
свѣчниковъ 6 (К. 2, М. 4).
мыльниковъ 6 (К. 5, М. 1).
мельниковъ 6 (С. 2, К. 2, М. 2).
кувшинниковъ 6 (М.).
поневниковъ 5 (С. 4, М. 1).
горшечниковъ 4 (С. 2, М. 2).
кожевниковъ 4 (К. 1, М. 3).
дегтярей 4 (С. 1, М. 3.).
бочарниковъ 4 (С. 2, К. 2).
замочниковъ 3 (К.).
сѣдельниковъ 3 (С. 2, К. 1).
гвоздочниковъ 3 (С. 1, К. 2).
жерновниковъ 2 (С.).
рогожниковъ 2 (К.).
лычниковъ 1 (К.).
веретенниковъ 1 (С.).
колесниковъ 1 (С.).
огородниковъ 1 (С.).
(казаковъ 85,—въ С. 83, въ К. 2).
извощиковъ 23 (С. 16, К. 6, М. 1).
серебряныхъ маст. 15 (С. 2, К. 6, М. 7).
скомороховъ 14 (С. 5, К. 9).
москотинниковъ 8 (С. 1, М. 7).
гладильщиковъ 7 (М.).
трушниковъ 7 (К. 1, М. 6).
пастуховъ, 4 (С. 3, К. 1).
тимовниковъ 3 (С.).
сокольниковъ 3 (С.).
звонильниковъ 3 (К.).
кровопусковъ 3 (М., одна, въ томъ числѣ кровопусница).
зелейщиковъ, зелейныхъ маст. 2 (С.).
конюховъ 2 (М.).
строевъ 2 (С.).
гусельниковъ 2 (С.).
шаровниковъ 2 (С., М.).
дудниковъ 2 (М.).
лучениковъ 2 (С., М.).
струнниковъ 2 (К.).
рожечниковъ 1 (К.).
гребенниковъ 1 (К.).
плетниковъ 1 (К.).
черепенниковъ 1 (К.).
батраковъ 1 (М.).
щепетинниковъ 1 (М.).
деревяничниковъ 1 (М.).
вольниковъ 1 (М.).
«книги пишетъ» 1 (С.).
вощечниковъ 1 (С.).
доморниковъ 1 (С.).
желѣзныхъ скупщиковъ 1 (С.).
«за каменемъ стоитъ» 1 (С.).

22,5%; и въ Можайскѣ 18,8%; въ Серпуховѣ замѣтно особенное развитіе изготовленія предметовъ домашняго обихода—именно, къ третьей группѣ въ Серпуховѣ принадлежало 37% ремесленниковъ этого города, тогда какъ въ Коломнѣ 21,5% и въ Можайскѣ — 18,8%; разсматривая списокъ серпуховскихъ ремесленниковъ, мы находимъ тамъ отдѣльные промыслы, въ другихъ изучаемыхъ нами городахъ невстрѣчающіеся и очевидно вызванные мѣстными условіями,—именно видимъ добычу и обработку камня; затѣмъ въ Серпуховѣ же процвѣтала гончарная промышленность. Первая группа—занимающихся приготовленіемъ предметовъ питанія—представлена здѣсь сравнительно слабѣе, чѣмъ мы увидимъ въ другихъ городахъ — Казани, Свіяжскѣ, Тулѣ; зато замѣчаемъ здѣсь значительно бо́льшее развитіе промысловъ, имѣющихъ предметомъ приготовленіе одежды и ея принадлежностей и изготовленіе предметовъ первой необходимости; въ этомъ нужно видѣть вліяніе близости такого большого центра, какъ Москва, которая, сосредоточивая массу людей служилыхъ, духовенства, естественно, при полномъ отсутствіи тогда фабрично-заводской промышленности, не могла удовлетворять всѣхъ потребностей своего населенія въ ремесленной дѣятельности. Въ изучаемыхъ теперь городахъ ремесленная дѣятельность разнообразнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстностяхъ; всего мы видимъ тутъ до 95 названій ремеслъ, причемъ къ первой группѣ ремеслъ относится 21 названіе, ко второй—20, къ третьей — 23 и къ четвертой — 31. Такія ремесла и занятія, какъ свѣчникъ, мыльникъ, москотинникъ, скоморохъ, гусельникъ, кровопускъ и даже кровопусница, «книги пишетъ»—конечно, интересныя указанія для возстановленія тогдашняго быта; не говоримъ уже о значительной степени развитія ремеслъ, имѣющихъ своимъ предметомъ приготовленіе всевозможныхъ домашнихъ принадлежностей. Что касается до распредѣленія ремесленниковъ между людьми разныхъ сословій и состояній, то мы уже видѣли выше, по крайней мѣрѣ относительно Коломны и Можайска, что главнѣйшимъ образомъ они принадлежатъ къ числу посадскихъ черныхъ людей, такъ что, слѣдовательно, ремесленная дѣятельность находится здѣсь въ рукахъ посадскаго населенія. Характеристичныя особенности городовъ этого района, отчасти замѣтныя уже изъ нашего изложенія, выступятъ еще яснѣе, когда мы ознакомимся съ положеніемъ городовъ окраинныхъ, къ чему мы теперь и обращаемся; всѣ же свои замѣчанія по этому вопросу мы сведемъ въ послѣдней главѣ.

ГЛАВА VI.

Города по южной и юговосточной окраинѣ.

I. Казань, Свіяжскъ и Лаишевъ.

Обращаясь теперь къ изученію городовъ пограничныхъ, мы, въ виду большого числа описанныхъ въ писцовыхъ книгахъ городовъ этой группы, раздѣлимъ свое обозрѣніе на двѣ части — въ первой разсмотримъ положеніе городовъ восточной окраины—Казани, Свіяжска и Лаишева, а во второй положеніе 8-ми городовъ южной окраины, ибо хотя по общему своему характеру всѣ эти города между собою сходны, но и города восточной окраины, и города южной окраины имѣли и свои, только тѣмъ или другимъ изъ нихъ и свойственныя черты.

Рукопись, заключающая въ себѣ Казанскую писцовую книгу [1]), въ началѣ попорчена и первыхъ листовъ ея недостаетъ, но, очевидно, все-таки, что пропало немного: мы читаемъ въ началѣ же описаніе и измѣреніе укрѣпленій Казани-города и тутъ же—къ сожалѣнію, на листахъ, наиболѣе пострадавшихъ—читаемъ и о мѣрахъ, какія принимались для охраненія города; далѣе подробно описаны всѣ военные снаряды и припасы, затѣмъ церкви въ городѣ, два двора государевы и 10 государевыхъ житницъ, упомянутъ бывшій царскій дворъ (очевидно, царя казанскаго) и рядомъ съ нимъ бывшая мечеть Муралѣева, затѣмъ описаны дворъ архі-

[1]) Ркп. М. А. М. Ю., К. 646, лл. 1—208. Къ IV археологическому съѣзду въ Казани Совѣтомъ Казанской Духовной Академіи былъ изданъ «Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ», К. 1877, 1—88, снятый съ этой самой рукописи Невоструевымъ; но въ этомъ спискѣ данныя о населеніи изложены со значительными сокращеніями; поэтому мы пользовались рукописною книгою.

епископа, дворы воеводъ, дьяковъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ людей, пустые дворы и мѣста дворовыя прежнихъ годовальщиковъ и наконецъ 7 тюремъ. Далѣе идетъ описаніе посада, причемъ дворы всякихъ людей описываются въ перемежку, по улицамъ и переулкамъ, равно какъ и церкви описываются тамъ, гдѣ приходится по ихъ положенію; затѣмъ описаны дворы людей, поселившихся въ стрѣлецкой слободѣ, изъ которой стрѣльцы посланы въ Астрахань, 3 двора, данные на оброкъ, и подведенъ итогъ дворовъ на посадѣ и людей, по группамъ; далѣе описаны двѣ слободы стрѣльцовъ, находившіяся въ Казани во время описанія, слобода ямская, дворы жалованныхъ плотниковъ, слободы архіепископская и монастырская и для каждой приведенъ итогъ людей и дворовъ. Затѣмъ описаны укрѣпленія острога и порядокъ ихъ охраненія. наконецъ огороды и покосы разныхъ людей и послѣ всего этого, даже съ особымъ заглавіемъ, помѣщено описаніе Казанскаго торга, за которымъ слѣдуютъ книги Казанскаго уѣзда.

Свіяжскъ и Лаишевъ описаны тѣми же самыми писцами, которые описывали и Казань и всего на годъ или на два раньше [1]); описаніе Свіяжска сдѣлано совершенно по тому же плану, какъ и описаніе Казани [2]), и различія встрѣчаются только самыя несущественныя; главнѣйшая особенность Свіяжской книги это то, что тутъ торгъ описанъ не въ самомъ концѣ, а предъ описаніемъ яма и покосовъ; въ виду столь близкаго сходства въ общемъ между книгами Казани и Свіяжска мы должны придавать значеніе всякому, даже небольшому различію, какое замѣтимъ въ фактахъ, отношеніяхъ, рисуемыхъ тою или другою книгою, ибо различія эти, вѣроятно, отражаютъ въ себѣ различіе и въ дѣйствительности, а не обусловливаются просто одними индивидуальными особенностями писцовъ или особенностями полученнаго ими наказа. О планѣ книги Лаишева подробно говорить нельзя, ибо она дошла до насъ, повидимому, не вся—въ описаніи посада нѣтъ ни одного итога, а кромѣ того и самый городъ слишкомъ незначителенъ, чтобы его описаніе можно было сравнивать съ описаніемъ Казани или Свіяжска.

---

[1]) Описаніе Свіяжска, ркп. М. А. М. Ю., № 432, лл. 1—69; описаніе Лаишева—ркп. К. 646, лл. 479—484.

[2]) Въ описаніи Свіяжска до л. 13-го идетъ съ самаго начала описаніе укрѣпленій; извѣстно, что стѣны для этого города были заранѣе срублены въ Углицкомъ уѣздѣ, затѣмъ водою спущены къ мѣсту и тутъ собраны—Ник., VII, 75—77.

Въ своемъ изученіи этихъ городовъ мы прежде всего приведемъ цифровыя данныя о населеніи каждаго города, а потомъ уже сразу разсмотримъ данныя о каждомъ сословіи, которыя найдемъ въ своихъ книгахъ. Самый большой изъ городовъ этой группы, Казань, въ тотъ моментъ, къ которому относится его книга, находится еще далеко не въ обычномъ, спокойномъ положеніи: въ немъ еще принимались усиленныя мѣры предосторожности, въ него еще усиленно привлекали жителей изъ другихъ мѣстъ, и приливъ разныхъ людей былъ такъ великъ, что приходилось расширять городъ, обращая прежніе огороды въ мѣста подъ дворы; наконецъ мы находимъ тутъ еще значительное количество татаръ, лишь частью входившихъ уже въ жизнь русскаго населенія, въ большинствѣ же ведшихъ свой прежній, полукочевой образъ жизни. Все это придаетъ Казани нѣсколько особый характеръ, какъ дальше мы и увидимъ яснѣе. Положеніе другого большого города той же области, Свіяжска, въ общихъ чертахъ очень похоже на положеніе Казани, но замѣтны и нѣкоторыя отличія,—въ силу того, напр., что съ пріобрѣтеніемъ Казани Свіяжскъ долженъ былъ непремѣнно утратить въ замѣтной степени свое прежнее значеніе.

Пять воеводъ [1]), въ томъ числѣ одинъ большой, т. е. главный, два дьяка и 9 подъячихъ представляли главное начальство и управленіе Казани; всѣмъ воеводамъ принадлежало 8 дв. въ городѣ, кромѣ того, что воевода большой стоялъ на государевѣ дворѣ, и 4 двора на посадѣ; оба дьяка и одинъ подъячій имѣли по двору въ городѣ и на посадѣ каждый, остальные подъячіе имѣли дворы на посадѣ. Дѣтей боярскихъ тутъ было до 180 ч. [2]); изъ нихъ

---

[1]) Въ перечисленіи земельныхъ участковъ воеводъ (К. 646, лл. 163—165) упомянуто лишь 5 воеводъ и пропущенъ тотъ именно—кн. М. М. Лыковъ,—о которомъ въ началѣ книги (лл. 56 об., 90 об.), находимъ лишь слѣдующія свѣдѣнія: упоминаніе его двора въ городѣ и указаніе, что его дворъ на посадѣ проданъ по его приказу архіепископскимъ дворецкимъ другому служилому человѣку—весьма возможно, слѣд., что этого воеводы уже не было въ Казани во время составленія ея описанія; вотъ имена остальныхъ пяти воеводъ: бояринъ кн. Петръ Андреевичъ Булгаковъ, кн. Ѳед. Ив. Троекуровъ, кн. Григ. Андр. Булгаковъ, кн. Андр. Ив. Черный-Засѣкинъ, кн. Дан. Вас. Чулковъ-Ушатый; приводимъ этотъ списокъ потому-что въ разрядахъ, напечатанныхъ въ Вивліоѳикѣ, свѣдѣній о Казани и Свіяжскѣ за 1556—1568 г. нѣтъ.

[2]) Тутъ дѣтей боярскихъ было менѣе не 178 чел.; мы уже выше говорили, почему во многихъ случаяхъ невозможно точное опредѣленіе ихъ числа.

32 имѣли 30 дв. въ городѣ и изъ нихъ же четверо — 5 дворовъ на посадѣ [1]); 142 чел. имѣли 136 дворовъ на посадѣ [2]) и 4 — четыре двора въ татарской слободѣ. Изъ ратныхъ людей тутъ всего болѣе стрѣльцовъ, именно двое головъ, 10 сотниковъ, 9 пятидесятниковъ, дьякъ и 618 стрѣльцовъ рядовыхъ въ 616 дворахъ и 1 дворъ какого-то стрѣльца жалованнаго. Всѣ эти стрѣльцы принадлежали къ приборамъ двухъ головъ; всѣ начальствующіе изъ нихъ имѣли каждый по двору, рядовые же жили во дворахъ на посадѣ, при чемъ 7 чел. показаны во дворахъ каждый по два раза и въ 9 дворахъ показано 18 стрѣльцовъ, въ каждомъ по два; 6 стрѣльцовъ, кромѣ того, владѣли шестью дворами въ городѣ и въ числѣ владѣльцевъ лавокъ указаны еще, неотмѣченные въ описаніи дворовъ, 2 стрѣльца изъ прибора, ушедшаго въ Астрахань и 8—не сказано какого прибору. О жалованномъ стрѣльцѣ ничего подробнѣе не сказано и онъ упомянутъ еще разъ, какъ владѣлецъ лавки, съ которой онъ платилъ очень обыкновенный въ Казани оброкъ въ 5а. [3]). Въ числѣ упомянутыхъ нами 616 дворовъ есть, собственно говоря, 4 двора 3-хъ стрѣлецкихъ вдовъ и вдовой попадьи, жившей на стрѣлецкомъ мѣстѣ; мы отмѣчаемъ этому потому, что видимъ въ нашей же книгѣ нѣсколько случаевъ, что вдовы стрѣльцовъ записаны во дворахъ черныхъ тяглыхъ. Въ Казани было тогда еще 33 пушкаря, имѣвшіе 32 двора — одинъ пушкарь упомянутъ лишь какъ владѣлецъ лавки, 23 дряба и 6 воротниковъ, имѣвшіе 29 дворовъ на посадѣ. Среди людей, которые «тягла съ посадскими людьми не тянутъ, а служатъ государю службу», первое мѣсто по числу занимали ямскіе охотники, которыхъ было здѣсь 60 чел. въ 56 дв. въ особой ямской слободѣ (одному дворъ ставили, двое въ одномъ дворѣ и еще двое упомянуты лишь какъ владѣльцы лавокъ); далѣе находимъ здѣсь 12

[1]) Одному принадлежало—3 двора, одному—2; дважды въ одномъ дворѣ по 3 чел. и одинъ разъ въ одномъ дворѣ 2 чел.; одинъ сынъ боярскій «стоитъ» неизвѣстно въ чьемъ дворѣ: ркп. К. 646, л. 58: «дворы жъ, а стоятъ въ нихъ дѣти боярскіе иногородцы годовальщики, а тѣхъ именно не сказали, чьи тѣ дворы. Дв., а стоитъ въ немъ Рюма Нижегородецъ. Дворы монастырскіе»—и т. д.

[2]) Одинъ имѣлъ 4 двора, человѣкъ 7—8 имѣли по 2 двора, но нѣсколько разъ встрѣчаемъ и въ одномъ дворѣ по 2 и по 3 чел.

[3]) Жалованнаго стрѣльца звали Ив. Марвинъ; но въ описаніи стрѣлецкой слободы Субб. Чаадаева читаемъ «во дв. стр. Иванко Марфа»—ркп. К 646, л. 131; возможно, что это одно лицо.

жалованныхъ толмачей, 8 жалованныхъ плотниковъ, 2 жалованныхъ же кузнецовъ, палача, часовника и 10 сторожей (4 дьячьей избы, 3 житничныхъ, затѣмъ сторожа тюремнаго, зелейной палаты и судового), всѣ они имѣли каждый по двору, только тюремный сторожъ—два; жалованные плотники жили особой слободой на посадѣ, изъ другихъ шестеро [1]) въ городѣ, остальные на посадѣ.

Казань, какъ извѣстно, сразу же по завоеваніи была сдѣлана мѣстопребываніемъ архіепископа; поэтому въ ней находимъ довольно обширный архіепископскій штатъ: 31 человѣка въ разныхъ должностяхъ, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже, 91 архіепископскаго крестьянина въ особой слободѣ и 4-хъ дѣтенышей; изъ крестьянъ 88 жили каждый во дворѣ, одинъ крестьянинъ и одинъ дѣтенышъ—въ двухъ дворахъ на мѣстѣ бывшей стрѣлецкой слободы и два дѣтеныша упомянуты лишь въ описаніи лавокъ; точно такъ же, лишь въ описаніи лавокъ упомянуты двое пѣвчихъ дьяковъ и одинъ бочарникъ архіепископль; остальные архіепископскіе люди имѣли 5 дв. въ городѣ и 28 дв. на посадѣ, причемъ всѣ они обозначены какъ собственники дворовъ, а не какъ жильцы въ нихъ. Въ Спасопреображенскомъ монастырѣ въ Казани было 15 келій братскихъ, келья архимандрита и келарская; этому же монастырю принадлежало въ городѣ 2 двора конюшенныхъ и дворъ просто; въ городѣ же были еще дворы игумена Илантовскаго монастыря, дворъ одного старца того же монастыря, дворъ Троицкаго монастыря и 2 дв. игумена этого монастыря Даніила; Спасопреображенскому же монастырю принадлежала слобода на посадѣ, въ которой было въ 30-ти дворахъ 31 чел. монастырскихъ крестьянъ и другая слободка, гдѣ въ 9 дв. перечислено 10 монастырскихъ дѣтенышей и мастеровыхъ людей. Церквей съ монастырскими въ Казани было 20 съ 26 престолами, священнослужителей при нихъ, кромѣ черныхъ священниковъ—35 чел.: протопопъ, 20 священниковъ, протодьяконъ, 7 дьяконовъ, 2 пономаря и 4 просвирницы. Кромѣ того въ городѣ имѣлъ дворъ Чебоксарскій протопопъ; на посадѣ же были дворъ вдовой попадьи и келья старца. Протопопъ, 7 священниковъ, 2 дьякона и пономарь имѣли 12 дв. въ городѣ (одинъ священникъ два) и еще 3 дв. на посадѣ; всѣ остальные жили на посадѣ; у нихъ было 24 дв. (у двухъ поповъ и у одного дьякона по два) и 3 кельи (у двухъ просвирницъ и у

[1]) Палачъ, часовникъ, 2 сторожа избные, сторожа дьячьей избы и зелейной палаты.

одного пономаря). Люди духовные описываются то «во дворахъ», то какъ собственники дворовъ; есть случаи, что служители городскихъ церквей жили на посадѣ и наоборотъ.

Черныхъ тяглыхъ людей въ Казани 610 чел. въ 598 дв.; изъ нихъ 560 молодчихъ въ 550 дв., 40 середнихъ въ 40 же дворахъ и 10 добрыхъ въ 8 дв.; описаны они всѣ «во дворахъ» и за исключеніевъ 4-хъ челов., жившихъ во дворахъ въ городѣ, всѣ на посадѣ, хотя частью и на мѣстахъ, собственно посадскимъ людямъ непринадлежавшихъ: такъ изъ молодыхъ четверо жили въ 4-хъ дворахъ въ слободѣ стрѣльцовъ, находившихся въ Казани, и 80 въ 80-ти же дворахъ въ слободѣ стрѣльцовъ, ушедшихъ въ Астрахань, причемъ 6 изъ нихъ поселились тутъ еще до ухода стрѣльцовъ, а остальные уже послѣ [1]), и еще 26 чел. жили въ 26 же дв. въ новой свободѣ, приписанной уже собственно къ посаду для его расширенія, хотя прежде и тутъ были дворы стрѣльцовъ, посланныхъ потомъ въ Астрахань [2]); изъ середнихъ показаны на мѣстахъ

[1]) «Въ Казани-жъ, на посадѣ, въ острогѣ, была слобода стрѣлецкая, прибору Третьяка Мертваго и въ 74 г. стрѣлецкая голова Тр. Мертвой со всѣми стрѣльцы изъ Казани посланъ на государеву службу въ Астрахань. Въ той стрѣлецкой слободѣ у стрѣльцовъ покупили дворы дѣти боярскіе старые и новые жильцы, и посадскіе люди, и стрѣльцы иныхъ стрѣлецкихъ головъ прибору, которые въ Казани осталися, а иные садилися жить на порозжихъ стрѣлецкихъ мѣстахъ, а иныя стрѣлецкія мѣста иные (и нынѣ?) порозжи, а иные старые жильцы дѣти боярскіе и посадскіе люди въ той слободѣ жили въ своихъ дворахъ на посадскихъ мѣстахъ до письма и то писано порознь»—ркп. К. 646, л. 106.

[2]) «Въ Казани же на посадѣ новая слобода, отъ острожныхъ воротъ, что въ новомъ острогѣ, на новомъ приписномъ мѣстѣ, противъ Татарскіе слободы, а Татарская слобода за острогомъ и за Булакомъ, у Кабаня озера, а за нимъ были мѣста подъ дворы въ новомъ острогѣ послѣ письма въ 74 г. стрѣльцовъ (Невоструевъ прочелъ: «стрѣльцы»—Списокъ съ писцовой книги по г. Казани, 43) Третьякова прибору Мертваго и тѣ стрѣльцы посланы въ Астрахань на житье, а нынѣ на тѣхъ мѣстѣхъ живутъ посадскіе люди и дряби полоцкіе, которые люди присланы съ Москвы, а написаны въ государеву службу въ пушкари и въ стрѣльцы»—ркп. К. 646, л. 115 об.; на лл. 147—148 читаемъ болѣе подробное и точное описаніе этого приписаннаго къ городу мѣста, причемъ сказано, что прибавлено оно «для пространства посаду всякихъ людей, потому ц. и в. кн. прислалъ въ свою отчину Казань на житье князей и дѣтей боярскихъ многихъ людей и велѣлъ воеводамъ въ Казани давати тѣмъ людямъ дворы и мѣста порозжія подъ дворы, а въ Казани на посадѣ дворовъ порозжихъ и мѣстъ пустыхъ не было; и впередъ за проломными вороты по дорожку помѣчено быти новому острогу.... ставити на тѣхъ мѣстѣхъ дворы къ посаду всякимъ людемъ»... (въ печатномъ «Спискѣ», 51); повидимому, тутъ говорится объ одномъ и томъ же фактѣ.

ушедшихъ стрѣльцовъ трое, добрые же всѣ жили прямо на посадѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ, по числу, группъ населенія, мы находимъ здѣсь еще 22-хъ гостей—переведенцевъ изъ разныхъ городовъ, дворника на дворѣ гостя Аники Строганова, трехъ дворниковъ на дворахъ дѣтей боярскихъ, 27 чел. татаръ, живущихъ среди русскаго населенія, и 191 человѣка еще, которые имѣли тутъ лавки, но не показаны въ описаніи дворовъ. Такимъ образомъ, всего, съ воеводами, духовными и дѣтьми боярскими, мы видимъ здѣсь до 2,030 чел.; слѣд., общее число русскаго населенія Казани нужно считать по крайней мѣрѣ до 7,000 чел. Но кромѣ русскаго населенія здѣсь было еще болѣе 1,500 семей, т. е. не менѣе 6,000 чел., еще чисто татарскаго населенія, сохранившаго даже еще свой прежній полукочевой образъ жизни [1]); такимъ образомъ всего жителей въ Казани надо считать приблизительно до 15,000 чел.

Въ Свіяжскѣ изъ начальствовавшихъ лицъ были воевода большой и три меньшихъ [2]), дьякъ, житничный ключникъ и трое подьячихъ; изъ нихъ только подьячій избный жилъ на посадѣ, всѣ остальные имѣли по двору въ городѣ; воевода большіой въ городѣ же еще имѣлъ дворъ и огородъ на неизвѣстно чьихъ мѣстахъ [3]); дѣтей боярскихъ, свіяжскихъ жильцовъ и годовальщиковъ было тутъ 26 чел., изъ нихъ 23 имѣли 24 дв. въ городѣ (у одного два); тамъ же было еще 3 дв. пустые дѣтей боярскихъ, два неизвѣстно чьи именно и одинъ сына боярскаго, имѣвшаго

---

[1]) «Да за Вулакомъ на Кабанѣ озерѣ слобода татарская, а въ слободѣ прикащики дѣти боярскіе казанскіе жильцы Артемій Старальской, Ив. Товарищевъ, Ив. Головачевъ, Мих. Волковъ, у всѣхъ у нихъ (въ) татарской слободѣ по двору, да дв. пусть, что былъ прикащиковъ Григорья Нефимонова да 150 дв. татарскихъ и чудавскихъ (Невоструевъ прямо исправляетъ—чувашскихъ) и лѣтомъ многіе дворы стоятъ порозжи, а сказали прикащики Артемій Старальской съ товарищи, да татаринъ Бакшикъ (Невоструевъ прочелъ Галикилъ) съ товарыщи, что въ татарскіе дворы татарове и чуваши пріѣзжаютъ жить зимою или въ заворошню и тогда де ихъ живутъ въ одномъ дворѣ семей по 10, а въ иномъ дворѣ и больше десяти семей»,—ркп. К. 646, л. 152; въ печатномъ «Спискѣ»—53.

[2]) Воеводою большимъ былъ бояринъ кн. Андр. Ив. Ростовскій, воеводами—кн. Никита Никит. Стародубскій, кн. Мих. Ѳед. Бахтеяровъ-Ростовскій и кн. Никита Дм. Яновъ-Ростовскій,—ркп. 432, лл. 39—40.

[3]) Въ городѣ «огородъ боярина и воеводы кн. Андрея Ивановича... (25×25 с.) ...а того сказали сотскіе не помнятъ, Ѳедько Юрьевъ съ товарищи, чейскія тѣ мѣста бывали»,—ркп. 432, лл. 51—52.

дворъ на посадѣ; на посадѣ имѣли 3 двора 3 остальные сына боярскіе; на посадѣ были дворъ пустой и м. дв. двухъ дѣтей боярскихъ.

Среди ратныхъ людей и здѣсь первое мѣсто по числу занимали стрѣльцы: мы находимъ здѣсь 417 чел. рядовыхъ стрѣльцовъ, стрѣлецкаго голову, 4-хъ сотниковъ, 4-хъ пятидесятниковъ и десятника; изъ нихъ 185 имѣли по двору въ городѣ, 3 только лавки въ городѣ [1]) и 231—229 дв. на посадѣ (два раза у двухъ человѣкъ по одному двору) и наконецъ 8 имѣли по двору въ городѣ и на посадѣ; голова имѣлъ дворъ въ городѣ, сотники и пятидесятники—по два въ городѣ и по два на посадѣ, десятскій—на посадѣ. Но, повидимому, въ Свіяжской книгѣ въ описаніи стрѣлецкихъ дворовъ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, ибо по итогу книги на посадѣ 389 дв. рядовыхъ стрѣльцовъ, въ нихъ 391 чел., 5 дв. сотниковъ и 3 дв. пятидесятниковъ, — такъ что счетъ книги весьма значительно отличается отъ нашего; насъ убѣждаетъ въ пропажѣ нѣсколькихъ листовъ, еще и то обстоятельство, что въ Свіяжскѣ мы находимъ слишкомъ большое число бездворныхъ стрѣльцовъ владѣльцевъ лавокъ, именно 48 чел., и что сравнительно съ итогомъ книги у насъ нехватаетъ на посадѣ двухъ церквей и нѣсколькихъ дворовъ разныхъ людей. Стрѣльцы и всѣ прочіе ратные люди здѣсь показаны не жильцами во дворахъ, а собственниками дворовъ. Пушкарей здѣсь 20 чел. и еще одна вдова пушкаря; изъ нихъ 18 чел. имѣли по двору въ городѣ и 3—на посадѣ; воротниковъ 12 чел., у нихъ 12 дв.; судя по одному мѣсту книги, ихъ, повидимому, предполагалось имѣть 16 чел. [2]), но и по итогу оказывается ихъ 12 же чел.; дрябей 21 чел., у каждаго по двору въ городѣ; далѣе, изъ лицъ, несшихъ государеву службу, тутъ были 2 жалованные толмача, государевъ перевощикъ—имѣли по двору на посадѣ, жалованный плотникъ и часовникъ, имѣли по двору въ городѣ; наконецъ, въ ямской слободѣ былъ дворъ ямской и 62 ямщика и сотникъ ямской имѣли по двору.

---

[1]) Считая ихъ на ряду съ прочими, потому что по итогу дворовъ стрѣлецкихъ въ городѣ очевидно, что тутъ лавки въ городѣ сосчитаны вмѣстѣ съ дворами.

[2]) «Да у Свіяжскаго же города въ городовыхъ воротѣхъ воротники: въ Рождественскихъ воротахъ 4 воротника, въ Никольскихъ — 4, въ Сергіевскихъ—4, въ пятницкихъ 2, а Никольскія ворота Можайскаго тѣмъ же воротникамъ приказаны, въ Жилецкихъ воротахъ 2 воротника—и всѣхъ воротниковъ 16 чел.»—ркп. 432, л. 24—25; итогъ—40 дв., общій дворамъ пушкарей, воротниковъ, сторожей, часовника и плотниковъ; но, быть-можетъ, въ 12 дв. воротниковъ ихъ было и дѣйствительно 16 чел.

Церквей съ монастырскими въ Свіяжскѣ было 9 съ десятью престолами въ городѣ и 5 съ восемью престолами на посадѣ, священнослужителей при нихъ было 23 чел.; имъ принадлежало 13 дв. въ городѣ, 11 дв., 1 келья и 1 мѣсто на посадѣ; кромѣ того одинъ пономарь упомянутъ лишь какъ владѣлецъ лавки. Черпаго духовенства было здѣсь въ двухъ монастыряхъ 79 чел. (63 и 16), да служекъ, дѣтенышей и плотниковъ монастырскихъ 23 чел.; одному монастырю (Троицкому) принадлежало 3 дв., дв. пустъ и огородъ въ городѣ и дворъ на посадѣ, другому (Успенскому) м. дв. въ городѣ и лавки, данныя по душѣ однимъ человѣкомъ. Какъ и въ Казани, нѣкоторые служители городскихъ церквей жили на посадѣ и наоборотъ.

Черныхъ тяглыхъ людей въ Свіяжскѣ находимъ 12 чел. добрыхъ, 21—средняго и 258 молодшихъ; всѣ они описаны какъ жильцы дворовъ; здѣсь, собственно говоря, читаемъ всегда не «во дв. такой-то», а «дворъ—такой-то жилецъ мол., сер., добрый»; 3 добрыхъ, середній и 58 молодшихъ показаны въ 62 дв. въ городѣ, всѣ остальные—на посадѣ; у насъ въ счисленіи черныхъ людей получается нѣкоторая разница съ итогомъ книги—по итогу тутъ на посадѣ добрыхъ 13 дв., середнихъ 25 дв., молодшихъ—254 дв., а людей въ нихъ всего 293 чел.; объясняется это вѣроятною утратою нѣсколькихъ листовъ; до итога книги нашъ счетъ пополняется, если присоединить бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ, каковые оказываются здѣсь въ сравнительно довольно большомъ числѣ—именно 106 чел. Наконецъ, здѣсь видимъ еще 9 чел. нищихъ и двухъ, названныхъ такъ: «человѣкъ такого-то» (сына боярскаго). Людей другихъ положеній, подобныхъ тѣмъ, какихъ видѣли мы въ Казани, мы здѣсь не находимъ; сколько можно судить по нашей книгѣ, здѣсь не было и татаръ. Общую цифру взрослаго мужскаго населенія надо считать здѣсь не менѣе 1,400 — слѣд., всего жителей болѣе 4,000.

Въ Лаишевѣ воеводъ никакихъ не названо, а вмѣсто ихъ есть двое какихъ-то лаишевскихъ головъ, затѣмъ сынъ боярскій, 25 стрѣльцовъ и 2 воротника; всѣ они имѣли каждый по двору въ самомъ городѣ; тамъ же во дв. былъ «жилецъ нежалованный»; на посадѣ были: «дворы лаишевскихъ посадскихъ жильцовъ полоняниковъ жалованныхъ и нежалованныхъ жильцовъ»—первыхъ 4, владѣли они 4-мя же дворами, вторыхъ, кромѣ уже упомянутаго, было еще двое въ двухъ же дворахъ. Въ Лаишевѣ было еще два священника—священникъ отъ городской ружной церкви владѣлъ

дворомъ въ городѣ, священникъ посадской неружной—жилъ во дворѣ на посадѣ. Вотъ и всѣ данныя изъ сохранившейся части книги Лаишева; но что городъ этотъ былъ не великъ, видно изъ того, что и воеводъ въ немъ не было.

Въ дополненіе къ этому краткому обзору числовыхъ данныхъ о Казани, Свіяжскѣ и Лаишевѣ приведемъ изъ ихъ книгъ итоги описаній торга.

Въ Казани книга считаетъ: «всего на Казанскомъ торгу 3 кузницы в. кн. безоброчныя, да у гостей переведенцевъ 11 л. жалованныхъ безоброчныхъ же. Да Казанскихъ же посадскихъ всякихъ людей 365 л. оброчныхъ, да у тѣхъ же лавокъ 2 прилавка, да 6 межлавочьевъ, да у лавокъ и въ рядахъ 102 скамьи, да 86 полковъ, да 19 кузницъ, да 35 шелашей, да 16 бочекъ квасныхъ, оброку со всего 116 р. 5 а. 4 д. Въ томъ же Казанскомъ торгу 5 л. пустыхъ да 5 м. л. пустыхъ» [1]). Въ Свіяжскомъ торгу книга считаетъ: «254 л., да межъ тѣхъ же лавокъ 3 межлавочья, да 21 скамья, да 6 полковъ, да 3 шелаша, да изба съ полкомъ, да 2 бочки квасныхъ, оброку со всего 47 р. 8 а. 2., да лавка пустая, отдаютъ ее въ наемъ изъ амбарщины таможники на государя, да лавка да 19 м. лав. пустыхъ» [2]); относительно Свіяжска нужно еще помнить, что книга считаетъ тутъ только лавки на торгу и что кромѣ того есть еще 3 л. въ городѣ. Въ Лаишевской книгѣ описанія торга нѣтъ. Мы должны сказать, что по нашему счету получалась маленькая разница итоговъ торга сравнительно съ итогами книгъ, особенно, относительно скамей и полковъ, а также и относительно оброка; мы уже выше говорили о причинахъ, обусловливающихъ такія неточности; но во всякомъ случаѣ нашъ счетъ разнится отъ счета книги не болѣе, какъ на 2—3%, и мы считаемъ вполнѣ возможнымъ примириться съ такою, незначительною неправильностью и прямо принять итоги книгъ.

Изъ писцовыхъ книгъ Казани и Свіяжска мы можемъ почерпнуть довольно много любопытныхъ свѣдѣній о положеніи и обязанностяхъ служилыхъ людей. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ въ описаніи Псковскихъ пригородовъ, мы ни разу не встрѣчаемъ термина «дворянинъ, дворяне», а всегда только «сынъ боярскій, дѣти боярскіе»; въ виду постоянства въ этомъ отношеніи книгъ Казани и Свіяжска и книгъ Псковскихъ пригородовъ съ одной стороны, а

[1]) Ркп. К. 646, лл. 207—208.
[2]) Ркп. 432, л. 161.

съ другой — постояннаго употребленія вмѣстѣ терминовъ «дворяне и дѣти боярскіе» въ современныхъ имъ и однородныхъ документахъ, содержащихъ описаніе городовъ подмосковныхъ и городовъ по южной окраинѣ, мы должны допустить, что была какая-то причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ (недавно, сравнительно, пріобрѣтенныхъ Московскимъ государствомъ, не искони московскихъ) служилые люди бывали въ это, по крайней мѣрѣ, время, всегда только «дѣти боярскіе» и никогда «дворяне»; но намъ неизвѣстно ничего, что могло бы разъяснить этотъ вопросъ.

Въ обоихъ городахъ, Казани и Свіяжскѣ, различались дѣти боярскіе старые и новые жильцы съ одной стороны, и дѣти боярскіе иногородцы годовальщики съ другой; обѣ книги никогда не смѣшиваютъ этихъ терминовъ, когда приходится говорить о земельныхъ владѣніяхъ тѣхъ и другихъ, хотя при имени каждаго отдѣльнаго лица и не стоитъ часто указанія годовальщикъ онъ или жилецъ. Наиболѣе замѣтное различіе ихъ выступаетъ въ томъ, что годовальщики получали въ сѣнныхъ лугахъ покосы на прокормленіе лошадей, а жильцы нѣтъ, но зато помѣстьями въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ владѣли, повидимому, только дѣти бояркіе жильцы—только они, по крайней мѣрѣ, названы въ началѣ книгъ уѣздовъ того и другого города [1]). О дѣтяхъ бояр-

[1]) Въ числѣ людей, косившихъ казанскіе луга, упоминаются старые и новые жильцы и даже годовальщики (ркп. К. 646, лл. 158, 161); вслѣдъ за описаніемъ города читаемъ: «Книги Казанскаго уѣзда помѣстныхъ земель дѣтей боярскихъ Казанскихъ старыхъ и новыхъ жильцовъ» (л. 208); «и въ 75 году по государеву цареву и в. кн.... указу Д. О. Кикинъ съ товарыщи въ Казани боярину и воеводѣ большому и всѣмъ воеводамъ въ Казанскихъ лугахъ изъ тое мѣры и изъ смѣты отдѣлили покосовъ сѣна для городского житья въ половину ихъ окладу противъ пашенныя земли, кому на сколько четвертей въ Казани велѣно помѣстья отдѣлити, по только копенъ въ городскихъ лугахъ и сѣна отдѣлили; да въ тѣхъ же городскихъ лугахъ отдѣлити сѣна Казанскимъ годовальщикамъ дѣтямъ боярскимъ иногородцамъ; а кому на колько копенъ въ Казанскихъ лугахъ покосовъ на сѣно отдѣлено и то писано порознь... Казанскимъ годовальщикамъ княземъ и дѣтямъ боярскимъ, которые изъ верховыхъ городовъ годуютъ въ Казани, отдѣлено лѣсу (? покосовъ, или сѣна?) на 250 (?) копенъ»—ркп. К. 646, лл. 163, 165; почти дословно то же въ книгѣ Свіяжска, ркп. 432, лл. 168—169; «написано въ государевѣ указѣ, что Казанскихъ луговъ у воеводъ и у годовальщиковъ останется, и то велѣно писцамъ давати на оброкъ» и т. д.,—ркп. К. 646, л. 166; ркп. 432, л. 172; въ разрядахъ, напечатанныхъ въ Вивліоѳикѣ, т. XIII подъ 1556 и 1559 гг., говорится, о казанскихъ и свіяжскихъ воеводахъ, что они «годовали»; изъ нашихъ книгъ видимъ, что «годовали» тамъ и другіе служилые люди, а не одни воеводы.

скихъ жильцахъ книги говорятъ, что они присланы на житье, а о годовальщикахъ, что они годуютъ, и кромѣ того прямо свидѣтельствуютъ, что число послѣднихъ бывало не одинаково, а иногда больше, иногда меньше; и покосы годовальщикамъ отводились не во владѣніе отдѣльныхъ лицъ, а въ общее пользованіе всѣхъ годовальщиковъ, которые будутъ присланы, причемъ, если ихъ будетъ много и сѣна не хватитъ, то дьяки должны отвести имъ прибавочныхъ луговъ [1]). Какъ показываетъ самое названіе «годовальщики», дѣти боярскіе, такъ называвшіеся, повидимому смѣнялись ежегодно; что во всякомъ случаѣ смѣна ихъ была довольно частая, доказывается отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что, не смотря на недавнее еще владычество русскихъ въ Казани, тамъ оказывается уже до 40 дворовъ прежнихъ годовальщиковъ, имена владѣльцевъ которыхъ уже забыты — дворы эти считаются поэтому собственностью государя, писцы оцѣнили ихъ и воеводы должны ихъ продать, какъ бы государю прибыльнѣе было [2]). Но что происходили смѣны и жильцовъ, видно изъ того, что въ очень многихъ случаяхъ говорится о продажѣ старыми Казанскими жильцами своихъ дворовъ другимъ дѣтямъ боярскимъ. Изъ книги Казани ясно видно, что всякій сынъ боярскій непремѣнно долженъ былъ купить себѣ дворъ въ томъ городѣ, гдѣ ему приходилось служить, такъ что уже это являлось своего рода службою. Въ Казанской книгѣ читаемъ: «на посадѣ же дворы князей и дѣтей боярскихъ, которымъ государь велѣлъ быти въ Казани на житьѣ, а давали имъ по государеву наказу въ 73 году Казанскіе воеводы бояринъ князь П. А. Булгаковъ и всѣ воеводы дворы бѣлые оцѣня, а иные дворы воеводы имали, цѣня жъ, у посадскихъ всякихъ людей и который дворъ воеводы у кого оцѣнивъ взяли, и кому отдали, и чѣмъ оцѣненъ, и кому за дворъ деньги шли и то подъ тѣми дворы писано именно. А иные дворы князей и дѣтей боярскихъ старыхъ Казанскихъ жильцовъ у дѣтей боярскихъ у архіепископлихъ у всякихъ дворовыхъ людей мѣста нетяглыя, и у

[1]) «Да Свіяжскимъ же годовальщикамъ, княземъ и дѣтемъ боярскимъ, которые изъ верховскихъ городовъ годуютъ въ Свіяжскѣ, отдѣлено покосовъ...» ркп. 432, л. 160; «а котораго году въ Казани годовальщиковъ будетъ много, и тѣмъ сѣномъ своихъ лошадей будетъ имъ не прокормити, и Казанскимъ дьякамъ велѣти годовальщикомъ прикашивать сѣнъ къ тѣмъ покосамъ, сряду или гдѣ нибуди изъ порожихъ покосовъ, смѣтя по лошадямъ»;—ркп. К. 646, л. 165 об.

[2]) Ркп. К. 646, лл. 61—66.

посадскихъ у всякихъ людей мѣста тяглыя покупали *и полюбовно*»[1]. Въ текстѣ книги, дѣйствительно, имѣемъ множество прямыхъ указаній на такія покупки; но при этомъ замѣчается слѣдующее различіе: когда дворъ купленъ однимъ сыномъ боярскимъ у другого сына же боярскаго, то никогда не говорится объ участіи при этомъ воеводъ и цѣновныхъ цѣловальниковъ; когда же говорится о дворахъ, купленныхъ у черныхъ людей, или у стрѣльцовъ, или у архіепископскихъ людей, то очень часто замѣчается, что дворъ такому то сыну боярскому дали воеводы оцѣнивъ и по цѣнѣ цѣновныхъ цѣловальниковъ онъ заплатилъ прежнему владѣльцу столько-то[2]; это обстоятельство, въ связи съ вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ книги,—причемъ особенно важно замѣчаніе, что иные дворы куплены «и полюбовно»,—заставляетъ предполагать, что, по крайней мѣрѣ здѣсь, люди всѣхъ низшихъ разрядовъ *обязаны были* продавать свои дворы присланнымъ въ этотъ городъ служилымъ людямъ; замѣтимъ еще, что очень часто для одного двора сына боярскаго соединяли по два двора черныхъ и другихъ людей.

Мы видѣли выше, при изученіи Коломны, увидимъ и далѣе, въ Тулѣ, что дѣти боярскіе, имѣвшіе тамъ дворы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ нихъ сами не жили, а лишь держали дворниковъ; здѣсь же, напротивъ, почти всѣ дѣти боярскіе несомнѣнно въ Казани и Свіяжскѣ и жили: помимо уже того, что о нихъ читаемъ: «дѣти боярскіе, которые присланы въ Казань на житье», они тутъ несли, несомнѣнно, дѣйствительную службу: въ Казани на нѣсколькихъ башняхъ постоянно находилось 9 чел. дѣтей боярскихъ съ 50-ю стрѣльцами и днемъ и ночью нѣсколько разъ объѣзжали по улицамъ дѣти боярскіе то съ воеводами, то одни; выѣзжаютъ они изъ «свѣтлицъ царя государя и в. кн. выѣздныхъ», которыя въ Казани были и въ городѣ и на посадѣ; въ книгѣ Свіяжска о службѣ дѣтей боярскихъ сказано, что «всегда день и ночь стерегутъ на сторожахъ дѣти боярскіе Свіяжскіе старые и новые жильцы и годовальщики иногородцы»; тутъ же находимъ замѣчаніе, что дѣти боярскіе подчинены воеводамъ, стрѣльцы—своимъ головамъ, пушкари—городничимъ; на обязанности городничихъ лежало въ Казани запирать городъ; въ Лаишевѣ сте-

---

[1]) Ркп. К. 646, л. 68 об.

[2]) Напр., ркп. К. 646, лл. 71, 73 об., 88 и др.; примѣровъ купли-продажи между дѣтьми боярскими множество, равно какъ и примѣровъ добровольнаго соглашенія между покупателемъ-сыномъ боярскимъ и продавцомъ чернымъ или ратнымъ человѣкомъ.

регли всегда, перемѣняясь, по 9-ти стрѣльцовъ [1]). Въ Свіяжской книгѣ встрѣчаемъ названіе 23-хъ дѣтей боярскихъ «рядовыми», какъ бы въ противоположность двумъ старымъ жильцамъ житничнымъ ключникамъ; но это мѣсто книги не совсѣмъ ясно [2]).

[1]) На первыхъ, сильно попорченныхъ сыростью, листахъ описанія Казани, читаемъ (отмѣчаемъ точками неразборчивыя мѣста): «а въ Казани государевы, царевы и в. кн. воеводы: бояринъ и воевода большой... четыре воеводы меньшихъ а в... рода подъѣзднымъ воротомъ... и на городѣ... городов... сторожи по ... которой воевода ... до ... росписи ... (неразборчиво двѣ строки) ... а городовыя ворота всѣ затворяютъ и замыкаютъ всегда городничіе на ночь на послѣднемъ часу дни, а съ утра и о дни городовые ворота отмыкаютъ городничіе же на первомъ часу дни; а ключи всѣхъ городовыхъ воротъ съ утра и всегда городничіе относятъ къ боярину и воеводѣ большому... бояринъ и воевода большой всегда еже... объзжаютъ городъ, ѣздятъ подлѣ городовую... противъ его по городу ходятъ отъ него дѣти... а меньшихъ воеводъ которому ... (неразборчиво около строки) ... въ свѣтлицу и отъ того ... перемѣняясь во всю ночь, а пересматриваютъ на сторожахъ людей...», ркп. К. 646, лл. 1—2. Объ охранѣ острога читаемъ, что въ башняхъ постоянная стража, «отъ воеводы дѣти боярскіе и отъ стрѣлецкихъ головъ стрѣльцы»..., «а по тѣмъ острожнымъ воротамъ по всѣмъ сторожамъ около посаду всегда на первомъ часу ночи объѣзжаетъ воевода, да съ нимъ дѣти боярскіе его полку, а послѣ воеводы въ ту же ночь изъ свѣтлицъ ѣздятъ головы и дѣти боярскіе по тѣмъ же сторожемъ, пересматриваютъ на сторожахъ людей, а въ день отъ боярина и воеводы большого и ото всѣхъ воеводъ по вся дни по всѣмъ острожнымъ сторожамъ около посаду объѣзжаютъ дѣти боярскіе, пересматриваютъ на сторожахъ людей, да отъ боярина же и воеводы большого и ото всѣхъ воеводъ всегда въ день и ночь на посадѣ по всѣмъ улицамъ ѣздятъ дѣти боярскіе для береженья, чтобы корчемного и никотораго лиха не было и огневъ бы не во время во дворѣхъ не держали»—лл. 145—148; «а у наряду въ городовыхъ во всѣхъ воротахъ и надъ вороты въ башняхъ и по городу въ башняхъ же и межъ башенъ по городовой стѣнѣ на пряслѣхъ, гдѣ нарядъ ставленъ отъ боярина и воеводы большого и ото всѣхъ воеводъ свѣтличные росписи, всегда въ день и въ ночь на сторожахъ стерегутъ дѣти боярскіе свіяжскіе старые и новые жильцы и годовальщики иногородцы, да отъ стрѣлецкихъ головъ стрѣльцы съ ручницами, да отъ городничихъ пушкари»—ркп. 432, л. 24; описаніе сторожъ въ Лаишевѣ ркп. К. 646, лл. 479—480.

[2]) «Въ Свіяжскихъ же лугахъ, въ той же мѣрѣ и смѣтѣ у государева дьяка да у стрѣлецкаго головы, да у сотниковъ у стрѣлецкихъ, у семи человѣкъ, да у стрѣльцовъ у 700 чел., да у дѣтей боярскихъ, у старыхъ Свіяжскихъ жильцовъ, у двух человѣкъ житничныхъ ключниковъ, да у рядовыхъ дѣтей боярскихъ у 23 чел., да у пушкарей»... и т. д.,—ркп. 432, л. 171. Различіе, не довольно ясное, однако, дворянъ первой и второй статьи не разъ замѣчается—напр., въ приговорѣ собора 1566 г.—С. г. гр. и д., II, № 35. ср. *Соловьевъ*, VII, 8, приговоръ 1550 г.—А. А. Э., I, № 225.

Какъ мы выше сказали, дѣти боярскіе жильцы казанскіе и свіяжскіе имѣли тутъ, повидимому, помѣстья, а годовальщики получали лишь покосы; и то, и другое получали воеводы, причемъ по государеву наказу имъ было отведено копенъ сѣна вполовину числа четвертей, назначенныхъ имъ въ помѣстья; въ Казани 5 воеводъ получили отъ 350 до 500 копенъ, всего 2,100 копенъ, въ Свіяжскѣ 4 воеводы отъ 300 до 500, всего 1,450 копенъ [1]); слѣдовательно земли въ помѣстья должно было быть отведено имъ отъ 600 до 1,000 четвертей, всего же казанскимъ воеводамъ 4,200, свіжскимъ 2,900 четв. Болѣе никакихъ свѣдѣній о дѣтяхъ боярскихъ наши книги не сообщаютъ; конечно, всѣ они показаны собственниками дворовъ, а не жильцами въ нихъ, и конечно ни одинъ изъ нихъ не занимался ни торговлею, ни ремеслами.

Дѣти боярскіе поселены были въ этихъ городахъ, какъ это совершенно понятно само по себѣ, да очевидно и изъ книгъ, главнымъ образомъ для военныхъ цѣлей; вмѣстѣ съ ратными людьми низшихъ разрядовъ, данныя о которыхъ мы сейчасъ будемъ разсматривать, они составляли войско, постоянно содержимое здѣсь московскимъ правительствомъ; и хотя цифра названныхъ въ книгѣ ратныхъ людей для того времени достаточно велика, достигаетъ почти тысячи человѣкъ, но на дѣлѣ она была безъ сомнѣнія еще значительнѣе, ибо мы должны, если не при каждомъ сынѣ боярскомъ, то во всякомъ случаѣ при многихъ дѣтяхъ боярскихъ предполагать сопровождавшихъ ихъ слугъ ратниковъ — по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ постановленіи объ отводѣ дѣтямъ боярскимъ помѣстій говорится, что съ каждыхъ 100 четей они должны являться въ походъ съ человѣкомъ и конемъ, а въ дальній походъ и съ двумя конями [2]), и безъ сомнѣнія послабленій въ этомъ отношеніи не дѣлалось людямъ, которые были отправляемы, на кратковременную къ тому же, службу въ такомъ важномъ пунктѣ, какимъ

---

[1]) См. выше, прим. на стр. 210; въ царскомъ приговорѣ 1550 г. объ испомѣщеніи служилыхъ людей около Москвы (А. А. Э., I, № 225) положено было отводить сѣна столько копенъ, сколько давалось четей земли. Въ Казани воевода большой получилъ покосу на 500 копенъ, кн. Г. А. Булгаковъ и кн. Ѳ. И. Троекуровъ каждый на 450 копенъ, кн. А. И. Засѣкинъ и кн. Д. Г. Чулковъ—каждый на 350 копенъ—ркп. К. 646, лл. 163—165; въ Свіяжскѣ воевода большой получилъ покосу на 500 коп., кн. М. Бахтеяровъ-Ростовскій на 350, кн. И. Яновъ и Н. Стародубскій—каждый на 300,—ркп. 432, л. 168.

[2]) *Соловьевъ*. VII, 17—18; Никоновская лѣтопись, ч. VII, подъ 1556 г.

была тогда Казань [1]). Умолчаніе же книги объ этихъ людяхъ легко объясняется тѣмъ, что во всѣхъ писцовыхъ книгахъ ни разу не встрѣчаемъ, чтобы при описаніи двора сына боярскаго упоминался кто-либо изъ его слугъ, если сынъ боярскій самъ жилъ на этомъ дворѣ, а именно такъ и было въ Казани, тогда какъ, если самъ онъ тутъ не жилъ и если дворъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ «пустой», то всегда въ немъ показанъ дворникъ. Въ заключеніе нашего краткаго очерка положенія служилыхъ людей въ Казани и Свіяжскѣ мы остановимся на одномъ мнѣніи о составѣ въ этихъ городахъ дѣтей боярскихъ, высказанномъ въ книгѣ о. П. Заринскаго «Очерки древней Казани». Авторъ говоритъ между прочимъ: «предъ нами весь списокъ казанскихъ аристократовъ XVI в. При первомъ знакомствѣ съ составомъ этой аристократіи легко угадать, что большая часть ея были люди опальные или же переживавшіе канунъ своей казни»; немного далѣе авторъ тоже говоритъ, что, при своей подозрительности, Іоаннъ Грозный не послалъ бы служить такъ далеко отъ Москвы представителей древнихъ родовъ, съ которыми вообще боролся, такъ что оказаться въ отдаленныхъ городахъ они могли не иначе, какъ будучи сосланы [2]). Но по нашему мнѣнію такое заключеніе совершенно неправильно, такъ какъ Казань представляла тогда слишкомъ важный пунктъ, чтобы охрану его можно было ввѣрить людямъ, возбудившимъ уже подозрительность царя, намъ кажется невозможно предположить, чтобы Іоаннъ Грозный допустилъ даже соединеніе такого значительнаго числа дѣтей боярскихъ изъ подозрительныхъ ему фамилій въ пунктѣ, столь отдаленномъ отъ Москвы. Намъ кажется, что если ужъ предполагать какую нибудь зависимость между пребываніемъ въ Казани и опалою, то ужъ скорѣе обратную, т. е. предполагать, что во время пребыванія своего на службѣ въ Казани нѣкоторые дѣти боярскіе, преимущественно изъ знатныхъ, старинныхъ родовъ, возбудили подозрительность царя и потомъ подверглись опалѣ и казнямъ.

Свѣдѣнія, почерпаемыя нами изъ книгъ Казани и Свіяжска о ратныхъ людяхъ, представляютъ наиболѣе важныя данныя для рѣ-

---

[1]) Въ боярской книгѣ 1556 г. (въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, III), дѣйствительно, постоянно видимъ указанія, что такой-то служилый человѣкъ былъ въ томъ или другомъ городѣ—при чемъ очень часто упоминаются Свіяжскъ и особ. Казань—съ 5, 6 даже своими людьми.

[2]) *П. Заринскій*, Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. Съ планомъ Казани. К. 1877, 32—33, 34.

шенія двухъ вопросовъ—о составѣ и занятіяхъ тогдашнихъ ратныхъ людей, и объ отличіи службы приборной отъ неприборной. Въ 60-хъ годахъ XVI в. въ Казанской области русское населеніе было еще, конечно, слишкомъ малочисленно, чтобы изъ него можно было набрать такое количество ратныхъ людей; несомнѣнно, что они набраны были изъ вольныхъ, гулящихъ людей разныхъ мѣстностей; то обстоятельство, что не каждый ратный человѣкъ отмѣченъ приходцемъ, а только нѣкоторые, объясняется вѣроятно тѣмъ, что указано мѣсто происхожденія только людей, сравнительно еще недавно явившихся въ эти города; совершенно согласно съ такимъ предположеніемъ и то, что въ Свіяжскѣ приходцами отмѣчено уже гораздо менѣе людей, чѣмъ въ Казани—съ пріобрѣтеніемъ этого главнаго города всего края, естественно, туда и направились новые приходцы, хотя вообще Свіяжскъ былъ населенъ, несомнѣнно, приходцами, ибо поставленъ онъ былъ въ странѣ нерусской [1]). Всего въ Казани изъ числа стрѣльцовъ приходцами отмѣчено 85 чел., т. е. немногимъ болѣе 13%, а въ Свіяжскѣ—10 чел., т. е. всего 2% съ небольшимъ. Собирались сюда люди, можно сказать, со всей тогдашней Россіи, кромѣ областей Новгорода и Пскова; обстоятельство это заслуживаетъ особаго вниманія: дѣло въ томъ, что, какъ увидимъ ниже, въ Казани было довольно много переведенцевъ именно изъ Пскова и притомъ, всѣ эти переведенцы поставлены были нѣкоторымъ образомъ въ привилегированное положеніе, сравнительно съ другими жителями Казани; и если это не привлекало все-таки сюда приходцевъ изъ Псковской и Новгородской области, то объяснять такое явленіе можно только тою твердою осѣдлостью населенія, тѣмъ отсутствіемъ всякаго бродяжничества въ исконнорусскихъ сѣверныхъ областяхъ, которыя мы уже отмѣчали, говоря о Псковскихъ пригородахъ. Мы видимъ здѣсь приходцевъ преимущественно съ мѣстностей, ближайшихъ къ Волгѣ, начиная отъ Ржева, затѣмъ съ поморья, изъ Вологды, Вятки, Галича, съ Вычегды, изъ Москвы и ближайшихъ къ ней городовъ, наконецъ изъ Тулы, Каширы, Калуги, Рязани и даже изъ Стародуба и Смоленска; въ Свіяжскѣ видимъ приходцевъ изъ Балахны (двухъ), затѣмъ по одному вологжанина, рязанца, касимовца,

---

[1]) Нужно замѣтить, что въ нашихъ писцовыхъ книгахъ не встрѣчается ничего, что подтверждало бы преданіе, будто въ Свіяжскъ были переселены жители древняго города Перевитска — см. у *Перетятковича*, Поволжье въ XV—XVI вв., 192.

звенигородца, смоленика (?) и боровитина (?) и двухъ просто пріѣзжихъ; интересно, что чаще всего показаны приходцы именно изъ-подъ Москвы: всего въ Казани москвитиновъ 17 чел. да еще 16 чел. изъ Серпухова (3), Коломны (2), Звенигорода (1), Мурома (4) и Владиміра (6). Въ числѣ стрѣльцовъ видимъ еще въ Казани не менѣе 7 чел. и въ Свіяжскѣ двухъ, которыхъ, по ихъ прозвищамъ и именамъ, должны считать людьми татарскаго происхожденія [1]); это не представляется невозможнымъ, ибо и въ Казани и въ Свіяжскѣ находимъ мы и еще нѣсколько десятковъ несомнѣнно татаръ, вошедшихъ уже въ ближайшія отношенія съ русскимъ населеніемъ, но все-таки небезынтересно и указываетъ на замѣтные уже успѣхи русскаго вліянія въ краѣ то обстоятельство, что въ новозавоеванномъ городѣ, въ новоприсоединенной области, черезъ какія нибудь 15 лѣтъ принимаютъ въ военную службу мѣстныхъ жителей инородцевъ и иновѣрцевъ, хотя вначалѣ была, кажется, запрещена въ Казани всякая продажа оружія [2]); къ тому же о качествѣ войска въ Казани правительство повидимому очень заботилось—оно содержало здѣсь постоянно до ста наемныхъ нѣмцевъ и поляковъ; о дрябахъ прямо сказано, что они полоцкіе люди [3]) и слово «дрябъ» по-польски значитъ просто пѣшій солдатъ; имена ихъ очень часто очевидно не православныя; о пушкаряхъ этого прямо не сказано, но такія имена, какъ Войчехъ, Ганусъ, Клеузъ, Станиславъ, Кристопъ, Янъ, достаточно ясно указываютъ намъ національность пушкарей—среди нихъ несомнѣнно 13 чел. нѣмцевъ или поляковъ, кромѣ того, что весьма возможно, что нѣмцы же скрываются подъ разными Васильями, Богданами, Андреями и т. д., тѣмъ болѣе, что русскіе ратные люди обыкновенно назывались уменьшительными именами. Безъ сомнѣнія, пушкари и дрябы,

---

[1]) Въ казани двое, въ Свіяжскѣ одинъ названы бусурманами; въ Свіяжскѣ одинъ новокрещенъ; затѣмъ имѣемъ такія имена: Мурза Лавровъ, Татаринко Ѳуѳаевъ, Шигалейко ножевникъ, Тренька татаринъ съ братьею.

[2]) Въ описаніи казанскихъ укрѣпленій и снарядовъ на нихъ читаемъ: «да 9 пищалей безъ станковъ заповѣдныхъ, имали ихъ изъ ряду при кн. П. И. Шуйскомъ у торговыхъ людей изъ лавокъ»,—ркп. К. 646, л. 8. Кн. П. И. Шуйскій, какъ бояринъ и воевода казанскій, упоминается въ 1557 г.—Никон. лѣт., VII, 284; по лѣтописи въ 1555 г. въ Казани былъ бояринъ и воевода кн. М. Глинскій, а по разрядамъ въ 1556 г.—кн. А. И. Воротынскій (Вивліоѳика, XIII) и въ 1559 г.—кн. М. Ю. Булгаковъ.

[3]) «А нынѣ на тѣхъ мѣстахъ живутъ посадскіе люди и дряби полоцкіе, которые люди присланы съ Москвы, а написаны въ государеву службу въ пушкари и въ стрѣльцы»—ркп. К. 646, л. 116.

а вѣроятно и другіе ратные люди, получали здѣсь денежное жалованье: такъ необходимо заключать изъ того, что въ Казани ни пушкари, ни дряби не имѣли земли и не занимались вовсе ни ремеслами, ни торговлею; вознагражденіе же ратныхъ людей деньгами тогда несомнѣнно существовало и иногда записано даже въ писцовыхъ книгахъ. Только развѣ относительно стрѣльцовъ можно сомнѣваться, не было ли для нихъ единственнымъ вознагражденіемъ пользованіе землею; о надѣлѣ имъ земли читаемъ въ описаніи Казани: «у дву дьяковъ да у 9 подьячихъ, да у дву стрѣлецкихъ головъ, да у 10 сотниковъ стрѣлецкихъ, да у стрѣльцовъ у 1000 человѣкъ, да у ямскихъ охотниковъ у 100 чел., да у казанскихъ гостей у переведенцевъ у 20 чел., да у архіепископля боярина да у дворецкаго, прежніе ихъ покосы, которые они косили до письма у всѣхъ въ розныхъ мѣстахъ ихъ кошенья 21700 копенъ,» и кромѣ того еще косили прежде «всякіе люди» луга, на которыхъ ставилось 47,030 копенъ и которые отписаны были писцами на государя; въ описаніи Свіяжска объ этомъ надѣленіи землею читаемъ столь же подробно, причемъ стрѣльцы, оказывается, косили вмѣстѣ со всякими людьми на лугахъ, на которыхъ ставилось 16,690 копенъ, а два сотника и всѣ пятидесятники особо получили первые по 100 копенъ, вторые вмѣстѣ всѣ (число ихъ не указано) 400 [1]). Но нужно замѣтить, что при той массѣ покосовъ, какая была раздана тогда и въ Казани и въ Свіяжскѣ разнымъ людямъ, едва-ли одни луга могли представить достаточное вознагражденіе и обезпеченіе стрѣльцамъ; замѣтимъ здѣсь же, что, какъ и въ обоихъ вышеприведенныхъ случаяхъ, такъ и во всѣхъ другихъ, мы видимъ, что земля отводится не по наличному числу людей того или другого класса, а на заранѣе опредѣленное, такъ сказать, по штату— такъ ни въ Казани не было тысячи стрѣльцовъ, ни въ Свіяжскѣ ни семи сотъ стрѣльцовъ, ни сорока дрябей, хотя земли отведено на такія числа; вообще мы почти никогда не встрѣтимъ ровно ста человѣкъ ни въ какой сотнѣ, ни въ стрѣлецкой, ни въ казачьей.

Ратные люди и здѣсь, какъ въ другихъ городахъ, занимались торговлею и ремеслами, хотя вообще нѣсколько менѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и въ Казани порядочно менѣе чѣмъ, въ Свіяжскѣ; въ Казани ремесленники и торговцы были почти исключительно между стрѣльцами, а въ Свіяжскѣ и между пушкарями, и между воротниками. Различными ремесленниками названы въ Казани

---

[1]) Ркп. К. 646, лл. 165—166; ркп. 432, лл. 169—171.

91 чел. стрѣльцовъ, т. е. 13% всего ихъ числа, торговали же 47 чел. (въ томъ числѣ 12 ремесленниковъ), т. е. 7% всего ихъ числа; имѣли они 33½ лавки, 5 полковъ, 10 скамей, 9 шелашей и 3 кузницы; платили стрѣльцы за свои лавки 10 р. (собственно 9 р. 29 а. 1 д.); обложеніе ихъ лавокъ въ общемъ таково же, какъ и обложеніе лавокъ другихъ людей: имъ принадлежало немного менѣе десятой части всѣхъ торговыхъ заведеній въ Казани и платили они какъ разъ десятую же часть всего собираемаго тутъ съ лавокъ оброка. Изъ пушкарей въ Казани двое имѣли 4 лавки и платили оброку по 5 алт. съ каждой, именно столько, сколько платилось здѣсь въ большинствѣ случаевъ. Въ Свіяжскѣ ремесленниками названы 73 стрѣльца (въ томъ числѣ четверо, упоминаемые только въ описаніи лавокъ) и торговали 75 чел., причемъ трое имѣли лишь по лавкѣ въ городѣ; всего имъ принадлежало 60½ лав. на посадѣ и 3 лавки въ городѣ, 4 полка, 8 скамей; платили они со всего этого 8 р. 25 а. Такимъ образомъ въ Свіяжскѣ изъ числа стрѣльцовъ торговали и занимались ремеслами по 17½%; обложеніе ихъ лавокъ въ Свіяжскѣ нѣсколько ниже, чѣмъ обложеніе лавокъ у всѣхъ другихъ людей: владѣя равно четвертью всѣхъ лавокъ, они платили тутъ немногимъ менѣе пятой доли собираемаго съ лавокъ оброка. Насколько менѣе участіе въ торговлѣ стрѣльцовъ казанскихъ сравнительно съ свіяжскими, видно изъ слѣдующаго: въ обоихъ этихъ городахъ стрѣльцы составляли ровно по 30% всего населенія; но въ Казани имъ принадлежало лишь 10% всѣхъ торговыхъ заведеній, а въ Свіяжскѣ—25%. Кромѣ того, въ Свіяжскѣ торговали еще 9 пушкарей и воротникъ, имѣвшіе 11 лав. и платившіе за нихъ 1 р. 6 а.; ремесленникомъ названъ лишь одинъ пушкарь (рыбникъ). Разсматривая списокъ ремесленниковъ, мы увидимъ около 60-ти названій ремеслъ; далѣе мы сдѣлаемъ болѣе полный обзоръ ремеслъ въ Казани и Свіяжскѣ, а теперь отмѣтимъ лишь, что между стрѣльцами видимъ тутъ 4 бронниковъ, 4 стрѣльниковъ, лучника (стрѣла?, лукъ?), саадачника, затѣмъ серебрениковъ, булавочника, чулочника, фонарника, бумажника, двухъ стригольниковъ, домрачаго; не безъинтересна также фамилія одного изъ пушкарей—Лекаревъ.

Стрѣльцы въ Казани принадлежали къ «приборамъ» двухъ головъ; повидимому, въ этихъ двухъ приборахъ полагалась тысяча человѣкъ—земли имъ отведено именно на 1,000 чел., и въ томъ же самомъ мѣстѣ, какъ мы уже видѣли, говорится о двухъ именно головахъ и о десяти именно сотникахъ, какъ мы и видимъ въ

двухъ приборахъ; но въ дѣйствительности стрѣльцовъ было менѣе тысячи и приборы по числу людей не равны. Какъ мы уже выше говорили, рядовые стрѣльцы въ Казани всѣ описаны такъ: «во дворѣ такой-то», а всѣ ихъ начальники—головы, сотники и пятидесятники—такъ: «дворъ такого-то». Въ книгѣ Свіяжска не упомянуто, чтобы стрѣльцы и тамъ служили по прибору—и всѣ они описаны не какъ жильцы во дворахъ, а какъ собственники дворовъ. Такимъ образомъ этими двумя способами описанія стрѣлецкихъ дворовъ наши два документа, составленные одними и тѣми же писцами и почти одновременно, проводятъ различіе между стрѣльцами приборной и неприборной службы. И значеніе той и другой разъяснится намъ, если мы разсмотримъ, къ какимъ именно людямъ прилагается одна и къ какимъ другая формула перечисленія ихъ дворовъ; совершенная правильность и постоянство въ употребленіи какъ той, такъ и другой невольно заставляютъ думать, что формулами этими отмѣчается какое нибудь существенное различіе въ самомъ правѣ тѣхъ или другихъ лицъ на занимаемые ими дворы, потому что фактическое владѣніе, пользованіе, очевидно, одинаковы для каждаго человѣка. «Во дворѣ такой-то»—такъ всегда описываются дворы черныхъ тяглыхъ людей—посадскихъ и крестьянъ, приборныхъ стрѣльцовъ и казаковъ, а также ямскихъ охотниковъ, затинщиковъ, пушкарей и разныхъ государевыхъ жалованныхъ ремесленниковъ, когда они живутъ отдѣльными слободами, и духовныхъ, когда они живутъ на церковной землѣ; «дворъ такого-то»—такъ говорится всегда о дворахъ дѣтей боярскихъ, стрѣлецкихъ головъ, сотниковъ и пятидесятниковъ, всѣхъ дрябей и пушкарей—нѣмцевъ и наконецъ духовныхъ и разныхъ жалованныхъ людей, когда дворы ихъ идутъ въ перемежку съ дворами другихъ людей. Второе выраженіе, очевидно, обозначаетъ полнаго собственника даннаго имущества, а первое—неполнаго собственника, лишь жильца въ своемъ дворѣ. Прежде всего бросается въ глаза, что собственниками дворовъ называются люди нетяглые; но сказать, что жильцами въ дворахъ описываются, въ противоположность этому, люди тяглые — нельзя, ибо, какъ уже сказано, такъ описывались приборные стрѣльцы, государевы жалованные ремесленники въ особыхъ слободахъ и крестьяне архіепископскіе и монастырскіе, хотя обо всѣхъ ихъ прямо говорится, что тягла они съ посадскими людьми не тянутъ никакого, а дѣлаютъ дворовое дѣло на государя, архіепископа или монастырь. Слѣдовательно, нужно искать какого нибудь другого принципа такого раздѣленія.

По нашему мнѣнію, тутъ противоположеніе съ одной стороны владѣнія на полномъ правѣ частной собственности, съ другой — владѣнія на правѣ общинномъ. Внимательное разсмотрѣніе случаевъ, когда примѣнялась та и другая формула, должно, намъ кажется, убѣдить въ такомъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ, дворяне и дѣти боярскіе никогда не описывались «во дворахъ»—они никогда, какъ извѣстно, и не составляли землевладѣльческихъ общинъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ нашемъ, рядовые стрѣльцы описаны «во дворахъ», а всѣ ихъ начальники—какъ собственники дворовъ— и они, очевидно, какъ начальники рядовыхъ, не могли составлять съ ними общины; они, дѣйствительно, всегда получали бо̀льшіе участки земли, чѣмъ тѣ, которые приходились на долю рядовыхъ стрѣльцовъ; какъ ясно видно изъ Казанской и Дѣдиловской книгъ, люди, служащіе по прибору, и землю получали въ свое общее пользованіе; жалованные государевы ремесленники, ямщики, архіепископскіе и монастырскіе крестьяне не входили въ общину черныхъ посадскихъ людей—и потому, когда дворы ихъ идутъ въ перемежку съ дворами черными, они записываются всегда, какъ собственники дворовъ; но между собою они составляли общины и потому въ своихъ отдѣльныхъ слободахъ они всегда описываются «во дворѣ такой-то»; не встрѣчаемъ случаевъ такого описанія казенныхъ сторожей, часовника, палача вѣроятно потому, что ихъ слишкомъ мало для того, чтобъ составить общину; въ Можайскѣ, гдѣ сторожей собора много и они живутъ отдѣльною слободою—они описаны «во дворахъ» [1]). Одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ общиннаго владѣнія—неполное право собственности на то или другое недвижимое имущество—отмѣчается именно формулою «во дворѣ такой-то», какъ можно видѣть и изъ того, что лица духовныя лишь тогда описываются «во дворахъ», когда занимаемые ими дворы стоятъ непосредственно у церквей, на церковной землѣ и потому не могутъ, конечно, принадлежать живущимъ въ нихъ людямъ на правѣ полной собственности [2]). Формула «во дворѣ такой-то» безъ

---

[1]) Писц. Кн. М. Г., I, 627.

[2]) Въ книгѣ Казани дворы духовенства между дворами другихъ людей описываются такъ: «дворъ такого-то»—напр. ркп. К. 636, лл. 70 об., 94 об. 95,—а у церквей такъ: «во дворѣ такой-то»—напр. лл. 79 об., 80 об., 83, 92 и др.; въ Свіяжской книгѣ имѣемъ случаи только перваго рода; лишь разъ почему то въ Казанской книгѣ читаемъ среди описанія дворовъ другихъ людей «во дворѣ дьяконъ такой то»—ркп. К. 646, л. 81.

всякихъ исключенiй всегда прилагается при описанiи дворовъ черныхъ тяглыхъ людей и въ связи съ другими указанiями и это является новымъ доказательствомъ, что въ городахъ общинное владѣнiе распространялось и на дворы; встрѣчаемъ иногда выраженiя—«дали» дворъ посадскiе люди. Такимъ образомъ мы приходимъ къ выводу, что формулою описанiя «во дворѣ такой-то» отмѣчалось существованiе у такихъ-то людей общиннаго устройства. А слѣдовательно—и различiе между службою по прибору и не по прибору состоитъ именно въ томъ, что служившiе по прибору составляли между собою общину; и въ данномъ случаѣ, мнѣнiе И. Д. Бѣляева о существенномъ признакѣ службы по прибору совершенно справедливо [1]), только онъ не приводитъ никакихъ основанiй, почему онъ такъ опредѣлилъ характеръ приборной службы.

Кромѣ тѣхъ ратныхъ людей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, въ Казани и Свiяжскѣ другихъ ратныхъ людей не было; мы видимъ, правда, въ Казани нѣсколько казаковъ, но нѣтъ сомнѣнiя, что названiе это обозначаетъ здѣсь только какихъ-то работниковъ, какъ это видимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ источникахъ, говорящихъ намъ о сѣверномъ краѣ [2]); всего тутъ упомянуто 10 казаковъ, но изъ нихъ одинъ названъ стрѣльцомъ, семь прямо и названы черными людьми молодшими, о двухъ ничего не сказано, но всѣ 9 сосчитаны въ тѣхъ частныхъ итогахъ тяглыхъ людей, которыми въ книгѣ всегда завершается описанiе группы ихъ дворовъ, какъ только встрѣчается дворъ какого-либо нетяглаго человѣка или начинается описанiе другой улицы или переулка; поэтому казаковъ этихъ мы здѣсь и не считаемъ, а скажемъ теперь о другихъ людяхъ, которые «съ посадскими людьми ни въ какiя дѣла не тянутъ ни во что, а служатъ государю службу» [3]).

Ямщики въ обоихъ городахъ, какъ и всегда, жили въ особыхъ слободахъ; въ Казани не названъ ихъ прикащикъ или сотскiй, въ

---

[1]) *Бѣляевъ*, Лекцiи по исторiи русскаго законодательства, 488.

[2]) Въ такомъ значенiи употребляется слово «казакъ», напр. въ Уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1548 г., А. А. Э., I, № 221; въ одной купчей читаемъ: «въ задворьи 3 двора казачьихъ, да казачья мыльня» А. Ю., № 85, 1568; данныя же, извлекаемыя изъ нашей писцовой книги Казани, подтверждаютъ, что не только на сѣверѣ, но и въ другихъ городахъ слово «казакъ» имѣло такое значенiе, а не обозначало непременно военныхъ людей, какъ думаетъ *Симсонъ*—Исторiя Серпухова, 153; да и онъ вѣдь встрѣтилъ этихъ казаковъ въ *сотной*.

[3]) Ркп. К. 646, л. 140.

Свіяжскѣ названъ сотникъ; въ Казани ямскихъ охотниковъ 60 ч., всѣ «во дворахъ»; дворовъ указано 56 (въ одномъ двое), одному дворъ еще «ставятъ» и двое упомянуты лишь какъ владѣльцы лавокъ; въ Свіяжскѣ въ слободѣ описаны сотникъ и 55 человѣкъ ямскихъ охотниковъ, всѣ какъ собственники дворовъ, и еще 6 чел. ямщиковъ, какъ владѣльцы дворовъ въ городѣ; въ городѣ же былъ и дворъ ямской [1]); наконецъ четверо упомянуты лишь какъ владѣльцы лавокъ. Ремеслами и торговлею ямщики занимались очень мало—ремесленниками показаны всего 5 ямщиковъ въ Свіяжскѣ; въ Казани торговали четверо, имѣли 5 л. и платили съ нихъ 1 р. 17а. 2 д., въ Свіяжскѣ торговали 7 чел., имѣли 9 лав. и 1 межлавочье и платили 1 р. 6 а; въ Свіяжскѣ обложеніе ихъ лавокъ таково же, какъ лавокъ и другихъ людей—гривна или 6 алт., въ Казани же одинъ ямщикъ платилъ со своей лавки 20 а. 4 д.—оброкъ, выше котораго тамъ встрѣчаемъ нечасто. О земельныхъ владѣніяхъ ямщиковъ въ Казани мы уже говорили при описаніи земельнаго надѣла стрѣльцамъ; въ книгѣ же Свіяжска единственное указаніе на поземельныя владѣнія ямщиковъ читаемъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: «къ городу же къ Свіяжску ко всему посаду всякимъ посадскимъ людямъ и къ ямской слободѣ охотникамъ приписано животинныхъ выпусковъ около города... до... и тѣхъ животинныхъ выпусковъ въ широкомъ мѣстѣ на двѣ версты, а индѣ на $1^1/_2$ в., а индѣ на версту и меньше» [2]), т. е., слѣдовательно, ямщики владѣли тутъ выпусками вмѣстѣ съ посадскими людьми; далѣе же, при перечисленіи людей, косившихъ въ разныхъ мѣстахъ свіяжскіе луга, охотники ямскіе болѣе не упоминаются, и мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать тутъ лишь простой пропускъ, потому что наши свѣдѣнія объ устройствѣ въ то время ямской службы не представляютъ намъ данныхъ для того, чтобы положительно утверждать, что ямщики непремѣнно имѣли тогда землю и кромѣ покосовъ; а на нѣкоторую разницу въ устройствѣ ямскихъ слободъ въ Казани и Свіяжскѣ указываетъ уже то обстоятельство, что въ Казани ямщики описаны «во дворахъ», а въ Свіяжскѣ—какъ собственники дворовъ; такъ какъ обѣ книги со-

---

[1]) Ркп. 432, лл. 161—165. Насъ, собственно говоря, затрудняетъ объясненіе, почему тутъ такъ описана ямская слобода, ибо обыкновенно ямщики описываются «во дворахъ»; вѣроятно, тутъ слобода имѣла почему-либо какое-то особое устройство.

[2]) Ркп. 432, лл. 165—166.

ставлены одними и тѣми же людьми и въ одно и то же время, то мы не можемъ предполагать тутъ разницы случайной, а должны именно допустить нѣкоторую разницу въ устройствѣ этихъ слободъ, тѣмъ болѣе, что въ Свіяжскѣ видимъ не ямскаго прикащика или старосту, какъ обыкновенно, а сотника ямскаго.

Всѣ остальные перечисленные нами служащіе государю люди, не занимались ни торговлею, ни какими либо посторонними ремеслами, описываются они—когда дворы ихъ между дворами другихъ людей—какъ собственники своихъ дворовъ, а плотники государевы въ особой слободѣ—какъ жильцы во дворахъ [1]). Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь свѣдѣнія о толмачахъ. Въ Свіяжскѣ людей, отмѣченныхъ только толмачами, два, въ Казани 12; шестеро изъ нихъ прямо названы жалованными, при имени другихъ такого опредѣленія нѣтъ; но что и они служилые люди—подтверждается тѣмъ, что и они, какъ и названные жалованными, записаны владѣльцами своихъ дворовъ и не занимались ни торговлею, ни ремеслами; нѣтъ между ними ни одного, котораго по имени нужно бы считать человѣкомъ татарскаго происхожденія; интересно, что кромѣ этихъ, такъ сказать, оффиціальныхъ толмачей, мы находимъ въ Казани еще семь толмачей среди людей разныхъ другихъ состояній,—слѣд., были очень частыя и оживленныя отношенія между русскими и инородцами, если на ряду съ 12-ю оффиціальными служилыми толмачами существовали еще частные, при чемъ пятеро изъ послѣднихъ среди людей архіепископа. Совершенно естественно конечно, что толмачей болѣе въ Казани, чѣмъ въ Свіяжскѣ.

Относительно чернаго духовенства мы узнаемъ изъ изучаемыхъ теперь книгъ составъ архіепископскаго штата въ Казани, относительно же бѣлаго особенно интересны заключающіяся въ этихъ документахъ данныя о ругѣ, тѣмъ болѣе, что ружныхъ непустыхъ церквей въ этихъ городахъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ—именно въ Казани 9 съ 12-ю престолами и въ Свіяжскѣ—четыре съ 5-ю престолами.

Самому архіепископу принадлежали: въ городѣ дворъ, описанный непосредственно послѣ государева, на посадѣ мельница и дворъ коровій. Архіепископскихъ людей наша книга называетъ слѣдующихъ: боярина, шесть дѣтей боярскихъ, дворецкаго, дьякона, 13 пѣвчихъ дьяковъ; трехъ дьяковъ просто, двухъ поваровъ, сыт-

[1]) Ркп. К. 646, л. 140 об.

ника, мельника, хлѣбника, бочарника, сторожа, 91 чел. крестьянъ и 4 дѣтенышей. О положеніи и занятіяхъ ихъ всѣхъ, кромѣ крестьянъ, ничего не сказано; о крестьянахъ же читаемъ послѣ описанія ихъ слободы: «и тѣ архіепископли крестьяне съ Казанскими посадскими людьми ни въ какія дѣла, ни въ разметы не тянутъ ни во что, а сказалъ архіепископль дворецкій, что тѣ слободскіе крестьяне дѣлаютъ на архіепископлѣ дворѣ хоромы и городьбу, и дрова, и воду на дворъ возятъ, и квасъ варятъ и за городомъ огороды пашутъ и мельницъ архіепископли (sic) всякія дѣла дѣлаютъ, а оброку, сказалъ, въ архіепископлю казну не емлютъ со слободскихъ крестьянъ для дѣла» [1]. Такимъ образомъ, этихъ архіепископскихъ крестьянъ нужно считать домашними слугами, такъ сказать дворнею, архіепископа; изъ этого же мѣста книги опредѣляются отчасти и обязанности дворецкаго—онъ является распорядителемъ этой дворни, онъ даетъ о ней свѣдѣнія [2]; почти слово въ слово то же самое читаемъ о крестьянахъ монастырскихъ [3]. Что эти крестьяне главнымъ образомъ работали дѣйствительно на монастырь и архіепископа и разныхъ его людей, видно уже и изъ того, что, будучи въ значительной степени ремесленниками, они торговали весьма мало· изъ архіепископскихъ людей ремесленниковъ 55 чел. (т. е. 60% всего ихъ числа), а торговцевъ лишь 13 чел. (т. е. 14½%,—8 крестьянъ, 4 пѣвчихъ дьяка и бочарникъ) и имѣли они всего 16 лав., 1 м. лав. и кузницу и платили съ нихъ 4 р. 2 а. 4 д. Изъ монастырскихъ крестьянъ ремесленниковъ было 17 чел. (т. е. 53% всего ихъ числа), а торговали лишь двое, имѣли 2 л. и платили 10 а. 2 д.; трое изъ монастырскихъ крестьянъ взяли еще на оброкъ огородъ въ 3 десятины, съ котораго они, по истеченіи льготныхъ пяти лѣтъ, должны были платить оброку по 60 а., да пошлинъ съ рубля по 10 денегъ. Самый списокъ ремеслъ, какими занимались архіепископскіе и монастырскіе крестьяне, указываетъ, что они работали

---

[1]) Ркп. К. 646, лл.143—144.

[2]) Мы уже упоминали выше, что этотъ дворецкій продалъ по порученію одного сына боярскаго его дворъ другому—см. прим. на стр. 202.

[3]) «Дворы монастырскихъ крестьянъ» описываются сначала единственно подъ такимъ заголовкомъ; далѣе идетъ: «9 дворовъ казачьихъ, а живутъ въ нихъ монастырскіе дѣтеныши и мастеровые люди»,—а затѣмъ общій итогъ людей, описанныхъ подъ обоими этими заголовками, и замѣчаніе, что всѣ они не тянутъ ни во что съ посадскими людьми, а «дѣлаютъ на монастырѣ»—ркп. К. 646, лл. 144—145.

главнымъ образомъ на удовлетвореніе домашнихъ потребностей [1]). Разсматривая данныя о монастырскихъ и архіепископскихъ дѣтенышахъ, встрѣчающіяся въ нашей книгѣ, мы во-первыхъ видимъ, что они назывались всегда черными людьми и что дѣтеныши архіепископа, жившіе между тяглыми людьми, всегда вмѣстѣ съ ними сосчитаны въ тѣхъ частныхъ итогахъ ихъ, о которыхъ мы выше упомянули; во-вторыхъ, изъ описанія монастырской слободы видимъ, что дѣло монастырскихъ дѣтенышей то же, что и монастырскихъ крестьянъ,—слѣдов., и они тоже работали дворовое дѣло на монастырь; но если они различены по названіямъ—мы должны предполагать между ними какое-нибудьи фактическое различіе; наиболѣе естественнымъ является объясненіе, что дѣтенышами назывались наемные рабочіе чернаго духовенства, въ отличіе отъ крестьянъ, находившихся въ постоянной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ и обязанныхъ исполнять на нихъ нѣкоторыя хойственныя работы; съ этимъ объясненіемъ вполнѣ можно согласить и тотъ фактъ, что названы архіепископскими дѣтенышами черные тяглые люди, къ тому же сосчитанные и въ общемъ итогѣ тяглыхъ людей Казани. Такъ же опредѣляетъ состояніе дѣтенышей и г. Перетятковичъ, приводя изъ документовъ выраженіе: «годовые наемные дѣтеныши» [2]). Тотъ фактъ, что въ Казани монастырскіе дѣтеныши,

---

[1]) Вотъ полный списокъ ремесленниковъ, крестьянъ архіепископа и монастырскихъ; изъ двухъ цифръ вторая или одна въ скобкахъ, относится къ крестьянамъ монастырскимъ.

мясниковъ 3, 1,
солодяниковъ 2, 1,
масляниковъ 2, 1,
мучниковъ 2,
кисельниковъ 1,
колачниковъ 1,
блинниковъ 1,
крупениковъ 1,
пивоваровъ 1,
ситниковъ (1),
рыболововъ 10, 1,
холщевниковъ 3.
сапожниковъ 3, 1,
скорняковъ 3.
овчинниковъ 1, 2,
кожевниковъ 2,
шубниковъ 1,
портныхъ маст. (1),
красильниковъ (1),
лучниковъ 2,
ножевниковъ 1,
неводниковъ 1,
скатертниковъ 1,
бочарниковъ 1, 1,
кувшинниковъ 2,
котельниковъ 1,
мыльниковъ (1),
мельниковъ 2, 1,
огородниковъ (1),
кирпичниковъ (1),
плотниковъ 5, 2,
дегтярей 1,
пастуховъ 1.

[2]) *Перетятковичъ*, Поволжье въ XVII в., 93.

судя по замѣчанію книги послѣ описанія монастырской слободы и по итогу черныхъ тяглыхъ людей, уже не входили въ составъ посадской общины, вѣроятно, представляетъ намъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда монастырь, или другой какой-либо столь же сильный владѣлецъ выводилъ изъ тягла людей, вступавшихъ къ нему въ обязательства и зависимыя отношенія. Въ числѣ тяглыхъ людей не сосчитаны также и два дворника, жившіе на монастырскихъ дворахъ въ Казани и Свіяжскѣ. Напомнимъ, наконецъ, о чемъ мы уже и выше говорили, что здѣсь среди архіепископскихъ людей пятеро толмачи и одинъ толмачей изъ монастырскихъ крестьянъ; это указываетъ на оживленныя сношенія духовенства съ инородцами.

Въ Свіяжской книгѣ мы не находимъ описанія никакихъ монастырскихъ слободъ, но въ числѣ владѣльцевъ лавокъ встрѣчаемъ 5 чел. съ обозначеніями: слобожанинъ Троицкаго, Богородицкаго, Никольскаго монастыря и «архимаричъ слобожанинъ». Что это за слободы—по нашему документу сказать нельзя; возможно предположеніе, что и тутъ намъ мѣшаетъ недостатокъ нѣсколькихъ листовъ, но возможно, что тутъ мы имѣемъ устарѣвшія уже названія, несоотвѣтствовавшія дѣйствительному положенію города въ моментъ описанія: въ книгѣ же мы видимъ двухъ людей, отмѣченныхъ «жилецкой слободы», между тѣмъ какъ изъ этой же книги узнаемъ, что въ Свіяжскѣ никакой жилецкой слободы уже не было, ибо она была переписана—повидимому, даже до истеченія льготныхъ лѣтъ—въ дворцовыя села [1]); возможно, что нѣчто подобное случилось и со слободами монастырей.

[1]) Слободы эти были, во всякомъ случаѣ, за р. Свіягою: «Посадъ Свіяжскій. За городомъ въ острогѣ дворы всякихъ людей. Отъ городовыхъ отъ Сергіевыхъ воротъ сверхъ (sic) р. Свіяги противъ государевыхъ сараевъ и Троецкіе слободки» и т. д.—ркп. 432, л. 101 об.; но вѣроятно онѣ не причислялись къ городу, ибо въ книгѣ нѣтъ ихъ описанія; послѣ уже описанія города и за заголовкомъ «книги свіяжскаго уѣзда» читаемъ: «да у Свіяжска же города, близко посаду, за р. за Свіягою государевы царевы и великаго князя слободы Жилецкія да Бусурманская, которыя по государевѣ грамотѣ Свіяжскіе жильцы дѣти боярскіе Елиз. Глѣбовъ да Ѳед. Синцовъ написали въ дворцовыя жъ села лѣта 7071 іюля. А доходъ съ тѣхъ дворцовыхъ селъ и пустошей по Семенову письму Нармацкаго и съ слободъ, съ дворцовыхъ же селъ, по Свіяжскихъ жильцовъ письму не положенъ ни который, опричь пашни, а пахали на государя царя и великаго князя въ дворцовыхъ во всѣхъ селѣхъ крестьяне живущихъ вытей десятины, съ выти по десятинѣ ржи, да по десятинѣ яри, а иныхъ вытей крестьяне сидѣли на льготѣ, а льготы не отсидѣли и государевыхъ десятинъ не пахали»,—ркп. 432, лл. 173—174.

*

Обращаясь къ разсмотрѣнію данныхъ о ругѣ, мы прежде всего замѣчаемъ ясное отличіе руги священнослужителямъ отъ руги церковной, собственно церкви, опредѣлявшейся въ книгѣ обыкновенно словами: «да руги церковныя на вино, да на темьянъ, да на ладанъ»; руга церковная всегда значительно меньше руги священнослужителямъ; кромѣ того, она всегда только денежная, а руга священнослужителямъ бываетъ то только деньгами, то деньгами и хлѣбомъ и даже сукномъ. Руга церковная идетъ повидимому всегда тѣмъ же самымъ церквамъ, при которыхъ и священнослужители получали ругу,—говоримъ повидимому, потому что есть три сомнительные случая: во-первыхъ, не находимъ церковной руги одной церкви въ Казани и одной въ Свіяжскѣ, служители при которыхъ ругу получали,—но описаніе такой церкви въ Казани приходится на очень испорченныхъ листахъ, а при такой церкви въ Свіяжскѣ получали руги по 100 д. два придѣла; во-вторыхъ, ничего не сказано о церковной ругѣ самому собору; но такъ какъ совершенно невозможно, чтобы не получалъ ругу соборъ въ Казани, хотя обыкновенно онъ получалъ ругу и когда тутъ сравнительно такое множество ружныхъ церквей, то мы и думаемъ, что ругу собору нужно видѣть въ двухрублевомъ оброкѣ съ рыболовныхъ вязокъ, который, по книгѣ, шелъ въ распоряженіе всѣхъ священнослужителей собора [1]). Затѣмъ, очевидно, что руга опредѣлялась заранѣе, по штату, на каждую церковь, независимо отъ того, находится ли при ней налицо полное число священнослужителей или нѣтъ, такъ что назначеніемъ руги опредѣлялся maximum лицъ, имѣвшихъ получать содержаніе изъ государевой казны, а не то, что свидѣтельствовалось, что въ моментъ описанія платилось столько-то и такимъ-то людямъ. Нужно также замѣтить, что почти всегда руга опредѣлялась на бо̀льшее число священнослужителей, чѣмъ мы находимъ налицо, и только изрѣдка бываетъ наоборотъ, что при церквахъ ружныхъ были служители, которымъ руги не полагалось. Въ низшемъ размѣрѣ получали ругу церкви на посадѣ: въ Казани 82 и 84 д., въ Свіяжскѣ — 100 ден.; церкви городскія получали 160, 172, 300, 400 ден. въ Казани и 200 и 391 д.—въ Свіяжскѣ; всего церковной руги въ Казани шло немного болѣе 10 р. (10 р. 13 а. 2 д.) и въ Свіяжскѣ — немного менѣе 5 руб. (4 руб. 31 а. 5 д.). Руга

---

[1]) «Да протопопу жъ съ братьею, сверхъ годовые руги государева жалованья на Волгѣ въ Тетюшевскихъ водѣхъ рыбные ловли 15 связокъ плавныхъ, а емлютъ (съ) связокъ по 2 р., да пошлинъ съ рубля по 10 ден.»— ркп. К. 646, л. 26 об.

священнослужителямъ была опредѣлена въ Казани на 1 протопопа, 17 священниковъ, 1 протодьякона, 5 дьяконовъ, 12 пономарей, 9 просвирницъ и 1 сторожа церковнаго, въ Свіяжскѣ—на 1 протопопа, 7 священниковъ, 1 протодьякона, 1 дьякона, 2 пономарей, 2 просвирницъ и 2 сторожей церковныхъ—всего, слѣд., въ Казани на 46 чел., въ Свіяжскѣ — на 16 чел. Всего въ Казани, за исключеніемъ одного дьякона, размѣровъ руги которому нельзя разобрать, по причинѣ ветхости листа, священнослужители должны были получать деньгами 116 р. 26 а. 1 д., да за сукна 15 р. 23 а. 2 д., да просвирницы за пшеницу на кутью—3 руб. 20 а., и натурою 57 пудовъ соли и 321½ четверти ржи и овса въ большую мѣру, а получали ругу лишь 19 чел. — 90 р. 15 а. деньгами, 14 р. 26 а. 4 д. за сукна, 48 п. соли и по 230¾ ч. ржи и овса. Въ Свіяжскѣ руги должны были получать деньгами 53 р. 27 а., за 32 пуда соли по 7 д. за пудъ—1 р. 4 а. и натурою—76½ ч. ржи и столько же овса въ новую большую мѣру, 123 ч. ржи и 120 ч. овса въ старую мѣру, 12 ч. пшеницы на кутью. Получали же ругу 12 чел.—всего 43 р. 4 а. 4 д., 28 а. за 24 п. соли, 48 ч. ржи и 48 ч. овса въ новую мѣру, 117 ч. ржи и 114 ч. овса въ старую мѣру и 12 ч. пшеницы на кутью. Всего болѣе получали, конечно, соборные служители; высшій окладъ въ Казани—протопопу 15 р. денегъ, за сукно 2 руб., 50 ч. ржи, 50 ч. овса въ большую мѣру и 5 п. соли; высшій окладъ въ Свіяжскѣ протопопу же 11 руб. 11 а., 15 ч. ржи и 15 ч. овса въ большую мѣру и 5 п. соли; соборные дьяконы получали столько же, сколько большинство священниковъ, придѣльные священники меньше, чѣмъ священники при самой церкви; какъ мы уже видѣли, рѣже всего назначалась руга дьяконамъ, чаще всего, конечно, священникамъ, за тѣмъ пономарямъ. О ругѣ проскурнямъ говорится различно: то «столько-то (10—15) алт. просвирнѣ на кутью», то словъ «на кутью» нѣтъ; въ Свіяжскѣ только отпускался на кутью хлѣбъ [1])

---

[1]) Вотъ подробности о размѣрахъ руги. Въ Казани: руга протопопу уже указана нами выше; 5 священниковъ соборныхъ и протодьяконъ получали каждый: 5½ руб., 1 р. за сукно, 3 п. соли и по 11¼ четв. ржи и овса въ большую мѣру (на какую постоянно считается въ Казани); 6 священниковъ получали каждый: 4 р., 3 п. соли и по 11¼ четв. ржи и овса; 2 священника—по 5 р., по 3 п. соли и по 11¼ ч. ржи и овса; затѣмъ одинъ священникъ—4 р. и по 4½ ч. ржи и овса, другой—3 р. и по 9 ч. ржи и овса, третій—3 р., 1 п. соли и по 6 ч. ржи и овса и четвертый—2 р. и по 6 ч. ржи и овса; 3 дьякона получали каждый 4½ р., 30 а. за сукно, 3 п. соли

и о вознагражденіи просвирнямъ ничего не говорится; вѣроятно, въ такихъ случаяхъ выручка отъ продажи просвиръ шла уже въ пользу просвирницы, ибо иначе онѣ не получали бы никакого вознагражденія за трудъ.

Церковные служители, особенно священники и дьяконы, считались здѣсь непринадлежащими къ посадской общинѣ; они и описываются здѣсь всегда какъ собственники, а не какъ жильцы дворовъ, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда ими заняты дворы на церковной землѣ, и потому немогшіе принадлежать имъ, какъ полная частная собственность. Ни въ Казани, ни въ Свіяжскѣ священнослужители не занимались никакими ремеслами, среди ихъ не встрѣчаемъ даже иконниковъ, и только въ Свіяжскѣ одинъ пономарь владѣлъ лавкою; даже и огороды видимъ лишь у архіепископа въ 2 десятины и у Спасскаго монастыря въ 3 десятины; очевидно, здѣсь, въ новозавоеванномъ городѣ мусульманъ

и по 11¼ ч. ржи и овса; 2 пономаря получали по 1 р. и по 6 ч. ржи и овса, одинъ—полтину и по 4½ ч. ржи и овса, 7—по полтинѣ и по 2¼ ч. ржи и овса и два—только по полтинѣ; о ругѣ проскурницѣ соборной читаемъ: «благовѣщенской проскурницѣ годовые руги за стряпню полдесята алтына денегъ, да хлѣба 4½ ч. ржи и 4½ ч. овса въ б. м., да на просворы и на кутью за 6 ч. пш. 30 а. ден.» (ркп. К. 646, л. 26 об.); 4 просвирни получали по 10 алт. за кутью или на кутью и просвиры, одна—15 алт. на кутью, затѣмъ три 20, 10 и 5 а. просто, безъ упоминанія о кутьѣ; 2 соборные сторожа должны были получать по 12 а. 3 д. и по 4½ ч. ржи и овса.— Въ Свіяжскѣ 2 соборные попа и протодьяконъ получали каждый 5 р. 22 а. 2 д., 11¼ четв. ржи и овса, 3 п. соли; 2 священника по 2 р., 2 п. соли и по 9 ч. ржи и овса — повидимому, въ старую мѣру, потому что священники той церкви, въ придѣлахъ при которой они служили, получали по 15 ч. въ старую мѣру; затѣмъ одинъ священникъ получалъ: 5 р., 33 ч. ржи и овса въ старую мѣру, другой—5 р., 3 п. соли и по 30 ч. ржи и овса въ ст. мѣру, и третій 3 р., 3 п. соли и по 15 ч. ржи и овса въ ст. мѣру; соборный дьяконъ получалъ 3 р., по 11¼ четв. ржи и овса въ большую мѣру, 3 п. соли; 2 пономаря— по 1 р., по 6 ч. ржи и овса и по 2 п. соли, третій—столько же деньгами и хлѣбомъ, но соли не получалъ; одна проскурница—1 р., по 6 ч. ржи и овса въ б. м., 2 п. соли, другая—полтину, 6 ч. ржи, 3 ч. овса въ ст. м., одинъ сторожъ—1 р., 1 п. соли и по 4½ ч. ржи и овса въ б. м., другой—1 р. и по 6 ч. ржи и овса въ ст. м. Въ Лаишевѣ священникъ получалъ: 5½ р., за сукно 1 р. «да за церковную ругу, на ладонъ, и на темьянъ, и на воскъ и на вино церковное»—30 алт., да хлѣба по 11¼ ч. ржи и овса, 3 п. соли да на Камѣ рыбной ловли 2 связки плавныхъ; просвирница и церковный дьячекъ получали по полтинѣ и по 2½ четв. ржи и овса. Здѣсь также видимъ что руга собственно церкви выдѣляется отъ руги священнослужителямъ— они получаютъ деньги «за ругу церковную».

священнослужители были очень хорошо обезпечены, поставлены, и весьма возможно, что имъ здѣсь было даже запрещено заниматься торговлею и ремеслами. Нищихъ въ этихъ городахъ еще очень мало: въ Казани только при трехъ церквахъ показаны нищіе въ 14 кельяхъ, въ Свіяжскѣ — только въ одной кельѣ при одной городской церкви указанъ нищій старецъ; питались они «отъ церкви Божіей»; да въ Свіяжскѣ, при описаніи дворовъ разныхъ другихъ людей, между ними, 2 раза въ городѣ и 6 разъ на посадѣ указаны нищіе вдовы и старцы; въ частныхъ итогахъ жильцовъ они не сосчитаны; но болѣе никакихъ свѣдѣній объ этихъ нищихъ мы не имѣемъ.

Общее названіе, какимъ въ изучаемыхъ нами книгахъ обозначается посадскіе тяглые люди, читается различно; въ Казанской книгѣ читаемъ въ перечисленіи людей, дворы которыхъ будутъ описываться на посадѣ: «и (дворы) посадскихъ всякихъ городовыхъ и мастеровыхъ людей добрыхъ, и середнихъ, и молодыхъ»—въ итогѣ же дворовъ посада и въ описаніи дворовъ черныхъ людей въ городѣ читаемъ «всякихъ торговыхъ и мастеровыхъ людей»— добрыхъ, середнихъ и молодыхъ; и мы думаемъ, что и въ первомъ случаѣ слово «городовыхъ» явилось по ошибкѣ (копіиста, снимавшаго копію въ XVIII в.), вмѣсто слова «торговыхъ», потому что и свіяжская книга, для обозначенія черныхъ людей, всегда употребляетъ именно формулу: «всякіе торговые и мастеровые люди», добрые середніе и молодые [1]), а каждаго отдѣльнаго человѣка обозначаетъ терминомъ «жилецъ добрый, середній или молодой»; въ книгѣ же Казани слово «жилецъ» въ примѣненіи къ чернымъ людямъ является только при перечисленіи тѣхъ посадскихъ тяглыхъ людей, которые поселились на мѣстахъ слободы стрѣльцовъ, ушедшихъ въ Астрахань [2]), причемъ оно не примѣняется даже къ тѣмъ чернымъ людямъ, которые жили на мѣстахъ, прежде бывшихъ подъ тою же слободою, но въ моментъ составленія описи уже приписанныхъ подъ дворы къ посаду; какое-нибудь различіе между жительствомъ во дворѣ на землѣ,

[1]) Ркп. К. 646, лл. 60 об., 69, 121 об.; ркп. 432, лл. 40, 64 об., 134—135.

[2]) Описаніе этихъ мѣстъ, прежде занятыхъ стрѣлецкою слободою—ркп. К. 646, л. 106 и слѣд.; сначала описываются дворы посадскихъ людей, поселившихся тутъ еще до ухода стрѣльцовъ (ихъ 6); всѣ они названы просто «молодчіе»; далѣе идутъ «тое-жъ стрѣлецкіе слободы дворы и мѣста дворовыя, въ которыхъ дворѣхъ и на мѣстѣхъ послѣ стрѣльцовъ садилися жить всякіе казанскіе люди»—и черные люди, описываемые тутъ, названы «жильцами».

прямо приписанной къ посаду, и во дворѣ на землѣ слободы стрѣлецкой весьма естественно предположить, но мы не рѣшаемся сдѣлать этого въ виду того, что въ Свіяжской книгѣ всѣ черные люди названы жильцами, и не можемъ объяснить этого. Приведенное нами ранѣе и согласное со счетомъ книги число посадскихъ черныхъ людей въ Казани составилось изъ счисленія людей, прямо названныхъ посадскими тяглыми или черными, и людей, названныхъ людьми торговыми и крестьянами; что такъ же считала и книга, доказывается, помимо сходства общихъ итоговъ, еще и тѣмъ, что названные и торговыми людьми, и крестьянами считаются всегда вмѣстѣ съ черными въ тѣхъ частныхъ итогахъ, о которыхъ мы уже говорили. Очевидно, слѣдовательно, что никакого, сколько нибудь значительнаго различія между состояніемъ черныхъ посадскихъ людей и состояніемъ крестьянъ не было, что это были, по своимъ правамъ и обязанностямъ, одинаковые черные тяглые люди, хотя, конечно, отсюда вовсе не слѣдуетъ еще, чтобъ не было, можетъ быть даже и довольно важной фактической разницы въ положеніи жителя села, сравнительно съ положеніемъ жителя города,— не могло не имѣть важнаго значенія уже одно то, что первый жилъ обыкновенно въ селеніи съ двумя, тремя, десятью дворами, а второй—въ поселеніи съ нѣсколькими сотнями и даже тысячами дворовъ какъ, напр., въ Казани; по счисленію г. Перетятковича во время составленія нашихъ книгъ во всемъ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ было еще очень мало русскаго населенія—едва-ли 1,000 дв.; и отсюда видно очень важное значеніе, которое должны были имѣть для распространенія въ краѣ русскаго вліянія, русской цивилизаціи такіе сравнительно очень большіе центры, какъ Казань и Свіяжскъ [1]). Точно такъ же, очевидно, не были особымъ сословіемъ люди торговые. Мы видѣли сейчасъ, что всѣ посадскіе люди обозначаются какъ «торговые и мастеровые»; въ Казани 10 чел. молодшихъ и 3 середнихъ еще спеціально обозначены терминомъ «торговый»; но и они, какъ мы уже сказали, такъ же, какъ и крестьяне, сосчитаны всегда въ частныхъ итогахъ вмѣстѣ съ прочими посадскими людьми и въ общемъ итогѣ очевидно сосчитаны вмѣстѣ съ ними; и нельзя не придать весьма важнаго значенія въ рѣшеніи вопроса—были ли «торговые люди» особымъ сословіемъ, или такъ назывались всѣ люди низшаго класса—тому, что нисколько не выдѣляются торговые люди изъ общей массы

[1]) *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV—XVI вв., 250—255.

посадскихъ людей въ итогахъ писцовыхъ книгъ, не только подробно разграничивающихъ дворы и людей разныхъ сословій, но даже черныхъ людей распредѣляющихъ на добрыхъ, середнихъ и молодыхъ, и только потомъ уже дающихъ общій ихъ итогъ; какъ и въ другихъ городахъ, и здѣсь люди, названные торговыми, далеко не всѣ торговали,—въ лавкахъ, по крайней мѣрѣ,—а торговавшіе сравнительно нисколько не больше имѣли лавокъ, и не больше съ нихъ платили, чѣмъ и всякіе другіе люди: изъ 13-ти торговыхъ людей въ Казани только пятеро имѣли лавки, всего 5 л. и 1 кузницу, и платили съ нихъ 46 а. 4 дв.; и хотя это обстоятельство какъ бы даетъ основаніе думать, что поводомъ къ обозначенію извѣстнаго человѣка «торговымъ» служило нѣчто другое, а не владѣніе лавками, но зато съ другой стороны имѣемъ случаи, когда терминомъ «торговые людей» обозначены просто всѣ люди, имѣвшіе лавки; въ описаніи же Казани всѣ поручители по людямъ, взявшимъ впервые оброчные огороды, разъ названы: «жильцы Казанскіе посадскіе люди», а другой, рядомъ — «жильцы Казанскіе торговые люди», хотя оба раза въ числѣ ихъ были и стрѣльцы, и сторожа [1]); такимъ образомъ, мы не находимъ въ нашихъ документахъ объясненій, что же именно служило основаніемъ къ названію того или другого человѣка «торговымъ», но на основаніи ихъ можемъ утверждать, что терминъ «люди торговые» не обозначалъ отдѣльнаго сословія, а прилагался то къ отдѣльнымъ лицамъ изъ низшаго сословія, то обозначалъ всѣхъ вообще тяглыхъ, а то всѣхъ фактически торгующихъ людей.

Посадскіе тяглые люди описываются, какъ мы уже говорили, всегда «во дворахъ»; исключеніемъ представляются только слѣдующіе три случая въ Казани и два въ Свіяжскѣ: «дв. Васки полоняника молодшаго», далѣе, рядомъ: «въ дв. Исачко пастухъ, дв. Богданка Григорьева, оба молодчіе,» и «дв. Алеши да пріѣзжіе казаки» (sic); далѣе, опять рядомъ: «дв. Гаврилка кисельника жильца, дв. Матренка Максимова дочь, оба молодчіе» и «дв. Михалка Колонцова жильца, дв. Грища калачникъ бусурманъ, жилецъ, оба молодчіе» [2]). Третій въ ряду приведенныхъ случаевъ легко объясняется опискою, съ исправленіемъ которой къ тому же возстановляется и грамматическій смыслъ: стоитъ лишь вм. слова «да» прочесть «два»; въ первомъ случаѣ вліяло вѣроятно то, что че-

[1]) Ркп. К. 646, л. 150.

[2]) Ркп. К. 646, лл. 105, 112; ркп. 432, лл. 104, 123 об.

ловѣкъ этотъ полоняникъ; совершенно аналогичное явленіе находимъ въ описаніи Лаишева, гдѣ читаемъ: «на посадѣ же дворы Лаишевскихъ посадскихъ жильцовъ полоняниковъ жалованныхъ и нежалованныхъ жильцовъ-же» [1]), а въ текстѣ всѣ четверо жалованныхъ жильцовъ, которые, какъ видно по заголовку, полоняники (Василій Иземановъ, Самоиликъ Ив., Кудеярко Ларіоновъ и Иванко Илимановъ) показаны владѣльцами дворовъ, а оба нежалованные жильцами «въ дворахъ». Необъяснимыми для насъ остаются такимъ образомъ, три случая; но мы думаемъ, что три случая противъ тысячи другихъ не могутъ служить опроверженіемъ указаннаго нами различія въ примѣненіи формулъ «во дворѣ такой-то» и «дворъ такого-то». Нужно замѣтить еще, что въ Казани и особенно въ Свіяжскѣ мы видимъ черныхъ тяглыхъ людей, живущихъ, и точно также «во дворахъ» и въ самомъ городѣ, а не только на посадѣ; незадолго до составленія книги въ Казани еще большее количество людей жило въ городѣ, но потомъ ихъ дворы и мѣста перешли уже во владѣніе дѣтей боярскихъ [2]); подобное же явленіе мы уже указывали выше въ Коломнѣ; отсюда видно, что мѣста въ городѣ не были исключительно бѣлыми, а могли быть и бѣлыми и черными, смотря по тому, кѣмъ были занимаемы.

Въ Казани и Свіяжскѣ, какъ и ранѣе, мы находимъ еще между владѣльцами лавокъ и частью огородовъ довольно много людей, о дворахъ которыхъ въ книгахъ нѣтъ никакихъ упоминаній; такихъ людей въ Казани 196, въ Свіяжскѣ—94. По итогамъ книгъ всегда несомнѣнно, что эти люди не сосчитаны на ряду съ другими въ итогахъ дворовъ и людей въ нихъ; но присутствіе ихъ тутъ тѣмъ не менѣе несомнѣнно. На вопросъ—кто же такіе эти бездворные владѣльцы лавокъ — положительный отвѣтъ дать трудно; судя по фамиліямъ, можно, относительно нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, утверждать почти съ полною несомнѣнностью, что они имѣли среди посадскихъ людей своего города близкихъ родственниковъ — отца, брата [3]); поэтому является весьма естественнымъ предположеніе,

---

[1]) Ркп. К. 646, л. 484.

[2]) «Да внутри жъ города Свіяжскаго всякихъ торговыхъ и мастеровыхъ людей добрыхъ 3 двора, да дворъ середній, да 59 дв. молодшихъ, а людей въ нихъ тожъ»—ркп. 432, л. 64 об.

[3]) Въ Казани былъ пос. мол. чел. Мих. Щекушинъ и бездворный владѣлецъ лавки—Богданъ Щекушинъ; былъ пос. мол. чел. Истомка Шеломовъ—и бездворные владѣльцы лавокъ Гриша Шеломовъ и Васька Исто-

что по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ были членами семействъ тѣхъ людей, которые были уже поименованы въ описаніи дворовъ; частью это, быть можетъ, люди, только-что пришедшіе изъ другихъ мѣстностей и еще не вступившіе въ общину—въ Казани приходцами среди нихъ обозначены почти 30% (55 чел.), и въ Свіяжскѣ среди ихъ приходцевъ 13% (12 чел.); наконецъ нѣкоторыхъ, быть можетъ, нужно считать людьми, жившими въ чужихъ дворахъ, за неимѣніемъ своихъ—подобный случай мы указывали выше; да и въ Казани есть случай, что одинъ изъ такихъ бездворныхъ владѣльцевъ не отъ общины, а прямо отъ отдѣльнаго человѣка взялъ на оброкъ лавку его умершаго брата [1]), и вообще эти люди чаще всѣхъ другихъ имѣли лавки не самостоятельно, а вмѣстѣ съ какими-нибудь другими людьми; этихъ данныхъ, конечно, недостаточно для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ утверждать зависимость одного человѣка отъ другого, но въ виду того, что существованіе подобныхъ отношеній въ то время несомнѣнно, мы можемъ предполагать ихъ иногда и въ вышеприведенныхъ случаяхъ. Такъ какъ эти люди не сосчитаны въ общемъ итогѣ книги, послѣ чего обыкновенно слѣдовало разложеніе въ сохи, а слѣдовательно, какъ бы и не занесены въ книгу, а лишь мимоходомъ упомянуты въ ней, то мы должны считать ихъ неписьменными и потому нетяглыми людьми; важно же для насъ ихъ число потому, что помогаетъ намъ точнѣе опредѣлить число взрослыхъ мужчинъ въ городѣ, а черезъ это и всего населенія; наши книги вообще считаютъ главнымъ образомъ не людей, а дворы, такъ что, подводя итоги дворовъ и людей въ городѣ и на посадѣ, книга никогда не оговариваетъ, что тотъ или другой человѣкъ уже сосчитанъ въ другомъ итогѣ, а совершенно одинаково считаетъ въ итогѣ посада людей, въ городѣ дворовъ неимѣвшихъ, и людей, имѣвшихъ таковые и слѣд., уже сосчитанныхъ въ итогѣ дворовъ городскихъ и людей въ нихъ, и такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ одного и того же человѣка считаетъ по два раза; вмѣстѣ съ тѣмъ, напримѣръ, если во дворѣ указана вдова или вдова съ сыномъ

минъ Шеломовъ; въ Свіяжскѣ былъ жилецъ добрый Якимко Олтобазовъ,—а въ числѣ бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ встрѣчаемъ: Тиша Олтобазовъ, Андрюша Олтобазовъ и Игнашъ Якимовъ Олтобазовъ и т. п.

[1]) «Лавка Русиновская Русанова, дали (sic) ту лавку изъ оброка братъ Русиновъ Третьякъ Гришѣ Шаланину, а Русинъ мертвъ; оброку 10 а. 4 д.,»—ркп. К. 646, л. 197.

или даже «съ дѣтьми», то по частнымъ итогамъ очевидно, что книга считаетъ на каждый такой дворъ одного человѣка [1]). Это является существенною помѣхою при пользованіи итогами этихъ книгъ съ цѣлью напр., узнать общую цифру жителей города, но для тогдашнихъ потребностей это не было замѣтною неправильностью; тогдашнія книги и считали главнымъ образомъ дворы, а не людей, потому что тогда существовала раскладка повинностей по дворамъ, а не по людямъ, и потому было совершенно безразлично, записаны ли въ двухъ дворахъ два члена одной семьи или вообще двое людей, какъ бы то ни было близко связанныхъ между собою, или одинъ человѣкъ, такъ какъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ фактъ оставался тотъ же самый, что извѣстная семья несла тягло съ двухъ дворовъ. Что писцовая книга не даетъ намъ въ описаніи дворовъ общаго числа взрослыхъ мужчинъ и что мы не получаемъ его, даже сложивши число дворовъ въ городѣ и число дворовъ на посадѣ — очевидно уже изъ того, что, какъ извѣстно, существовали неписьменные, нетяглые люди — слѣд., бывало что взрослый человѣкъ и въ семьяхъ тяглыхъ не несъ тягла, и потому на тяглый дворъ могло приходиться не по одному взрослому мужчинѣ; примѣромъ неполноты данныхъ писцовой книги о жителяхъ могутъ служить тѣ данныя объ одной семьѣ въ Свіяжскѣ, которыми мы уже пользовались: мы находимъ въ Свіяжскѣ въ числѣ жильцовъ добрыхъ Якима Олтобасова, у него лишь одинъ дворъ, а между тѣмъ, въ числѣ владѣльцевъ лавокъ есть еще трое Олтобасовыхъ, и судя по ихъ отчествамъ—одинъ сынъ Якима Олтобасова, а двое другихъ—его братья; они несомнѣнно взрослые, если торгуютъ,—а между тѣмъ по описанію дворовъ мы о нихъ не знали бы. Но самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что писцовая книга почти вовсе не заботится сообщить точныя цифровыя данныя о людяхъ, можетъ служить сравненіе итоговъ писцовой и переписной книги г. Устюга Великаго, составленныхъ одними и тѣми же писцами и совершенно одновременно [2]). Поэтому-то намъ и важно вся-

[1]) Напр.: (тамъ-то) «во дв. Сенка портной мастеръ, во дв. Марья вятчанка да с. ея Ѳедька плотникъ, во дв. Третьячко Іевлевъ рыбникъ, всѣ три молодчіе»—ркп. К. 646, л. 70 об.

[2]) См. «Устюгъ Великій. Матеріалы для исторіи города».—Въ этомъ изданіи напечатана писцовая книга писцовъ Ладыженскаго съ товарищами 1676—1683 г. и ихъ же переписная книга 1677—1678 гг., причемъ прямо сказано, что писцы, «оставя по государевой грамотѣ на время писцовое дѣло, учинили всему городу переписныя книги»; эта переписная книга даетъ въ общемъ итогѣ жителей города 3,563 чел., раздѣляя ихъ на статьи—первую

кое указаніе, которое даетъ намъ возможность приблизиться къ вѣрному опредѣленію числа жителей того или другого города.

Относительно состава посадскихъ людей въ Казани и Свіяжскѣ замѣтимъ прежде всего, что въ Казани 10 чел., а въ Свіяжскѣ 9 чел. нужно считать татарами; въ этомъ числѣ двое добрыхъ и двое середнихъ, остальные молодчіе; на инородческое происхожденіе ихъ указываютъ прозвища бусурманъ, новокрещенъ и раза два имя (Мурза Ивановъ, Климко Тезикѣевъ); затѣмъ, приходцами изъ другихъ городовъ въ Казани отмѣчены 61 чел. изъ числа посадскихъ и 55 изъ бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ; въ Свіяжскѣ—всего двое изъ посадскихъ и 12 чел. изъ бездворныхъ. Русское населеніе этихъ городовъ въ изучаемое нами время не иначе и могло составиться, какъ только изъ переселенцевъ сюда изъ различныхъ мѣстностей тогдашней Россіи; но если не всѣ жители Казани и Свіяжска отмѣчены по мѣсту своего происхожденія, то, вѣроятно, потому, что отмѣчены приходцами люди, только еще сравнительно недавно явившіеся на мѣсто, гдѣ они записаны; совершенно естественнымъ представляется тогда и столь незначительное число приходцевъ въ Свіяжскѣ—съ завоеваніемъ Казани колонизація устремилась очевидно туда, а въ Свіяжскъ уже почти перестали являться приходцы. Относительно пунктовъ, откуда шла сюда колонизація, мы должны повторить тоже, что говорили уже по поводу приходцевъ въ числѣ стрѣльцовъ: сюда шли люди преимущественно изъ области волжскаго бассейна — всего болѣе изъ Костромы (19 чел.) и изъ Вятки (12 чел.); изъ мѣстностей неволжскаго бассейна находимъ здѣсь 10 вологжанъ, 5 псковитиновъ, 4 лучанъ (изъ Великихъ Лукъ?), новгородца и стародубца; москвитиновъ 13 чел., всего же изъ центральныхъ, ближайшихъ къ Москвѣ областей здѣсь до 40 приходцевъ [1]). Кромѣ этихъ, повиди-

15 л. и выше—(2,439 чел.), вторую—11—14 л. (233), третью 6—10 л. (479) и четвертую—пяти и ниже (412), писцовая же даетъ въ итогѣ всего 2051 чел., (при этомъ не описаны духовные) и посадскихъ людей дѣлитъ на лучшихъ, середнихъ, молодыхъ и самыхъ худыхъ.

[1]) Вотъ полный списокъ посадскихъ людей приходцевъ; цифры въ скобкахъ относятся къ Свіяжску, цифры безъ скобокъ—къ Казани; первая цифра обозначаетъ людей, показанныхъ во дворахъ, вторая—бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ.

вологжанъ 5, 4, (1);
новгородцевъ 1.
псковитиновъ 5 (бездв.).
вятчанъ 10, 2.
пермитиновъ 1 (пос.).
галичанъ 5 (пос.).
костромитиновъ 9, 10, (6).
балахонцевъ 1, 1.

мому добровольныхъ приходцевъ, мы видимъ въ Казани еще переведенцевъ изъ разныхъ городовъ, ясно отличающихся отъ всей массы посадскихъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ этихъ приходцевъ, своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Наконецъ, замѣтимъ, что трое изъ посадскихъ черныхъ людей названы бобылями, шестеро—казаками, четверо—архіепископскими дѣтеньшами, двое—дворниками (на дворѣ гостя Аники Строганова и псковскаго сведенца Милони Синякова) и всѣ сосчитаны вмѣстѣ съ прочими посадскими людьми, какъ очевидно и по частнымъ итогамъ, и по общему итогу; кромѣ того, 2 казака еще были лишь владѣльцами лавокъ.

Изложивши данныя о числѣ и составѣ черныхъ тяглыхъ людей въ Казани и Свіяжскѣ, мы обращаемся теперь къ разсмотрѣнію ихъ занятій. Преобладали въ этихъ городахъ торговая и особенно ремесленная дѣятельность; поэтому о нихъ мы будемъ говорить подробнѣе, приведя сначала данныя о земледѣліи, болѣе краткія и болѣе въ книгѣ сгруппированныя. Объ огородахъ черныхъ людей въ описаніи Свіяжска вовсе не упоминается; въ Казани же видимъ у нихъ 4 огорода, два по полудесятинѣ и два по осминѣ, отданные на оброкъ со льготою одному черному посадскому человѣку и тремъ бездворнымъ, два первые—за 25 алт., два вторые за 4 гривны каждый [1]); въ книгѣ же записаны поименно и поручители по этимъ людямъ, названные вообще, какъ мы уже упомянули выше, торговыми людьми, хотя въ числѣ ихъ есть и крестьяне, и сторожа, и стрѣльцы. Мы думаемъ, все-таки, что вообще при дворахъ черныхъ людей были огороды, какъ мы видѣли это и въ другихъ городахъ, хотя многія писцовыя книги этихъ огородовъ прямо не перечисляли. Кромѣ этихъ указаній, въ книгахъ Казани и Свіяжска нѣтъ больше ничего объ обработкѣ жителями ихъ пашенной земли, если не считать слѣдующаго замѣчанія: «дв. Митка Прислониха, живетъ изъ деревни пріѣзжая» [2]);

юрьевчанъ 1 (бездв.).
ярославцевъ 1, 2.
угличанъ 2, 3.
устюжанъ 3, 3.
лучанъ 1, 3.
ржевитиновъ 1 (бездв.).
тверитиновъ 6 (пос.).
москвитиновъ 6, 7, (1).
переяславцевъ 5, 5.
владимірцевъ 1, 2, (5).
муромцевъ 1, 4.
елатомцевъ 1 (пос.).
кадомцевъ 1 (бездв.).
стародубцевъ (1).
пріѣзжіе 2 (бездв.).
приходецъ 1.

[1]) Ркп. К. 646, лл. 149—150.

[2]) Ркп К. 646, л. 85.

о сѣнокосахъ же и выгонѣ посадскихъ людей книги говорятъ столь подробно, что молчаніе о пашенной землѣ мы должны приписывать отсутствію ея. Земли подъ выгономъ, отведенной въ общее пользованіе всякихъ людей, при Казани было приблизительно на 4 кв. версты, при Свіяжскѣ—приблизительно на 2 квадр. версты; въ Казани посадскіе люди, на ряду со всѣми другими, имѣли право безъявочно дьякамъ пользоваться на собственныя нужды лѣсомъ. Пользованіе покосами мы застаемъ еще далеко неустановившимся. Около Казани было, въ разныя стороны, покосовъ 2,461 дес., на 73,830 копенъ; подъ Свіяжскомъ—928 дес., на 27,840 копенъ (обѣ книги считаютъ всегда ровно по 30 копенъ на десятинѣ); и прежде, съ разрѣшенія только воеводъ, безграмотно и безоброчно косили всѣ люди, жившіе въ этихъ городахъ, въ разныхъ мѣстахъ, но безъ точнаго опредѣленія границъ; посадскіе люди, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, косили, напр., на участкѣ, приблизительно въ 690 дес.; но писцы, по наказу, должны были отдать всѣ эти покосы на оброкъ или исполу; но у нихъ покосовъ никто на такихъ условіяхъ не взялъ, и потому впредь должны были отдавать ихъ воеводы [1]); но разъ прежде жители обоихъ городовъ эти луга косили, они очевидно имѣли въ нихъ нужду, и если у писцовъ они не взяли ихъ на оброкъ прямо изъ казны, то потому, вѣроятно, что надѣялись пользоваться на этомъ огромномъ пространствѣ сѣномъ или по прежнему, безграмотно и безоброчно, или взять на болѣе выгодныхъ условіяхъ луга у людей, получившихъ изъ нихъ огромные участки, а еще болѣе, вѣроятно, потому, что все-таки главнѣйшее ихъ вниманіе было направлено на торгово-промышленную дѣятельность, особенно выгодную, вѣроятно, здѣсь, ибо тутъ было такъ много дѣтей боярскихъ и другихъ людей, или вовсе незанимавшихся ремеслами, или занимавшихся ими очень мало.

Ремесленниками изъ посадскихъ людей обозначены въ казанской книгѣ 318 чел., въ свіяжской—103; въ Казани, слѣд., ремесленниками болѣе половины всѣхъ посадскихъ людей, въ Свіяжскѣ—болѣе трети; изъ людей, неимѣвшихъ дворовъ въ Казани ремесленниками отмѣчены 41 чел., въ Свіяжскѣ — 20, т. е. въ обоихъ городахъ немногимъ болѣе пятой части всѣхъ бездворныхъ. Болѣе всего между ремесленниками производящихъ предметы питанія—въ Казани ихъ число составляло 46%, въ Свіяжскѣ ровно 50% всего числа ремесленниковъ; производящихъ предметы одежды

[1]) Ркп. К. 646, лл. 153—155, 157—158 и далѣе, 166; ркп. 432, лл. 166—172.

и матеріалы для нея — въ Казани 24%, въ Свіяжскѣ 25% всего числа ремесленниковъ, производящихъ предметы домашняго обихода—въ Казани 17%, въ Свіяжскѣ 15%, и наконецъ, въ Казани 13%, въ Свіяжскѣ 10% всего числа ремесленниковъ производили предметы уже не первой необходимости. Столь замѣчательно близкое совпаденіе цифръ относительно разныхъ группъ указываетъ, что такія численныя отношенія ихъ не случайны, а соотвѣтствовали дѣйствительнымъ потребностямъ того времени. Изъ добрыхъ людей въ Казани ремесленниками названы 4, въ Свіяжскѣ—1, изъ середнихъ—въ Казани 16, въ Свіяжскѣ 8; всѣ остальные—молодшіе; никакихъ рельефныхъ различій между ремесленниками-молодшими людьми и ремесленниками середними и добрыми—незамѣтно [1]).

---

[1]) Вотъ точныя данныя о ремесленникахъ посадскихъ людяхъ; первыя цифры обозначаютъ отмѣченныхъ во дворахъ, вторыя бездворныхъ; цифры Свіяжска отмѣчены буквами С.

колачниковъ 41 (27, 1; С. 12, 1).
рыбниковъ 38 (27, 3; С. 7, 1).
хлѣбниковъ 34 (24, 2; С. 5, 3).
мясниковъ 17 (10; С. 7—всѣ, во дв.).
пирожниковъ 16 (7, 6; С. 2, 1).
квасниковъ 16 (10 во дв.; С. 5, 1).
прасоловъ 10 (9; С. 1—всѣ во дв.).
кисельниковъ 8 (3, 1; С. 3, 1).
масляниковъ 7 (3—во дв.; С. 2, 2).
мучниковъ 6 (4, 2).
крупяниковъ 6 (5; С. 1—всѣ во дв.).
орѣшниковъ 5 (4 во дв.; С. 1—бездв.).
солодяниковъ 5 (4 во дв.; С. 1—бездв.).
блинниковъ 3 (1, 1; С. 1 бездв.).
яблочниковъ 3 (1, 1; С. 1 бездв.).
пивоваровъ 2 (во дв.).
квашенинниковъ 2 (1; С. 1—во дв
пряничниковъ 2 (1, С. 1—во дв.).
соляныхъ поземщиковъ 1 (во дв.).
ситниковъ 1 (во дв.).
поваровъ 1 (во дв.).
сапожниковъ 30 (20—во дв.; С. 9, 1).
скорняковъ 21 (17, С. 4—во дв.).
кожевниковъ 12 (11; С. 1—во дв.)
холщевниковъ 12 (9—во дв.; С. 2, 1).
ветошниковъ 11 (6; С. 5—во дв.).
шапошниковъ 7 (6, С. 1—во дв.).
портныхъ мастеровъ 6 (4, 1; С. 1 бездв.).
шубниковъ 5 (4, 1).
сыромятниковъ 3 (1, 1; С. 1—во дв.).
овчинниковъ 3 (2; С. 1—во дв.).
сермяжниковъ 1 (С. во дв.).
рукавишниковъ 1 (С. во дв.).
колпачниковъ 1 (во дв.).
сарафанниковъ 1 (С. во дв.).
плотниковъ 16 (13; С. 3—во дв.).
серебряныхъ маст. 13 (3, 10).
бочарниковъ 9 (4; С. 5—во дв.).
кузнецовъ 8 (3; С. 5—во дв.).
кирпичниковъ 7 (6; С. 1—во дв).
иконниковъ 6 (2, 3; С. 1—во дв.).
дегтярей 3 (2, 1).
кадниковъ 2 (во дв.).
горшечниковъ 2 (во дв.).
кувшинниковъ 2 (во дв.).
замочниковъ 2 (1, 1).
ножевниковъ 2 (1; С. 1—во дв.).
котельниковъ 1 (во дв.).
печниковъ 1 (С. во дв.).

Торговлею занимались изъ посадскихъ людей въ Казани 81 чел. молодшій и еще двое имѣли кузницы, 11 середнихъ и 5 добрыхъ; въ Свіяжскѣ—55 молодшихъ, 5 середнихъ и 8 добрыхъ; въ Казани молодшимъ принадлежало 70 лав., 30 скамей, шелашей и бочекъ квасныхъ, середнимъ—12 л. и 1 ск., и добрымъ—11 лав.; молодшіе платили всего 18 р. 26 а. (да съ кузницъ еще 6 а. 4 д.), средніе—3 р. 9 а. 5 д. и добрые—2 р. 27 а. Въ Свіяжскѣ молодшіе имѣли 46 л., 1 избу, 9 скамей, полковъ и бочекъ квасныхъ, средніе—6 л., и добрые—13 лав., 1 пологъ; молодые платили всего 6 р. 16 а. 4 д., средніе—30 а. 4 д., и добрые—2 р. 15 а. 2 д.; среднимъ числомъ приходится съ торгующаго: молодого въ Казани 40 д., середняго—60, и добраго—112; въ Свіяжскѣ значительно меньше, именно 24 д., 37 д., и 62 д.; но отношеніе между среднею величиною оброка съ каждаго торгующаго добраго, середняго и молодшаго, въ Казани и Свіяжскѣ, остается одно и тоже: именно молодые платили въ общемъ въ $2^1/_2$ раза менѣе чѣмъ добрые и почти въ $1^1/_2$ раза менѣе чѣмъ средніе [1]); но впрочемъ, изъ всѣхъ посадскихъ людей самый высшій оброкъ—40 алт.—платилъ (въ Казани) одинъ молодшій и вообще изъ молодшихъ отдѣльные люди платили иногда болѣе отдѣльныхъ середнихъ и добрыхъ; всего же болѣе платилъ одинъ бездворный въ Казани, именно 3 р. 13 а.; бездворные имѣли въ Казани всего 148 л., 46 ск., шелашей и бочекъ квасныхъ, 3 л. жалованныя и

свѣчниковъ 1 (С. во дв.).
колесниковъ 1 (во дв.).
гончаровъ 1 (бездв.).
весельниковъ 1 (С. во дв.).
оловяничниковъ 1 (бездв.).
лучниковъ 5 (4; С. 1—во дв.).
рожечниковъ 4 (во дв.).
огородниковъ 4 (во дв.).
извощиковъ 4 (С. 3, 1).
пишутъ на площади—4 (во дв.).
гробовщиковъ 4 (3, 1).
судовщиковъ 3 (1; С. 2—во дв.).
бронниковъ 2 (1 — во дв.; С. 1—бездв.).
голубятниковъ 2 (во дв.).
мошенниковъ 2 (во дв.).
барышниковъ 2 (во дв.).
соловолоковъ 2 (во дв.).
шаровниковъ 2 (1; С. 1—во дв.).
шалашниковъ 2 (1, 1).

и по одному въ Казани изъ числа: описанныхъ во дворахъ: коречникъ, сторонникъ, посошникъ, здобникъ, пишетъ на камени, садовникъ, пастухъ, звонильникъ, удникъ, смычникъ, перевощикъ, стригольникъ, банникъ, трафальникъ, домрачей, повивальная бабка; изъ бездворныхъ плесенникъ; въ Свіяжскѣ: изъ описанныхъ во дворахъ: животинный прасолъ, носильщикъ, угольникъ, и изъ бездворныхъ подкопщикъ.

[1]) Точнѣе: принимая за единицу оброкъ, платимый молодшимъ, получимъ, что въ Казани средніе платили съ лавокъ 1, 3 и добрые 2, 6, а въ Свіяжскѣ—1, 5 и 2, 6.

10 кузницъ и платили съ торговыхъ заведеній 45 р. 3 а. 4 д. да съ кузницъ 1 р.; въ Свіяжскѣ они имѣли 96 лав., одно межлавочье, $6^1/_2$ скамей и платили ровно 15 р.; среднимъ числомъ приходится съ бездворнаго въ Казани 51 д., въ Свіяжскѣ—30 д.; въ обоихъ городахъ, такимъ образомъ, по величинѣ оброка бездворные стояли между молодшими и середними. Всего въ Казани посадскіе люди, составляя ровно треть всего населенія города, владѣли ровно пятою частью всѣхъ торговыхъ заведеній и платили съ нихъ немногимъ болѣе пятой же части (21%) всего собиравшагося съ лавокъ оброка; въ Свіяжскѣ же, составляя по нашему счету ровно четверть всего населенія они владѣли немногимъ болѣе, чѣмъ четвертью лавокъ (26%) и платили немногимъ болѣе пятой части (21%) всего собиравшагося тутъ оброка; такимъ образомъ, въ обоихъ городахъ посадскіе люди платили со своихъ лавокъ въ общемъ по такому же расчету, какъ и всѣ другіе торговавшіе люди; въ обоихъ городахъ посадскіе люди и торговали сравнительно столько же, какъ и всѣ другіе жители каждаго города вмѣстѣ; несоотвѣтствіе въ Казани объясняется существованіемъ тамъ особенной группы богатыхъ привилегированныхъ торговцевъ, именно переведенцевъ, которые, составляя изъ всего населенія едва 1%, изъ общаго числа лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній владѣли 15%. Изъ приведенныхъ нами сейчасъ данныхъ особенное вниманіе наше привлекаютъ тѣ факты, что иные молодшіе платили со своихъ промысловъ оброку болѣе, чѣмъ другіе середніе и даже добрые; изъ этого мы должны заключать, что не на основаніи платимаго оброка производилось распредѣленіе на добрыхъ, середнихъ и молодыхъ; а такъ какъ всякій оброкъ соотвѣтствовалъ промыслу—всякое несоотвѣтствіе, изъятіе изъ оброка, прямо и оговаривалось въ книгѣ [1])—то значитъ, что иные молодшіе вели бо́лѣе значительную торговлю, чѣмъ иные середніе и добрые; слѣд., при распредѣленіи черныхъ людей на добрыхъ, середнихъ и молодшихъ главнѣйшее, по крайней мѣрѣ, вниманіе было обращаемо не на промыселъ, не на торговые обороты, а вѣроятно на тяглую его способность, т. е. прежде всего на составъ его семьи; нѣкоторый намекъ на это можно видѣть въ указанномъ уже выше

[1]) Напр., въ описаніи Казанскаго торга читаемъ: «писцы... оброку написали по своему окладу и за еналеевщину съ одного, посмотря по торгамъ взяли и по промысламъ»—ркп. К. 646, л. 167; въ Тулѣ также «разводятъ торговые люди съ лавокъ оброкъ межъ себя сами, смотря по человѣку и по товару»—П. Кн. М. Гос., II, 1077.

фактѣ, что въ Новгородской области всего болѣе приходилось мужчинъ на 100 дворовъ добрыхъ, меньше на 100 середнихъ и еще менѣе 100 на молодшихъ; подтвержденіе этому увидимъ еще ниже.

Заслуживаютъ вниманія еще находящіеся въ нашихъ книгахъ факты относительно перехода дворовъ и лавокъ отъ одного человѣка къ другому. Данныя о переходѣ дворовъ мы встрѣчаемъ почти только въ книгѣ Казани, да и тамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ лишь переходъ дворовъ отъ посадскихъ людей или стрѣльцовъ къ дѣтямъ боярскимъ или пушкарямъ и притомъ всегда, за исключеніемъ изъ сотни случаевъ какихъ-нибудь двухъ, трехъ, указывается, что дворъ сыномъ боярскимъ или пушкаремъ купленъ у такого-то тяглаго человѣка; купля продажа, такимъ образомъ, здѣсь всегда отмѣчается; о переходахъ дворовъ инымъ какимъ-либо путемъ здѣсь такъ мало упоминаній, что на основаніи ихъ нельзя придти ни къ какимъ выводамъ. Между тѣмъ, въ описаніи лавокъ, во владѣніи которыми участвовали почти исключительно только люди, составлявшіе общины, перемѣна владѣльца всегда выражается только тѣмъ, что при имени настоящаго владѣльца лавки, которое ставится непремѣнно въ родительномъ падежѣ, стоитъ имя бывшаго ея владѣльца, въ формѣ относительнаго прилагательнаго; въ огромномъ большинствѣ случаевъ прежняго владѣльца на лицо въ городѣ не находится, но можно изъ Казанской книги привести до десяти случаевъ, когда и прежній хозяинъ лавки былъ живъ и находился въ Казани [1]); въ Свіяжской книгѣ находимъ тоже совершенно аналогичный случай—именно одинъ человѣкъ жилъ въ одномъ дворѣ, и тутъ же рядомъ былъ его же прежній дворъ, потомъ имъ оставленный [2]). Такимъ образомъ, слѣдовательно, книга дѣлаетъ постояннное различіе, описывая переходъ дворовъ отъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, къ лицамъ, въ составъ ея не входившимъ, и описывая переходы между членами общины или даже общинъ; несомнѣнно, слѣдовательно,

---

[1]) «Л. Никиты Ширяева Ерошника (?) костромитина, Нечайковская бусурмана..., л. Өедьки Афанасьева Пушкарева, Демкинская Павлова..., л. Данилка Васильева пѣвчаго дьяка архіепископая, Өедоровская Болотникова, ... л. Иванка Васильева Шалашника, Өедоровская Болотникова...» (ркп. К. 646, лл. 181, 187 об., 188, 193, 196 об.), а Нечай бусурманъ самъ владѣлъ лавкою (тамъ же, л. 186), равно какъ и Демка Павловъ (л. 182 об.), Өедоръ Болотниковъ имѣлъ дворъ (л. 81) и множество лавокъ.

[2]) «Дв. Миша Галичининъ, что былъ Машуркинъ; дв. пустъ Мишки Галичинина»—ркп. 432, л. 163.

что есть какое-нибудь различіе и въ самомъ основаніи, на которомъ совершается переходъ въ томъ и въ другомъ случаѣ; въ одномъ случаѣ этимъ основаніемъ служитъ обыкновенно купля-продажа и вообще то или другое основаніе всегда прямо указывается; въ другомъ случаѣ что-то совершенно обычное, естественное и потому и не указываемое подробно; мы не можемъ и здѣсь видѣть ничего другого, кромѣ какихъ-то передѣловъ, существованіе которыхъ въ городской общинѣ мы доказывали уже и выше. Мы не можемъ, конечно, по имѣющимся теперь у насъ даннымъ рѣшить, былъ ли этотъ передѣлъ общій, принудительный, производившійся черезъ опредѣленное число лѣтъ, или, такъ сказать, частный, примѣнявшійся всегда послѣ того, какъ какой нибудь человѣкъ, владѣвшій какимъ-либо общиннымъ имуществомъ, отказывался отъ него и тогда предметъ его прежняго владѣнія передавался другому; намъ кажется болѣе естественнымъ здѣсь допускать второй способъ: мы видимъ, что здѣсь не всѣ лавки смѣняли владѣльцевъ; да и трудно представить себѣ существованіе правильныхъ общинныхъ передѣловъ въ Казани, куда только еще собирались жители, и гдѣ община еще складывалась, но не сложилась еще; признаніе этого и правительствомъ было, вѣроятно, причиною того, что въ писцовыхъ книгахъ окраинныхъ городовъ не встрѣчаемъ дѣленія на сохи; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ какъ мы видѣли, въ общинную жизнь, въ виду военно-административныхъ потребностей, въ значительной степени вмѣшивались воеводы; мы уже выше говорили, что при ихъ участіи, для тяглаго человѣка была обязательна уступка, хотя, правда, за вознагражденіе, того участка земли, того двора, которые онъ занималъ, въ пользу служилаго человѣка. Въ разсмотрѣніи писцовой книги Тулы мы увидимъ нѣсколько случаевъ, что посадскій человѣкъ, продавшій свой дворъ служилому человѣку, оставался на томъ же дворѣ, но уже не посадскимъ человѣкомъ, а дворникомъ новаго владѣльца двора, т. е., какъ увидимъ ниже, человѣкомъ въ извѣстной степени отъ него зависимымъ, и нѣтъ ничего невозможнаго, что и здѣсь существовали подобные факты, неупоминаніе же ихъ легко объясняется тѣмъ, что въ писцовыхъ книгахъ при описаніи дворовъ служилыхъ людей, когда живетъ во дворѣ самъ его владѣлецъ, никогда уже не упоминается о дворникахъ, а такъ какъ въ Казани и Свіяжскѣ всѣ дѣти боярскіе, владѣвшіе тутъ дворами, сами въ нихъ и жили, то совершенно естественно почти полное молчаніе книги о дворникахъ. Вообще, въ этихъ окраинныхъ городахъ Москов-

скаго государства общинный бытъ не могъ, въ силу разныхъ обстоятельствъ—главнымъ образомъ, въ силу военно-административныхъ потребностей и въ силу постояннаго еще прилива сюда населенія изъ разныхъ мѣстъ—удержаться во всей своей чистотѣ; тутъ новые поселенцы жили уже, несомнѣнно, не совсѣмъ въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ жили и къ какимъ привыкли у себя на родинѣ, въ глубинѣ тогдашней Руси.

Намъ остается въ своемъ обзорѣ положенія Казани и Свіяжска сказать еще о нѣсколькихъ отдѣльныхъ группахъ населенія, которыя или незначительны по числу, или извѣстны намъ лишь по небольшому числу данныхъ. Остановимся прежде всего на упомянутыхъ уже переведенцахъ или сведенцахъ въ Казань изъ разныхъ городовъ. Ихъ всего тутъ было 22 чел.; 11 псковскихъ (въ томъ числѣ одинъ гость; одинъ имѣлъ два двора и одинъ упомянутъ лишь въ описаніи лавокъ), 5 вологодскихъ, 4 тверскихъ (два не имѣли дворовъ), одинъ рязанскій и одинъ лучанинъ; кромѣ того, тутъ, какъ уже сказано, имѣлъ дворъ, на коемъ жилъ дворникъ, гость Аника Строгановъ. По самому названію этихъ людей и еще изъ того обстоятельства, что псковскихъ переведенцевъ тутъ ровно 10 семей, какъ очевидно по фамиліямъ, несомнѣнно, что это тѣ самые люди, о переводѣ которыхъ изъ Пскова въ Казань читаемъ въ лѣтописи подъ 1555 г., что «опальныхъ людей Псковичи свели нъ Казань 10 семей» [1]). Но данныя нашего источника относительно положенія этихъ людей въ Казани разъясняютъ намъ истинный характеръ этой мѣры, указываютъ, чего хотѣло достигнуть ею правительство: оно, очевидно, имѣло въ виду развитіе сношеній Казани съ Псковомъ, развитіе торговли между ними, переводя въ Казань зажиточныхъ и дѣятельныхъ людей; толкованіе этой мѣры какъ какой-то опалы должно быть оставлено, какъ невѣрное: всѣ эти переведенцы поставлены были въ Казани въ привилегированное положеніе: они съ посадскими людьми ни во что не тянули и оброковъ съ ними никакихъ не давали [2]) и вмѣстѣ съ тѣмъ соста-

[1]) П. С. Р. Л., III, 158. Соловьевъ прямо принимаетъ замѣчаніе лѣтописи: «изъ Новгорода, равно какъ и изъ Пскова, говоритъ онъ, продолжали выводить горожанъ въ Москву и другіе низовые города: такъ въ 1555 году свели въ Казань опальныхъ Псковичей десять семей», VII, 45.

[2]) Дворы ихъ въ текстѣ всегда описываются такъ: «дворъ такого-то»; передъ описаніемъ же посада, въ перечисленіи людей, дворы которыхъ будутъ тутъ описаны, читаемъ: «и гостины переведенцевъ инородцевъ, которые съ посадскими людьми не тянутъ ни во что и оброковъ никакихъ не давали»—ркп. К. 646, л. 69.

вляли группу богатѣйшихъ торговцевъ Казани; они были собственниками своихъ дворовъ, а не жильцами въ нихъ; и одинъ изъ нихъ, имѣя два двора, въ одномъ изъ нихъ держалъ дворника тяглаго человѣка, совершенно такъ же, какъ дѣлали дѣти боярскіе, нежившіе въ своихъ дворахъ; ремесленниками эти переведенцы никогда не обозначены; шестеро изъ нихъ вовсе даже не имѣли и лавокъ; но, судя по огромному количеству лавокъ у другихъ переведенцевъ, а также и по тому, что здѣсь Строгановъ— самый крупный промышленникъ и торговецъ того времени—тоже не имѣлъ лавки, мы должны предполагать, что и неимѣвшіе лавокъ переведенцы занимались тоже какими нибудь торговыми или промышленными предпріятіями, вѣроятно, иногородною торговлею. Въ началѣ описанія посада всѣ эти люди названы «гостями», хотя въ частности это названіе встрѣчаемъ только при фамиліяхъ двухъ изъ нихъ. 16 торговавшихъ переведенцевъ имѣли 60 лавокъ и скамей, полковъ и бочекъ квасныхъ 21; хотя въ числѣ этихъ лавокъ 11 были жалованныя и потому обложенныя оброкомъ весьма низкимъ—обыкновенно въ 10 денегъ,—но все-таки эти люди платили 23 р. 8 а., т. е., составляя всего 1% населенія Казани, они имѣли почти 15% всего числа торговыхъ заведеній и, не смотря на льготное, во многихѣ случаяхъ, обложеніе, платили въ общую сумму оброка почти 20%; среднимъ счетомъ каждый торговавшій переведенецъ платилъ 280 д., т. е. почти втрое больше, чѣмъ человѣкъ добрый.

Въ Свіяжскѣ такихъ переведенцевъ не было, но и въ этомъ городѣ все-таки значительное участіе въ торговлѣ принимали разные иногородцы—именно, въ числѣ бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ мы находимъ 5 костромитиновъ, 4 владимірцевъ «пріѣзжихъ людей», изъ которыхъ каждый имѣлъ по лавкѣ и которые платили, сравнительно, очень высокій оброкъ—каждый «амбарщины 1 р. да полавочнаго 4 алт.»; передъ началомъ же описанія торга, въ описаніи гостинаго двора, читаемъ, что въ немъ 19 амбаровъ и что за пользованіе ими амбарщину берутъ съ пріѣзжихъ людей, и въ размѣрѣ весьма близкомъ къ тому, какой платили вышепоименованные люди — по 4 д. съ амбара въ недѣлю, что и даетъ въ годъ 1 р. 8 д. [1]); еще одинъ костромитинъ и одинъ владимірецъ,

---

[1]) Ркп. 432, лл. 140—141, 150; описаніе гостинаго двора на л. 136; въ немъ читаемъ: «да на дворѣ жъ 19 амбаровъ дощатыхъ, а стоятъ всѣ порозжи, а въ кстоpую пору сидятъ въ нихъ гости съ товаромъ и тогды съ

пріѣзжіе, имѣли по лавкѣ и платили каждый со своей по полуполтинѣ. Сказать объ этихъ людяхъ столь же опредѣленно, какъ о переведенцахъ казанскихъ, мы, очевидно, не можемъ; но какъ сейчасъ указанное обстоятельство, такъ еще и то, что трое еще иногородцевъ платили не амбарщину, какъ вышеуказанные 9 чел., а совершенно такъ же, какъ и всѣ другіе люди, оброкъ, заставляютъ насъ предполагать, что эти люди чѣмъ-то отличались по своему положенію отъ всѣхъ другихъ.

Выше мы уже говорили, что по крайней мѣрѣ 25 чел. татаръ уже вошли въ общины посадскихъ людей и стрѣльцовъ въ Казани и Свіяжскѣ; но кромѣ ихъ видимъ здѣсь еще татаръ, и невступившихъ въ эти общины, хотя и жившихъ между русскими и отдѣльно отъ своихъ единоплеменниковъ; мы находимъ въ Казани еще 26 новокрещеновъ и 11 татаръ служилыхъ и просто татаръ; какъ тѣ, такъ и другіе всегда показаны собственниками, а не жильцами дворовъ; но, судя по собственнымъ именамъ, мы должны признать, что была разница между служилыми татарами и новоекрщенами: ибо въ то время, какъ у новокрещеновъ безусловно преобладаютъ русскія имена, крещеныя и некрещеныя, татары и татары служилые носятъ имена инородческія [1]); слѣдовательно, новокрещены—не то же, что служилые татары; и если, вмѣстѣ съ тѣмъ, они отмѣчаются не жильцами дворовъ, а ихъ собственниками, то потому, вѣроятно, что правительство не принуждало переходившихъ въ православіе татаръ немедленно же записываться въ общину и нести тягло. Торговали изъ этихъ людей лишь трое (новокрещеновъ) и платили со своихъ лавокъ, двухъ скамей и кузницы 19 а. 2 д.; ремесленникомъ тоже ни одинъ изъ нихъ не обозначенъ; они занимались, вѣроятно, какъ и вся масса казанскихъ татаръ, скотоводствомъ; о массѣ же татарскаго населенія мы имѣемъ въ своемъ источникѣ извѣстіе краткое, но совершенно опредѣленно и точно рисующее намъ ея бытъ; именно читаемъ: «да за Булакомъ на Кабанѣ озерѣ слобода татарская, а въ слободѣ прикащики дѣти боярскіе Казанскіе жильцы, А. Старальскій, И. Товарищевъ, И. Головачевъ, М. Волковъ, у всѣхъ у нихъ въ татарской

нихъ емлютъ амбарщину съ амбара на недѣлю по 4 д.»; очевидно, что лавки, занятыя вышепоименованными въ текстѣ иногородцами-пріѣзжими, и эти амбары—двѣ вещи разныя; но мы указываемъ, что эти люди платили именно столько, сколько полагалось брать съ иногородцевъ вообще.

[1]) Напр.: Кулыга, Муса, Берсень, Тогозѣй, Утезня, Еникей и др.

слободѣ по двору, да дворъ пустъ, что былъ прикащиковъ Г. Нефимонова, да 150 дв. татарскихъ и чудавскихъ (sic) и лѣтомъ многіе дворы стоятъ порозжи, а сказали прикащики А. Старальскій съ товарищи, да татаринъ Бакшикъ съ товарищи, что въ татарскіе дворы татарове и чуваши пріѣзжають жить зимою или въ заворошню, и тогды де живутъ въ одномъ дворѣ семей по 10-ти, а въ иномъ дворѣ и больше десяти семей» [1]). Это мѣсто столь ясно, что не требуетъ никакихъ комментаріевъ; очевидно, что здѣшніе татары, которыхъ по меньшей мѣрѣ 6,000 чел., вели жизнь если уже не совсѣмъ кочевую, то еще очень близкую къ кочевой. Болѣе точно объ отношеніяхъ русскаго правительства къ татарскому населенію этихъ городовъ мы изъ нашего источника не почерпаемъ свѣдѣній,—упоминаются тольке какіе-то дворы татарскіе [2]); важнѣйшія свѣдѣнія по этому вопросу мы находимъ въ давно извѣстныхъ наказахъ казанскимъ архіепископу и воеводѣ [3]); но вообще, на основаніи данныхъ нашей книги, мы должны все-таки придти къ заключенію, что русское вліяніе сдѣлало уже въ Казани значительные успѣхи въ теченіе тѣхъ 15 лѣтъ, какія этотъ городъ находился во власти московскаго правительства: не только почти сто семей примкнули уже къ тогдашнему русскому обществу Казани, перешли къ русскому образу жизни, но даже и само правительство считало уже возможнымъ принимать инородцевъ даже въ военную службу.

Въ заключеніе нашего обзора положенія Казани и Свіяжска остановимся еще на общемъ обозрѣніи торговли и ремесленной дѣятельности въ этихъ городахъ. О степени участія въ торговлѣ людей разныхъ классовъ мы уже говорили выше; собирая теперь

---

[1]) Ркп. К. 646, л. 152; «Списокъ»—53.

[2]) Ркп. К. 646, л. 152: «да на Арскомъ полѣ, за старымъ острогомъ, противъ острожныхъ Арскихъ воротъ дв. татарскій отыненъ, а на дворѣ хоромъ: изба таможенная, 3-хъ саженъ межъ угловъ, до избушка 2 саженъ межъ уголъ, противъ избушки клѣтушко $1^1/_2$ саж., да изба съ пристѣномъ дворничья, да двѣ конюшни дощаныя судовыхъ досокъ, обѣ по 4 саж. конюшня, а дворникъ на дворѣ Мокейко Григорьевъ»; непосредственно далѣе приведенное уже выше описаніе татарской слободы (въ «Спискѣ»—53); въ Свіяжской книгѣ въ началѣ описанія посада читаемъ: «дв. татарскій, на дворѣ хоромъ: 2 избы, да амбаръ, да клѣтка, да ворота, да городьба, съ дву сторонъ заметъ дощатый, а съ другую двѣ стороны—лавочныя стѣны заднія»—ркп. 432, л. 100.

[3]) А. А. Э., I, № 241, 1555.

всѣ эти замѣчанія вмѣстѣ, видимъ, что въ обоихъ городахъ по числу лавокъ, принадлежавшихъ каждому сословію, сословія располагались въ одномъ и томъ же порядкѣ: именно, впереди всѣхъ шли бездворные владѣльцы лавокъ, далѣе люди черные, стрѣльцы, затѣмъ (въ Казани) архіепископскіе люди, далѣе ямщики и всѣ прочіе люди, имѣвшіе лавокъ вообще очень немного; при этомъ интересно, что въ обоихъ городахъ черные люди имѣли почти ровно столько же % изъ общаго числа лавокъ, сколько составляли они % всего населенія; а стрѣльцы—въ обоихъ городахъ—уже порядочно менѣе; но вообще въ Свіяжскѣ, гдѣ не было такихъ привилегированныхъ богатыхъ торговцевъ, какими были въ Казани переведенцы, всѣ сословія принимали въ торговлѣ участіе довольно равномѣрное—каждому сословію принадлежалъ, изъ общаго числа лавокъ, почти ровно тотъ же %, какой % оно составляло по числу своихъ членовъ сравнительно съ общею цифрою жителей. Что касается бездворныхъ владѣльцевъ лавокъ, то мы видѣли, что ихъ составъ былъ, вѣроятно, разнообразенъ; но общимъ, объединяющимъ ихъ, признакомъ было то, что они вообще не записаны въ писцовую книгу при описаніи дворовъ и перечисленіи людей въ нихъ; поэтому, говоря о ихъ участіи въ торговлѣ, надо для сравненія принимать не тѣхъ только людей разныхъ сословій которые записаны были въ книгу, а нужно брать уже все населеніе каждаго города; а такъ какъ на семью, только одинъ представитель которой записывался въ книгу, нужно считать среднимъ числомъ по 4 человѣка, то значитъ не записано въ книгу 75% всего населенія; и вотъ эти-то 75%, незаписанные въ книгу, владѣли въ Казани приблизительно 40% лавокъ, а въ Свіяжскѣ—36%.

Для болѣе точнаго опредѣленія предметовъ мѣстной торговли книги Казани и Свіяжска представляютъ мало данныхъ, потому что въ нихъ рѣдко приведены замѣчанія, чѣмъ именно въ той или другой лавкѣ торговали, и даже раздѣленіе по рядамъ проведено не полно, а обыкновенно вмѣсто обозначенія ряда по главному предмету торга въ немъ, находимъ — особенно часто въ описаніи Свіяжска—лишь указаніе мѣстоположенія того или другого ряда; въ книгѣ Казани названы лишь ряды Псковскій, Костромской, желѣзный, мѣдный, рыбный—сколько можно судить по порядку описанія самый большой, — хлѣбный, калачный; затѣмъ въ описаніи торга въ Казани и Свіяжскѣ встрѣчаемъ терминъ «хрестецъ»—въ Казани видимъ хрестцы крупяной, молочный, крупяной и рыбный, мучной; о шелашахъ сказано, что въ нихъ «торгуютъ рыбою ва-

ренoю и пирогами пряжеными и киселями», о скамьяхъ — что на нихъ торгуютъ хлѣбомъ; въ разныхъ мѣстахъ по торгу были бочки квасныя [1]). Въ Свіяжской книгѣ подобныхъ свѣдѣній мы находимъ и еще меньше: ряды тамъ названы лишь большой, рыбный и мясной; о скамьяхъ въ одномъ мѣстѣ сказано, что «сидятъ на нихъ съ крупою, горохомъ, коноплею и иными овощами» и въ другомъ—что «сидятъ на нихъ съ хлѣбы и съ колачи» [2]).

Объ оброкѣ съ лавокъ въ томъ или другомъ ряду невозможно точно также сказать съ полною точностью, какъ вслѣдствіе сейчасъ указанной неточности въ раздѣленіи рядовъ, такъ и вслѣдствіе того, что часто оброкъ указанъ вмѣстѣ съ лавки и съ полка, скамьи или бочки при ней; замѣтно, однако, что въ Казани высшій оброкъ платился въ ряду Псковскомъ, въ которомъ торговали преимущественно переведенцы и который и описанъ первымъ; въ Казани оброкъ колебался очень значительно — отъ 4 д. со скамьи и алтына съ лавки до рубля и болѣе съ лавки, въ Свіяжскѣ же видимъ оброкъ только въ 20, 36 и 50 ден., притомъ одинаково и съ лавокъ и со скамей; въ общемъ оброкъ съ лавокъ въ этихъ двухъ городахъ довольно высокъ—въ среднемъ приходилось въ Казани до 10 алт., въ Свіяжскѣ—5 а.; вообще онъ выше оброка съ лавокъ въ другихъ городахъ окраинной полосы; а особенно значительная высота его въ Казани объясняется тѣмъ, что въ видѣ оброка тутъ уплачивалась съ лавокъ еще какая-то Еналеевщина, которой прежде собирали по 4 алт. съ лавки [3]).

Повидимому въ то время признавалась нормальною величина лавки въ 2 сажени: при описаніи лавокъ жалованныхъ очень часто отмѣчается ихъ величина—обыкновенно на локоть или полусажень больше двухъ саженъ и тогда говорится: «а съ прибавки (съ

---

[1]) Ркп. К. 646, лл. 202, 204, 206, 207.

[2]) Ркп. 432, лл. 157, 159 об.

[3]) «По государеву цареву и вел. князя Ивана Васильевича всея Русіи указу... (такіе-то съ товарищами) писали торгъ Казанскій... и сколько съ чего кто оброку прежъ сего давалъ по годовыхъ таможниковъ окладу да оброку жъ Еналеевщины имали со всякіе лавки по 4 алт., и сколько государевыхъ жалованныхъ гостей у переведенцевъ лавокъ безоброчныхъ и съ которыхъ лавокъ и скамей и съ полковъ и съ шелашей и съ квасниковъ... (тутъ неразборчиво слово или два) писцы ... написали по своему окладу и за еналеевщину съ одного, посмотря по торгамъ взяли и по промысломъ»— ркп. К. 646, л. 167.

локтя или съ полусажени) платити ему (владѣльцу лавки) десять денегъ» [1]).

Тѣ лавки въ рядахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, служили для постояннаго торга жителей города: но въ каждомъ городѣ существовало еще учрежденіе для торговли привозной—гостиные дворы. Вотъ какъ описываютъ ихъ книги: «въ Казани... по старой Спасской улицѣ дворъ гостинъ... На гостинѣ дворѣ трои ворота; а мѣра двору—длина и съ тѣмъ, что подъ амбары 56 саж., а поперегъ, и съ тѣмъ, что подъ амбары — 48 саж.; а дѣлаютъ гостиный дворъ и важню изъ государевы казны и плотники государевы, а на дворѣ 5 избъ. Да на гостинѣ жъ дворѣ амбары... (слѣдуетъ ихъ перечисленіе, при чемъ о каждомъ говорится, что оброку съ него «амбарщины и теплового и сорового на недѣлю—6, 8, 9, 10, 11, 12 и даже 18 д.)... и всѣхъ 82 амбара, оброку со всѣхъ амбарщины, и теплового, и сорового на недѣлю 3 руб. 5 д.». «Въ Свіяжскѣ же на посадѣ... дворъ гостинъ, а у двора двои ворота, а на дворѣ избъ: изба таможенная 3½ саж. межъ угловъ, да подъ таможенною избою подклѣтъ, а въ ней передѣланы двои лавки государевы, къ гостиннымъ же дворовымъ амбарамъ; а передъ лавками два полка. На гостинѣ жъ дворѣ важня дощаная 4 саж., да 3 избы, а въ нихъ ставятся гости, да изба, а въ ней живетъ дворникъ; да на дворѣ жъ 19 амбаровъ дощатыхъ, а стоятъ всѣ порозжи; а въ которую пору сидятъ въ нихъ гости съ товаромъ, и тогды съ нихъ емлютъ амбарщину, съ амбара на недѣлѣ по 4 д.; а съ дву лавокъ и съ полковъ, которые подъ таможенною избою, емлютъ у торговыхъ людей съ лавки и съ полкомъ на недѣлю 4-жъ деньги. А вѣдаютъ ту амбарщину и сбираютъ годовые таможники» [2]). Мы не можемъ здѣсь разсчитать, какъ во Псковѣ, сколько амбаровъ бывало занято и какъ часто, но во всякомъ случаѣ эти гостиные дворы предназначались для пріѣзжающихъ торговцевъ; обложеніе этихъ амбаровъ, какъ и всюду, сравнительно очень высоко: каждый амбаръ, если бы былъ занятъ круглый годъ, далъ бы въ Свіяжскѣ болѣе рубля, въ Казани—отъ полутора до пяти; соотвѣтственно этому, какъ извѣстно по многимъ грамотамъ, обыкновенно и другіе поборы собирались съ иногород-

---

[1]) Ркп. К. 646, лл. 174 об., 175 об., 178 об. и др.; такая же мѣра для лавокъ опредѣлена и въ Орѣшковской таможенной грамотѣ 1563 г. Д. А. И., I., № 116.

[2]) Ркп. К. 646, лл. 168—173 об.; ркп. 432, л. 136.

цевъ въ высшемъ размѣрѣ чѣмъ съ мѣстныхъ жителей [1]); очевидно вообще, что немѣстному жителю торговать тутъ было значительно менѣе удобно, чѣмъ мѣстному; и это не могло, конечно, не отзываться неблагопріятно на развитіи внутренней торговли. Въ приведенной выше выпискѣ изъ Свіяжской книги указаны всѣ избы, стоявшія на торговой площади, ибо онѣ и помѣщались на гостиномъ дворѣ; въ Казани же онѣ стояли отдѣльно; тамъ были «изба таможенная, съ комнатою безъ подклѣтей, а передъ избою сѣни, а у избы же на площади важня дощаная» [2]). Въ Казанской книгѣ прямо сказано, что оброкъ шелъ въ государеву казну; въ Свіяжской книгѣ нѣтъ такого прямого указанія, но безъ сомнѣнія и тутъ оброкъ шелъ въ государеву же казну, ибо вообще нигдѣ не находимъ оброка, шедшаго куда-либо, а не въ казну государеву, и въ Свіяжскѣ за пустыя лавки таможники брали амбарщину на государя.

Какъ мы не находимъ въ изучаемыхъ городахъ лавокъ съ золотомъ, серебромъ, шелкомъ, сткляницами и т. п. предметами не первой необходимости, такъ и ремесленники тутъ занимались главнѣйшимъ образомъ производствомъ предметовъ первой же необходимости; при этомъ можно замѣтить все-таки, что въ Казани, городѣ бо́льшемъ, и ремесленная дѣятельность довольно замѣтно сильнѣе, чѣмъ въ Свіяжскѣ. Всего въ Казани ремесленниками показано 474 чел., и изъ нихъ лишь 42 изъ числа бездворныхъ; въ Свіяжскѣ же — всего 226 чел. и въ томъ числѣ 61 чел. бездворныхъ,—слѣдовательно, въ Казани изъ числа записанныхъ въ книгу людей ремесленниковъ 21°/₀, въ Свіяжскѣ же всего 13¹/₂°/₀; разныхъ названій ремеслъ въ Казани 107, въ Свіяжскѣ 68; по принятому нами дѣленію ремесленниковъ на четыре группы, найдемъ, что въ Казани относилось къ первой группѣ 26 названій, въ Свіяжскѣ 20, ко второй 16 и 14, къ третьей 31 и 18 и къ четвертой 34 и 16. Распредѣленіе же числа ремесленниковъ по этимъ группамъ въ обоихъ городахъ настолько близко сходится, что окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что такое распредѣленіе было не случайнымъ, а соотвѣтствовало тогдашнимъ нуждамъ; именно число ремесленниковъ первой группы составляло въ Казани 41¹/₂°/₀ всего числа ремесленниковъ города, въ Свіяжскѣ—43°/₀; число ремесленниковъ второй группы—23¹/₂°/₀ и 23¹/₂°/₀, третьей—22°/₀ и

[1]) Напр. А. И., I, № 143, 1543; А. А. Э., I, № 134, 1497, № 263, 1563

[2]) Ркп. К. 646, л. 167 об.

$21^{1}/_{2}\%$ и четвертой—13% и 12% [1]); большій % числа ремеслен-

[1]) Вотъ полный списокъ ремесленниковъ Казани и Свіяжска; цифры, относящіяся къ Свіяжску, отмѣчены буквою С.; первая цифра всюду обозначаетъ записанныхъ въ перечисленіи дворовъ, вторая—бездворныхъ.

I. калачниковъ 52 (28, 1; С. 10, 13).
хлѣбниковъ 47 (28, 3; С. 5, 11).
рыбниковъ 44 (29, 3; С. 9, 3).
мясниковъ 21 (12; С. 9—во дв.).
пирожниковъ 20 (10, 6; С. 1, 3).
квашенинниковъ квасниковъ 20 (11, 1; С. 7, 1).
кисельниковъ 12 (7, 2; С. 2, 1).
масляниковъ 11 (6—во дв.; С. 3, 2).
прасоловъ 10 (9; С. 1—во дв.).
крупяниковъ 7 (5—во дв.; С. 1, 1).
мучниковъ 6 (4, 2).
солодяниковъ 6 (4 во дв.; С. 2—бездв.).
сытниковъ, ситниковъ 4 (2 во дв. С. 1, 1).
орѣшниковъ 4 (С. 1, 3).
блинниковъ 3 (1, 1; С. 1 бездв.).
яблочниковъ 3 (1, 1; С. 1 бездв.).
пряничниковъ 3 (1; С. 2—во дв.).
пивоваровъ 2 (во дв.).
поваровъ 2 (во дв.),

винокуровъ, сырниковъ, сметанниковъ, сольниковъ, соляныхъ поземщиковъ, коречниковъ, бражниковъ, овсяниковъ по одному (каждый во дв. и за исключеніемъ двухъ послѣднихъ—всѣ въ Казани).

II. сапожниковъ 42 (25—во дв.; С. 14, 3).
скорняковъ 24 (20—во дв.; С. 2, 2).
кожевниковъ 17 (16, С. 1—во дв.).
ветошниковъ 15 (7 во дв.; С. 5, 3).
холщевниковъ 14 (11 во дв., С. 1, 2).
портныхъ мастеровъ 10 (5, 1; С. 3, 1).
шапошниковъ 8 (6; С. 2—во дв.).
колпачниковъ 6 (5, 1).
овчинниковъ 6 (2; С. 4—во дв.)
шубниковъ 5 (во дв.).
сыромятниковъ 4 (1, 1; С. 2—во дв.).
рукавичниковъ 3 (1; С. 2—во дв.)
мошенниковъ 3 (2, С. 1—во дв.).
сермяжниковъ 2 (С., во дв.),

кафтанниковъ, тафейниковъ, чулочниковъ, сарафанниковъ по одному, всѣ во дв. и кромѣ послѣдняго—въ Казани.

III. плотниковъ 33 (25; С. 8—во дв.).
бочарниковъ 16 (4, 1; С. 11—во дв.).
серебряниковъ 16 (5, 10; С. 1—во дв.).
кузнецовъ 14 (7; С. 7—во дв.).
кирпичниковъ 10 (7, С. 3—во дв.).
кожевниковъ 8 (4, С. 4—во дв.).
иконниковъ 6 (4, 1; С. 1 во дв.).
свѣчниковъ 6 (С. во дв.).
огородниковъ 5 (во дв.).
замочниковъ 5 (3, 1; С. 1 во дв.).
котельниковъ 4 (1, 1; С. 1, 1).
кадниковъ 2 (во дв.).
горшечниковъ 2 (во дв.).
ведерниковъ 2 (1 бездв.; С. 1 во дв.).
гончаровъ 2 (1, 1).
печниковъ 2 (1; С. 1 во дв.).
дегтярей 2 (во дв.).
мельниковъ 2 (1 во дв.; С. 1 бездв.).
пастуховъ 2 (1; С. 1—во дв.),

каменьщиковъ, колесниковъ, банниковъ, садовниковъ, налудниковъ, гребеньщиковъ, веретенниковъ, булавочниковъ, пугвичниковъ, псарей, саадачниковъ, оловяничниковъ по одному, въ Казани, всѣ въ дворахъ, и мѣдяниковъ, сѣдельниковъ, санниковъ по одному въ Свіяжскѣ, первые во дворахъ, полѣдній бездворный.

никовъ, занимавшихся приготовленіемъ предметовъ питанія, въ Свіяжскѣ тоже указываетъ на меньшее вообще развитіе ремесленной дѣятельности въ Свіяжскѣ; по числу ремесленниковъ группы были таковы: къ первой принадлежало въ Казани 193 чел., въ Свіяжскѣ—97, ко второй—112 и 52, къ третьей—104 и 49 и къ четвертой—65 и 28. Для характеристики быта интересны указанія на такихъ ремесленниковъ, какъ пряничникъ, винокуръ, пивоваръ, бражникъ, яблочникъ, орѣшникъ, сырникъ, сарафанникъ, тафейникъ, чулочникъ, серебряникъ, оловяничникъ, мѣдникъ, налудникъ, пугвичникъ, булавочникъ, ножевникъ, бронникъ, лучникъ, стригольникъ, «пишетъ на камени», гробовщикъ, фонарникъ, гусельникъ, домрачей и т. п.; нѣкоторыя же названія ремеслъ представляются намъ даже непонятными— таковы, напр., сторонникъ, шаровникъ, кипреникъ, трафальникъ и нѣкотор. др.

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ нашъ обзоръ положенія Казани и Свіяжска въ концѣ XVI в.; общую характеристику пограничныхъ городовъ тогдашней Россіи мы дадимъ впослѣдствіи, разсмотрѣвши еще сначала данныя о Тулѣ и другихъ городахъ южной окраины. Но уже и изъ представленнаго нами обзора этихъ двухъ городовъ нельзя не видѣть важныхъ отличій ихъ сравнительно съ другими городами, которые мы разсматривали: эти города полны жителями, какъ посадскими, такъ и ратными; приливъ жителей сюда со всей тогдашей Руси продолжается и сходятся преимущественно ремесленники, и потому населеніе занимается по преимуществу ремеслами, а не земледѣліемъ, не смотря на болѣе выгодныя климатическія условія.

IV. извощиковъ 8 (2 во дв.; С. 5, 1).
лучниковъ 7 (6; С. 1—во дв.).
бронниковъ 6 (5, во дв.; С. 1 бездв.).
барышниковъ 5 (во дв.).
судовщиковъ 5 (1, С. 4—во дв.).
«пишутъ на площади»—4 (во дв.).
голубятниковъ 4 (во дв.).
рожечниковъ 4 (во дв.).
гробовщиковъ 4 (3, 1).
стригольниковъ 3 (2; С. 1—во дв.).
стрѣльниковъ 3 (1; С. 2—во дв.).
перевощиковъ 2 (1; С. 1—во дв.).
гусельниковъ 2 (С., во дв.).
домрачеевъ 2 (во дв.).
соловолоковъ 2 (во дв.).
шелашниковъ 2 (1, 1).
удниковъ 2 (во дв.).
шаровниковъ 2 (1; С. 1—во дв.) и

по одному въ Казани: сторонникъ, бумажникъ, посошникъ, повивальная бабка, сводникъ, здобникъ, пишетъ на камени, бердникъ, тебенечникъ, батракъ, звонильникъ, плесенникъ, кипреникъ, трафальникъ, колокольникъ, строчникъ, смычникъ,—и въ Свіяжскѣ: носильщикъ, фонарникъ, угольникъ, весельникъ, станочникъ, струнникъ, подкопщикъ.

II. Города по южной окраинѣ Московскаго государства.

Находящіяся въ нашемъ распоряженіи описанія городовъ южной, польской окраины Московскаго государства не даютъ возможности собрать и подвергнуть разбору столь же полныя и точныя цифровыя данныя, какъ это мы могли сдѣлать относительно Казани и Свіяжска, потому что однѣ, и къ тому же наиболѣе интересныя изъ дошедшихъ до насъ книгъ, сильно пострадали отъ времени, другія суть не полныя писцовыя книги, а лишь книги платежныя, и потому даютъ намъ не все, а только нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ или другомъ городѣ, и наконецъ третьи заключаютъ описанія городовъ только еще зарождавшихся; но и не имѣя возможности достигнуть полной точности цифръ, мы тѣмъ не менѣе, можемъ извлечь изъ описаній этихъ городовъ много свѣдѣній, очень интересныхъ для общаго очерка положенія того или другого сословія. Насколько возможно, мы и въ этой главѣ будемъ придерживаться ранѣе принятаго нами порядка—сначала приведемъ цифровыя данныя о каждомъ отдѣльномъ городѣ, а потомъ обратимся къ группировкѣ и разбору данныхъ о каждомъ сословіи; только цифровыя данныя наши здѣсь часто не совсѣмъ полны.

Наиболѣе значительнымъ изъ городовъ этой группы, о которыхъ дошли до насъ писцовыя и другія подобныя книги, является Тула; но, къ сожалѣнію, ея-то именно описаніе и оказывается наиболѣе пострадавшимъ [1]). Начинается дошедшая до насъ часть книги г. Тулы съ середины описанія торга; далѣе, въ описаніи его, крупныхъ пропусковъ нѣтъ; но вмѣсто перечисленія земельныхъ владѣній разныхъ людей, каковое слѣдуетъ обыкновенно за итогами описанія торга, тутъ вдругъ читаемъ съ полуслова по-

---

[1]) Описаніе Тулы 1588—1589 гг. находится въ документѣ, озаглавленномъ: «Книги Тульскія приправочныя»—ркп. И. П. Б. Q. IV. 338, лл. 2—94; текстъ, напечатанный Калачевымъ (Писц. Кн. М. Госуд., II, 1073—1097), чрезвычайно близокъ къ тексту рукописи Q. IV, 338, даже на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ приходятся неразборчивыя слова, но у Калачева сказано, что печатаемая имъ рукопись «хранится въ М. А. М. Ю., подъ № 487, лл. 1—921;» очевидно, имѣются въ виду листы, заключающіе описаніе и города и уѣзда, но печатный текстъ отличается отъ рукописнаго, во всякомъ случаѣ, многими сокращеніями, иногда прямо и указанными издателемъ; но все-таки сокращенія эти, какъ не разъ увидимъ далѣе, настолько затрудняютъ пользованіе книгою, что мы изучали ее по рукописи, а не по печатному изданію.

слѣднія строки описанія городскихъ укрѣпленій и затѣмъ—все описаніе города и начало описанія посада опять безъ крупныхъ пропусковъ; далѣе снова утрачена, повидимому, довольно большая часть документа и, что особенно прискорбно, именно та, гдѣ должны были быть описаніе дворовъ черныхъ и ратныхъ людей и итоги; непрерывное описанія посада оканчивается на полусловѣ въ описаніи дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за р. Упою, а далѣе читаемъ уже описаніе отведеннаго на Упѣ мѣста подъ мельницу и земель затинщиковъ съ пушкарями и ямщиками и такимъ образомъ вовсе не имѣемъ перечисленія дворовъ людей черныхъ и ратныхъ, присутствіе которыхъ тутъ несомнѣнно по описанію торга. Довольно крупный пропускъ находится также въ Дѣдиловской книгѣ [1]): начинается она съ описанія укрѣпленій, далѣе слѣдуетъ полное описаніе дворовъ въ городѣ и начало описанія посада; но въ немъ неоканчивается еще описаніе дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, какъ безъ всякаго перехода, съ нарушеніемъ логическаго смысла начинается перечисленіе казачьихъ дворовъ и, какъ видно по сравненію итога книги съ итогомъ дворовъ, описанныхъ на дошедшихъ до насъ листахъ—не съ перваго двора; сколько можно судить по итогамъ этой книги и по общему порядку изложенія въ писцовыхъ и приправочныхъ книгахъ, тутъ нехватаетъ именно только конца описанія дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и начала описанія дворовъ казачьихъ; значеніе этого пробѣла отчасти ослабляется сохранившимися итогами дворовъ ратныхъ людей. Книги трехъ другихъ, ближайшихъ къ Тулѣ городовъ—Каширы, Венева и Епифани [2])—сохранились уже цѣликомъ, но, какъ увидимъ далѣе, Веневъ и Епифань въ моментъ описанія были еще только, такъ сказать, постоянные военные лагери, Епифань и наполнена почти исключительно ратными людьми, посадскихъ черныхъ людей въ ней было очень мало, людей служилыхъ и вовсе не было; при томъ же въ книгѣ Епифани, непонятно почему, пропущено описаніе дворовъ черныхъ людей, хотя и описана ихъ земля; но число черныхъ людей и ихъ дворовъ совершенно возстановляется благодаря общему итогу всѣхъ жителей Епифани; Кашира же, въ моментъ составленія описанія ея, находилась еще въ состояніи полнаго разоренія ея послѣ набѣга татаръ въ 1571 г., такъ что изъ

---

[1]) Ркп. И. П. Б. Q. IV, 338, лл. 804—843; Писц. Кн. М. Г., II, 1261—1268.

[2]) Описаніемъ этихъ городовъ вполнѣ удобно пользоваться по изданію Калачева—Писц. Кн. М. Г., II, 1299—1307, 1537—1542 и 1588—1595.

нея мы можемъ заимствовать только нѣсколько отдѣльныхъ замѣчаній, отчасти раскрывающихъ намъ прежнее положеніе города и нѣкоторыя отношенія его прежнихъ жителей. О Пронскѣ мы имѣемъ два одновременные документа, названные приправочною и платежною книгами; но первая почему-то ограничивается описаніемъ только укрѣпленій и дворовъ въ городѣ, а описаніе посада даетъ лишь въ итогахъ, вторая же даетъ только свѣдѣнія о торгѣ въ этомъ городѣ [1]). Относительно Переяславля имѣемъ тоже платежную книгу [2]), по содержанію вполнѣ сходную съ платежною книгою Пронска и затѣмъ нами найденный, въ «Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи» неуказанный, небольшой отрывокъ какого-то описанія Переяславля [3]), заключающій въ себѣ конецъ описанія архіепископской слободки и итоги ея и описаніе земель, принадлежавшихъ этой слободкѣ, затѣмъ церквамъ, пушкарямъ, стрѣльцамъ и ямскимъ охотникамъ; что это отрывокъ изъ книги, по времени составленія близкой къ платежной, несомнѣнно изъ того, что въ обоихъ документахъ упоминаются нѣсколько разъ одни и тѣ же люди. Наконецъ Зарайскъ описанъ въ единственной доселѣ напечатанной платежной [4]); онъ заключаетъ итоги дворовъ тяглыхъ, дворовъ въ монастырской слободкѣ, дворовъ служилыхъ людей и дворниковъ въ нихъ и итоги торговыхъ заведеній на торгу; сверхъ того, тутъ находимъ еще краткія данныя о разложеніи по сохамъ и объ оброкѣ. Всѣ эти документы о Пронскѣ, Переяславлѣ и Зарайскѣ вообще очень кратки; самый большой изъ нихъ—платежная книга Переяславля, всего 24 листика въ четверть, платежная же книга Пронска—всего 2 листика; но и въ нихъ мы найдемъ все-таки нѣсколько очень интересныхъ данныхъ о разныхъ людяхъ; но на основаніи этихъ трехъ, извѣстныхъ въ настоящее время, платежныхъ книгъ, совершенно невозможно указать отличительныя черты, характеризовавшія этого рода документы, ибо, по содержанію своему, онѣ представляютъ слишкомъ

---

[1]) Приправочная книга—ркп. М. А. М. Ю., 354, лл. 1—22; платежная книга—ркп. того же архива 396, лл. 131—132.

[2]) Ркп. М. А. М. Ю., 396, лл. 1—25, 1595—1597 гг.

[3]) Листы 343—346 въ рукописи М. А. М. Ю., 354.

[4]) Эта платежная была напечатана по крайней мѣрѣ три раза: въ Рязанскихъ губер. вѣдомостяхъ, 1839, № 12; въ Ж. М. Вн. Д., 1848, т. XXI и въ изданіи Моск. купечества: «Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города. XVI—XVIII в.» 1—2. М. 1883.

большія различія, чтобы ихъ вполнѣ примирить и разъяснить, имѣя лишь такое ограниченное число книгъ.

Въ сохранившейся части Тульской книги мы не имѣемъ описанія ни двора государева, ни избы дьячей или судебни тіунской, ни дворовъ воеводъ и т. п.; только между дворами дворянъ и дѣтей боярскихъ встрѣчаемъ мы въ городѣ дворъ намѣстничъ, дворъ владыченъ, затѣмъ дворъ государевъ, бывшій прежде дворомъ одного сына боярскаго, и наконецъ «клѣтку» царя государя, въ которую клали казну [1]); изъ нѣсколькихъ мѣстъ книги ясно, что въ Тулѣ былъ воевода (кн. Ѳ. Ноготковъ), который и распоряжался раздачею дворовъ, хотя положительно утверждать присутствіе его въ Тулѣ въ моментъ составленія книги, а не нѣсколькими годами ранѣе, нельзя; болѣе никакихъ свѣдѣній объ органахъ административной власти тутъ мы не имѣемъ.

Дворянъ и дѣтей боярскихъ владѣльцевъ дворовъ въ Тулѣ было не менѣе 440 чел.; имъ принадлежало 114 дв. и 6 м. дв. въ городѣ [2]) и не менѣе 168 дв. (въ томъ числѣ два строившіеся) и 9-ти мѣстъ на посадѣ, — говоримъ не совсѣмъ опредѣленно, потому что, какъ уже выше сказано было, мы не имѣемъ всего описанія дворовъ служилыхъ людей на посадѣ. Въ текстѣ описанія 7 дв. дворянъ и дѣтей боярскихъ отмѣчены пустыми, но въ итогѣ они не выдѣлены отъ всѣхъ другихъ; вѣроятно, этимъ названіемъ отмѣчалось отсутствіе въ нихъ дворниковъ, что иногда указывалось и прямо—«дворника нѣтъ». Сами дѣти боярскіе жили въ Тулѣ всего въ числѣ 15 чел., въ 13-ти дворахъ; въ огромномъ же большинствѣ дворовъ тутъ были дворники; всего ихъ находимъ въ описаніи городскихъ дворовъ 102 человѣка [3]), и въ описаніи посадскихъ — 172 чел.; въ описаніи торга встрѣчаемъ еще 50 дворниковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворника государева двора.

---

[1]) Въ описаніи дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ городѣ читаемъ: «дв. государя царя и вел. князя..., а бывалъ прежъ того Посника Толстого» (Писц. Кн. М. Г., II, 1084) «а въ немъ дворникъ Тихонко Немировъ»—надо добавить по ркп. Q. IV, 338, л. 46 об.; «клѣть государя царя и великаго князя,... кладутъ въ нее казну»—П. Кн. М. Г., II, 1084.

[2]) Въ итогѣ напечатано «124» (П. Кн. М. Г., II, 1084), но по истинному счету 114.

[3]) Точно также и тутъ нашъ счетъ расходится съ итогомъ книги, но очень незначительно: по итогу книги дворниковъ тутъ было 105 чел.; впрочемъ, это число выражаетъ тамъ, повидимому, число всѣхъ дворниковъ въ городѣ, а не только во дворахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; у насъ же общее число дворниковъ въ городѣ—106.

Такимъ образомъ число дворниковъ на дворахъ служилыхъ людей нужно полагать въ Тулѣ не менѣе 325 чел.; въ описанiи лавокъ находимъ еще 15 чел. крестьянъ разныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ въ Тулѣ осадные дворы. Описанiя дворовъ ратныхъ людей на посадѣ въ нашей книгѣ недостаетъ; поэтому мы узнаемъ лишь о тѣхъ ратныхъ людяхъ, которые владѣли лавками или имѣли клѣти и мѣста клѣтныя въ городѣ; всего мы находимъ упоминанiя о 138 ратныхъ людяхъ, въ томъ числѣ стрѣльцовъ 49, затинщиковъ 48, пушкарей 22, воротниковъ 16 и кромѣ того еще стрѣлецъ, пушкарь и затинщикъ дворниками у людей служилыхъ. 30 стрѣльцовъ, 18 пушкарей, 28 затинщиковъ и 5 воротниковъ имѣли 39 клѣтей, $^2/_3$ лавки, $^1/_2$ амбара и 31 мѣсто клѣтное въ городѣ; обо всѣхъ остальныхъ узнаемъ лишь изъ описанiя лавокъ; но по всему вѣроятiю мы встрѣчаемъ тутъ не всѣхъ ратныхъ людей, тѣмъ болѣе, что ни разу мы не видали, чтобъ изъ ратныхъ людей торговали болѣе 40%, какъ пришлось бы здѣсь при предположенiи, что мы знаемъ обо всѣхъ здѣшнихъ ратныхъ людяхъ. Изъ людей не ратныхъ, но служившихъ, находимъ 8 разсыльщиковъ, изъ которыхъ 6 имѣли $3^1/_2$ кл. и 1 м. клѣтное въ городѣ, одинъ дворникомъ и одинъ жилъ въ чужомъ дворѣ; 28 ямщиковъ, изъ которыхъ 12 имѣли $5^3/_4$ кл. въ городѣ, одинъ дворникомъ и 15 упомянуты лишь какъ владѣльцы лавокъ; 2 казенные кузнеца имѣли по двору между дворами дворянъ и дѣтей боярскихъ, и наконецъ находимъ еще 16 кирпичниковъ и 10 плотниковъ, по всей вѣроятности государевыхъ казенныхъ; изъ нихъ 13 кирпичниковъ и 6 плотниковъ имѣли $9^1/_2$ клѣтей въ городѣ, остальные упомянуты лишь какъ владѣльцы лавокъ. Лицъ бѣлаго духовенства находимъ 50; они имѣли 5 дв. и $15^1/_2$ клѣтей въ городѣ, 27 дв. и 3 м. дв. на посадѣ; чернаго духовенства въ одномъ монастырѣ 17 чел. въ 17 кельяхъ, нищихъ при церквахъ въ 32 кельяхъ; людей, зависимыхъ отъ духовенства, было тутъ 61 чел.: въ слободкѣ Предтечинскаго монастыря 13 крестьянъ въ 10 дворахъ, 10 крестьянъ въ 10 дворахъ на Покровской землѣ, при разныхъ церквахъ на посадѣ 9 чел.—въ 3-хъ дворахъ и 5-ти кельяхъ и въ числѣ владѣльцевъ лавокъ 15 монастырскихъ крестьянъ и 6 старцевъ отъ разныхъ церквей; наконецъ, дворниковъ у лицъ духовныхъ находимъ четырехъ — въ городскомъ дворѣ одного и въ описанiи лавокъ еще трехъ. Тяглыхъ городскихъ людей, о различныхъ обозначенiяхъ которыхъ въ нашей книгѣ мы скажемъ подробнѣе ниже, мы видимъ здѣсь 97 чел.; 30 изъ нихъ

имѣли $11^1/_2$ клѣтей, $1^1/_3$ лавку, $^1/_2$ амбара и $2^1/_2$ м. кл. въ городѣ и 67 упомянуты лишь въ описаніи лавокъ; къ числу ихъ же нужно отнести, конечно, и еще тѣхъ 25 чел., которыхъ встрѣчаемъ лишь въ описаніи лавокъ и которые обозначены то только по имени и отчеству, то какими-нибудь ремесленниками, но всегда безъ указанія сословія ихъ; наконецъ, въ числѣ владѣльцевъ лавокъ мы встрѣчаемъ еще 5 чел., отмѣченныхъ только иногородцами и на землѣ одной церкви 6 дворовъ черкашенъ, незаписанныхъ поименно, потому что они подробно описаны были въ ихъ слободкѣ [1]), описаніе которой утрачено, такъ что мы знаемъ только, что въ Тулѣ была особая слобода черкасъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ Тулѣ записанныхъ въ книгу всего не менѣе 840 чел., кромѣ лично жившихъ тутъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; но нѣтъ сомнѣнія, что о нѣкоторыхъ жителяхъ этого города мы вовсе не знаемъ.

Въ Дѣдиловской книгѣ, послѣ описанія укрѣпленій и собора, прежде всего описанъ «дворъ царя государя и великаго князя, а въ немъ живутъ осадные головы» [2]), но ихъ именъ и даже числа не указано. Дворянъ и дѣтей боярскихъ тутъ было не менѣе 130 чел.; они имѣли въ городѣ 19 дв., 1 клѣть и 23 м. дв. и на посадѣ не менѣе 25 дв. и 5 м. дв.; въ городскихъ дворахъ у нихъ было 13 дворниковъ, а въ посадскихъ—25. Главнѣйшую массу населенія составляли здѣсь ратные люди, число которыхъ доходило до 500: тутъ было 376 казаковъ въ трехъ слободахъ въ 375 дв. на посадѣ; имъ принадлежали еще въ городѣ дворъ осадный, 2 избы, 118 клѣтей и 28 м. клѣтныхъ; стрѣльцовъ тутъ упомянуто 60; изъ нихъ 50 имѣли 50 дв. на посадѣ, 10 клѣтей и 30 м. клѣтныхъ въ городѣ и 10—только 3 кл. и 7 м. клѣтн. въ городѣ; пушкарей—15 чел.; они имѣли 14 дв. и 1 м. дв. на посадѣ и 15 кл. въ городѣ; затинщиковъ—26 чел., изъ числа которыхъ 23 чел. имѣли 21 дв. и 2 м. дв. на посадѣ и въ городѣ—19 кл. и 3 м. кл., и трое—только 1 кл. и 2 м. въ городѣ; воротниковъ тутъ

---

[1]) «Да у Фрола и Лавра на церковной землѣ 6 дворцовъ, а въ нихъ живутъ черкасы, а подлинно они писаны подъ ихъ слободою подъ черкасы же» П. Кн. М. Г., II, 1095.

[2]) «А на дворѣ хоромъ изба плоская, противъ ея клѣтка да погребъ съ напогребицею, да ледникъ, а на немъ стоитъ клѣтка, да погребъ казенный дубовъ, межъ угловъ трехъ саженъ, а на немъ стоитъ казна, ядра, и зелье, и свинецъ»—читаемъ мы непосредственно за приведенными въ текстѣ словами—П. Кн. М. Г., II, 1261.

было 6 въ 6-ти дворахъ на посадѣ; на землѣ перечисленныхъ ратныхъ людей, преимущественно у казаковъ, жили еще 56 бобылей; ямскихъ охотниковъ было 29 чел., изъ которыхъ одинъ упомянутъ только, какъ владѣлецъ клѣти въ городѣ, всѣ остальные—въ 28-ми дворахъ на посадѣ; имъ же принадлежали еще 3 кл. въ городѣ; кромѣ того въ ямской слободѣ было еще 2 дворника на ямскомъ дворѣ; разсыльщиковъ было 2 въ двухъ дворахъ; одинъ служилый кузнецъ жилъ во дворѣ въ затинщиковѣ слободѣ, тутъ было, наконецъ, 29 служилыхъ плотниковъ—изъ нихъ 2 жили въ двухъ же дворахъ въ затинщиковой же слободѣ, а остальные—въ 27 дв. въ своей слободѣ, въ которой было еще 5 м. дв. Посадскихъ черныхъ людей тутъ было 28 чел. въ 28 же дв. въ своей слободѣ, въ ней же еще 1 м. дв., и еще одинъ во дворѣ между дворами воротниковъ [1]). Бѣлаго духовенства здѣсь было 24 чел.; они имѣли 3 дв., 1 кл. и 3 м. дв. въ городѣ и 16 дв. въ посадѣ; въ одномъ посадскомъ ихъ дворѣ жилъ дворникъ; нищіе при церквахъ жили въ 25 кельяхъ. Такимъ образомъ мы видимъ въ Дѣдиловѣ до 690 чел.; въ дѣйствительности же жителей тутъ было, вѣроятно, больше, ибо въ нашей книгѣ, какъ уже мы говорили, пропало нѣсколько листовъ.

Въ книгѣ г. Каширы ничего не упомянуто также о дворѣ царя государя и дьячьей избѣ, вѣроятно потому, что и они сгорѣли, когда весь городъ выжгли татары въ 1571 г. Дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ на посадѣ находимъ всего 13 [2]), въ нихъ 13 чел. дворниковъ, преимущественно изъ жителей Каширы же, прежде принадлежавшихъ къ другимъ состояніямъ; духовныхъ оставалось тутъ всего 4 чел. въ 4 дворахъ; на церковной землѣ было тутъ во дворахъ 18 чел. разныхъ людей, обозначенныхъ общимъ терминомъ «торговые» и 10 чел. плотниковъ государевыхъ, да на городскомъ мѣстѣ 4 чел. въ 3 дворахъ,—всего, слѣд., живущихъ было въ Каширѣ въ изучаемое время 49 чел.; запустѣлыхъ же дворовъ тутъ перечислено до 400: при церквахъ 19 м. дворовыхъ священнослужителей, 10 м. дв. въ слободѣ разсыльщиковой и 49—въ ямской и «на посадѣ мѣста дворовыя, что были черные дворы

---

[1]) Ркп. Q. IV, 338, л. 836: «Дворы воротничьи. Дв. Сава Гавриловъ; дв. посадскій человѣкъ Сысой Ив...» и далѣе перечислены еще 5 дв., въ нихъ 5 чел., и въ итогѣ сосчитано 7 дв. 7 чел.; мы выдѣлили тутъ изъ числа воротниковъ посадскаго человѣка.

[2]) Столько перечислено въ текстѣ—П. Кн. М. Г., II, 1302; въ итогѣ же—тамъ же—читаемъ «30»; или это описка, или опечатка, или тутъ недостаетъ листа.

тяглые 315 мѣстъ дворовыхъ, а дворы пожгли татарове въ 79 году, а крестьяне померли въ лихое повѣтріе, а иныхъ поимали татарове въ полонъ, а достальные люди разошлися въ Каширскій уѣздъ по селамъ и по деревнямъ и по инымъ государевымъ городамъ»; о дворахъ людей ратныхъ, такимъ образомъ, мы вовсе не имѣемъ упоминаній; весьма возможно, что въ моментъ производства описанія ихъ тутъ и не было на лицо—въ описаніи лавокъ читаемъ: «да на Каширѣ-жъ за городомъ торгъ, а на торгу 16 л. плетены, пусты, а сказали (sic) тѣ лавки служилые стрѣльцы и казаки изъ разныхъ городовъ, послѣ пожару были они на Каширѣ съ воеводами на службѣ» [1]): но невозможно, однако, допустить, что они и прежде тутъ не жили — мы не знаемъ ни одного изъ близкихъ къ границѣ городовъ въ XVI в., въ числѣ жителей котораго не было бы ратныхъ людей.

Г. Веневъ былъ описанъ вскорѣ послѣ того, какъ былъ поставленъ бояриномъ И. В. Шереметьевымъ Большимъ [2]); самый городъ назывался еще «г. Городенскъ», а посадъ—просто «посадъ на Веневѣ». Изъ другихъ источниковъ неизвѣстны подробности поставленія этого города и тѣмъ интереснѣе являются данныя объ этомъ, заключающіяся въ нашемъ документѣ. Въ самомъ же началѣ описанія онъ названъ вотчиною кн. И. Ѳ. Мстиславскаго и въ текстѣ мы находимъ не дворы и житницы государевы, а дворы и житницы кн. И. Ѳ. Мстиславскаго. Въ городѣ 6 житницъ кн.

[1]) П. Кн. М. Г. II, 1304—1305, 1305.

[2]) Описаніе Венева, хранящееся не въ числѣ писцовыхъ книгъ, а въ числѣ боярскихъ и потому въ М. Г. А. М. И. Д. начинается такъ: «по государеву цареву и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи наказу писцы кн. И. В. Масальскій да Г. Б. Ярцовъ да подьячеи Юрьи Артемовъ да Шестакъ Ѳедоровъ княжъ Ивановскую вотчину Ѳедоровича Мстиславскаго писали и мѣрили на Веневѣ на посадѣ и около Веневскаго посаду на государя царя и великаго князя и въ Веневскомъ уѣздѣ дѣтемъ боярскимъ новымъ пом̂ѣщикомъ Коширяномъ и Туляномъ помѣстья отдѣляли въ ихъ оклады, половину пашенные земли, а другую дикаго поля. Г. Городенскъ, на р. на Веневѣ, подъ засѣчнымъ лѣсомъ, поставленье боярина Ив. Вас. Шереметева большого. А у города одна стѣна ведена...» и т. д.; «на посадѣ жъ дворы черныхъ людей безпашенныхъ, отъ княжъ Ивановскаго отъ большого двора внизъ по р. по Веневѣ, у князя Ивана садилися на льготѣ ново, всего черныхъ 33 дв., а людей въ нихъ тожъ, а садилися при кн. Иванѣ при Мстиславскомъ на льготѣ въ 78 году и въ 79 году, а оброку давати тѣмъ чернымъ людемъ 3 р. и 10 а., съ двора по гривнѣ на годъ, да пошлинъ съ рубля по 10 ден.» П. Кн. М. Г., II, 1537—1538, 1540—1541. Интересно указаніе, что этотъ городъ только что отписывался на государя.

Мстиславскаго съ хлѣбомъ и 4 пустыя его же, 3 избы для стрѣльцовъ и изба для воротниковъ, и въ городѣ же 71 клѣть бревенчатыя и пластинныя, для осаднаго времени, княжъ-Ивановскихъ людей, которые служили съ земли, и крестьянъ его; на посадѣ былъ князя Ивана дворъ, на которомъ жилъ осадный голова, и на томъ же дворѣ кабакъ, доходъ съ котораго шелъ, впрочемъ, на государя, дворъ прикащика кн. Мстиславскаго, 9 дворовъ его «людей» и его же дворъ коровій. Дворяне и дѣти боярскіе тутъ не упоминаются; церковнослужителей 4 чел. въ 4-хъ дворахъ на посадѣ; они служили при обѣихъ церквахъ, бывшихъ на Веневѣ и на посадѣ, и въ городѣ; при церквахъ были въ 12 кельяхъ нищіе. Ратныхъ людей тутъ до 50: 5 затинщиковъ, сотникъ и 43 стрѣльца, каждый имѣлъ по двору, и еще 4 дв. пустые, стрѣльцовъ въ которые не прибрано; черныхъ тяглыхъ людей тутъ было 77: 33 чел., въ 33 же дворахъ, черныхъ безпашенныхъ людей, сѣвшихъ на льготѣ въ 1570—1571 г. и 44 чел. въ 42 дворахъ царевыхъ и великаго князя крестьянъ; староста долженъ былъ назвать людей еще въ 3 двора, въ моментъ описанія занятые людьми кн. Ивана. Мы видимъ, такимъ образомъ, дѣйствительно, только еще зародившійся городъ; записано въ книгу всего до 150 жителей его.

Епифань была поставлена кн. И. Ѳ. Мстиславскимъ, но въ ея книгѣ не упомянуты дворы ни его, ни государевы. Священнослужителей видимъ тутъ 22 чел., въ 22 же дворахъ, при 6 церквахъ нищихъ въ 12 кельяхъ и 3 двора людей кн. Мстиславскаго, сотника и 126 рядовыхъ стрѣльцовъ, конныхъ и пѣшихъ, казаковъ въ 7-ми слободахъ—7 сотниковъ и 497 рядовыхъ казаковъ; но всего казаковъ должно было быть тутъ ровно 700 чел.; въ этихъ 7 слободахъ было еще 13 дв. пустыхъ и 190 м. дв., данныхъ для казаковъ, которыхъ еще надо было прибрать; воротниковъ тутъ было 7 чел.; далѣе въ особой слободѣ 78 чел. черныхъ людей въ 72 же дворахъ; въ той же слободѣ еще 61 дв. пустой. Замѣтимъ, что въ самомъ общемъ итогѣ жителей Епифани сосчитаны вмѣстѣ и черные и ратные люди, но нищіе въ счетъ не введены. Епифань, такимъ образомъ, представляется уже прямо военнымъ лагеремъ, въ которомъ не военные люди составляли очень небольшую часть (менѣе 14%).

Въ Зарайскѣ «рязанскихъ и каширскихъ помѣщиковъ было 169 дворовъ», на нихъ людей 198 чел.; книга дѣлаетъ тутъ нѣкоторое различіе между дворниками собственно и людьми, только жив-

шими на дворахъ помѣщиковъ, что̀ мы разберемъ подробнѣе ниже; черныхъ людей, раздѣленныхъ на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ тутъ 208 чел. въ 161 дв., и 26 бобылей въ 24 дв.; въ двухъ монастырскихъ слободахъ 67 чел. крестьянъ въ 67 же дворахъ и 28 бобылей въ 20 дв.; пустыхъ дворовъ людей черныхъ тутъ было 13. бобыльскихъ 6, м. дв. — людей черныхъ 19, бобыльскихъ 11. Болѣе ни о какихъ людяхъ въ Зарайской платежной не упоминается, но хотя тутъ перечислено 527 чел., очевидно, все-таки, что цифру мужского взрослаго населенія нужно считать тутъ порядочно выше, ибо несомнѣнно въ Зарайскѣ были и ратные люди и духовные.

По приправочной книгѣ Пронска узнаемъ, что въ немъ, въ самомъ городѣ, былъ дворъ царя государя житничный, на которомъ жили дворники и на посадѣ государевъ кабакъ и изба таможенная; въ городѣ же былъ дворъ архіепископа, на немъ черный попъ, не менѣе 64 чел. дворянъ и дѣтей боярскихъ имѣли въ городѣ 31 дв., на которыхъ 21 дворникъ, и 12 м. двоpов.; на посадѣ тѣ же служилые люди имѣли 15 дворовъ и 50 м. дв.; духовенства тутъ было 16 человѣкъ, у нихъ 2 двора въ городѣ и 14 на посадѣ, въ одномъ городскомъ дворѣ дворникъ; нищіе при церквахъ жили въ 27 кельяхъ. Ратныхъ и служившихъ лицъ видимъ здѣсь до 425 чел.: 235 чел. въ 235 же дв. казаковъ, въ трехъ слободахъ, трехъ сотниковъ ихъ, имѣвшихъ три двора, сотника и 116 стрѣльцовъ въ стольких же дворахъ, въ двухъ слободахъ; затинщиковъ въ особой слободѣ 21 чел., воротниковъ въ городѣ 7 чел. и пушкарей на посадѣ 12 чел., всѣ имѣли по двору, за исключеніемъ двухъ пушкарей, имѣвшихъ два мѣста; служилыхъ плотниковъ 12 чел. въ 12 же дв. въ особой слободѣ, въ которой еще дворъ пустъ и 17 м. дв., и ямщиковъ 20 чел. въ 20 же дворахъ въ особой слободѣ, гдѣ такъ же еще дворъ ямской. Всего, слѣдовательно упомянуто тутъ до 490 чел. Необъяснимо для насъ то обстоятельство, что тутъ совершенно не упоминается о черныхъ людяхъ; подобное же молчаніе о нихъ мы уже видѣли въ описаніи Епифани; тамъ, впрочемъ, есть возможность опредѣлить ихъ число по сравненію общаго итога съ суммою частныхъ; здѣсь же мы не можемъ сдѣлать и этого; имѣемъ только основаніе думать, что если и было тутъ посадское тяглое населеніе, то въ очень незначительномъ числѣ: въ поименномъ перечисленіи владѣльцевъ лавокъ, которое мы имѣемъ въ платежной книгѣ Пронска того же года, изъ числа 51 чел., тамъ названныхъ, 46 принадлежали къ разрядамъ, ко-

торые мы сейчасъ перечислили; одинъ названъ крестьяниномъ и четверо только по имени и отчеству, а еслибы число посадскаго тяглаго населенія было бы тутъ сколько-нибудь значительно въ сравненіи съ числомъ людей другихъ состояній, то, несомнѣнно, и между владѣльцами лавокъ мы нашли бы болѣе посадскихъ тяглыхъ людей.

Наконецъ, относительно Переяславля, имѣя лишь описаніе его торга въ платежной книгѣ и небольшой открывокъ какой-то другой книги, вѣроятно писцовой или приправочной, мы можемъ привести только число людей разныхъ сословій торговавшихъ, полное же число знаемъ мы только архіепископскихъ людей и стрѣльцовъ. Всего тутъ упомянуто 69 дворниковъ тридцати восьми человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, ратныхъ и служившихъ всего до 200 чел.: 100 стрѣльцовъ, по 28 затинщиковъ и пушкарей, по 13 казаковъ и ямщиковъ, 9 сторожей (8 казенныхъ и 1 сторожъ Строгановыхъ), 7 воротниковъ, 1 разсыльщикъ, крестьянъ частныхъ лицъ и Спасскаго монастыря по 2 человѣка, архіепископскихъ крестьянъ, слобожанъ и всякихъ его служащихъ людей—63 чел., и его же пашенныхъ людей 40 чел. (21 изъ нихъ торговали); наконецъ, безъ всякаго опредѣленія сословія, названныхъ только по имени и отчеству и иногда съ указаніемъ ремесла, встрѣчаемъ 66 чел.; обыкновенно безъ указанія сословія перечислялись въ описаніи лавокъ черные люди; всего вѣроятнѣе, что и здѣсь большинство такъ описанныхъ нужно считать за посадскихъ тяглыхъ; исключить изъ ихъ числа нужно несомнѣнно четырехъ человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ Строгановыхъ, владѣвшихъ амбарами, очень высоко, сравнительно, оплачивавшимися (по 300 д.). Вотъ и всѣ цифры, которыя мы можемъ привести относительно Переяславля: очевидно, онѣ настолько не полны, что нѣтъ ни малѣйшей возможности со сколько-нибудь достаточною степенью точности опредѣлить по нимъ общее число жителей этого города; по числу лавокъ, бывшихъ въ немъ, нужно думать, что это городъ былъ довольно значительный.

Въ Тулѣ тяглыхъ лавокъ, клѣтей и амбаровъ было всего 294 и 2 пристѣна, скамей и шелашей 131; пустыхъ лавокъ 2, 1 скамья, 5 шелашей и 12 м. лав. и 5 м. скамейныхъ; оброкъ со всего должны были разводить между собою торговцы сами, смотря по человѣку и по товару; всего собиралось тутъ оброку 21 р. 21 а., да пошлинъ съ него 1 р. 2 а. 4½ д.; оброкъ опредѣленъ по такому разсчету, чтобы съ лавки, амбара и клѣти приходилось по

2 алт., а съ пристѣна, скамьи и шелаша по 1 алт. Такой же оброкъ съ лавокъ, но со скамей на 2 д. меньше былъ въ Дѣдиловѣ, гдѣ съ 25 л. и 34 ск. собиралось оброку 2 р. 60 а., да пошлинъ съ того оброку 3 а. 4 д. Въ Каширѣ было лишь 120 м. лавокъ, разоренныхъ Крымцами [1]; въ описаніяхъ Епифани и Венева о лавкахъ вовсе не упомянуто; и намъ кажется, что въ поселеніяхъ такого характера, какой, какъ мы видѣли, носили Веневъ и Епифань, постояннаго торгу легко могло и не быть. Въ Зарайскѣ лавокъ было 273, скамей 53; лавокъ пустыхъ 67 и м. лав. 7; оброкъ съ лавки былъ большею частію 4 а. 1 д., а съ нѣсколькихъ (съ 16-ти въ самомъ городѣ) по 3 алт.; со скамей оброку въ моментъ составленія книги вовсе не брали; всего же собиралось тутъ оброку 33 руб. 31 а. 2 д. [2]. Въ Пронскѣ лавокъ было $54^1/_2$; съ большинства изъ нихъ оброку шло по 2 алт., а съ нѣсколькихъ (съ пяти лавокъ въ самомъ городѣ) по 7 д., — всего 3 руб. 5 а. 5 д., да пошлинъ 5 алт. Наконецъ, въ Переяславлѣ было 190 лавокъ, амбаровъ и избъ, 181 прилавковъ, полковъ, стуловъ и шелашей и 38 кузницъ, оброку всего 62 р. 17 а. 4 д., да пошлинъ 3 р. 4 а. 2 д. Интересны указанія, куда шелъ оброкъ съ какого города: Тула и Дѣдиловъ платили въ Большой Приходъ, Кашира въ Четверть В. Щелкалова, Зарайскъ въ Новую Четверть; куда шли оброчныя деньги съ остальныхъ городовъ—не указано [3].

---

[1] «Да на Коширѣ жъ за городомъ торгъ, а на торгу 16 лав. плетены, пусты, а сказали тѣ лавки служилые стрѣльцы и казаки изъ разныхъ городовъ послѣ пожару были онѣ на Коширѣ съ воеводами на службѣ, да 104 мѣста лавочныхъ пустыхъ, лавки пожгли Крымскіе люди въ 79 году, а торгуютъ на торгу въ недѣлѣ 2 дни, въ воскресенье да въ четвергъ, изъ селъ съ хлѣбомъ и всякимъ мелкимъ товаромъ, а тамгу сбираютъ, и вѣсчее, и помѣрное, и явку, и пятно, и полавочное, и съ судового лѣсу, и съ плотовъ отъ возъ... (тамъ-то)»—и т. д., сказано, какіе откупные таможники, и что платятъ они деньги 31 р. 11 а. 1 д. въ четверть В. Щелкалова; далѣе упомянуто, что еще съ двухъ перевозовъ откупъ шелъ въ Большой Приходъ и въ четверть В. Щелкалова и что съ четырехъ еще перевозовъ сложены оброки. П. Кн. М. Г., II, 1305.

[2] Послѣ перечисленія лавокъ въ городѣ и на посадѣ, читаемъ: «а оброкъ съ тѣхъ лавокъ сбираютъ на протопопа съ братьею. Да въ острогѣ же лавокъ пустыхъ... Да на посадѣ жъ 53 скамьи, а торгуютъ на нихъ хлѣбомъ, калачи и всякимъ мелкимъ товаромъ. Протопопъ оброку не бралъ, а впредь, какъ государь укажетъ»—Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, 1—2.

[3] П. Кн. М. Г., II, 1077, 1267, 1305; Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, 1—2; ркп. М. А. М. Ю., № 396, лл. 132 об., 24—25.

Обращаясь къ разбору данныхъ о положенiи разныхъ сословiй, начинаемъ съ служилыхъ людей. Общее названiе, какимъ они обозначались въ книгахъ разныхъ городовъ—неодинаково: въ книгахъ Пронска и въ описанiи Тульскаго города читаемъ: «дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ», въ описанiи же Тульскаго посада только «дворы дѣтей боярскихъ» и въ описанiи Дѣдилова два раза «дворы князей и дѣтей боярскихъ»; въ описанiи Каширы—«дворы князей и дѣтей боярскихъ помѣщиковъ» и въ описанiи Зарайска—просто «дворы Каширскихъ и Рязанскихъ помѣщиковъ» [1]). Мы видѣли уже выше полное отсутствiе термина «дворяне» въ примѣненiи къ служилымъ людямъ въ Казани, Свiяжскѣ и въ пригородахъ Псковскихъ; но для насъ остается несовершенно яснымъ такое различiе; разсматривая фамилiи служилыхъ людей тамъ, гдѣ они названы «дворянами и дѣтьми боярскими», и тамъ, гдѣ они названы просто «дѣтьми боярскими», мы не замѣчаемъ никакой рѣзкой разницы; пожалуй, только въ описанiи Тулы—города, гдѣ служилые люди обозначены «дворяне и дѣти боярскiе», встрѣчаемъ довольно многихъ представителей старинныхъ извѣстныхъ родовъ, а въ числѣ владѣльцевъ дворовъ на посадѣ, владѣльцевъ, которые обозначены только «дѣти боярскiе», встрѣчаемъ представителей фамилiй неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ, а изъ фамилiй знатныхъ—лишь князей Голицыныхъ. Мы не имѣли возможности подробно разобрать и книги уѣздовъ изучаемыхъ нами городовъ, ибо такой разборъ есть дѣло слишкомъ трудное, чтобы заняться имъ мимоходомъ, а матерiалъ и ближайшимъ образомъ относящiйся къ нашей задачѣ самъ по себѣ слишкомъ обширенъ—и поэтому не рѣшаемся утверждать, что всѣ дворяне и дѣти боярскiе, владѣвшiе дворами въ какомъ либо городѣ, всегда были и помѣщиками въ его уѣздѣ, но, на сколько можно судить по бѣглому ознакомленiю съ книгами уѣздными, такой порядокъ представлялся господствующимъ; мы встрѣчали иногда въ уѣздѣ помѣщиковъ, неимѣвшихъ дворовъ въ городѣ, но имѣли дворы, повидимому, почти исключительно мѣстные помѣщики; въ Казанской и Свiяжской книгахъ, а также и въ Зарайской особо отмѣчено, что тутъ владѣли дворами дѣти боярскiе иногородцы, помѣщики другихъ уѣздовъ; точно также въ книгѣ Тулы дважды находимъ отмѣтки, что владѣ-

---

[1]) П. Кн. М. Г.,II, 1080, 1087; 1261—1262, 1264; 1302; Зарайскъ. Матерiалы, 1; ркп. М. А. М. Ю., № 354, л. 6.

лецъ двора въ этомъ городѣ испомѣщенъ былъ въ Алексинѣ [1]) эти оговорки указываютъ, что такіе случаи были исключеніемъ [2]). Только въ Тулѣ мы находимъ дворянъ и дѣтей боярскихъ иногородцевъ—Каширенъ (6), Алексинцевъ (2), Соловлянъ (5) [3]) и инородцевъ—двухъ нововыѣзжихъ Литвиновъ, но возможно, что такія наименованія указываютъ только на происхожденіе, а не на владѣніе тамъ помѣстьями. Точно число дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ дворы въ тѣхъ городахъ, о которыхъ мы теперь говоримъ, мы не можемъ опредѣлить, по причинамъ, понятнымъ изъ нашего обозрѣнія ихъ описаній, но несомнѣнно, что оно было свыше тысячи. Мы видѣли, что въ Казани и Свіяжскѣ дворяне и дѣти боярскіе несли постоянную службу, о которой прямо и читаемъ въ книгахъ; въ изучаемыхъ нами теперь городахъ они службы постоянной, несомнѣнно, не несли: въ огромномъ большинствѣ случаевъ дворяне и дѣти боярскіе сами въ этихъ городахъ даже и не жили при описаніи дворовъ нѣкоторыхъ людей служилыхъ,—читаемъ: «живетъ самъ»—слѣд., другіе тутъ сами не жили; но такихъ живущихъ въ городахъ находимъ только въ Тулѣ и всего 17 челов.; затѣмъ, можно еще въ подтвержденіе того же указать, что владѣльцами 114-ти дворовъ въ городѣ указано не менѣе 301 чел., такъ что на 100 дв. приходится 260 чел.; были дворы, принадлежавшіе 11-ти владѣльцамъ; на этихъ дворахъ, какъ мы видѣли, жило болѣе 100 дворниковъ; кромѣ того, въ городѣ же было до 90 тей, лавокъ и амбаровъ, принадлежавшихъ болѣе чѣмъ 135-ти чел. и 35 м. клѣтныхъ; между тѣмъ, площадь тогдашняго Тульскаго

---

1) «Дв. нововыѣзжаго Литвина Ив. Старовскаго поставленъ на черномъ мѣстѣ, а Иванъ испомѣщенъ въ Алексинѣ; а былъ тотъ дворъ Ивановскій Жегалова»; «дв. нововыѣзжаго Литвина Ив. Верескаго, въ немъ дворникъ Ларко Ивановъ казачитъ, а панъ Иванъ испомѣщенъ въ Алексинѣ»—П. Кн. М. Г., II, 1091.

2) «Дворы, которые имѣли въ городахъ окрестные землевладѣльцы и монастыри, назывались осадными»—*Соловьевъ*, Ист., Р., т. V, изд. 4, 401; «наконецъ, въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ»—*Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII ст., изд. 1860 г. 19.

3) Въ завѣщаніи Грознаго—Д. А. И., I, № 222, 1572—1578 упоминается «городъ на Соловѣ и на Плавѣ»,—по свидѣтельству Неволина это или теперешняя Крапивна, или вблизи ея—П. С. Соч., т. VI, Общій списокъ русскихъ городовъ.

города была менѣе 15,000 кв. саж. [1]); за вычетомъ изъ этого числа хотя бы десятой части на улицы и площадь, на которой былъ соборъ, мы получимъ, что на каждаго человѣка, имѣвшаго часть въ городскихъ дворахъ, клѣтяхъ и т. д., приходилось всего по 26 кв с.; а такъ какъ на 100 взрослыхъ мужчинъ нужно считать еще среднимъ числомъ не менѣе 226 чел., то всего на человѣка придется приблизительно по 7 кв. саж , что, при тогдашнихъ способахъ построекъ, когда обитаемымъ былъ всегда лишь одинъ этажъ,—слишкомъ мало. Эти дворы, такъ и называвшіеся осадными, служили, конечно, лишь убѣжищемъ для всѣхъ своихъ владѣльцевъ въ случаѣ нужды, а не мѣстомъ постояннаго ихъ жительства. И обязанность имѣть такой дворъ, обыкновенно купивши его, и содержать на немъ въ исправности всѣ постройки и держать на немъ человѣка и была уже своего рода службою для дѣтей боярскихъ и дворянъ, записанныхъ въ книгахъ этихъ городовъ. Какъ въ Казани, такъ и здѣсь видимъ много случаевъ, что дворъ переходилъ въ руки того или другого служилаго человѣка при участіи мѣстнаго воеводы—въ Тулѣ видимъ до пяти случаевъ, что дворъ «данъ» извѣстному сыну боярскому прямо воеводою [2]); еще чаще случаи, что дворъ пріобрѣтался у чернаго человѣка покупкою [3]), при чемъ, однако, объ участіи цѣновныхъ цѣловальниковъ ничего не говорится. Какъ мы уже видѣли, многіе дворы принадлежали каждый не одному владѣльцу, а нѣсколькимъ; особенно часто встрѣчаемъ такіе случаи въ городѣ: тамъ только 50 дворовъ принадлежали каждый одному человѣку и въ общемъ приходилось на 100 дв. 260 владѣльцевъ, а на посадѣ принадлежали каждый одному владѣльцу 143 дв., и на 100 дворовъ приходилось 149 владѣльцевъ. Постоянно встрѣчаются случаи, что владѣльцами общаго двора являются люди разныхъ фамилій, въ то время, какъ однофамильцы и даже, судя по отчествамъ, очень близкіе родственники, владѣли частями въ разныхъ дворахъ. Повидимому, каждый изъ совладѣльцевъ долженъ былъ что-то сдѣлать для двора, вѣроятно, принять участіе въ возведеніи постро-

---

[1]) Очень близко опредѣляется площадь города геометрическимъ вычисленіемъ —периметръ городской каменной стѣны, поставленной еще въ 1520 г. (П. С. Р Л., VIII, 269), извѣстенъ по описанію города начала XVII в., помѣщенному у *Сахарова*—Исторія общественнаго образованія Тульской губерніи, 18—21.

[2]) Ркп. Q. IV, 338, лл. 66 об., 73, 76, 76 об., 83 об.,—все на посадѣ.

[3]) Напр. ркп. Q. IV, 338, лл. 77, 77 об., 79, 82, 84 об. и др.—все на посадѣ же.

екъ—встрѣчаемъ выраженія: «дворъ такого-то, а въ томъ же дворѣ пустой жеребей такого-то», «дворъ такихъ-то, а хоромы на немъ такого-то (одного изъ совладѣльцевъ)» [1]). Большое количество случаевъ, когда дворъ остается за вдовою съ дѣтьми, указываетъ, что дворы эти переходили и по наслѣдству; имѣемъ даже случай, что часть во дворѣ перешла къ человѣку, женившемуся на вдовѣ прежняго владѣльца этой части [2]); но вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, дворы эти не составляли полной собственности своихъ владѣльцевъ — есть много случаевъ, что огороды того или другого двора отданы постороннему лицу по государевѣ грамотѣ, такъ что мнѣніе, что эти бѣлые осадные дворы принадлежали своимъ владѣльцамъ на помѣстномъ правѣ, нужно признать совершенно справедливымъ [3]).

Главнѣйшимъ образомъ обязанности дворянъ и дѣтей боярскихъ по отношенію къ этимъ пограничнымъ городамъ заключались въ содержаніи ими на своихъ дворахъ дворниковъ. Состояніе это совершенно еще не опредѣлено и даже, можно сказать, вовсе не привлекало вниманія изслѣдователей; но видя, что въ нѣкоторыхъ городахъ, напр., въ Тулѣ и Зарайскѣ, такіе дворники, дворники на осадныхъ дворахъ, составляли болѣе третьей части всего населенія, а въ Переяславлѣ во всякомъ случаѣ владѣли приблизительно четвертой частью лавокъ, мы не можемъ не заинтересоваться вопросомъ, что же это были за люди, чьи они были, изъ какихъ элементовъ и какъ набирались, потому что то или другое рѣшеніе его, при такомъ значительномъ процентѣ дворниковъ изъ общаго числа населенія, должно имѣть важное значеніе для опре-

---

[1]) «Дв. Григорья Радилова, да Михайла, да Назара, да Θедора, да Макарья Борибиныхъ; того же полдвора пусто Дмитріевское Сумарокова»; «дв. Ратая Растопчина да с. его Терентья; въ томъ же дворѣ пустой жеребей Денисовской Кондырева»; «дв. Михайла Кутепова, да Третьяка Чернопятого, а хоромы на томъ дворѣ Михайловы» П. Кн. М. Г., II, 1081, 1084, 1262; если относительно двухъ первыхъ случаевъ и можно еще сомнѣваться, не названа ли «пустымъ жеребьемъ» часть умершихъ людей, то въ послѣднемъ ясно сквозитъ, что такой случай, когда всѣ постройки на дворѣ лишь одного изъ совладѣльцевъ, есть случай неправильный,—слѣд., постройки ставить должны были всѣ совладѣльцы.

[2]) «М. дв. Алеши Пахомова, да..., да..., да Андрея Цвиленева Θедоровскій жеребій Щукина, а Θедоровская жена за Андреемъ»—П. Кн. М. Г., II, 1262.

[3]) См. уже цитованную нами брошюру проф. *Загоскина:* «О правѣ владѣнія дворами въ Московскомъ государствѣ», К. 1877.

дѣленія общаго характера тогдашнихъ городскихъ поселеній по южной окраинѣ. Попытаемся же отвѣтить на эти вопросы, для рѣшенія которыхъ писцовыя книги наши даютъ матеріалу очень много, особенно сравнительно съ тѣми краткими замѣчаніями, какія можно найдти о дворникахъ въ другихъ документахъ. Мы будемъ въ настоящемъ случаѣ говорить о дворникахъ именно на осадныхъ дворахъ, а не о тѣхъ, которые были на гостинныхъ и ямскихъ дворахъ; обязанности этихъ послѣднихъ совершенно ясно опредѣлены многими грамотами — мы уже видѣли выше, что они были какъ бы содержателями постоялаго двора для пріѣзжихъ; уже отсюда очевидно, что дворники дѣтей боярскихъ не могли имѣть такихъ же обязанностей; тутъ, очевидно, однимъ и тѣмъ же терминомъ обозначались люди, обязанности которыхъ различались, но для болѣе точнаго опредѣленія которыхъ еще не было особыхъ терминовъ, ибо положеніе ихъ не было еще строго и ясно формулировано.

Въ различныхъ сборникахъ актовъ можно найдти до десятка грамотъ XV—XVI в., гдѣ говорится о дворникахъ на городскихъ дворахъ разныхъ монастырей; изъ этихъ грамотъ мы узнаемъ, что дворники монастырей, имѣвшихъ льготныя грамоты, были совершенно такъ же неподсудны намѣстникамъ и другимъ представителямъ административной власти, какъ и крестьяне этихъ монастырей; есть грамота, изъ которой видно, что, по крайней мѣрѣ иногда, дворникъ бралъ у монастыря при поселеніи деньги и за нихъ служилъ дворникомъ [1]). Ихъ положеніе, такимъ образомъ, въ концѣ XV и въ XVI вв.,

---

[1]) Напр., А. о. до ю. б., № 42, 1483—1487: кн. Андрей Васильевичъ жалуетъ игумена и братію Троице-Сергіева монастыря, постановляя, что Углецкіе намѣстники и ихъ тіуны не будутъ судить, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ тѣхъ, «что у нихъ на дворѣ живутъ дворники»; совершенно такая же грамота, того же князя, тому же монастырю и объ Угличѣ же напечатана въ А. А. Э., I, № 119, 1486, только тамъ вм. «живутъ» сказано «учнутъ жити»; точно такого же содержанія грамота Троицкому же монастырю на дворы въ Суздалѣ и Костромѣ—А. А. Э., I, № 179, 1534; въ грамотѣ кн. Владиміра Андреевича 1566 (А. А. Э., I, № 273) «крестьяне и дворники» Троицкаго монастыря, торгующіе монастырскимъ товаромъ, освобождаются отъ разныхъ повинностей въ пользу князя; одинаковыя льготы даются монастырскимъ крестьянамъ и дворникамъ—А. И., I, № 141, 1542; въ А. Ю., № 247, 1573, читаемъ, что два крестьянина заняли у монастыря полтину и одинъ изъ нихъ обязуется жить въ деревнѣ, въ вотчинѣ этого монастыря «въ дворникахъ и въ дворахъ хоромъ беречи и не обжечь и изгородь около поль беречи»; освобождаются наравнѣ съ крестьянами отъ разныхъ повинно-

по грамотамъ, является весьма близкимъ къ положенію крестьянъ. Но уже Уложеніе 1649 г. дѣлаетъ различіе между крестьянами и дворниками, именно постановляетъ, что дворникомъ можетъ держать своихъ крестьянъ лишь тотъ, кто не имѣетъ «людей,» т. е. холоповъ, а если имѣетъ таковыхъ, то дворникомъ долженъ у него быть «человѣкъ», а не крестьянинъ; кромѣ того, запрещено было держать болѣе одного дворника [1]). Такимъ образомъ, изъ извѣстныхъ уже грамотъ ясно выступаетъ, что дворники на городскихъ дворахъ монастырей и (по Уложенію) служилыхъ людей были такъ или иначе зависимые отъ нихъ люди: сначала, повидимому, нестрого наблюдалось, чтобы дворникъ былъ непремѣнно не крестьяниномъ, потомъ же рѣшено было, что дворникомъ можетъ быть лишь холопъ, что совершенно согласно съ общимъ направленіемъ Уложенія, такъ старательно непускавшаго горожанъ въ села и сельчанъ въ города. Совершенно согласно съ этимъ находимъ мы и въ данныхъ о дворникахъ въ писцовыхъ книгахъ черты, ясно выдѣляющія ихъ какъ бы въ особое состояніе, но именно состояніе зависимое: мы постоянно встрѣчаемъ о дворникахъ замѣчанія, что они «были» посадскими людьми, ратными людьми—слѣдовательно, сдѣлавшись дворниками, они не приняли на себя только какія-то новыя, въ нашемъ смыслѣ, служебныя обязанности, а вышли уже изъ другихъ сословій; дворниковъ прежнихъ рыболововъ приказа-

---

стей люди, которые «имутъ жити» на дворахъ у монастырей еще въ Д. А И., I, № 210, I, II, 1476, 1481, А. А. Э., I, № 323, 1584 и нѣкот. др.; изъ актовъ только эти или совершенно имъ подобныя свѣдѣнія о дворникахъ мы и почерпаемъ.

[1]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 14: «а которымъ людямъ по государеву указу на Москвѣ и въ городахъ даны загородные дворы и огороды, и тѣмъ людемъ на тѣхъ своихъ дворѣхъ и огородахъ держати въ дворникахъ людей своихъ. А будетъ у кого людей нѣтъ, и тѣмъ на тѣхъ своихъ дворѣхъ и огородѣхъ держати въ дворникахъ крестьянъ своихъ или бобылей»,—если же дворниковъ окажется нѣсколько, то прямо отбирать ихъ въ тягло на государя. Въ гл. X, въ статьяхъ 138 и 139, содержащихъ постановленія о пресѣченіи способовъ уклоняться отъ суда, постановляется брать, въ случаѣ уклоненія отвѣтчика, его человѣка или дворника, а по ст. 141 у «хоронящихся» въ деревнѣ нужно брать ихъ человѣка или крестьянина; въ статьяхъ 227 и 275 той же X гл. говорится объ отвѣтственности людей, изъ найму стерегущихъ чужіе дворы, но они не названы дворниками. Для разъясненія вопроса о положеніи дворниковъ, особенно фактическомъ, и въ XVII в. тоже необходимо, конечно, привлечь къ изученію писцовыя книги того времени, въ которыхъ дворники являются очень часто и нерѣдко съ указаніями ихъ прежняго положенія и способовъ вступленія въ дворничество.

но въ Каширѣ поселить на ихъ прежнія мѣста; — это требованіе имѣетъ, конечно, тотъ смыслъ, чтобъ они исполняли свои прежнія обязанности, очевидно, несовмѣстимыя съ занятымъ ими новымъ положеніемъ [1]); на основаніи всего этого мы несомнѣваемся, что дворники были люди зависимые отъ владѣльцевъ занимаемыхъ ими дворовъ, такъ что слова Костомарова: «въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ (осадныхъ) дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ-нибудь ремесломъ или промысломъ, и тѣмъ содержались, а вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ [2])», —неточно, и даже невѣрно опредѣляютъ ихъ положеніе; ближе къ истинѣ опредѣленіе г. Пригары, хотя и оно не полно и не совсѣмъ ясно: «въ бѣлыхъ осадныхъ городскихъ дворахъ, принадлежавшихъ служилымъ людямъ, жили лица, состоявшія въ служебной зависимости отъ нихъ» [3]). Писцовыя книги не даютъ нигдѣ какого-нибудь прямого, точнаго опредѣленія обязанностей дворниковъ, подобно тому, напр., какъ даютъ онѣ опредѣленіе обязанностей людей въ архіепископской слободкѣ, но разсмотрѣніе данныхъ о нихъ, представляемыхъ нашимъ источникомъ, разъяснитъ отчасти это состояніе. Мы видимъ, прежде всего, что книга обращаетъ на нихъ большое вниманіе и что когда дворника нѣтъ—это прямо и отмѣчается: «дворника нѣтъ»; дворникъ, повидимому, долженъ былъ быть непремѣнно, хотя бы онъ былъ и человѣкомъ посадскимъ или ратнымъ—можно насчитать въ Тулѣ до 30-ти случаевъ, что дворниками названы черные люди (25 разъ) и ратные люди (5 разъ), а затѣмъ видимъ, что указываются они только тогда, когда на дворѣ не живетъ самъ его владѣлецъ, и наконецъ, обращаетъ наше вниманіе то обстоятельство, что множество дворниковъ всегда было и въ самомъ городѣ, а не только на посадѣ. Проживая въ городѣ, за-

[1]) «А въ которыхъ дворѣхъ у дѣтей боярскихъ живутъ рыболовы, и тѣмъ рыболовемъ велѣно дворы ставить въ старой ихъ рыболовской слободѣ, гдѣ они жили напередъ сего»—П. Кн. М. Г, II, 1302.

[2]) *Костомаровъ.* Очеркъ домашняго быта и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII ст.; изд. 1860, 19.

[3]) *А. Пригары.* Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей при Петрѣ Великомъ—Ж. М. Н. Пр., 1867, ч. CXXXV, 725 (въ отдѣльныхъ оттискахъ—55). *Хлѣбниковъ.*—О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, 76—очевидно о дворникахъ говоритъ: «иногда на этихъ дворахъ дѣтей боярскихъ садились уѣздные люди и старались освободиться отъ тяжести налоговъ на томъ основаніи, что эти дворы стояли на бѣлой землѣ, но это не часто имъ удавалось».

нимаясь, какъ увидимъ ниже, въ очень значительныхъ размѣрахъ торговлею и промыслами и при отсутствіи какого-либо указанія на ихъ занятія хлѣбопашествомъ, дворники, очевидно, не могутъ быть считаемы за крестьянъ и во всякомъ случаѣ, это, если и крестьяне, то непашенные, а приближающіеся уже отчасти къ холопамъ; въ доказательство этого, помимо приведенныхъ соображеній, мы можемъ еще указать, что Уложеніе узаконило именно такое положеніе дворниковъ; о занятіи дворниковъ земледѣліемъ читаемъ лишь въ книгѣ Зарайска, гдѣ пахали 18 изъ 198 дворниковъ, да и то обо всѣхъ дворникахъ тутъ замѣчено, что «впредь имъ какъ царь государь укажетъ» [1]); такое сомнѣніе, какъ быть съ этими людьми, которые не холопы тѣхъ, у кого они дворниками, совершенно согласно съ духомъ постановленій Уложенія о дворникахъ и тоже косвенно подтверждаетъ наше заключеніе. Но если мы ни разу не встрѣчали въ писцовыхъ книгахъ переписи во дворахъ холоповъ, хотя, какъ извѣстно по другимъ источникамъ, они бывали и даже въ очень значительномъ числѣ не только у дворянъ и дѣтей боярскихъ, но и у людей другихъ сословій [2]), а отсутствіе дворника, вмѣстѣ съ тѣмъ всякій разъ отмѣчается, то мы должны заключить, что для служилаго человѣка содержаніе на своемъ дворѣ дворника было своего рода обязанностью. Если же служилые люди должны были держать у себя дворниковъ, то конечно потому, что дворники эти имѣли какое-то ближайшее отношеніе къ осаднымъ дворамъ, на какихъ мы ихъ всегда и находимъ. И намъ кажется, что мы въ этихъ дворникахъ встрѣчаемъ тѣхъ людей, которые считались какъ бы защитниками этихъ дворовъ. На осадныхъ дворахъ мы видимъ, за немногими исключеніями, либо самаго владѣльца двора, служилаго человѣка, прямая обязанность котораго была именно охраненіе города, либо, въ

---

[1]) «У Николы же въ городѣ каменномъ и въ острогѣ ... Рязанскихъ и Каширскихъ помѣщиковъ 169 дв., а людей въ нихъ торговыхъ и молодшихъ людей дворниковъ 47 чел., да пашенныхъ людей, а пашню пашутъ на себя, по сторонамъ наимаючи 18 чел., да молодчихъ убогихъ мастеровыхъ людей 58, да живутъ въ дворничествѣ, а кормятся по міру дѣлаютъ наимуючись 75 чел. и всего 198 чел., а впредь тѣмъ людемъ какъ государь царь и вел. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи укажетъ»—Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII ст., 1.

[2]) Постоянно упоминаются холопы въ духовныхъ разныхъ людей—А. Ю., №№ 409—422, XV в.—1608; сколько холоповъ бывало у богатыхъ и знатныхъ людей, можно судить по духовной кн. И. Ю. Патрикѣева—С. Г. Гр. и Д., I, № 130, 1498.

случаѣ его отсутствія, дворника; естественно, что на этого дворника и переходила эта главная обязанность владѣльца двора; кромѣ того, нѣкоторые служилые люди имѣли дворы въ разныхъ городахъ, которые легко могли одновременно потребовать охраны, напр., въ Тулѣ и Дѣдиловѣ; такіе дворяне и дѣти боярскіе, очевидно, не могли защищать обоихъ городовъ — затрудненія, какія могли отсюда возникать, вполнѣ устранялись, если дворники, дѣйствительно, имѣли такое назначеніе; нѣсколько разъ на одномъ дворѣ мы видимъ не по одному дворнику, разъ даже 7 дворниковъ; предположеніе, что 7 чел. содержались единстненно для сохраненія порядка во дворѣ, совершенно неправдоподобно; между тѣмъ, большее или меньшее число людей, которыхъ долженъ былъ представить въ случаѣ военной надобности сынъ боярскій, стояло въ прямой зависимости отъ величины его помѣстій, слѣд., вполнѣ возможно, что одни служилые люди должны были содержать понѣскольку дворниковъ, а другіе--нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ держали одного дворника—постоянно, по крайней мѣрѣ. Наконецъ, мы видимъ дворниковъ въ самомъ городѣ, а не на посадѣ только, а между тѣмъ извѣстно, что правительство постоянно заботилось, чтобы въ самыхъ городахъ, въ укрѣпленіяхъ, особенно въ пограничныхъ, лишніе люди не жили —слѣд., дворники считались не лишними, а необходимыми людьми. Въ книгѣ Тулы о пяти дворникахъ, владѣвшихъ только лавками, и въ описаніи дворовъ не упомянутыхъ, сказано, что они «прибѣгають въ татарщину»,—но мы не указываемъ на это, какъ на доказательство необходимости присутствія дворника въ военное время, ибо есть «прибѣгающіе въ татарщину, въ осадное время» и не дворники. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы и пришли къ убѣжденію, что дворниками назывались тѣ зависимые отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди, которыхъ должны были содержать на своихъ дворахъ отсутствующіе служилые люди для содѣйствія охранѣ города. Такому выводу какъ бы противорѣчить то, что дворниками обозначены иногда ратные люди и вдовы; но, не говоря уже о томъ, что такихъ случаевъ всего 11, появленіе въ дворничествѣ вдовъ находитъ себѣ полную аналогію въ сохраненіи за вдовами дворовъ въ слободахъ ратныхъ людей, каковые дворы и въ итогахъ считаются вмѣстѣ со всѣми прочими, и съ сохраненіемъ помѣстій за вдовами служилыхъ людей и объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, у этихъ вдовъ были дѣти, поспѣвавшія на государеву службу; содержаніе же на дворничествѣ ратныхъ людей состав-

гяло, вѣроятно, нѣкоторое нарушеніе служившими людьми своихъ обязанностей; но изучая по писцовымъ книгамъ не права и обязанности, а факты дѣйствительнаго положенія городовъ, мы непремѣнно и должны встрѣчать нѣкоторыя отступленія. Если еще и можно, пожалуй, подвергать сомнѣнію вторую часть нашего вывода, то совершенно несомнѣнно, все-таки, что дворники были зависимые отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ люди, — а это чрезвычайно важно для характеристики положенія тогдашнихъ окраинныхъ городовъ вообще: разъ мы признаемъ, что дворники были не посадскіе люди и даже не бобыли, только поселившіеся на дворахъ дворянъ и дѣтей боярскихъ для наблюденія за порядкомъ, а были люди зависимые отъ хозяевъ дворовъ, мы сразу же видимъ, что города южной полосы Московскаго государства имѣли чисто посадское населеніе лишь въ очень незначительномъ количествѣ, и даже, что вообще людей посадскихъ было менѣе, чѣмъ людей зависимыхъ отъ отдѣльныхъ юридическихъ лицъ: дворниковъ находимъ тутъ 597 чел., а людей посадскихъ—608; если же прибавить къ дворникамъ еще и крестьянъ монастырскихъ и частныхъ лицъ, то получимъ число зависимыхъ людей до 730 чел.; изъ всего вообще населенія этихъ городовъ, не считая лишь лично жившихъ тамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, духовенства и нищихъ и бобылей, жившихъ на землѣ другихъ людей, люди зависимые составляли почти четвертую часть (23,6%).

Разсмотримъ теперь, насколько это возможно, изъ какихъ элементовъ и какъ набирались и чѣмъ занимались дворники. Хотя въ этомъ случаѣ намъ приходится ограничиться подробнымъ разсмотрѣніемъ данныхъ главнымъ образомъ одной Тульской книги, ибо, какъ уже указано было выше, Зарайская платежная книга даетъ намъ лишь итогъ дворниковъ, съ общимъ замѣчаніемъ о нихъ, а между тѣмъ главную массу дворниковъ мы находимъ именно въ этихъ двухъ городахъ; насъ вознаграждаетъ отчасти подробность данныхъ Тульской книги. Замѣчанія, раскрывающія намъ точнѣе прежнее или настоящее положеніе отдѣльныхъ дворниковъ, мы имѣемъ относительно 130 изъ нихъ, объ остальныхъ имѣемъ лишь собственныя имена или указаніе ихъ занятій; изъ этихъ 130 чел. 70, т. е. 21% всего числа дворниковъ, показаны приходцами изъ другихъ городовъ, причемъ только въ 37 случаяхъ указано, откуда именно явился тотъ или другой человѣкъ, но уже при разсмотрѣніи списка и этихъ приходцевъ сразу же бросается въ глаза, что и сюда собирались люди главнымъ образомъ изъ центральныхъ

мѣстностей и изъ мѣстностей наиболѣе близкихъ къ Тулѣ; отливъ населенія отъ центра къ окраинамъ мы уже и выше отмѣчали, какъ характеристичный фактъ въ положеніи подмосковныхъ городовъ въ серединѣ XVI в.; появленіе же здѣсь, въ окраинныхъ городахъ, большого количества приходцевъ изъ мѣстностей сосѣднихъ, т. е. мѣстностей, гдѣ общія условія жизни не могли значительно отличаться, указываютъ намъ на привычку къ переходамъ, на легкость, съ какою населеніе этой области бросало прежнія мѣста своего жительства, на усиленіе тутъ среди населенія бродяжничества [1]); замѣтимъ, что изъ 70 приходцевъ 60 служили дворниками на посадѣ. Кромѣ приходцевъ, здѣсь отмѣчены еще изъ числа дворниковъ 6 дьячками, (земскими, площадными, губными), 2 бобылями, одинъ «человѣкомъ» хозяина двора, одинъ «человѣкомъ торговымъ», объ одномъ сказано, что онъ «торгуетъ всякимъ товаромъ», хотя лавки его и не указано, и объ одномъ—что онъ «торгуетъ отъѣзжаючи»; шестеро дворниковъ отмѣчены ратными или служащими людьми, пятеро прибѣгающими въ татарщину, и, наконецъ, 25 чел. — черными людьми и 14—какъ *бывшіе* черные люди, въ моментъ описанія, слѣдовательно, уже вышедшіе изъ этого сословія. Особенно интересны данныя объ этихъ послѣднихъ; онѣ отчасти раскрываютъ не только образованіе класса дворниковъ, но и нѣкоторыя интересныя черты положенія черныхъ посадскихъ людей. На посадѣ мы находимъ 9 дв. дворянъ и дѣтей боярскихъ, о которыхъ сказано, что они были черные тяглые, и до 16 случаевъ, когда указано, что дворъ стоитъ на черномъ тягломъ мѣстѣ, что мѣсто подъ нимъ черное тяглое; четыре раза при этомъ видимъ, что въ такихъ дворахъ дворниками черные тяглые или посадскіе тяглые люди; затѣмъ еще два раза видимъ дворниками черныхъ людей, которые уже не имѣли своихъ дворовъ—одинѣ продалъ свой дворъ черкашенину, во дворѣ другого, въ моментъ составленія описанія, почему то—вѣроятно, тоже купивши его—жилъ священникъ, наконецъ, еще два или три раза читаемъ: дворникъ черный человѣкъ, а прежде жилъ гамъ то (за рѣкою, въ Никитскомъ концѣ и т. п.); всѣ эти факты даютъ

[1]) Вотъ точный списокъ приходцевъ дворниковъ:

москвитиновъ 3,	калужанъ 10,
серпуховитиновъ 9,	дѣдиловцевъ 2,
вышегородцевъ 2,	боровитиновъ 2,

по одному—изъ Касимова, изъ Вол... (Вологды? Володиміра?), Венева, Епифани, Крапивны, Одоева, Бѣлой, съ Пловы; одинъ новгородецъ—но не сказано—изъ Новгорода Великаго, Нижняго или даже Сѣверскаго.

уже основаніе думать, что съ потерею двора для посадскаго человѣка являлась необходимость идти въ дворники; въ книгѣ Тулы же два раза находимъ и прямое указаніе на это, именно, разъ читаемъ: «дв. И. М. Крюкова, бывалъ дворъ черный, а въ немъ дворникъ Мокейко Серпуховитинъ, а купилъ у него чернаго человѣка» и затѣмъ еще: «дв. В. Крюкова, а въ немъ дворникъ Купря Ивановъ прихожій; къ тому же двору принялъ посадскаго чернаго человѣка мѣсто Силка Жданка Агѣева сына кузнеца; дв. М. Хрущова, а въ немъ дворникъ Жданко кузнецъ, бывалъ посадскій черный человѣкъ [1])—въ обоихъ этихъ случаяхъ ясно видно, что черный человѣкъ, продавшій свое мѣсто, не остался чернымъ посадскимъ, а вышелъ изъ прежняго состоянія и иногда оставался при этомъ дворникомъ въ своемъ бывшемъ дворѣ, потомъ проданномъ служилому человѣку. Зная же хотя бы только приведенные нами сейчасъ случаи, мы имѣемъ уже основаніе предполагать и въ другихъ случаяхъ, когда находимъ или дворъ на черномъ мѣстѣ, или дворника бывшаго посадскаго человѣка, такіе же факты; а это любопытная черта положенія тогдашней посадской общины, любопытная тѣмъ болѣе, что и здѣсь, хотя въ меньшей степени, чѣмъ въ книгѣ Казани, видимъ, что продажа черными людьми своихъ дворовъ служилымъ совершается при содѣйствіи мѣстнаго воеводы; въ Казани же, какъ мы указывали уже выше, есть основаніе предполагать даже нѣкоторое давленіе на посадскаго человѣка, нѣкоторую обязательность для него продать свой дворъ желающему пріобрѣсти его служилому человѣку. Но если даже мы остановимся только на прямомъ указаніи книги, говорящемъ намъ, что не менѣе 14 человѣкъ перешли въ дворничество, оставивши свое прежнее положеніе черныхъ тяглыхъ людей, то и это уже само по себѣ интересный фактъ, ибо это есть совершенно несомнѣнное доказательство того, что тѣ выходы изъ посадской общины и притомъ выходы, не сопровождавшіяся отреченіемъ отъ торговли и ремесленной дѣятельности, жалобы на которые мы встрѣчаемъ только въ XVI в., послѣ Смуты,

---

[1]) Ркп. Q. IV, 338, лл. 79, 68. Дѣлаемъ въ настоящемъ случаѣ ссылку на рукопись, ибо въ печатномъ изданіи (П. Кн. М. Г., II, 1089, 1092) ,вслѣдствіе принятаго тамъ правила пропускать имена собственныя лицъ низшаго сословія, вторая цитата, очень цѣнная, теряетъ всякое значеніе; въ первой же цитатѣ, по нашему убѣжденію, у Калачева невѣрно прочтенъ текстъ, правда, въ этомъ мѣстѣ сильно вылинявшій; по болѣе тщательномъ разсмотрѣніи мы убѣдились, что тутъ нужно читать именно «купилъ», а не «живалъ», какъ напечатано въ изданіи Калачева.

такъ что нѣкоторыми изслѣдователями они указываются какъ слѣдствія Смуты [1]), что такіе выходы начались уже задолго до Смуты. Въ одной изъ приведенныхъ нами выше выписокъ ясно, что дворникъ жилъ прежде чернымъ человѣкомъ именно въ томъ самомъ городѣ, гдѣ онъ потомъ дворникомъ, а не то чтобы сбѣжалъ изъ посадскихъ людей другого города и сдѣлался прямо дворникомъ уже на новомъ мѣстѣ; не можемъ, конечно, утверждать, что такъ было и всегда, но такое простое, краткое упоминаніе хотя бы объ одномъ такомъ случаѣ доказываетъ, что въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Не имѣя окончанія Тульской книги, гдѣ въ итогахъ читаемъ иногда общія замѣчанія о тѣхъ или другихъ людяхъ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сказать, какъ отнеслись къ этимъ фактамъ составители книги, какъ они сосчитали этихъ людей; но имѣемъ все таки указанія на то, что правительство боролось съ этимъ тогда, по крайней мѣрѣ, когда выходили во дворничество люди изъ дворцовыхъ селъ или слободъ — такъ въ Каширѣ, въ 1578 г., приказано было вернуть съ дворничества ушедшихъ въ это состояніе рыболововъ изъ слободы, которая поставляла рыбу государю; въ концѣ вѣка было, повидимому, уже обращено вниманіе вообще на эти выходы; въ книгѣ Зарайска (1595—1597 г.) читаемъ: «у Николы же въ городѣ въ каменномъ и въ острогѣ Рязанскихъ и Каширскихъ помѣщиковъ 169 дв., а людей въ нихъ торговыхъ и молодшихъ убогихъ людей дворниковъ 47 чел., да пашенныхъ людей, а пашню пашутъ на себя по сторонамъ наимаючи 18, молодчихъ убогихъ мастеровыхъ людей 58, да живутъ въ дворничествѣ, а кормятся по міру дѣлаютъ наимаючись 75 чел., и всего 198 чел., и впредь тѣмъ людямъ какъ государь царь и в. кн. Борисъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи укажетъ».

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію занятій дворниковъ, видимъ,

---

[1]) Книги Разрядныя, I, 613, Соборное дѣяніе собора 1619 г. *Костомаровъ* прямо относитъ это явленіе ко времени послѣ смуты: «послѣ смутнаго времени эта замкнутость посадской общины», говоритъ онъ, «начала нарушаться. Многіе посадскіе выходили самовольно изъ посада и закладывались въ крестьяне или холопи, а между тѣмъ община должна была отбывать тягло за ихъ пустыя мѣста; равномѣрно многіе, непринадлежавшіе къ посадскому сословію, селились на посадскихъ мѣстахъ и занимались торговлею и промыслами. Къ такимъ людямъ принадлежали служилые люди, стрѣльцы, казаки, пушкари, крестьяне патріаршіе»... и т. д.—Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI—XVII в., 150—151.

что всего ремесленниками обозначено изъ нихъ 144 чел., [1]) т. е. немного менѣе 44% изъ общаго ихъ числа; ремесленная дѣятельность въ Тулѣ находится, главнымъ образомъ, въ ихъ рукахъ: составляя 37½% всего населенія Тулы, они дали въ число ремесениковъ Тулы 67%; по четыремъ, принятымъ нами выше группамъ, ремесленники въ Тулѣ раздѣлялись такъ: къ первой группѣ относились 40 чел., ко второй 52, къ третьей 35 и и къ четвертой 21; число названій ремеслъ достигаетъ 38 [2]); изъ дворниковъ-ремесленниковъ значительное большинство жило на посадѣ — въ числѣ дворниковъ посадскихъ дворовъ ремесленниковъ было 54%, въ числѣ дворниковъ городскихъ дворовъ — 45% и между дворниками, упомянутыми лишь въ перечисленіи лавокъ—22%. Болѣе подробный обзоръ ремесленной дѣятельности въ этихъ городахъ вообще мы представимъ далѣе.

Торговлею занимались дворники уже значительно менѣе, всего 79 чел. (т. е. 24½%; имъ принадлежало 47 лав., 44 скамьи, шалаша и лубениковъ, вмѣстѣ); оброкъ точно съ каждой лавки въ Тульской книгѣ не указано, а сказано вообще, что съ лавки и амбара нужно платить по 2 алт., а съ скамьи, шалаша, лубеника—по 1 алт. Дворники, составляя тутъ болѣе трети всего населенія, владѣли ровно четвертою частью торговыхъ заведеній—слѣдовательно, торговали нѣсколько менѣе, чѣмъ жители всѣхъ остальныхъ сословій.

Существенныхъ дополненій къ этимъ даннымъ о дворникахъ, собранныхъ преимущественно изъ Тульской писцовой книги, мы въ

---

[1]) Можно, пожалуй, считать и 148, потому, что четыре раза имѣемъ слѣдующія обозначенія: пирожникъ. хлѣбникъ, полстовалъ портный мастеръ, казакъ трушникъ, мясникъ банникъ.

[2]) Вотъ полный списокъ дворниковъ-ремесленниковъ въ Тулѣ:

мясниковъ	12,	шапошниковъ	1,	колесниковъ	1,
хлѣбниковъ	11,	скорняковъ	1,	дегтярей	1,
пирожниковъ	8,	кузнецовъ	11,	котельниковъ	1,
калачниковъ	5,	плотниковъ	7,	банниковъ	1,
рыболововъ	1,	пастуховъ	3,	иконниковъ	1,
солодениковъ	1,	конюховъ	2,	казаковъ	12,
солениковъ	1,	мельниковъ	1,	скомороховъ	3,
масляниковъ	1,	коровниковъ	1,	извощиковъ	2,
сапожниковъ	26,	мыльниковъ	1,	льяниковъ	1,
портныхъ маст.	10,	свѣчниковъ	1,	золотарей	1,
кожевниковъ	7,	гребенщиковъ	1,	трушниковъ	1,
полстоваловъ	5,	гончаровъ	1,	барышниковъ	1.
сыромятниковъ.	2,	сѣдельниковъ	1,		

другихъ писцовыхъ книгахъ городовъ той же области не находимъ; въ другихъ городахъ, какъ мы уже видѣли, дворниковъ гораздо менѣе, да и книги тѣхъ городовъ менѣе подробны, чѣмъ Тульская; можемъ только привести изъ нихъ, что въ Дѣдиловѣ изъ 38 дворниковъ прихожими обозначены трое, ремесленниками семеро; лавки имѣли только двое; въ Пронскѣ и Переяславлѣ приходцевъ среди дворниковъ и вовсе не отмѣчено; ремесленниками въ Пронскѣ изъ 22 дворниковъ названы 9, торговали—четверо; въ Переяславлѣ—мы только о торговавшихъ дворникахъ и знаемъ; ремесленниками изъ нихъ названы 9 чел.; замѣчанія о дворникахъ книгъ Каширы и Зарайска мы уже приводили.

Къ числу людей, зависѣвшихъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ въ Тулѣ, нужно причислить еще 15 крестьянъ шести владѣльцевъ: всѣ они показаны лишь въ числѣ владѣльцевъ лавокъ—имъ принадлежало 13 л. и 3 ск.; дворовъ ихъ тутъ не описано, но мы встрѣчали уже въ другихъ городахъ дворы крестьянъ черныхъ, которые всегда и считались въ итогахъ вмѣстѣ со дворами черныхъ посадскихъ людей, такъ что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и эти крестьяне жили въ Тулѣ, кромѣ развѣ трехъ, которые въ свои лавки «прибѣгали въ татарщину»; ремесленниками изъ числа этихъ крестьянъ показаны лишь двое (калачники), одинъ изъ этихъ крестьянъ былъ посадскимъ черныиъ человѣкомъ, другой—боярскимъ дворникомъ.

Изложивши данныя о дворникахъ, причемъ намъ приходилось такъ часто говорить и о посадскихъ людяхъ, мы обращаемся теперь къ обзору заключающихся въ писцовыхъ книгахъ свѣдѣній объ этомъ сословіи, хотя по причинамъ, яснымъ изъ сдѣланныхъ выше замѣчаній о состояніи нашихъ документовъ, въ этомъ случаѣ мы уже не имѣемъ возможности быть даже настолько подробными, какъ говоря о дворникахъ.

Какъ было уже выше указано, мы находимъ черныхъ людей во всѣхъ этихъ городахъ за исключеніемъ Пронска; точно опредѣлить число ихъ мы не можемъ. Всего указано въ этихъ городахъ черными посадскими людьми 608 чел.: въ Тулѣ 143, въ Дѣдиловѣ 29, Каширѣ 13, Веневѣ 75, Епифани 78, Переяславлѣ 62, Зарайскѣ 208; кромѣ того, въ Тулѣ названы еще черными и черными посадскими людьми 29 дворниковъ; собственно говоря, мы встрѣчаемъ постоянно разныя названія, которыя обозначаютъ этихъ людей: посадскіе черные (тяглые) люди (въ описаніи Тулы и Дѣдилова), посадскіе люди (въ описаніи Тулы), чер-

ные (тяглые) люди (въ описанiи Тулы, Епифани, Зарайска), торговые люди (въ описанiи Тулы и Каширы), черные безпашенные и крестьяне пашенные (въ описанiи Венева) и просто крестьяне (въ описанiи Каширы), но несомнѣнно, что всѣ эти названiя обозначали одно и тоже: въ Тульской книгѣ нѣсколько разъ встрѣчаемъ случаи, что человѣкъ, въ одномъ мѣстѣ названный просто чернымъ — въ другомъ названъ посадскимъ тяглымъ и на оборотъ; о значенiи термина «человѣкъ торговый» мы уже говорили выше; въ подтвержденiе сказаннаго можемъ еще указать, что въ Каширѣ, гдѣ только и были духовные люди, рыболовы и люди торговые—не было ни одной лавки и что въ описанiи Тулы и Дѣдилова торговыми названы всѣ торговавшие въ лавкахъ люди [1]); наконецъ, крестьянъ мы считаемъ здѣсь же потому, что, какъ видѣли мы въ предшествовавшей главѣ, писцовыя книги, покрайней мѣрѣ иногда, не дѣлали никакого различiя между посадскими людьми собственно и черными крестьянами.

Во всѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ перечисленiе черныхъ людей и ихъ дворовъ, черные посадскiе люди и крестьяне, какъ и всегда, описываются не какъ собственники дворовъ, а какъ жильцы въ нихъ; клѣтями же осадными въ самомъ городѣ и они владѣли какъ собственники; такiя осадныя клѣти мы видимъ лишь въ Тулѣ, причемъ, подобно тому, какъ и относительно дворовъ осадныхъ, на каждую клѣть приходилось обыкновенно по нѣскольку владѣльцевъ и часто черные люди владѣли клѣтью вмѣстѣ съ людьми ратными или служившими; не менѣе 36 чел. черныхъ людей имѣли $11^{1}/_{2}$ кл., 1 л., $^{1}/_{2}$ амб. и 2 м. кл. въ городѣ. Данныя объ устройствѣ мѣстнаго управленiя находимъ лишь въ описанiи—Тулы упоминанiе старосты и губного цѣловальника [2]). Раздѣленiе на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ находимъ только въ Зарайскѣ. Впрочемъ, отсутствiе такого дѣленiя въ Тульской книгѣ, гдѣ черные люди упоминаются лишь какъ владѣльцы лавокъ, не представляетъ ничего удивительнаго—при описанiи лавокъ не отмѣчены эти разряды и въ книгахъ Казани и Свiяжска, гдѣ тѣмъ не менѣе, при описанiи дворовъ такое дѣленiе всегда находимъ; въ дру-

---

[1]) Въ заключительныхъ словахъ послѣ описанiя лавокъ на торгу—П. Кн. М. Г., II. 1077; «въ Дѣдиловѣ-жъ лавки торговыхъ людей... (тамъ-то... перечисленiе)... всего 27 л.; а оброку имъ платити»... и т. д.—тамъ же, 1267,—а въ числѣ владѣльцевъ этихъ лавокъ лишь одинъ не ратный человѣкъ.

[2]) Въ числѣ владѣльцевъ клѣтей и мѣстъ клѣтныхъ въ городѣ—П. Кн. М. Т., II, 1084, 1085.

гихъ же городахъ, съ очень небольшимъ числомъ дворовъ черныхъ людей, напр. въ Дѣдиловѣ, Веневѣ, Епифани, умолчаніе о такомъ дѣленіи всего вѣрнѣе, показываетъ, что тамъ всѣ люди относились къ какому нибудь одному изъ этихъ трехъ разрядовъ.

Весьма интересны данныя зарайской книги объ разложеніи черныхъ людей въ сохи. Въ Зарайскѣ было: лучшихъ 8 чел. въ 5 дв., середнихъ—36 въ 25 дв. и молодшихъ—164 чел. въ 134 дв.; «а сошнаго письма», читаемъ далѣе, «въ живущемъ соха съ третью и пол-полчети сохи... а въ соху положено лучшихъ по 80 дв., а середнихъ по 100 дв., а молодшихъ и убогихъ по 120 дв., а впредь имъ въ государевыхъ царевыхъ и вел. князя... податяхъ верстатись самимъ по животомъ и по промысломъ; а бобыльскіе дворы въ сошное письмо неположены» [1]). Для насъ очень важно, что мы находимъ тутъ рядомъ данныя и о томъ, сколько приходилось человѣкъ на дворъ добрый, середній и молодшій, и о томъ, по скольку тѣхъ и другихъ дворовъ положено было въ соху. Мы видимъ, во 1), что и здѣсь на дворъ лучшій въ среднемъ приходится людей всего болѣе, на дворъ середній—менѣе и на дворъ молодшій—еще менѣе; не можемъ при этомъ не указать замѣчательно близкаго совпаденія съ цифрами, выражающими число людей на 100 дв. разныхъ разрядовъ, относящимися къ Зарайску и относящимися къ Новгородскимъ пригородамъ: тамъ приходилось среднимъ числомъ на 100 дв. 158, 138 и 121 чел. [2]), а здѣсь — 160, 144 и 125 чел. Мы уже высказывали выше наше предположеніе о связи между числомъ людей на дворъ и отнесеніемъ этого двора къ числу лучшихъ, середнихъ или молодшихъ; мы не рѣшимся, однако, утверждать, что именно такое отношеніе было и постоянно; въ Казани, напримѣръ, приходилось на 100 дв. добрыхъ 125 чел., а на 100 дв. середнихъ и молодшихъ 102 и 101 чел., а въ Свіяжскѣ — на 100 дворовъ каждаго изъ этихъ трехъ разрядовъ—ровно по 100 же и человѣкъ. Но если даже и не придавать этому совпаденію отношеній особенно важнаго значенія, то все-таки интересно, воспользовавшись этими данными, хотя бы и для единичнаго случая, не распространяя получаемыхъ выводовъ и на всѣ другіе подобные случаи, подставить цифры людей вм. цифръ дворовъ въ разложеніи по сохамъ. Извѣстно, что вообще въ соху полагалось дворовъ людей добрыхъ всего менѣе, людей середнихъ—болѣе, и всего бо-

---

[1]) Зарайскъ. Матеріалы для исторіи города, 1.

[2]) См. выше, стр. 46.

лѣе—людей молодшихъ, хотя и не постоянно въ одномъ и томъ же отношеніи. Въ данномъ случаѣ, для Зарайска, одинаковую сумму повинностей (тягло съ сохи) несли 80 дв. добрыхъ, 100 середнихъ и 120 молодшихъ; а на это число дворовъ приходится людей 128, 144 и 150 чел.; слѣдовательно, размѣры повинностей, исправлявшихся каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, не различались между собою сколько нибудь значительно: если мы обозначимъ сумму посошныхъ повинностей какая приходилась на долю каждаго молодшаго человѣка какъ 100, то сумма посошныхъ повинностей, исполнявшихся каждымъ человѣкомъ середнимъ, выразится какъ 104, а каждымъ человѣкомъ добрымъ—какъ 117, т. е. середній человѣкъ исполнялъ повинностей болѣе чѣмъ молодшій, всего на 4%, а добрый—болѣе чѣмъ молодшій, всего на 17%; между тѣмъ какъ, производя расчетъ только на основаніи числа дворовъ добрыхъ, середнихъ и молодшихъ, положенныхъ въ соху, мы должны сказать, что дворъ середній исполнялъ повинностей на 25% болѣе, а дворъ добрый на 50% болѣе чѣмъ дворъ молодшій; очевидно, что первымъ путемъ мы ближе подходимъ къ опредѣленію суммы повинностей, исполнявшихся каждымъ добрымъ, середнимъ или молодымъ человѣкомъ, потому что разложеніе повинностей по дворамъ есть, очевидно, искусственное, и въ дѣйствительности, въ жизни, конечно, переходившее въ разложеніе по людямъ. Изъ нашего расчета видно, что каждый человѣкъ добрый, а тѣмъ болѣе середній, несъ повинностей лишь очень немногимъ больше, чѣмъ молодшій. Такимъ образомъ мы приходимъ къ очень любопытному заключенію, что въ XVI в. въ каждой мѣстности тяглые люди платили почти что поровну, ибо размѣръ повинностей, приходившихся на дворъ людей добрыхъ, середнихъ и молодшихъ былъ въ прямомъ и почти совершенно пропорціональномъ отношеніи съ числомъ людей во дворѣ каждаго изъ этихъ разрядовъ: большее количество повинностей, падавшее на дворъ добрый или середній, и исполняемо было почти совершенно пропорціонально бóльшимъ числомъ людей. Такимъ образомъ выходитъ, что собственно говоря, уже тогда посошныя повинности если еще не совершенно соотвѣтствовали подушной подати, то уже очень приблизились къ ней.

Размѣровъ всѣхъ повинностей съ сохи, а слѣд. и со двора, мы, къ сожалѣнію, не можемъ опредѣлить, ибо, какъ уже замѣчено было и выше, писцовыя книги городовъ рѣдко сообщаютъ намъ данныя о какихъ либо повинностяхъ жителей кромѣ платежа оброка; въ книгахъ изучаемыхъ нами теперь городовъ мы находимъ

подобные примѣры въ незначительномъ числѣ и недостаточно разъясненными. Въ описаніи Каширы видимъ, что черные люди, которыхъ тамъ было всего 13 чел, за полнымъ разореніемъ города въ тягло положены не были и платили оброкъ — въ среднемъ со двора приходилось по 55 ден.; точно также платили оброкъ люди, сѣвшіе на льготѣ, въ 33 дворахъ, въ Веневѣ,—тутъ всего по 20 д. со двора; тутъ же дворцовые крестьяне за разныя повинности платили по такому расчету, что со двора приходилось по 67 д. [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ съ каждаго денежнаго оброка платилась еще пошлина въ размѣрѣ 10 ден. съ рубля, т. е. 5%.

Мы уже отмѣтили одну очень интересную и важную черту относительно положенія черныхъ людей—мы говорили уже о переходахъ отъ нихъ дворовъ къ служилымъ людямъ, переходахъ, противиться которымъ черные люди, какъ будто бы, даже и не могли, ясныя доказательства чего мы видѣли въ описаніи Казани; къ сожалѣнію, подобные интересные факты отмѣчаются лишь въ Тульской книгѣ. Число такихъ случаевъ указано уже выше. Мы тогда же видѣли, что очень часто такой переходъ двора сопровождался и выходомъ его бывшаго владѣльца изъ числа черныхъ посадскихъ людей и переходомъ его въ другое состояніе. Выходы эти направлены были не только въ дворничество: изъ 48 человѣкъ, отмѣченныхъ въ Тульской книгѣ, какъ бывшіе прежде черными или посадскими черными людьми—а только Тульская книга и даетъ намъ такія свѣдѣнія—во время описанія 18 были крестьянами (почти всѣ монастырскими), 14 дворниками, 9 ратными людьми, 5 казенными кирпичниками и 2 ямскими охотниками [2]). Повидимому, большинство этихъ людей были посадскими тяглыми именно въ Тулѣ же: мы видѣли это ясно относительно вышедшихъ въ дворничество, затѣмъ, объ одномъ монастырскомъ крестьянинѣ сказано: «былъ посадскій тяглый человѣкъ, а отецъ его жилъ въ Никитскомъ концѣ»—т. е. тоже въ Тулѣ, и наконецъ, указаны пришедшими изъ другихъ городовъ только шестеро изъ этихъ людей, да и это

---

[1]) П. Кн. М. Г., II, 1267, 1304, 1541.

[2]) «Да у монастыря жъ слободка, а въ ней живутъ предотеченскаго монастыря крестьяне, пашенные и торговые люди, сведеные съ черныхъ мѣстъ» ркп. Q., IV, 338, л. 60. У Калачева (П. Кн. М. Г., II, 1087) вм. «люди сведеные» поставлено: «......ные»; но слово «люди» возможно прочесть; начало же слова «сведеные», дѣйствительно, совершенно вылинявшее, возстановляемъ мы, какъ вполнѣ соотвѣтствующее смыслу и длинѣ той части строки, которая полиняла.

вѣдь не исключаетъ возможности, что они въ Тулѣ же сначала были посадскими черными людьми, а потомъ уже вышли въ другое сословіе; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что мы имѣемъ примѣры переходовъ изъ посадскихъ тяглыхъ людей въ другія сословія и безъ ухода въ другія мѣста, хотя точно отдѣлить выходцевъ мѣстныхъ отъ прихожихъ мы и не можемъ. Во всякомъ случаѣ, если мы видимъ, что въ Тулѣ среди владѣльцевъ лавокъ упомянуто 140 чел. черныхъ людей и до 50 человѣкъ бывшихъ посадскихъ черныхъ, причемъ человѣкъ 15 несомнѣнно, а другіе, весьма вѣроятно, были посадскими, именно Тульскими же, то и эти цифры ясно говорятъ намъ, насколько все-таки значительныхъ размѣровъ достигли такіе выходы еще въ XVI в. Почти сплошное бѣгство посадскихъ людей въ другія состоянія видимъ мы въ Каширѣ, гдѣ, при 13 всего жившихъ черныхъ посадскихъ людяхъ, съ 315 мѣстъ «крестьяне» частью умерли, частью взяты въ плѣнъ татарами, частью разошлись въ Каширскій уѣздъ по селамъ, и по деревнямъ, и по инымъ государевымъ городамъ, но тутъ была ясная и дѣйствительно важная причина—полное разореніе города татарами въ 1571 г.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію заключающихся въ писцовыхъ книгахъ данныхъ о занятіяхъ черныхъ посадскихъ людей въ изучаемыхъ нами городахъ.

Въ книгахъ Дѣдилова, Каширы, Венева и Епифани мы находимъ указанія на пашню черныхъ посадскихъ людей; производя расчетъ, сколько пашни приходилось на дворъ, получаемъ цифры очень не близкія между собой: для Дѣдилова по 8,4 четверти въ каждомъ изъ трехъ полей и по 6,1 копны сѣна, для Каширы по 2,4 четв. и по 9,7 копенъ сѣна, въ Епифани по 9,6 ч. [1]) и по 69,4 копенъ сѣна. Этотъ расчетъ, впрочемъ, мы произвели сами, въ книгахъ же находимъ только общее количество четвертей земли и копенъ сѣна—именно въ Дѣдиловѣ было 241 ч. земли и 150 копенъ сѣна, въ Каширѣ 765 ч. земли и 3,060 копенъ сѣна, въ Епифани 700 четв. земли и 5,000 копенъ сѣна; ничего о распредѣленіи этой земли между разными лицами нѣтъ; и только въ книгѣ Венева имѣемъ данныя, болѣе подробныя, но, впрочемъ, не совсѣмъ ясныя—именно, читаемъ: «и всего на посадѣ дворцовыхъ крестьянъ 42 дв., а людей въ нихъ 44 челов., да 3 дв. княжъ

[1]) И далѣе во всѣхъ этихъ городахъ всякую цифру четвертей земли надо читать: «столько то въ полѣ, а въ дву по тому жъ».

Ивановскихъ людей; пашни въ полѣ добр. земли 214 дес. съ полудес., а въ дву по тому жъ, сѣна около поль по дикому полю и въ отхожихъ мѣстѣхъ 1,320 коп., лѣсу около поль дубровы пашенные 4 дес., а вытей крестьянскихъ 33 выти. А по государеву указу дано крестьяномъ на выть пашни добр. земли по 6 дес. съ полудес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, и изъ тое пашни пахати имъ на царя и великаго князя 49 дес. съ полудес. ржи да 49 дес. съ полудес. овса, съ выти по полуторѣ дес. ржи да по полуторѣ дес. овса, а на собя крестьяномъ пашни пахати 165 дес., на выть [1]) по 5 дес. въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣна имъ дано на выть по 40 коп., а сошнаго письма полсохи безъ полполтрети сохи, опричь государевы пашни. А оброку имъ давати царю и великому князю въ Стрѣлецкомъ Приказѣ за мелкой доходъ—за бараны, и за полти, и за куры, и за яица, и за сметану—деньгами съ выти по 8 алт. безъ 2 ден., итого 7 руб. 19 алт. и 4 ден.; да крестьянамъ же давати за дань медвянаго оброку 6 руб. 20 алт., съ выти по 2 гривны, и всего оброку крестьяномъ давати за мелкой доходъ и за медвяной оброкъ 14 р. и 6 алт. и 2 денг. [2])». Прежде всего странно то, что тутъ пашенная земля выражена не въ четяхъ, какъ обыкновенно, а въ десятинахъ, примѣры чего встрѣчаются въ XVI в. вообще крайне рѣдко; о разложенiи дворовъ на выти тутъ сказано очень кратко; по буквальному смыслу въ эти 33 выти разложены 42 дв. пашенныхъ дворцовыхъ крестьянъ; по такому разсчету тутъ приходится на дворъ земли болѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ—10,2 чети; сѣна 31,4 копны. Въ виду такой неравномѣрности участковъ земли, приходящихся на черный посадскiй дворъ, мы должны допустить, что то или другое количество распахиваемой земли являлось у посадскихъ жителей безъ всякаго участiя и влiянiя правительства, что это не есть какой нибудь надѣлъ, а просто земля, распаханная разными лицами совершенно самостоятельно. Полное отсутствiе данныхъ о раздѣленiи пашенной и сѣнокосной земли между отдѣльными лицами, указанiе лишь общихъ размѣровъ ея, свидѣтельствуетъ, безъ сомнѣнiя, объ общинномъ владѣнiи ею. Въ книгахъ другихъ городовъ мы не имѣемъ вовсе указанiй на посадскую пашню, но едва ли это не есть слѣдствiе только особенностей однѣхъ книгъ и утраты нѣко-

---

[1]) Въ печатномъ изданiи, очевидно ошибочно, запятыя разставлены такъ: «а на себя крестьянамъ пашни пахати 165 дес. на выть, по 5 дес. въ полѣ» и т. д.

[2]) П. Кн. М. Г., II, 1541.

торыхъ листовъ другихъ: въ книгѣ Тулы, напр., не упоминается вовсе о землѣ посадскихъ людей, но мы видѣли въ ней пять или шесть случаевъ, что черный посадскій человѣкъ только «прибѣгалъ въ татарщину»—почти несомнѣнно, слѣдовательно, что постоянно эти люди жили въ уѣздѣ и тамъ, вѣроятно, занимались хлѣбопашествомъ, подобно тому, какъ это мы видѣли и въ другихъ городахъ.

Ремесленная дѣятельность черныхъ посадскихъ людей въ этихъ городахъ тоже извѣстна намъ невполнѣ, и только объ участіи ихъ въ торговлѣ можемъ мы говорить съ увѣренностью, что намъ извѣстны почти всѣ данныя по этому вопросу. Ремесленниками въ Тулѣ названы изъ черныхъ посадскихъ людей 18 чел., въ Переяславлѣ—10, что составляетъ для Тулы 12,6% и для Переяславля 16% всѣхъ упомянутыхъ въ описаніи ихъ черныхъ посадскихъ людей [1]). Относительно торговли можемъ замѣтить, что въ Тулѣ чернымъ посадскимъ людямъ принадлежали 61 л., 22 ск. и 5 шел.; такъ какъ въ Тулѣ по оброку скамья и шелашъ были вдвое меньше лавки, то, слѣд., такое число разныхъ торговыхъ заведеній можно считать равнымъ 74½ лав.; описано же всего въ книгѣ 245 лав. и амб., 2 прилавка, 118 ск. и 13 шел. (что равно 311½ лав.); такимъ образомъ въ рукахъ черныхъ людей было ровно 24% изъ числа описанныхъ торговыхъ заведеній; изъ числа же описанныхъ людей они составляли всего 16,5%; слѣд., насколько можно судить по нашей книгѣ, не совсѣмъ полной, черные люди торговали въ Тулѣ сравнительно больше, чѣмъ люди всѣхъ другихъ сословій; изъ всего числа торговыхъ заведеній Тулы имъ принадлежала ровно такая же часть, какъ въ Казани, и почти такая же, какъ въ Свіяжскѣ—четверть, хотя изъ общаго числа жителей они составляли тутъ одну шестую, тогда какъ тамъ — треть. Въ Переяславлѣ изъ числа всѣхъ 409 торговыхъ и промышленныхъ заведеній, принадлежавшихъ 330-ти владѣльцамъ и оплачиваемыхъ 62-мя руб. 17 а. 4 деньгами, 62 черные человѣка имѣли 65½ торговыхъ за-

---

[1]) Вотъ полный списокъ ремесленниковъ посадскихъ людей въ Тулѣ и Переяславлѣ; первыя цифры относятся къ Тулѣ, вторыя—къ Переяславлю.

хлѣбниковъ ...	1,1,	кожевниковъ.....	4,	серебр. мастеровъ .	—,1,
пирожниковъ..	2,	овчинниковъ	1,1,	котельниковъ.....	—,1,
мясниковъ	2,	красильниковъ ...	1,	бондарей	—,1,
масляниковъ ..	—,1,	шапошниковъ ...	—,1,	лудниковъ........	—,1,
квасниковъ ...	2,	кузнецовъ	3,1,	иконниковъ	—,1,
сапожниковъ..	—,1,	токарей	1.		

веденій и съ нихъ платили 8 р. 3 ал. 3 д., т. е., составляя 18,8°/₀ всего числа владѣльцевъ лавокъ, они имѣли 16°/₀ всего числа торговыхъ заведеній и платили съ нихъ 14,25°/₀ всего собиравшагося оброка. Такимъ образомъ, въ Переяславлѣ черные люди принимали въ торговлѣ участіе меньше, чѣмъ въ Казани, Свіяжскѣ и Тулѣ и вообще торговали сравнительно менѣе, чѣмъ люди другихъ сословій, а равно и оплачивали свои лавки оброкомъ болѣе низкимъ, чѣмъ другіе люди.

Этими замѣчаніями мы и заканчиваемъ свой обзоръ положенія черныхъ тяглыхъ людей въ пограничныхъ городахъ; данныя о торговлѣ ихъ въ другихъ городахъ этой группы слишкомъ незначительны и не представляютъ ничего характернаго; для изученія же ихъ положенія въ какихъ нибудь другихъ отношеніяхъ изучаемыя нами теперь книги вовсе не даютъ матеріаловъ.

Ратныхъ и служившихъ людей мы видѣли во всѣхъ этихъ городахъ въ довольно большомъ числѣ; точныя цифры приведены уже нами въ началѣ этой главы и потому мы не будемъ ихъ здѣсь повторять, а обратимся прямо къ разсмотрѣнію другихъ данныхъ о нихъ, заключающихся въ нашихъ источникахъ.

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы узнаемъ о ратныхъ людяхъ не изъ описанія торга или города, а имѣемъ описаніе и ихъ дворовъ, мы видимъ, что люди разныхъ наименованій жили своими особыми слободами, за исключеніемъ только такихъ, какихъ въ томъ или другомъ городѣ по одному, по два, по три человѣка—такіе жили въ слободахъ другихъ людей; какъ мы и прежде видѣли—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ описываются люди «во дворахъ», а не какъ собственники дворовъ; о значеніи этого мы уже говорили, но здѣсь должны указать лишь одну особенность сравнительно съ тѣмъ, что мы видѣли въ описаніи Казани и Свіяжска: здѣсь казацкіе пятидесятники, не говоря уже о десятникахъ, описаны «во дворахъ» и входятъ въ счетъ тѣхъ ста человѣкъ, которые составляли— въ Епифани совершенно правильно—слободу; хотя, собственно говоря, на лицо мы нигдѣ не видѣли ровно 100 чел., но число дворовъ жилыхъ вмѣстѣ съ пустыми дворовыми мѣстами составляло ровно сто. Такое различіе въ описаніи дворовъ пятидесятниковъ указываетъ, вѣроятно, и отличіе ихъ положенія здѣсь, сравнительно съ положеніемъ пятидесятниковъ въ Казани. Подобно тому, какъ мы уже видѣли, и здѣсь люди ратные, описанные «во дворахъ» на посадѣ, имѣя клѣти въ городѣ, всегда описаны какъ ихъ собственники. Данныхъ объ устройствѣ управленія этими ратными людьми мы

находимъ въ писцовыхъ книгахъ не очень много. Въ книгѣ Венева упомянуто, что «осадный голова отписалъ государю, что стрѣльцы не хотятъ брать назначенныхъ имъ земель»—это выраженіе очевидно не точно; голова писалъ, конечно, въ какой нибудь приказъ, но въ какой — не знаемъ, вѣроятно, впрочемъ, что въ Стрѣлецкій, въ которой собирался оброкъ съ веневскихъ посадскихъ черныхъ людей [1]); изъ книги Епифани мы узнаемъ, что каждая слобода, заключавшая въ себѣ сотню казаковъ, подчинена была своему сотнику, о которомъ говорится, что она у него «въ приказѣ»; всѣ же семь сотенъ—одна въ двухъ слободахъ, по полусотнѣ—подчинены были казачьему головѣ Ѳ. Лихареву, въ Епифани же и жившему, и это подчиненіе тоже выражено словами—«въ приказѣ у Ѳ. Лихарева»; онъ, между прочимъ, «набиралъ» новыхъ казаковъ на пустыя мѣста и въ пустые дворы [2]). Въ Переяславлѣ было три сотни стрѣльцовъ, и тамъ кромѣ сотниковъ упомянутъ еще казачій голова. Въ Дѣдиловской книгѣ казаки находившихся въ этомъ городѣ полуторы сотни и двухъ сотенъ иногда особо отмѣчены опредѣленіями «сторожевой»—такихъ 21 въ полуторѣ сотнѣ и 16 въ одной сотнѣ—и «новоприборный»—такихъ 26 въ полуторѣ сотнѣ и 17 и 2 въ двухъ сотняхъ. О сторожевыхъ—о томъ, чѣмъ отличались ихъ служба или ихъ положеніе отъ службы и положенія другихъ казаковъ—мы ничего не узнаемъ изъ нашего источника [3]); о положеніи же новоприборныхъ находимъ слѣд. факты: во первыхъ, о нихъ читаемъ всегда такъ: «да на ихъ же (просто казаковъ) землѣ себѣ дворцами живутъ (такіе-то)... новоприборные казаки» (въ 34 случаяхъ) или «да на ихъ же дворахъ живутъ новоприборные казаки» (въ 11 случаяхъ); затѣмъ, имѣя въ книгѣ точное указаніе, поскольку полагалось тутъ земли на каждаго казака

---

[1]) Писц. Кн. М. Г., II, 1540, 1541.

[2]) II, Кн. М. Г., 1591, 1592, 1593. Такое же выраженіе въ «приказѣ»— см. еще у *Бѣляева*, — О сторожевой, станичной и полевой службѣ,—Временникъ, № 4, пр. 48 и у *Лихачева*, Разрядные дьяки XVI в., 29.

[3]) *Бѣляевъ*, впрочемъ, говоритъ: (О сторожевой, станичной и полевой службѣ, Временникъ № 4, 12): «боярскіе дѣти и казаки... раздѣлялись на городовыхъ или полковыхъ, и на станичныхъ и сторожевыхъ. Первые употреблялись только для защиты городовъ и для отраженія непріятеля на границахъ, вторые же поочередно отправлялись въ степь для разъѣздовъ и для стражи по сторожевымъ притонамъ, и дѣлились на станичниковъ, вожей и сторожей; они за сторожевую службу получали особое жалованее, высшее полкового или городового и удовлетворялись отъ казны за всѣ убытки и потери, могшіе случиться въ разъѣздахъ».

и сколько было имъ всего отведено земли, мы, производя расчетъ, видимъ, что на этихъ новоприборныхъ казаковъ земли еще отведено не было [1]). Этотъ фактъ, въ связи съ приведенными сейчасъ указаніями, что новоприборные казаки жили на землѣ другихъ казаковъ, а иногда и прямо въ чужихъ дворахъ, доказываетъ, что они не имѣли собственно земли и, вѣроятно, не были полноправными членами казацкой общины. Но такъ какъ въ каждой сло-

[1]) Тутъ приходится дѣлать довольно сложный расчетъ, затрудняемый еще въ одномъ мѣстѣ, кажется, ошибкою въ книгѣ. Именно, читаемъ: «да за р. жъ. . . . слобода новоприборныхъ казаковъ 37 дв.; да въ той же слободѣ 17 м. дв., а дв. съ тѣхъ мѣстъ снесли на лугъ къ р. къ Шиворонѣ къ Оленьѣ. И всего новоприборныхъ сотни дворъ десятниковъ да 31 дв. рядовыхъ казаковъ; да на ихъ же землѣ (два) двора новоприборныхъ казаковъ, да 3 дв. бобыльскихъ; пашни паханые добрые земли 478 четьи да пер. и дикого поля 172 четьи» (П. Кн. М. Г., II, 1265); непосредственно далѣе слѣдующія слова являются совершенно непонятными: «да новоприборные жъ казаки которые нынѣ прибраны, пашни перелогу и дикого поля добр. земли 3650 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, пятидесятнику по 40 чети, а десятнику по 30 чети, а рядовымъ казакамъ по 20 чети человѣку, да у нихъ же примѣрные земли 150 чети», (тамъ же, 1265). О двухъ другихъ слободахъ читаемъ: «И всего въ Луговой полуторѣ сотнѣ 3 дв. пятидесятниковыхъ, да 3 дв. десятниковыхъ, да 147 дв. рядовыхъ казаковъ, да 7 м. дворовыхъ казачьихъ, да на ихъ же дворѣ живутъ новоприборные казаки 7 челов., да на ихъ же землѣ себѣ дворцами живутъ новоприборные жъ казаки 19 дв., да за ними жъ за старыми казаки, на ихъ же землѣ, 33 дв. бобыльскихъ, а людей въ нихъ тожъ; пашни паханые добр. зем. 2502 четв. да пер. и дикого поля 800 ч., и обоего пашни и перелогу и дикого поля добр. зем. 3302 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ; примѣрные земли въ томъ же числѣ 122 ч. да. . . 3 челов. сотниковъ: пашни пер. добр. земли и дикого поля 60 ч., сѣна на дикомъ полѣ 40 коп.». «И всего въ Дергилевской сотнѣ 3 дв. пятидесятниковыхъ, да 9 дв. десятниковыхъ, да 132 дв. рядовыхъ казаковъ, да 3 дв. казачьихъ пустыхъ; да на ихъ дворѣхъ живутъ новоприборные казаки 2 чел., да на ихъ же землѣ живутъ себѣ дворцами новоприборныхъ же казаковъ 15 дв., да за ними жъ живутъ на ихъ земляхъ 12 дв. бобыльскихъ, да 3 дв. бобыльскихъ пустыхъ; пашни паханые добр. земли 2204 чети да пер. и добр. земли 3284 ч. въ полѣ, а въ дву по тому жъ, да примѣрные дикого поля 1080 четьи, и обоего пашни и перелогу и дикого поля земли 104 ч., да сотниковы земли за двѣма сотни 40 четьи, сѣна на дикомъ полѣ 80 копенъ» (тамъ же, 1264, 1265, 1266). Если примѣнить теперь къ числу казаковъ каждой сотни указанный выше размѣръ земельнаго надѣла рядовому казаку, то получимъ, что должно было бы быть земли 3150 ч. и 3090 ч. вмѣсто 3180 и 3180 же—т. е. отступленія очень незначительныя; если же бы принять въ разсчетъ и новоприборныхъ казаковъ, то получилось бы, что на каждаго казака приходилось не 20, а въ одномъ случаѣ 19,5, а въ другомъ 16,5 четей.

*

бодѣ было по нѣскольку пустыхъ дворовъ, а въ одной такъ еще и очень большое даже количество лишней земли, отведенной для тѣхъ казаковъ, которыхъ еще только нужно было прибрать, то является вопросъ—почему же это иные люди, хотя и записывались въ казаки, но не дѣлались, сразу по крайней мѣрѣ, такими же по своему положенію казаками, какъ и другіе, или почему ихъ, быть можетъ, не принимали сразу въ число таковыхъ? Немного далѣе мы приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній о казакахъ въ изучаемыхъ нами теперь городахъ, которыми, намъ кажется, отчасти можно объяснить это явленіе.

О жалованіи ратнымъ людямъ въ изучаемыхъ городахъ находимъ слѣд. свѣдѣнія: пѣшіе стрѣльцы получали въ Веневѣ и Епифани отъ 100 д. (полтины) до 25 алт. и хлѣба по 8 или по 10 ч. ржи, по 10 ч. овса и по 1 п. соли; конные всѣ по 25 алт., и по 10 ч. ржи и овса и по 1 п. соли; различное жалованье видимъ даже въ однѣхъ и тѣхъ же сотняхъ; десятники и пятидесятники получали болѣе—до 2 р.; въ Веневѣ затинщики получали по 1 р. наравнѣ съ десятниками стрѣлецкими; въ Епифани воротники получали деньгами по 100 д., и по 6 ч. ржи и овса и по $^{1}/_{2}$ п. соли, и по шубѣ и по сермягѣ на два года; денежное жалованье въ описаніи Епифани названо оброкомъ. Болѣе полныя свѣдѣнія получаемъ мы о земельномъ вознагражденіи ратныхъ людей въ городахъ по южной окраинѣ; но нѣтъ почти никакихъ замѣчаній, разъясняющихъ намъ отношеніе этихъ двухъ видовъ вознагражденія, кромѣ замѣчанія въ книгѣ Епифани, что хлѣбный оброкъ брать тутъ стрѣльцамъ съ 7079 г. въ теченіе четырехъ лѣтъ, а послѣ того какъ распашутъ землю — лишь одинъ денежный [1]); но для какихъ либо выводовъ объ отношеніи денежнаго жалованья къ поземельному вознагражденію мы имѣемъ слишкомъ мало фактовъ и вовсе не имѣемъ прямыхъ опредѣленно высказанныхъ замѣчаній въ книгахъ; но молчаніе книгъ о денежномъ жалованіи едвали должно быть принимаемо всегда за доказательство его отсутствія, тѣмъ болѣе, что поземельное вознагражденіе часто слишкомъ неравномѣрно. Разбирая данныя о поземельныхъ владѣніяхъ ратныхъ людей, мы не видимъ никакой возможности опредѣлить нормальный размѣръ надѣла людей того или другого наименованія; мы постоянно встрѣчаемъ у нихъ надѣлы различной величины и твердо установить можемъ только тотъ фактъ, что надѣлы каза-

---

[1]) П. Кн. М. Г., II, 1540, 1541; 1590, 1591.

ковъ были вообще значительно болѣе, чѣмъ надѣлы всякихъ другихъ ратныхъ людей. Мы встрѣчаемъ земельные участки, отведенные казакамъ, стрѣльцамъ, пушкарямъ, затинщикамъ, ямскимъ сотникамъ и—по одному разу—разсыльщикамъ и казеннымъ плотникамъ и рыболовамъ, причемъ о землѣ плотниковъ прямо сказано, что имъ земля отведена за хлѣбное жалованье; если какимъ нибудь людямъ отводилась и паханая пашня, и перелогъ или дикое поле, то иногда указано, посколько той и другой на человѣка, иногда же подобнаго замѣчанія нѣтъ, и дано лишь общее число четвертей той и другой земли. Всюду тутъ земля отводится на равныя три поля и тѣ цифры, какія мы будемъ приводить, всегда слѣдуетъ читать такъ: «столько-то въ полѣ, а въ дву по тому жъ». Нѣсколько разъ отмѣчено, что земли отведено нѣсколько болѣе, чѣмъ бы слѣдовало по расчету; лишняя земля носитъ тутъ названіе «примѣрной». Исключая три случая, гдѣ или наши свѣдѣнія не полны, или въ текстѣ есть какая нибудь ошибка, пропускъ [1]), мы видимъ, что пѣшіе стрѣльцы получали отъ 4 до $8^1/_4$ четвертей на человѣка, затинщики по 4, пушкари по 2 или по 4, ямскіе охотники отъ 7 до 10 четвертей; нѣсколько разъ указаны кромѣ пашенныхъ участковъ еще и сѣнокосные, иногда въ десятиахъ, но чаще въ количествѣ копенъ; но и тутъ видимъ значительное неравенство и обыкновенно люди, получавшіе болѣе пашни, получали больше и сѣнокосовъ. Казаки же получали отъ 20 до 40 четв. на человѣка и отъ 80 до 100 копенъ сѣна; всего приблизительно на 1300 казаковъ въ Епифани, Веневѣ и Дѣдиловѣ, нарѣзано было 38,571 ч. земли въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна (въ одной Епифани, слѣд., на 700 человѣкъ) 79,390 копенъ [2]). Казаки по-

---

[1]) Не принимаемъ мы въ расчетъ слѣд. три случая: въ описаніи Епифани упомянуто 85 стрѣльцовъ, а земли у нихъ указано только 90 четей (31 пашни паханой и 59 перелогу); въ Переяславской книгѣ упомянуто 28 пушкарей, а земли у нихъ оказывается 36 четей, и 13 ямщиковъ, а земли у нихъ 260 ч.; въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ земли приходится слишкомъ понемногу, а во второмъ—слишкомъ помногу; но мы не имѣемъ полнаго описанія Переяславля и потому этими цифрами не можемъ вовсе воспользоваться.

[2]) Вотъ всѣ данныя по этому вопросу, заключающіяся въ разбираемыхъ нами теперь книгахъ. Стрѣльцамъ въ Веневѣ «по государевѣ грамотѣ велѣно отдѣлити пашни: десятникамъ по 5 чет. человѣку, а рядовымъ стрѣльцамъ по 4 чети человѣку» (П. Кн. М. Г., II, 1540). Въ Пронскѣ было стрѣлецкой земли «обоего пашни и пер. и дикого поля 812 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ»; изъ этого числа дано стрѣльцамъ 70-ти человѣкамъ пашни пах.

лучали, слѣдовательно, земли чрезвычайно много; можно сказать безъ преувеличенія, что по количеству своихъ земель они были настоящіе пашенные крестьяне, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они несомнѣнно были и войскомъ, то слѣдовательно, мы видимъ здѣсь такъ сказать вооруженныхъ крестьянъ, т. е. то, что называютъ военными поселенцами; при очень большомъ числѣ казаковъ въ изучаемыхъ нами теперь городахъ мы можемъ указать это, какъ

367½ четей, по 5¼ четей человѣку, да перелогу и дик. поля 201¼ четь пятидесятникамъ по 4¾ чети человѣку, десятникамъ по 3¾ ч. человѣку, а рядовымъ стрѣльцамъ по 2¾ чети человѣку; «и обоего дано имъ пашни и пер. и дик. поля 569 ч. А недобраннымъ десяти человѣкамъ стрѣльцамъ оставлена пах. земля 150 ч., да пер. и дик. поля 86 ч., и обоего оставлено недобраннымъ стрѣльцамъ пашни и пер. и дик. поля 243 ч. (sic); да другіе сотни новоприборнымъ стрѣльцамъ пашни паханые, добр. земли... противъ тѣхъ же земель... 150 копенъ, (sic) да перел. и дикого поля... 662 чети. И обоего пашни и перелогу и дикого поля 812 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ. Изъ того числа дано стрѣльцамъ 45 человѣкамъ пашни паханые 67 ч., по четверти съ осминою человѣку, да пер. и дик. поля 302 ч. И обоего дано имъ 369 ч. А недоборнымъ стрѣльцамъ 55 человѣкамъ оставлено паханые (sic) 83 ч., да пер. и дик. поля 360 ч. И обоего 443 ч. Да въ Пронску жъ третьяго ста стрѣльцовъ, которыхъ не прибрано, пашни паханые... 100 ч., да пер. и дикого поля... 712 ч. И обоего, пашни и пер. и дик. поля 812 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ. Сѣна... ко всѣмъ стрѣлецкимъ землямъ 4900 копенъ. Да имъ же въѣзжать въ... лѣсъ, для дровъ и хоромнаго лѣсу про себя, а не на продажу. А приказаны тѣ земли, которыя недоборнымъ стрѣльцамъ всѣхъ трехъ сотенъ оставлены вѣдати и беречи до государева указа сотнику стрѣлецкому Ѳ. К. Новикову». (Ркп. 354, лл. 19—22). Въ описаніи земель второй сотни по опискѣ, какъ разъясняетя общимъ итогомъ, стоитъ «150 копенъ» вм. 150 четей. О земельномъ надѣлѣ стрѣльцамъ въ Переславлѣ читаемъ: «стрѣлецкія слободы Александровы сотни Антонова пашни паханые середніе земли, что была черная посадская земля... 560 чет. въ полѣ, а въ дву по томужъ, дву человѣкомъ пятидесятникомъ по 6 ч. съ осминою человѣку, а десятникамъ 8 человѣкамъ по 6 ч. съ осминою человѣку, а рядовымъ стрѣльцамъ 90 человѣкамъ по 5 четей». (Ркп. 354, л. 345); но тутъ тоже ошибка: если десять человѣкъ, пятидесятники и десятники, получили каждый по 6½ ч., т. е. всѣ 65 чет., то на остальныхъ 90 чел. приходится 495 чет., а на каждаго ровно 5½ а не 5 чет. О конныхъ стрѣльцахъ въ Епифани читаемъ: «слобода конныхъ стрѣльцовъ... въ ней 40 дв., а людей въ нихъ 41 чел. да 10 дв. пустыхъ; пашни въ полѣ добр. земли 100 четв. да дикого поля 300 четьи, и обоего пашни и дик. поля 400 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна по дик. полю 1100 коп.» — они получали еще и денежный оброкъ, указанный нами выше (П. К. Г., II, 1591). О пушкарскихъ земляхъ имѣемъ слѣд. данныя: въ Дѣдиловѣ было пушкарской «пашни паханые добр. з. 60 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, по 4 чети человѣку, сѣна 300 копенъ» (тамъ же, 1266); въ Пронскѣ «пушкарскіе земли, что имъ дано

характеристичную черту тогдашней колонизаціи южной окраины Московскаго государства. Это же обстоятельство объясняетъ намъ отчасти и поселеніе новоприборныхъ казаковъ, при существованіи свободныхъ земельныхъ участковъ, не на нихъ, а у другихъ ка заковъ, равно какъ и бобылей у нихъ же по дворамъ: это явленіе объясняется совершенно удовлетворительно тѣмъ же, чѣмъ и бо-

---

по государеву указу за хлѣбное жалованье, что осталося у Пронскихъ затинщиковъ сверхъ ихъ окладу 24 четьи въ полѣ, а въ дву по томужъ»; въ Переяславлѣ «пушкарскіе слободы пашни паханые сер. земли 36 ч. въ по... (вырвано)..» (ркп. 354, лл. 16 об., 345). Въ Епифани «пушкарскіе и затинщиковы пашни 31 ч. да дик. поля 59 ч., сѣна 600 копенъ» (П. Кн. М. Г., II, 1594)—но числа пушкарей и затинщиковъ тутъ невозможно опредѣлить. Затинщиковыхъ земель было: въ Пронскѣ «84 ч. въ полѣ а въ дву по томужъ»—(ркп. 354, л. 16 об.)—затинщиковъ тутъ было 21 чел.; въ Дѣдиловѣ — пашни пах. добр. з. 74 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, по 3 чети человѣку, да примѣрные земли 16 четей (П. Кн. М. Г., II, 1266). Но тутъ цифры не сходятся: затинщики въ Дѣдиловѣ были въ 23 дв.—23. 3 = 69, а между тѣмъ, тутъ, какъ будто бы, земли было 58 ч. (74—16); и очень трудно раскрыть, какъ возможно было бы свести эти цифры; наиболѣе естественнымъ кажется мнѣ предположеніе, что тутъ слово «примѣрная» земля надо принимать въ смыслѣ — «прибавленная еще», и допустить, что вм. «3» надо читать: «4 чети человѣку»; но и тогда цифры не сойдутся на два. Повидимому такъ же нужно понимать слово «примѣрная пашня» въ описаніи Дѣдиловской ямской слободы, гдѣ иначе земли приходится слишкомъ мало: тамъ 28 дв. охотничьихъ, людей въ нихъ тожъ, «пашни пах. добр. з. 130 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна 200 копенъ, примѣрные земли 92 ч., лѣсу вопче охотникамъ и Дѣдиловскимъ чернымъ посадскимъ людямъ... 14 дес.» (П. Кн. М. Г. II, 1267). О землѣ ямщиковъ въ Каширѣ, гдѣ въ слободѣ были прежде дв. ямской, м. слободчиково, 2 м. старостъ и 40 м. дв. охотничьихъ: «пашни ямскіе пер., что было дано слободчику, и охотникамъ, и дворникамъ, 240 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, ...сѣна ставится 1000 копенъ, по 20 копенъ на десятинѣ; а дано было имъ пашни слободчику 20 четьи, а сотникамъ и дворникамъ по 5 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, а лугу дано было слободчику 4 д., а старостамъ по 2 дес., а охотникамъ и дворникамъ по десятинѣ, да имъ же дано было на выпускъ»... (П. Кн. М. Г., II, 1302); въ описаніи Пронска читаемъ кратко: «да ямскихъ охотниковъ земли 100 ч.»; въ описаніи Переяславля: «ямскіе слободы охотничьей пашни паханые сер. земли 260 ч...» (вырвано) (ркп. 354, лл. 22, 345). О пашнѣ разсыльщиковъ читаемъ въ описаніи Дѣдилова: «дворы разсыльщиковы, всего 2 дв., людей въ нихъ тожъ, пашни пер. и дик. поля 10 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ, по 5 ч. человѣку» (П. Кн. М. Г., II, 1266); и наконецъ, въ книгѣ Пронска читаемъ: «да плотничьихъ земель, что имъ дано по государеву указу за хлѣбное жалованье, что осталося у затинщиковъ сверхъ ихъ окладу 34 ч. въ полѣ, а въ дву по томужъ» (ркп. 354, л. 16—17). Данныя о землѣ

въ заключеніе, что о нихъ рѣже встрѣчаемъ указанія, откуда они явились; а тѣ указанія, какія мы тутъ находимъ, указываютъ также на развитіе уже тутъ привычки къ бродяжничеству, ибо тутъ мы то видимъ приходцевъ изъ ближайшихъ мѣстностей, то читаемъ, что такіе-то люди ушли въ ближайшія же мѣста [1]); далѣе, какъ уже выше упомянуто, въ Тулѣ пять разъ ратный или служившій человѣкъ прибѣгалъ въ татарщину [2]), и наконецъ, по Тульской же книгѣ узнаемъ, что и въ ратные люди были направлены выходы изъ посадскаго сословія — такихъ бывшихъ посадскихъ людей встрѣчаемъ въ Тулѣ среди ратныхъ и служившихъ людей 15 человѣкъ [3]); на основаніи такихъ выходовъ въ кирпичники мы, между прочимъ, и признали кирпичниковъ за казенныхъ, ибо если бы они были просто посадскими же людьми - ремесленниками, то не приходилось бы людямъ, вступавшимъ въ ихъ число, выходить изъ сословія посадскихъ людей; государевыми же, а не чьими либо другими мы считали ихъ потому, что кирпичники и каменьщики чаще всего бывали именно казенными, да къ тому же въ Тулѣ не было никакого столь крупнаго владѣльца, который могъ бы имѣть столько собственныхъ кирпичниковъ.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ никакихъ чертъ и фактовъ для сколько нибудь болѣе точнаго объясненія бобыльства на землѣ Дѣдиловскихъ казаковъ; замѣтимъ только, что въ текстѣ бобыли описываются на землѣ не всей казачьей общины, а отдѣльныхъ казаковъ—мы читаемъ всегда такъ: «да у него же во дворѣ бобыль...»; при описаніи одного бобыльскаго двора читаемъ, что онъ пустъ, такъ какъ его бывшій владѣлецъ служитъ въ сторожевыхъ казакахъ, гдѣ и дѣйствительно его находимъ.

Свѣдѣній о духовенствѣ и церквахъ въ разсматриваемыхъ книгахъ сравнительно немного; о черномъ духовенствѣ почерпаемъ ихъ только изъ книгъ Тулы и Переяславля. Въ описаніи Тулы находимъ свѣдѣнія о числѣ братіи въ Предтечинскомъ монастырѣ, узнаемъ, что въ Тулѣ-городѣ были дворы: этого монастыря, Никольскаго Веневскаго монастыря и владыки Коломенскаго; въ каж-

---

[1]) Алексинцевъ тутъ было 3 (2 въ Т., 1 въ Д.), Торушенъ 1 (въ Д.), Рязанцевъ 1 (въ Пр.), Вышгородцевъ 1 (въ Пер.), Переяславцевъ 1 (въ Пр.), Боровитиновъ 1 (въ Т.), Бѣжечанъ 1 (въ Д.), Лучанъ 1 (въ Д.); изъ Дѣдилова одинъ «сшелъ въ Епифань», другой «сталъ въ стрѣльцы на Воронежѣ», третій—«сшелъ за Шатъ» и пятеро сошли безвѣстно.

[2]) Стрѣлецъ, пушкарь, затинщикъ, кирпичникъ и охотникъ.

[3]) 4 затинщика, 5 казаковъ, 2 пушкаря, 2 воротника и 2 охотника.

домъ изъ этихъ трехъ дворовъ жилъ дворникъ, во дворѣ Никольскаго монастыря—дворникъ изъ ихъ села изъ Новоселокъ; затѣмъ была еще на посадѣ въ Тулѣ слободка, въ которой жили «Предтечинскаго монастыря крестьяне, пашенные и торговые люди»—всего въ 14 дв. 16 человѣкъ; изъ нихъ 9 отмѣчены ремесленниками, одинъ пашеннымъ человѣкомъ, одинъ торговымъ человѣкомъ, о двоихъ сказано, что они торгуютъ, объ одномъ—что онъ казакуетъ, шестеро—прихожіе; затѣмъ, въ числѣ владѣльцевъ лавокъ встрѣчаемъ еще двухъ крестьянъ Предтечинскаго монастыря и одного крестьянина и одного слугу игумена этого же монастыря. Въ отрывкѣ Переяславской книги мы читаемъ конецъ описанія архіепископской слободки; по итогу мы узнаемъ, что въ ней было всего—«всякихъ дворовъ людей дѣтей боярскихъ, и пѣвчихъ дьяковъ, и прикащиковъ, и конюховъ, и истобниковъ, и поваровъ, и пивоваровъ, и солодовниковъ, и бобыльскихъ дворцевъ 63 дв., а людей въ нихъ тожъ, да 5 дв. пустыхъ»; земли у архіепископской слободки было «пашни пах. сер. земли 79 чет. съ полуосминою, да наѣздные пашни, что пашутъ на архіепископа 110 ч. съ осминою, и обоего 190 ч. безъ полуосмины въ полѣ, а въ дву по тому жъ. А сошнаго письма въ живущемъ полполтрети и полполполчети сохи и недошло въ сошное письмо одной чети безъ третника. А въ пустѣ, въ наѣзжей пашнѣ, что пашутъ на архіепископа четь безъ полполчети и полполполтрети сохи. Да Архіепископля жъ мельница» [1]). Мы имѣемъ въ нашемъ отрывкѣ перечисленіе только послѣднихъ 59 дворовъ; между ними 3 дв. дѣтей боярскихъ, 1 дворъ дьяка, 1 подьячаго, 1 прикащика, 1 недѣльщика, въ 18 дв. бобыли, въ 1—вдова; два двора описаны на полинявшихъ мѣстахъ, такъ что прочесть о нихъ невозможно; остальные 31 чел.—совершенно какъ въ Казани—дворня [2]); приходцами между ними не означено ни одного; торговали изъ числа архіепископскихъ слобожанъ и крестьянъ 21 чел.. Относительно бѣлаго духовенства можемъ сказать, что священнослужители жили около церквей на церковной землѣ «во дворахъ»; кромѣ такихъ дворовъ, въ Тулѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые священники и дьяконъ собора имѣли еще помѣ-

---

[1]) Ркп. 354, лл. 343—344, 345.

[2])

Конюховъ 7,	сапожниковъ ... 2,	рыболововъ 1,
истопниковъ ... 3,	портныхъ маст.. 2,	плотниковъ 1,
поваровъ 3,	хлѣбниковъ 1,	серебр. маст. ... 1,
солодовниковъ .. 3,	водовозовъ 1,	извощиковъ 1,
мельниковъ 3,	пивоваровъ 1,	цѣловальниковъ. 1.

щенія въ городѣ: соборный протопопъ, соборный дьяконъ и соборные дьячекъ съ проскурницей имѣли въ городѣ три двора, при чемъ на дворѣ протопопа жилъ дворникъ черный старецъ; затѣмъ, многіе другіе имѣли клѣти, стоявшіе на мѣстѣ бывшаго двора поповскаго [1]). Не ясно, что это, собственно говоря, значитъ; пови димому, надо понимать это замѣчаніе такъ, что былъ прежде дворъ, общій для всѣхъ священниковъ,—конечно, на случай осады,—а потомъ этотъ дворъ былъ замѣненъ отдѣльными клѣтями,

[1]) Ркп. Q, IV, 338, лл. 53 — 54: «Противъ Архангела Гаврила клѣти поповскія, что бывалъ дворъ поповскій же: клѣть Воскресенскаго попа Онуфрія Малафѣева, клѣть Воскресенскаго жъ дьякона Ѳадѣя Терентьева, клѣть соборнаго попа Воздвиженскаго Олоферья Ѳомина, да придѣльнаго Никольскаго попа клѣть Василья Игнатьева, да съ посаду Фроловскаго попа клѣть Исая Васильева, да Спасскаго попа съ Рогожни клѣть Гаврила Михайлова» и т. д. Мы продолжили эту выписку потому, что въ этомъ мѣстѣ у Калачева (П. Кн. М. Г., II, 1085) невѣрно разставлены знаки препинанія, благодаря чему совершенно исказился смыслъ этого мѣста. Именно, въ его изданіи читаемъ: «Противъ Архангела... кл. Воскресенскаго попа; кл Воскресенскаго жъ дьякона; кл. соборнаго попа Воздвиженскаго *да придѣльнаго Никольскаго попа; кл. Василья Игнатьева да съ посаду Фроловскаго попа; кл. Исая Васильева да Спасскаго попа съ Рогожни*; *кл. Гаврила Михайлова да Юрьевскаго попа со Ржавца; кл. Гаврила Тиханова да Рождественскаго попа съ Сѣжи*; *кл. Остафья Иванова.* Да задъ теплые церкви Успенья Пречистыя соборныхъ Архангельскихъ поповъ клѣти: кл. соборнаго попа да *предѣльнаго попа; кл. соборнаго дьякона; кл. Семена Елизарьева;* да посадскихъ поповъ клѣти: кл. Спасскаго попа *да Пятницкаго попа ружнаго; кл. Зотика Ерофѣева да Никитскаго попа*; *кл. Ивана Ѳедосьева да Пречистенскаго попа*; *кл. Іева Елизарьева да Богоявленскаго попа*; *кл. Семена Назарьева*». При такомъ чтеніи выходитъ, что у клѣтей, за исключеніемъ пяти, по два владѣльца и притомъ, что нѣсколько разъ владѣютъ клѣтями какіе то не духовныя лица, а между тѣмъ каждая клѣть принадлежала въ дѣйствительности одному владѣльцу и всегда—лицу духовному. Что наше чтеніе правильно доказывается тѣмъ, что въ двухъ мѣстахъ еще упомянутъ «соборный дьяконъ Семенъ Елизарьевъ» (П. Кн. М. Г. II, 1080 и 1094; ркп. Q, IV, 338, лл. 32 и 87), причемъ разъ его имя напечатано и у Калачева («а въ Соборѣ служатъ протопопъ Дементій, да попъ Давыдъ, да попъ Замятня, да дьяконъ Семенъ Елизарьевъ» П. Кн. М. Г., II, 1080), а другой разъ выпущено, какъ и вообще Калачевъ выпускалъ въ своемъ изданіи много собственныхъ именъ; но странно что, допуская такую разстановку здѣсь знаковъ препинанія, онъ не замѣтилъ возникающаго такимъ образомъ и противорѣчія въ самой книгѣ, ибо книги всегда указываютъ имена собственныя владѣльцевъ, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, конечно, когда имена ихъ неизвѣстны, но за то все, гда прямо и оговариваютъ это. Вообще, эти пропуски собственныхъ именъ влекутъ за собою многія неудобства при пользованіи книгами, что мы уже указывали и выше, и число примѣровъ чего легко бы можно было увеличить.

розданными отдѣльнымъ священнослужителямъ. Всего тутъ, въ городѣ, на мѣстѣ бывшаго поповскаго двора имѣли клѣти 14 священниковъ и 1 дьяконъ, и еще 1 священникъ имѣлъ клѣть вмѣстѣ съ кирпичникомъ. Какъ и во многихъ другихъ городахъ, и тутъ мы не находимъ среди духовныхъ ни ремесленниковъ, кромѣ иконниковъ, ни торговцевъ; только въ Переяславлѣ принимали участіе въ торговлѣ три попа, дьяконъ и пономарь. Въ этихъ городахъ мы находимъ сравнительно не мало людей, такъ или иначе зависимыхъ отъ церкви, особенно нищихъ, о которыхъ всегда говорится—«живутъ въ кельи, а питаются отъ церкви Божіей»—въ Тулѣ находимъ ихъ въ 32 кельяхъ, причемъ нужно еще помнить, что не всѣ церкви описаны въ имѣющихся у насъ частяхъ Тульской книги, въ Дѣдиловѣ—въ 25, въ Каширѣ—въ 1, въ Веневѣ—въ 12, въ Епифани—тоже въ 12 и въ Пронскѣ—въ 27 кельяхъ; кромѣ нищихъ встрѣчаемъ еще въ Тулѣ у одной церкви черкашенъ въ 6 дворахъ: собственно говоря, книга должна была описать ихъ подробно, какъ сама свидѣтельствуетъ, въ описаніи ихъ слободы [1]), но листовъ съ описаніемъ ея не сохранилось; въ числѣ владѣльцевъ лавокъ встрѣчаемъ 9 черкашенъ; затѣмъ, въ Тулѣ, въ числѣ владѣльцевъ лавокъ было 8 крестьянъ разныхъ церквей и даже прямо—разныхъ поповъ, и 5 старцевъ разныхъ церквей, а въ описаніи посада находимъ еще у нѣсколькихъ церквей на церковной землѣ 9 чел. разныхъ ремесленниковъ [2]); въ Каширѣ, какъ мы видѣли, почти всѣ, находившіеся на лицо люди, жили на церковной землѣ; къ сожалѣнію, на основаніи извѣстныхъ намъ книгъ, мы не можемъ сдѣлать точныхъ выводовъ о ихъ положеніи; въ Тульской книгѣ о нихъ нѣтъ никакихъ замѣчаній, въ Каширской же читаемъ, что всѣ они платили оброкъ государю; но такъ какъ Кашира описана не въ обыкновенномъ своемъ состояніи, а послѣ страшнаго татарскаго разоренія, то мы и не можемъ сказать съ увѣренностью во 1), жили ли эти люди и раньше, до разоренія города, на церковной землѣ, или поселились на ней только послѣ разоренія — въ такомъ случаѣ, вѣроятно, въ виду какой нибудь льготы, и во 2)— люди, жившіе на церковной землѣ, всегда ли избавлены были отъ тягла и обложены, какъ здѣсь, оброкомъ, или это только на первое время, пока людей тутъ было еще слишкомъ мало, подобно тому, что видѣли мы въ Псковскихъ пригородахъ.

---

[1]) П. Кн. М. Г., II, 1094—1095.
[2]) П. Кн. М. Г., II, 1089, 1090, 1091.

Въ Судебникѣ было, во всякомъ случаѣ, запрещеніе посадскимъ торговымъ людямъ жить при церквахъ—значитъ, поселеніе ихъ тамъ было невыгодно для правительства; изъ сейчасъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что это не было особенно строго соблюдаемо, и что люди, жившіе и на церковныхъ земляхъ, часто платили государству.

Ругу, денежную и хлѣбную, мы встрѣчаемъ здѣсь всего 3 раза — въ Тулѣ священнослужителямъ собора, и въ Каширѣ — священнослужителямъ собора и еще одной церкви и при томъ мы видимъ тутъ только ругу священнослужителямъ, о ругѣ же церковной ни разу неупомянуто; въ Тулѣ руга ниже, въ Каширѣ значительно выше, чѣмъ мы видѣли ранѣе [1]). Но насколько рѣдко видимъ мы тутъ ругу деньгами или хлѣбомъ, настолько же часто встрѣчаемъ земельные участки у церквей: мы находимъ землю у большинства церквей всѣхъ городовъ этой области, за исключеніемъ Тулы, въ описаніи которой мы не находимъ такихъ свѣдѣній, вѣроятно, вслѣдствіе неполноты книги. Земля была тутъ въ Дѣдиловѣ у шести церквей изъ всѣхъ восьми, въ Каширѣ — у семи изъ тринадцати, въ Веневѣ и Епифани у всѣхъ семи, въ Пронскѣ у шести изъ восьми; въ отрывкѣ Переяславской книги упомянуты земельные участки двухъ церквей. Участки церковной земли очень неравномѣрны; всего больше у одной церкви (въ Переяславлѣ)—36 четей, есть у иныхъ 35, въ Епифани у всѣхъ церквей по 30, но есть у одной церкви (въ Каширѣ) и 3 чети, всегда въ полѣ, а въ дву по тому жъ; всего церковной пашни тутъ, паханой земли и пере-

---

[1]) «А руги къ тѣмъ храмамъ (собору въ Тулѣ) государевы идетъ: протопопу съ году на годъ 4½ р. денегъ, да 20 ч. ржи, да 20 ч. овса, да двумъ попомъ по 2½ р. денегъ, да хлѣба по 12 ч. ржи, по 12 ч. овса, да дьякону 2½ р. денегъ, да 9 ч. ржи, 9 ч. овса, да имъ же даютъ за соль за 23 пуда по 10 д. за пудъ; пономарю да проскурницѣ по полтинѣ денегъ человѣку, да по 6 ч. ржи да по 6 ч. овса, да проскурницѣ на просвиры въ соборъ 4 ч. пшеницы, да въ придѣлъ 2 ч. пшеницы»; въ Каширѣ «Успенскому протопопу на соборъ государева жалованія было руги на годъ 15 р. денегъ, да 50 ч. ржи, 50 ч. овса, а попу 12 р. денегъ, да 30 ч. ржи, да 30 ч. овса, да дьякону 6 р. денегъ, да 20 ч. ржи, да 20 ч. овса, а проскурницѣ 12 ч. ржи, 12 ч. овса, да пономарю 6 ч. ржи, 6 ч. овса, да попу жъ на годъ на свѣчи по пуду воску, да на просвиры и на кутью по 6 ч. пшеницы»; въ томъ же размѣрѣ, какъ соборный священникъ, получалъ ругу и священникъ ц. Петра Чудотворца, единственный изъ служителей ея, получавшихъ ругу; въ описаніи Каширы читаемъ еще: «а деньги имали къ ружнымъ храмамъ на Каширѣ изъ таможенныхъ денегъ»—П. Кн. М. Г., II, 1080, 1300.

логу, 530 четей и 1,765 копенъ сѣна [1]). Самое обозначеніе этихъ земель не одинаково: то читаемъ «пашни церковной», то «пашни поповской», и не рѣшаемся утверждать, обозначало это одно и тоже, или нѣтъ; въ Псковѣ, какъ мы видѣли, въ распоряженіи церковнымъ имуществомъ играли главную роль церковные старосты и прихожане, а не священнослужители.

Мы разсмотрѣли теперь данныя о жителяхъ всѣхъ состояній въ городахъ южной окраины Московскаго государства; здѣсь никакихъ переведенцевъ изъ другихъ городовъ, подобныхъ Казанскимъ, и никакихъ инородцевъ, кромѣ черкашенъ, мы не видѣли, но о положеніи этихъ черкашенъ не имѣемъ никакихъ, сколько нибудь ясно рисующихъ ихъ положеніе, данныхъ; поэтому, мы заканчиваемъ уже эту послѣднюю главу описанія отдѣльныхъ городовъ XVI в. и остановимся еще только на данныхъ о торговлѣ и ремесленной дѣятельности населенія этихъ городовъ; но въ виду незначительности или чрезвычайной неполноты въ этомъ отношеніи нашихъ свѣдѣній обо всѣхъ городахъ, кромѣ Тулы, мы и остановимся на разсмотрѣніи данныхъ книги только этого города.

Общее число ремесленниковъ, упомянутыхъ въ описаніи Тулы— 216 чел. и еще 27 казенныхъ кузнецовъ, плотниковъ и кирпичниковъ. Не считая казенныхъ [2]), мы находимъ, что ремесленники составляли 25,4% всего числа записанныхъ въ книгу людей. Разсматривая ремесленниковъ по принятымъ нами четыремъ группамъ, находимъ, что къ первой группѣ относится 70 чел., или 32,4% всего числа ремесленниковъ, ко второй—74 чел., или 34,2%, къ третьей — 43, т. е. 19,9% и къ четвертой — 29, или 13,5%. По процентному отношенію къ общему числу ремесленниковъ цифры третьей и четвертой группы здѣсь чрезвычайно близки къ цифрамъ тѣхъ же группъ въ Казани и Свіяжскѣ, а цифры первой и второй отступаютъ отъ цифръ тѣхъ же группъ въ Казани и Свіяжскѣ [3]). Различныхъ названій ремеслъ тутъ до 50 [4]). Между ре-

---

[1]) Въ Дѣдиловѣ церквамъ принадлежало земли 68 четей и сѣна 135 копенъ, въ Каширѣ—земли 106 четей и сѣна 708 копенъ, въ Веневѣ — 35 четей и 100 копенъ, въ Епифани—180 четей и 600 копенъ, въ Пронскѣ — 95 четей земли и въ Переяславлѣ—46 четей и 50 копенъ.

[2]) Потому, что бо́льшее или меньшее количество таковыхъ ремесленниковъ зависитъ не отъ потребностей населенія, а отъ государственныхъ потребностей и распоряженій правительства.

[3]) Это отступленіе произошло главнымъ образомъ отъ непропорціонально большого здѣсь числа сапожниковъ, которыхъ тутъ было 35 чел.

[4]) Вотъ списокъ ремесленниковъ въ Тулѣ:

месленниками всего болѣе дворниковъ—они дали въ общее число ремесленниковъ 72,5%; сравнительно съ ними ратные и черные люди принимаютъ въ ремесленной дѣятельности уже незначительное участіе; ремесленная дѣятельность тутъ находится, слѣдовательно, не въ рукахъ собственно посадскаго населенія, а въ рукахъ людей, зависимыхъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Разсматривая данныя о торговлѣ мы будемъ считать двѣ скамьи или два шалаша за лавку, потому что такъ, по величинѣ оброка, считаетъ и книга, и такимъ образомъ будемъ говорить прямо о числѣ однообразныхъ торговыхъ заведеній. Всего чернымъ людямъ принадлежало въ Тулѣ 74 торговыя заведенія, или 23,87% общаго ихъ числа, ратнымъ и служившимъ—114, т. е. 36,78%, дворникамъ и крестьянамъ частныхъ лицъ—84 (69 и 15), т. е. 27,1%, людямъ зависѣвшимъ отъ церкви—24, или 7,74%; остальныя торговыя заведенія (4,61%) или не могутъ быть опредѣленно приписаны тому или другому сословію по ветхости подлинника, или при-

---

хлѣбниковъ	15,	пастуховъ	4,
мясниковъ	15,	гвоздочниковъ	3,
пирожниковъ	12,	иконниковъ	3,
калачниковъ	7,	токарей	2,
масляниковъ	7,	сѣдельниковъ	2,
рыбниковъ	4,	ножевниковъ	1,
солодовниковъ	3,	свѣчниковъ	1,
квасниковъ	3,	гончаровъ	1.
сытниковъ	2,	дегтярей	1,
солениковъ	1,	колесниковъ	1,
овсяниковъ	1,	котельниковъ	1,
сапожниковъ	35,	гребенниковъ	1,
портныхъ мастеровъ	15,	казаковъ	11,
кожевниковъ	12,	скомороховъ	3,
полстоваловъ	5,	извощиковъ	2,
овчинниковъ	3,	конюховъ	2,
красильниковъ	3,	мыльниковъ	2,
сыромятниковъ	2,	ерыжныхъ	1,
скорняковъ	1,	золотарей	1.
шапошниковъ	1,	банниковъ	1,
кузнецовъ	16,	барышниковъ	1,
плотниковъ	24,	коровниковъ	1,
кирпичниковъ	9,	мельниковъ	1,
льяниковъ	1,	струнниковъ	1,
гудочниковъ	1,		

Кирпичники всѣ казенные, въ числѣ кузнецовъ 2 казенныхъ, въ числѣ плотниковъ—16 казенныхъ.

надлежатъ дворникамъ духовныхъ, охотникамъ или приходцамъ, никакъ точнѣе необозначеннымъ. Распредѣленіе лавокъ между разными сословіями здѣсь значительно отличается отъ распредѣленія въ другихъ городахъ, главнымъ образомъ—вслѣдствіе присутствія тутъ дворниковъ. Главная масса торговыхъ заведеній принадлежала тутъ ратнымъ людямъ. Но опредѣлить, какое сословіе болѣе всѣхъ, сравнительно съ числомъ своихъ членовъ, занимается торговлею, мы не можемъ, такъ какъ не имѣемъ перечисленія всѣхъ жителей Тулы. Тульская книга представляетъ особенно интересныя данныя о предметахъ торга. Изъ всего числа 247 перечисленныхъ въ книгѣ лавокъ предметы торга указаны въ 218 [1]). Изъ этихъ 218 лавокъ однимъ какимъ нибудь товаромъ торговали въ 181 л., двумя—въ 35, тремя—въ одной и въ одной же—четырьмя; часто въ одной лавкѣ продавались совершенно различные товары—напр. медъ и рыба, медъ и сельди, медъ и соль, медъ и желѣзо, шапки и яблоки и т. п. Мы приведемъ списокъ всѣхъ предметовъ, которыми шла здѣсь торговля въ лавкахъ, причемъ укажемъ, и во сколькихъ именно лавкахъ каждымъ торговали; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ лавкахъ торговали не однимъ, а нѣсколькими товарами, то мы будемъ считать, что въ такихъ лавкахъ каждаго товара продается вдвое менѣе, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ торговали лишь однимъ товаромъ. Такой расчетъ, конечно, только приблизителенъ, но онъ является единственно возможнымъ при отсутствіи всякихъ болѣе точныхъ данныхъ; къ тому же, какъ сейчасъ увидимъ, одни товары отличаются отъ другихъ по числу лавокъ, занимаемыхъ ими, настолько рѣзко, что такая неточность ничего не значитъ. Мясо составляло предметъ торговли въ 72 лавкахъ, соль—въ 31, кожи—въ 12, медъ—въ 10, рыба—въ 10, горшки, желѣзо, сапоги—въ 8, кожевенные товары, сельди—въ 5; по 4 лавки заняты были продажею масла, солода, суконъ; по 3 лавки торговали сермягами, мыломъ, ножами, калачами; по двѣ лавки торговали хлѣбами, москотиньемъ, крашенинами, серьгами, овчинами, лаптями, платьемъ, шубами, ложками, ставцами, образами, и наконецъ—по одной лавкѣ торговали пирогами, свѣчами, льномъ, подошвами, окончинами, уздами, шапками, ремнями, шелкомъ, крупами, горо-

[1]) Предметы торга не указаны во всѣхъ 27 лавкахъ, хозяева которыхъ только прибѣгали въ татарщину, объ одной лавкѣ нельзя разобрать по причинѣ ветхости подлинника и еще относительно одного амбара почему-то нѣтъ такого указанія.

хомъ, хмѣлемъ и яблоками [1]). Изъ скамей на 17 торговали «хлѣбомъ и калачами, и всякимъ товаромъ», всѣ 13 шалашей были «ѣстовые»; въ числѣ скамей же описаны 13 «лубенокъ москотинныхъ», на остальныхъ 88 скамьяхъ торговали «всякими товарами»,—такимъ образомъ, наши свѣдѣнія о предметахъ торга на скамьяхъ въ Тулѣ очень неопредѣленны, но вообще эти данныя о предметахъ торговли намъ кажутся очень интересными для характеристики тогдашняго быта. Главное мѣсто въ торговлѣ занимали, какъ мы видимъ, предметы первой необходимости и преимущественно питанія; заслуживаетъ вниманія, что торговля мясомъ составляла, по крайней мѣрѣ по числу лавокъ, почти четвертую часть всей торговли; далѣе, не было вѣроятно недостатка и въ соли, если ею торговали въ 30 лавкахъ, а извѣстно, что даже въ XVIII в. правительство неоднократно затрудняемо было недостаткомъ соли; никакихъ почти предметовъ роскоши въ торговлѣ тутъ не было-изъ массы дорогихъ заграничныхъ товаровъ, провозившихся тогда черезъ Московское государство съ запада и сѣвера на юго-востокъ и обратно, ничего не обращалось среди массы населенія Московскаго государства; только въ одной лавкѣ торговали шелкомъ, да и то вмѣстѣ съ сукномъ. Вообще предметы торга въ лавкахъ можн; сгруппировать такъ: торговля предметами питанія составляла 66% всей мѣстной постоянной торговли, причемъ торговля мясомъ соо ставляла болѣе 30%; торговля одеждою и ея принадлежностями составляла 18,2%, торговля предметами домашней утвари—8,4% и наконецъ такими предметами, какъ желѣзо, мыло, москотинье, свѣчи, серьги, шелкъ—7,4%. Сгруппировать также данныя о торгѣ на скамьяхъ—нельзя, по причинѣ слишкомъ общаго обозначенія ихъ; во всякомъ случаѣ очевидно, что присоединеніе данныхъ и о скамьяхъ увеличитъ особенно % торговли предметами питанія и затѣмъ торговли москотиньемъ.

Вотъ и всѣ, сколько-нибудь цѣнныя, по нашему убѣжденію, данныя изъ писцовыхъ книгъ окраинныхъ городовъ Московскаго государства. Мы окончили теперь наше изученіе положенія отдѣльныхъ городовъ; до сихъ поръ намъ приходилось почти исключительно придерживаться писцовыхъ книгъ, ибо въ другихъ источникахъ мы находимъ очень немного данныхъ, которыми можно

---

[1]) Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было бы, собственно говоря, обозначить, что тотъ или другой товаръ составляетъ предметъ торга въ $2^1/_2$, въ $1^1/_2$ или въ $^1/_2$ лавкѣ, мы добавляли до полной цифры.

было бы восполнить наши свѣдѣнія прямо о томъ или другомъ, нами изучавшемся городѣ; теперь же, въ послѣдней главѣ, мы постараемся изобразить положеніе вообще города Московскаго государства въ XVI в., на основаніи добытыхъ нами выше результатовъ и многихъ данныхъ, заключающихся въ другихъ источникахъ.

ГЛАВА VII.

Общій очеркъ положенія городовъ Московскаго государства въ XVI в.

Въ предыдущихъ главахъ мы разсмотрѣли данныя болѣе чѣмъ о сорока городахъ Московской Руси въ теченіе XVI в.; поставили себѣ цѣлью изслѣдованіе преимущественно соціально экономическихъ отношеній въ тогдашнее время, очень мало еще изученныхъ, и положивши въ основу своего изслѣдованія источникъ, почти вовсе еще неразработанный, мы должны были часто приводить въ самомъ текстѣ своего труда множество отдѣльныхъ фактовъ, для разъясненія или въ подтвержденіе того или другого положенія, подсчитывать цифровыя данныя и процентныя отношенія, часто останавливаться на разборѣ того или другого вопроса пропорціонально не степени его важности, а большей или меньшей ясности свѣдѣній о немъ или большему или меньшему числу подробностей, оказывавшихся въ нашемъ распоряженіи. Все это не могло не отозваться невыгодно на цѣльности представленія о положеніи вообще русскихъ городовъ въ XVI в., какое могло составиться у читателя. Теперь мы постараемся восполнить этотъ недостатокъ и представить самый общій очеркъ городовъ XVI в.; не останавливаясь уже ни на какихъ изслѣдованіяхъ, ни на какихъ частностяхъ, мы просто перескажемъ теперь тѣ выводы, какіе добыты нами тщательнымъ разборомъ писцовыхъ книгъ въ предыдущихъ главахъ, конечно, пользуясь для разъясненія и дополненія данными и другихъ источниковъ. Мы не скрываемъ отъ себя неполноты и недостаточности этого очерка во многихъ отношеніяхъ; но думаемъ, что все-таки онъ будетъ полнѣе, точнѣе и, такъ сказать, фактичнѣе, чѣмъ другіе доселѣ сдѣланные, главнымъ образомъ благодаря лежащему въ его основѣ источнику.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права уже установленъ фактъ, что въ области права тогда не было никакихъ сколько-нибудь важныхъ различій между черными людьми—жителями городовъ и черными людьми деревень и селъ; а такъ какъ большинство населенія тогдашнихъ городовъ составляли люди низшаго класса, то въ юридическомъ отношеніи различіе между городомъ и деревней или совершенно не существовало, или было очень незначительно [1]); мы вполнѣ признаемъ также, что тогда существовала весьма близкая и тѣсная связь между городомъ и его уѣздомъ—эта связь ясно выражалась и въ томъ, что тогда городъ былъ не только административнымъ, но и торговымъ центромъ довольно обширнаго района, и въ томъ, что многія села имѣли по городамъ свои дворы; наконецъ сознаніе этой связи такъ ясно выражено было служилыми людьми Торопца и др. пограничныхъ городовъ, говорившими на соборѣ 1566 года: «И тому ся стати мочно ли, чтобъ городу быти безъ уѣзда? Ано и село и деревни безъ поль и безъ угодій не живутъ, а городу какъ быти безъ уѣзда?» [2]) Но, признавая все это, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень далеки отъ согласія съ мнѣніемъ, что характеръ городской жизни вовсе не отличался, или отличался очень мало отъ жизни деревенской [3]). Если тутъ и была, главнымъ образомъ, разница не качественная, а количественная [4]), т. е., если мы и находимъ въ городахъ, какъ въ селахъ, жителей съ одними и тѣми же правами и обязанностями, а частью даже и занимавшихся одинаково земледѣліемъ и ремеслами, такъ что только размѣры поселеній и большее или меньшее развитіе того или другого рода занятій жителей отличало городъ отъ деревни, то во всякомъ случаѣ, и такая количественная разница была тутъ на столько значительна, что даетъ намъ полное право разсматривать положеніе городовъ отдѣльно отъ изученія

---

[1]) См. *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, т. I, 146, 147, 149—150; *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, 660; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества на организацію государства, 78, 83.

[2]) См. выше стр. 62, 192; въ огромномъ большинствѣ разсмотрѣнныхъ нами городовъ мы видѣли торговлю въ довольно значительныхъ размѣрахъ—а въ то время, если былъ уже въ какой-нибудь мѣстности торгъ, то другихъ по близости заводить уже не разрѣшалось—см. напр. А. А. Э., I, №№ 342, 362, 1588—1595 гг. Выше мы видѣли нѣсколько разъ дворы дворцовыхъ селъ прикащиковъ; особенно же много упоминаній о городскихъ дворахъ селъ—С. Г. Гр. и Д., I, №№ 86, 87, 136, 144 и др. 1462—1504;—С. Г. Гр. и Д., I, № 192, 1566.

[3]) *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 83.

[4]) *Градовскій*, Исторіи мѣстнаго управленія, 147.

положенія селъ и деревень. Мы окончательно убѣдимся въ этомъ, какъ только соберемъ черты тогдашнихъ сельскихъ, деревенскихъ поселеній.

Преобладающимъ типомъ деревенскихъ поселеній были тогда поселки въ 3—4 двора, причемъ поселки въ два двора и даже въ одинъ попадались не рѣже, чѣмъ поселки въ 5, 6 и болѣе дворовъ [1]); совершенно ясныя указанія писцовыхъ книгъ и другихъ источниковъ дѣлаютъ это несомнѣннымъ, такъ что слова одного иностранца, будто бы онъ видѣлъ на сѣверѣ Россіи селенія въ нѣсколько верстъ длиною [2]), надо, по всей вѣроятности, объяснять тѣмъ, что онъ принялъ за одну большую деревню рядъ отдѣльныхъ деревень; и если это указываетъ все-таки на довольно большое количество деревень, лежавшихъ вблизи одна отъ другой, то несомнѣнно, что такъ было не вездѣ, а что, напротивъ, такія гнѣзда селеній были расположены не часто—имѣемъ, напримѣръ, указанія, что верстъ 20 до ближайшаго села съ торгомъ не считалось далеко [3]). Такія маленькія деревеньки группировались около какого нибудь села, уѣздомъ котораго онѣ прямо и назывались [4]); но и такія села рѣдко имѣли болѣе 30—40 дв., а села дворовъ въ 80—100 считались единицами на тысячи поселковъ

[1]) Такое же замѣчаніе у *Соловьева*, т. V, 217, у *Соколовскаго*, Экономическій бытъ, 20; то же говоритъ *Чичеринъ* въ Очеркѣ историческаго развитія сельской общины въ Россіи и *Бѣляевъ* въ изслѣдованіи о крестьянахъ. Мы взяли изъ I и II т. Писц. Книгъ М. Гос. итоги селеній и дворовъ въ нихъ въ уѣздахъ Бѣлоозерскомъ, Сольгалицкомъ, Костромскомъ, Суздальскомъ, Муромскомъ, Переяславскомъ (Залѣсскомъ), Юрьевецкомъ, Владимірскомъ, Дмитровскомъ и Орловскомъ (для нѣкоторыхъ, впрочемъ, напечатаны описанія лишь земель Троицкаго монастыря) и нашли въ нихъ, 1,063 селенія, въ нихъ 5,946 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и еще 1,100 съ небольшимъ дворовъ всякихъ другихъ людей; такимъ образомъ на поселеніе, среднимъ числомъ, приходится всего по 6,6 дв., а однихъ крестьянскихъ по 5,6 дв. Если же исключить до 30 большихъ селъ, заключавшихъ до 880 дв. (два наиболѣе значительныя села—въ 80 и 95 дв.—мы замѣтили въ Юрьевецкомъ уѣздѣ), то на остальныя придется въ среднемъ даже нѣсколько менѣе чѣмъ по 5 дв., крестьянскихъ. Изъ Новгородскихъ писцовыхъ книгъ мы наудачу взяли въ пяти мѣстахъ по 30 страницъ описанія и тутъ насчитали въ 394 селеніяхъ 1303 дв. т. е. въ среднемъ по 3,3 дв. на селеніе; дѣлая же расчетъ сразу изъ всѣхъ указанныхъ данныхъ, получаемъ въ среднемъ на селеніе по 4,4 дв.

[2]) Свидѣтельство Флетчера, *Ключевскаго*, Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 167.

[3]) А. А. Э., I, №№ 342, 362.

[4]) См. напр. *Пискарева*, Грамоты и акты Рязанскаго края, № 2, 1409—1456.

болѣе мелкихъ. Жители деревни занимались преимущественно земледѣліемъ, частью рыболовствомъ и охотою; ремесла же и промышленность въ деревняхъ едва существовали [1]), и, при почти повсемѣстномъ тогда подсѣчномъ способѣ хозяйства, сельчане вели жизнь, можно думать, почти полукочевую—выпахавши подсѣку на одномъ мѣстѣ, они на время поселялись на другое: масса покинутыхъ и обратившихся въ пустоши деревень, рядомъ съ большимъ количествомъ въ той же мѣстности починковъ, выставокъ, указываютъ какъ на бѣгство жителей изъ одной области въ другую, такъ, безъ сомнѣнія и на переходы населенія въ предѣлахъ одной мѣстности [2]). Очевидно, что рядомъ съ такими поселеніями города, въ которыхъ, какъ мы видѣли бывало до 1000 и болѣе дворовъ, слѣд. жителей до 5,000, принадлежавшихъ къ тому же къ разнымъ классамъ, города, въ которыхъ, на ряду съ земледѣліемъ въ значительной степени развита была и торговопромышленная дѣятельность, непремѣнно замѣтно выдѣлялись, какъ культурные центры; и если и теперь кладетъ на людей свой особый замѣтный отпечатокъ жизнь въ большомъ центрѣ и жизнь въ уединенной деревнѣ, то тогда, при меньшихъ удобствахъ путей сообщенія, при отсутствіи почтъ, полномъ отсутствіи чего-либо подобнаго теперешнимъ газетамъ и журналамъ и вообще несравненно меньшемъ развитіи литературы—отличія городскихъ жителей отъ деревенскихъ не могли не быть весьма замѣтными; и для историка, конечно, представляется въ высшей степени интереснымъ возможно полное выясненіе тѣхъ условій, къ какихъ жилъ тогда человѣкъ городской и человѣкъ деревенскій; помимо различія соціально экономическихъ условій, можно еще указать, напримѣръ, что тогда въ городахъ было сосредоточено очень большое количество книгъ, безъ сомнѣнія значительно большее, чѣмъ можно было бы думать, если принимать за несомнѣнное ходячія положенія о тогдашнемъ уровнѣ умственнаго раз-

---

[1]) *Соколовскій*, Экономическій бытъ, 10—12.

[2]) Множество указаній на пустоши и починки встрѣчается рядомъ въ массѣ документовъ; интересенъ слѣдующій фактъ: монастырь, въ 1462—1503 г., въ спорѣ за землю перечисляетъ, что у него въ такой-то деревнѣ жили за 22 года 6 разныхъ крестьянъ—Акты, относ. до гражд. расправы, Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 30. Выше (стр. 174 прим.) мы уже привели мнѣнія по этому вопросу кн. Черкасскаго и Бѣляева; замѣчаніе Бѣляева, что не рѣдкость были и старожильцы по деревнямъ, имѣетъ извѣстное значеніе, хотя возможно, что старожильцы часто жили подолгу лишь въ одной мѣстности, а не на одномъ и томъ же мѣстѣ; интересно было бы также разобрать, гдѣ чаще всего и гдѣ всего рѣже попадаются такіе старожильцы.

витія и знанія—такъ, по писцовымъ же книгамъ можно сосчитать, что по церквамъ въ Коломнѣ, Можайскѣ, Казани, Свіяжскѣ, Лаишевѣ, Тулѣ и Веневѣ было не менѣе 2,000 книгъ [1]); а несомнѣнно, что церковныя книги тогда обращались вообще между жителями всего города. Наконецъ, можно указать отличіе города отъ деревни и села даже и въ юридическомъ отношеніи, и такое отличіе, которое указываетъ, что если и не было еще опредѣлено закономъ, то все же чувствовалось какое-то довольно замѣтное различіе между городомъ и деревней—именно то, что если города иногда и ставились частными лицами и считались ихъ вотчинами, то во всякомъ случаѣ неизвѣстно ни одного примѣра, чтобы городомъ кто-нибудь могъ располагать, какъ объектомъ полной частной собственности; случаи продажи городовъ имѣли мѣсто только при переходѣ города къ болѣе сильному князю—а при такомъ условіи эта продажа пріобрѣтаетъ, собственно говоря, уже совершенно другой характеръ; и впослѣдствіи, когда крестьяне были закрѣпощены и сносились съ государственной властью лишь посредственно, въ городахъ остались черные государевы люди. Въ виду всего этого мы и считаемъ вполнѣ возможнымъ изучать положеніе городовъ, почти не касаясь вопросовъ о положеніи деревень. Мы сдѣлаемъ теперь обзоръ положенія разныхъ классовъ, представители которыхъ жили въ городѣ, на сколько представители каждаго изъ нихъ имѣли отношеніе къ городамъ, а затѣмъ закончимъ наше изслѣдованіе характеристикою городовъ въ разныхъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи, опредѣленіе отличительныхъ чертъ которыхъ представляется намъ главнымъ результатомъ нашего труда.

Прежде всего мы соберемъ данныя о тѣхъ людяхъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ городамъ и въ нихъ лишь и были,—именно о посадскихъ черныхъ людяхъ. Посадскіе черные люди были, какъ мы видѣли, во всѣхъ городахъ; только въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами городовъ (въ Пронскѣ) не нашли мы ихъ; но весьма возможно, что почему-то пропущено ихъ перечисленіе только въ томъ источникѣ, изъ котораго мы должны почерпать наши свѣдѣнія [2]). Но немного было все-таки городовъ, гдѣ посадскіе черные люди составляли значительное большинство городскаго населенія — таковы были только города въ сѣверозападной части

[1]) См. нашу статью: «Нѣсколько данныхъ о книгахъ по городамъ Московскаго государства въ XVI в.»—въ журналѣ «Библіографъ», №№ 11 и 12 1888 г.

[2]) См. выше, 264.

тогдашняго Московскаго государства; въ центральныхъ городахъ до середины вѣка было еще довольно много посадскихъ людей, но затѣмъ они начали переходить въ другія мѣста, преимущественно въ окраинныя мѣстности, и къ концу вѣка въ центральныхъ городахъ черныхъ посадскихъ людей уже почти не было; наконецъ, въ окраинныхъ городахъ посадскихъ людей было довольно много, но все-таки меньше чѣмъ людей ратныхъ и зависимыхъ, вмѣстѣ взятыхъ. Посадскіе люди обозначались въ писцовыхъ книгахъ различно и не только въ описаніи разныхъ городовъ, но и въ описаніи одного и того же города они называются то посадскими тяглыми или черными, то просто посадскими, то просто тяглыми; что такъ и такъ обозначались люди одного сословія, несомнѣнно изъ того, что есть примѣры, когда одинъ и тотъ же человѣкъ является въ разныхъ мѣстахъ описанія съ разными изъ этихъ наименованій [1]); точно также совершенно естественно, что, при однообразіи юридическаго положенія, всегда въ одномъ итогѣ съ посадскими считались и крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда они жили въ городѣ; изрѣдка попадается даже выраженіе посадскій крестьянинъ [2]). Но, по нашему мнѣнію, было еще названіе, точно также обозначавшее всѣхъ этихъ людей—именно «люди торговые». Мы выше отмѣчали нѣсколько разъ примѣненіе этого термина для обозначенія то всѣхъ торговавшихъ людей, то именно всѣхъ посадскихъ тяглыхъ [3]); повторимъ здѣсь только два — три, наиболѣе ясные и вѣскіе примѣра этого; съ одной стороны, въ описаніе лавокъ въ Дѣдиловѣ, гдѣ изъ 20 лавокъ только одна принадлежала нератному человѣку, читаемъ: «да въ Дѣдиловѣ жъ лавки торговыхъ людей», и описаніе Тульскаго торга заканчивается замѣчаніемъ, что разводятъ оброкъ съ лавокъ торговые люди межъ себя сами—тутъ, очевидно, торговыми названы всѣ торговавшіе люди, а въ числѣ ихъ было немало и ратныхъ и дворниковъ; съ другой стороны, въ итогѣ описанія посада въ Казанской книгѣ читаемъ: «да на посадѣжъ Казанскихъ всякихъ *торговыхъ и мастеровыхъ людей* 8 дв. добрыхъ да 40 дв. середнихъ, да 552 дв. молодшихъ... И обоего *посадскихъ* добрыхъ, и середнихъ, и молодшихъ 600 дв., а людей въ нихъ

---

[1]) См. выше, 282.

[2]) См. выше, напр. 232, 62, 123 и др. Въ одномъ актѣ 1545 г. (Акты Ѳедотова-Чеховскаго, I, № 57) судьи между прочимъ спрашиваютъ одну сторону, шлется ли она на *всѣхъ крестьянъ* такихъ-то уѣздовъ, «*опричъ посадскихъ людей*».

[3]) См. выше, 46—47, 73, 232—233, 282.

611 чел.»; то же повторено и въ описанiи Свiяжска [1]). Намъ эти примѣры кажутся достаточно убѣдительными; но еще и изъ актовъ можно привести нѣсколько мѣстъ, которыя, разъ уже явилась мысль, что терминъ «торговые люди» можетъ обозначать вообще тяглыхъ людей, еще болѣе подтверждаютъ такое убѣжденiе. Такъ, въ одной грамотѣ 1584 г. читаемъ, что если дворникомъ на монастырскомъ дворѣ станетъ жить *не посадскiй, не тяглый человѣкъ*, то никакихъ пошлинъ на князя не брать; «а учнутъ въ томъ ихъ дворѣ жити *торговые люди*—и съ тѣхъ ихъ людей и съ ихъ промысловъ во всякiя наши подати имати *съ посадскими людьми* въ рядъ»; въ другой грамотѣ, 1593 г., запрещается жить въ Казани русскимъ у нѣмцевъ, «а русскимъ людямъ *торговымъ* жити въ посадскихъ людѣхъ», а пашенныхъ—посадить на пашню [2]); наконецъ, въ разсмотрѣнной нами выше Серпуховской сотной мы читали: «а городскимъ людямъ *торговымъ и мастеровымъ* въ тѣхъ дворѣхъ на церковной землѣ не жити, и Серпуховскому сотскому и *всѣмъ городскимъ людемъ* тѣхъ людей изъ тѣхъ дворовъ выводити да сажати въ свои старые дворы въ тяглые [3])». Отсюда несомнѣнно намъ кажется, что термины «люди торговые» и «люди посадскiе тяглые» совершенно равнозначущи: оба они противополагаются одному и тому же термину — люди нетяглые; и черные тяглые, и торговые люди должны были нести одни и тѣ же повинности, въ управленiи составляли одно цѣлое—однимъ словомъ, ясно, что «торговые люди» было просто лишь другое обозначенiе всѣхъ черныхъ тяглыхъ. У нѣкоторыхъ изслѣдователей мы уже видимъ какъ бы признанiе, что терминъ люди торговые имѣлъ такое значенiе, хотя прямо этого, кажется, никто не высказывалъ; такъ Бѣляевъ, говоря объ обязанностяхъ черныхъ людей городскихъ жителей, приводитъ текстъ, гдѣ термины «люди торговые» и «люди тяглые» очевидно обозначаютъ однихъ и тѣхъ же людей [4]), но у Хлѣбникова въ этомъ вопросѣ много неяснаго [5]); наконецъ, Ильинскiй

[1]) Ркп. К. 646, л. 121 об., ркп. 432, лл. 134—135; только въ Свiяжской книгѣ въ обоихъ случаяхъ вставлено слово «жильцовъ».

[2]) А. А. Э., I №№ 323, 358.

[3]) *Симсонъ*, Исторiя Серпухова, 329; см. выше, 177, пр.

[4]) *Бѣляевъ*, Лекцiи по исторiи русскаго законодательства, 492: «въ соборной грамотѣ 1642 г. вотъ какъ говорятъ *торговые* люди черныхъ сотенъ о своихъ повинностяхъ: «а мы, сироты твои, черныхъ сотенъ и слободъ сотскiе, и старостники, и *всѣ тяглые* людишки».

[5]) *Хлѣбниковъ*, О влiянiи общества, 77—79: сначала онъ говоритъ: «горожане раздѣлялись на гостей, купцовъ и торговыхъ людей» далѣе, повиди-

также какъ бы считаетъ, что торговые люди или непремѣнно торговали или были особымъ сословіемъ: въ статьѣ его читаемъ, между прочимъ: «Кедокъ Сванскій Волочекъ. Въ описи 1500 г. говорится: «а купилъ его князь великій у Валаамскаго монастыря, а придалъ его въ оброкъ и во всѣ потуги къ городу къ Корѣлѣ; а̀ по Волочку живутъ люди рядовые, торговые и рыбные ловцы». Показано, однако, 26 дв. (33 чел.) рядовыхъ людей и 29 дв. (34 чел.) рыбныхъ ловцовъ, всего 55 дв. (67 чел.), а о торговыхъ ни слова [1]), между тѣмъ, по нашему убѣжденію, тутъ въ одномъ случаѣ терминомъ «люди рядовые» (т. е. обыкновенные, тяглые), въ другомъ терминомъ «люди торговые» обозначены одни и тѣ же люди. Относительно юридическаго положенія этихъ людей мы, какъ уже выше сказали, должны цѣликомъ принять выводы тѣхъ изслѣдователей, которые указываютъ на отсутствіе всякихъ, сколько-нибудь значительныхъ различій въ положеніи людей тяглыхъ городскихъ и тяглыхъ людей сельчанъ. Но занятія и, слѣд., экономическое значеніе тѣхъ и другихъ значительно разнились. Уже самое названіе городскихъ жителей указываетъ, что̀ было ихъ главнымъ занятіемъ: они были люди торговые и мастеровые [2]). Какъ мы выше видѣли относительно разныхъ городовъ, въ нихъ ремесленная и торгово-промышленная дѣятельность была развита очень значительно, на ряду съ чѣмъ, впрочемъ, жители городовъ немало пахали и прямо земли въ пашняхъ, помимо того, что у каждаго, чернаго по крайней мѣрѣ, двора былъ еще огородъ [3]); преобладаніе того или другого рода занятій, т. е. большее развитіе земледѣльческой или ремесленной дѣятельности, служитъ однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ, какими характиризуются города въ разныхъ полосахъ тогдашней Россіи, но вообще на посадскій дворъ даже въ городахъ одного и того же района приходились столь

мому, заключаетъ, что торговые люди это были середніе и даже отъ отсутствія упоминанія во многихъ городахъ середнихъ людей онъ заключаетъ, что въ этихъ городахъ вовсе не было торговли.

[1]) *Ильинскій*, Городское населеніе Новгородской области въ XVI, в. Ж. М. Н. Пр., 1876, іюль, 230.

[2]) Изъ словъ *Бѣляева* какъ бы выходитъ, что онъ думалъ, что ремесленники стояли въ какомъ-то особомъ положеніи: «къ чернымъ же сотнямъ городскихъ людей тогда причислялись еще разные ремесленники городскіе, или какъ тогда называли ихъ, дѣлюи»—Лекціи, 492; по мнѣнію Пригары, ремесленники обыкновенно за кѣмъ нибудь записывались—Ж. М. Н. Пр., ч. CXXXV, 677—678.

[3]) См. выше, 115, 34.

различные участки обработывавшейся земли, что, безъ сомнѣнія, обработывать земли больше или меньше вполнѣ зависѣло только отъ желанія горожанъ и ни о какомъ, такъ сказать, надѣлѣ чернымъ посадскимъ людямъ не можетъ быть и рѣчи [1]). Какъ мы видѣли, въ городахъ тогда жили преимущественно люди низшихъ классовъ; поэтому изученіе ремесленной и торговой дѣятельности въ городахъ дастъ намъ возможность опредѣлить степень внѣшней культуры тяглыхъ людей, тѣмъ болѣе, что люди болѣе зажиточные, а слѣдовательно—въ большинствѣ случаевъ дворяне и дѣти боярскіе, по возможности все дѣлали у себя дома, руками своихъ холоповъ [2]); мы далѣе сдѣлаемъ подробное обозрѣніе данныхъ о ремесленной дѣятельности въ городахъ XVI в.; здѣсь же замѣтимъ, что хотя, дѣйствительно, огромное большинство ремесленниковъ занято было всюду приготовленіемъ различныхъ предметовъ первой необходимости, но все-таки ремесленная дѣятельность является очень разнообразною, и во всѣхъ городахъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ, мы встрѣчали ремесленниковъ, производившихъ предметы и не первой необходимости, такихъ, существованіе которыхъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что тогдашняя Русь едва умѣла обработывать самыя грубыя ткани и что вообще ремесленной дѣятельности тогда почти не существовало [3]).

Обычнымъ порядкомъ было, что черные посадскіе люди составляли общину и вмѣстѣ владѣли посадскою землею; съ владѣніемъ участкомъ общинной земли была связана обязанность нести часть повинностей, налагавшихся на всю общину; но участками общинной земли могли владѣть и люди, не принадлежавшіе къ этой именно общинѣ и даже вообще нетяглые, — они должны были только нести въ такомъ случаѣ повинности, причитавшіяся на участокъ общинной земли, находившійся въ ихъ владѣніи [4]). Но если

[1]) См. выше, 287.

[2]) Домострой, М. 1882, 89, 91.

[3]) См. *Хлѣбниковъ*. О вліяніи общества, 70, 77; *Ключевскій*, сказанія иностранцевъ, 215—216; *Соколовскій*, Экономическій бытъ, 10; *Аристовъ* въ своемъ трудѣ «Промышленность древней Руси» говоритъ только о времени болѣе раннемъ.

[4]) *Бѣляевъ*, Лекціи, 311, 314; *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, 662; *Пригары*, Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей, 58, говоритъ, что при царяхъ Иванѣ IV и Ѳеодорѣ на посадской землѣ жили лишь государевы люди, а что послѣ Смуты стали селиться тутъ и другіе; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 154, говоритъ: «Въ прежнее время, т. е. до ц. Михаила Ѳеодоровича, правительство и сами общины дозволяли нетяглымъ

такой порядокъ былъ издревле нормальнымъ, то мы застаемъ его уже только на сѣверѣ: сколько можно судить по нашимъ источникамъ, дающимъ очень цѣнныя свѣдѣнія о фактическомъ положеніи, такъ было только въ городахъ сѣверныхъ: мы видѣли, что въ Порховѣ, Ладогѣ, Корелѣ, Орѣшкѣ почти всѣ жители несли тягло вмѣстѣ, не смотря на то, что между ними были и дворяне, своеземцы, занимавшіе даже должности городовыхъ прикащиковъ, потому что всѣ дворы стояли тамъ на посадской тяглой землѣ [1]); въ городахъ же центральныхъ и въ городахъ по южной и юговосточной окрайнѣ дѣло это обстояло совершенно иначе: въ описаніи Коломны прямо сказано, что всѣ мѣста въ городѣ, прежде бывшія тяглыми, розданы дѣтямъ боярскимъ и что черныхъ мѣстъ въ городѣ уже нѣтъ; въ описаніи Казани и Тулы мы также видѣли случаи, что земля и дворъ чернаго человѣка переходили путемъ купли-продажи въ руки служилыхъ людей и описывались въ такомъ случаѣ уже подъ рубрикою «дворы бѣлые» [2]). Такой фактъ представляется намъ, впрочемъ, совершенно понятнымъ: на сѣверѣ общины были старше, потому сильнѣе и прочнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе въ сѣверныхъ городахъ людей служилыхъ и ратныхъ не было для правительства необходимостью—оно поэтому не только не отбирало и не отдавало служилымъ людямъ черныхъ мѣстъ, но не вмѣшивалось даже вовсе въ раскладку общиною повинностей на лицъ, жившихъ на общинной землѣ [3]); въ городахъ же окраинныхъ присутствіе въ городѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, хотя бы и не постоянное, было для государства необходимо, и этимъ служилымъ людямъ тутъ часто приходилось дѣйствительно нести тяжелую службу, такъ что совершенно естественно было, что государство селило ихъ здѣсь и избавляло отъ всякихъ повинностей по отношенію къ общинѣ; тутъ возникавшее такимъ образомъ столкновеніе интересовъ общины и людей служилыхъ прави-

---

людямъ пріобрѣтать тяглые дворы по той причинѣ, что всякій, кто садился на черную землю, долженъ былъ нести городское тягло вмѣстѣ съ общиною». На стр. 157, 158 авторъ какъ бы полагаетъ, что нарушеніе этого правила появилось лишь послѣ Смуты.

[1]) См. выше, стр. 43.

[2]) См. выше, 160, 211—212, 234, 269

[3]) Въ 1555 г. священнослужители одной церкви въ Новгородѣ жаловались, что уличанскіе старосты собираютъ двойныя подати съ ихъ дворовъ, стоявшихъ на черной землѣ; по этой жалобѣ не запрещено такъ дѣлать старостамъ, а приказано дьякамъ дать этимъ священнослужителямъ мѣста бѣлыя—Д. А И., I., № 77.

тельство находило нужнымъ рѣшать не въ пользу общины. Изъ вышеуказаннаго мѣста изъ описанія Коломны видно также, что земля могла быть тяглою и нетяглою одинаково и въ самомъ городѣ и на посадѣ [1]).

На черныхъ людяхъ и на людяхъ, владѣвшихъ участками общинной земли, не выводя ее изъ тягла, лежали повинности двухъ родовъ—тягло и оброкъ: не легко вполнѣ точно опредѣлить ихъ отличіе [2]), но намъ кажется, что мы всего ближе подойдемъ къ истинѣ въ слѣдующемъ опредѣленіи: тягло составляли всѣ тѣ повинности, какія несла община сообща, по числу сохъ; главнымъ образомъ это были, кажется, повинности натуральныя, но къ нимъ нужно присоединить нѣкоторыя денежныя повинности, именно, тѣ, какія возлагались прямо на всю общину; иногда бывало даже, что и всѣ натуральныя повинности замѣнялись уплатою извѣстной суммы денегъ, которую вносила вся община; оброкомъ же назывались денежные взносы съ разныхъ статей и промысловъ, отличавшіеся отъ тягла тѣмъ, что размѣръ взноса опредѣлялся только для каждаго отдѣльнаго плательщика [3]); уплата оброка, повидимому, не дѣлала человѣка членомъ общины: оброками оплачивали, кажется, свои дворы и люди, только еще поселившіеся въ извѣстной общинѣ и не сдѣлавшіеся еще ея полноправными членами. Одни и тѣ же люди могли и платить оброки и нести тягло, но только съ разныхъ объектовъ владѣнія или пользованія. Тягло раскладывалось по сохамъ; въ селахъ люди расписывались по числу четей земли, въ городахъ—по числу дворовъ; люди, такъ или иначе составлявшіе одну соху въ каждой мѣстности, исполняли опредѣленную, равную сумму повинностей или платили опредѣленную равную сумму денегъ; приводилось же это въ соотвѣтствіе съ платежными силами разныхъ людей тѣмъ, что въ соху однихъ клали меньше чѣмъ другихъ, и точно также съ достоинствомъ и доходностью земли тѣмъ, что въ соху доброй земли клали меньше всего, середней больше и

---

[1]) *Загоскинъ*, О правѣ владѣнія дворами, 9, и *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 77, говорятъ, что иногда нетяглость двора зависѣла отъ мѣста его нахожденія; мы видѣли, что не было, во всякомъ случаѣ, большихъ отдѣловъ города, которые бы допускали помѣщеніе на нихъ лишь нетяглыхъ дворовъ.

[2]) См. выше, 119—122.

[3]) Въ разобранномъ нами описаніи Пскова объ очень многихъ пустыхъ лавкахъ или мѣстахъ лавочкахъ замѣчено, что кто захочетъ въ нихъ впредь сидѣть, тотъ долженъ оброчить у псковскихъ дьяковъ.

худой еще больше [1]). Нѣкоторые изслѣдователи старались опредѣлить, сколько именно клали тогда на соху четей въ уѣздѣ или дворовъ въ городѣ; но мы рѣшаемся утверждать, что никакихъ сколько-нибудь постоянныхъ нормъ тутъ не было и даже нельзя признать постояннаго отношенія, на сколько больше платилъ дворъ лучшій въ сравненіи съ середнимъ и молодшимъ, и середній — въ сравненіи съ молодшимъ. Совершенно невѣрнымъ слѣдуетъ признать мнѣніе, что при разложеніи въ сохи руководствовались единственно различіемъ въ капиталахъ [2]). Помимо уже того, что, какъ выше были указаны примѣры, иные молодшіе платили со своихъ лавокъ значительно больше, чѣмъ многіе добрые [3]), мы уже указали постоянно замѣчающуюся связь между отнесеніемъ двора къ категоріи лучшихъ, середнихъ или молодшихъ и числомъ взрослыхъ мужчинъ, приходящихся на сто дворовъ, причемъ видѣли, что всего болѣе приходилось мужчинъ на сто дворовъ лучшихъ, менѣе на сто дворовъ середнихъ и еще менѣе на сто дворовъ молодшихъ; [4]) и мы держимся предположенія, что раздѣленіе на эти категоріи стояло въ зависимости не отъ капитала того или другого человѣка и не отъ оброка, платимаго имъ, а отъ тяглой способности той или другой семьи; въ разборѣ данныхъ о Зарайскѣ мы пришли къ весьма интересному заключенію, что если вмѣсто числа дворовъ лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, составлявшихъ соху, подставить число людей, какое въ нихъ было, то на каждаго человѣка придется посошныхъ повинностей почти совершенно поровну. Въ чемъ собственно состояли натуральныя повинности населенія, мы узнаемъ изъ писцовыхъ книгъ весьма рѣдко; видимъ, что черные люди ставили для намѣстника дворъ, пахали на него огороды; знаемъ, что намѣстники получали «доходъ и присудъ», на себя и на своихъ пошлинныхъ людей—но чѣмъ именно и въ какомъ размѣрѣ—не знаемъ [5]), Изъ разныхъ актовъ можно собрать довольно много данныхъ о натуральныхъ повинностяхъ; извѣстно, что одною изъ важнѣй-

---

[1]) О раздѣленіи по сохамъ см. особ. у *Бѣляева*, Лекціи по исторіи законодательства, 320—328 и нѣсколько остроумныхъ замѣчаній у *Соколовскаго* въ его «Очеркѣ экономическаго быта», гл. VII, 44—52.

[2]) Такъ говоритъ напр. *Бѣляевъ*, Лекціи, 322, 493; *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 180—«лучшіе люди т. е. болѣе зажиточные;» *Владимірскій-Будаковъ*—Обзоръ исторіи русскаго права, I, 148,—«разряды лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей различались по имущественной состоятельности».

[3]) См. выше, особ. 241.

[4]) См. выше, 46 и 283—284.

[5]) См. выше, 76—79 119, 186—189.

шихъ повинностей, отъ которой почти никогда не освобождались никакіе грамотчики, было городовое дѣло, т. е. укрѣпленіе города, равно и защита его въ случаѣ нападенія враговъ; отъ XVII в. дошло до насъ множество книгъ и множество отдѣльныхъ записей о томъ, какіе у какого посадскаго человѣка «бои.» [1]); можно также съ увѣренностью утверждать, что и натуральныя повинности не были всюду одинаковы, а разнообразились по мѣстности—такъ, напримѣръ, очевидно, что городовое дѣло на сѣверѣ далеко не могло имѣть такого значенія, какъ въ городахъ по южной и юго-восточной окраинѣ. При незначительномъ числѣ полныхъ свѣдѣній по этому вопросу трудно сказать положительно, но по нѣкоторымъ даннымъ о городахъ въ 70-хъ годахъ и о городахъ въ 90-хъ годахъ нужно думать, что повинности за это время сильно возрасли [2]). Извѣстно, что одни послы въ царствованіе Θеодора Іоанновича должны были говорить, что Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ «всѣ сохи въ тарханѣхъ учинилъ»; въ повѣствованіи о вѣнчаніи Годунова на царство также говорится, что послѣдовали значительныя облегченія въ податяхъ [3]). Мы затрудняемся, однако, высказаться по этому вопросу рѣшительно; помимо сейчасъ указанныхъ фактовъ увеличенія податей къ концу вѣка сравнительно современемъ предшествовавшимъ, мы можемъ еще указать, что въ 1586—1587 гг., при отдачѣ въ Новгородѣ вновь на откупъ нѣкоторыхъ сборовъ, скинутая сумма была повышена [4]); но дѣло въ томъ, что совершенно законнымъ основаніемъ для того, чтобы сказать, что сохи были учинены въ тарханахъ могло служить упорядоченіе, болѣе равномѣрное распредѣленіе сборовъ, относительно чего мы не можемъ высказаться сочувственно опредѣленно. Размѣры оброка очень разнообразны; довольно точно установить средній размѣръ оброка можно только для отдѣльныхъ случаевъ—такъ, напр., въ Псковской области среднимъ числомъ съ чети огородной земли платилось около 100 денегъ, съ чети же доброй (въ трехъ поляхъ) 12—15; особенно разнообразенъ оброкъ съ лавокъ, даже и въ однихъ и тѣхъ же городахъ — въ зависимости отъ предмета торговли и размѣровъ ея, конечно; въ общемъ, самыя высокія цифры

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія находятся въ нѣкоторыхъ документахъ напечатанныхъ въ издаваемыхъ московскимъ купечествомъ матеріалахъ для исторіи разныхъ городовъ.

[2]) См. выше, 77, 188—189, о Коломнѣ и Можайскѣ и Устюжнѣ.

[3]) *Соловьевъ*, т. VII, 346; т. VIII, 22

[4]) С. Г. Гр. и Д., II, №№ 55, 56, 57, и А. А. Э., I, №№ 331, 334, 335.

оброка съ лавки встрѣчаемъ, конечно, въ Псковѣ, а самыя низшія—въ городахъ по южной окраинѣ и особенно въ подмосковныхъ, въ нѣкоторыхъ изъ которыхъ онъ не превышаетъ 2-хъ алтынъ съ лавки, тогда какъ во Псковѣ онъ въ среднемъ болѣе 5 алт. и никогда не спускается ниже 5 д., въ иныхъ случаяхъ достигая рубля съ одной лавки. Во Псковѣ же и Казани встрѣчаемъ и соединеніе большаго числа лавокъ въ однѣхъ рукахъ и наибольшія суммы оброка, платимыя отдѣльными лицами, именно почти 3 р.; въ другихъ же городахъ распредѣленіе лавокъ и оброка между отдѣльными лицами въ общемъ довольно равномѣрно.

Относительно внутренняго устройства общины—выборныхъ ея властей, сроковъ, на какіе они избирались, порядковъ выборовъ, порядковъ разложенія повинностей, сроковъ внесенія податей и т. д.— мы не находимъ въ писцовыхъ книгахъ никакихъ данныхъ; только нѣсколько разъ встрѣчаемъ упоминанія мимоходомъ старостъ и сотскихъ; сколько-нибудь болѣе интересныя свѣдѣнія по этому вопросу мы могли собрать только относительно Пскова. Важнѣйшія данныя объ отношеніяхъ членовъ общины между собою мы должны почерпать въ актахъ, изъ писцовыхъ же книгъ можемъ ихъ лишь пополнять и то преимущественно по одному вопросу, хотя, правда, вопросу очень существенному. Какъ характеристичную для того времени черту быта мы должны указать чрезвычайно близкія отношенія между собою отдѣльныхъ членовъ общины: изъ многочисленныхъ духовныхъ несомнѣнно, что тогда разные люди—иногда даже не члены общины, хотя въ общинѣ такіе факты, несомнѣнно, замѣчались въ еще болѣе сильной степени—постоянно брали другъ у друга разныя хозяйственныя вещи или запасы и въ свою очередь давали то же другимъ; въ актахъ встрѣчаемъ прямо выраженія, что тѣ или другіе люди живутъ въ сосѣдствѣ, ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ [1]); близкія отношенія членовъ общины другъ къ другу видны и въ томъ, что тогда постоянно практиковалась отдача ихъ на поруки, съ возможностью такихъ послѣдствій для поручителя, что взять на поруки можно было только человѣка, котораго, дѣйствительно, уже очень близко знаешь; наконецъ, возникновеніе самыхъ близкихъ отношеній было неизбѣжно при тогдашнемъ господствѣ натуральныхъ повинностей, когда довольно большое число дворовъ должно было къ извѣстному сроку доставить намѣст-

[1]) А. Ю., №№ 409—422, XV и XVI вв. Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Руси, собралъ и издалъ *А. Өедотовъ-Чеховскій*, I, № 83, 1585; см. также Домострой, 91.

нику или волостелю, напр., полоть мяса, барана и другіе подобные, такъ сказать, недѣлимые предметы—естественно, что то или другое приношеніе въ каждомъ случаѣ доставлялъ кто-нибудь одинъ, и затѣмъ уже нѣсколькимъ семьямъ приходилось считаться такими случаями между собою. Изученіе же писцовыхъ книгъ раскрыло намъ еще одинъ фактъ внутренней жизни общины въ XVI уже вѣкѣ, фактъ, существованіе котораго безъ данныхъ этого источника нельзя было доказать: мы говоримъ о постоянномъ переходѣ земельныхъ участковъ и лавокъ отъ одного владѣльца къ другому безъ купли-продажи; выше мы доказали, думается намъ, что это является слѣдствіемъ передѣловъ въ средѣ общины [1]). Намъ, кажется, впервые приходится говорить о передѣлахъ въ общинахъ XVI в.; но помимо убѣдительности—въ нашихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ—тѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ мы пришли къ такому выводу, намъ представляется существованіе передѣловъ совершенно естественнымъ и несомнѣннымъ уже и потому, что какимъ же инымъ образомъ могла распредѣляться земля между членами, которые владѣли ею сообща, но обработывали, конечно, каждый какой-нибудь, по крайней мѣрѣ на время, опредѣленный участокъ.

Изслѣдователи по исторіи русскаго права не разсмотрѣли спеціально вопросъ о томъ, чья была, строго говоря, земля, занимаемая городомъ—городская или государственная, государева? Нѣкоторые ученые говорятъ, однако, прямо о принадлежности земли городу въ собственность [2]); и ихъ замѣчанія не были подвергнуты критикѣ. Но намъ кажется, что землю, на которой стояли города, нужно считать государевою, какъ потому, что посадскіе черные люди по правамъ своимъ не отличались отъ черныхъ крестьянъ, а общины послѣднихъ, какъ извѣстно, лишь владѣли землею, собственно говоря, государевою [3]), такъ и въ виду указанныхъ нами

---

[1]) См. выше, 74—75, 116—119, 243—245.

[2]) Прямо повторяетъ это нѣсколько разъ *Бѣляевъ*, Лекціи, 314, Разсказы, II, 23—24; см. также *Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, 326; *Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества, 79.

[3]) Очень рельефно выступаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда черные люди говорятъ о своей землѣ—земля эта великаго князя, а нашего владѣнія.—См. напр. А. Ю., № 23, 1571. См. также, А. Ю., № 218, II. Говоря такъ. мы имѣемъ въ виду указать принадлежность лишь всей общинной земли государю, а не думаемъ вовсе отрицать правъ собственности на землю у отдѣльныхъ черныхъ людей.

выше случаевъ, когда называется государевою и противополагается землѣ монастырской или землѣ частныхъ лицъ вся земля, занятая городомъ [1]). Насъ убѣждаетъ, наконецъ, въ принадлежности земли городской собственно государю, а не городу, и та легкость, съ какою мѣста черныя отдавались людямъ служилымъ и обращались въ бѣлыя.

Члены посадской общины жили обыкновенно на посадѣ, рѣже въ городѣ; еще рѣже случаи, чтобы черные люди, живя на посадѣ, имѣли, однако, въ городѣ другіе дворы или клѣти [2]); мы не можемъ точно опредѣлить различія правъ, на какихъ владѣли черные люди своими дворами въ самомъ городѣ и на посадѣ, хотя, повидимому, какое-то различіе было [3]). Ихъ дворы, равно какъ дворы и всякихъ другихъ людей, составлявшихъ общины, описывались въ писцовыхъ книгахъ формулою «во дворѣ такой-то», тогда какъ дворы людей, общинъ не составлявшихъ, описывались всегда такъ: «дворъ такого-то» [4]); мы думаемъ поэтому, что дворы, занятые людьми черными, дѣйствительно, находились лишь въ ихъ владѣніи, а не считались принадлежавшими имъ на правѣ полной собственности [5]); но подробно говорить объ этомъ приходится намъ, кажется, впервые [6]).

Въ числѣ посадскихъ тяглыхъ людей, кромѣ членовъ, такъ сказать, полноправныхъ и равноправныхъ, въ XVI в. въ городахъ видимъ еще и людей, находившихся въ нѣсколько особомъ положеніи — именно бобылей, захребетниковъ, подсусѣдниковъ. Въ XVI в., впрочемъ, мы находимъ ихъ вообще не особенно много,— по крайней мѣрѣ по писцовымъ книгамъ; бобылями назывались люди, сидѣвшіе не на полномъ тяглѣ, а на половинномъ или, во всякомъ случаѣ, на неполномъ [7]); писцовыя книги не говорятъ о

---

[1]) См. выше, 148—149, 196.

[2]) Сколько-нибудь значительное число примѣровъ этого мы видѣли лишь въ Торопцѣ—см. выше, 61.

[3]) См. выше, 231; въ книгѣ Торопца черные люди при описаніи посада описываются «во дворѣ такой-то», а при описаніи города какъ владѣльцы дворовъ.

[4]) Подробности выше, 220—222.

[5]) *Загоскинъ*, О правѣ владѣнія дворами въ Московскомъ государствѣ, 23.

[6]) *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, 659. «тяглые люди были записаны въ писцовыя книги и обложены тягломъ; это признакъ, отличающей тяглыхъ отъ высшихъ разрядовъ»; но изъ словъ этихъ не ясно, хотѣлъ ли тутъ авторъ отмѣтить ту именно особенность, на которой останавливаемся мы.

[7]) *Бѣляевъ*, Лекціи, 317, 493; *Костомаровъ*, Очеркъ домашняго быта и нравовъ (изд. 1), 27, 33, *Соколовскій*, Экономическій бытъ, 13.

нихъ подробно; но намъ кажется, все-таки, что едва-ли справедливо мнѣніе, что бобыльство было характернымъ явленіемъ для XVI в., что втеченіе его оно если не создалось, то, по крайней мѣрѣ, получило высшее свое развитіе [1]): мы встрѣчаемъ бобылей въ гораздо болѣе значительномъ числѣ въ книгахъ XVII в., чѣмъ въ книгахъ XVI в., [2]) и развѣ только для XVII в., можно установить, что бобыли несли повинностей въ 24 раза менѣе, чѣмъ люди добрые [3])—для XVI же в. не рѣдкость, что они и вовсе были избавлены отъ повинностей «за худобою». Что касается подсусѣдниковъ и захребетниковъ, то, по нашему мнѣнію, ихъ должно считать совершенно свободными, лично независимыми людьми [4]): мы можемъ еще допустить, что они были не совсѣмъ полноправными членами общины, но въ такомъ случаѣ, конечно, лишь потому, что не несли и всѣхъ обязанностей, лежавшихъ на полноправныхъ членахъ; но предположенію зависимыхъ отношеній подсусѣдника къ хозяину его двора рѣшительно препятствуютъ тѣ случаи, что подсусѣдниками видимъ не только братьевъ при братьяхъ, но даже отцовъ при сыновьяхъ и тестей при зятьяхъ [5]); припомнимъ къ тому же, что въ описаніи г. Торопца всѣ эти люди, жившіе во дворахъ другихъ людей, сосчитаны въ общемъ итогѣ всѣхъ жителей города. Отъ жительства во дворѣ какого-нибудь человѣка подсусѣдниковъ нѣсколько отличалось соединеніе въ одномъ дворѣ нѣсколькихъ лицъ, связанныхъ какимъ-нибудь общимъ дѣломъ,—мы видимъ такое явленіе, впрочемъ, лишь въ сѣверныхъ городахъ, гдѣ такіе люди назывались шабрами или сябрами [6]). Въ средѣ посадской общины постепенно происходило нѣкоторое движеніе—одни вступали въ нее,

---

[1]) *Соколовскій,* Экономическій бытъ, 13.

[2]) Такъ, очень много бобылей находимъ въ переписныхъ книгахъ 1677 г Рязани, Ростова, 1678 г. Торопца, 1679 г. Кунгуръ и особ. въ переписныхъ книгахъ 1677 г. по Переяславлю Залѣсскому; въ книгахъ Устюга Великаго 1630 г. и 1676—1683 и Тулы 1625 г. встрѣчаемъ даже еще разряды «самые худые». Всѣ эти книги изданы московскимъ купечествомъ.

[3]) *Бѣляевъ*, Лекціи, 493, и *Соколовскій*, Экономической бытъ, 14. Мы уже видѣли выше въ описаніи Переяславля Залѣсскаго—см. выше, 283,—что бобыли и вовсе не тянули тягла; подобные же примѣры еще напр. у *Неволина*, О пятинахъ и погостахъ, прим. стр. 109, 112, 116, 173, 356 и мн. др.

[4]) См. выше, 63—65.

[5]) Подобные примѣры встрѣчаются въ изданныхъ московскимъ купечествомъ книгахъ.

[6]) См. выше, 65—66.

другіе изъ нея выходили; иногда прямо правительство приписывало къ посаду цѣлыя слободы людей, прежде тягла не тянувшихъ; но въ такихъ случаяхъ, повидимому, сообразно съ числомъ приписанныхъ дворовъ увеличивался и размѣръ тягла, такъ что посадъ этимъ, повидимому, облегчаемъ не былъ, а лишь большее число жителей привлекаемо было къ тяглу [1]). Но такія приписки въ тягло прежде нетяглыхъ дворовъ, производившіяся время отъ времени, не уничтожили, однако, существованія послѣднихъ рядомъ съ первыми. Но если правительство не успѣвало въ своемъ стремленіи по возможности всѣхъ городскихъ жителей записать въ тяглые, и если еще часто около города основывались нетяглыя слободки, платившія, впрочемъ, многія повинности, какія поэтому, весьма возможно, уплачивались и всѣми вообще нетяглыми людьми [2]), то еще менѣе успѣвало оно въ борьбѣ съ уходомъ посадскихъ тяглыхъ людей со своихъ мѣстъ или даже просто—съ выходомъ ихъ изъ состоянія черныхъ людей, даже не покидая мѣстъ своего прежняго жительства: мы видѣли выше, какъ сильно запустѣли центральные города уже въ серединѣ вѣка, а въ Тулѣ видѣли между ратными или дворниками многихъ людей, которые прежде тутъ же были посадскими черными, при чемъ особенно замѣчательно то, что очень часто такіе факты имѣли мѣсто при сдѣлкахъ, поощрявшихся даже отчасти правительствомъ [3]). Изъ данныхъ нашихъ писцовыхъ книгъ совершенно несомнѣнно, что такіе выходы начались еще задолго до Смуты, а не только послѣ нея, какъ думали многіе изслѣдователи. Замѣтимъ, наконецъ, что по писцовымъ книгамъ очевидно, что, по крайней мѣрѣ послѣ всякаго описанія, пустыя мѣста уже не оплачивались членами той же общины [4]).

Какъ мы уже видѣли выше, въ городахъ близко къ чернымъ людямъ по своимъ занятіямъ стояли и представители нѣкоторыхъ другихъ классовъ; это вполнѣ естественно, ибо давно уже и совершенно вѣрно замѣчено, что въ то время въ Московскомъ государствѣ сословія еще не были разграничены сколько-нибудь рѣзко, и что главнымъ образомъ они различались не правами, а родомъ своей службы государству [5]).

---

[1]) См. выше, 160, 175—176, 184—185.

[2]) См. выше, 187.

[3]) См. выше, 211—212, 285—286.

[4]) См. выше, 109—110, также 195.

[5]) *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, I, 75; *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, 630, 659; *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, I, 93.

По всѣмъ городамъ въ XVI в. были люди ратные и служившіе государю службою, а не тягломъ; только, въ совершенно ясной зависимости отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, въ однихъ городахъ въ большемъ, въ другихъ—въ меньшемъ количествѣ. По своему составу, какъ и по занятіямъ, они были весьма близки къ чернымъ людямъ; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русское населеніе было многочисленно, ратные и набирались, какъ очевидно по фамиліямъ, изъ мѣстнаго чернаго населенія [1]); въ другихъ областяхъ они составлялись изъ приходцевъ, собиравшихся тамъ со всей почти тогдашней Руси; но мы ни разу не встрѣчали въ числѣ низшихъ ратныхъ людей, а не въ числѣ ихъ начальниковъ, такихъ, которыхъ должны были бы считать за дворянъ или дѣтей боярскихъ [2]). Въ большинствѣ городовъ между ратными людьми первое по числу мѣсто занимали стрѣльцы, въ меньшинствѣ казаки; затѣмъ мы видимъ всегда затинщиковъ, пушкарей, воротниковъ; изъ людей, служившихъ такъ же государю, хотя и не ратныхъ, почти повсюду были ямщики, рѣже казенные кузнецы, плотники и каменьщики; въ городахъ по западной и особенно восточной окраинамъ были еще жалованные толмачи, въ Казани еще нѣсколько ратныхъ людей нѣмецкаго строя. Повсюду, кромѣ городовъ Новгородской области, люди ратные жили въ нетяглыхъ дворахъ и, составляя часто общины между собою, не входили въ общины людей черныхъ тяглыхъ [3]). Объ устройствѣ ратныхъ людей писцовыя книги даютъ намъ не много свѣдѣній. Гдѣ ихъ было много—видимъ ихъ дѣленіе на большіе отдѣлы, называвшіеся приказами, или чаще приборами, гдѣ меньше—видимъ лишь сотни; приборы эти по числу людей даже въ одномъ городѣ были очень неровны [4]), равно какъ и въ сотнѣ почти никогда не видимъ ровно ста человѣкъ, хотя несомнѣнно, что въ примѣненіи къ ратнымъ людямъ сотня не была только дѣленіемъ людей по занятіямъ, какъ въ примѣненіи къ чернымъ [5])—по предположенію правительства, сотня должна была заключать, дѣйствительно, сто человѣкъ [6]). Приборы были подчинены головамъ;

---

[1]) См. выше, 113.

[2]) *Бѣляевъ* говоритъ, что дѣти боярскіе поступали и въ низшіе ратные люди, а разсыльщиковъ считаетъ почти сплошь набиравшимися изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Лекціи, 487—488.

[3]) См. выше, 190, 220—222.

[4]) См. выше, 220.

[5]) *Бѣляевъ*, Лекціи, 313.

[6]) Въ Епифани, гдѣ должно было быть 7 сотенъ, земли отведено по разсчету на 700 чел., и въ каждой сотнѣ отдѣльно предполагалось по 100 дворовъ. См. выше, 289, 296.

ниже стояли сотники, пятидесятники, десятники; на обязанности головъ и сотниковъ лежало и набирать людей въ подчиненные имъ отряды [1]). Въ огромномъ большинствѣ случаевъ ратные люди получали въ вознагражденіе земельные участки; жалованье денежное и хлѣбное встрѣчаемъ гораздо рѣже, и иногда оно давалось лишь на первое время, пока не была еще распахана земля [2]); земля же давалась, особенно казакамъ въ городахъ по южной окраинѣ, въ такомъ количествѣ, что ихъ, по крайней мѣрѣ, мы должны считать вполнѣ военными поселенцами, вооруженными крестьянами [3]); и ратные люди занимались пашнею, повидимому, даже съ выгодою для себя—по крайней мѣрѣ, въ 70-хъ годахъ въ нѣсколькихъ городахъ казакамъ прибавлено было еще по ихъ челобитью земли по 30 четей человѣку [4]). Особенно много земли имѣли казаки именно въ тѣхъ городахъ, гдѣ они составляли большинство населенія; тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ были всегда очень слабо развиты торговля и промышленность [5]); но въ другихъ городахъ, гдѣ ратные люди составляли не большинство населенія, и гдѣ торговля и промышленность были значительны, ратные люди принимали въ нихъ такое же участіе, какъ и черные люди: въ очень многихъ городахъ они давали въ общее число ремесленниковъ и торговцевъ почти такой же процентъ, какой процентъ всего населенія составляли они въ томъ или другомъ городѣ; и платили они со своихъ торговыхъ заведеній обыкновенно въ томъ же размѣрѣ, какъ и всѣ другіе люди [6]). Такимъ образомъ уже въ это время ратные люди въ значительной степени вторгаются въ кругъ дѣятельности посадскихъ, имѣя предъ ними то преимущество, что не тянутъ тягла—случаи участія ратныхъ людей въ тяглѣ видимъ лишь въ городахъ сѣверныхъ. Занятіе ратныхъ [7]) людей торговлею не было еще въ XVI в. нарушеніемъ закона, но оно не могло, конечно, не отражаться на развитіи посадской общины. Всѣ эти факты, думаемъ мы, не лишніе для вѣрнаго представленія характера тогдашняго войска; болѣе подробныя свѣдѣнія и точныя цифры приведены нами выше.

---

[1]) См. выше, 290.
[2]) См. выше, 292.
[3]) См. выше, 294.
[4]) *Бѣляевъ,* О сторожевой и станичной службѣ, Временникъ, 4, пр. 49.
[5]) См. выше, 294.
[6]) См. выше, 131—132, 190, 219 и 297.
[7]) См. выше, 48.

Люди, служившіе государю службою, въ общемъ значительно рѣже занимались торговлею или промысломъ. Когда подрядъ описывается нѣсколько дворовъ людей одного наименованія, а тѣмъ болѣе—въ особой слободѣ, то всегда эти люди записываются «со двора такой-то»; когда же дворы такихъ людей описываются между дворами другихъ людей, то всегда читаемъ «дворъ такого-то». Казенные государевы ремесленники дѣлали государево дѣло, гдѣ государь укажетъ, и въ другихъ городахъ; ямщики гоняли гоньбу по книгамъ, причемъ они получали заранѣе опредѣленную подмогу, а затѣмъ производился разсчетъ, и если оказывалось, что они гоняли больше, чѣмъ за сколько они получили—то доплачивалось, если же меньше—съ нихъ собирались по разсчету деньги назадъ [1]). Устройство ямской службы очень занимало правительство; много грамотъ говорятъ намъ о ямщикахъ, въ рукописяхъ есть очень интересные документы, спеціально относящіеся къ устройству ямской службы; если бы подробно ихъ обслѣдовать, то можно было бы дать небезъинтересную картину правительственныхъ заботъ и дѣятельности по этому вопросу, а равно и выяснить тягость и значеніе этой повинности для мѣстнаго населенія [2]).

Представители бѣлаго духовенства были, конечно, во всѣхъ городахъ; представители чернаго и люди, зависѣвшіе отъ духовенства—не вездѣ. Всѣ эти люди не особенно замѣтно выдѣлялись изъ остальной массы населенія; они составляли уже значительно меньшую группу, чѣмъ люди черные или ратные, и число ихъ, не завися въ такой мѣрѣ отъ особенностей положенія того или другого города, конечно, менѣе и колебалось; можно однако замѣтить, что въ городахъ центральныхъ, подмосковныхъ, духовенства и людей, отъ него зависѣвшихъ, было значительно больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Тогда церкви были поставленья то прихожанъ, то отдѣльныхъ лицъ [3]), то царя и государя; церковнослужители послѣднихъ обыкновенно получали ругу, т. е. хлѣбное и денежное содержаніе [4]); также назначалось обыкновенно еще

[1]) Д. А. И., I, № 104, 1526

[2]) См. напр., А. А. Э, I, №№ 256, 206, 1512—1541 и др:, интересная грамота XVII в. о ямской слободѣ напечатана *Вельяминовымъ Зерновымъ* въ его Изслѣдованіи о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ; ркп. И. П. Б., Q. IV, 261—Книги Устройныя Новгородскихъ ямовъ, XVI—XVII в. источникъ въ очень многихъ отношеніяхъ въ высшей степени любопытный.

[3]) См. напр., П. Кн. М. Г., II, 1265, 1267, 1590—1593; Акты, относящіяся до гражданской расправы древней Руси, I, № 55, 1541.

[4]) *Бѣляевъ*, Лекціи, 300.

денежное содержаніе и для самыхъ этихъ церквей. Руга опредѣлялась заранѣе, такъ сказать по штату, на maximum людей, которые имѣли получать ругу, независимо отъ дѣйствительнаго ихъ числа въ каждую минуту [1]), и случалось, что при ружныхъ церквахъ священнослужителей бывало то меньше, то больше, чѣмъ полагалось; но почти навѣрно можно сказать, что получали ругу только бывшіе налицо служители; выдавалась руга чаще на мѣстѣ, но иногда нужно было ѣхать для полученіи ея въ Москву [2]). Не имѣя описанія въ писцовыхъ книгахъ самыхъ большихъ тогдашнихъ городовъ, мы не встрѣчали, чтобы при церкви было болѣе 10—12 священно и церковнослужителей, тогда какъ по актамъ знаемъ, что при соборахъ, напр. въ Новгородѣ при Софійскомъ или во Владимірѣ, ихъ бывало гораздо больше [3]). Пономари тогда считались ближе къ людямъ чернымъ, чѣмъ къ духовенству; церковные дьяки часто были вмѣстѣ и земскими [4]); несомнѣнно также что часто многія духовныя лица состояли въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ мѣстными черными людьми [5]). Близкія отношенія духовенства съ черными людьми въ то время—фактъ извѣстный; извѣстно, что тогда прихожане сами и выбирали себѣ священника [6]), что они принимали очень близкое участіе, въ иныхъ мѣстахъ имѣли даже почти исключительное значеніе въ распоряженіи церковными имущества [7]); извѣстно, что Судебникъ старался еще какъ будто бы охранить священника отъ прикрѣпленія наравнѣ съ крестьянами и постановлялъ, что попу пожилого нѣтъ и ходити ему безсрочно воля [8]), и что Уложеніе какъ бы указываетъ на возможность сильнаго давленіи на священника со стороны прихожанъ, когда постановляетъ, чтобы крѣпостямъ, писаннымъ для дѣтей боярскихъ церковнослужителями ихъ приходовъ, не вѣрить; въ Уложеніи же постановлено давать судъ на тѣхъ священниковъ и дьяконовъ, которые окажутся бѣглыми холопами, и отсылать ихъ къ патріарху, который и дастъ о нихъ указъ по правиламъ св. отецъ [9]). Церковнослужители участвовали въ тяглѣ не только въ

[1]) См. выше 229—231.

[2]) См. выше, 165, пр.; А. И., I, № 128, 1521.

[3]) См. напр. П. С. Р. Л., III, 251, л. 7060; А. И., I, № 148.

[4]) См. выше, 70; А. Ю., №№ 285, 286, 287, 1675—1686.

[5]) См. выше, 58, 84.

[6]) Стоглавъ, изд. Кажанчиковъ, 135.

[7]) См. выше, 67, 149—150.

[8]) А. И., I, № 153, ст. 88.

[9]) Уложеніе, гл. X, 249, и гл. XX, 67.

сѣверныхъ городахъ, но и въ другихъ [1]); любопытно, что если священники принимали повидимому участіе въ тяглѣ, то и наоборотъ прихожане извѣстной церкви принимали ближайшее участіе въ несеніи повинностей, лежавшихъ на ихъ церкви, такъ что имѣемъ случаи, когда приходъ пустѣетъ отъ непосильныхъ тратъ на уплату податей съ церковныхъ имуществъ [2]).

Церковно- и священнослужители принимали нѣкоторое участіе въ ремесленной и торговой дѣятельности; участіе это было, впрочемъ, вообще довольно незначительно, но платили при этомъ духовные со своихъ лавокъ въ общемъ совершенно по тому же разсчету, какъ и черные и ратные люди; болѣе встрѣчалось такихъ случаевъ въ Псковѣ и совершенно не было ихъ въ Казани и Свіяжскѣ; чаще были—особенно тоже во Псковѣ—лавки у монастырей и церквей, конечно, отдававшіяся въ наемъ разнымъ людямъ. Почти всюду видѣли мы у церквей и земельные участки, часто безоброчные, но нерѣдко и оброчные; во Псковѣ и въ его пригородахъ Псковскіе монастырн и церкви являются намъ даже очень крупными, сравнительно, землевладѣльцами; въ рукахъ церквей же и монастырей сосредоточено было тамъ и много мельницъ; но какъ и церковная руга, доходъ съ церковныхъ имуществъ составлялъ собственность не церковно служителей, а церкви [3]), и часто даже прихожане, черезъ своихъ старостъ, имъ распоряжались.

Людей, зависѣвшихъ отъ духовенства, мы видѣли, прежде всего, два раза въ архіепископскихъ и нѣсколько разъ въ монастырскихъ слободахъ; эти слобожане, совершенно ясно, составляли дворовую прислугу архіерейскаго дома или монастыря [4]); они, часто сведеные съ черныхъ мѣстъ, избавляемы были обыкновенно отъ тягла, но всетаки, по крайней мѣрѣ иногда, исправляли нѣкоторыя повинности — именно шедшія въ пользу намѣстника [5]). Занимались ремеслами эти люди очень много, торговали сравнительно меньше, чѣмъ черные и ратные; кромѣ этихъ людей и архіепископы и монастыри держали еще наемныхъ рабочихъ, которые назывались дѣтенышами [6]). Наконецъ, были люди

---

[1]) См. выше, 53, пр., 166; также А. И., I, № 205, 1579; см. также, напр., П. С. Р. Л., VI, 7042, стр. 293.

[2]) См. выше, 149. Ср. также *Бѣляевъ*, Разсказы, II, 4, 94; III, 134—141.

[3]) См. выше, 67

[4]) См. выше, 225.

[5]) См. выше, 169—170.

[6]) См. выше, 227.

у отдѣльныхъ священниковъ и церквей, даже государева данья[1]); но объ ихъ отношеніяхъ къ своимъ хозяевамъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Наконецъ, болѣе или менѣе зависимыми отъ церквей нужно считать нищихъ; они обыкновенно, какъ мы видѣли, и описывались въ кельяхъ при церквахъ, съ указаніемъ, что они кормятся отъ церкви Божіей и отъ міру; болѣе всего мы встрѣчали ихъ въ городахъ центральныхъ; въ городахъ сѣверныхъ вѣроятно мы ихъ видимъ подъ именемъ старцевъ богадѣльныхъ; богадѣльной избѣ обыкновенно отводился небольшой огородъ; нищіе въ городахъ подмосковныхъ принимали даже участіе въ торговлѣ, но совершенно ничтожное. Видя нищихъ болѣе всего въ книгахъ Коломны и Можайска, болѣе близкихъ уже къ концу вѣка, и не находя о нихъ никакого упоминанія въ Стоглавѣ, а равно и въ книгахъ Новгородскихъ, относящихся къ самому началу вѣка, и лишь одно въ Домостроѣ, мы склонны думать, что нищенство если не возникло, то по крайней мѣрѣ достигло сколько нибудь значительнаго развитія всего только въ второй половинѣ XVI в. Упомянемъ, наконецъ что многія церкви—почти всѣ ружныя—и многіе монастыри описаны въ писцовыхъ книгахъ очень подробно и что описанія эти представляютъ очень значительный интересъ во многихъ отношеніяхъ; данными о церковныхъ книгахъ мы уже отчасти и воспользовались, какъ выше говорили уже; въ одномъ описаніи города читаемъ, между прочимъ, что въ соборѣ служба вседневная, а въ остальныхъ церквахъ служатъ лишь по воскресеньямъ и праздникамъ и наканунѣ ихъ [2]).

Во всѣхъ городахъ видѣли мы представителей служилаго сословія, дворянъ и дѣтей боярскихъ; но только въ Казани и Свіяжскѣ и частью въ городахъ по южной окраинѣ они жили сами и притомъ въ довольно даже значительномъ числѣ; во всѣхъ же остальныхъ городахъ они сами обыкновенно не жили, а лишь имѣли осадные дворы и на нихъ держали дворниковъ [3]). Общимъ правиломъ было, что дворы въ городѣ имѣли мѣстные помѣщики [4]); среди дворовъ дворянъ перечисляются иногда и дворы дьяковъ [5]).

---

[1]) См. выше, 168, 301.

[2]) См. выше, 57.

[3]) См. выше, 160, 270.

[4]) См. выше, 267.

[5]) См. выше, 191; *Н. П. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI в., 190 и сл., уже указывалъ, что дьяки тогда занимали часто довольно почетное положеніе среди представителей тогдашняго служилаго сословія.

Между дворянами, особенно въ Коломнѣ и Серпуховѣ, встрѣчаемъ довольно много несомнѣнно татарскаго происхожденія; иные дворяне служили по земскимъ выборамъ, напримѣръ, губными старостами; они оставались, конечно, при этомъ дворянами, но дворы ихъ, повидимому, не считались въ итогѣ дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [1]). Въ городахъ подмосковныхъ вообще видимъ среди владѣльцевъ дворовъ много представителей болѣе извѣстныхъ родовъ, въ городахъ же окраинныхъ—преимущественно представителей фамилій неизвѣстныхъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Казани и Свіяжска, гдѣ сосредоточены были члены знатнѣйшихъ фамилій. Интересно при этомъ, что въ городахъ подмосковныхъ и въ городахъ по южной окраинѣ видимъ и дворянъ и дѣтей боярскихъ, въ городахъ же Псковской области и въ Казани и Свіяжскѣ—не смотря даже на знатность родовъ, представители которыхъ были въ нихъ— только дѣтей боярскихъ и никогда дворянъ; такимъ образомъ и въ писцовыхъ книгахъ отразилось отчасти различіе между дворянами и дѣтьми боярскими, но почему и какъ тѣ или другіе люди обозначались лишь дѣтьми боярскими, а другіе дворянами—не видно съ полной ясностью. Повидимому, за полученныя въ уѣздѣ города помѣстья должны были дворяне и дѣти боярскіе нести по каждому городу службу. Обязанности ихъ состояли прежде всего въ томъ, что они должны были пріобрѣсти въ самомъ городѣ, или и на посадѣ, особенно, если посадъ былъ также укрѣпленъ, осадные дворы; пріобрѣтеніе это совершалось обыкновенно путемъ покупки двора у чернаго человѣка, причемъ, какъ мы видѣли, такая продажа, уступка двора служилому человѣку была обязательна для чернаго человѣка [2]); такіе дворы въ уѣздахъ центральныхъ и окраинныхъ, переходя въ руки людей ратныхъ, дѣлались, кажется, eo ipso бѣлыми; въ городахъ же сѣверныхъ случалось, что дворы людей служилыхъ оставались и тяглыми [3]). Обыкновенно дворомъ осаднымъ, а тѣмъ болѣе—въ самомъ городѣ, владѣлъ не одинъ сынъ боярскій, а нѣсколько, и каждый былъ обязанъ поставить на дворѣ извѣстную часть построекъ и каждый имѣлъ право распоряжаться своею частью, своимъ жеребьемъ [4]); выморочные дворы, или дворы, просто оставленные дѣтьми боярскими при удаленіи ихъ изъ того

---

[1]) См. выше, 159—161.

[2]) См. выше, 211—212.

[3]) См. выше, 43; при описаніи такихъ дворовъ въ городахъ центральныхъ и окраинныхъ они всегда являются прямо «бѣлыми».

[4]) См. выше, 269—270.

или другаго города, поступали въ пользу государя и вообще, повидимому, владѣли служилые люди этими дворами на правѣ помѣстномъ, а не на правѣ полной личной собственности [1]); на этихъ дворахъ служилые люди должны были содержать особыхъ людей своихъ, дворниковъ—повидимому холоповъ—главною задачею которыхъ было, кажется, участіе въ защитѣ города; не будемъ теперь повторять доказательствъ, выше приведенныхъ нами въ пользу такого положенія [2]); но если мы правы, то число войска, или, точнѣе, число людей, которые имѣли ближайшее отношеніе къ военнымъ потребностямъ этихъ мѣстностей, было въ окраинныхъ городахъ весьма значительно. Кромѣ этого, въ пограничныхъ городахъ жившіе тамъ дворяне и дѣти боярскіе несли и личную службу—то содержали стражу, то принимали участіе въ степныхъ сторожахъ [3]). Въ Казань и Свіяжскъ, по временамъ, были назначаемы въ довольно большомъ количествѣ служилые люди и изъ другихъ городовъ, такъ называемые годовальщики; при военной потребности въ какой-нибудь городъ являлись служилые люди изъ нѣсколькихъ городовъ, по заранѣе составленному, росписанію [4]). Мы не знаемъ въ точности порядковъ назначенія на службу этихъ годовальщиковъ, а также и того, получали ли они за такую службу особое вознагражденіе, или должны были исполнять ее съ тѣхъ помѣстій, какія они имѣли въ уѣздѣ одного какого-либо города. Ни ремеслами, ни торговлею можно сказать нигдѣ и никогда дворяне и дѣти боярскія не занимались; единственное исключеніе представляютъ три брата городничіе во Псковѣ, самомъ большомъ и богатомъ городѣ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ по писцовымъ книгамъ, хотя, очевидно, это только не было въ обычаѣ, а не то, чтобы не разрѣшалось [5]). Разсматривая всѣ данныя писцовыхъ книгъ о дворянахъ и дѣтяхъ боярскихъ, мы видимъ, что, дѣйствительно, служилые люди тогда не имѣли никакихъ интересовъ въ областяхъ; они, если и не стояли къ мѣстному населенію въ отно-

---

[1]) См. выше, 211, 161; *Загоскинъ*, О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ, 5, 19 и слѣд.

[2]) См. выше, 270—276.

[3]) См. выше, 213; *Бѣляевъ*, О станичной и сторожевой службѣ, Временникъ, 4, 12.

[4]) Много примѣровъ этого начала XVII в. въ Разрядныхъ книгахъ.

[5]) Нѣкоторыя грамоты—напр. А. А. Э. I. № 134, 1497, говорятъ о сборѣ торговыхъ податей между прочимъ и въ такомъ случаѣ, когда съ товаромъ ѣдетъ сынъ боярскій.

шеніяхъ враждебныхъ, то были во всякомъ случаѣ совершенно чужды ему [1]).

Выше мы видѣли, что жители городовъ занимались какъ земледѣліемъ, такъ и торговопромышленною дѣятельностью. Обращаясь теперь къ болѣе подробному обозрѣнію этихъ занятій, относительно земледѣлія мы прежде всего должны отмѣтить неустановленность еще трехпольной системы въ сѣверозападной области до самаго конца XVI в., [2]) въ то время какъ въ городахъ центральныхъ и по южной и восточной окраинамъ система эта, насколько можно судить по писцовымъ книгамъ, уже безъ исключеній господствовала. Повидимому, всего болѣе пахали жители именно сѣверозападныхъ городовъ; въ Казани же и Свіяжскѣ, судя по огромному количеству сѣнныхъ покосовъ, отведенныхъ къ посаду этихъ городовъ, тогда какъ при описаніи всѣхъ другихъ городовъ о сѣнокосахъ говорится вообще значительно рѣже, нужно предположить большее развитіе скотоводства. Количество пашни, за исключеніемъ какого-нибудь одного случая [3]), опредѣляется числомъ четей, количество сѣнокоса—числомъ копенъ сѣна; иногда указано, по скольку копенъ сѣна считалось на десятину—и тогда, дѣйствительно, число копенъ сѣна вполнѣ соотвѣтствуетъ числу десятинъ; но не всегда такія указанія имѣлись, да кромѣ того въ разныхъ областяхъ считалось на десятину сѣна отъ 10 до 30 копенъ; въ нашихъ источникахъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ, даже приблизительныхъ, указаній на среднія нормы урожая. Какъ мы уже говорили выше, и на человѣка и на дворъ земли приходилось въ разныхъ городахъ далеко не поровну [4]). Сверхъ пашни, у посадскихъ черныхъ людей, по крайней мѣрѣ, были еще на каждый дворъ огороды, а на сѣверѣ такъ довольно часто еще и сады [5]); города центральные и по юговосточной окраинѣ представляли для садоводства, конечно, болѣе удобныя условія, но оно, не составляя отрасли промышленности, необходимой для мѣстнаго населенія, не развивалось тутъ, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія достаточной безопасности.

---

[1]) *Градовскій,* Исторія мѣстнаго управленія, т. I, гл. I, указалъ, что и по юридическому своему положенію, согласно дѣятельности и потребностямъ правительства, дворяне не имѣли никакихъ правъ и интересовъ, какъ представители мѣстнаго общества.

[2]) См. выше, 115—116.

[3]) См. выше, 143.

[4]) См. выше, 287.

[5]) См. выше, 39, 114—115.

Значительно болѣе почерпаемъ мы свѣдѣній о торговой и промышленной дѣятельности городскаго населенія, и данныя эти имѣютъ очень большое значеніе. Дѣло въ томъ, что при изученіи вопросовъ о торговлѣ и промышленности какого-либо вѣка чрезвычайно важно имѣть хотя бы и о немногихъ городахъ, но зато полныя данныя: только при этомъ условіи можно опредѣленно отвѣтить на вопросы объ отношеніи числа ремесленниковъ и числа лавокъ къ общему числу жителей города, о томъ, какія именно ремесла были распространены, какъ распредѣлялись ремесленники и лавки между представителями разныхъ сословій и т. п. вопросы, на которые, даже и при массѣ отдѣльныхъ фактовъ, давно уже извѣстныхъ, вовсе нельзя отвѣтить сколько-нибудь опредѣленно, разъ мы не можемъ быть увѣрены, что въ нашемъ распоряженіи находятся если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большинство фактовъ, относящихся къ области подобныхъ вопросовъ. И въ этомъ отношеніи писцовыя книги даютъ несомнѣнно почти всѣ факты. Далѣе, писцовыя книги очень цѣнны еще тѣмъ, что рисуютъ намъ постоянную торговлю въ городахъ, тогда какъ безъ нихъ для XVI в. мы имѣли сколько-нибудь подробныя свѣдѣнія лишь о торговлѣ внѣшней, привозной или вывозной, и затѣмъ о торговлѣ съѣстными припасами на торговой площади. И мы постараемся теперь дать общую картину торговопромышленной дѣятельности въ городахъ XVI в.

Какъ мы уже говорили выше, города были тогда торговопромышленными центрами для довольно обширныхъ районовъ; кромѣ указанныхъ уже нами доказательствъ этого, такъ нужно заключать и изъ того, что въ иныхъ городахъ лавокъ было слишкомъ много, чтобы допустить, что онѣ удовлетворяли только потребностямъ города [1]). Въ городахъ торговля производилась тогда: мѣстными жителями въ лавкахъ, повидимому, постоянно [2]), пріѣзжими торговцами въ гостиныхъ дворахъ и наконецъ — пріѣзжими изъ

---

[1]) Такъ, въ Казани и Свіяжскѣ приходилось ровно по 20 лавокъ на 100 записанныхъ въ книгу жителей, въ Торопцѣ 12½, въ Коломнѣ—30 и въ Можайскѣ—40; послѣднія двѣ цифры, сравнительно очень высокія, объясняются, конечно, тѣмъ, что мы застаемъ эти города въ тотъ моментъ, когда они уже потеряли большую долю своего прежняго населенія.

[2]) Уложеніе, X, 25, опредѣляетъ очень немного торжественныхъ дней, въ которые запрещалась торговля; см. также А., о. до ю. б., № 143, 1622.

ближайшихъ селъ крестьянами, обыкновенно разъ или два въ недѣлю, въ назначенные дни [1]).

Лавки въ огромномъ большинствѣ случаевъ принадлежали постояннымъ жителямъ города. Обыкновенно распредѣлялись лавки между черными посадскими людьми, людьми ратными и зависимыми отъ дѣтей боярскихъ, духовенства, и церквей почти совершенно пропорціонально числу представителей въ городѣ тѣхъ, другихъ и третьихъ; между отдѣльными владѣльцами лавки распредѣлялись въ большинствѣ случаевъ довольно равномѣрно: рѣдко кто владѣлъ болѣе, чѣмъ тремя лавками, за исключеніемъ, конечно, Казани и Пскова, гдѣ иные имѣли лавокъ по 10 и болѣе и платили разъ въ 10—15 больше, чѣмъ въ среднемъ каждый изъ участвовавшихъ въ торговлѣ людей. Оброкъ съ лавокъ вообще нужно признать довольно невысокимъ, и потому не невозможно, что тогда взимались нѣкоторыя пошлины и при покупкѣ товара прямо изъ лавки [2]), какъ и при покупкѣ ихъ на торговой площади, прямо изъ первыхъ рукъ. На точно такихъ же основаніяхъ, по какимъ мы должны допускать передѣлы земельныхъ участковъ, мы должны предположить подобные же переходы отъ одного владѣльца къ другому и лавокъ [3]), хотя, признаемся, въ подробностяхъ они намъ уже совершенно неизвѣстны. Часто указывается, что нормальная величина лавки—2 саж.; но это ненужно толковать какъ указаніе на то, что черезъ извѣстные промежутки времени равная, единообразная величина лавокъ была возстановляема: дѣло въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ съ лавокъ платилось посаженно, а въ тѣхъ, когда лавка была жалованною, т.-е. безоброчною, безоброчною бывала лишь лавка въ 2 сажени, а съ прибавки противъ этой величины взимался оброкъ [4]).

Лавки располагались рядами; рядъ назывался обыкновенно по главному предмету торга въ лавкахъ его; затѣмъ встрѣчаемъ ряды: большой, тверской, костромской, псковскій и т. п.; иногда бывало по два ряда съ однимъ названіемъ—тогда они различались опре-

---

[1]) См. выше, 266, пр.; также, напр. А. А. Э., I, № 362, 1595. Но А. А. Э., I, № 356, 1592, Уставная грамота на Чаранду—«на торгу торговати по вся дни, какъ и въ иныхъ городахъ»; также № 263, 1563.

[2]) А. И., I, № 193, жалованная грамота Астраханскому Троицкому монастырю—приказано дать монастырю мѣсто для лавки и въ этой лавкѣ покупать и продавать беспошлинно; также Д. А. И., I, № 116, 1563.

[3]) См. выше, 243—244.

[4]) См. выше, 39, 250—251; см. также Д. А. И., I, № 116, 1563.

дѣленіями: большой, старый. Распредѣленіе лавокъ по рядамъ было, конечно, во всякомъ городѣ свое. Главнѣйшую часть торговли вообще составляли предметы питанія; наиболѣе разнообразны предметы торга во Псковѣ, самомъ большомъ изъ разсмотрѣнныхъ нами городовъ; въ городахъ, ближайшихъ къ Москвѣ, занимаютъ въ торговлѣ сравнительно очень важное мѣсто предметы не первой необходимости и особенно домашняго обихода [1]), въ чемъ нужно видѣть, конечно, вліяніе столицы; наиболѣе же ясно выступаетъ преобладаніе въ торговлѣ предметовъ питанія въ Тулѣ и Казани; при этомъ въ Тулѣ лавки, торговавшія мясомъ, составляли по числу чуть не третью часть всѣхъ лавокъ этого города; предметами же не первой необходимости торговали всего чуть-ли не въ 7% общаго числа лавокъ [2]). Указанія товаровъ, какими торговали въ рядахъ и въ отдѣльныхъ лавкахъ весьма цѣнны для насъ тѣмъ, что даютъ возможность составить довольно точное представленіе о томъ, какіе вообще товары тогда обращались среди населенія городовъ.

Во всякомъ мало-мальски значительномъ городѣ былъ непремѣнно гостиный дворъ, а то и не одинъ. На немъ должны были останавливаться, складывать свои товары и торговать всякіе пріѣзжіе торговцы. Для житья ихъ на гостиномъ дворѣ всегда были избы, гдѣ пріѣзжіе гости, за опредѣленную плату съ человѣка въ недѣлю, пользовались ночлегомъ и столомъ; размѣръ платы, а иногда также и обязательныя для дворника кушанья, опредѣлялись особыми уставными грамотами. Пріѣзжій торговецъ могъ не складывать своихъ товаровъ и потому не платить дворнику гостинаго двора лишь тогда, если онъ привозилъ товара не болѣе, какъ на опредѣленную сумму, обыкновенно на два рубля; если же онъ складывалъ товаръ, стоившій болѣе, гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то платилъ довольно большой штрафъ, пополамъ въ казну и дворнику [3]). Вообще, пріѣзжіе платили всегда значительно большіе поборы, чѣмъ мѣстные торговцы, кромѣ того, что имъ приходилось еще платить разные поборы во время проѣзда по дорогамъ, особенно по мостамъ; кто везъ товаръ, уже оплаченный таможникамъ, тотъ въ доказательство этого долженъ былъ имѣть узелки за таможниковою печатью [4]).

---

[1]) См. выше, 195, 199.

[2]) См. выше, 306.

[3]) Напр., С. Г. Гр. и Д.. II, № 69, 1598.

[4]) А. А. Э., I, №№ 263, 282, 1563, 1571; С. Г. Гр. и Д., II, № 69, 1598.

Наши писцовыя книги, говоря подробно о гостиныхъ дворахъ и о торгѣ въ лавкахъ, совсѣмъ не говорятъ о торгѣ прiѣзжихъ крестьянъ на площади; и это совершенно понятно: такой торгъ, производившiйся часто съ телѣгъ и съ рукъ, представлялъ изъ себя нѣчто непостоянное, измѣнчивое, такъ что описанiю его было, дѣйствительно, не мѣсто въ писцовыхъ книгахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что не одинъ и тотъ же торгъ подразумѣвается въ писцовыхъ книгахъ и въ тѣхъ грамотахъ, которыя намъ говорятъ о занимающемъ насъ теперь торгѣ достаточно подробно: предметы торга, указываемые тутъ и тамъ, совершенно различны. Грамоты говорятъ намъ постоянно о торговлѣ домашнею животиной, домашнею птицей, живьемъ и колотыми, дичью, овощами, ягодами, грибами, разными лѣсными матерiалами, какъ-то: углемъ, золой, лыкомъ, такими издѣлiями, какъ колеса, дровни, сани, затѣмъ такими матерiалами, какъ свинецъ, олово и т. д. [1]), чего мы никогда не видѣли въ лавкахъ, описанныхъ въ писцовыхъ книгахъ; на торгу же продавались и готовыя срубленныя избы, при продажѣ которыхъ пошлины собирались по числу угловъ [2]); на торгу же иногда, повидимому, совершались и кабальныя записи и продажа холоповъ [3]). Покупка и продажа тутъ сопровождались множествомъ различныхъ поборовъ: съ однихъ товаровъ взималось вѣсчее, съ другихъ помѣрное, съ третьихъ поштучно, отъ наиболѣе дешевыхъ товаровъ брали опредѣленную часть натурою; точно опредѣлить всѣ эти поборы невозможно, потому что имѣемъ грамоты, говорящiя о такомъ торгѣ только въ нѣкоторыхъ городахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что тутъ существовала масса мелкихъ различiй.

Какъ мы видѣли выше, писцовыя книги сообщаютъ намъ множество свѣдѣнiй о ремесленной и промышленной дѣятельности жителей городовъ, а весьма близкiя совпаденiя для разныхъ городовъ нѣкоторыхъ цифровыхъ отношенiй даютъ намъ основанiе думать, что тѣ, а не другiя цифры явились тутъ не случайно, и что, зная ихъ, мы узнаемъ дѣйствительно, въ жизни существовавшiя потребности въ той или другой ремесленной дѣятельности.

Вообще въ мало-мальскихъ значительныхъ городахъ, изъ числа доступныхъ нашему изученiю, ремесленниками обозначались отъ 20 до 25°/o всего населенiя. Наряду съ черными посадскими людьми

---

[1]) См. напр. А. А. Э., I, №№ 134, 230, 356, 363; А. И., I, № 137, 187 Д. А. И., I, № 116; С. Г. Гр. и Д., II, № 69, 1497—1598.

[2]) А. А. Э., I, № 255, 282, 307, 1560—1580.

[3]) А. А. Э., I, № 134, 1497.

принимали въ ремесленной дѣятельности участіе и люди ратные и люди зависимые отъ другихъ; въ общемъ—участіе въ ремесленной дѣятельности тѣхъ, другихъ и третьихъ довольно равномѣрно: обыкновенно представители каждаго изъ этихъ трехъ классовъ составляли въ общемъ числѣ ремесленниковъ города почти ровно такой же %, какой % всего населенія города составляли члены каждаго изъ этихъ классовъ; въ частностяхъ же, конечно, замѣтны нѣкоторыя колебанія: такъ, въ городахъ подмосковныхъ ремесленная дѣятельность была главнымъ образомъ въ рукахъ посадскихъ людей, въ городахъ по южной окраинѣ— въ рукахъ людей, зависѣвшихъ отъ людей служилыхъ [1]); духовенство принимало сравнительно уже значительно меньшее участіе въ ремесленной дѣятельности.

Всего названій разныхъ ремеслъ мы встрѣтили въ разобранныхъ нами книгахъ до 210 [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были

---

[1]) См. выше, 199, 303—304.

[2]) Вотъ списокъ тѣхъ названій ремеслъ, какія мы видѣли въ нашихъ источникахъ.

I. Хлѣбники, калачники, пирожники, блинники, мясники, рыболовы, рыбные прасолы, животинные прасолы, прасолы просто, мучники, крупяники, овсяники, луковники, гречишники, овощники, ситники, соленики, соляные поземщики, квасники, квашенинники, кисельники, масляника, сметанники, сырники, солодовники, хмѣлевики, бражники, пивовары, винокуры, повара, пряничники, сусленники, орѣшники, яблочники (34 названія).

II. Шелковники, суконники, холщевники, ветошники, красильники, овчинники, бобровники, кожевники, сапожники, башмачники, чоботные мастера, подошевники, лапотники, скорняки, сырейщики, сыромятники, опоечники, портные мастера, швецы, шубники, сермяжники, кафтанники, епанечники, макатейники, сарафанники, тафейники, колпачники, шляпники, шапошники, рукавичники, чулочники, полстовалы (32 названія).

III. Плотники, каменьщики, кирпичники, печники, кузнецы, гончары, бочарники, горшечники, котельники, ведерники, кадники, гвоздочники, токари, иконники, кожевники, сковородники, рѣшетники, замочники, свѣчники, мыльники, дегтяри, колесники, санники, сѣдельники, поневники (25 названій).

IV. Вулавочники, игольники, гребенники, москотинники, пуговичники, сережники. мечники, сабельники, саадачники, бронники, лучники, стрѣльники; золотари, серебряники, мѣдники, оловяничники, полудники, желѣзники, скупщики желѣзные; рудометы, укладники, угольники, молотники; лодочники, лодейники, судовщики, судоплаты, стружники, весельники; огородники, садовники, нивники; конюхи, конскіе барышники, пастухи коровьи, и просто пастухи; казаки, батраки, поденщики, носильщики, перевощики; скоморохи, гусельники, домрачеи, доморники, гудочники, дудники, рожечники, струнники, пѣсенники; кровопуски, кровопусницы, зубоволоки, повивальныя бабки, стригольники, коновалы, овчинные стригали; бумажники, «пишутъ»

развиты особенно нѣкоторыя ремесла какъ напр., каменьщиковъ, кузнецовъ и т. д. — въ зависимости, конечно, отъ особенныхъ физическихъ условій; но въ общемъ, раздѣляя ремесленниковъ на четыре принятыя нами выше группы, находимъ, что всего болѣе было ремесленниковъ, занимавшихся приготовленіемъ продуктовъ питанія, затѣмъ—приготовлявшихъ одежду и матеріалъ для нея, далѣе — приготовлявшихъ предметы домашняго обихода, и наконецъ — приготовлявшихъ разные предметы уже не первой необходимости; по числу же разныхъ названій ремеселъ выше всѣхъ стоитъ четвертая группа, къ которымъ относится болѣе половины названій, далѣе идутъ группы первая, вторая и третья. Разсматривая далѣе, въ первой группѣ можемъ указать большее число мясниковъ, ясно свидѣтельствующее о значительномъ потребленіи мяса, равно какъ и большое количество солениковъ заставляетъ думать, что не было недостатка и въ соли; мы находимъ также довольно много людей, приготовлявшихъ и продававшихъ тогдашнія лакомства—сусленики, пряники, затѣмъ орѣшниковъ, яблочниковъ, пивоваровъ и т. д. Въ данныхъ о ремесленникахъ, отнесенныхъ нами ко второй группѣ, большое число сапожниковъ, почти повсюду бóльшее, чѣмъ число портныхъ, невольно заставляетъ думать, что тогда очень многіе носили сапоги; и тутъ мы видимъ во всякомъ случаѣ большое разнообразіе производства: видимъ суконниковъ и шелковниковъ во Псковѣ, затѣмъ макатейниковъ, тафейниковъ, епанечниковъ, башмачниковъ, чоботныхъ мастеровъ, чулочниковъ, пуговичниковъ и т. д., множество ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкою и окраскою разныхъ холщевыхъ и кожаныхъ матеріаловъ. Домашній, хозяйственный инвентарь, какъ должны мы себѣ его представить по списку ремеслъ, оказывается довольно обширнымъ и неуступавшимъ, повидимому, теперешнему крестьянскому; такъ мы видѣли, между прочимъ, иконниковъ, свѣчниковъ, мыль-

---

книги,—на площади,—на камени; банники, барышники, бердники, веретенники, вершанники, вощечники, гладильщики, гробовщики, доничники, деревяничники, драничники, ерыжные, жерновники, «за каменемъ стоитъ», звонильники, зелейники, зольники, извощики, кипреники, колокольники, коречники, лычники, льяники, мельники, молодожники, перевощики, плесенники, плетенники, подкопщики, посошники, промежники, псари, рогозники, рожечники, санники, сводники, сдобники, смольники, смычники, сокольники, соловолоки, станочники, стекольники, сторонники, строи, строчники, тебенечники, тимовники трофольники, трушники, угольники, удники, фонарники, черепенники, шаровники, шелашники, шпанники, щепетинники (119 названій).

никовъ, замочниковъ, гребенниковъ, мѣдниковъ, оловяничниковъ, полудниковъ, фонарниковъ и т. п. Наконецъ, между ремесленниками, отнесенными нами къ четвертой группѣ, мы всюду почти видѣли скомороховъ и другихъ ихъ спутниковъ—домрачеевъ, гусельниковъ, гудочниковъ; встрѣчали не разъ тогдашнихъ примитивныхъ лекарей, кровопусковъ, даже кровопусницъ, повивальныхъ бабокъ, зубоволоковъ, коноваловъ, затѣмъ стригольниковъ, бумажниковъ, писавшихъ на камени, писавшихъ книги, наконецъ, бронниковъ, сабельниковъ, игольниковъ, серебряниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ.

Мы видѣли, наконецъ, въ изученныхъ нами книгахъ, нѣсколько интересныхъ фактовъ о промышленныхъ предпріятіяхъ въ то время. Довольно важною отраслью промышленности было во Псковѣ мукомольное дѣло: мельницы этого города, почти сплошь находившіяся въ рукахъ монастырей и церквей, удовлетворяли потребностямъ, повидимому, довольно обширнаго района и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли очень значительную часть денежныхъ доходовъ, собиравшихся во Псковѣ. Въ описаніи одной мельницы мы видѣли, что тогда готовы были довольствоваться съ промышленнаго предпріятія всего 2—3°/₀ дохода. Этотъ фактъ получаетъ особое значеніе въ виду того, что тогда, какъ извѣстно, при отдачѣ денегъ въ заемъ взимали очень высокіе °/о, обыкновенно 20°/о, и вмѣстѣ съ тѣмъ часто бывало, что кредиторъ вмѣсто °/о пользовался доходомъ съ заложеннаго ему имѣнія; изъ сопоставленія этихъ двухъ послѣднихъ фактовъ можно было бы вывести, что тогда или имѣнія давали очень высокій °/о дохода, или при закладѣ они оцѣнивались очень низко. Приведенный же нами теперь фактъ заставляетъ просто предположить, что тогда при вѣрномъ обезпеченіи, довольствовались и очень небольшимъ процентомъ дохода [1]). Мы видѣли, наконецъ, еще нѣсколько разъ варницы пивныя и мыльныя; во Псковѣ онѣ тоже давали значительный доходъ; за исключеніемъ ихъ, мы не встрѣчали ничего подобнаго теперешнимъ фабрикамъ или даже заводамъ; такая дѣятельность тогда была еще, дѣйствительно, совершенно не развита; тогда, какъ извѣстно, довольно часто выдавались разныя привилегіи обществамъ людей, соединявшихся для занятія какою нибудь отраслью промышленности добывающей, какъ, напр., рыболовствомъ, охотою, бортничествомъ, бобровою охотою, и не знаемъ случаевъ, чтобъ соединялись люди въ това-

---

[1]) См. выше, 150.

рищества для промышленности обработывающей. Собравши изъ писцовыхъ книгъ эти данныя о торговопромышленной дѣятельности населенія, мы, конечно, сознаемъ, что свѣдѣнія эти далеко неполны, но все-таки они являются болѣе полными и отчасти новыми и, вмѣстѣ съ данными объ указанныхъ выше общинныхъ распорядкахъ въ пользованіи землею и данными о близкихъ отношеніяхъ между собою членовъ общины, они близко вводятъ насъ въ обыденную жизнь, въ кругъ обыденныхъ интересовъ тогдашняго городскаго населенія.

Управленіе городами не было тогда, какъ извѣстно, правильно организовано; управляли ими то намѣстники, то воеводы, то дьяки; вмѣстѣ съ тѣмъ власть и значеніе тѣхъ и другихъ не были опредѣлены совершенно точно: то выше считались воеводы, то намѣстники [1]). Извѣстно, что повсемѣстное учрежденіе воеводъ, сдѣлавшихся вмѣстѣ съ тѣмъ главными органами администраціи, наблюдавшими за всѣми другими, низшими, относится къ ближайшему послѣ Смуты времени, когда ощущалась особенно настоятельная нужда въ сильной власти [2]); равнымъ образомъ и въ XVI в. мы видимъ воеводъ въ такихъ городахъ, которые тоже нуждались въ сильной власти, такъ какъ постоянно были въ опасности либо нападенія непріятелей, либо возмущенія окрестныхъ жителей. Во всѣхъ городахъ сѣверозападныхъ и въ Тулѣ часто рядомъ съ воеводами видимъ намѣстниковъ [3]), во многихъ другихъ рядомъ съ воеводами городничихъ или городовыхъ прикащиковъ, наблюдавшихъ, повидимому, за внѣшнимъ порядкомъ и общественной безопасностью въ городѣ [4]); въ третьихъ, наконецъ, осадныхъ

---

[1]) См. *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, 14—17, 25, 70; *Сергѣевичъ*, Лекціи и изслѣдованія, 852; *Бѣляевъ*, Лекціи, 317; *Соловьевъ*, VII, 42—44; *Чичеринъ*, Областное управленіе, 19, 22, 49, 54, 354, 357, 367; *Ключевскій*, Боярская дума, 122.

[2]) *Дмитріевъ*, Исторія судебныхъ истанцій, 55, *Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, 285—294, 312.

[3]) *Соловьевъ*, VII, 42. См. выше, 125 пр., 202, 206, 258.

[4]) См. напр., Царственная книга, 10, 86— упомянуты они въ разсказѣ, какъ строили мостъ для больнаго великаго князя и какъ разставляли въ 1541 г. пушки и надолбы по посаду; см. выше, 213, пр.; *А. А. Спицынъ*, въ статьѣ «Мѣстное и областное управленіе въ Вяткѣ до XVIII в.», Вятка, 1888 (первоначально въ мѣстныхъ Губернскихъ вѣдомостяхъ) приводитъ нѣсколько примѣровъ, что иногда городовые прикащики были выборные земскіе чиновники, съ характеромъ и отвѣтственностью приказной власти, но замѣчаетъ, что и ихъ значеніе и порядокъ избранія измѣнялись.

головъ и головъ стрѣлецкихъ и казачьихъ; во Псковѣ, въ Казани и Свіяжскѣ упомянуты еще дьяки; въ нѣсколькихъ городахъ губные старосты; въ нѣкоторыхъ городахъ упомянуты таможенныя избы, избы губныя, тіунская судебня, гдѣ судятся земскіе люди; въ нѣсколькихъ городахъ, какъ болѣе значительныхъ, такъ и совсѣмъ незначительныхъ, видѣли мы дворы государя царя и великаго князя, иногда даже по два и по три двора въ одномъ городѣ. Но, собирая подобныя свидѣнія изъ писцовыхъ книгъ, мы узнаемъ, все-таки только, какія именно власти были въ томъ или другомъ городѣ, но не можемъ сдѣлать никакихъ новыхъ, окончательныхъ выводовъ о тогдашнемъ управленіи городами вообще.

Мы окончили теперь нашъ общій обзоръ свѣдѣній о городахъ XVI в. вообще; намъ пришлось при этомъ уже не разъ повторять, что составъ городскаго населенія и занятія его были въ городахъ разныхъ мѣстностей тогдашняго Московскаго государства нѣсколько различны. Наше изслѣдованіе мы закончимъ указаніемъ, на какія группы распадались тогда города Московскаго государства по своимъ существеннѣйшимъ признакамъ. Собирая черты сходства и различія, мы видимъ, что города, изученные нами, распадались на слѣдующія группы: города сѣверозападные, центральные и города по южной и юговосточной окраинѣ,—группы, различавшіяся между собою во многихъ отношеніяхъ довольно замѣтно, причемъ особенности каждой группы вполнѣ объясняются тѣми особыми обстоятельствами, какія для каждой изъ нихъ имѣли значеніе.

Въ областяхъ Новгорода и Пскова во второй половинѣ XVI в., при обыкновенномъ ходѣ событій, города были наполнены жителями; только вслѣдствіе Ливонской войны и вторженія Баторія многіе пригороды Псковскіе совершенно запустѣли; но безъ такихъ обстоятельствъ жители здѣсь не стремились покидать городовъ. Вѣрность этого замѣчанія не можетъ быть оспариваема, ибо мы не только не видимъ въ городахъ этой области, до войны, пустыхъ дворовъ въ сколько-нибудь замѣтномъ количествѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, по южной и юговосточной окраинѣ въ массѣ приходцевъ, постоянно встрѣчающихся тамъ, совершенно не находимъ приходцевъ изъ области Новгорода и Пскова. Давно уже осѣвши и пользуясь большею безопасностью отъ непріятельскихъ нападеній, городское населеніе этой области занималось главнымъ образомъ земледѣліемъ — хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, хотя естественныя условія страны и не благопріятствовали этому

занятію особенно; посадская община была тутъ сильна и прочна, такъ что люди другихъ сословій, занимая участки общинной земли, должны были принимать участіе и въ тяглѣ. Земля, распаханная горожанами, и сѣнокосы, относившіеся къ городу, находились въ распоряженіи всей общины, но раздѣлялись на отдѣльные участки, и эти участки постоянно переходили отъ одного человѣка къ другому; хотя мы и не встрѣчали прямыхъ замѣчаній о томъ, на какомъ основаніи, почему совершались такіе переходы, но разсмотрѣніе всѣхъ случаевъ, относящихся къ этому вопросу, привело насъ къ убѣжденію, что производились передѣлы общинной земли; встрѣчались впрочемъ, но гораздо рѣже случаи и частной земельной собственности. Населеніе этихъ городовъ было почти сплошь посадское: какъ людей служилыхъ, такъ и людей ратныхъ было тутъ очень немного, и кажется только втеченіе борьбы съ Ливоніей и Польшей были поселены тутъ въ нѣкоторыхъ городахъ въ большомъ числѣ стрѣльцы или казаки; главнѣйшую массу населенія составляли здѣсь люди, прямо зависѣвшіе отъ государя, зависимые же отъ людей служилыхъ или отъ духовенства встрѣчались въ очень не большомъ числѣ; въ этихъ старыхъ уже городахъ отношенія между отдѣльными лицами разнообразнѣе, чѣмъ увидимъ мы въ другихъ мѣстностяхъ; здѣсь мы встрѣтили и наиболѣе раннее и полное опредѣленіе отношеній къ казакамъ и другимъ работникамъ, здѣсь мы видимъ шабровъ, здѣсь видимъ разныхъ подсусѣдниковъ, захребетниковъ; но, по нашему убѣжденію, подобныя отношенія и здѣсь не слагались даже довольно опредѣленно, не говоря уже рѣзко. Между отдѣльными городами этихъ областей также видимъ отношенія, какихъ не находили между отдѣльными городами въ другихъ мѣстностяхъ: Новгородъ и Псковъ были, несомнѣнно, большими торгово-промышленными центрами, а ихъ пригороды были поселеніями, въ которыхъ значительно преобладало земледѣліе, торговля же и ремесла были развиты очень мало: въ этомъ отношеніи они, очевидно, стояли въ сильной зависимости отъ своихъ центровъ; связь Новгорода и Пскова съ ихъ пригородами и въ это время были такимъ образомъ, очевидно, не только административная, но и культурно-экономическая: только въ Новгогодѣ и Псковѣ можно было найти ремесленниковъ и торговцевъ для удовлетворенія не только самыхъ первыхъ потребностей. Въ другихъ мѣстностяхъ тогдашней Россіи мы не увидимъ такой зависимости нѣсколькихъ меньшихъ городовъ отъ одного центральнаго, болѣе крупнаго.

Въ городахъ центральныхъ, подмосковныхъ составъ населенія разнообразнѣе: тутъ встрѣчаемъ мы уже довольно много дворовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; но сами они обыкновенно въ этихъ городахъ не жили, а лишь держали въ этихъ дворахъ дворниковъ, своихъ зависимыхъ людей. Число такихъ людей, т. е. зависѣвшихъ не прямо отъ государя, а отъ частныхъ и юридическихъ лицъ, было въ этихъ городахъ очень значительно, потому что тутъ было всегда еще множество людей, такъ или иначе зависѣвшихъ отъ церквей, жившихъ на церковной землѣ, людей въ архіепископскихъ и монастырскихъ слободахъ, наконецъ, нищихъ при церквахъ; самыя церкви въ этихъ городахъ замѣтно богаче, чѣмъ въ другихъ; въ городахъ этихъ были уже и ратные люди, хотя въ очень небольшомъ числѣ, ибо эти подмосковные города съ устройствомъ многихъ городовъ по правому берегу Оки начали утрачивать свое значеніе укрѣпленныхъ. Главнѣйшую же характеристическую черту этихъ городовъ составляетъ подчеркнутое нами выше бѣгство отсюда посадскихъ людей: мы застаемъ эти города, во второй половинѣ и въ самомъ концѣ вѣка, въ такомъ положеніи, что черные посадскіе люди составляютъ въ нихъ уже очень незначительную часть населенія, и по разнымъ книгамъ видно, что, начиная съ половины вѣка, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе пустѣютъ эти города; жители сотнями покидали свои дворы, и пустыя мѣста не занимались приходцами изъ другихъ областей; вслѣдствіе бѣгства же жителей, какъ разъясняли мы выше, оставались пустыми многіе дворы и послѣ смерти своихъ владѣльцевъ; населеніе отливало отсюда, главнымъ образомъ, къ югу и къ юговостоку, во вновь открывшіяся для русской колонизаціи области, но частью сходило и къ Москвѣ; фактъ этого бѣгствѣ, указанный уже мимоходомъ В. О. Ключевскимъ, подтверждается какъ положеніемъ центральныхъ городовъ, такъ съ другой стороны, и тѣмъ, что приходцевъ именно отсюда видимъ мы всего чаще въ городахъ окраинныхъ. Ближайшія причины этого бѣгства населенія именно изъ-подъ Москвы не выяснены еще; ихъ, конечно, нужно искать не только въ пріобрѣтеніи огромныхъ пространствъ на юговостокѣ, открывшемъ новыя мѣста для колонизаціи, а главнымъ образомъ въ мѣстныхъ условіяхъ, искать болѣе тѣхъ причинъ, которыя гнали жителей съ ихъ старыхъ мѣстъ, а не тѣхъ только, какія ихъ привлекали на новыя, а несомнѣнно были такія причины въ положеніи этихъ центральныхъ областей: мы уже отмѣчали, что изъ Псковской и Новгородской области переселенцевъ видимъ очень мало даже въ

тѣхъ мѣстностяхъ, установлять сношенія этихъ областей съ которыми старалось само правительство. Причины, гнавшія отсюда населеніе, лежали несомнѣнно, не въ положеніи однихъ городовъ, и были, конечно, слишкомъ важны, чтобы пытаться раскрыть ихъ въ изученіи только городовъ; поэтому теперь мы и ограничиваемся только констатированіемъ этого факта; приведенныя нами выше цифры объ этомъ бѣгствѣ достаточно ярко, думаемъ мы, иллюстрируютъ тѣ трудности, съ какими должно было совершаться даже въ XVI в. образованіе территоріи Московскаго государства, затѣмъ Россійской имперіи, въ силу естестественныхъ условій долженствовавшей распространиться такъ широко: присоединеніе къ русскому государству, къ русской цивилизаціи обширныхъ областей Поволжья, столь необходимо и естественно принадлежавшей великорусскому племени системы великой рѣки, стоило огромныхъ колебаній въ правильномъ теченіи народной жизни въ самомъ центрѣ государства. Изучая положеніе этихъ же городовъ, наталкиваемся и еще на нѣкоторые любопытные факты: жители этихъ городовъ,—одинаково и посадскіе черные, и ратные, и церковные,—почти не занимаются хлѣбопашествомъ; въ своихъ источникахъ, по крайней мѣрѣ, мы очень рѣдко встрѣчали указанія на земельные участки того или другаго лица при этихъ городахъ; и мы тѣмъ болѣе склонны считать это за вѣрное отраженіе дѣйствительно существовавшаго явленія, а не за особенность источника, что рядомъ со слабымъ развитіемъ въ этихъ городахъ земледѣлія, въ нихъ очень развита ремесленная дѣятельность, — и дѣствительно извѣстно, что около большихъ центровъ населеніе рѣдко пашетъ, а обыкновенно болѣе занимается интензивною обработкою земли—огородничествомъ или садоводствомъ,— или ремеслами; а здѣсь вліяніе близости большаго города сказывается еще и въ непропорціонально большомъ числѣ ремесленниковъ, изготовлявшихъ предметы не первой необходимости, — очевидно, здѣсь работали на удовлетвореніе потребностей Москвы. Теперь бываетъ обыкновенно наоборотъ, большой городъ снабжаетъ своими произведеніями цѣлую область; но тогда при отсутствіи всякаго фабричнаго и машиннаго производства столица, сосредоточивавшая, какъ и теперь, массу людей, ничего не производившихъ, нуждалась въ работѣ массы окрестнаго населенія. Въ области Новгорода и Пскова мы видѣли, что, наоборотъ, пригороды очень многое должны были получать для удовлетворенія своихъ потребностей изъ главныхъ городовъ; это доказываетъ, что Новгородъ и Псковъ были большіе промышленно-торговые центры, что

они были наполнены жителями, производившими болѣе, чѣмъ они потребляли. Если мы остановимся нѣсколько внимательнѣе на томъ явленіи, о которомъ мы теперь говоримъ, то увидимъ, что въ силу разныхъ причинъ, въ разныхъ областяхъ Московскаго государства были развиты не тѣ занятія, для какихъ болѣе благопріятствовали естественныя условія той или другой области, что, конечно, не могло не отразиться очень невыгодно на накопленіи національныхъ богатствъ. Въ самомъ дѣлѣ, хлѣбопашество, сравнительно со всякимъ ремесломъ, есть занятіе, болѣе всего нуждающееся въ безопасности для своевременнаго исполненія необходимыхъ работъ: ремесленникъ часто очень легко можетъ наверстать упущенное почему-либо время, а земледѣлецъ, разъ онъ не могъ во-время посѣять или выжать хлѣбъ, поправить этого часто не можетъ; такимъ образомъ, требуя безопасности, хлѣбопашество было болѣе всего удобно лишь для жителей сѣверныхъ областей, гдѣ почвенныя и климатическія условія вовсе этому не благопріятствовали; болѣе удобствъ представляла для этого центральная область,—но тутъ была столица, и жители болѣе чѣмъ гдѣ-либо занимались тутъ ремеслами; наконецъ, самая удобная для земледѣлія область, южная и юговосточная окраина, были самыми безпокойными, самыми небезопасными, такъ что и тутъ хлѣбопашество не составляло главнаго занятія жителей. В. О. Ключевскій уже отмѣтилъ это явленіе для временъ болѣе отдаленныхъ и обратилъ вниманіе, что вслѣдствіе этого развитіе въ одномъ случаѣ торговли, въ другомъ земледѣлія невыгодно отражалось на развитіи вообще другихъ отраслей промышленности [1]); признавая это замѣчаніе вполнѣ основательнымъ, мы считаемъ возможнымъ прибавить, что такое же явленіе замѣчается и еще втеченіе очень долгаго времени.

Города южной и юговосточной окраины сходны между собою во всѣхъ главныхъ чертахъ; наиболѣе существенное различіе тѣхъ и другихъ—то, что въ первыхъ населеніе сплошь русское, а во вторыхъ, рядомъ съ русскимъ, было довольно многочисленно и инородческое, частью ведущее даже свой прежній полукочевой образъ жизни, хотя уже и черезъ какія нибудь 15 лѣтъ послѣ завоеванія замѣтны существенные успѣхи русскаго вліянія; затѣмъ особенностью Казани было то, что туда правительство перевело торговцевъ изъ разныхъ другихъ городовъ; эти торговцы были поставлены тутъ въ привилегированное положеніе, получили бѣлые дворы

---

[1]) *Ключевскій*, Боярская дума, изд. 2, 12, 13, 315.

и много безоброчныхъ лавокъ; такихъ переведенцевъ мы не находимъ въ Свіяжскѣ, городѣ, по общимъ условіямъ весьма близкомъ къ Казани,—по всей вѣроятности, правительство, переселяя этихъ торговцевъ въ Казань, желало противопоставить въ ихъ лицѣ богатымъ мѣстнымъ инородцамъ богатыхъ же и дѣятельныхъ торговцевъ изъ русскихъ, тогда какъ въ Свіяжскѣ такихъ богатыхъ мѣстныхъ жителей инородцевъ, конечно, не было. Въ остальномъ Казань и Свіяжскъ совершенно похожи на города по южной окраинѣ Московскаго государства; всѣ они еще имѣли значеніе крѣпостей, и потому въ нихъ ратные люди составляли обыкновенно не менѣе трети всего числа жителей, а иногда и болѣе; въ самыхъ окраинныхъ городахъ почти все населеніе составляли ратные люди; они здѣсь и пахали, иногда въ довольно значительныхъ размѣрахъ, такъ что въ иныхъ случаяхъ они являлись совершенно военными поселенцами, вооруженными крестьянами. Люди служилые, дворяне и дѣти боярскіе, имѣли тутъ множество дворовъ; въ Казани и Свіяжскѣ очень многіе изъ нихъ сами постоянно и жили, смѣняясь черезъ опредѣленные промежутки времени; въ другихъ городахъ сами они жили рѣже, но за то на всѣхъ почти дворахъ держали своихъ дворниковъ; люди ратные и дворники служилыхъ людей и составляли главную массу населенія въ большинствѣ окраинныхъ городовъ; дворники были, повидимому, холопами дѣтей боярскихъ; или часто были люди посадскіе и бывшіе посадскіе, но оставившіе это состояніе, переходя въ дворничество къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; и дворники, и ратные люди въ значительной степени занимались ремеслами и торговлей; въ Тулѣ же ремесленная дѣятельность находилась главнымъ образомъ въ рукахъ дворниковъ, т. е. людей, зависимыхъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а не въ рукахъ людей черныхъ. Посадская община является здѣсь еще крайне слабою; она и не могла еще получить тутъ своего окончательнаго устройства, потому что населеніе сюда еще только собиралось, приходцевъ тутъ вообще очень много; земледѣліемъ посадскіе люди занимались здѣсь очень мало; частью это объясняется тѣми причинами, о которыхъ мы говорили уже выше, т. е. отсутствіемъ необходимой безопасности, частью же, быть можетъ, и характеромъ мѣстныхъ жителей,—бѣжали сюда, быть можетъ, вообще люди, менѣе склонные къ земледѣлію, менѣе спокойные, усидчивые. Уходили сюда преимущественно люди изъ центральныхъ областей, но уже и здѣсь начинаетъ обнаруживаться склонность къ бродяжничеству—мы находимъ много людей, мѣнявшихъ свое мѣсто жи-

тельства въ предѣлахъ очень ограниченнаго района, т. е. слѣдовательно, въ мѣстахъ съ одинаковыми, въ общихъ чертахъ, условіями жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ не находимъ ничего подобнаго той экономической связи между отдѣльными городами, какую отмѣчали мы въ Новгородской и Псковской области. Неблагопріятно для посадской общины было еще и то, что не только не несли общиннаго тягла нетяглые люди, занимавшіе участки черной земли, а выводили эту землю изъ тягла, но еще часто и черные люди, прежніе владѣльцы того или другаго участка, выходили изъ числа посадскихъ и закладывались за служилаго человѣка, дѣлаясь у него дворникомъ. Мы отмѣтили уже выше, что само правительство черезъ воеводъ содѣйствовало иногда такому переходу участковъ общинной земли въ руки бѣломѣстцевъ, переходу, который такъ часто велъ за собой выходъ и чернаго человѣка изъ своего сословія; причина такого отношенія къ этому правительства ясна: служилые люди были тутъ необходимы, они несли тутъ дѣйствительную службу, и нельзя было наложить на нихъ еще общинное тягло. Различныя, очень важныя, причины мѣшали созданію здѣсь прочной общины и нормальному, правильному теченію ея жизни. Къ концу вѣка на южную окраину Московскаго государства собралось множество бродячаго элемента, людей, которые искали жизни лучшей, болѣе привольной, и попадали въ условія, отличавшіяся отъ тѣхъ, отъ какихъ они бѣжали, очень рѣзко, но едва-ли въ условія лучшія, и—что особенно важно—не опиравшіяся на такіе же твердые устои на какихъ основывалась народная жизнь въ исконно русскихъ областяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.
